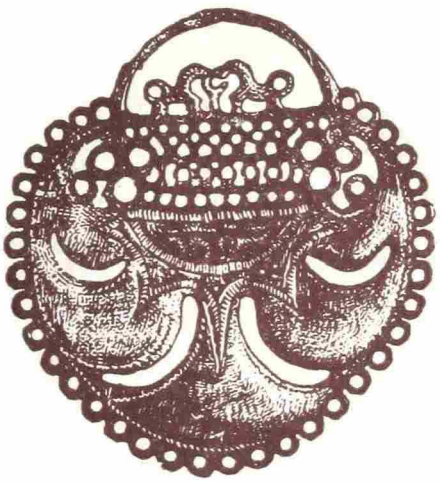
ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1

1982

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1982

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Б. А. Рыбаков (главный редактор)
И. И. Артеменко, Н. Н. Гурина,
В. И. Козенкова (отв. секретарь), *Г. А. Кошеленко, В. В. Кропоткин,*
Л. Р. Кызласов, В. М. Массон, Н. Я. Мерперт, Р. М. Мунчаев,
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский,
С. А. Плетнева (зам. главного редактора),
А. А. Формозов

СОДЕРЖАНИЕ

Формозов А. А. (Москва). Проблема древнейшего человека в русской печати XIX столетия (наука, церковь, цензура) 5
Артемова В. Д. (Москва). Микролитический инвентарь 2-го слоя Костенок VIII (Тельманская стоянка) 21
Масленников А. А. (Москва). Некоторые особенности некрополей городов европейского Боспора первых веков нашей эры 33
Алексеев В. П. (Москва). Опыт антропологической оценки скульптур Халчаяна и Дальверзина 44
Егорейченко А. А. (Москва). К истории населения Белоруссии в раннем железном веке 54
Кушнир И. И. (Новгород). К топографии Неревского конца Новгорода в XVI веке 62
Гамзатов Г. Г. (Махачкала). Историческая топография позднесредневекового Дербента (XIII—XVII вв.) 71

Публикации

Телегин Д. Я., Филенко О. С. (Киев). Могильник среднестоговской культуры в Днепровском Надпорожье 80
Фам Ли Хыонг (Ханой, Вьетнам). Состав глины расписной керамики ранних земледельцев Южного Туркменистана 88
Денисова В. И. (Ленинград). Новый эпиграфический документ из Ольвии 95
Колотухин В. А. (Симферополь). Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму 105
Смирнов К. Ф. «Амазонка» IV века до н. э. на Дону 120
Давыдова А. В. (Ленинград). О социальной характеристике населения Забайкалья по данным Иволгинского могильника 132
Рахматуллаев И. (Пенджикент). Жилой квартал древнего городища Пенджикент 143
Кутайсов В. А. (Симферополь). Четырехапсидный храм Херсонеса . . 155
Манылов Ю. П., Юсупов Н. Ю. (Нукус). Караван-сараи Центрального Устюрта 170

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1982 г.

Федорова Н. В. (Ленинград). Два серебряных сосуда из района г. Сургута 183
Леньков В. Д., Щека С. А. (Владивосток). Опыт выявления сырьевой базы чжурчженьской металлургии по данным физико-химических анализов 195

Заметки

Журавлев А. П. (Петрозаводск). Сырьевая база кремневых орудий бассейна Онежского озера 204
Александренков Э. Г., Жилин М. Г. (Москва). Мезолитическая стоянка в Смоленском Поднепровье 207
Эрдниев У. Э. (Элиста). Курган древнеямной культуры в Калмыкии . . 213
Шилов В. П. (Москва). Топор майкопской культуры в Калмыкии 215
Багаутдинов Р. С., Пятых Г. Г. (Москва, Куйбышев). Срубные погребения I Осинковского могильника 219
Телегин Д. Я. (Киев). Старосельский клад поздней бронзы из Черкасской области 222
Гришин Ю. С. (Москва). К вопросу о датировке забайкальско-монгольских писаниц 224
Татаринов С. И. (Артемовск). Раннескифское погребение из Приазовья 227
Данилов С. В. (Москва). Ритуальные захоронения баранов в Забайкалье 229
Онайко Н. А. (Москва). О датировке горгиппийских кирпичей с тамгообразным клеймом 233
Горончаровский В. А. (Ленинград). Свинцовая гиря из Илурата 236
Кубышев А. И., Орлов Р. С. (Киев). Уздечный набор XI века из Ново-Каменки 238
Кузьменко Ю. К. (Ленинград). Надпись-граффити на подвеске со знаком Рюриковичей 247
Молчанов А. А. (Москва). Тмутараканский чекан князя Олега-Михаила Святославича 251
Гайдуков П. Г., Сергина Т. В. (Москва). Монетный штемпель первой трети XVI века из Пскова 255
Чижова Л. В. (Москва). Об одном сюжете культовых пластин Прикамья 260

Критика и библиография

Голенцов А. С. (Москва). Драчук В. С., Кара Я. Б., Челышев Ю. В. Керкинитида — Гёзлёв — Евпатория. Серия Археологические памятники Крыма. Симферополь, 1977 262
Сапрыкин С. Ю. (Москва). [Рец.]. Новые книги о древней Колхиде . . . 265
Плетнева С. А. (Москва). Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979 271
Николаева Т. В. (Москва). Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980 275
Башилов В. А. (Москва). Trigger B. Time and Traditions. Essays in archaelogical interpretation. Edinburgh, 1978 279
Генинг В. Ф. (Киев). Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977; Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981 284

Хроника

Кызласов И. Л., Могильников В. А. (Москва). Конференция «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий» 294
Памяти Григория Дмитриевича Белова 298
Памяти Ванды Иосифовны Мошинской 300
Памяти Ираиды Борисовны Зеест 301

ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

Founded in 1957

SOVIET ARCHAEOLOGY

№ 1
1982

Editor-in-Chief B. A. RYBAKOV

CONTENTS

Formozov A. A. (Moscow). The Fossil Man in the 19th-Century Russian Press (Science, Church, Censorship) 5
Artyomova V. D. (Leningrad). Microlithic Complex of the 2nd Kostyonki-VIII Layer (Telman Site) 21
Maslennikov A. A. (Moscow). Features of First-Centuries Necropolises of European Bosporan Cities 33
Alexeyev V. P. (Moscow). Anthropological Studies of Khalchayan and Dalverzin Sculptures 44
Egoreichenko A. A. (Moscow). The Population of Byelorussia in the Early Iron Age 54
Kushnir I. I. (Novgorod). The Topography of the Nercvsky District in 16th Century Novgorod 62
Gamzatov G. G. (Makhachkala). Historical Topography of 13th-17th Century Derbent 71

Publications

Telegin D. Ya., Filenko O. S. (Kiev). A Sredniy Stog Burial Ground in the Region Higher the Dnieper Rapids 80
Pham Lý Hůóng (Hanoi, Vietnam). Ornamented Ceramics of the Early Land-Tillers of Southern Turkmenistan 88
Denisova V. I. (Leningrad). A New Epigraphic Document from Olbia . . 95
Kolotukhin V. A. (Simferopol). Survey of Pre-Scythian and Scythian Crimean Monuments 105
Smirnov K. F. A 4th-Century Amazon from the Don 120
Davydova A. V. (Leningrad). Social Composition of the Trans-Baikal Population as Evidenced by the Ivolga Burial Ground 132
Rakhmatullayev I. (Penjikent). Residential Area of the Penjikent Fortified Settlement 143
Kutaisov V. A. (Simferopol). The Chersonese Four-Apse Temple 155
Manylov Yu. P., Yusupov N. Yu. (Nukus). Karavan-Sarais of the Central Usturt 170
Fedorova N. V. (Leningrad). Two Silver Vessels from the Surgut Region 183
Lenkov V. D., Shcheka S. A. (Vladivostok). An Attempt at Determining the Raw-Material Base of the Chzhurchzhenien Iron Metallurgy Using Physico-Chemical Analysis 195

Notes

Zhuravlev A. P. (Petrozavodsk). A Raw-Material Base of Flint Tools of the Onezhskoye Lake Basin 204
Alexandrenkov E. G., Zhilin M. G. (Moscow). A Mesolithic Site on the Dnieper in Smolensk Region 207
Erdniev U. E. (Elista). An Ancient Pit-Grave Culture Mound in Kalmykia . . 213
Shilov V. P. (Moscow). An Axe of the Maikop Culture in the North Caucasus 215
Bagautdinov R. S., Pyatykh G. G. (Moscow, Kuibyshev). Framework-Grave Culture Burials of the Osinki-1 Burial Ground 219
Telegin D. Ya. (Kiev). The Late Bronze Age Hoard from Staroselye Village (Cherkassy Region) 222
Grishin Yu. S. (Moscow). Dating of Trans-Baikal and Mongolian Petroglyphs 224

Tatarinov S. I. (Artemovsk). An Early Scythian Burial on the Asov Sea Coast 227
Danilov S. V. (Moscow). Ritual Ram Burials in the Trans-Baikal Region . . 229
Onaiko N. A. (Moscow). Dating of Stamped Bricks from Gorgippiya 233
Goroncharovsky V. A. (Leningrad). A Lead Weight from Ilurat 236
Kubyshev A. I., Orlov R. S. (Kiev). An 11th-Century Bridle Set from Novo-Kamenka 238
Kuzmenko Yu K. (Leningrad). A Graffito on a Pendant Carrying a Sign of the Ryurikovichis 247
Molchanov A. A. (Moscow). Prince Oleg-Mikhail Svyatoslavich's Battle-Axe from Tmutarakan 251
Gaidukov P. G., Sergina T. V. (Moscow). A Mintage of the First Third of the 16th Century from Pskov 255
Chizhova L. V. (Moscow). One of the Subjects on Ritual Plates from the Kama Region 260

Reviews and Bibliography

Golentsov A. S. (Moscow). Drachuk V. S., Kara Ya. B., Chelyshev Yu. V. «Kerkinitida — Gezlev — Evpatoria». Archaeological Monuments of the Crimea series. Simferopol, 1977 262
Saprykin S. Yu. (Moscow). [Rev.] New Books on the Ancient Colchis 265
Pletneva S. A. (Moscow). Kyzlasov L. R. Ancient Tuva (from the Palaeolithic to the 9th Century), Moscow, 1979 271
Nikolaeva T. V. (Moscow). Alexeyev L. V. Smolensk in the 9th-13th Centuries. Essays on the History of Smolensk Region and Eastern Byelorussia. Moscow, 1980 275
Bashilov V. A. (Moscow). Trigger B. Time and Traditions. Essays in Archaeological Interpretation. Edinburgh, 1978 279
Gening V. F. (Kiev). Mazhitov N. A. South Urals in the 7th-14th Centuries. Moscow, 1977; Mazhitov N. A. 8th-12th Centuries South Ural Mounds. Moscow, 1981 284

Chronicle

Kyzlasov I. L., Mogilnikov V. P. (Moscow). «Ethnogenesis and Ethnic History of the Turkic Population of Siberia and the Neighbouring Territories» Conference 294
In Memory of G. D. Belov 298
In Memory of V I. Moshinskaya 300
In Memory of I. B. Zeyest 301

ФОРМОЗОВ А. А.

ПРОБЛЕМА ДРЕВНЕЙШЕГО ЧЕЛОВЕКА В РУССКОЙ ПЕЧАТИ XIX СТОЛЕТИЯ

(наука, церковь, цензура)

До того как сложились современные представления о древнейших этапах истории, наука должна была пройти долгий путь накопления разрозненных эмпирических наблюдений в разных областях знания. Изучение животного мира подводило мыслителей к идее эволюции, возникновения человека в итоге постепенного развития от примитивных предковых форм, а не в результате краткого акта творения. С первых десятилетий XIX в. начались поиски останков «допотопных людей». Сведения о народах Нового Света, живущих родо-племенным строем и не знающих государства, позволяли предполагать, что та же стадия была в истории всех народов, в том числе и европейских. Наконец, находки кремневых наконечников стрел и каменных сверленых топоров показывали, какой характер имела материальная культура глубокой древности. Некогда считалось, что эти предметы образуются в месте удара молнии в землю, но уже в XVII—XVIII вв. догадались, что это оружие незапамятных времен.

Накопление этих разнородных данных завершилось в середине XIX в. качественным скачком — быстрым оформлением науки о первобытном человечестве. Решающими моментами здесь были выход книг Чарлза Дарвина «Происхождение видов» (1859) и «Происхождение человека» (1871); официальное признание в 1857 г. палеолитических орудий, открытых на Сомме Жаком Буше де Пертом (1788—1868), появление трудов этнографов-эволюционистов (Э. Тайлора и др.). Не привлекавшие ранее внимания коллекции из раскопок Эдуарда Ларте (1801—1878), начатых в 1836 г. во французских пещерах, и из сборов Буше де Перта, ведшихся с 1832 г., стали отправной точкой для дальнейших исследований каменного века.

Тот же путь, что и вся мировая наука, проделала молодая наука России. Идея эволюции была близка ряду русских ученых XVIII — начала XIX в. (М. В. Ломоносов, А. А. Каверзнев и др.). Уже в 1777 г. был переведен трактат ученика Карла Линея Х. Э. Гоппиуса о приматах [1]. Ученик Адама Смита по университету в Глазго Семен Ефимович Десницкий (около 1740—1789) развивал его взгляды на ранние этапы истории общества в речи, опубликованной под названием «Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оное приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими, говоренное... в торжественном Московского университета собрании июля 30 дня 1775 года юриспруденции доктором и профессором Семеном Десницким».

Еще в 1731 г. в приложении к первой русской газете «Санкт-Петербургские ведомости» была помещена статья «О перунах, или громовых стрелах», утверждавшая, что «они у наших древних предков вместо военного оружия были» [2, с. 366]. (Автор статьи неизвестен, но, поскольку она служила продолжением публикаций о громе в предшествующих номерах, это скорее ученый-естественник, чем гуманитарий.) С тех пор и до 1860-х годов, когда увидели свет первые отечественные исследования о каменном веке, в печать постоянно просачивались сведения о случайных находках кремневых наконечников стрел и ножей, полированных

топоров и долот [3, с. 13—30]. В 1837 г. настоящие раскопки неолитической стоянки Полуденка в Зауралье провел преподаватель Выйской гимназии Иродион Матвеевич Рябов (1811—1863), а в 1845 г.— главный кассир Нижнетагильского завода Дмитрий Петрович Шорин (1817—1903) [1]. При раскопках были найдены «каменное копьеце» и «орудие из твердого зеленого камня, с одной стороны заостренное, похожее на широкий нож» [4, с. 311; 5].

В 1829—1838 гг. о поисках останков «допотопных людей» за рубежом регулярно информировали русских читателей «Живописное обозрение», «Библиотека для чтения», «Вестник естественных наук» и особенно созданный в 1825 г. и существующий поныне «Горный журнал» [6, с. 138—143; 7, с. 17—20; 8, с. 48—56; 9, с. 204; 10, с. 60—67; 11, с. 465—466 12, с. 370—374; 13, с. 26—43]. В статье биолога Эдуарда Ивановича Эйхвальда (1795—1876) в «Библиотеке для чтения» за 1838 г. прямо говорилось, что открытие ископаемого человека не за горами, и он, конечно, будет отличаться от современного рядом унаследованных от животного признаков. Предлагалось даже латинское название его — Palaeanthropos [14, с. 126—128].

В 1842 г. профессор геологии Петербургского университета Степан Семенович Куторга (1805—1861), по свидетельству К. А. Тимирязева, ставший в дальнейшем первым пропагандистом идей Дарвина в России, описал два древних человеческих черепа, найденных в Белоруссии [15, с. 35—39].

Но эта заметка на немецком языке, затерянная в малодоступном издании, стоит особняком. В целом до 1860-х годов специальных работ русских ученых об ископаемых людях и каменном веке не появлялось. Более того, в 1840—1856 годах нет в наших журналах и информаций об открытиях на Западе. Это, конечно, не случайно. Нельзя предположить, что основной переводчик зарубежных статей по палеонтологии в «Горном журнале» Александр Михайлович Карпинский (1804—1859), увлекшись модным вопросом о «допотопном человеке», поместил шесть рефератов на эту тему, а потом почему-то охладел к ней. В 1857 г. в том же «Горном журнале» напечатан новый реферат статьи того же автора — Марселя де Серра (1780—1862), чьи сообщения излагались тут в 1829 и 1830 гг. [16, с. 457—459]. Значит, интерес к данной проблематике вовсе не был утрачен. Просто на 25 лет она оказалась закрытой для печати.

Другой факт: в 1825 г. Э. И. Эйхвальд передал музею Петербургского горного института два нефритовых и два яшмовых долота, найденные близ Нерчинска [17, с. 6]. Сведения об аналогичных находках собирал он и позже, но поделился ими с читателями только в 1857 и 1860 гг. [18, с. 280, 281, табл. I—IV; 19, с. 377—487].

Все мы со школьных лет знаем, какую мрачную роль играла царская цензура в жизни русской литературы, как страдали от цензурного гнета Пушкин, Гоголь, Некрасов. Но нередко забывают, что этот гнет был не менее, а, пожалуй, еще более страшен для науки. В художественном произведении многое можно сказать вскользь, намеком, в подтексте. Ученый обязан разъяснять свои идеи до предела, и тем самым его труды оказываются крайне удобной мишенью для обстрела любых чиновников и обскурантов.

Библейские сказания о создании мира 7000 лет назад, о сотворении человека богом считались в России XIX в. неприкосновенными. Не допускались никакие разговоры о древнейших людях, сохранявших в своем строении животные черты, живших в такие отдаленные времена, когда по земле ходили стада мамонтов. «Всякая вредная теория, таковая, как, например, о первобытном зверском состоянии человека, будто бы естественном... и тому подобные, отнюдь не должны быть одобряемы к печатанию»,— говорится в § 190 «Устава о цензуре», составленного в 1826 г. министром просвещения А. С. Шишковым и его помощником П. А. Ши-

[1] Даты жизни И. М. Рябова и Д. П. Шорина любезно сообщил мне сотрудник Тагильского музея П. К. Халяев.

ринским-Шихматовым [20, с. 176] (вспоминается пушкинская эпиграмма: «Уму есть тройка супостатов — Шишков наш, Шаховской, Шихматов»).

После поражения декабристов и польского восстания 1830 г., а особенно после революции 1848 г., подошедшей к границам России и вызвавшей интервенцию царизма в Венгрию, реакция усилилась. 1848—1856 гг. памятны как «страшное десятилетие», как «моровая полоса» (А. И. Герцен) в жизни русской интеллигенции. 2 апреля 1848 г. был создан «Бутурлинский негласный комитет по делам печати», контролировавший все другие существовавшие до того цензурные ведомства. Распущен он был только после смерти Николая I 6 декабря 1855 г. [21, с. 205—306].

Ко времени деятельности комитета относятся два любопытных для нас эпизода. В 1850 г. «Курские губернские ведомости» опубликовали статью «Об ископаемых Курской губернии». Автор ее — Владимир Константинович Гутцейт — гимназический врач-краевед, интересовавшийся главным образом палеонтологией, в согласии с Библией писал, что человек возник 7000 лет назад, но показал, что до того в течение долгого времени развивались разные формы животного и растительного мира [22, с. 136—139, 145—148]. Сменивший в комитете умершего Д. П. Бутурлина генерал Н. П. Анненков обратил внимание министра просвещения П. А. Ширинского-Шихматова на эту статью, поскольку «в ней миросоздание и образование нашей планеты и самое появление на свете человека изображаются и объясняются по понятиям некоторых геологов, вовсе не согласным с космологиею Моисея в его книге Бытия». После этого Николай I повелел «неофициальную часть губернских ведомостей подвергнуть общей цензуре» [21, с. 267; 23, с. 384—390].

Через четыре года в «Распоряжении Санкт-Петербургскому цензурному комитету» от 17 декабря 1854 г. по поводу статьи «Фантастическая зоология», принадлежавшей, возможно, И. Е. Забелину [24, с. 1—11; 25, с. 28], вновь подчеркивалось: «...цензура обязана отстранять всякие рассуждения, могущие поколебать верование читателей в непреложность церковных преданий» [20, с. 299]. Вот почему нет статей о древнейшем человеке в наших журналах середины прошлого столетия.

Но время шло. В 1855 г. кончилось мрачное царствование Николая I. Началась эпоха реформ. В стране сложилась революционная ситуация. На историческую арену вышло поколение «шестидесятников». Все это способствовало тому, что запретная ранее проблема ископаемого человека проникла на страницы печати, стала освещаться с университетских кафедр.

Как переломный момент может быть выделен 1859 г., когда в разных периодических органах увидели свет две переводные статьи на интересующую нас тему: Джона Прествича (1812—1896) об открытиях Буше де Перта и посещении местонахождений на Сомме английскими геологами [26, с. 229, 230] и немецкого географа Карла Риттера (1779—1859) о свайных постройках Швейцарии [27, с. 76—82]. Чуть позже официальный «Журнал министерства народного просвещения» предоставил свои страницы для изложения доклада Чарлза Лайеля (1797—1875) в Париже — «Появление человека на земле». Реферат принадлежал молодому зоологу Николаю Николаевичу Страхову (1828—1896), ставшему потом видным философом и критиком, другом Достоевского и Льва Толстого [28, с. 1—9]. 10 октября 1859 г. выдающийся биолог академик Карл Максимович Бэр (1792—1876) прочел в Русском географическом обществе доклад «О древнейших обитателях Европы», познакомив слушателей с достижениями «доисторической археологии» во Франции, Дании, Швейцарии, где он только что побывал в командировке. Опубликовали этот доклад в 1863 г. [29, с. 213—220]. Одновременно выпускавшийся Академией наук и рассчитанный на широкие слои читателей «Месяцеслов на 1864 год» поместил более пространный вариант работы Бэра, содержавший и 23 рисунка — каменных орудий, реконструкцию поселка на сваях и т. д. [30, с. 25—65].

То были первые ласточки. Затем книжный рынок затопил целый по-

ток изданий по первобытной археологии и антропологии. Началось с переводов. Все сколько-нибудь примечательные иностранные сочинения о происхождении видов, ископаемом человеке и его культуре, не пропускавшиеся прежде цензурой, оказались доступными нашим читателям в 1860—1870-х годах. Наряду с трудами Ч. Дарвина, Т. Гексли и др. были переведены и книги, посвященные каменному веку или уделявшие ему много внимания. Самая ранняя из них подготовлена в 1861 г. Академией наук. Это — «Северные древности королевского музея в Копенгагене» — таблицы рисунков с экспонатов и краткие пояснения к ним одного из создателей «системы трех веков» — Иенса Якоба Ворсо (1821—1885) [31]. Академия купила в Дании матрицы этого альбома, а Петербургская типография воспроизвела его целиком, включая и оригинальный текст. Параллельно дан перевод, выполненный хранителем Этнографического музея Леопольдом Федоровичем Радловым (1818—1865) [32, с. 205, 206].

В дальнейшем для переводов чаще выбирали книги иного характера — популярные обзоры, публичные лекции. Вспомним заявление Д. И. Писарева как раз этих лет, что пропаганда знаний нужна России больше, чем специальные исследования. Вслед за серьезной сводкой Ворсо в 1863 г. вышла довольно поверхностная брошюра немецкого ботаника и популяризатора науки Маттиаса Якоба Шлейдена (1804—1881) «Древность человеческого рода». В 1865 г. она была переиздана в дополненном виде [33]. Несколько раз в разных переводах печатались в 1860-х годах лекции о первобытном человеке другого немецкого популяризатора биологии — Карла Фогта (1817—1895), пользовавшегося тогда в России огромным успехом [34, с. 209—411; 35, т. II; 36] [2].

Издатель брошюры Шлейдена О. И. Бакст, убедившись, что затронутая в ней тема вызывает всеобщее внимание, рискнул выпустить солидную монографию по тому же вопросу: «Геологические доказательства древности человека» Чарлза Лайеля. Переводчиком был Александр Онуфриевич Ковалевский (1840—1901), молодой биолог, в будущем академик, основоположник эволюционной эмбриологии и физиологии. В России труд Лайеля прочли всего на год позже англичан — в 1864 г. [37]. Затем были переведены еще две английские книги. Одна — этнолога Эдуарда Тайлора (1832—1917) — касалась каменного века лишь походя [38], другая — «Доисторические времена» Джона Леббока (1834—1913) — в большей мере построена на археологическом, чем на этнографическом, материале [39]. В 1870 г. появился перевод и одной французской книжки — «Первобытный человек» — популяризатора естествознания Луи Фигье (1819—1894). В Париже она опубликована в том же году [40].

Почти все перечисленные книги сопровождались дополнениями русских ученых. Альбом Ворсо предваряет введение (с. III—XII) двух академиков — биолога К. М. Бэра и языковеда Антона Антоновича Шифнера (1817—1879). Рассказав о «системе трех веков», они призывали к исследованию первобытных древностей России. Находки предлагалось присылать в Этнографический музей Академии наук.

Второе издание брошюры Шлейдена дополнено лекцией Бэра в Географическом обществе. Есть примечания анонимных переводчиков и в книгах Фогта и Фигье. Но больше всего добавок в книге Леббока. Она вышла под редакцией Дмитрия Николаевича Анучина (1843—1923), виднейшего русского антрополога и географа, в будущем академика. Его вставки достигают трех печатных листов и даны как в тексте в квадратных скобках, так и в подстрочных примечаниях и в приложении в конце тома. Тут говорится и о последних открытиях за рубежом (Анучин судил об этом не только по литературе; при заграничных командировках он бывал на раскопках во Франции, встречался с Г. Мортилье и другими археологами), и о находках в России. Редактор успел вставить сюда

[2] Выделим имя издателя Павла Александровича Гайдебурова (1841—1894). Это прогрессивный журналист, участник революционного движения 1860-х годов. Переводчик изданной им книги Фогта не указан, но одно из примечаний к ней [34, т. II, с. 90] подписано А. Ковалевским. Возможно, А. О. Ковалевский перевел не только труд Лайеля, но и эти лекции Фогта.

сведения о первой палеолитической стоянке, обнаруженной в нашей стране в 1873 г. (его информатор явно был украинец — названа стоянка не Гонцы, а «Хонцы»), упомянул о коллекциях каменных орудий, собранных в Литве, Латвии и Эстонии, опубликовал рисунки нескольких неолитических изделий. В 1870-х годах были переведены и две обзорные статьи о палеолитических пещерных стоянках — французского антрополога Поля Брока (1824—1880) и немецкого геолога Оскара Фрааса (1824—1887) [41, с. 121—173; 42, с. 91—114].

К этим переводам примыкают и первые русские книги о древнейшем человеке, пока еще не оригинальные, а компилятивные. Самая ранняя из них — брошюра Д. П. Сонцова «О каменном веке» (1870) [43]. Дмитрий Петрович Сонцов (1803—1875) в молодости был военным, участвовал в польской и венгерской кампаниях, состоял адъютантом при И. Ф. Паскевиче. Выйдя в середине века в отставку, увлекся коллекционированием монет и древнерусской утвари. Собирал он и каменные орудия [44, с. 217—224]. Сонцов прочел ряд иностранных изданий и грамотно изложил выводы, содержавшиеся в трудах Ж. Буше де Перта, Ч. Лайеля, Э. Ларте, Г. Кристи, Д. Леббока, Ф. Келлера, И. Ворсо. Кратко охарактеризованы палеолитические стоянки Франции — Брюникель, Ориньяк, Мадлен, раковинные кучи Дании, свайные поселки Швейцарии. В книге 24 небольших рисунка разных древних изделий, заимствованные из зарубежных сводок.

Вполне добротен и очерк 1880 г. «Из первобытной жизни человека» Лазаря Константиновича Попова (1851—1917), популяризатора естествознания, автора книг «Душа человека и животных», «Жизнь как движение», «Домашняя кошка», «Радий и его спутники» и др. Правда, источники Попова в данном случае не очень обширны: прежде всего перевод Д. Леббока, откуда взяты абсолютно все иллюстрации и приводятся десятки цитат, а также К. Фогт, Э. Тайлор и П. Брока. Из находок в России привлечены только те, что включены Д. Н. Анучиным в текст Леббока [45].

Совсем поверхностна брошюра карманного формата: «Об археологии доисторической и следах древнейшего человека на земле» — переложение упомянутой выше книжки Л. Фигье [46]. Автор обозначен: А. К.....н. Имя его удалось узнать. Это Александр Трофимович Китицын (1819—1886), служивший в Варшаве цензором [47, с. 19, 20].

Любопытна книга с длиннейшим названием: «Основания науки антропоэтнологии, или законы отношений между человеком и природой. Жизнь человечества в ее историческом развитии и современном состоянии, сравнительное изложение телесного строения народов, их характера, образа жизни, нравов, обычаев, верований в зависимости от их местности. Важнейшие физиологические, политические, исторические и пр. вопросы, связанные с антропоэтнологией. Сочинение Октавия Мильчевского» [48]. Это пересказ в неприятно развязной манере двух немецких книг по антропологии — Иосифа Перти (1804—1884) и Теодора Вайца (1821—1864). Есть тут и разделы о каменном веке: о работах Буше де Перта и Лайеля, об эолитах и неандертальце, о свайных постройках и т. д. Всерьез принимать все это не приходится, но и предавать забвению не стоит. Перед нами свидетельство огромного интереса общества к только что возникшим наукам, что вызвало появление и такого сорта литературы. В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», придерживавшемся обычно сухо-объективного тона, сказано: «Мильчевский Октавий Васильевич... с конца 1860 гг. стал почти исключительно составлять книги (до 40) для московских лубочных издателей... Писание о чем угодно, наспех обусловило массу ошибок... Пробовал М. писать рецензии... но затем возвращался к составлению спекулятивных книг с широковещательными заглавиями. Умер М. в 1880 гг.» [49, с. 318].

Из журнальных статей надо назвать публикации Петра Ивановича Лерха (1828—1884). Протоколист Академии наук, помощник библиотекаря Петербургского университета, так и не защитивший магистерскую диссертацию, на деле он был очень образованным человеком, крупным

востоковедом [50, с. 57—66]. В 1860-х годах его увлекла рождавшаяся на глазах новая научная дисциплина, и он постарался всерьез ее освоить. В «Известиях Археологического общества» он поместил большой очерк первобытной археологии Европы. В отличие от немного более ранних статей К. М. Бэра здесь приведены сведения не только о раскопках в Дании, Швейцарии и Франции, но и об отдельных каменных и бронзовых изделиях из России [51, с. 145—169, 310—323, 201—220]. Лерх изучал их в подлинниках в частных собраниях. В 1865 г. он объехал Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии, чтобы разузнать о каменных орудиях [52, с. 196, 197], а в 1869 г. участвовал в IV конгрессе доисторической археологии в Копенгагене. Все, что он опубликовал на эти темы, выполнено на уровне мировой науки того времени. Об успехах и проблемах первобытной археологии можно было узнать не только из книг и журналов, но и из газет — столичных и провинциальных. Особенно много таких статей в «Олонецких губернских ведомостях» [53, с. 861, 862].

Все названные издания — переводные и оригинальные — помогли русским читателям составить первое представление о начальных этапах истории по материалам, выявленным в Западной Европе. Вскоре наши ученые приступили к разработке этой проблемы на отечественных материалах. Профессор Дерптского университета Константин Иванович Гревингк (1819—1887) напечатал два обзора находок каменных орудий в Прибалтике [54; 55]. Хранитель Зоологического музея Академии наук Иван Семенович Поляков (1847—1887) за 15 лет своей неутомимой полевой работы обследовал десятки неолитических стоянок — в Прионежье и на Верхней Волге, в Тункинской котловине и на Сахалине, а в 1879 г. открыл палеолит в Костенках [56; 57, с. 1—164]. Молодой биолог Константин Сергеевич Мережковский (1859—1921) за два полевых сезона — 1879 и 1880 гг.— обнаружил культурные слои эпохи палеолита в нескольких крымских пещерах [58, с. 106—146; 59, с. 104—130]. В 1878—1882 гг. вел сборы разнообразных остатков неолитического времени на строительстве Ладожских каналов профессор геологии Петербургского университета Александр Александрович Иностранцев (1843—1919) [60]. В 1877 раскапывал палеолитическую стоянку Карачарово на Оке председатель Московского археологического общества Алексей Сергеевич Уваров (1825—1884). В 1881 г. он выпустил двухтомный фундаментальный труд «Археология России. Каменный период».

Большое значение для популяризации знаний о первобытном человеке и его культуре имела Антропологическая выставка 1879 г., организованная Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

В итоге в 1860—1870-х годах новый взгляд на происхождение человека и начало его истории был усвоен самыми широкими слоями русского общества.

Известно, какую огромную роль играли в 1860-х годах в жизни передовой русской молодежи естественные науки. У последователей Писарева возник настоящий культ естествознания. Волновала их и проблема древнейшего человека. В 1864 г. Писарев послал в редакцию «Русского слова» написанную в Петропавловской крепости статью «Прогресс в мире животных и растений». Ссылаясь на Лайеля и Фогта, он говорил: «Открытие ископаемых людей было особенно жестоким ударом для заносчивости ревностных систематиков... Особенно сокрушительно для них то обстоятельство, что открытие это сделано не в Австралии, не в Африке, даже не в Азии, а именно в Европе, да еще во Франции и в Англии, т. е. как раз в тех местах, которые были исследованы тщательнее, чем все остальные местности земного шара. Если в таких известных странах возможны до настоящей минуты новые открытия колоссальной важности, то, по-видимому, систематикам остается только замолчать или публично признаться в том, что бедность материалов еще не позволяет геологам и палеонтологам заниматься сооружением систем и произносить какие бы то ни было приговоры насчет различных особенностей в орга-

нической жизни» [61, с. 461]. «Систематиками» Писарев условно называл, конечно, не биологов, разрабатывавших классификацию животного и растительного мира, а обскурантов, воспринимавших отдельные виды растений, животных, а равно и человека, не как звенья в цепи эволюционного процесса, а как статичные категории, созданные единым актом творения.

Через полгода «Русское слово» вновь вернулось к тем же вопросам в статье «Развитие человеческого типа в геологическом отношении». Она принадлежит известному публицисту Николаю Васильевичу Шелгунову (1824—1891), отбывавшему тогда ссылку в Вологодской губернии [62, с. 218—254]. Изолированные друг от друга два видных деятеля демократического лагеря одновременно прочли книги Лайеля и Фогта, оба захотели использовать их для обоснования своих исходных установок и постарались растолковать читателям, как наука расшатывает обветшалые догмы.

6(18) мая 1880 г. в речи при открыти памятника Пушкину в Москве И. С. Тургенев сказал: «Дикарь каменного периода, начертивший концом кремня на приспособленном обломке кости медвежью или лосиную голову, уже перестал быть дикарем, животным» [63, с. 66]. Должно быть, Тургенев видел в Париже произведения палеолитического искусства на выставках в Лувре или Сен-Жерменском музее. Из этих первых, еще бедных находок он сделал глубокий вывод: человек, обладающий искусством, поднялся на принципиально иную ступень по сравнению со своими обезьяноподобными предками.

В 1883—1885 гг. В. М. Васнецов с увлечением работал в Абрамцеве над декоративным фризом «Каменный век», заказанным для строившегося Исторического музея в Москве (одним из натурщиков был юный Валентин Серов) [64, с. 6—9].

Но новое пробивало себе дорогу не без труда. Цензуру беспокоила кромольная мысль о происхождении человека путем эволюции. «Фогт, Дарвин...— соучастники каракозовского дела. Их сочинения велено отобрать у книгопродавцев. Вот до какой тупости довели нас духовные министры»,— писал А. И. Герцен в «Колоколе» в 1866 г. [65, с. 131].

В 1872 г., прослышав, что давний знакомый — библиограф и историк литературы М. Н. Лонгинов, получив пост начальника главного управления по делам печати, хочет прекратить издание работ Дарвина, Алексей Константинович Толстой обратился к нему со стихами:

Правда ль это, что я слышу?
Молвят овамо и семо:
Огорчает очень Мишу
Будто Дарвина система?
Полно, Миша! Ты не сетуй!
Без хвоста твоя ведь...
Так тебе обиды пету
В том, что было до потопа [66, с. 394].

Известный историк Н. И. Костомаров рассказал в своих воспоминаниях характерный эпизод: когда в 1874 г. участники Киевского археологического съезда отправились осматривать Софийский собор, протоиерей встретил их вопросом: «Не пожаловали ли вы сюда отыскивать доказательства, что человек произошел от обезьяны?» — «Мы не шагаем в такую даль»,— успокоил его председатель съезда А. С. Уваров [67, с. 421].

Говоря о борьбе за передовую науку в России, не нужно представлять себе этот процесс упрощенно: с одной стороны,— темный, заросший бородой поп, провозглашающий анафему ученым, а с другой — бесстрашный нигилист из поколения Базарова, смело обличающий ретроградов в лекциях и книгах. Нет, все обстояло куда сложнее. Прежде всего, не стоит замалчивать тот факт, что среди ученых кое-кто считал своим долгом оборонять от критики библейские легенды о начале истории. Такие люди были на Западе. Назову хотя бы Жоржа Кювье и Рудольфа

Вирхова. Были они и у нас. Крупный историк, профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин (1800—1875) в адресованной широкому читателю книге «Простая речь о мудреных вещах» почти 100 страниц посвятил полемике с Дарвином и цитированной выше статьей Д. И. Писарева [68, с. 383—463]. Выдающийся филолог и искусствовед академик Федор Иванович Буслаев (1818—1897) напечатал в 1873 г. в катковском «Русском Вестнике» очерк «Догадки и мечтания о первобытном человеке». Это отклик на действительно не слишком удачную книгу немецкого философа Отто Каспари (р. 1841) «Первобытная история человечества с точки зрения естественного развития его духовной жизни» (Лейпциг, 1873), но это и недвусмысленное выступление против дарвинизма, поставившего вопрос о промежуточном звене между животным и человеком. Для Буслаева «мечтания о первобытном человеке, которого никто не знает и знать не может ...— пустопорожняя детская игра ... далекая от точного метода положительных наук... Не объяснено сколько-нибудь толково психическое состояние первобытного полузверя в его недоступном для науки скотстве» [69, с. 698, 737].

Замечательный почвовед Василий Васильевич Докучаев (1846—1903) в студенческие годы сочинил целый трактат: «Теория Дарвина пред судом священного писания как самого древнего исторического ботанико-зоологического памятника», изданный в журнале для духовенства «Странник», а потом отдельно [3] [70, с. 12—33, 45—75].

Разумеется, ни Погодин и Буслаев, ни тем паче Докучаев, сам внесший большой вклад в изучение каменного века России, не говорили, что каменные орудия — выдумка археологов. Но в 1860—1870-х годах не утверждали это и клерикалы. В Библии упоминаются кремневые ножи (Исход, IV, 25; Книга Иисуса Навина, V, 2, XXIV, 30). Следовательно, в том, что археологов увлекло изучение кремневых наконечников стрел или шлифованных нефритовых топоров, с точки зрения духовной цензуры ничего опасного не было. После открытий во Франции и Швейцарии она готова была согласиться, что это действительно очень старые изделия. Но признание глубочайшей древности человека, появившегося на земле не семь, а сотни тысяч лет назад, не благодаря творцу, а в итоге длительной эволюции животного мира, было совершенно неприемлемо для клерикалов.

И церковные круги, и ученые-ретрограды неохотно соглашались: да, несомненно, в прошлом люди пользовались каменными орудиями, но это было не так давно и не имеет никакого отношения к вредной теории о происхождении человека от обезьяны. Введенные недавно в научный оборот данные о начальных этапах истории вполне можно примирить с традиционными представлениями. В классическом труде Эдуарда Гиббона (1737—1794) «История упадка и разрушения Римской империи» (1776—1788) говорится: «По мнению Юлия Африкана и др., мир был создан 1 сентября за 5508 лет 3 месяца и 25 дней до рождения Христа... Как ни произвольно это летосчисление, оно ясно и удобно. Из семи тысяч двухсот девяносто шести лет, которые, как полагают, протекли от создания мира, три тысячи — прошли в невежестве и мраке, две тысячи — баснословны или мало известны, тысяча лет принадлежит древней истории, начинающейся вместе с персидской монархией и с республиками римской и афинской, тысяча лет прошла с падения римского владычества на западе до открытия Америки» [72, с. 381].

К этим-то «трем тысячам лет невежества и мрака» и «двум тысячам лет баснословных и малоизвестных» и готовы были приурочить каменный век клерикальные круги. Отдельные высказывания археологов как

[3] Сейчас эту публикацию в списке трудов Докучаева не числят, но его биограф И. А. Крупеников обратил мое внимание на статью акад. В. И. Вернадского [71, с. 12], где сказано: «Первая научная работа Докучаева вышла в свет в 1869 году» (а не в 1872 г., как следует из библиографии в «Сочинениях» В. В. Докучаева в девяти томах). То, что статья в «Страннике» принадлежит именно почвоведу Докучаеву, подтверждают и ссылки автора на свои полевые наблюдения под Петербургом и в Смоленске [70, кн. I, с. 24—26]. Уроженец Смоленской губернии студент Петербургского университета Докучаев в те годы, кроме этих мест, еще нигде не бывал.

будто согласовывались с удобным для церкви решением вопроса. Еще в 1851—1854 гг. А. С. Уваров провел огромные по масштабу раскопки курганов во Владимирской земле. Среди 7700 средневековых захоронений встретилось два, содержавших каменные орудия. Скорее всего это были могилы деревенских колдунов, использовавших «громовые стрелы» как целебное средство, но Уваров решил, что в Центральной России кремневые наконечники и полированные топоры были в ходу до X—XI вв. н. э. [73, с. 93, 94]. Это повторил Д. Н. Анучин в добавлениях к книге Д. Леббока [39, с. 126]. К. И. Гревингк считал, что дикари, употреблявшие оружие из кости и камня, жили в Прибалтике вплоть до прихода немецких рыцарей, т. е. до XIII в. [74, с. 6—8]. И. С. Поляков предполагал, что на севере России каменный век продолжался до «курганного периода», т. е. до средневековья [57, с. 156].

Неудивительно, что труд Уварова «Археология России. Каменный период» напечатан не где-нибудь, а в синодальной типографии. Ведь в этом фолианте ни разу не упомянут Дарвин, нет ни слова о неандертальском человеке, но допускается, что на мамонта люди могли охотиться и относительно недавно.

Только революционный демократ Шелгунов прямо писал о древности человека, превышающей 100 000 лет, взяв эту цифру у Лайеля. Но уже Л. К. Попов, процитировав фразу того же Лайеля об «ужасающем пространстве времени», лежащем между XIX в. и палеолитом, продолжал: «Сколько десятков столетий (заметьте: не тысячелетий.— *А. Ф.*) отделяют „каменный век“ от исторического времени, покрыто мраком неизвестности» [45, с. 13].

Так, в 1860—1870-х годах наметилась возможность молчаливой договоренности между церковью и учеными. Пусть они толкуют о каменном веке, но не настаивают на происхождении человека от обезьяны и на том, что палеолит длился сотни тысяч лет. Когда в 1879 г. в Москве состоялась Антропологическая выставка, главный инициатор ее профессор Анатолий Петрович Богданов (1834—1896) столкнулся с немалыми трудностями. Едва основная работа была закончена, как в Петербург поступил донос о предосудительных замыслах, воплощенных в открываемой экспозиции. Министр просвещения Д. А. Толстой потребовал убрать часть экспонатов. Богданов обратился тогда к автору «Истории русской церкви», члену Академии наук митрополиту московскому Макарию (Михаилу Петровичу Булгакову, 1816—1882). Тот осмотрел выставку, особенно заинтересовавшись доисторическим отделом (т. е. археологическими находками), и сообщил в столицу, что ничего противного религии здесь нет [75, с. 38]. «Строго ученый характер выставки и научный интерес ее для древней истории России доставили ей честь... осмотра высшими представителями церкви»,— писал А. П. Богданов, перечисляя затем несколько митрополитов и епископов [75, с. 4]. При открытии выставки произнес речь епископ Ростовский Амвросий. Он сказал: «В недавнее время наука нашла как бы клад: множество данных для изучения человека в глубине недр земных... На различных слоях земной коры добыты эти черепа и кости людей... С ними лежали и орудия деятельности древних людей, сначала грубые, потом более совершенные. Так и по Библии. Первые ризы, которые сотворил Господь нашим прародителям, были кожаные, звериные шкуры (Быт., 3, 21). Из земли, лишенной первого плодородия, они должны были в поте лица добывать хлеб свой (19)... Вот как давно намечены открытые ныне периоды — каменный, медный и железный... Так ученые путем точных исследований подходят к вере. Жаль, что от многознания они иногда впадают в самомнение и тем поставляют преграду между естественной мудростию и ведением Божественным... Да благословит Господь труды русских ученых, веру оправдывающие и веру утверждающие» [76, с. 112].

Посетившие выставку иностранные гости вместе с ее организаторами ездили на прием в Троице-Сергиевскую лавру, и у французских антропологов создалось даже впечатление, что православное духовенство более терпимо к науке, чем католическое.

Богданов все время подчеркивал, что выставку готовили «люди науки», а не нигилисты с улицы. И это действовало на тех, от кого зависела судьба всех ученых предприятий. В цитированных выше стихах А. К. Толстого тоже противопоставлены теория Дарвина и нигилизм:

Нигилистов, что ли, знамя
Видишь ты в его системе?
Но святая сила с нами!
Что меж Дарвином и теми? [66, с. 396].

О чисто научной основе споров относительно древности человека пишет в своей книге Л. К. Попов.

Любопытны и рассуждения О. В. Мильчевского: не нужно смешивать религиозные проблемы с научными. Наука — область ума, религия — область сердца. «Но пусть они начнут заглядывать друг к другу и запускать руки в душу, пусть христианин примется мудрствовать лукаво, а наука соблазнять христианские сердца и отклоняться от пути истинного, дела никак не выйдет, а пакость произойдет велия для обеих сторон» [48, с. IX].

Тенденция к сглаживанию противоречий между наукой и религией продержалась недолго. После убийства Александра II народовольцами реакция перешла в наступление. «Победоносцев над Россией простер совиные крыла» (А. Блок «Возмездие»). О том, что это значило для исследователей каменного века, позволяет судить книжка А. Беляева «Характеристика археологии» [77].

Александр Дмитриевич Беляев (1849—1920) — профессор догматического богословия Московской духовной академии. Он окончил ее в 1876 г. (направлен из Рязанской семинарии), в 1880 г. защитил магистерскую диссертацию «Любовь божественная», в 1899 г.— докторскую — «О безбожии и антихристе. Том I. Подготовление, признаки и время пришествия антихриста» [78, с. 60].

В 1887 г. он, тогда еще магистр богословия и доцент духовной академии, отправился в Ярославль на VII археологический съезд, где прочел доклад «Значение книги Бытия для археологии». Основной тезис доклада: если каменный век и был, то очень недолго. Попутно Беляев пытался подкрепить материалами раскопок библейские легенды о существовавших некогда исполинах. Успеха доклад не имел. С возражениями выступили несколько участников заседания, в том числе Д. Н. Анучин [79, с. 96]. Вернувшись со съезда, Беляев поместил отчет о нем в реакционной газете «Русское дело», а потом составил более пространную статью. Она вышла сперва в «богословско-философском журнале „Вера и разум"» [80, с. 162—195, 247—280, 407—424], издававшемся в Харькове под эгидой архиепископа Амвросия (Алексея Иосифовича Ключарева, 1821—1901), того самого, который произнес речь при открытии Антропологической выставки. Затем появилась и книга.

Написана она очень ловко. Сначала говорится о возникновении и развитии цикла новых наук. Это геология, палеонтология. Наряду с ними «первобытные древности стали возбуждать живой интерес, и доисторическая археология заняла господствующее положение среди других отраслей археологии» [77, с. 6]. Беляев вроде бы это приветствует, с уважением упоминает о Буше де Перте и даже удивляется, почему на съезде не почтили его память в связи со столетием со дня рождения. «Горизонт истории сразу раздвинулся на необозримое пространство» [77, с. 7]. Все как будто прекрасно, но вскоре начинают проскальзывать другие нотки. А вдруг ожидание от новых наук полного переворота в наших представлениях о прошлом преувеличено? Не сказался ли здесь появившийся в XIX в. «дух разрушения»? Так ли уже поколеблено священное писание? Ведь раскопки в Египте и Месопотамии «служат к уяснению и подтверждению библейского повествования» [77, с. 10].

Исследование культуры ископаемого человека — молодая научная дисциплина. На взгляд Беляева, ее исходные позиции «не выработаны, самые существенные вопросы не разрешены. Вообще собственно научная

сторона в археологии крайне несовершенна» [77, с. 19]. И далее: «Название той части археологии, которая ведает первобытными древностями, до-историческою, быть может, изобретено гордостию и тщеславием археологов, которые, открывши каменные и бронзовые орудия, возомнили, будто они рассеяли мрак первобытных времен, тогда как на самом деле на вопросы, где и когда появились первые люди, какими орудиями они пользовались, каким эпохам и каким народам принадлежат каменные орудия и т. п., археологи не дали положительных ответов» [77, с. 24].

Беляев не отрицает, что эти изделия — реальный факт, но не верит, что они очень древние. Обнаружившие их ученые точных дат не называют, ссылаются на геологов, но и те создать абсолютную хронологию не в состоянии, довольствуются относительной — по последовательности залегания слоев. Обработанные кремни находят иногда очень глубоко, в слоях, перекрытых многими другими, но у Беляева и тут есть возражения: а не провалились ли эти вещи в глубь по трещинам в земле, не попали ли туда при размыве берегов, наводнениях, оползнях, землетрясениях? «Геологи и археологи.. насчитывают сотни тысяч лет таким предметам, которые, быть может, произошли на памяти истории» [77, с. 44]. Употребляют же каменные топоры иные современные племена.

А что такое эти племена — случайно уцелевшие островки первобытного мира или почему-либо одичавшие люди? Прошел по земле, предполагает Беляев, какой-нибудь допотопный Тамерлан, разорил цветущие города, их жители одичали и вместо металлических стали делать орудия из камня (о том, что изготовить самый грубый кремневый нож, если утрачены навыки такой работы, совсем не просто, автор не думает).

Народы, согласно его убеждениям, бывают «даровитые и тупоумные», расы — «активные и пассивные», а отсюда догадка: тупоумные пользовались каменными изделиями, а даровитые — железными. Правда, те и другие никогда не находят в одних слоях, но не исключено, что железо истлевало в земле. Нет, уверяет читателей магистр богословия, не было последовательной смены «трех веков» — каменного, бронзового и железного — все это одновременные явления. «Ни в геологии, ни в палеонтологии, ни в археологии нет ответа, когда начался и когда кончился каменный век» [77, с. 33].

Археологи говорят об эволюции орудий и выстраивают свои находки в ряды, иллюстрирующие развитие от примитивных форм к более совершенным, принимая примитивные за древнейшие. А почему не допустить, спрашивает Беляев, что одно племя делало ашельские рубила, другое — мустьерские остроконечники, а третье — бронзовые кинжалы? Кремневые орудия могли долго употреблять в районах, лишенных месторождений железа. В качестве доказательства названы руины древних городов в Америке. Они свидетельствуют о высокой культуре, но изделий из железа в них нет. Беляев считает, что так вполне могло быть и на Русской равнине, умалчивая о самом распространенном болотном железе. По А. С. Уварову, первые люди проникли на территорию Европы из Азии. А не пришли ли они сюда, обладая металлом, а тут из-за отсутствия месторождений забыли о нем, предполагает Беляев. И наоборот, добавляет он, есть страны, где камня мало — например, Египет и Месопотамия. Там и палеолитических, и неолитических стоянок почти нет, а в преданиях обитателей этих стран не сохранилось воспоминаний о таких периодах. Наверное, эти народы искони владели металлургией.

К 1890 г. было создано уже несколько вариантов периодизации каменного века. Основания их Беляев не анализирует — для его целей важно лишь то, что у Э. Ларте своя схема, а у Г. Мортилье — своя. Это, на взгляд богослова, доказывает, что ученые не знают, как все обстояло на самом деле. А поскольку все периодизации еще и локальны: во Франции одна, в Скандинавии другая, ему кажется, что в разработке подобных схем и смысла нет. Он с радостью сообщает, что, по словам А. А. Иностранцева, кое-где неолит был даже раньше палеолита. Ненаучность трудов археологов Беляев усматривает и в том, что принципы классификации у них самые разные: то они руководствуются формой орудий,

то палеонтологическими данными, то какими-нибудь другими сугубо частными наблюдениями.

Раздражение автора нарастает: «Наука о первобытных древностях имеет вид не здания, хотя бы и дурно построенного, а громадной массы мусора, которую археологи разбирают и кладут предметы в отдельные кучи» [77, с. 64]. Раз специалисты не могут с уверенностью сказать, когда именно сделано то или иное орудие, значит эти вещи — ненужный «балласт в музеях» [77, с. 34].

В итоге исподволь подсказывается вывод: надо вернуться к традиционным представлениям о начале истории. «Человек существует столько, сколько показывает библейская хронология» [77, с. 50]. Когда вымер мамонт, точно неизвестно. Из книги Бытия не ясно, сколько времени прошло от Адама до «первого ковача». Вот и надежнее всего считать, что каменный век кончился тысячу лет назад, а на мамонта охотились четырьмя-пятью тысячами лет раньше, до потопа. Находок, относящихся к допотопной эпохе,— оббитых кремней, залегавших вместе с костями исчезнувших животных,— очень мало. Что же касается ископаемых людей — неандертальцев, то здесь Беляев ссылается на Р. Вирхова, расценившего череп из Дюссельдорфа как останки современного дегенерата. Так постепенно читатель подводится к заранее заданной цели: человечеству 7000 лет, как и положено по Библии.

Делает Беляев и прогноз на будущее: скорое «охлаждение к археологии». Впрочем запрещать ее он не собирается — напротив, рекомендует учредить кафедры археологии в университетах (первая такая кафедра была открыта только в 1893 г. в Вене для Морица Гернеса), заняться теорией этой науки, чтобы отойти от эмпиризма, мелкой фактографии, определить предмет отдельных дисциплин (ведь что такое «древности», далеко не ясно). Разумеется, Беляев надеялся, что возглавят новые кафедры не «археологи-дарвинисты», а люди вроде него самого.

Задачи, стоявшие перед Беляевым при подготовке его брошюры, понятны. Исследователи каменного века не могли не почувствовать, что перед ними опасный противник. Он начитан — знает труды геолога Пенка и антропологов Вирхова и Брока, археологов Ларте, Мортилье, Картальяка, Ворсо, Уварова, Иностранцева, умеет подмечать слабые места в разбираемых работах. Сейчас-то мы опровергнем его очень легко: у нас есть полученные методами точных наук надежные даты, стоянки каменного века найдены во всех странах, в том числе и «библейских», на основе четкой стратиграфии всюду установлена последовательность в развитии культуры от палеолита до письменных этапов истории. Но читателям журнала «Вера и разум» все это было еще невецомо. У них складывалось впечатление, что богослов наголову разбил ученых, дерзнувших усомниться в священном писании.

А кое в чем он был и прав: например, в проблеме эолитов. Ее поднял во Франции в 1867 г. аббат Луи Буржуа (1819—1878), заявивший, что обработанные человеком кремни встречаются не только в слоях четвертичного периода, но и в более древних — третичных. Г. Мортилье это убедило. Вопрос об эолитах обсуждался на конгрессе доисторической археологии в Брюсселе в 1872 г., причем к какому-либо решению участники его так и не пришли (у нас об этом писали А. Т. Китицын [46, с. 12—14] и Л. К. Попов [45, с. 64—68]. Беляев не поверил в эолиты и мог бы потом торжествовать: это всего лишь естественно расколотый кремень. Отличать его от искусственно обработанного научились не сразу.

Беляев считал неудачным термин «доисторическая археология». Не пользуются им и советские ученые, правда, по другим соображениям. По Беляеву, доисторической эпохи не было, ибо начало истории отражено в Библии. Для наших специалистов огромный дописьменный период, не запечатлевшийся ни в Библии, ни в иных памятниках того же рода,— часть истории, первобытный этап ее. Беляев резонно видел в археологии одну из дисциплин исторической, а не биологической науки, верно говорил, что предметы из раскопок надо изучать в подлинниках, а не в копиях. Он спорил с Мортилье, писавшим, что в раннем палеолите не

было ни употребления огня, ни зачатков религии. Стоянки этого периода плохо сохранились, возражал Беляев. И действительно, на поселениях ашельского возраста — типа рассмотренных Мортилье (но не в более древних) — теперь известны и кострища, и своеобразные скопления костей, свидетельствующие о каких-то обрядах.

Вот какого серьезного оппонента выставили клерикальные круги против ученых, пытавшихся понять, как возникли человек и его культура. Вряд ли Беляев пустился в полемику на свой страх и риск. Скорее он выполнял задание кого-либо из соратников Победоносцева. Недаром позднее он выступал в печати с обличениями далеких от официальной церковности взглядов Льва Толстого и Владимира Соловьева. В противоположность Макарию и Амвросию Беляев не стремится приспособиться к достижениям науки, договориться с ее представителями. Он агрессивен.

Реакция наступала. В 1884 г. была закрыта созданная в 1876 г. кафедра антропологии Московского университета. Возродилась она только после Октябрьской революции, в 1919 г. Этот период сыграл большую роль в судьбе как молодой русской науки о каменном веке, так и занимавшихся ею людей. Прекратил раскопки палеолитических стоянок в Крыму К. С. Мережковский. Отошел от исследований в области антропологии А. П. Богданов.

Но победить свободную научную мысль клерикалы были не в состоянии. Как это нередко бывает, она вскоре же прорвалась совсем не там, где можно ожидать,— в труде человека довольно консервативного, которого Беляев готов был взять себе в союзники,— в книге А. А. Иностранцева «Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера». Автора интересовала проблема возраста собранных в Приладожье материалов. Сделав оговорку, что об «абсолютном счислении нечего и думать», он все же наметил путь к точной датировке: определение скорости накопления осадков, перекрывших слой с каменными орудиями. Первый опыт такого расчета принадлежит английскому геологу Леонарду Хорнеру (1785—1864). В 1851 г., изучая илистые отложения Нила у обелиска в Гелиополе и статуи Рамзеса II в Мемфисе, он пришел к выводу, что за 4150 лет накопилось 11 футов ила, откуда можно вывести, что каждые 100 лет откладывалось по 3,18 дюйма [37, с. 29—34; 39, с. 318, 319].

Тот же метод применил Иностранцев. За исходную точку он взял не предметы каменного века, а найденный в торфе много выше их железный топор, подобный тем, что встречались в курганах X—XI вв. в Петербургской губернии. Установив, какая толща накопилась с этого времени, и высчитав, сколько отлагалось в среднем за столетие, Иностранцев предложил абсолютные даты для каменного века в Приладожье — 8500—9300 лет от сего дня, хотя и не настаивал на них [60, с. 228].

Сейчас археологи, располагающие более надежными методами датирования, не принимают расчет Иностранцева и относят культурные остатки с Ладожских каналов к III—II тысячелетиям до н. э. Причина ошибки в том, что толщина отложений за год и на Ниле, и на Ладоге принималась за постоянную величину. Между тем год на год не приходится: когда-то накопление осадков шло быстрее, когда-то медленнее. Несмотря на ошибочность вывода Иностранцева, надо отдать должное его смелости в разработке сложной проблемы. Смелость Иностранцева выразилась и в том, что он назвал цифры, решительно расходящиеся с библейскими. Неудивительно, что духовная цензура возражала против того, чтобы монография Иностранцева была в общедоступных библиотеках [81, с. 84][4].

Не удалось реакционерам помешать и продолжению раскопок палеолитических стоянок в России. В 1886 г. исследовалось поселение Афонтова гора на Енисее, в 1893 г.— Кирилловское в Киеве, в 1896 г.— Томское местонахождение. Попытки церкви и цензуры пресечь в нашей стране развитие науки о первобытном человеке оказались тщетными.

[4] Сведения восходят к неопубликованным мемуарам Иностранцева, хранящимся в архиве ЛГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карла Линнея Рассуждения: первое об употреблении коффея, второе о человекообразных. Переведены корректором Иваном Тредиаковским. СПб., 177.
2. О перунах, или громовых стрелах, в прибавление к примечаниям о громе.– Исторические, генеалогические и географические примечания на ведомости. В Санкт-Петербурге, ч. CXXXIX, ноября 8 дня 1731 года.
3. *Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.– МИА, 1950, № 18.
4. *Бадер О. Н.* Археологические памятники Тагильского края.– Уч. зап. Пермск. ун-та, 1953, т. VIII, вып. 2.
5. *Рябов И.* Несколько слов о древностях, находящихся Верхотурского уезда в округе Нижне-Тагильских заводов.– Прибавление к № 28 «Пермских губернских ведомостей», 1855.
6. *И[овский]А.[Г.]* О костях преждепотопных людей.– Вестник естественных наук и медицины, издаваемый Александром Иовским, 1829, ч. 1, № 2.
7. Ископаемый человек.– Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития с присовокуплением живописных путешествий по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей, издаваемое Августом Семеном. М., 1839, ч. 5.
8. *Карпинский А.* Об ископаемых остатках человека.– Горный журнал (далее – ГЖ), 1829, ч. I, кн. 1.
9. Пещера, заключающая кости, подле Бира, недалеко от Нарбонна.– ГЖ, 1829, ч. IV, кн. 11.
10. *Серра де Марсель.* Наблюдения над человеческими костями, найденными в трещинах вторичных областей, и особенно над замеченными в Дурфортской пещере в Гардском департаменте.– ГЖ, 1829, ч. IV, кн. 10.
11. Костесодержащие пещеры, заключающие остатки людей.– ГЖ, 1830, ч. III, кн. 9.
12. Об открытии человеческих костей в древних горных областях (сообщено г. Карпинским).– ГЖ, 1831, ч. I, кн. 3.
13. Теоретические исследования относительно костесодержащих Бизских пещер близ Нарбонна и человеческих костей, смешанных с остатками исчезнувших животных. Письмо Турналя-сына к борону Феррюсаку.– ГЖ, 1832, ч. II, кн. 4.
14. *Эйхвальд Э. И.* Древности царств животного и растительного, преимущественно в России.– Библиотека для чтения, 1838, т. XXXI, ч. 2.
15. *Kutorga S.* Notiz über zwei Menschen-schädel aus dem Gouvernement Minsk.— Verhandlungen der Russisch Kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St-Petersburg, Jahr. 1842.
16. *Серра де Марсель.* Записка о пещере в Понтильи близ Сен-Пона, департамент Геро, в которой были найдены предметы промышленности, человеческие кости, также остатки носорога и других исчезнувших животных.– ГЖ, 1857, ч. IV, кн. 12.
17. *Уваров А. С.* Археология России. Каменный период. Т. II. М., 1881.
18. *Эйхвальд Э. И.* О чудских копях.– ЗРАО, 1857, т. IX, вып. 2.
19. *Eichwald E.* Ueber die Säugetierfauna der neuern Molasse des Südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde.— Bulletin de la Société des naturalistes de Moscou, 1860, XXXII, № 4.
20. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862.
21. *Лемке М. К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
22. *Гутцейт В. К.* Об ископаемых Курской губернии.– Курские губернские ведомости, 22 апреля 1850 г., № 16, и 29 апреля 1850 г., № 17.
23. *Райков Б. Е.* Дело Владимира Гутцейта.– Тр. Ин-та истории естествознания и техники АН СССР, 1955, т. IV.
24. Фантастическая зоология.– Отечественные записки, 1854, кн. 9, отд. 5.
25. Список печатных трудов И. Е. Забелина.– Отчет Российского Исторического музея за 1883–1903 годы. М., 1916.
26. *Прествич Д.* Камни, обработанные человеческими руками, в дилювиальной почве.– ГЖ. 1859, ч. IV, кн. 10.
27. *Риттер К.* О древнейших поселениях сваестроителей по разным швейцарским озерам.– Вестник Русского географического общества (далее РГО), 1859, т. 26, № 8.
28. Появление человека на земле.– ЖМНП, ч. CV, 1860, январь, отд. VII. Имя переводчика – Н. Н. Страхова – указано на обложке.
29. *Бэр К. М.* О древнейших обитателях Европы.— Зап. РГО, 1863, кн. I.
30. *Бэр К. М.* О первоначальном состоянии человека в Европе.– Месяцеслов на 1864 (високосный) год. СПб., 1863, приложения.
31. Северные древности королевского музея в Копенгагене, выбранные и объясненные профессором Копенгагенского университета И. И. А. Ворсо. СПб., 1861.
32. *Лерх П. И.* Некролог Л. Ф. Радлова.– Изв. РГО, 1866, т. I, № 11–12.
33. Древность человеческого рода, происхождение видов и положение человека в природе. Три публичные лекции М. И. Шлейдена/Перевел с немецкого Н. Бакст. СПб.: Изд. О. И. Бакста, 1863. Второе издание, дополненное лекцией К. М. Бэра «О древнейших обитателях Европы»,– СПб., 1865.
34. Человек, место его в мироздании и в истории земли. Лекции Карла Фохта/Пер. с нем. А. Кашин. СПб.: Изд. М. О. Вольфа, 1865.
35. Человек и его место в природе. Публичные лекции Карла Фохта. СПб.: Изд. П. А. Гайдебурова, 1865; то же, изд. 2-е, 1866, т. I—II.
36. Взгляд на первобытные времена человеческого рода. К. Фохта.– В серии: Совре-

менные вопросы антропологии. Сборник новейших исследований по вопросу об изучении человека и общества. СПб., 1867, т. I, вып. I.
37. Геологические доказательства древности человека с некоторыми замечаниями о теории происхождения видов Чарльза Лайеля/Пер. со 2-го англ. изд. А. Ковалевского. СПб., 1864.
38. *Тайлор Е. Б.* Доисторический быт человечества и начало цивилизации./Перевел с англ. под ред. проф. Моск. ун-та О. Мильгаузена Е. Валицкий. М., 1868.
39. *Леббок Д.* Доисторические времена, или первобытная эпоха человечества, представленная на основании изучения остатков древности и нравов и обычаев современных дикарей/Пер. с 3-го англ. изд. под ред. Д. Н. Анучина. М., 1876.
40. Первобытный человек. Сочинение Луи Фигье с рисунками и картинами, изображающими сцены из жизни первобытного человека. СПб., 1870.
41. *Брока П.* Везерские троглодиты.– Природа, популярный естественноисторический сборник. Кн. II. М., 1873.
42. *Фрааз О.* Древнейшие обитатели пещер.– Знание, 1874, № 4.
43. *Сонцов Д. П.* О каменном веке. М., 1870.
44. *Уляницкий В. А.* Д. П. Сонцов – Тр. [Московского] Нумизматического общества. М., 1898, т. I.
45. *Попов Л.* К. Из первобытной жизни человека. СПб., 1880.
46. Об археологии доисторической и следах древнейшего существования человека на земле/Составил А. К..... н. Варшава, 1876.
47. *Павловский И. Ф.* Первое дополнение к краткому биографическому словарю ученых и писателей Полтавской губернии с половины XVIII в. Полтава, 1913.
48. *Мильчевский О.* Основания науки антропоэтнологии, или законы отношений между человеком и природой. Жизнь человечества в ее историческом развитии и современном состоянии, сравнительное изложение телесного строения народов, их характера, образа жизни, нравов, обычаев, верований в зависимости от их местности. Важнейшие физиологические, политические, исторические и пр. вопросы, связанные с антропоэтнологией. М., 1868.
49. Энциклопедический словарь Брокгауз – Ефрон. СПб., 1896, т. XIX.
50. *Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н. И.* П. И. Лерх.– ЖМНП, 1884, № 11, отд. 4.
51. *Лерх П. И.* Орудия каменного и бронзового веков в Европе.– Изв. РАО, 1863, т. IV, вып. 2, 4; 1865, т. V, вып. 4.
52. Археологическое путешествие П. И. Лерха в северные губернии.– Изв. РГО, 1865, т. I, № 10.
53. Значение памятников так называемого каменного века в истории человеческой культуры.– Олонецкие губернские ведомости, 3 декабря 1866 г., № 47.
54. *Grewingk C.* Das Steinalter der Ostseeprovinzen Liv-, Est- und Kurland und einiger angrenzenden Landstriche. Dorpat, 1865.
55. *Grewingk C.* Zur Kenntnis der in Liv-, Est-, Kurland und einiger Nachbargegenden aufgefundenen Steinwerkzeuge heidnischer Vorzeit. Dorpat, 1871.
56. *Поляков И. С.* Антропологическая поездка в центральную и восточную Россию, исполненная по поручению императорской Академии наук.– Приложение к XXXVII т. Записок Академии наук, № 1. СПб., 1880.
57. *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги.– Зап. РГО по отд. этнографии, 1882, т. IX.
58. *Мережковский К. С.* Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму.– Изв. РГО, 1880, т. XVI, № 2.
59. *Мережковский К. С.* Отчет об антропологической поездке в Крым.– Изв. РГО, 1881, т. XVII, № 2.
60. *Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
61. *Писарев Д. И.* Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949, (первая публикация: Русское слово, 1864, № 9).
62. *Шелгунов Н. В.* Развитие человеческого типа в геологическом отношении.– Русское слово, 1865, № 3.
63. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28 томах. Соч., т. 15. М.– Л., 1968 (первая публикация: Вестник Европы, 1880, № 7).
64. *Грабарь И. Э.* Каменный век – монументальный декоративный фриз в Государственном историческом музее. М., 1956 (серия: Памятники культуры, вып. XX).
65. *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 томах. Т. XIX. М., 1960. (первая публикация: Колокол, 1 сентября 1866).
66. *Толстой А. К.* Полное собрание стихотворений (Большая библиотека поэта). М.: Сов. писатель, 1937.
67. *Костомаров Н. И.* Автобиография. М., 1922.
68. *Погодин М. П.* Простая речь о мудреных вещах. М., 1873.
69. *Буслаев Ф. И.* Догадки и мечтания о первобытном человеке.— Русский вестник, 1873, № 10.
70. *Д-чаев В.* Теория Дарвина пред судом священного писания как самого древнего исторического ботаническо-зоологического памятника.– Странник, 1869, кн. I, II.
71. *Вернадский В. И.* Страница из истории почвоведения.— Научное слово. М., 1904, кн. VI.
72. *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. IV. М., 1884.
73. *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам. М., 1872.
74. *Янитс Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье реки Эмайыги. Таллин, 1959.

75. Антропологическая выставка 1879 г. Т. IV, ч. 2.– ИОЛЕА, т. XLIX, вып. 2. М., 1886.
76. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III, ч. 1.– ИОЛЕА, т. XXXV, ч. I, вып. 2. М., 1879.
77. *Беляев А.* Характеристика археологии. Харьков, 1890.
78. Список студентов, окончивших полный курс Императорской московской духовной академии за первое столетие ее существования (1814–1914). Сергиев Посад, 1914.
79. Тр. VIII АС. М., 1892, т. III. (Протоколы).
80. *Беляев А.* Характеристика археологии.– Вера и разум. Журнал богословско-философский, издаваемый при Харьковской духовной семинарии, 1889, № 16, 18, 21.
81. *Соколов В. А.* Создатель школы карельских геологов. Петрозаводск: Карельск. книжн. изд-во, 1976.

A. A. Formozov

THE FOSSIL MAN IN THE 19th-CENTURY RUSSIAN PRESS

(Science, Church, Censorship)

Summary

Reports of findings of traces of the fossil man appeared in Russian journals of the 20s-30s of the last century. In 1840-1855, the period of harsh censorship, such reports were suppressed—there were even special directives not to publish scientific works likely to subvert Biblical dogmas. The reforms of Alexander II and the democratic movement engendered by the revolutionary situation of the 1860s, enabled scholars to publish their findings in the periodical press. At first the clergy tried to reconcile scientific data with the Bible, but then, during the reign of Alexander III, under the influence of Pobedonostsev, the reactionary circles and the Church tried to hamper the development of archaeology and anthropology in Russia. They imposed a series of bans that slowed down but could not stop the progress of the Russian science.

АРТЕМОВА В. Д.

МИКРОЛИТИЧЕСКИЙ ИНВЕНТАРЬ 2-ГО СЛОЯ КОСТЕНОК VIII (Тельманская стоянка)

Микролитический инвентарь составляет характерную особенность некоторых верхнепалеолитических памятников, занимая большое место среди всех прочих орудий. Эта категория изделий, довольно широко распространенная в верхнем палеолите как территориально, так и хронологически, характеризуется небольшими размерами и наличием ретуши по одному или обоим продольным краям. Большинство исследователей определяют размеры микроинвентаря до 5 см длиной, объединяя в эту категорию морфологически сходные между собой изделия.

Предметом настоящей работы является анализ микроинвентаря Тельманской стоянки, составляющего характерную особенность памятника и занимающего большое место среди остальных орудий — 55,2% от всего количества изделий (табл. 1).

Среди одновременных памятников 2-й слой Костенок VIII выделяется преобладанием микроинвентаря и присутствием специфических форм орудий (выемчатые изделия, провертки-проколки).

Микролитический инвентарь Тельманской стоянки не получил в литературе подробного освещения. А. Н. Рогачев, например, внутри единой группы «острий с притупленным краем» выделил три типа, ставя во главу угла такие морфологические признаки, как форму заготовки и наличие и расположение на ней ретуши. К первому типу исследователь относит наиболее крупные и широкие пластины с притупленным краем, концы которых слегка подправлены ретушью со спинки или брюшка, близкие остриям типа граветт; во второй тип он выделяет узкую пластинку с притупливающей ретушью по обоим продольным краям и с приостренными концами — игловидные острия; в третий тип — проколки, изготовленные из резцовых сколов или узких пластинок, где ретушью оформлен только один конец [1, с. 154].

Близка А. Н. Рогачеву в своих суждениях относительно микроорудий и Л. М. Литовченко. Но она вообще не выделяет типов, а лишь отмечает, что общим для всех микроострий является притупленность крутой ретушью одного края и что различная обработка другого края может да-

Таблица 1

Категории орудий 2-го слоя Костенок VIII

Категория	Количество	%	Категория	Количество	%
Всего орудий	1621	100	Микроорудия:	906	55,8
Резцы	497	30,6	микроострия	892	98,4
Скребки	51	3,1	геометризованные формы	14	1,6
Скребловидные	3	0,1	Микропластинки с мелкой ретушью	15	0,9
Проколки	17	1,0	Провертки-проколки	8	0,4
Пластины с подработкой с брюшка	8	0,4	Выемчатые	87	5,3
Пластины усеченные	15	0,9	Нуклевидные:	55	3,3
Долотовидные	5	0,3	многофасеточные резцы	53	3,2
Трапециевидные	9	0,5	высокие скребки	2	0,1

Таблица 2

Виды микроорудий 2-го слоя Костенок VIII
(процент микроострий и геометризованных форм дан от общего количества микроорудий)

Вид орудий	Состояние	Количество	%
Микроострия	Всего	892	98,4
	Обломки	779	87,3
	Целые	113	12,7
Геометризованные формы	Всего	14	1,6
	Целые	14	1,6

Таблица 3

Соотношение видов микроорудий с характером заготовок
(процент дан от общего количества микроорудий)

Заготовка	Вид орудий	Микроострия, количество и %	Геометризованные формы, количество и %
От резцов многофасеточных	Резцовые сколы	779 – 87,3% обломки	Нет
От нуклеусов призматических	Микропластинки	113 – 12,7% целые	
От скребков высоких	Скребковые чешуйки	Нет	14 – 100% целые

вать разнообразные сочетания с обработанными концами. Среди микроострий Л. М. Литовченко выделяет и своеобразную серию, представленную сегментами, один из краев которых является прямым, другой — дугообразным [2, с. 118, 119].

В данном случае отсутствие единой типологии и номенклатуры микроинвентаря ведет к тому, что оба исследователя выбирают различные признаки, на которые опираются при исследовании этой категории изделий: форму заготовки, наличие и расположение на ней ретуши (А. Н. Рогачев) и расположение ретуши и ее сочетания на изделии (Л. М. Литовченко). Отсутствие единства при оценке инвентаря ведет к тому, что детальное сравнение материала, изданного разными археологами, практически невозможно, на что справедливо указала М. Д. Гвоздовер [3, с. 92]. В полной мере это высказывание можно отнести и к обоим исследователям микроинвентаря Тельманской стоянки.

Микроинвентарь памятника представлен как микроостриями, так и геометризованными формами (табл. 2).

Под геометризованными формами (изделиями) мы понимаем изделия, относящиеся ко времени позднего (верхнего) палеолита, но по своим очертаниям напоминающие каменные орудия геометрических форм (треугольники, трапеции, сегменты), получившие широкое распространение в эпоху мезолита. В нашем случае речь идет об изделиях сегментовидной формы.

Для анализа категории микроинвентаря мы используем признаки, выделенные для пластинок с притупленным краем по системе морфологического описания пластинок такого типа, созданной коллективом археологов — М. Д. Гвоздовер, Г. П. Григорьевым, Д. В. Деопик и Н. Б. Леоновой [4]; но так как категория микроинвентаря у нас несколько другая, мы используем по мере необходимости только те признаки и ту терминологию, которые подходят к нашему объекту исследования.

Анализу подвергались только целые микролитические орудия: 113 экз. микроострий и 14 геометризованных изделий. Начнем исследование микроинвентаря с технологии получения заготовок, с морфологии и связан-

Таблица 4

Соотношение по размерам видов микроорудий с типом заготовки

Заготовка	Вид орудий	
	микроострия, мм	геометризованные формы, мм
Резцовые сколы	25 – 30 длина, 3 – 4 ширина, 1,5 – 2 толщина	–
Микропластинки		
Скребковые чешуйки	–	13 – 17 длина, 4 ширина, 1 толщина

Таблица 5

Соотношение видов микроорудий по профилю, форме, нанесению ретуши

Характеристика		Вид орудий	
		микроострия	геометризованные формы
Профиль	Прямой	83 – 73,4%	–
	Изогнутый	30 – 26,6%	14 – 100%
Ретушь	Срезает край	113 – 100%	–
	По кромке	–	14 – 100%
Форма	Сегмент удлиненный	113 – 100%	–
	Сегмент укороченный	–	14 – 100%

ных с ними процессов формообразования. Для изготовления микроинвентаря использовались заготовки трех типов: резцовые сколы, скребковые чешуйки и микропластинки. Различные типы заготовок в зависимости от техники получения будут различаться между собой размерами, пропорциями, формой. Интересно в связи с этим проследить, будут ли их различия лежать в основе и определять разнообразие целого ряда приемов изготовления микроорудий. Для этого сопоставим оба вида микроорудий с типами заготовок (табл. 3). На основании табл. 3 мы получим следующую картину: микроострия изготовлялись как из резцовых сколов, так и из микропластинок, а геометризованные формы только из скребковых чешуек. Наряду с этим следует отметить, что определить, с какого нуклеуса (многофасеточного резца или призматического ядрища) снимались резцовые сколы, а с какого — микропластинки, затруднительно, так как четкие признаки резцового скола будет иметь только первый, треугольный в сечении резцовый скол. Кроме того, каждый резец мог являться вторичным ядрищем, если снятый с него резцовый скол переоформлялся затем в микроорудие, т. е. служил для него заготовкой.

Судя по табл. 3, прямую зависимость между видом орудия и типом заготовки можно проследить только для геометризованных форм.

Обратимся к размерам микроорудий (табл. 4). В табл. 4 представлены соотношения размеров микроострий и геометризованных форм и сопоставление их по типам заготовок. В связи с этим следует отметить, что заготовка будет всегда больше по своим размерам, чем орудие, не следует забывать также и об износе края в процессе употребления и о постоянной подправке орудия в процессе труда. По-разному будет нанесена на орудия и ретушь: в одном случае только по самому краю (геометризованные формы) (рис. 1, *6*), в другом случае ретушь будет срезать у орудий продольный край от 1 до 2 мм толщины (микроострия) (рис. 1, *4, 5*).

Подавляющее большинство микроострий имеет длину 25—30 мм, при ширине 3—4 мм и толщине 1,5—2 мм. При этом имеется некоторое количество и более мелких микроострий длиной до 15 мм при ширине 1,5—

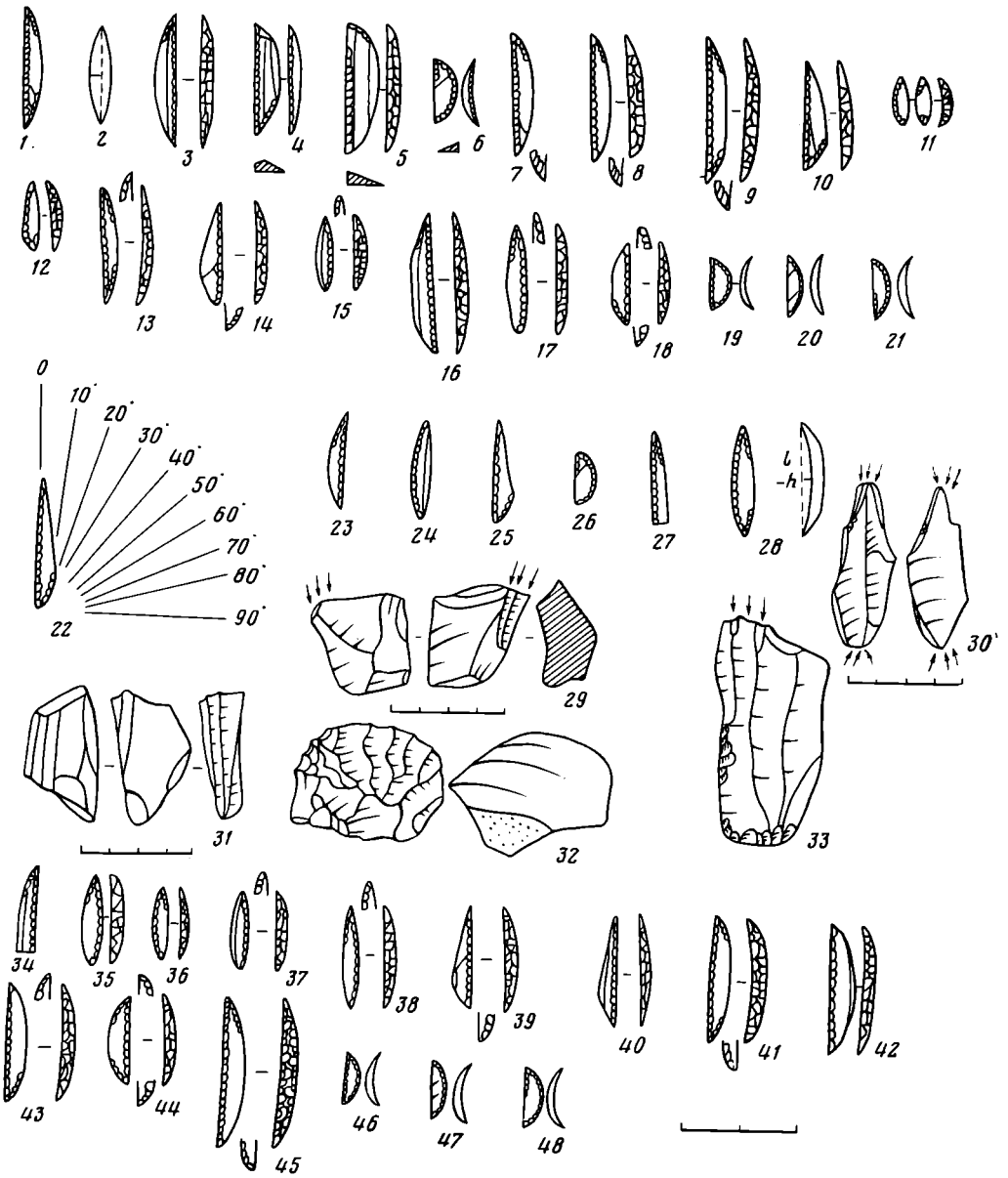


Рис. 1. Форма края — *1*, *2*; сторона и место расположения ретуши — *3—7*; типы ретуши — *4—6*; сочетания обработки концов ретушью — *7—21*; способ различения дугообразных концов — *22*; форма концов — *23—27*; способ определения степени изогнутости — *28*, призматические нуклеусы — *29*, *31*; многофасеточные резцы (вторичные ядрища) — *30*, *33*; скребки — *32*; типы орудий с притупленным краем: близкий «треугольникам» — *34*; игловидные острия — *35—38*; острия «тельманского типа» — *39*, *40*; близкие «рыбкам» — *41—45*; сегменты — *46—48*

2 мм и толщине 1 мм. Но есть и более крупные экземпляры (их очень немного) — до 50 мм длиной, 6 мм шириной и 3—4 мм толщиной.

Итак, касаясь размеров микроорудий, можно отметить, что геометризованные формы отличаются от микроострий в своей основной массе гораздо меньшими размерами (толщиной, шириной и длиной).

Следующим этапом нашей работы является установление соотношения между формой заготовки, ее профилем и нанесением ретуши. Эти данные сведены нами в табл. 5. Как видно из табл. 5, форма заготовок сегментовидная, только для микроострий она более удлиненная (удлиненный сегмент), а для геометризованных форм более укороченная (укороченный сегмент) [1].

[1] Данные термины мы употребляем на основании размеров (длины продольного края) микроинвентаря. Размеры этих орудий укладываются в следующие пределы:

Таблица 6

Количественное соотношение нуклеусов различного вида с микроорудиями, микропластинками и резцовыми сколами

Кремень			Количество и %
Расщепленного кремня (всего)			22 340
Орудий			1621
Микроорудия	Микроострия	Всего	892 – 98,4
		Обломки	779 – 87,3
		Целые	113 – 12,7
	Геометризованные формы		14 – 1,6
Ядрища	Резцы многофасеточные (вторичные ядрища)		53 – 3,2
	Скребки высокие		2 – 0,1
	Нуклеусы призматические		45 – 0,2
Микропластинки			1505 – 6,7
Резцовые сколы			1119 – 5

Примечание. Процент микроострий и геометризованных форм дан от общего количества микроорудий; процент вторичных ядрищ и высоких скребков дан от общего количества орудий; процент призматических нуклеусов, микропластинок и резцовых сколов дан от общего количества расщепленного кремня стоянки.

Если сопоставить профиль орудий обоих видов, то окажется, что для микроострий характерен как прямой, так и изогнутый профили (с преобладанием прямого), а для сегментовидных форм — только изогнутый (рис. 1, *28*) [2]. Как уже отмечалось выше, ретушь срезает продольный край у микроострий и нанесена по кромке у геометризованных форм.

В итоге можно отметить, что наше сравнение, проводимое по ряду признаков (форма заготовки, ее профиль, размеры), в определенной мере односторонне, так как учесть все признаки, разумеется, невозможно. Выбранные нами признаки в какой-то степени играют ведущую роль в дальнейшем процесс формообразования микроинвентаря, оказывая влияние на определенные технические приемы их изготовления.

Уяснив, какие заготовки были характерны для изготовления микроинвентаря, можно определить и нуклеусы, с которых снимались различного типа заготовки, и их процент по отношению к имеющемуся микроинвентарю. Определенного типа заготовки свидетельствуют о том, что должны были существовать и специальные нуклеусы для их получения. Таковые имеются во 2-м слое Тельманской стоянки и представлены многофасеточными резцами (рис. 1, *30*, *33*) [3], высокими скребками (рис. 1, *32*) и призматическими нуклеусами (рис. 1, *29*, *31*). В том, что эти нуклеусы применялись при получении заготовок для изготовления микроорудий, убеждает как характер негативов, совпадающий с группами микроорудий, так и однородный кремень (табл. 6). В табл. 6 можно видеть, что среди расщепленного кремня имеются в большом количестве резцовые сколы и микропластинки (соответственно 5 и 6,7%), в то время как скребковых чешуек обнаружено не было. Мало геометризованных форм и по отношению к микроостриям. Высоких скребков, используемых как нуклеусы для снятия скребковых чешуек, всего 0,1%.

Обратимся к вопросам вторичной обработки микроорудий. Как показали исследования заготовок, последние различаются между собой по

удлиненный сегмент (микроострия) — 25—30 мм, укороченный сегмент (геометризованные формы) — 13—17 мм.

[2] Процент изогнутости определяется отношением максимальной высоты сегмента к длине продольного края. Прямой профиль — с изогнутостью менее 5%, изогнутый профиль — с изогнутостью более или равной 5%. В данном случае мы пользуемся разработкой авторов «Морфологического описания...» [4].

[3] Речь в данном случае идет о так называемых «вторичных ядрищах», выделенных А. Н. Рогачевым.

Таблица 7

Соотношение видов микроорудий по обработке ППК

Обработка		Вид орудий	
		микроострия	геометризованные формы
Край	Выпуклый	56 49,5%	14 100%
	Прямой	57 50,5%	–
Положение ретуши	Целиком	88 77,8%	–
	Частично	25 22,2%	–
Характер ретуши	Притупливающая крутая	60 53%	–
	Притупливающая мелкая		14 100%
	Встречная	53 47%	–
Расположение ретуши	Спинка	60 53%	–
	Спинка + брюшко (бифасиальная ретушь)	53 47%	–
Высота притупленной части	1–2 мм	113 100%	
	1 мм		14 100%

форме, профилю, типу, размерам. И выбор того или иного приема вторичной обработки в определенной степени зависел от характера заготовки. Рассмотрим, насколько это так. Прежде всего выделим признаки, используемые нами для характеристики вторичной обработки микроорудий:

1 — признаки, используемые для характеристики продольных краев (ППК — первого продольного края, ВПК — второго продольного края) [4]: *с* — характеристика края (прямой — рис. 1, *1*; выпуклый — рис. 1, *2*) [5]; *б* — характеристика ретуши (нанесение — рис. 1, *4—6*; положение — рис. 1, *3*, *4*, *7*; характер — рис. 1, *3—6*)).

2 — признаки, используемые для характеристики концов (ВКО — верхнего конца, НКО — нижнего конца) [6]: *а* — характеристика конца (дугообразный — рис. 1, *23*, *26*; поперечный — рис. 1, *34*; точечный — рис. 1, *25*; симметричный — рис. 1, *24*, не симметричный — рис. 1, *27*); угол у ППК (рис. 1, *23*), угол у ВПК (рис. 1, *26*) [7]; *б* — характеристика

[4] Принадлежность одного из краев к первому продольному зависит от степени притупления края, от крутизны ретуши (в поперечном сечении этот край образует более тупой угол со стороной, противоположной направлению ретуши). Соответственно если определен ППК, то другой край будет ВПК.

[5] Процент выпуклости мы определяем по способу авторов «Морфологического описания...» [4]: прямым считается край с выпуклостью менее 5%, выпуклым — с выпуклостью большей или равной 5%.

[6] НКО — нижний конец, где находится ударная площадка, ВКО — соответственно верхний конец, противоположный НКО.

[7] Для длинной дуги угол между осью пластинки и хордой дуги от 39 до 21°. Точечные концы образованы сходящимися краями. Острый угол у ППК — дуга (скошенный конец) наклонена к ППК, и наоборот. Если линия, соединяющая продольные края пластинки с перпендикуляром к длинной оси орудия, совпадает с ним или отклоняется до 51°, такие концы будут поперечными (все понятия даны по системе «Морфологического описания...» [4]).

Таблица 8

Соотношение видов микроорудий по обработке ВПК

Обработка		Вид орудий	
		микроострия	геометризованные формы
Край	Выпуклый	113 100%	–
	Прямой	–	14 100%
Положение	Целиком	21 18,5%	7 50%
	Частично	13 11,5%	–
	Отсутствует	79 70%	7 50%
Характер ретуши	Притупливающая крутая	13 38,2%	–
	Притупливающая мелкая	21 61,8	7 50%
Расположение	Спинка	34 100%	7 50%
Высота притупленной части	1–2 мм	21 61,8%	7 50%
	1 мм	13 38,2%	–

Таблица 9

Сочетание формы ППК и ВПК

Сочетание	Микроострия	Геометризованные формы	Сочетание	Микроострия	Геометризованные формы
ППК – прямой ВПК – выпуклый по всему краю	49 43,3%	–	ППК – выпуклый ВПК – выпуклый по всему краю	56 49,7%	–
ППК – прямой ВПК – выпуклый в нижней трети	8 7%	–	ППК – выпуклый ВПК – прямой	–	14 100%

ретуши (нанесение — рис. 1, *8*; расположение — рис. 1, *8—21*; характер — рис. 1, *8—21*).

Признаки, описывающие продольные края и концы микроорудий, сведены в табл. 7—9. Остановимся на анализе этих таблиц подробнее. В табл. 7 дано соотношение микроострий и геометризованных форм по обработке ППК. В результате сопоставления выяснилось, что ППК у микроострий может быть как выпуклым (56 экз.), так и прямым (57 экз.). У геометризованных форм ППК всегда будет выпуклым (14 экз.). Ретушь располагается на ППК у микроострий целиком (88 экз.) и частично (25 экз.), по характеру она притупливающая крутая (60 экз.) и встречная (бифасиальная) (53 экз.). У геометризованных форм ретушь по ППК располагается полностью, по характеру она притупливающая мелкая (14 экз.). Говоря о высоте притупленной части следует отметить, что если у микроострий она занимает от 1 до 2 мм толщины пластины, то у геометризованных форм — 1 мм толщины. В табл. 8 дано соотношение микроорудий по обработке ВПК. Если у микроострий край только выпуклый, то у геометризованных форм ВПК всегда прямой.

Таблица 10

Соотношение видов микроорудий по обработке ВКО

Обработка		Вид орудий	
		микроострия	геометризованные формы
Концы	Дугообразный	47 41,5%	14 100%
	Точечный	66 58,5%	–
Наличие ретуши	Есть	79 69,9%	1 7,1%
	Отсутствует	34 30,1%	13 92,9%
Расположение ретуши	Спинка	69 87,3%	1 7,1%
	Брюшко	7 8,8%	–
	Спинка+брюшко	3 3,9%	–
Характер ретуши	На спинке мелкая притупливающая	69 87,3%	1 7,1%
	На брюшке плоская	10 12,7%	–
Для точечных концов	Симметричный	56 84,8%	–
	Не симметричный	10 15,2%	–
Для дугообразных концов	Угол у ППК	47 100%	–
	Угол у ВПК	—	14 100%

Ретушь, как притупливающая крутая, так и притупливающая мелкая, располагается на ВПК у микроострий со стороны спинки как целиком (21 экз.), так и частично (13 экз.), а может отсутствовать и вообще (79 экз.). У геометризованных форм ретушь на ВПК только притупливающая мелкая, она располагается по краю только со стороны спинки как полностью (7 экз.), так может отсутствовать и вообще. У микроострий ретушь занимает от 1 до 2 мм толщины пластины, у геометризованных форм — только 1 мм толщины.

Для обеих групп микроорудий выделяются различные сочетания формы ППК и ВПК (табл. 9). Для микроострий это следующие сочетания: 1 — прямой ППК может сочетаться с выпуклым по всему краю ВПК (49 экз.), с выпуклым в нижней трети ВПК (3 экз.); 2 — выпуклый ППК может сочетаться с выпуклым по всему краю ВПК (56 экз.). Для геометризованных форм выделяется одно сочетание: выпуклый ППК всегда сочетается с прямым ВПК (14 экз.).

Признаки, характеризующие концы микроорудий, сведены в табл. 10, 11. В табл. 10 дано соотношение видов микроорудий по обработке ВКО. В результате сопоставления микроорудий и геометризованных форм выяснилось, что если ВКО у микроострий может быть как точечным (66 экз.), симметричным (56 экз.) и несимметричным (10 экз.), так и дугообразным (47 экз.), с острым углом всегда у ППК, то у геометризованных форм ВКО всегда дугообразный с острым углом у ВПК (14 экз.).

Если в основном ВКО у микроострий ретуширован (79 экз.), то у геометризованных форм обработан притупливающей мелкой ретушью со

Таблица 11

Соотношение видов микроорудий по обработке НКО

Обработка		Вид орудий	
		микроострия	геометризованные формы
Концы	Поперечный	2 1,7%	–
	Дугообразный	55 48,6%	–
	Точечный	56 49,7%	–
Наличие ретуши	Отсутствует	23 20,4%	13 92,9%
	Нет	90 79,6%	1 7,1%
Расположение ретуши	Спинка	51 56,6%	1 7,1%
	Брюшко	34 37,7%	–
	Спинка + брюшко	5 5,7%	–
Характер ретуши	На спинке притупливающая мелкая	56 62,2%	1 7,1%
	На брюшке плоская	34 37,8%	–
Для точечных концов	Симметричный	56 100%	–
Для дугообразных концов	Угол у ППК	56 100%	–
	Угол у ВПК	–	14 100%

стороны спинки всего 1 экз. У микроострий притупливающая мелкая ретушь расположена на спинке (69 экз.), на брюшке она всегда будет плоской (7 экз.). В трех случаях ретушь будет нанесена одновременно со спинки и брюшка.

В табл. 11 дано соотношение видов микроорудий по обработке НКО. При сопоставлении микроорудий оказалось, что если НКО у геометризованных орудий только дугообразный с острым углом у ВПК, то у микроострий он может быть как дугообразным (55 экз.) с острым углом у ППК, так и поперечным (2 экз.) и точечным симметричным (56 экз.). НКО у геометризованных форм не обработан, за исключением 1 экз., ретушированного мелкой притупливающей ретушью со стороны спинки. У микроострий НКО обработан в 51 случае мелкой притупливающей ретушью со стороны спинки, 34 экз. ретушированы плоской ретушью со стороны брюшка, 5 экз. имеют ретушь со спинки и брюшка вместе.

Проведем анализ сочетаний формы ВКО и НКО у обеих групп микроорудий (табл. 12). Здесь выделяются следующие сочетания: 1 — точечный ВКО может сочетаться с точечным НКО (56 экз.), дугообразным НКО (8 экз.), с поперечным НКО (2 экз.); 2 — дугообразный ВКО может сочетаться с дугообразным НКО (47 экз.).

На основании выделенных сочетаний можно проследить закономерность только для геометризованных форм, а именно: дугообразный ВКО всегда сочетается с дугообразным НКО. Острый угол у данной группы изделий всегда будет располагаться у ВПК. Проследить какую-либо за-

Таблица 12

Сочетания формы ВКО и НКО

Сочетание концов	Микроострия	Геометризованные формы	Сочетание концов	Микроострия	Геометризованные формы
ВКО – точечный НКО – точечный	56 49,5%	–	ВКО – дугообразный НКО – дугообразный	47 41,5%	14 100%
ВКО – точечный НКО – дугообразный	8 7%	–	ВКО – точечный НКО – поперечный	2 2%	–

Таблица 13

Сочетания обработки ВКО и НКО у микроорудий

Сочетание обработки концов ретушью	Микроострия	Геометризованные формы	Сочетание обработки концов ретушью	Микроострия	Геометризованные формы
ВКО – со спинки	20 17,6%	1 7,1%	ВКО – с брюшка НКО – с брюшка	4 3,5%	–
ВКО – со спинки НКО – со спинки	36 31,8%	–	ВКО – с брюшка	2 1,7%	–
ВКО – со спинки НКО – с брюшка	22 19,4%	–	НКО – с брюшка	8 7%	–
ВКО – со спинки и с брюшка	1 0,8%	–	ВКО – со спинки НКО – со спинки и брюшка	4 3,5%	–
ВКО – со спинки и с брюшка НКО – со спинки	2 1,7%	–	НКО – со спинки	13 12,2%	1 7,1%
			ВКО – с брюшка НКО – со спинки и брюшка	1 0,8%	–

кономерность для микроострий не удалось, так как для них характерны все выделенные выше сочетания.

В табл. 13 дано сочетание обработки ретушью ВКО и НКО у обеих групп микроорудий. В результате выявились следующие сочетания: ВКО и НКО обработаны со спинки — 36 экз. (рис. 1, *1*); ВКО — со спинки, НКО — с брюшка — 22 экз. (рис. 1, *8*); ВКО — со спинки — 20 экз. (рис. 1, *16*); НКО — со спинки — 13 экз. (рис. 1, *10*); НКО — с брюшка (рис. 1, *14*); ВКО и НКО — с брюшка — 4 экз. (рис. 1, *11*); ВКО — со спинки, НКО — со спинки и брюшка — 4 экз. (рис. 1. *9*); ВКО — с брюшка — 2 экз. (рис. 1, *15*); ВКО — со спинки и брюшка, НКО — со спинки — 2 экз. (рис. 1, *13*); ВКО — со спинки и брюшка — 1 экз. (рис. 1, *17*); ВКО — с брюшка, НКО — со спинки и брюшка — 1 экз. (рис. 1, *18*).

Как показал анализ таблиц, касающийся как первичной, так и вторичной обработки, техника изготовления микроорудий была достаточно сложной. Зависел ли результат производства от правильного выбора заготовки, приемов и способов ее оформления? Ответить на этот вопрос однозначно не представляется возможным. С одной стороны, прослеживается четкая зависимость между заготовкой и дальнейшим ее оформлением в орудие (как это прослеживается в случае с геометризованными формами), с другой — такой четкой зависимости не наблюдается (микроострия).

Это различие заложено, вероятно, в природе этих двух групп микроинвентаря, имеющих в своей подоснове функциональное различие. Заготовка скорее всего выбиралась для той группы орудий (микроострия или геометризованные формы), которая нужна была мастеру, в соответствии с морфологией, техническими навыками, существующими техническими традициями и, видимо, с функциональным назначением. От этого мог зависеть выбор того или иного приема при изготовлении орудия.

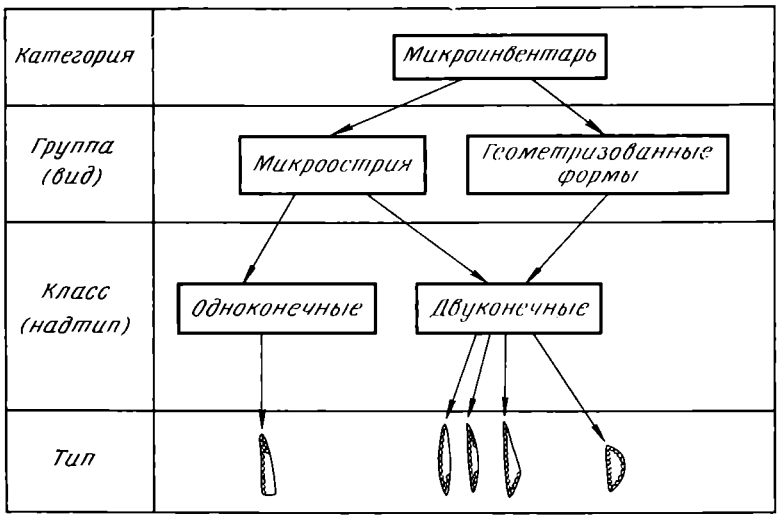


Табл. 14. Рабочая схема-классификация 2-го слоя Костенок VIII

В связи с этим интересно отметить, что не было обнаружено геометризованных форм в обломках, все экземпляры были целыми, в то время как микроострия дошли до нас преимущественно во фрагментарном состоянии. Исходя из этого можно предположить, что микроострия использовались в гораздо большей степени, о чем говорит большое количество обломков верхних и нижних концов, обнаруженных на всей площади поселения. Что касается геометризованных форм, то они были обнаружены только в одном (юго-восточном) жилище. Это может говорить о том, что геометризованные формы имели какую-то более специфическую функцию по сравнению с микроостриями (по данным трасологии микроострия — провертки по твердому материалу, а на некоторых геометризованных формах обнаружены следы скобления по твердому материалу, определение А. К. Филиппова).

В заключение предлагаем рабочую схему-классификацию микроинвентаря 2-го слоя Тельманской стоянки, в основу которой положена их морфология (табл. 14). Нами выделено четыре иерархических уровня таким образом, что наиболее общие признаки оказываются на верхнем уровне, в то время как детальные, частные признаки — на уровнях более низких.

Первый уровень — категория микроинвентаря. В этот уровень объединяются орудия определенного размера (до 50 мм длиной и до 10 мм шириной), имеющие по одному или обоим продольным краям притупливающую (крутую, мелкую) или встречную (бифасиальную) ретушь.

Второй уровень — группа. На этом уровне выделяется признак, более детализирующий по сравнению с размерами и наличием ретуши — признак общей формы, полученной сочетанием концов (ВКО и НКО) и продольных краев (ППК и ВПК). Благодаря сочетанию этих признаков категория микроорудий распадается на две группы — микроострия и геометризованные формы. Группа микроострий характеризуется наличием либо притупливающей, либо встречной ретуши по одному или обоим продольным краям и сочетанием либо дугообразных, точечных, либо дугообразных и точечных концов. Группа геометризованных форм — группа изделий, характеризующаяся наличием ретуши по одному продольному краю полностью, по другому либо полностью, либо ретушь отсутствует вообще, и сочетанием дугообразных концов с наличием особой своеобразной формы, по очертаниям близкой поздним геометрическим формам (сегментам).

Третий уровень — класс. Здесь происходит детализация такого признака, как общая форма, заключающаяся в конкретном выделении признаков формы концов (ВКО и НКО). На этом уровне группа микроострий по сочетанию ВКО и НКО распадается на два класса: 1 — одноконечные,

2 — двуконечные острия[8]. Группа геометризованных форм дает только один класс — двукопечных форм.

Четвертый уровень — тип. Здесь происходит еще более дробная детализация сочетаний признаков ВКО и НКО, дополняемая сочетанием признаков ППК и ВПК. В результате этого группа микроострий, класс одноконечных, даст один тип — ВКО-точечный, НКО-поперечный, ППК-прямой, ВПК-выпуклый (близкие «треугольникам» по терминологии авторов системы «Морфологического описания пластинок...» — 2 экз., рис. 1, *34*). Класс двуконечных дает три типа: 1 — ВКО и НКО-точечные, ППК и ВПК-выпуклые (тип игловидных острий — 56 экз., рис. 1, *35—38*); 2 — ВКО и НКО-дугообразные, ППК-прямой, ВПК-выпуклый по всему краю (близкие «рыбкам» по терминологии авторов системы «Морфологического описания пластинок...» — 47 экз., рис. 1, *41—45*); 3 —ВКО-точечный, НКО-дугообразный, ППК-прямой, ВПК-выпуклый в нижней трети (острия тельманского типа — 8 экз., рис. 1, *39*, *40*).

Группа геометризованных форм, представленная только классом двуконечных, даст один тип: ВКО и НКО-дугообразные, ППК-выпуклый, ВПК-прямой (сегменты — 14 экз., рис. 1, *46—48*).

Таким образом, взяв за основу систему «Морфологического описания пластинок...», мы провели анализ родственной группы изделий — микролитического инвентаря 2-го слоя Тельманской стоянки и создали другую схему-классификацию путем некоторого изменения дефиниции при использовании элементов указанной выше системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы хронологии верхнего палеолита.– СА, 1953, № 17.
2. *Литовченко Л. М.* Тельманская палеолитическая стоянка (II культурный слой).– СА, 1969, № 3.
3. *Гвоздовер М. Д.* О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона.– ВА, 1967, вып. 27.
4. *Гвоздовер М. Д., Григорьев Г. П., Деопик Д. В., Леонова Н. Б.* Морфологическое описание пластинок с притупленным ретушью краем и статистический анализ их совокупности на этой основе.– В кн.: Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 1. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1974.

V. D. Artyomova

MICROLITHIC COMPLEX OF THE 2nd KOSTYONKI-VIII LAYER (TELMAN SITE)

Summary

Classification of microlithic implements according to a number of features (their edges and ends are taken into consideration) is based on «Morphologic Description of Retouched Blades and Statistical Analysis of Their Complexes» created by a group of archaeologists. It is clear from Table 14 that all classified microlithes form four levels, the higher ones characterised by more common features, the lower ones—by more particular features. The first level contains a category forming two groups at the second level: microburins and microlithes of geometrical forms. At the third level the microburins group is subdivided into two classes: one-ended and two-ended microburins; the group of microlithes of geometrical forms consists of only one class—that of two-ended microlithes. At the fourth level the microburins group of the one-ended class consists only of one type of implements, the two-ended class consists of three types. The group of microlithes of geometrical forms of the two-ended class has only one type—that of implements of segment-like forms.

[8] Двуконечные острия — острия с двумя рабочими концами — верхним и нижним. Одноконечные острия — острия с одним рабочим концом, верхним или нижним.

МАСЛЕННИКОВ А. А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕКРОПОЛЕЙ ГОРОДОВ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ

В нашей специальной литературе уже давно не появлялось работ, посвященных данной теме. В то же время некрополи других крупнейших античных центров Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонеса — не оставлены исследователями без внимания. Правда, нельзя сказать, чтобы за последние годы на Керченском полуострове (за исключением Нимфея) велись крупномасштабные раскопки некрополей боспорских городов, но определенный новый материал все же был получен [1]. Разумеется, все вопросы, связанные с особенностями, топографией, погребальным обрядом и т. п. городских некрополей этой части Боспорского государства в «римское время», невозможно вместить в одну статью. Поэтому остановимся лишь на нескольких, на наш взгляд, наиболее интересных.

Самой примечательной особенностью некрополей городов европейского Боспора в первые века нашей эры следует считать широкое распространение предназначенных для многократных, скорее всего семейных, захоронений склепов, вырытых в грунте или высеченных в скале.

Они впервые появились в некрополе Пантикапея еще в конце эллинистической эпохи [1, с. 74], но особенно стали многочисленны в последующие столетия.

Несмотря на некоторые особенности в конструкции этих сооружений, как локальные и временные, так и чисто технические (в зависимости от прочности грунта, в котором они делались), для всех боспорских склепов характерны общие конструктивные черты. Склепы состояли из наклонного входа — дромоса различной длины, ведущего в камеру коридора, как правило, довольно короткого, и собственно погребальной камеры, чаще всего одной, но нередко двух [1, с. 79]. Почти все камеры имели форму неправильного четырехугольника или трапеции. Стены были различной длины, потолок камеры в подавляющем большинстве случаев был плоским или слегка округлым. Нередко высота его повышалась у дальней, противоположной от входа стены. Размеры как дромосов, так и камер были, естественно, различными, однако, как правило, достаточными для размещения покойников вдоль стен камеры.

Вдоль всех или у отдельных стен камер на высоте от 0,5 до 0,9 м устраивались лежанки, на которые устанавливались гробы и саркофаги или прямо на них хоронили покойников. Склепы с лежанками появились в боспорских некрополях еще в начале нашей эры, но только во II в. н. э. они стали правилом [1, с. 79]. Во многих склепах, особенно II—III вв. н. э., помимо лежанок в стенках высекались небольшие ниши для приношений, а главным образом для светильников. Стены и потолок в наиболее богатых склепах были оштукатурены и расписаны.

В редких случаях на стенах делались рельефные изображения, например головы Афродиты, Диониса, Пана и Силена в одном из нимфейских склепов, известном еще М. И. Ростовцеву и заново открытом совсем недавно [2, с. 394; 3, с. 354; 4, с. 264]. Изредка на стенах встречались и

[1] Здесь прежде всего следует отметить раскопки Н. Л. Грач на нимфейском некрополе, Е. А. Молева в окрестностях Китея и охранные раскопки Керченского музея. Пользуясь случаем, автор выражает благодарность Е. А. Молеву и сотрудникам музея В. Н. Боровко и С. А. Шестакову за возможность ознакомиться с материалами этих раскопок.

надписи, главным образом имена умерших. Вход в камеру закрывался каменной плитой. Дромос, иногда имевший ступеньки, также, видимо, закладывался.

Курганных насыпей над склепами не сооружалось, для их строительства старались выбирать склоны холмов или скалистых кряжей. Земляные склепы, причем в основном построенные в более раннее время, использовались вплоть до V в. н. э. Новые строились в весьма небольшом числе [1, с. 73, 84].

Как уже говорилось, грунтовые склепы встречаются в некрополях большинства городов европейского Боспора. Возможно, именно ими являлись «высеченные в скале гробницы», которые видели в прошлом веке в окрестностях предполагаемой Казеки на мысе Чауда [5, с. 191]. Какие-то «пещерные погребения» наблюдал еще в начале XIX в. близ горы Опук неутомимый Поль Дюбрюкс [3, с. 358]. Этот тип погребальных сооружений хорошо известен в некрополе Китея. Здесь открыто и описано пять высеченных в скале и один земляной склеп I—IV вв. н. э. [6, с. 223 сл.]. Правда, все они были ограблены. Несмотря на неоднократные обследования, пока не удалось обнаружить склепы вблизи предполагаемого Зефирия на мысе Такиль, хотя окружающая местность — скалистые невысокие кряжи — позволяет надеяться, что если они тут и были, то форма их должна быть близка к китейским. Число знаменитых нимфейских склепов, описанных М. Н. Ростовцевым, благодаря раскопкам последних лет значительно увеличилось и достигло 27. Нимфейские склепы, расположенные в два ряда с разных сторон насыпей, имеют дромосы со ступеньками и камеры с арочным или четырехугольным входом и нишами. В одном земляном склепе было три лежанки, стены восьмого склепа расписаны фризом с изображением животных и растений [4, с. 264; 7, с. 270, 271; 8, с. 314, 315].

В некрополе Тиритаки также известно 16 земляных склепов, очень близких между собой по конструкции [9, с. 61 сл.; 10, с. 75 сл.; 6, с. 215 сл.]. Особенностью некоторых из них являются довольно длинные (до 10 м) дромосы. Захоронения в тиритакских склепах относятся к I—IV вв. н. э.

Самое большое количество таких склепов открыто главным образом еще в XIX начале XX века, в некрополе Патикапея. Больше всего их находилось в районе северного склона горы Митридат, где рельеф местности и характер грунта были наиболее благоприятными для их сооружения [1, с. 78]. На Глинище их, напротив, довольно мало [1, с. 80], видимо, по обратным причинам. Пантикапейские грунтовые склепы сооружались подчас на значительной глубине (до 10 м). Наиболее поздним их вариантом являются грубые раннехристианские склепы V в. н. э. Госпитальной и первой Подгорной улиц [1, с. 84].

Возможно, были подобные склепы и в некрополе Мирмекия.

В одной версте на юго-восток от Зенонова Херсонеса А. А. Дирин откопал двухкамерную «катакомбу». Судя по описанию, в одной из них была ниша. Погребения находились в гробах и относились, скорее всего, ко II—III вв. н. э. [11, с. 124, 125].

По-видимому, земляные склепы были им раскопаны и в урочище Сююрташ [11, с. 128].

Несколько более грубые, но такие же по конструкции склепы были открыты В. Ф. Гайдукевичем и М. М. Кублановым около предполагаемого Илурата [12, с. 138—140; 13, с. 78; 14, с. 83; 15, с. 102 сл.], и один склеп — В. Д. Блаватским у поселения первых веков нашей эры близ пос. Тасуново [16, с. 109]. Все они датированы II—III вв. н. э.

Вопрос о происхождении этого вида погребальных сооружений, а также об этнической принадлежности населения, применявшего его, вызывал всегда большой интерес, и единого мнения на этот счет нет. Не претендуя на окончательное решение данного вопроса, обратимся вначале к обзору гробниц подобного типа в скифо-меото-сарматском мире.

У скифов Северного Причерноморья, в частности Приднепровья, так называемые катакомбы появляются с VI—V вв. до н. э., хотя наиболее

распространены они в IV—II вв. до н. э. [17, с. 73 сл.; 18, с. 56—113; 19, с. 114—156; 20, с. 108 сл.], когда встречаются даже в Центральном Крыму. При всем многообразии форм и вариантов скифских катакомб в них выделяются следующие элементы: входная яма, часто с уступами «ступеньками», глубиной от 1,7 до 8 м; дромос — прямой ход из ямы в камеру — и собственно погребальная камера, чаще всего овальная, но иногда близкая к прямоугольной [20, с. 108 сл.]. Потолки их в основном полуцилиндрические, иногда встречаются ниши (в царских погребениях), устраивавшиеся на уровне дна камер либо в стенах и имевшие довольно значительные размеры (до 0,9×0,6×1,2 м) [20, с. 115]. Вход закрывался каменным и дощатым закладом [20, с. 111—114]. Погребения в катакомбах немногочисленны, для повторных захоронений делали другие камеры. Подавляющее большинство катакомб подкурганные, многие из них впускные в более ранние насыпи. Скорее всего поздним вариантом развития степных скифских катакомб являются грунтовые склепы от II—I вв. до н. э. до I—III вв. н. э. Неаполя Скифского, состоявшие из входных ям и камер под одной из ее стенок и содержавшие коллективные захоронения [21, с. 146, 147]. Отверстия камер закладывались плитами, а входные ямы засыпались камнями [21, с. 147].

Сравнивая скифские катакомбы с боспорскими склепами, нетрудно убедиться в их конструктивном отличии, которое выражается в форме погребальных камер и дромосов. В боспорских памятниках известны лежанки. В скифских их нет, и в отличие от боспорских памятников в них прослежены вертикальные входные ямы. К этому следует добавить подкурганный характер большинства скифских катакомб, различные формы и назначение ниш и другие более мелкие детали.

Не исключая возможности некоторого влияния скифских погребальных традиций на Боспор, выводить происхождение земляных склепов в некрополях боспорских городов из скифских катакомб совершенно неправомерно. При этом надо учесть, что в ближайшем к Боспору скифском окружении (скифы Восточного Крыма) катакомбы вообще не практиковались [22, с. 162].

Среди исследователей существует мнение, что обряд погребения в земляных склепах возник на Боспоре (во всяком случае на Тамани) с усилением так называемого процесса сарматизации [23, с. 318; 24, с. 75]. Допуская, что склепы городов азиатской и европейской части государства кое в чем различаются, мы все же считаем, что они в большинстве своем имеют общее происхождение. Примечательно, что и появляются они практически в одно время — III в. до н. э. [1, с. 69, 78; 25, с. 100—102; 26, с. 61, 62]. В силу этого особое значение имеет поиск аналогий им в меото-сарматском погребальном обряде. В настоящий момент общепринято положение о значительном влиянии среднеазиатских традиций на формирование сарматской культуры. В этой связи важно отметить, что для погребального обряда местного населения Средней Азии последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры катакомбы были весьма характерны [27, с. 110—117; 28, с. 85].

Были они распространены и у сармат Поволжья и Южного Приуралья уже в последних столетиях до нашей эры [29, с. 73—81]. Там и на Северном Кавказе К. Ф. Смирнов выделял три основных типа этих гробниц [29, с. 74]. Для собственно меотского погребального обряда катакомбы совершенно не свойственны. Их нет ни в одном из известных грунтовых и курганных могильников VII—IV вв. до н. э. Новейшие раскопки в районе Анапы и в Восточном Крыму показали, что, по-видимому, синдам и населению Керченского полуострова они также не были присущи. Катакомбы, вернее, камерные гробницы появляются в Прикубанье не ранее III в. до н. э., а скорее даже только во II в. до н. э. Во всяком случае, наиболее ранней до сих пор остается камерная могила, открытая Н. В. Анфимовым у ст. Ладожской [30, с. 154]. В I в. до н. э.—II в. н. э. их количество сильно возрастает [31, с. 191], что справедливо связывается всеми археологами с проникновением в меотскую среду сармат. Облик этих могил был следующим: в одной из стен (чаще северной)

могильной ямы-колодца глубиной 1,65—1,75 м делалась камера длиной 1,6—2 м, шириной 0,9—1,2 м и высотой несколько более метра. Дно камеры углублялось по отношению к дну колодца на 0,4—0,75 м. Заклад мог отсутствовать, захоронения чаще всего были одиночными. В могильную яму помещали тушу лошади или коровы и затем ее засыпали [31, с. 191]. Существовали как грунтовые, так и подкурганные камерные гробницы [32, с. 153, 155], количество последних значительно больше. Формы камер, как правило, овальные, свод округлый. Широкое распространение «катакомбы» получают в Прикубанье с I в. н. э. [32, с. 156]. Особенно показательно так называемое Золотое кладбище I—II вв. н. э., где камерные гробницы численно преобладали [3, с. 570—575]. По устройству их, описанному Н. И. Веселовским [33, с. 69 сл.], они делятся на две группы. К первой относятся гробницы с четырехугольной ямой, дно которой было несколько покато к западу. В западной стене делалась камера с купольным сводом, овальная или овально-вытянутая, изредка прямоугольная небольшого размера. Вход имел деревянный или сырцовый заклад. У «катакомб» второй группы, более многочисленной, могильная яма была у́же, сама камера также вырывалась у́же и длиннее и вход ее не закрывался. Обычно в них хоронили по одному покойнику [33, с. 75 сл.]. В могильной яме часто находились кости лошадей, уздечки.

Катакомбные могилы, в частности Золотое кладбище, считаются принадлежащими сарматскому населению [3, с. 370 сл.], меото-сарматской знати [34, с. 67] или ранним аланам [32, с. 80, 148, 158]. Последняя точка зрения наиболее распространена и вероятна. Обращаясь к сравнению боспорских земляных склепов и сарматских «катакомб», мы снова должны констатировать, что по основным характеристикам они различны. Это проявляется в форме погребальных камер, не говоря уже об их оборудовании (лежанки, ниши), в отсутствии дромоса и коридора из него в камеру в сарматских гробницах. Кроме того, боспорские склепы служили местом коллективных захоронений и, как правило, над ними не насыпали курганов.

Строго говоря, их появление в некрополях боспорских городов и массовое распространение склепов сарматского типа не одновременно. Конечно, какая-то часть склепов в городах Боспора в первые века нашей эры могла содержать сарматские погребения и даже иметь некоторые конструктивные особенности, заимствованные у сарматского окружения.

Грунтовые склепы были весьма характерны для некрополей Ольвии и Херсонеса. В Ольвии они были известны еще в эпоху эллинизма, а в римское время составляли более половины всех могил [35, с. 36]. Характеризуются они в первых веках нашей эры квадратными или прямоугольными камерами, в основном ступенчатыми дромосами, прямыми, слегка закругленными сводами камер, небольшими коридорами между дромосом и камерой. Обычны лежанки и ниши [35, с. 36]. Курганные насыпи отсутствуют.

Земляные склепы Херсонеса более разнообразны по конструкции и размерам и весьма многочисленны [36, с. 9; 37, с. 36—45].

В римское время среди них доминируют склепы с дромосами, с квадратными камерами и нишами-лежанками, в которых совершались коллективные захоронения [36, с. 9, 10; 37, с. 36—45]. Склепы Херсонеса вообще появляются относительно поздно, на рубеже нашей эры [38, с. 157; 36, с. 9].

Нетрудно заметить, что грунтовые склепы Ольвии и Херсонеса в массе своей близки, если не тождественны, боспорским. Поскольку сооружения типа земляных склепов в некрополях городов Северного Причерноморья очень схожи и не имеют прямых аналогий среди погребальных памятников варварского мира, истоки их следует искать в некрополях греческих городов Средиземноморья и Южного Причерноморья. Мысль эта не нова. Еще Б. В. Фармаковский предполагал, что склепы, идентичные ольвийским, встречаются и в других местах античного мира [39, с. 14]. Действительно, склепы, близкие рассматриваемым, известны

в эллинистических и римских некрополях Мирины [40, с. 66], Александрии [41, с. 6, 7; 42, с. 8, 9], Приены [43], на Кипре [44, рис. 2, 3; 45, с. 2; 46, с. 570 рис. 27*а*, *б*], в Сицилии [57, с. 82, рис. 7; с. 86, рис. 15], близ Варны [48, с. 193—196, табл. 1—3] и в некоторых других местах [2].

Особенно плодотворна впервые высказанная В. И. Шкорпилом и сразу же поддержанная М. И. Ростовцевым идея о том, что земляные склепы с лежанками и дромосами были принесены на Боспор из Малой Азии, в частности из г. Амиса [2, с. 509; 3, с. 153, 163]. Остановимся на этом подробнее. В 1904 г. ученый секретарь Русского археологического института в Константинополе Р. Х. Лепер посетил ряд районов турецкого черноморского побережья, в том числе окрестности г. Самсунь, вблизи которого находятся развалины античного Амиса [50, с. 312].

Р. Х. Лепер видел на восточном и западном склонах плато, где был расположен Амис, целые ряды высеченных в скале «пещер» — могил разной величины. К ним вел короткий наклонный дромос. Иногда встречались двухкамерные гробницы. Потолок их был горизонтальным, слегка сводчатым, изредка в виде двухскатной крыши. По трем сторонам в некоторых камерах имелись «помещения в виде ниш для саркофагов или покойников». Иногда их хоронили там же в «глиняных и каменных гробах» [50, с. 313] — легко убедиться, что описанные Р. Лепером гробницы как две капли воды похожи на земляные склепы Пантикапея, Китея, Нимфея и т. д. Правда, все эти могилы были ограблены, и Лепер датировал их по случайным находкам V—IV вв. до н. э. [50, с. 313]. Примечательно, что и другие обнаруженные им рядом погребения в грунтовых ямах и черепичные, в том числе и римского времени, по характеру захоронений и облику инвентаря также очень схожи с боспорскими [50, с. 312—314]. Р. Лепер первым указал на эту близость. К сожалению, некрополь другого крупнейшего греческого города на южном побережье — Синопы тогда не был известен исследователям, да и в настоящее время к сообщению Р. Лепера практически нечего добавить. Итак, следует признать, что ближайшие аналогии, а скорее всего и истоки происхождения большей части боспорских земляных склепов находятся в некрополях греческих городов Малой Азии, точнее, ее черноморского побережья.

В этом нет ничего удивительного. В своей небольшой, но яркой статье «Понт, Вифиния, Боспор» М. И. Ростовцев впервые показал значительные экономические, культурные и политические связи, бывшие между этими районами Причерноморья на протяжении почти всей античной эпохи [51, с. 112 сл.]. Особенно тесными стали эти связи в период существования Понтийской державы Митридата и в столетия, за этим последовавшие [51, с. 115, 116].

В дальнейшем многие исследователи развили эти положения на конкретном материале экономики, памятников искусства, нумизматики, просопографии. Совершенно очевидно, что эти контакты, особенно обширные с I в. до н. э. до I — II вв. н. э., и обусловили именно в это время широкое распространение на Боспоре (и в Херсонесе) такой формы погребальных сооружений, как грунтовые склепы. Вместе с тем на самом Боспоре в погребальном обряде основной массы городского населения должны были сложиться условия для принятия этой формы гробниц. Иными словами, надо ответить на вопрос: почему грунтовые склепы стали столь многочисленными в некрополях европейских городов Боспора рассматриваемого времени. Вряд ли это объясняется ростом имуществен-

[2] Вряд ли уместно, как это иногда делается, приводить в качестве аналогий боспорским склепам катакомбы Египта, Дура-Европос и отчасти Пальмиры. Хотя именно эти сооружения в полном смысле являются катакомбами, они весьма отличаются от боспорских, ольвийских и херсонесских склепов. Катакомбы Пальмиры, например,— это несколько довольно широких и длинных коридоров, в стенах которых высечены узкие щели, собственно и служившие местами захоронений. Число погребений в катакомбах очень велико. Так, в катакомбе Мегарет-Абу-Схейль их около 380, относятся они ко II—III вв. н. э. На стенах ее сохранилось много имен и изображений умерших. Все надписи сделаны на арамейском языке. Да и в целом катакомбы эти использовались в основном негреческим населением [49, с. 298, 299].

ной дифференциации, ведь речь идет не об отдельных богатых захоронениях в сложных и дорогих гробницах, а о массовом способе погребений. На наш взгляд, причина этого кроется в некоторых изменениях характера семейно-родственных отношений и идеологии боспорских горожан. Вспомним, что одна из особенностей боспорских грунтовых склепов состоит в том, что они были приспособлены для многократных (подчас довольно многочисленных) захоронений членов одной семьи. Именно это в немалой степени отличает их от камерных гробниц и катакомб варварского населения. В предшествовавшие столетия (VI—II вв. до н. э.) одиночные погребения в городских некрополях преобладают. Много их и в римский период, но количество «коллективных» захоронений резко выросло.

Основную массу горожан в VI—II вв. до н. э. составляли потомки греческих переселенцев. Хотя проникновение в города разного рода «варваров» с I в. до н. э. I в. н. э. безусловно и усилилось, они, как мы видели, не принесли в сколь-либо ощутимом масштабе новых форм погребальных сооружений. Некоторое изменение связанных с заупокойным культом представлений, приведшее к увеличению числа многократных захоронений, а следовательно, распространению семейных склепов, нужно искать внутри семьи боспорских греков.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что греческая семья этого времени была малой семьей. И вряд ли появление многократных погребений было возвратом к так называемой «неразделенной семье». Скорее всего в это время возросло в силу причин, о которых можно только гадать, значение кровнородственных связей. Члены одной семьи стремились теснее быть связанными друг с другом, роль семейных традиций, в том числе религиозных культов и погребальных обычаев, выросла.

Может быть, это звучит несколько наивно, но драматические потрясения I в. до н. э.: войны, землетрясения, пожары, мятежи — оставили свой след в сознании жителей Боспора. Да и в последующие века жизнь была подчас далеко не спокойной. Надписи говорят о войнах и беспрерывных столкновениях с соседними варварами, о гибели в бою, а античные авторы повествуют и о междоусобной борьбе на Боспоре. В этом непрочном мире человек искал опоры, чего-то верного, постоянного. Отсюда, с одной стороны (именно с I в. до н. э. I в. н. э.), на Боспоре широко распространяются различные восточные и малоазийские культы. С другой — обостренное чувство единения, уз родства и дружбы с близкими людьми, привязанность к домашним, семье.

Мы, конечно, далеки от того, чтобы считать, будто боспорянин в более раннее время был плохим семьянином и черствым человеком. Но многочисленные боспорские эпитафии I в. до н. э. — II в. н. э. полны слов об искреннем горе людей, потерявших близких и любимых. Им ставят памятники, за их могилами следят, их память обещают хранить (см. КБН № 124—128, 130—134, 137, 142, 147 и др.). На боспорских рельефных надгробиях представлены трогательные сцены прощаний. В росписях склепов и на стелах боспорянин часто изображается в кругу родственников, среди друзей и слуг (см. K-W, с. 95, № 542; с. 73, № 145; ИАК 45, 1912, с. 15, № 7; АДЖ, с. 183—193; 244—252 и т. п.). Стремление к какой-то консолидации, объединению по происхождению, социальному и имущественному положению, религиозным воззрениям вообще характерно для этой эпохи. Вспомним хотя бы о появлении многочисленных фиасов. Возможно, именно это и побуждало многих боспорян хоронить своих родственников в течение нескольких поколений в одной, подходящей для этой цели гробнице.

В связи со сказанным выше хотелось бы остановиться еще на одном моменте. Распространение многократных семейных погребений (наряду с фиасами и некоторыми другими явлениями), вероятно, следует рассматривать в более широком плане, как еще одно свидетельство распада некогда, по-видимому, господствовавших среди боспорских греков полисной идеологии и традиций. В самом деле, гражданин полиса, атлет и воин, тесно связанный с родным городом и общиной, находящийся под

их защитой, и подданный боспорского царя — совершенно разные понятия. Естественно, города на Боспоре в силу раннего установления здесь авторитарной формы правления и варварского окружения всегда отличались от классических полисов метрополии. Тем не менее примечательно, что в городских некрополях V — начала III в. до н. э. доминирует греческий погребальный обряд, который по отношению к мужским захоронениям можно считать палестрическим (находки лекифов, стригилей, обол Харона). В последующие века палестрический обряд как бы затухает. Все это, разумеется, не значит, что в боспорских городах первых веков нашей эры исчезли гимнасии и палестры. Они, видимо, сохранялись. Исчезли скорее всего последние остатки городского самоуправления, полисные институты, медленно, но неуклонно изменялся состав населения и сам этнический тип боспорян, их мировоззрение. Горожанин этого времени искал защиты не у полиса и не столько у традиционных богов, а у царя, в новых мистических восточных культах, в военно-религиозных союзах-фиасах, в семейно-родственных связях. Поднятый вопрос, естественно, требует специального углубленного рассмотрения, поэтому мы ограничимся здесь лишь этими общими замечаниями.

Остановимся подробнее на терминологии. Рассмотренные скифские, сарматские и греческие гробницы весьма отличаются друг от друга и в каждом районе имели свои истоки происхождения. В этой связи нам представляется, что было бы уместно название «катакомбы» оставить за скифскими гробницами, «камерные гробницы» отнести к сарматским памятникам, а «грунтовые склепы» — к могилам этого типа в некрополях греческих городов. Отметим, что еще Ю. Кулаковский выступал против названия «катакомбы» для земляных склепов [52, с. 2], а Н. В. Анфимов предложил название «камерная гробница» для сарматских могил [31, с. 191].

К грунтовым по своему функциональному назначению примыкают и каменные склепы. В основном они находились под небольшими насыпями или были впущены в более ранние курганы. В Пантикапее каменный склеп II в. н. э. известен на северном склоне горы Митридат [53, с. 3, погр. 1]. В некрополе южного склона горы был открыт склеп с росписью и погребениями в саркофагах также II в. н. э. [2, с. 280, 390]. Довольно много их найдено в районе Глинища, где среди могил I—II вв. н. э. каменные склепы составляют около 3% [1, с. 80]. К I в. н. э. здесь относится ряд расписных склепов: Деметры, Ульпиев, склеп 1900 г. [2, с. 206, 399, 400; 54, с. 52, погр. 64], ко II в. н. э.— склеп усадьбы Фельдштейна, склеп 1901 г., склеп в Школьном переулке, склеп 1850 и 1907 гг. [2, с. 277; 55, с. 75; 2, с. 282, 398; 56, с. 43, 44, погр. 116]. В них находились богатые захоронения в каменных саркофагах, причем вблизи склепов имелись погребения в плитовых и простых грунтовых могилах, расположенных, по наблюдению Г. А. Цветаевой, так, что есть основания считать все эти гробницы принадлежавшими нескольким поколениям членов («и клиентов») одной семьи [1, с. 80].

Каменные склепы III в. н. э. крайне малочисленны. На Глинище найден лишь один, да и то, по-видимому, служивший местом погребения царя Рескупорида II (открыт Ашиком в 1841 г.). До недавнего времени каменные склепы первых веков были известны только в некрополе боспорской столицы. Но теперь они открыты в окрестностях Нимфея [8, с. 315], «Илурата» [12, с. 138; 13, с. 83 сл.; 15, с. 102 сл.; 57, с. 57 сл.] и Китея [58, с. 1—13; 59, с. 359]. Сооружены они все были не позднее II в. н. э., но использовались в некоторых случаях и в последующее столетие, а возможно, и дольше. Число их невелико, но и раскопки пока ведутся в весьма ограниченных масштабах. Несмотря на ряд конструктивных различий, все склепы сооружены насухо из тесаных плит местного известняка (иногда, как это отмечено на первом китейском склепе, плиты были помечены буквами греческого алфавита) [58, с. 6], заглублены в специально вырытый в материке неглубокий котлован и перекрыты невысокими курганными насыпями. Камеры имеют квадратную форму, и их размеры колеблются в пределах 3—4×2—3,5 м. Полы

в большинстве случаев — утрамбованная земля. К камерам вели (с южной или юго-западной стороны) недлинные (до 2 м) дромосы. Своды были клинчатые пологие, двухскатные или чаще всего уступчатые и полуцилиндрические. В склепах имелись лежанки и ниши. Каменные склепы, как известно, были распространены на Боспоре и раньше, особенно в IV—III вв. до н. э. Но тогда они служили усыпальницами для отдельных представителей боспорской (подчас греко-варварской) знати. В первые же века нашей эры склепы представляют собой семейные гробницы как довольно зажиточных горожан (ряд пантикапейских склепов), так и, по-видимому, рядового населения (склепы Китея, «Илурата» и Пантикапея). И в этом их главная особенность в рассматриваемое время по сравнению с предшествовавшими столетиями.

Каменные склепы в I—III вв. н. э. обычны в некрополях Ольвии [35, с. 38] и Херсонеса [36, с. 8, 9] и конструктивно схожи с боспорскими. Для погребального обряда племен Северного Причерноморья этот тип гробниц в рассматриваемое время был совершенно не характерен. Сооружение в некрополях городов европейского Боспора каменных склепов, предназначенных в большинстве своем для коллективных захоронений, вероятно, объясняется теми же изменениями в идеологии и характере семейно-родственных отношений, которые привели к широкому распространению земляных склепов.

Несколько особняком по обряду совершенных в них захоронений стоят отдельные склепы предполагаемого Илурата и Нимфея.

Во время недавних раскопок некрополя Нимфея у дромосов некоторых склепов I—III вв. н. э. были обнаружены конские захоронения [7, с. 270, 271]. Скелет лошади найден в дромосе одного из склепов «Илурата» [12, с. 139, 140]. В дромосах других гробниц этого городка, которые относятся ко II—III вв. н. э., также были обнаружены кости лошадей [13, с. 81—84]. Наконец, скелет лошади был и в одной из «катакомб», открытых А. А. Дириным в урочище Сююрташ [11, с. 128].

В Пантикапейском некрополе рассматриваемого времени их известно пять [53, с. 15, погр. 50; 60, с. 817; 61, с. 539; 62, с. 271; 2, с. 150]. Скелеты коней сопровождались предметами упряжи и чаще всего находились, видимо, в насыпи над могилой или в дромосе. Более точно охарактеризовать эти погребения невозможно из-за поверхностного их описания руководителями раскопок. Вероятно, конские захоронения сопровождали и погребение царя Рескупорида II [1, с. 83] (склеп 1845 г.). Неясно, относились ли к каким-либо и если да, то к каким именно гробницам, конские скелеты, найденные на западном склоне Длинной горы и в сплошных могильных насыпях на западном склоне горы Митридат [63, с. 9, погр. 25; 64, с. 8].

В сопредельном с Боспором варварском мире сопутствующие захоронения коней довольно обычны лишь в могильниках I—IV вв н. э. Прикубанья. Так, в Усть-Лабинском могильнике в некоторых подбойных и камерных гробницах находились скелеты лошадей и коров, а иногда и тех и других. Размещались они, как правило, в могильной яме параллельно человеческому костяку, но несколько выше его и на некотором расстоянии [31, с. 191]. Кроме коров и лошадей встречаются и скелеты собак, а также предметы упряжи [32, с. 30]. Подобные погребения присутствуют и в других могильниках первых веков нашей эры [32, с. 18—48]. В более аристократическом Золотом кладбище также найдены в могильных ямах камерных гробниц скелеты лошадей и железные уздечки [65, с. 75 сл.]. Чучела коней встречаются и в более ранних скифских и меотских могилах. Но, видимо, все же следует признать, что для данного времени сопутствующие захоронения коней во входных могильных ямах подбоев и камер являются элементом раннеаланского погребального обряда. Не исключено, что некоторые из боспорских могил со скелетами коней оставлены ими же. В то же время не все они аналогичны прикубанским. Обычай погребения с умершими конями или символизирующей их уздой был заимствован боспорянами и отчасти вошел в их погребальный обряд еще в предшествовавшие столетия. Этому в немалой степени

способствовало известное изменение уклада жизни части населения Боспора. Мы имеем в виду определенные перемены в экономике (сельском хозяйстве) государства, выразившиеся в развитии полукочевого скотоводства и переложного земледелия. Это не замедлило отразиться на привычках, мировоззрении и искусстве боспорян. Вспомним хотя бы многочисленные рельефы всадников на надгробиях, росписи склепов I—III вв. н. э. с изображением коней, конных битв и т. п. Нельзя забывать и того, что достаточно зажиточный боспорянин этого времени в случае войны становился конным воином. Таким образом, конские захоронения могли появиться и под влиянием, так сказать, внутренних мотивов. Конечно очень заманчиво было бы связать сопровождаемые конскими скелетами или костями погребения в склепах «Илурата» с могилами нанятых на военную службу, расселенных по пограничным городкам-крепостям и осевших на Боспоре воинов аланских дружин. Датировка этих могил не противоречит времени аланского господства в Северном Причерноморье и известной надписи аланского переводчика.

В некрополях ряда боспорских городов есть погребения, в которых были обнаружены захоронения людей с деформированными черепами. У греков, в том числе и у выходцев из малоазиатских городов, этот обычай совершенно отсутствовал. Не был он в ходу и у местного населения, соседствовавшего с Боспором в VI—II вв. до н. э. Не случайно в боспорских некрополях этого периода подобных захоронений нет. Строго говоря, деформация черепа не имеет отношения к собственно погребальному обряду. И мы упоминаем здесь об этом в силу специфичности данного явления. В некрополе Пантикапея известно семь погребений с деформированными черепами [53, с. 16, погр. 53, 54; 66, с. 15, погр. 51, с. 108, погр. 183, с. 86, погр. 75; 67, с. 5, погр. 10, 15]. Они найдены как в простой земляной гробнице, так и в подбойных и плитовых могилах и земляных склепах. Точная датировка их не всегда возможна, но по имеющимся данным они относятся ко времени не ранее III в. н. э.

Один череп с признаком деформации находился в каменном склепе № 2 некрополя Китея [68, с. 4]. Детское погребение в земляной гробнице с сильно деформированным черепом было раскопано А. А. Диринным вблизи Зенонова Херсонеса [11, с. 123]. Судя по суммарному описанию инвентаря могил этой группы, оно датируется II—IV вв. н. э. В одной версте к юго-востоку от мыса Зюк им же найдено еще два костяка (один детский в двухкамерном земляном склепе, другой — в грунтовой могиле с каменным перекрытием, оба в деревянных гробах) с деформированными черепами [11, с. 124, 125]. По-видимому, оба они относятся к III—IV вв. н. э. В 1978 г. во время раскопок зольника на самом поселении на мысе Зюк в овальной яме на глубине около 1,2 м было обнаружено три захоронения: одно детское в обломках амфоры и два скорченных костяка с деформированными черепами. Оба взрослых скелета, принадлежавших женщинам 17—18 и около 30 лет, имели северо-западную ориентацию. Возле одного из черепов лежали две бронзовые сережки с гранеными шишечками, а на запястье скелета — железный широкий браслет. По стратиграфии этой ямы в зольнике и облику находок данные захоронения следует отнести к концу III или скорее всего к началу IV в. н. э.

К сожалению, костные остатки скелетов из могил некрополя предполагаемого Илурата сохранились крайне плохо. Были ограблены и скальные склепы Китея, Нимфея, Тасуново.

В специальной литературе утвердилось мнение, что обычай деформации черепов был принесен в Северное Причерноморье в первые века нашей эры сарматами, а точнее аланами [69, с. 492—494; 70, с. 556—560; 71, с. 138; 32, с. 14]. Он появляется у сармат Поволжья еще в I в. н. э., но массовым этот обычай становится во II—IV вв. н. э. [32, с. 124]. Деформация, по предположению К. Ф. Смирнова, была результатом среднеазиатского влияния на сарматов [72, с. 112, 113]. Возможно, она существовала и у сираков, но стала характерной чертой лишь у алан [32, с. 125]. Нам не вполне ясен этнический состав участ-

ников готских походов середины III в. н. э., захлестнувших на какое-то время и Боспор. Среди них, вероятно, были и макрокефалы.

Все же при современном состоянии наших знаний представляется более достоверным, что деформированные черепа в ряде погребений некрополей европейских городов Боспора свидетельствуют о проникновении в них алан. Датировка этих могил в целом согласуется со временем появления иных аланских элементов в погребальном обряде, керамике и, возможно, ономастике Боспора. Не исключено, что особенно сильная аланская волна пришла на Боспор, ослабленный готскими нашествиями, т. е. во второй половине III в. н. э. Но это пока только предположение.

В большинстве склепов Тиритаки [9, с. 64 сл.; 10, с. 75 сл.], в каменном склепе № 1 Китея отмечена подсыпка пола слоем морских раковин. Подобной черты нет в могильниках сопредельных варварских племен. Зато могилы I—III вв. н. э. с дном, усыпанным раковинами, есть в некрополях сельских поселений Боспора, например у современных деревень Золотое, Новоотрадное, Кыз-Аул. Скорее всего эта традиция родилась у жителей побережья Керченского полуострова самостоятельно, без чьего бы то ни было влияния. Интересно, что она сохранялась у сельского населения этих районов и в раннесредневековое время (VIII—IX вв.). Об этом свидетельствуют раскопки автором нескольких могил в 1,5 км восточнее с. Золотое в 1976 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея, его история этнический и социальный состав.– МИА, 1951, № 19.
2. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
3. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
4. *Грач Н. Л.* Нимфейская экспедиция Государственного Эрмитажа.– АО-1973. М., 1974.
5. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
6. *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.– МИА, 1959, № 69.
7. *Грач Н. Л.* Раскопки некрополя Нимфея.– АО-1974. М., 1975.
8. *Грач Н. Л.* Раскопки некрополя Нимфея.– АО-1977. М., 1978.
9. *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.– МИА, 1941, № 4.
10. *Кобылина М. М.* Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.– МИА, 1941, № 4.
11. *Дирин А. А.* Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки.– ЗООИД, 1896, XIX.
12. *Гайдукевич В. Ф.* Илурат.— МИА. 1958, № 85.
13. *Кубланов М. М.* Исследование некрополя Илурата.– КСИА АН СССР, 1971, № 128.
14. *Кубланов М. М.* Раскопки некрополя Илурата в 1969 г.– КСИА АН СССР, 1972, № 130.
15. *Кубланов М. М.* Новые памятники некрополя Илурата.– КСИА АН СССР, 1976, 145.
16. *Блаватский В. Д., Шелов Д. Б.* Разведки на Керченском полуострове.– КСИИМК, 1955, № 58.
17. *Граков Б. Н., Мелюкова А. И.* Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время.– ВССА, 1954.
18. *Граков Б. Н.* Скифское погребение на Николаевском курганном поле.– МИА, 1962, № 115.
19. *Мелюкова А. И.* Скифские курганы Тираспольщины.– МИА, 1962, № 115.
20. *Ольховский В. С.* Скифские катакомбы в Северном Причерноморье.– СА, 1977, № 4.
21. *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе.– ПСА, 1971.
22. *Яковенко Э. В.* Скифские погребения на Керченском полуострове.– ПСА, 1971.
23. *Коровина А. К.* Рецензия на книгу Н. П. Сорокиной «Тузлинский некрополь».– СА, 1959, № 1.
24. *Десятчиков Ю. М.* Сарматы на Таманском полуострове.– СА, 1973, № 4.
25. *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1959–1960 гг.– КСИА АН СССР, 1962, № 91.
26. *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1961 г.– КСИА АН СССР, 1963, № 95.
27. *Сорокин С. С.* Среднеазиатские катакомбные и подбойные захоронения как памятник местной культуры.– СА, 1956, XXVI.
28. *Горбунова Н. Г.* О локальных особенностях в культуре древней Ферганы.– СА, 1970, № 1.
29. *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья – Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.– СА, 1972, № 2.
30. *Анфимов Н. В.* Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья.– КСИИМК, 1947, XVI.
31. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской.– МИА, 1951, № 23.
32. *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением

северо-западного Кавказа. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного изд-ва, 1976.
33. ОАК за 1901. СПб., 1903.
34. *Анфимов Н. В.* Племена Прикубанья в сарматское время.– СА, 1958, XXVIII.
35. *Паровић-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наукова думка, 1974.
36. *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического: Автореф. канд. дис. Киев: ИА АН УССР, 1978.
37. *Зубарь В. М.* Склепи з нішами-лежанками з некрополя Херсонеса.— Археологія, 1978, № 28.
38. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.– ВДИ, 1948, № 1.
39. *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.– ИАК, 1903, вып. 8.
40. *Pottier E., Reinach S.* La nécropole de Merina. I. Paris, 1887.
41. *Breccia E.* La necropoli di Sciatby. Caïro, 1912, t. XIX.
42. *Breccia E.* La necropoli die Sciatby. Cairo. 1912, t. XX.
43. *Weigand Th., Schräder H.* Prien. Berlin, 1904.
44. *Hermann P.* Das Gräberfeld von Marion auf Cypren. Berlin, 1888.
45. *Buchholz H.-G.* Tomassos. Zypern, 1973.
46. *Buchholz H.-G.* Tomassos. Zypern, 1973.– АЛ, № 4. 1974.
47. *Frasca M.* Nuovi rinvenimenti nella necropoli del Monte Finocchito(Noto).– Silica Archeologica, 1979, № 39. Trapani Sicilia.
48. *Маргос А.* Раннохристианские скальные гробницы при град Провадия.– Изв. на народния музей Варна, 1970, т. VI (XXI).
49. *Коковцев П. К.* К пальмирской археологии и эпиграфике.– ИРАИК, 1908, т. XIII.
50. Отчет о деятельности Русского археологического института в Константинополе в 1904 г.– ИРАИК, 1908, т. XIII (София).
51. *Ростовцев М. И.* Понт, Вифиния, Боспор.– Русский исторический журнал, СПб., 1917, № 1–2.
52. *Кулаковский Ю.* Две керченские катакомбы с фресками.– МАР, 1896, вып. 19.
53. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях.– ИАК, 1905, № 17.
54. *Думберг К. Е.* Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г.– ИАК, № 2.
55. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г.– ИАК, 1903, № 7.
56. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г.– ИАК, 1901, № 35.
57. *Крыжицкий Д. С., Кубланов М. М.* Склеп 18 некрополя Илурата.— Археологія, 1972, № 7.
58. *Молев Е. А.* Отчет о раскопках Китея в 1973 г.– Архив КГИАМ, № 316.
59. *Молев Е. А., Масленников А. А.* Раскопки некрополя Китея.– АО-1977, М., 1978.
60. *Бларамберг М.* Археологические разыскания в Керчи.– ЗООИД, 1850, т. II.
61. *Линевич А. С.* О керченских гробницах.– Пропилеи, 1854, кн. IV.
62. *Штерн Э. Р.* Содержание гробницы, раскопанной в 1896 г. в Керчи.– ЗООИД, 1898, т. XXI.
63. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1909 г.– ИАК, 1913, № 47.
64. ОАК за 1867. СПб., 1868.
65. ОАК за 1901. СПб., 1902.
66. *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.– ИАК, 1904, № 9.
67. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г.– ИАК, 1909, № 30.
68. *Молев Е. А.* Отчет о раскопках в Китее в 1977 г. Архив КИАМ, № 528.
69. *Шилов В. П.* Калиновский курганный могильник.– МИА, 1959, № 60.
70. *Гинзбург В. В.* Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья.– МИА, 1959, № 60.
71. *Ефанов Ю. П.* Кобяковский грунтовый могильник и вопрос об его этнической принадлежности.– В кн.: Античная история и культура Северного Причерноморья. Л., 1968.
72. *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия.– КСИИМК, 1950, № 34.

A. A. Maslennikov

FEATURES OF FIRST-CENTURIES NECROPOLISES OF EUROPEAN BOSPORAN CITIES

Summary

The author concentrates on the problem of the origins of the widespread in the first centuries A. D. so-called ground vaults. His investigation led him to conclude that in general they resembled those of the Greek centres of Asia Minor; their appearance in the European Bosporan cities was due to the intensive contacts with these centres, definite changes in family relations and ideological system of the Bosporans in the Roman times. The article also describes certain peculiarities of the Bosporan burial rites.

АЛЕКСЕЕВ В. П.

ОПЫТ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ СКУЛЬПТУР ХАЛЧАЯНА И ДАЛЬВЕРЗИНА

В 1977 г. я имел возможность благодаря любезности Г. А. Пугаченковой и Э. В. Ртвеладзе изучить в Ташкенте богатую коллекцию скульптуры, добытую при раскопках древних поселений Халчаян и Дальверзин, расположенных на территории Сурхан-Дарьинской обл. Узбекской ССР. Скульптура эта была описана и издана в нескольких монументальных книгах Г. А. Пугаченковой [1—4], в которых подробно изложены обстоятельства археологических раскопок памятников, рассмотрены вопросы функционального назначения, семантического содержания и художественного стиля скульптуры, приведены многочисленные аналогии и освещено ее место среди других аналогичных произведений скульптурной пластики эллинистического восточносредиземноморского искусства. Естественно, обстоятельному рассмотрению подвергнута в них и проблема генезиса скульптуры кушанской Бактрии и ее взаимоотношений с гандхарским искусством и искусством других районов огромной кушанской империи.

Краткие итоги многолетнего исследования Г. А. Пугаченковой скульптуры Халчаяна и Дальверзина могут быть сведены к следующему: «Анализ памятников бактрийского ваяния выявляет в нем три основных источника, слившихся в единый поток: профессиональное искусство античного бактрийского города, впитавшего высокие достижения греческой цивилизации, архаизирующую старобактрийскую струю, хранителем которой было, по-видимому, в основном село, и, наконец, культуру кочевой степи. В лучших образцах бактрийского искусства три этих начала предстают в неразрывном синтезе» [2, с. 11]. В своих исследованиях Г. А. Пугаченкова неоднократно обращает внимание на высокие реалистические достоинства и портретность скульптуры Халчаяна, частично и Дальверзина [5], и даже использует халчаянский материал в сопоставлении с нумизматическим для реконструкции иконографии Герая [6].

Впечатляющий реализм и портретность халчаянских скульптур дали возможность исследовательнице остановиться и на антропологических особенностях изображенных. Чтобы дать полное представление о ее трактовке этого вопроса, приведу пространную цитату из работы, посвященной иконографии Герая: «Ни одно лицо не повторяет другого, все они глубоко индивидуальны, по-видимому, портретны, передавая возраст, темперамент, персональные отличия черт. А между тем антропологический тип их явно един. Характерно некоторое западание линии лба у середины и резкое нависание над переносицей, придающее лицам определенную суровость, правильный некрупный нос, небольшая скуластость, подквадратное очертание нижней челюсти, выразительный рот с припухлой нижней губой. Глаза удлиненного разреза, но без малейшего признака монгольской складки, однако при окраске статуй скульптор отчеркнул веки краской, удлинив их несколько вкось к вискам. Затылочная часть сильно уплощена — возможно, что это связано не только с особенностями самой скульптурной лепки (поскольку фигуры входили в горельефные композиции и головы почти соприкасались со стеной), но что здесь передается та уплощенность, которая в таджикской, узбекской, уйгурской среде получается в результате привязывания младенца к плоскодонной люльке — бешику. Вполне вероятно, что наши скульптурные го-

ловы отражают одну из разновидностей искусственной деформации черепа, которая была столь типична для многих народов древности, а в туркменской среде сохранялась еще до недавнего времени. И уплощенный затылок, и костное нависание лба над переносицей при закатанной форме его наверху — все это могло быть вызвано перетяжкой детского черепа специальным бинтом; у взрослых же сохранялся узкий ремень как обязательная деталь перехвата волос.

Описанные скульптурные головы принадлежат к той расовой категории, которую антропологи именуют „европеоидной расой Среднеазиатского междуречья", с присущими для определенного племенного состава своеобразием и сходством этнического типа и, очевидно, традиционной для данного племени подстрижкой растительности» [6, с. 132, 133].

Каковы причины обращения антрополога к рассмотрению халчаянских и дальверзинских статуй? Частично они указаны выше — это их портретность и высокая степень совершенства в передаче деталей лица. Скульптурные головы из Дальверзина выполнены в несколько более условной манере, но и в них можно видеть с высокой долей вероятности портретные изображения. Однако дело не только в этом. Палеоантропология Бактрии на рубеже нашей эры, к которому относится рассматриваемая скульптура, представлена лишь небольшой серией черепов из раскопок М. М. Дьяконова на городище Туп-Хона, расположенном на территории Гиссарского р-на Таджикской ССР. Погребения, из которых происходят черепа, датируются временем от I в. до н. э. до VIII в. н. э. И небольшое количество добытых палеонтропологических материалов, и их не очень определенная датировка в широких хронологических пределах лишают эту краниологическую серию серьезного значения. Исследовавший ее В. В. Гинзбург диагностировал ее как относящуюся к типу Среднеазиатского междуречья и отметил слабую монголоидную примесь [7]. Но подтвердить последнее заключение точными краниометрическими измерениями не удается, и оно остается визуальным впечатлением; что же касается первого вывода, то характер самой серии не позволяет экстраполировать его на население окружающих территорий в пространстве и локализовать во времени. Отдельные единичные находки мало меняют дело [8].

Но и скудность палеоантропологического материала в данном случае не исчерпывает причин, которые заставляют обратиться к анализу иконографии. Мне уже приходилось отмечать ее самостоятельное значение [9]. В скульптурных и живописных изображениях прошлых эпох отражен облик живых людей, и они дополняют палеоантропологический материал так же, как дополняют его соматологические данные, т. е. обогащают нас знанием строения мягких тканей лица, частично и пигментации, которые неопределимы на черепе и скелете. Поэтому даже в тех случаях, когда мы имеем богатые краниологические коллекции, как, например, с территории древнего Египта, антропологическое исследование древнеегипетской скульптуры имело бы первостепенное как узкоморфологическое, так и историко-этногенетическое значение.

Подход к скульптурному произведению как к антропологическому источнику сам по себе ставит много проблем. Здесь и уровень художественной культуры данного общества в тот или иной отрезок времени, предопределяющий степень формального совершенства в воспроизведении натуры, в том числе и человеческого лица, и господствующий стиль, в рамках которого колебания от стремления к внешнему правдоподобию до полного его отрицания приводят к прямо противоположным художественным решениям, и индивидуальность творца, создающая значительный диапазон отклонений от фотографического копирования натуры и огромную амплитуду в выборе того, что фиксируется художником в лице человека как типичное. Чтобы сделать первые шаги в освоении антропологом скульптуры как антропологического источника, мы оставляем эти проблемы без внимания, условно исходя из вероятного, хотя и недоказанного, предположения, что реалистический характер скульптуры в данном случае (пластика Халчаяна и Дальверзина) создает достаточную основу

Таблица 1

Волосяной покров на лице, область лба и глаз

Признак	Классы развития признака	Халчаян				Дальверзин			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
		число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл
Рост бороды	Средний (3)	12	85,8	—	—	1	100,0	—	—
	Сильный (4)	1	7,1	—	—	—	—	—	—
	Очень сильный (5)	1	7,1	—	—	—	—	—	—
	Средний балл	14	3,21	—	—	1	3,00	—	—
Рост бровей	Средний балл	22	3,00	9	3,00	2	3,00	2	3,00
Наклон лба	Сильно наклонен (1)	10	43,5	3	33,0	—	—	—	—
	Слабо наклонен (2)	10	43,5	3	33,3	4	57,1	3	50,0
	Прямой (3)	3	13,0	3	33,4	3	42,9	3	50,0
	Средний балл	23	1,70	9	2,00	7	2,43	6	2,50
Развитие надбровья	Слабое (1)	3	13,0	5	55,6	4	57,1	6	100,0
	Среднее (2)	10	43,5	4	44,4	2	28,6	—	—
	Сильное (3)	10	43,5	—	—	1	14,3	—	—
	Средний балл	23	2,30	9	1,44	7	1,57	6	1,00
Форма волос на голове	Прямые	7	53,9	5	62,5	—	—	2	50,0
	Волнистые	6	46,1	3	37,5	2	100,0	2	50,0
Ширина глазной щели	Средняя (2)	1	4,5	1	11,1	2	25,0	—	—
	Большая (3)	21	95,5	8	88,9	6	75,0	6	100,0
	Средний балл	22	2,95	9	2,89	8	2,75	6	3,00
Наклон глазной щели	Наружный угол ниже (1)	2	8,7	1	11,1	1	12,5	2	33,4
	Горизонтальный (2)	12	52,2	5	55,6	7	87,5	3	50,0
	Наружный угол выше (3)	9	39,1	3	33,3	—	—	1	16,6
	Средний балл	23	2,30	9	2,22	8	1,88	6	1,83
Эпикантус	Отсутствует	23	100,0	9	100,0	8	100,0	6	100,0
Складка верхнего века в проксимальной части (p)	Отсутствует	20	95,2	7	77,8	8	100,0	6	100,0
	Слабая (1)	—	—	1	11,1	—	—	—	—
	Средняя (2)	1	4,8	1	11,1	—	—	—	—
	Средний балл	21	0,10	9	0,33	8	0,00	6	0,00
Складка верхнего века в медиальной части (*m*)	Отсутствует	20	95,2	7	77,8	8	100,0	6	100,0
	Слабая (1)	—	—	1	11,1	—	—	—	—
	Средняя (2)	1	4,8	1	11,1	—	—	—	—
	Средний балл	21	0,10	9	0,33	8	0,00	6	0,00
Складка верхнего века в дистальной части (*d*)	Отсутствует	21	100,0	8	88,9	8	100,0	6	100,0
	Слабая (1)	—	—	—	—	—	—	—	—
	Средняя (2)	—	—	1	11,1	—	—	—	—
	Средний балл	21	0,00	9	0,22	8	0,00	6	0,00

для суждения об антропологических особенностях оставивших их популяций.

Однако подобное исходное положение, позволяющее отвлечься от перечисленных выше вопросов, которые хотя и назрели, но не могут быть сейчас решены и требуют для своего решения совокупных усилий искусствоведов, историков культуры и антропологов, само по себе не предопределяет выбора конкретной методики исследования. Можно, на-

Таблица 2

Профиль лица и область губ

Признак	Классы развития признака	Халчаян				Дальверзин			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
		число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл
Горизонтальный профиль лица	Плоский (1)	–	–	1	11,1	–	–	–	–
	Средний (2)	1	4,3	1	11,1	–	–	–	–
	Острый (3)	22	95,7	7	77,8	8	100,0	6	100,0
	Средний балл	23	2,96	9	2,67	8	3,00	6	3,00
Выступание скул	Слабое (1)	23	100,0	8	88,9	8	100,0	6	100,0
	Среднее (2)	–	–	–	–	–	–	–	–
	Сильное (3)	–	–	1	11,1	–	–	–	–
	Средний балл	23	1,00	9	1,22	8	1,00	6	1,00
Высота верхней губы	Малая (1)	4	19,0	2	25,0	4	50,0	5	83,4
	Средняя (2)	9	43,0	4	50,0	3	37,5	1	16,6
	Большая (3)	8	38,0	2	25,0	1	12,5	–	–
	Средний балл	21	2,19	8	2,00	8	1,88	6	1,17
Выступание верхней губы	Прохейлия (1)	5	23,8	3	42,9	1	12,5	1	16,6
	Ортохейлия (2)	15	71,4	4	57,1	7	87,5	5	83,4
	Опистохейлия (3)	1	4,8	–	–	–	–	–	–
	Средний балл	21	1,81	7	1,57	8	1,88	6	1,83
«Толщина» верхней губы	Малая (1)	8	38,0	3	37,5	4	57,1	2	33,4
	Средняя (2)	9	43,0	1	12,5	3	42,9	3	50,0
	Большая (3)	4	19,0	4	50,0	–	–	1	16.6
	Средний балл	21	1,81	8	2,13	7	1,43	6	1,89
«Толщина» нижней губы	Малая (1)	2	9,5	2	25,0	–	–	1	16,6
	Средняя (2)	7	33,4	2		5	71,4	3	50,0
	Большая (3)	12	57,1	3	37,5	2	28,6	2	33,4
	Очень большая (4)	–	–	1	12,5	–	–	–	–
	Средний балл	21	2,48	8	2,38	7	2,29	6	2,17
Выступание подбородка	Отступающий (1)	1	9,1	1	14,3	–	–	–	–
	Средний (2)	1	9,1	3	42,9	1	16,6	3	50,0
	Выступающий (3)	9	81,8	3	42,8	6	83,4	3	50,0
	Средний балл	11	2,73	7	2,29	7	2,86	6	2,50

пример, визуально оценивать сходство скульптурных и живописных портретов с теми или иными расовыми комбинациями, что неоднократно делалось [10—13], но такой подход мало отличается от определения расового типа индивидуума — процедуры, оставленной современной антропологией. Г. Ф. Дебец ввел в исследование такого специфического материала, как таштыкские погребальные маски, количественный момент, выразив в градусах горизонтальный профиль среднего отдела лица и подсчитав процент встречаемости некоторых морфологических вариаций, в первую очередь в носовой области [14, 15]. На этом основании удалось сделать вывод о близости антропологического типа таштыкского населения к морфологическим комбинациям, зафиксированным у шорцев и хакасов. Но формализованный подход и в этом случае охватил лишь некоторые детали строения мягких тканей лица.

Представляется целесообразным по возможности полностью использовать применительно к антропологическому изучению скульптуры из Халчаяна и Дальверзина опыт, накопленный в соматологии [16, 17]. Это означает фиксацию элементов мягких тканей лица на скульптуре так, как если бы перед нами был живой субъект, т. е. с помощью баллов, каж-

Таблица 3

Строение носа

Признак	Классы развития признака	Халчаян				Дальверзин			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
		число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл
Высота переносья	Средняя (2)	1	4,3	1	12,5	1	12,5	1	16,6
	Большая (3)	22	95,7	7	87,5	7	87,5	5	83,4
	Средний балл	23	2,96	8	2,88	8	2,88	6	2,83
Поперечный профиль спинки носа	Плоский (1)	1	4,3	—	—	—	—	—	—
	Средний (2)	2	8,6	1	12,5	3	37,5	3	50,0
	Острый (3)	20	87,1	7	87,5	5	62,5	3	50,0
	Средний балл	23	2,83	8	2,88	8	2,63	6	2,50
Профиль костной части спинки носа	Вогнутый (1)	1	4,5	—	—	1	12,5	—	—
	Прямой (2)	15	68,5	6	85,7	6	75,0	5	83,4
	Выпуклый (3)	6	27,0	1	14,3	1	12,5	1	16,6
	Средний балл	22	2,23	7	2,14	8	2,00	6	2.17
Профиль хрящевой части спинки носа	Вогнутый (1)	2	10,0	—	—	—	—	—	—
	Прямой (2)	13	65,0	6	100,0	7	87,5	4	66,6
	Выпуклый (3)	5	25,0	—	—	1	12,5	2	33,4
	Средний балл	20	2,15	6	2,00	8	2,13	6	2.33
Общий профиль спинки носа	Вогнутый	1	5,0	—	—	1	12,5	—	—
	Прямой	12	60,0	5	83,4	4	50,0	3	50,0
	Выпуклый	7	35,0	1	16,6	3	37,5	3	50,0
Положение кончика носа	Приподнятое (1)	8	50,0	2	40,0	4	80,0	2	40,0
	Горизонтальное (2)	4	25,0	3	60,0	1	20,0	3	60,0
	Опущенное (3)	4	25,0	—	—	—	—	—	—
	Средний балл	16	1,75	5	1,60	5	1,20	5	1,60
Положение основания носа	Приподнятое (1)	7	43,8	2	40,0	3	60,0	1	20,0
	Горизонтальное (2)	6	37,5	3	60,0	2	40,0	4	80,0
	Опущенное (3)	3	18,7	—	—	—	—	—	—
	Средний балл	16	1,75	5	1,60	5	1,40	5	1,80

дый из которых отражает определенный вариант. Разумеется, речь может идти только об описательных признаках — измерение скульптуры, как легко понять, совершенно бессмысленно. Даже определение индексов, т. е. отношений двух размеров, невозможно из-за трудности фиксации точек, на которые опираются размеры. Что же касается описательных признаков, то они, за исключением немногих случаев, легко фиксируются на скульптурных портретах, и определения их практически полностью сравнимы со стандартными соматологическими данными.

Однако прежде чем перейти к рассмотрению результатов применения соматологической методики к изучению халчаянских и дальверзинских скульптурных портретов, отмечу два момента, которые фиксируются визуально,— строение мозгового черепа и пигментацию. Из приведенной в начале статьи цитаты ясно видно, что Г. А. Пугаченкова считает весьма вероятным проявление кольцевой деформации на скульптурных головах из Халчаяна. В дополнение к ее аргументации можно указать на полученную с помощью балловой характеристики (см. табл. 1) аргументацию в пользу значительной уплощенности лобной кости, сопровождающейся сильным надбровьем. Можно было бы думать, что такие показатели проистекают за счет моего сугубо индивидуального способа их определения, на что уже указывалось в литературе [18], но в дальвер-

Таблица 4

Строение крыльев носа и ноздрей

Признак	Классы развития признака	Халчаян				Дальверзин			
		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
		число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл	число наблюдений	процент наличия или средний балл
Высота крыльев носа	Малая (1)	3	18,8	2	33,4	3	50,0	3	60,0
	Средняя (2)	7	43,7	1	16,6	—	—	2	40,0
	Большая (3)	6	37,5	3	50,0	3	50,0	—	—
	Средний балл	16	2,19	6	2,17	6	2,00	5	1,40
Выступание крыльев носа	Малое (1)	5	31,3	1	16,6	—	—	—	—
	Среднее (2)	4	25,0	2	33,4	2	33,4	1	20,0
	Большое (3)	7	43,7	3	50,0	4	66,6	4	80,0
	Средний балл	16	2,13	6	2,33	6	2,67	5	2,80
Выраженность крыльевых борозд	Слабая (1)	4	25,0	2	40,0	6	100,0	4	80,0
	Средняя (2)	6	37,5	2	40,0	—	—	1	20,0
	Сильная (3)	6	37,5	1	20,0	—	—	—	—
	Средний балл	16	2,13	5	1,80	6	1,00	5	1,20
Слияние крыльевой борозды с носогубной	Нет слияния (1)	—	—	1	20,0	—	—	—	—
	Есть слияние (2)	11	68,7	4	80,0	6	100,0	5	100,0
	Образуют прямую линию (3)	5	31,3	—	—	—	—	—	—
	Средний балл	16	2,31	5	1,80	6	2,00	5	2,00
Положение осей ноздрей	Поперечное (1)	1	11,1	—	—	—	—	—	—
	Среднее (2)	5	55,5	2	100,0	2	50,0	1	33,4
	Сагиттальное (3)	3	33,4	—	—	2	50,0	2	66,6
	Средний балл	9	2,22	2	2,00	4	2,50	3	2,67
Форма ноздрей	Круглая (1)	1	11,1	1	50,0	—	—	1	33,3
	Треугольная (2)	4	44,4	1	50,0	—	—	1	33,3
	Овальная (3)	4	44,5	—	—	4	100,0	1	33,4
	Средний балл	9	2,33	2	1,50	4	3,00	3	2,00

зинской популяции нет ни того, ни другого, и вариации, и наклон лба, и развития надбровья не выходят за пределы современных средних. Можно полагать поэтому, что следы кольцевой деформации на скульптурных головах их Халчаяна почти несомненны. Что же касается происхождения и ареала этой деформации, являющейся в значительной мере следствием пребывания в бешике в детском возрасте, то ареал этот не ограничивается только перечисленной Г. А. Пугаченковой узбекской, таджикской и уйгурской этнической средой, но широко охватывал в древности помимо Средней Азии территорию Передней Азии и Кавказа. Е. В. Жиров считал даже результатом действия бешика в целом широкое распространение брахикефалии в Передней и Средней Азии [19], что не нашло, правда, поддержки у других исследователей [20]. Кстати говоря, против уплощенности затылка как следствия горельефного характера скульптур говорит и равномерное расширение головы от области лба назад, несомненно свидетельствующее о брахикефалии.

Рассматриваемые статуи были раскрашены, и следы этой раскраски сохранились. Они позволяют до какой-то степени судить о пигментации исследуемого населения. Во всех случаях, когда можно уверенно судить об этом, и глаза, и волосы были закрашены черным цветом (цвет волос:

пять мужских статуй и две женские Халчаяна: одна мужская и одна женская статуи Дальверзина; цвет глаз: девять мужских и три женские статуи Халчаяна; одна женская статуя Дальверзина). Разумеется, эта окраска не дает никакой возможности судить об оттенках темного цвета волос и глаз, которые фиксируются в соматологии. Однако не вызывает сомнения, что на статуях изображены люди, являющиеся носителями темнопигментированного антропологического комплекса, отличавшегося интенсивно черным цветом волос и глаз. В сочетании с брахикефалией и визуально фиксируемым европеоидным строением лица такая пигментация образует комбинацию признаков, действительно близкую к так называемой расе Среднеазиатского междуречья в традиционном понимании этого термина.

В табл. 1—4 сведены данные о вариациях определявшихся описательных признаков. Не углубляясь в детали, интересные лишь специалистам-антропологам, и помня об условности многих определений на скульптурных портретах и небольшом числе наблюдений, можно следующим образом суммарно охарактеризовать их антропологические особенности. Волосяной покров на лице у мужчин развит сильно, значительный процент, очевидно, составляли лица с волнистыми волосами на голове. Глаза широко открыты и в подавляющем большинстве случаев горизонтально поставленные, с чрезвычайно малым развитием складки верхнего века и полным отсутствием эпикантуса. Горизонтальный профиль лица очень острый, скулы практически совсем не выступают. Расстояние от основания носа до верхней губы довольно большое, верхняя губа у большинства ортохейличная, т. е. не выступает вперед, обе губы умеренно толстые, подбородок сильно выступающий. Нос с очень высоким переносьем, чаще всего прямой, с преобладанием выпуклых форм, положение кончика и основания умеренно приподнятые. Крылья носа высокие и сильно выступающие, ограничивающие их борозды четко моделированы.

Описанное сочетание признаков несомненно свидетельствует о сильной выраженности европеоидных особенностей. Популяции с сильной выраженностью европеоидных особенностей встречаются и на севере, и на юге ареала расселения европеоидов, но темная пигментация и значительное число лиц с волнистыми волосами позволяют нам определенно констатировать, что мы имеем дело с южноевропеоидным средиземноморским комплексом признаков. В обобщающих работах по антропологии и палеоантропологии Средней Азии он так и называется [21, 22], хотя в конкретных исследованиях его часто называют вслед за Э. Фишером восточносредиземноморским [23], не приводя в доказательство оправданности такого наименования никакого набора диагностически ценных морфологических признаков, специфичного для географических восточносредиземноморских популяций в отличие от популяций Западного Средиземноморья. Называют его и закаспийским [24], что опять отражает чисто географический подход к проблеме генезиса этого комплекса и вопросам расовой терминологии.

Каково отношение этого комплекса к расе Среднеазиатского междуречья, которую вслед за А. И. Ярхо называют еще, более удачно в соответствии с нормами русского языка, памиро-ферганской [25], хотя это наименование и не стало употребительным? Между ними, если традиционно рассматривать носителей памиро-ферганского комплекса как круглоголовых европеоидов с монголоидной примесью, нельзя ставить знак равенства: современные памиро-ферганцы, в частности узбеки Сурхан-Дарьинской области, т. е. жители того же района, где обнаружены памятники, о которых идет речь, гораздо более монголоидны, чем жители северной Бактрии в последние века до н. э. У них ниже переносье, площе лицо в горизонтальной плоскости, значительно сильнее развиты скулы, заметнее складка верхнего века, есть эпикантус [26]. Но дело даже не в этом — основной момент состоит в том, что памиро-ферганская раса потеряла в настоящее время свое морфологическое единство. Не приуроченные к этническим общностям, но территориально дифференцированные исследования внутри ее ареала выявили значительно различающиеся

комплексы признаков [27—29]. Различия между ними видны не только в головном указателе, о чем вскользь упоминалось и раньше (по отношению к палеоантропологическому материалу говорилось и о размерах лица) [22], но во многих других признаках. Происхождение этих комплексов, очевидно, различно. Таким образом, население, представленное в скульптурах Халчаяна и Дальверзина, несмотря на брахикефалию, трудно диагностировать как относящееся к памиро-ферганской расе или расе Среднеазиатского междуречья.

Итак, перед нами типичные представители средиземноморской ветви европеоидов, к которой на территории Средней Азии принято относить туркмен [30, 31]. Однако среди туркмен отчетливо фиксируется монголоидная примесь, имеющая, очевидно, двоякое происхождение и восходящая как к монголоидным компонентам, включившимся в состав предков туркмен в эпоху средневековья, так и к более древнему монголоидному населению [32, 33]. Европеоидный компонент в составе туркмен, предположительно представленный сериями эпохи энеолита и ранней бронзы из Кара-депе и Геоксюра [22, 23], отличался четко выраженной долихокранией и также не может поэтому сопоставляться со средиземноморским комплексом Халчаяна и Дальверзина.

Культурно-историческая обстановка в северной Бактрии и особенно события, связанные с самим образованием Бактрийского царства, позволяют предполагать значительное влияние греческого этнического элемента, особенно в правящих кругах [34]. Исследование антропологического состава греков разных территорий их расселения продемонстрировало широкое распространение резко выраженных европеоидных, но брахикефальных комплексов [35]. Описан такой комплекс в составе греков и на краниологическом материале [36]. Древнее население Греции эпохи неолита и бронзы было долихокранным [37, 38], но уже скульптура классического периода, антропологическое исследование которой предстоит осуществить, дает нам много образцов портретов круглоголовых людей [39]. Представляется весьма вероятным, что смешение такого брахикефального европеоидного компонента, принесенного с территории Малой Азии и юга Балканского полуострова, с местным, основные особенности которого мы можем представить себе на основании исследований, проведенных в южных районах Таджикистана [27, 40—42], и обусловило своеобразие антропологических черт людей, портреты которых отражены в скульптуре Халчаяна и Дальверзина.

Каковы генетические связи местного антропологического компонента, характерного для населения южного Таджикистана и несомненно вошедшего через ираноязычный «сартский» пласт в этногенез узбеков и в состав современного таджикского населения? В предварительном сообщении о результатах антропологического изучения скульптуры Халчаяна и Дальверзина я попытался кратко наметить вероятный круг аналогий [43], использовав опыт исследования представителей той локальной расы в составе южных средиземноморских европеоидов, которая получила наименования «индо-афганской» и «индо-памирской» и к которой кроме таджиков относятся некоторые народы Средней Азии и Кавказа, многие этнические группы Афганистана и подавляющее большинство народов северной и северо-западной Индии.

Речь идет о работе на территории штата Махараштра, где в 1974—1975 гг. были определены соматотипы и описательные признаки у 10 этнокастовых групп. Состав экспедиции позволил обеспечить довольно широкую программу исследований, которые отражены в печати лишь в предварительной форме [44]. В частности, в число этих 10 групп в качестве сравнительных входят такие разные по своим антропологическим особенностям народы, как парсы, изученные в Бомбее, и санталы, изученные в окрестностях Калькутты. Нас, однако, интересуют в связи с нашей темой в первую очередь антропологические особенности высоких каст — дешастхи ригведи, каястха прабху и читпаванов. Им оказались свойственны очень темная пигментация волос и глаз при относительно светлой коже, резко выраженные южноевропеоидные особенности в строении

мягких тканей лица — сильно выступающий нос, резкий горизонтальный профиль, припухлые губы, наконец, значительный процент среди них составляли индивидуумы с волнистыми волосами. Налицо комбинация признаков, близкая той, которая с определенными модификациями зафиксирована на статуях Халчаяна и Дальверзина. Как исторически объяснить это морфологическое сходство? Я вижу ему лишь одно объяснение: на территории южных районов Средней Азии до рубежа нашей эры сохранились популяции, предки которых во II тысячелетии до н. э. входили в число племен, осуществивших миграцию в Индию и образовавших там высокие касты. И на основании предшествующих исследований можно было говорить о преобладании европеоидных комбинаций признаков среди представителей высших каст, негроавстралоидных — среди представителей низших [45—49].

Не составляет труда тезисно сформулировать выводы из предшествующего изложения: а) используемая в соматологии методика описания вариаций мягких тканей лица с помощью баллов применима к портретной скульптуре и дает возможность более детально, нежели просто визуальное описание, оценить антропологические особенности людей, облик которых запечатлен в скульптуре; б) статуи Халчаяна и Дальверзина демонстрируют иное сочетание признаков, чем современное население южных районов Средней Азии; они обнаруживают влияние греческого этнического элемента; в) основной представленный в них комплекс признаков отражает антропологические особенности потомков древних ариев и поэтому сходен с антропологическим типом высших каст северных и западных районов Индии.

Вопрос о том, в какой мере антропологические особенности скульптурных портретов Халчаяна и Дальверзина отражают антропологические особенности соответствующего населения в целом (Г. А. Пугаченкова, например, не без оснований видит в них изображения представителей царской династии и высшей знати), выходит за рамки возможностей антропологического исследования и может быть решен только с помощью дальнейших раскопок и совокупных усилий исторического и искусствоведческого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Ташкент: Фан, 1966.
2. *Пугаченкова Г. А.* Скульптура Халчаяна. М.: Искусство, 1977.
3. *Пугаченкова Г. А.* Художественные сокровища Дальверзин-тепе. Л.: Аврора, 1978.
4. *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М.: Искусство, 1979.
5. *Pougatchenkova G.* La sculpture de Khaltchayan.— In: Iranica Antiqua. Vol. V, fasc. 2. Leiden, 1965.
6. *Пугаченкова Г. А.* К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории).— ВДИ, 1965, № 1.
7. *Гинзбург В. В.* Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии.— МИА, 1950, № 15.
8. *Гинзбург В. В.* Антропологические материалы к этногенезу таджиков.— КСИИМК, 1956, № 61.
9. *Алексеев В. П.* Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979.
10. *Poole R.* The Egyptian classification of the races of man.— The journal of anthropological Institute of Great Britain and Ireland, 1887, t. XVI.
11. *Fritsch G.* Die Volkerdarstellungen auf den altägyptischen und assirischen Denkmälern.— Korrespondenz-Blatt der preussischen Akademie der Wissenschaften. 1902. B. XXXIII.
12. *Hamy E.* La figure humaine dans les monuments de l' Egypt ancienne.— Bulletin de la sociétè d'anthropologe de Paris, 1907, ser. 5, t. VIII.
13. *Трофимова Т. А.* Краниологические материалы из античных крепостей Калалы-Гыр 1 и 2.— ТХАЭ. 1958, т. II.
14. *Дебец Г. Ф.* Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры (Минусинский край).— Краткие сообщения НИИ и музея антропологии МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941.
15. *Дебец Г. Ф.* Палеантропология СССР.— ТИЭ, 1948, т. IV.
16. *Ярхо А. И.* Унификация определений мягких частей лица.— Антропологический журнал, 1932, № 1.
17. *Бурнак В. В.* Антропометрия. Практический курс. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Наркомпроса, 1941.
18. *Золотарева И. М.* Антропологическая дифференциация восточных самодийцев.— В кн.: Антропология и геногеография. М.: Наука, 1974.

19. *Жиров Е. В.* Разновидности брахикефалии.– КСИИМК, 1941, № 10.
20. *Дебец Г. Ф.* К вопросу о влиянии искусственной деформации на головной указатель.– КСИИМК, 1947, № 14.
21. *Гинзбург В. В.* Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов.– Тр. Ташкентск. гос. ун-та, 1964, вып. 235.
22. *Гинзбург В. В., Трофимова Т. А.* Палеонтропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.
23. *Трофимова Т. А., Гинзбург В. В.* Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита.– ТЮТАКЭ, 1960, т. X.
24. *Ошанин Л. В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. I. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1957.
25. *Ярхо А. И.* Антропологический состав турецких народностей Средней Азии.– АЖ, 1933, № 3.
26. *Наджимов К. Н.* Антропологический состав населения Сурхан-Дарьинской области (в связи с некоторыми вопросами этногенеза). Ташкент: Изд-во Среднеазиатск. гос. ун-та, 1958.
27. *Пестряков А. П.* Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана.– СЭ, 1975, № 1.
28. *Дубова Н. А.* Распределение антропологических признаков на территории Северного Таджикистана.– В кн.: Некоторые проблемы этнической истории народов мира. М.: Наука, 1976.
29. *Дубова Н. А.* К проблеме формирования памиро-ферганской расы.– СЭ, 1978, № 4.
30. *Ошанин Л. В.* Тысячелетняя давность долихокрании у туркмен и возможные пути ее происхождения.– Изв. Средазкомстариса. Ташкент, 1926, вып. 1.
31. *Ошанин Л. В.* Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 3. Ереван: Изд-во Ереванск. ун-та, 1959.
32. *Дебец Г. Ф.* Данные антропологии о происхождении туркмен.– СЭ, 1947, вып. VI–VII.
33. *Алексеев В. П.* Краниологические материалы к этногенезу туркменского народа.– В кн.: Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад: Ылым, 1977.
34. *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1977.
35. *Пулянос А. Н.* Антропологический состав населения Греции. Географическая дифференциация отдельных признаков.– Тр. ТИЭ, 1961, т. LXXI.
36. *Morant G.* The classification of European races based on cranial measurements.– Biometrica, 1928, vol. XX B.
37. *Boev P.* Dit Rassentypen der Balkanhalbsinsel und der ostägaischen Inselwelt und deren Badeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia, 1972.
38. *Xirotiris N.* Rassengeschichte von Griechenland.– In: Rassengeschichte der Menschheit, 6. Lieferung, München – Wien, 1979.
39. *Колпинский Ю. Д.* Искусство эгейского мира и древней Греции. М.: Искусство, 1970.
40. *Ошанин Л. В.* Иранские племена Западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование. Ташкент: Изд-во Узбекск. ин-та эксперим. мед., 1937.
41. *Гинзбург В. В.* Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
42. *Рычков Ю. Г.* Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). М.: Изд-во МГУ, 1969.
43. *Алексеев В. П.* Попытка анализа античной скульптуры из Средней Азии (Халчаян и Дальверзин) для антропологической реконструкции.– В кн.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент: Фан, 1979.
44. *Абдушелишвили М. Г., Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Исмагулов О., Семашко И. М.* Совместные советско-индийские антропологические исследования в Индии в 1974–1975 гг.– СЭ, 1976, № 6.
45. *Risley H.* Peoples of India. Culcutta, 1915.
46. *Guha B.* Racial affinities of the peoples of India.– Census of India, 1931, vol. 1, pt. III. Ethnographical. Simla, 1935.
47. *Mahalanobis P. C., Majumdar D. N., Rao C. R.* Anthropometric survey of the United provinces, 1941. A statistical study.– Sankhya. The Indian journal of statistics, 1949, vol. 9, pt. 2–3.
48. *Majumdar D. N., Rao C. R.* Bengal anthropometric survey, 1945. A statistical study.– Sankhya. The Indian journal of statistical study.– Sankhya. The Indian journal of statistics, 1958, vol. 19, pt 3–4.
49. *Olivier G.* Anthropologie des Tamouls du sud de l' Inde. Paris, 1961.

V. P. Alexeyev

ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF KHALCHAYAN AND DALVERZIN SCULPTURES

Summary

The article is devoted to standard somatological research of Khalchayan and Dalverzin statutes. Tre results of the research suggest that a) the sculptures show a different combination of features; b) they bear traces of Greek ethnic element's influence; c) the basic combination of features is close to the anthropological characteristics of descendants of the ancient Arians and resembles the anthropological type of the higher castes in North and West India.

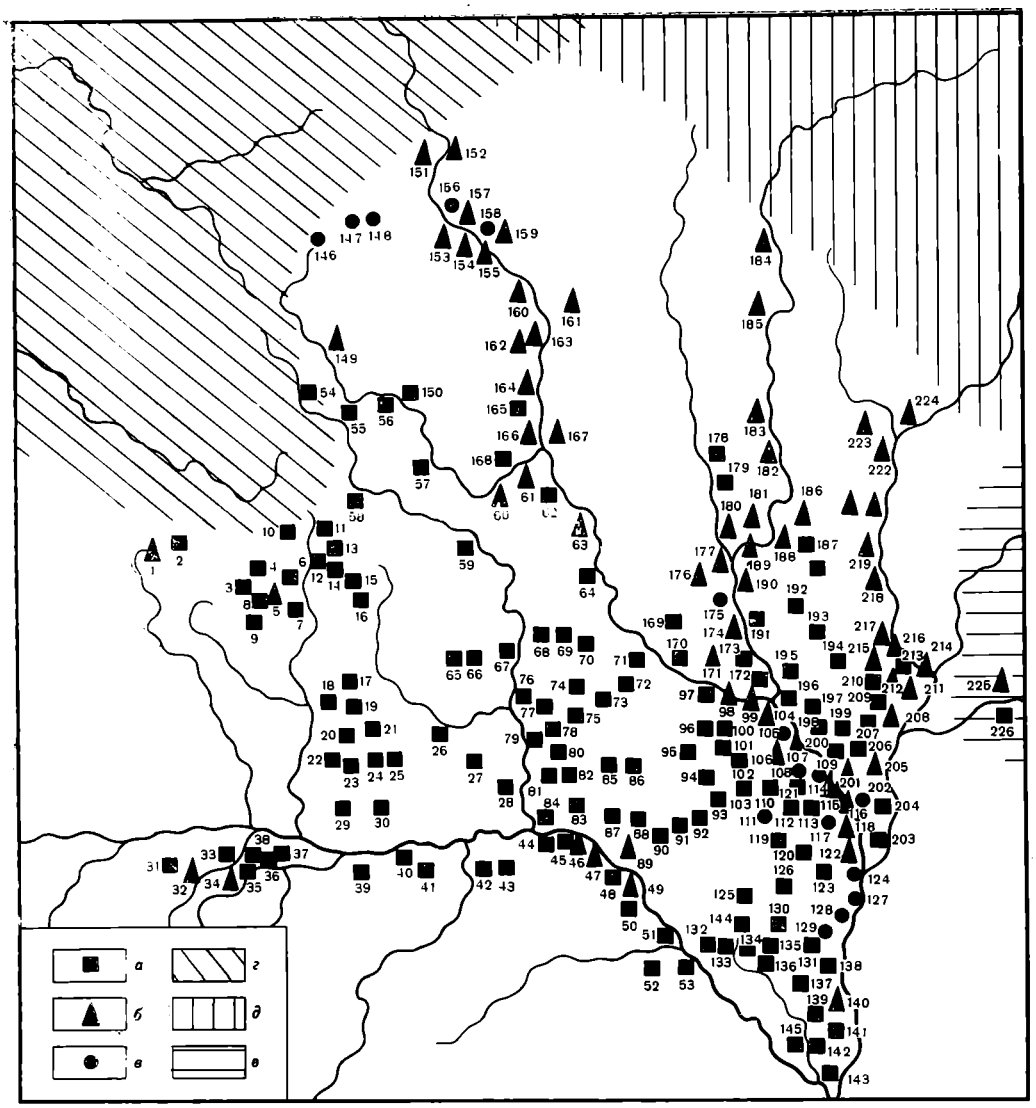
ЕГОРЕЙЧЕНКО А. А.

К ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССИИ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

В конце 20-х годов нашего столетия А. Н. Лявданским установлено, что в железном веке в Центральной и Южной Белоруссии были распространены памятники двух различных культур: 1 — древности так называемого «литовского» типа, отождествляемые в настоящее время с культурой штрихованной керамики; 2 — древности «южного» типа, идентифицируемые с современными милоградской и зарубинецкой культурами. Расчленение этих крупных культурных ареалов стало возможным лишь в результате широкого обследования городищ, проведенного А. Н. Лявданским и его коллегами [1, с. 503; 2, с. 510—512; 3, с. 269—338;

Рис. 1. Милоградские городища второй половины I тысячелетия до н.э. на территории Белоруссии. Условные обозначения: *а* — городища, расположенные на ровном месте; *б* — мысовые городища; *в* — городища неопределенного типа; *г* — ареал культуры штрихованной керамики; *д* — ареал днепро-двинской культуры; *е* — юхновская культура

1 — Городище; *2* — Киевичи; *3* — Выня; *4* — Кокоричи; *5* — Слуцк; *6* — Ивань; *7* — Большая Слива; *8* — Пруссы; *9* — Котлубаи; *10* — Грозово; *11* — Замостье; *12* — Падеры; *13* — Амговичи; *14* — Весея; *15* — Заградье; *16* — Волоты; *17* — Речень; *18* — Хомичи; *19* — Хутор; *20* — Красное Озеро; *21* — Дьяковичи; *22, 23* — Красная Горка; *24, 25* — Погибелька; *26* — Малые Городятичи; *27* — Бобрик; *28* — Ваюжичи; *29* — Борки; *30* — Житковичи; *31* — Нечатово; *32* — Городно; *33* — Тура; *34, 35* — Хотомель; *36* — Юнищи; *37* — Хильчицы; *38* — Юницы; *39* — Бечи; *40* — Переров; *41* — Переровский Млынок; *42, 43* — Убортская Рудня; *44, 45* — Ясенец; *46* — Моисеевичи; *47* — Мозырь; *48* — Акулинка; *49* — Стрельск; *50* — Заракитное; *51* — Тешков; *52* — Антонов; *53* — Дворище; *54* — Синча; *55* — Сутин; *56* — Дворовка; *57* — Теребуты; *58* — Ямное; *59* — Радутичи; *60* — Цель; *61* — Жужлянка; *62* — Елизово; *63* — Шатково; *64* — Петровичи; *65* — Заельное; *66* — Княжья Могила; *67* — Гирово; *68, 69, 70* — Зеленковичи; *71* — Кнышевичи; *72* — Корма; *73* — Карповичи; *74* — Азаричи; *75* — Осипова Рудня; *76* — Холопеничи; *77* — Черные Броды; *78* — Волосовичи; *79* — Хойна; *80* — Слобода; *81* — Кротово; *82* — Клинск; *83* — Козловичи; *84* — Рудня Антоновская; *85, 86* — Носовичи; *87, 88* — Юшки; *89* — Юревичи; *90* — Защебье; *91, 92* — Короватичи; *93* — Безуев; *94* — Будка; *95, 96* — Володарск; *97* — Первомайск; *98, 99* — Горваль; *100, 101* — Володарск; *102* — Сведское; *103* — Храбрый; *104* — Милоград; *105* — Глыбов; *106* — Речица; *107* — Озерщина; *108, 109* — Заспа; *110* — Переволока; *111* — Рудня Бурицкая; *112* — Райск; *113* — Липняки; *114* — Красный Мост; *115* — Чаплин; *116* — Леваши; *117* — Малая Теребеевка; *118* — Мохов; *119* — Малодуша; *120* — Пустая Гряда; *121* — Переволока; *122* — Мохов; *123* — Колпень; *124* — Городок; *125* — Великий Бор; *126* — Комарин; *127* — Лоев; *128* — Бывалки; *129* — Городок; *130* — Дубровица; *131* — Городок; *132, 133* — Ломыш; *134* — Борисовщина; *135* — Азаричи; *136* — Новоселки; *137* — Савичи; *138* — Новая Гребля; *139* — Колыбань; *140* — Асаревичи; *141* — Старая Елча; *142* — Команово; *143* — Гдень; *144* — Кливы; *145* — Чикаловичи; *146* — Дворище; *147, 148* — Смолевичи; *149* — Болочанка; *150* — Городище; *151* — Кимия; *152* — Корсаковичи; *153* — Муров Замок; *154* — Новоселки; *155* — Слободка; *156* — Завалье; *157* — Горы; *158* — Добрицкий поселок; *159* — Оздятичи; *160* — Лысуха; *161* — Капланцы; *162* — Богушевичи; *163* — Городище; *164* — Бычин; *165* — Кладки; *166* — Новоселки; *167* — Свислочь; *168* — Зборск; *169* — Китин; *170* — Добровольщина; *171* — Стрешин; *172* — Городок; *173* — Верхняя Олба; *174* — Проскурни; *175* — Красная Горка; *176* — Лучин; *177* — Задрутье; *178* — Городец; *179* — Хомичи; *180* — Рогачев; *181* — Кистени; *182* — Яново; *183* — Барколабово; *184* — Буйничи; *185* — Церковище; *186* — Хмеленец; *187* — Рысково; *188* — Щапчицы; *189* — Зборов; *190* — Лучин; *191* — Короткевичи; *192* — Колыбовка; *193* — Кошелев; *194* — Ивольск; *195* — Смычок; *196* — Черное; *197* — Горваль; *198* — Копань; *199* — Луначарск; *200* — Скиток; *201* — Горошков; *202* — Рудня Маримонова; *203* — Рудня Поповская; *204* — Холмечь; *205* — Рудня Телешевская; *206* — Борщевка; *207* — Борхов; *208* — Любное; *209* — Азделин; *210* — Уваровичи; *211* — Поколюбичи; *212* — Присно; *213* — Новоселки; *214* — Шерстин; *215* — Шепетовичи; *216* — Присно; *217* — Себровичи; *218* — Чечерск; *219* — Вороновка; *220* — Зятковичи; *221* — Городок; *222* — Луначарск; *223* — Золочево; *224* — Славгород; *225* — Вылево; *226* — Добруш



4, с. 145—156; 5, с. 105—120]. Граница между этими древностями, по мнению А. Н. Лявданского, проходила примерно по линии Клецк — Слуцк — Рогачев, от последнего на Оршу и далее поворачивала на север [3, с. 336; 6, с. 216; 2, с. 510]. Такое разграничение культур штрихованной керамики и милоградской существует с незначительными изменениями до сих пор. Его придерживаются почти все исследователи, занимавшиеся изучением названных выше культур [7, с. 17, 18; 8, с. 19, рис. 5; 9, с. 55, рис. 1]. Иначе считает Л. Д. Поболь. Он доводит северную границу распространения милоградских памятников примерно до линии, проходящей севернее Минска, далее на Борисов — Крупки — Мстиславль [10, карта]. Доказательством в пользу столь значительного расширения ареала милоградской культуры, по его мнению, являются находки фрагментов милоградских сосудов на некоторых городищах Центральной Белоруссии. Такое значительное расхождение в определении границ между этими культурами возникло в результате того, что одни исследователи брали в качестве критерия орнаментацию керамики, в частности штриховку, другие — форму сосудов. Отмечая недопустимость выделения границы на основе одного признака, П. Н. Третьяков справедливо полагал, что для этого необходимо прежде всего иметь ряд археологических признаков, а уж потом решать вопрос о границах [11, с. 7].

Раскопки и обследование ряда памятников, произведенные белорусскими археологами за последние годы, выявили милоградскую керамику не только на территории Южной Белоруссии, но и гораздо севернее,

вплоть до верховьев рек Свислочи и Березины, т. е. на той территории, которая входит в ареал распространения культуры штрихованной керамики (рис. 1). Конечно, подъемный материал не может служить серьезным основанием для каких-либо обобщающих выводов. Вот почему важное значение имеет появление новых данных, опубликованных в монографии А. Г. Митрофанова, в которой подводятся итоги его многолетним исследованиям поселений культуры штрихованной керамики на территории Белоруссии. Эти материалы в сочетании с находками милоградской керамики на центральнобелорусских городищах позволяют, на наш взгляд, пересмотреть некоторые вопросы раннего железного века Белоруссии, в частности проблему расселения племен культур штрихованной керамики и милоградской.

До сих пор считалось, что население милоградской культуры в VI в. до н. э.— I в. н. э. локализировалось в пределах следующей территории: на западе милоградские памятники встречаются на левобережье Горыни, правом притоке Припяти; на севере — по Случи, Птичи, Березине южнее городов Слуцк — Бобруйск — Рогачев; на востоке — по берегам Ипути до г. Новозыбкова; и на юге они занимают пространства Украинского Полесья, Киевской и Черниговской обл. [7, с. 17, 18]. Отмеченные А. Г. Митрофановым милоградские черты на некоторых городищах Центральной Белоруссии О. Н. Мельниковская сочла недостаточно убедительными для расширения территории милоградских племен к северу от указанных ею пределов. Тем не менее накопление новых данных позволяет, на наш взгляд, пересмотреть эту точку зрения.

Как известно, доминирующими признаками этнокультурной принадлежности того или иного памятника являются керамика и жилища. Раскопки А. Г. Митрофанова показывают, что на всех ранних поселениях Центральной Белоруссии в нижних слоях преобладают фрагменты сосудов, очень близкие милоградским VI—II вв. до н. э. (Гатовичи, Августово, Городище, Кимия, Лабенщина, Новоселки, Оздятичи). Наиболее показательным в этом отношении является Новоселковское городище на Березине. В результате раскопок выяснилось, что венчики сосудов, обнаруженные в предматериковом VI слое, по своей форме аналогичны милоградским VI—IV вв. до н. э. Вся керамика нижнего слоя штриховки не имеет. В V—III слоях формы горшков по-прежнему напоминают милоградские, но их поверхность покрыта штриховкой. И только в верхних, первом и втором слоях встречаются наиболее характерные для культуры штрихованной керамики остроребериые сосуды, покрытые штрихами [9, с. 11, 12]. Почти аналогичные наблюдения сделаны А. Г. Митрофановым и на других памятниках [9, с. 11—14]. Тем не менее сходство в формах керамического материала, вероятно, еще не может быть достаточно надежным свидетельством в пользу столь далекого проникновения на север милоградских племен.

Открытие на некоторых ранних городищах (Оздятичи) Центральной Белоруссии жилищ, которые по своим характеристикам, несомненно, очень близки милоградским, подкрепляет положение о распространении памятников милоградской культуры в VI—II вв. до н. э. гораздо севернее очерченной территории [9, рис. 3]. Действительно, ближайшие аналоги оздятичским жилищам могут быть найдены только среди жилых построек милоградских поселений. Среди общих черт, присущих и тем и другим, можно указать следующие: во-первых, жилища из Оздятич имеют так же, как и большинство милоградских, четырехугольную форму; во-вторых, их площади примерно одинаковы (17—26 м^2); в-третьих, одно из оздятичских жилищ имеет характерный выступ в углу, а это, как считает О. Н. Мельниковская, является главным отличительным признаком милоградских жилищ [7, с. 37].

Из приведенных материалов видно, что керамика и жилища как наиболее важные черты, характеризующие культуру, для городищ Средней Белоруссии и классических милоградских памятников почти тождественны. В дополнение к этому можно добавить, что определенные типы вещей с ранних городищ Центральной Белоруссии аналогичны или очень близки

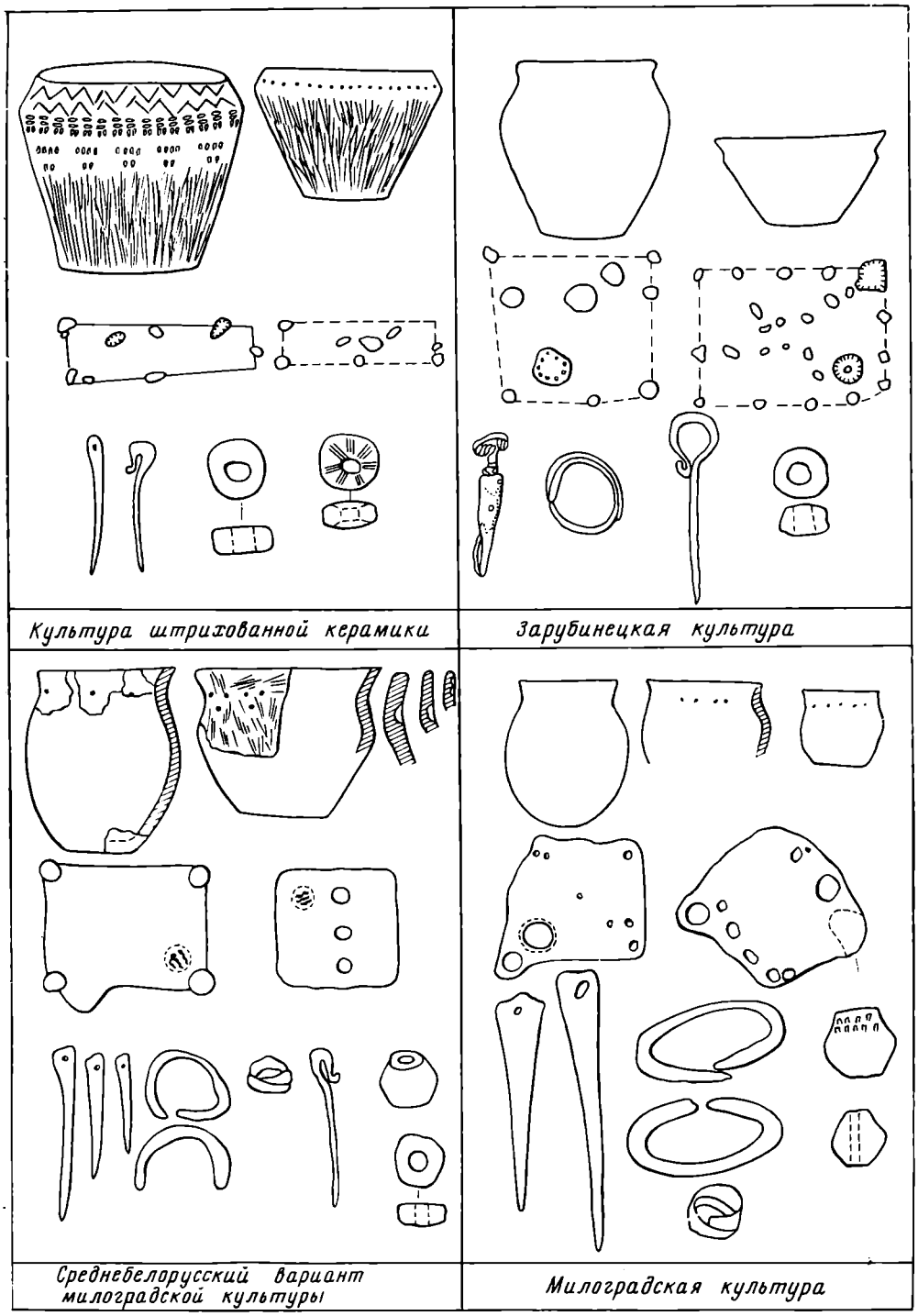


Рис. 2. Вещевые комплексы культур милоградской, штрихованной керамики и зарубинецкой

милоградским. В качестве примера можно привести костяные проколки, бронзовые браслеты, пластинчатые бронзовые кольца и другие категории находок (рис. 2).

Иной облик носит материальная культура племен Восточной Литвы в I тысячелетии до н. э. Керамический комплекс населения этой территории имеет существенные отличия от среднебелорусской керамики этого же времени. Господствующей формой сосудов I тысячелетия до н. э. является баночная форма с прямыми, расширяющимися кверху стенками. Посуда этого типа встречается на всей территории распространения литовского варианта культуры штрихованной керамики, но ее максимальная концентрация наблюдается на северо-востоке республики [12, с. 15].

Сосуды баночной формы отмечены и в Белоруссии [9, рис. 2, *2*, *10*, *11*]. Впрочем, здесь их число невелико.

Керамический материал литовского варианта культуры штрихованной керамики I тысячелетия до н. э. характеризуется еще одним типом. В небольшом количестве известны горшковидные сосуды с вертикальной шейкой и S-видными стенками. Е. Данилайте полагает, что эта форма является одной из наиболее ранних среди штрихованной керамики. Подобные сосуды, как и предыдущие, известны в основном на ранних городищах Северо-Восточной Литвы [12, с. 15].

Характер домостроительства, присущий племенам культуры штрихованной керамики в Литве, также отличен от среднебелорусского ранней поры. Для литовских городищ на протяжении многих столетий характерен один и тот же тип постройки: деревянный дом столбовой конструкции, как правило, прямоугольной формы. Остатки таких построек обнаружены в Аукштадварисе, Великушкисе, Мошкенае и на других городищах [13, с. 27; 14, p. 68].

Исходя из вышесказанного, я склонен считать, что население Средней Белоруссии середины и второй половины I тысячелетия до н. э. по облику материальных остатков гораздо ближе стоит к носителям милоградской культуры, нежели штрихованной керамики, как это принято считать до сих пор. Поэтому будет правильней выделить район Средней Белоруссии не в восточнобелорусский вариант культуры штрихованной керамики, а в среднебелорусский вариант милоградской культуры, отличающийся от основного ареала некоторым своеобразием черт материального производства. В частности, для него характерны штриховка и плоскодонность милоградских сосудов, глиняные пряслица и некоторые другие типы вещей, свойственные восточнолитовским городищам. Наличие общих моментов в сфере материальной культуры населения Средней Белоруссии и Восточной Литвы во второй половине I тысячелетия до н. э. может быть объяснено сильным влиянием «штриховиков» на носителей милоградской культуры в бассейне средней Березины и верховьев Птичи и Случи. На это указывают и находки на этой территории баночных сосудов, свидетельствующих о проникновении части племен культуры штрихованной керамики вплоть до среднего течения Березины.

В VI—II вв. до н. э. носители милоградской культуры занимали почти весь бассейн правобережного Днепра (рис. 1), достигая на севере верховьев Березины и Свислочи, а на западе — водораздела Днепра и Немана. В пользу расширения территории обитания милоградских племен косвенно свидетельствует еще одно обстоятельство. Для милоградских племен характерен специфический тип городищ. Они расположены на ровной местности, чаще всего около или в окружении болот, что затрудняло доступ к ним. Оборонительные сооружения этих городищ представлены валом и рвом, окружавшими площадку со всех сторон. Приблизительный подсчет известных к настоящему времени укрепленных милоградских поселений этого типа свидетельствует о том, что их доля составляет приблизительно 60% от общего числа, в то время как мысовые не превышают 35% (рис. 1). В результате сплошного обследования ряда районов выяснено, что городища, расположенные на ровном месте, встречаются вплоть до среднего течения Свислочи (рис. 1).

Начиная с конца I тысячелетия до н. э., на территории Средней Белоруссии и Восточной Литвы наблюдается полное тождество в материальной культуре. В керамике оно проявляется в распространении на обеих территориях остроребериых горшков, покрытых своеобразным орнаментом. Кроме штриховки очень часто верхняя часть сосудов, начиная от ребра, украшается защипами, ногтевыми и ямочными вдавлениями, насечками. Основные исследователи штрихованной керамики Е. Данилайте и А. Г. Митрофанов единодушны в отношении происхождения и времени бытования этого ее типа. Е. Данилайте полагает, что ребристые горшки возникают на основе баночной формы сосудов в последних веках до н. э., а к рубежу н. э. становятся доминирующими [12, с. 16].

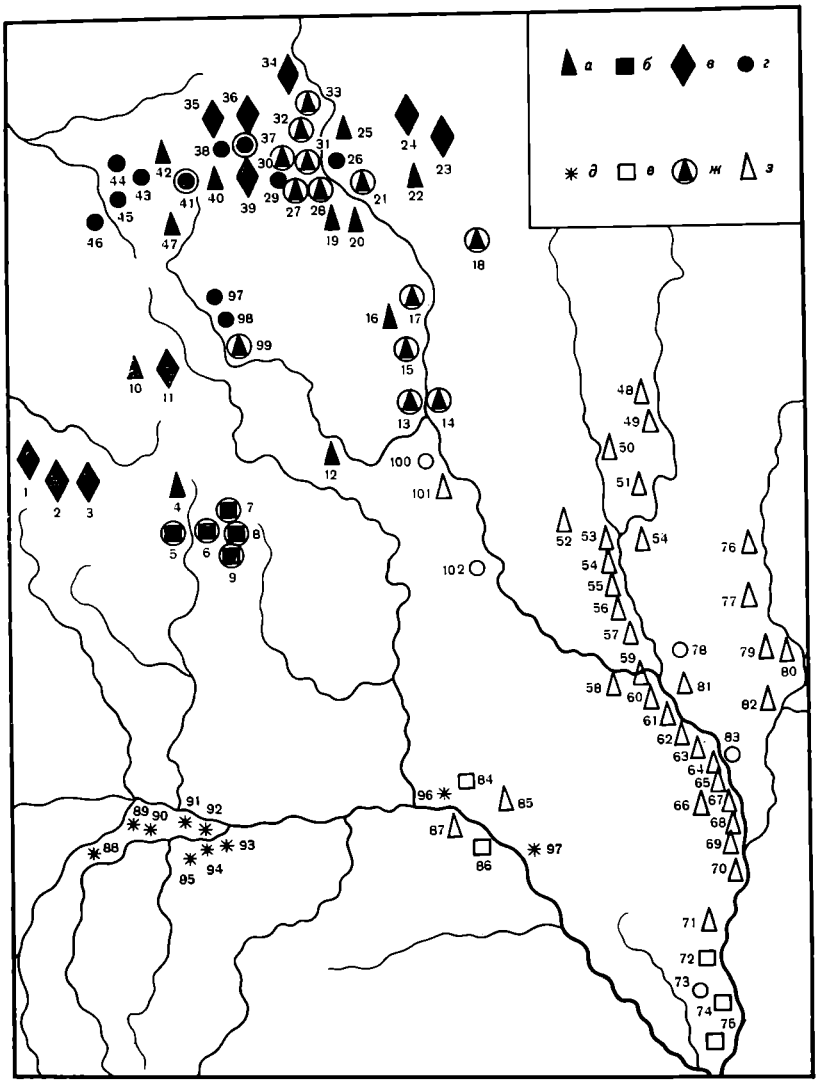


Рис. 3. Средняя и Южная Белоруссия на рубеже и в начале н.э. Условные обозначения: *а* — мысовые городища; *б* — городища, расположенные на ровном месте; *в* — холмовые городища; *г* — городища неопределенного типа; *д* — селища; *е* — городища культуры штрихованной керамики; *ж* — городища культуры штрихованной керамики, имеющие в нижних слоях отложения милоградской культуры; *з* — зарубинецкие городища

1 — Городище; *2* — Апошки; *3* — Качановичи; *4* — Греск; *5* — Ивань; *6* — Падеры; *7* — Амговичи; *8* — Весея; *9* — Заградье; *10* — Новосады; *11* — Городище; *12* — Жужлянка; *13* — Новоселки; *14* — Свислочь; *15* — Бычин; *16* — Регисполье; *17* — Городище; *18* — Капланцы; *19* — Лысуха; *20* — Новая Уша; *21* — Оздятичи; *22* — Беги; *23* — Велятичи; *24* — Большое Городно; *25* — Завалье; *26* — Свидно; *27* — Слободка; *28* — Котово; *29* — Муров замок; *30* — Горы — Бечи; *31* — Новоселки; *32* — Корсаковичи; *33* — Кимия; *34* — Васильковка; *35* — Кузевичи; *36* — Логойск; *37* — Смолевичи; *38* — Логойск; *39* — Смолевичи; *40* — Каменка, *41* — Дворище; *42* — Вязынка; *43* — Занарочь; *44* — Островляны; *45* — Радошковичи; *46* — Мочаны; *47* — Каменка; *48* — Барколабово; *49* — Яново; *50* — Вязьмы; *51* — Кистени; *52* — Михалево; *53* — Задрутье; *54*, *55* — Лучин; *56* — Красная Горка; *57* — Проскурни; *58*, *59* — Горваль; *60* — Милоград; *61* — Глыбов; *62* — Озерщина; *63* — Речица; *64* — Красный Мост; *65* — Луначарск; *66* — Леваши; *67* — Лоев; *68* — Мохов; *69* — Лоев; *70* — Мохов; *71* — Шитцы; *72* — Бывалки; *73* — Храковичи; *74* — Городок; *75* — Старая Елча; *76* — Чечерск; *77* — Себровичи; *78* — Смычок; *79*, *80* — Присно; *81* — Черное; *82* — Гомель; *83* — Рудня Маримонова; *84* — Калинковичи; *85* — Юревичи; *86* — Акулинка; *87* — Мозырь; *88* — Отвержичи; *89* — Велемичи; *90* — Ремель; *91* — Воронино; *92* — Погост; *93* — Озераны; *94* — Буйразь; *95* — Вересница; *96* — Пхов; *97* — Городище; *98* — Междуречье; *99* — Болочанка; *100* — Елизово; *101* — Шатково; *102* — Петровичи

Аналогичные наблюдения сделаны А. Г. Митрофановым при анализе керамического материала из поселений Средней Белоруссии этого же времени [9, с. 32].

Тенденция к единству также ярко проявляется при сравнении характера домостроительства смежных территорий. На поселениях культуры штрихованной керамики в Литве в конце I тысячелетия до н. э. и в первой половине I тысячелетия н. э. по-прежнему господствующим типом жилища является прямоугольный деревянный дом столбовой конструкции [13, с. 29; 15, p. 70]. В последних веках I тысячелетия до н. э. столбовые жилища получают распространение и в Средней Белоруссии. Наиболее ранние остатки построек этого типа открыты А. Г. Митрофановым на Збаровичском городище. Исследователем выяснено, что жилые дома располагались вдоль внутреннего склона вала на специально выровненной террасе. Ямы от столбов образовывали четырехугольные в плане камеры площадью 20—25 м², примыкающие друг к другу. Три стены дома возводились из бревен, в то время как в роли четвертой стены выступал оборонительный вал. Крыша была односкатной, упиравшейся в насыпь вала [9, с. 32]. Многокамерные дома столбовой конструкции обнаружены на ряде городищ Средней Белоруссии: в Лабенщине, Вязынке, Малышках. Необходимо отметить одно очень важное обстоятельство. При раскопках домов этого типа обнаружены только фрагменты штрихованных ребристых и баночных сосудов. Так, например, на Збаровичском городище в пределах жилищ найдено около 740 венчиков, среди которых не оказалось ни одного милоградского [9, с. 22]. Для населения, оставившего милоградскую керамику, этот тип постройки нехарактерен.

Распространение однотипных с литовскими форм сосудов и жилых построек на территории Средней Белоруссии позволяет высказать предположение о том, что носители культуры штрихованной керамики распространились в среднебелорусском регионе только к концу I тысячелетия до н. э., достигнув на юго-востоке линии, проходящей примерно через города Клецк — Слуцк — Осиповичи — Могилев (рис. 3). В результате этого проникновения милоградское население было ассимилировано ими.

Примерно в это же время на территорию милоградской культуры начинают проникать зарубинецкие племена. За период с I в. до н. э. по I в. н. э. они полностью овладели районом Припятского Полесья и частично Верхним Поднепровьем (рис. 3). Раскопки Л. Д. Поболя показывают, что на севере носители зарубинецкой культуры достигли среднего течения Березины (Шатково) и Могилевского Поднепровья (Барколабово) [16, с. 182—242; 10, с. 212, 213]. Установлено, что в процессе своего расселения они не возводили новых укрепленных поселений, предпочитая занимать уже существующие. Зарубинецкая керамика встречается на большинстве городищ милоградской культуры. Особенно ярко это заметно в Белорусском Поднепровье, где основным типом поселений «зарубинцев» являются городища, в отличие от Полесья с преобладанием селищ. Совпадение ареала распространения милоградских и зарубинецких племен и наличие некоторых общих черт в материальной культуре позволили В. Н. Даниленко высказать предположение о том, что эти культуры генетически связаны между собой [17, с. 208]. Затем к этой точке зрения присоединился Л. Д. Поболь [10, с. 368]. Однако впоследствии П. Н. Третьяков и О. Н. Мельниковская убедительно доказали, что о преемственности между ними не может быть и речи [18, с. 48; 19, с. 42]. Исходя из этого, единственно правильным будет предположение П. Н. Третьякова и В. В. Седова об ассимиляции «зарубинцами» милоградского населения [18, с. 48; 8, с. 38].

Изучение археологических памятников второй половины I тысячелетия до н. э. в области Припятского Полесья и Средней Белоруссии показывает, что в это время ареал обитания милоградских племен был значительно шире, чем это принято считать к настоящему времени. В VI—II вв. до н. э. носители милоградской культуры достигали на

севере верховьев Березины и Свислочи. Имеющееся своеобразие материальной культуры населения Средней Белоруссии этой поры объясняется сильным влиянием племен культуры штрихованной керамики. Начиная с конца I тысячелетия до н. э., наблюдается активное проникновение «штриховиков» в Среднюю Белоруссию, которое в конечном счете привело к полной ассимиляции милоградского населения на этой территории. Примерно в это же время остальная часть ареала милоградской культуры была занята зарубинецкими племенами. Таким образом, в результате экспансии носителей культур штрихованной керамики и зарубинецкой милоградские племена растворились в среде пришлого населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубінскі С. А.* Археолегічная праца на БССР у 1928–1929 акад. годзе.– Працы, т. II.
2. *Дубінскі С. А.* Досьледы культур железнага пэрыоду на БССР у 1929 г.– Працы, т. II.
3. *Ляўданскі А. Н.* Археологічные досьледы ў вадазборах рр. Сажа, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губэрні.– Працы, т. II.
4. *Каваленя А. З.* Археолёгічныя разьведкі ў Магілёўскай, Бабруйскай і Менскай акругах.– Працы, т. II.
5. *Шутаў С. С., Улашчык М. М.* Археолёгічныя разьведкі на ніжняй Сьвіслачы ў летку 1926 г.– Правцы, т. II.
6. *Ляўданскі А. Н.* Археолёгічныя досьледы у БССР пасьля Кастрычнікаўскай рэвалюцыі.– Працы, т. III.
7. *Мельниковская О. Н.* Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М.: Наука, 1967.
8. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
9. *Митрофанов А. Г.* Железный век Средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978.
10. *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии. Вып. III. Минск, 1974.
11. *Третьяков П. Н.* Этногенетический процесс и археология.– СА, 1962, № 4.
12. *Данилайте Е.* Штрихованная керамика в Литве (некоторые данные по вопросу об этногенезе литовцев): Автореф. канд. дис. Вильнюс: Ин-т истории АН Литовской ССР, 1967.
13. *Даугудис В.* О классификации восточно-литовских городищ.– В кн.: 20 лет. Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций Института истории АН Литовской ССР 1948–1967 гг. Вильнюс, 1968.
14. *Daugudis V.* Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginiai Lietuvoje (1.1 tūkstantmečio pr. m. e.. įtvirtinimai bei pastatai).– Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, A serija, 1974, 4(49).
15. *Daugudis V.* Seniausieji mediniai pastatai ir įrenginiai Lietuvoje (2. M. e. 1 tūkstantmečio 1 puses įtvirtinimai).– Lietuvos Mokslų TSR akademijos darbai, A serija, 1975, 2(51).
16. *Поболь Л. Д.* Поселения железного века около дер. Щатково Бобруйского района.– В кн.: Белорусские древности. Минск, 1967.
17. *Даниленко В. Н.* Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР.– В кн.: Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953.
18. *Третьяков П. Н.* Моховское второе городище.– КСИА АН СССР, 1960, № 81.
19. *Мельниковская О. Н.* О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культур в Южной Белоруссии.– СА, 1963, № 1.

A. A. Egoreichenko

THE POPULATION OF BYELORUSSIA IN THE EARLY IRON AGE

Summary

Recent archaeological studies of monuments of the second half of the 1st millennium B. C. in the Polesye Region and Central Byelorussia have revealed that the area of the Milograd tribes is much broader than originally thought: in the northern direction their culture extended in the 6th-2nd centuries B. C. to the upper reaches of the Berezina and the Svisloch rivers (Fig. 1). This is evidenced by a set of finds from the lower layers of fortified settlements in the centre of Byelorussia (Fig. 2). The peculiar features of the material culture of the time was due to the strong influence of tribes of the stroke-ornamented ware culture. From the end of the 1st millennium B. C. this culture actively penetrated the central regions which resulted in the complete assimilation of the Milograd tribes on this territory. The remaining territory of the Milograd culture was occupied by the Zarybintsy culture tribes (Fig. 3). Thus, the Milograd culture tribes were assimilated by the new population.

КУШНИР И. И.

К ТОПОГРАФИИ НЕРЕВСКОГО КОНЦА НОВГОРОДА В XVI ВЕКЕ

Несмотря на огромные масштабы археологических раскопок в Новгороде, собранный археологами богатейший материал по застройке отдельных усадеб и комплексов древнего города [1, 2], историческая наука не располагает графическими материалами, характеризующими планировочную структуру Новгорода в XVI в. Некоторые сведения о характере застройки города конца XVII в. дает план части Новгорода, опубликованный Б. Д. Грековым в 1926 г. [3]. На плане показана планировка нескольких кварталов, примыкающих к Розважскому монастырю, приведенная в связи с жалобой монастыря на неудобства, чинимые полковником Захарием Вестовым.

Раскопы Ильинский, Тихвинский, Михайловский, Троицкий, Готский, раскопы южной части Плотницкого конца и др. дают обширное представление о системе застройки отдельных усадеб. Неревский раскоп раскрыл улицу Великую на протяжении почти 200 м, а также Холопью и Кузьмодемьянскую на участках соответственно в пределах 50 и 60 м [2, с. 43]. Появилась возможность увидеть систему планировки и застройки важной с градостроительной точки зрения территории города, на которой находилось 12 усадеб [2, с. 43]. Великая улица, имевшая плавный излом в сторону реки, пересекалась почти под прямым углом с Холопьей и Кузьмодемьянской улицами. Ширина улиц была небольшой, она ограничивалась размерами мостовых — в пределах 3,5 м [2, с. 34]. Ширина Великой улицы составляла 4,4 м [2, с. 40]. Вплотную к мостовой примыкала изгородь в виде частокола, ограждавшая земельные участки отдельных хозяев. Постройки размещались за оградой.

Как известно из летописных сообщений, в Новгороде в начале XVI в. осуществлялись планировочные мероприятия. Летопись сообщает, что в 1508 г. «присла князь великы Василеи Ивановичь в Новгород Василья Бобра о улиц мерити, больши старого оучиниша 4 сажени ширина; и дворы великы давати людем, и ряды торговые переведе по своему обычаю, не яко прежде было, а от стены не быти двором 40 сажен» [4, с. 612]. В 1531 г. сообщается, что присланные в Новгород дьяки начали «мерити Великую улицу от Володимерских ворот прямо в конец и все улицы из Поля в берег прямо» [5, с. 288]. В XVI в. в Новгороде происходил сложный процесс формирования «рядовой» застройки, реконструкция стихийно сложившейся старой сети улиц.

К сожалению, застройка XVI в. до нас не дошла даже в археологических раскопах. Обнаруженные работами Новгородской археологической экспедиции древние мостовые, постройки, за исключением раскопа 1979 г. в южной части Славенского конца, датируются временем не позднее середины XV в., так как в слоях XVI в. древесина не сохранилась. Причиной тому было сооружение дренажной сети в XVIII в. Уровень грунтовых вод при этом понизился, и древесина конца XV в. и более позднего периода выгнила [6, с. 6]. Но от XVI в. сохранились подробные записи по земельным участкам, так называемые писцовые книги, и в частности «Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI века» [7]. Это наиболее древнее подробное описание застройки города. Она издана по рукописи, написанной разными почерками в конце XVI в. писцом Леонтием Аксаковым и подьячим Алексеем Малаховым. Торговая сторона была переписана в 1581—1582 гг. По Софийской стороне дат нет, но

предполагается, что опись Софийской стороны была произведена в 1582—1584 гг. В описи перечисляются дворы, их принадлежность, участки, отводимые под улицы, церкви, род занятий владельца, указываются дворы, отошедшие под «городовую меру» — под деревянный или Малый земляной город [7, с. III].

Автор данной статьи поставил своей целью перевести текстовой язык писцовой книги на графический с тем, чтобы представить застройку средневекового города, выявить характерные для того времени градостроительные особенности Господина Великого Новгорода, восполнить пробел в исторической науке о развитии архитектурно-планировочной структуры Новгорода XVI в. (Более ранний период известен по трудам М. Х. Алешковского, А. В. Арциховского, П. И. Засурцева, С. Н. Орлова, В. Л. Янина и других ученых.)

Исследованиям по истории архитектурно-планировочного развития Новгорода конца XVII — середины XVIII в. большое внимание уделяли А. В. Воробьев, Л. М. Тверской и др. С начала XVII в. известен ряд планов Новгорода, на которых изображены с той или иной полнотой улицы города. Выявлению истории формирования архитектурно-планировочной структуры Новгорода посвящен и ряд работ автора данной статьи, но в них нет исчерпывающих сведений по XVI в.

Необходимо отметить, что многие ученые пытались разобраться в планировке города XVI в. В 1851 г. вышла книга И. Красова «О местоположении древнего Новгорода», в которой рассматривается порядок улиц города на основе писцовой книги и других источников. Еще ранее, в 1826 г., была опубликована книга Н. Н. Муравьева «Описание древней Новгородской серебряной гривны и ея рублей с некоторыми понятиями о древности, величии и богатстве Новгорода», в которой приведен план города 1756 г., дан его анализ по описи 1623 г. В 1953 г. появилась книга Л. М. Тверского «Русское градостроительство до конца XVII века», в которой автор попытался в общих чертах дать схему застройки города. В 1964 г. в сборнике «Новгород» (К 1100-летию города) опубликована работа С. Н. Орлова «К топографии Новгорода X—XVI вв. «Данному вопросу уделял внимание и А. И. Семенов. Некоторые представления о городе могут быть почерпнуты из Флора-Лаврского изображения Новгорода, относящегося к началу XVII в. В 1910 г. вышла работа П. Л. Гусева «Новгород XVI в. по изображению на Хутынской иконе „Видение пономаря Тарасия“». Однако все перечисленные выше исследования не давали исчерпывающего представления о характере планировки города, а подчас были противоречивы.

Наиболее близкими к нашей работе, казалось, могли быть исследования С. Н. Орлова [8, с. 264—267]. Но, отдавая должное этим исследованиям, нельзя согласиться с трактовкой С. Н. Орловым системы уличной сети. Во-первых, он рассматривает улицы как нечто застывшее, неизменное с X по XVI в. В действительности же они видоизменялись по мере роста города, что подтверждается изысканиями автора данной статьи, проведенными до 1960 г. [9, с. 217—224], а также исследованиями В. Л. Янина [6, с. 19]. Во-вторых, в соответствии со схемой Орлова можно заключить, что уже в X в. улицы подходили к окольному городу, время постройки которого неверно отнесено им к XII в. Как установлено исследованиями М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречьева, окольный город был построен в XIV—XV вв. [6, с. 41]. Застройка в него не упиралась; вблизи были огородные участки, пустыри и даже пахотные земли [6, с. 17]. В-третьих, на основании дендрохронологического метода установлена датировка верхнего настила уличных мостовых — это конец XV в., а не XVI в., как считает Орлов. Настилы XVI в. в Новгороде не сохранились [6, с. 6], за исключением раскопа 1979 г. в южной части Славенского конца. В-четвертых, исходя из наблюдений Орлова над 1/30 территории, трудно представить построение плана улиц всего города, т. е. репрезентативность данных, полученных на этом основании, сомнительна.

Основываясь главным образом на анализе писцовой книги, а также на известных археологических данных, используя в качестве подосновы сов-

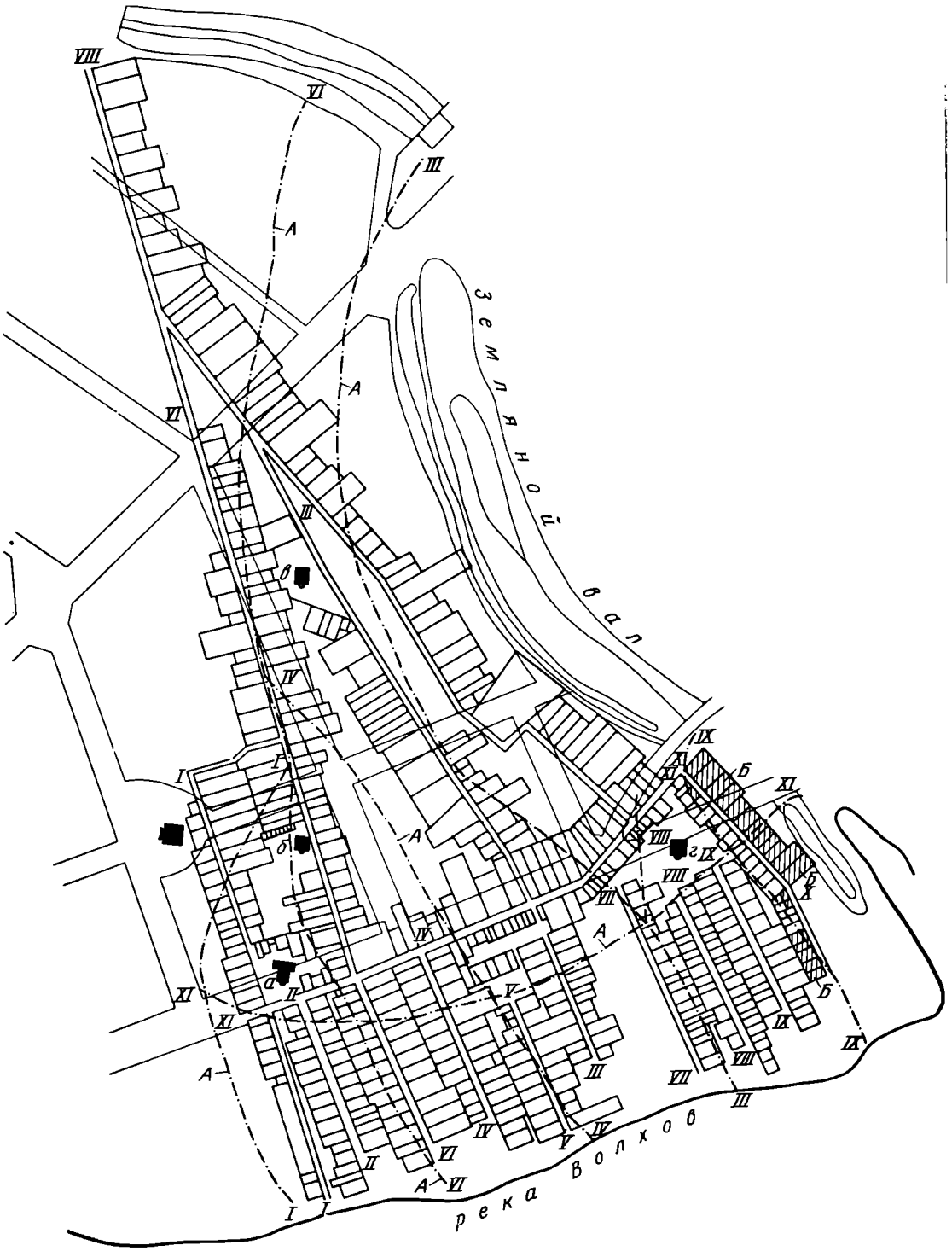


Рис. 1. Топография Неревского конца Новгорода XVI в. по «Книге писцовой по Новгороду Великому конца XVI в.» (В. В. Майков). Улицы: I—I — Боркова; II—II — Драгунова; III—III — Дослана; IV—IV — Новая Романовка; V—V — Водяной переулок; VI—VI — Яковлева; VII—VII — Корильская; VIII—VIII — Воронья; IX—IX — Чедерская; X—X — Щурова; XI—XI — Большая Пробойная. Церкви: *а* — Георгия; *б* — Николо-Кочановская; *в* — Мины и Виктора; *г* — Дмитрия А — улицы по С. Н. Орлову; Б — земельные участки, отошедшие под «городскую меру»

ременный план Новгорода, представляется возможным составить детальный план застройки конца XVI в. в пределах Неревского конца (в границах земляного вала), занимавшего северо-западную часть города (см. план, рис. 1). Прежде всего необходимо было уточнить чередование улиц и их направление.

В писцовой книге улицы упоминаются в следующем порядке. Начи-

нается опись с улицы Драгуновой, затем идут: Боркова, Яковлева, Новая Романовка, Дослана, Корилская, Воронья, Водяной переулок. Заканчивается опись улицами Щурова и Чедерской. Но соответствовал ли этот порядок фактическому размещению улиц или же, учитывая, что опись производилась длительное время, это просто случайный порядок внесения их в писцовую книгу? Это сомнение усугублялось тем обстоятельством, что на плане 1756 г. и по нарядной описи 1623 г. исследованиями Орлова, Красова и других ученых выявлен известный разнобой в порядке чередования улиц от начала Неревского конца и до земляного вала.

У Орлова первой идет Боркова улица, затем Яковлева, Романовка, Дослана, Чедерская. Отсутствуют Драгунова, Корилская, Воронья, Щурова улицы и Водяной переулок. На приведенном Орловым рисунке Софийской стороны [8, рис. 1] расстояния между улицами завышены почти в 2 раза, что не соответствует древней застройке Новгорода, при которой, как правило, участки соседних улиц подходили друг к другу, определяя расстояния между соседними улицами.

По Красову, сперва идет улица Боркова, как и у Орлова, за ней Яковлева, три небольшие улицы, название которых он не упоминает, и далее Дослана, и завершается перечень улиц Чедерской. Драгунову улицу он помещает между Борковой и Яковлевой, а между Яковлевой и Досланей — Новую Романовку [10, с. 36].

По плану Новгорода 1756 г. улицы идут в таком порядке: Боркова, Яковлева, Романовка, Воронья, Дослана, Корилская. Во всех исследованиях упоминается Великая улица, или, как еще ее называли (по писцовой книге) Большая Пробойная. Красов сомневался в наличии Великой улицы, предполагая, что название Великой относилось к Борковой улице [10, с. 38]. Археологические исследования в послевоенное время на Неревском раскопе доказали существование Великой улицы. В нарядной описи 1623 г. приводится другой порядок следования улиц.

Внести ясность в чередование улиц Неревского конца мог бы графический план, если он был бы приложен к писцовой книге. Но такого плана нет. Вот почему автор данных исследований задался целью прежде всего построить такой план, используя некоторые известные ориентиры. Такими ориентирами явились: участок Великой улицы в Неревском раскопе, расположение церквей Георгия, Мины и Виктора, Дмитрия, Николо-Кочановской, апостола Якова, следы которых зафиксированы и приведены в исследованиях Орлова [8, с. 269, 270].

То, что в писцовой книге не выдержан последовательный порядок улиц, видно из следующего примера. Первой в описи идет улица Драгунова, а за ней Боркова. Если принять такую последовательность, то получается, что улица Драгунова, упирающаяся по описи в церковь Георгия, идет сначала, а затем Боркова, по отношению к которой церковь Георгия находится с правой стороны. Но такое расположение немыслимо. Следовательно, первой должна быть улица Боркова. По писцовой книге она называется еще Большой, видимо, по ее длине. Она берет начало от Волхова по направлению к «деревянному городу». При пересечении ее с Большой Пробойной на правой стороне находилась церковь каменная «Егорея Страстотерпеца» [7, с.7]. Участки по левой стороне упоминаются на всем протяжении улицы, в то время как застройка правой стороны идет только от Большой Пробойной. По сообщению писцовой книги, имелся переулок: «А у тое улицы учинен переулок по Дмитриеву письму... на проезд уличаном Боркове улицы» [7, с.10]. Этот переулок, видимо, вел на Яковлеву улицу.

При таком расположении улицы Боркова находит свое место и следующая улица — Драгунова. Она доходила до Большой Пробойной, и ее перспектива замыкалась церковью Георгия. При переписи дворовых участков ее направление определялось таким образом: «... от реки от Волхова на гору идучи к Егорью Святому» [7, с. 2]. Застроена она с обеих сторон, причем правая (от Волхова) сторона имела застройку меньшей протяженности, нежели левая.

Следующая улица — Яковлева. Ее направление удалось установить

благодаря Николо-Кочановской церкви, кладбищу у Яковлевской церкви, а также упоминаниями в писцовой книге участка размером 13 на 8 сажень, «припущенного к церкви Егорью Страстотерпцу» [7, с. 19], и пространства размером 12,5×12 сажень, которое «отошло под церковную меру Пантолимона Святаго» [7, с. 19]. Улица имела двухстороннюю застройку и являлась одной из наиболее протяженных улиц Неревского конца.

Построив графическим путем улицы Боркова, Драгунова, Яковлеву, удалось определить расположение улицы Новая Романовка. Она располагалась между Волховом и Пробойной. Орлов неверно помещает ее за пределы Пробойной улицы по направлению к деревянному городу, соединив ее с Яковлевой. В писцовой книге ее трассировка указана следующим образом: «...от Пробойной улицы в новой Романове к Волхову по правой стороне» — и далее: «...на той же Романовке от реки от Волхова к Пробойной улицы по правой стороне» [7, с. 15], т. е. Новая Романовка имеет четкое ограничение между рекой и Пробойной улицей. По-видимому, эти улицы входили при переписи в одну группу, так как итог переписи дается общим для улиц Боркова, Драгунова, Новой Романовки и Яковлева. Такое могло быть лишь при смежном их расположении. Примененный нами графический метод позволил для данной группы улиц четко определить их последовательность, направление и протяженность.

Следующую группу, составляют улицы Дослана, Корилская, Воронья и Водяной переулок. На эту группу также дается общий итог переписи [7, с. 40]. Направление улицы Дослана определяется церковью Мины и Виктора, а также порядком переписи Водяного переулка. Церковь Мины и Виктора, вернее, ее остатки обнаружены на северной стороне Мининской улицы (ныне улица Штыкова), в 120 м к востоку от Ленинградской улицы [8, с. 270]. Перепись ее, увязанная с переписью участков в Водяном переулке, не оставляет сомнений как в определении направления улицы, так и в размещении Водяного переулка, ибо последовательность участков исключает какой-либо иной вариант. Перепись осуществлялась следующим образом: «... на Дослане улицы от реки к деревянному городу по левой стороне» [7, с. 33]. Далее: «...а в Водяном переулке на левой стороне к Волхову» [7, с. 34], затем: «... в том же переулке от реки по левой стороне на гору... а из переулка на Досланю улицу по левой стороне» [7, с. 35], затем «на Пробойной улице к Яковлева улицы» [7, с. 36] переходит на другую сторону Большой Пробойной к Дослани и по левой стороне Дослани к деревянному городу от Пробойной к церкви Мины и Виктора. Дослана улица была застроена с двух сторон и соединялась с улицей Яковлевой и далее к деревянному городу с Вороньей улицей.

Воронья улица фиксируется в прибрежной территории церковью Дмитрия. В писцовой книге ее направление определено «от реки к Дмитрию Святому» [7, с. 28] и приходом Мины Святого. Сообщение о том, что многие участки за Пробойной улицей отошли под «городовую меру», дает основание разместить ее вблизи деревянного города. Воронья улица от Пробойной до деревянного города имела одностороннюю застройку. Остатки церкви Дмитрия обнаружены на восточной стороне Дмитриевской улицы, в 100 м к югу от земляного вала [8, с. 270]. Воронья улица была самой протяженной и доходила до острога.

Определить размещение Корилской «улки» не представляет труда. К северу от улицы Вороньей можно было поместить только две улицы, для третьей места не было. Этими двумя улицами были Чедерская и Щурова. Поскольку почти все участки Щуровой улицы отошли под «городовую меру», ее расположение должно было граничить с деревянным городом — так в писцовой книге именуется внешняя линия укреплений Новгорода. Чедерская проходила севернее Щуровой. Ее направление связывается с церковью Дмитрия: «...а в Чедерские улицы от Дмитрия Святого к реке по правой стороне» [7, с. 43] и далее: «...в Чедерские же улицы от реки по правой стороне к Дмитрию Святому» [7, с. 44]. Корилская улица, имеющая одностороннюю застройку, находилась севернее Вороньей улицы. На ней был двор «дмитриевского попа», это дает осно-

вание считать, что она могла примыкать к территории церкви Дмитрия. Все эти три улицы заключены между Пробойной и р. Волхов.

На приведенном чертеже имеются незначительные свободные от дворов территории между улицами Дослана и Вороньей к западу от Пробойной, а также к северу от Корилской улицы и участок внутриквартальной территории между Яковлевой и Досланей к северу от Пробойной. В последнем случае, по-видимому, это территория исчезнувших церквей. Ко времени переписи их уже не было. Застройка по северной стороне улицы Дослани и по южной стороне улицы Корилской не была возобновлена после пожара в 1537 г. Часть Большой Пробойной также была застроена в ее северной половине, между Новой Романовкой и земляным валом. Первоначальное ее значение как пробойной, призванной лишь создать связь между улицами в направлении, параллельном Волхову, постепенно дополняется ролью жилой улицы.

Перейдем к рассмотрению особенностей планировки и застройки Неревского конца в пределах земляного вала. Неревский конец, занимавший северную часть Софийской стороны, к этому времени вышел за внешний оборонительный пояс, в так называемое Кузьмодемьянское заполье [7, с. 46], и простирался до Колмово [7, с. 52, 53].

Неревский конец — своеобразный жилой район, где были сосредоточены все необходимые в то время, пользуясь современной терминологией, учреждения районного пользования. Общественными центрами его являлись вышеупомянутые церкви. Здесь же жили ремесленники, вырабатывающие разнообразные предметы. Необходимость удобного подъема к каждому двору вызвала рядовую систему планировки [11, с. 159, 160]. Улицы ограничивали ряды дворов, примыкающие друг к другу с соседних улиц. В этом заключается первая особенность планировки района. Вторая особенность — направление улиц. Они вели к реке, перпендикулярно к ее береговой полосе, что связано с важным хозяйственным и транспортным значением р. Волхов [12, с. 22]. В связи с данным обстоятельством сетка улиц в прибрежной полосе, т. е. к востоку от Большой Пробойной улицы, была более густой. К западу от Большой Пробойной улицы они сходятся пучком в районе церкви Мины и Виктора, переходя в одну улицу, подводящую к внешнему оборонительному поясу. (Характерные особенности улиц сведены в прилагаемую таблицу.)

Третья особенность заключается в том, что в прибрежной полосе застройка более плотная, а дворовые участки имеют меньшие размеры по сравнению с участками, расположенными к западу от Большой Пробойной улицы. Если к востоку от Большой Пробойной было 304 двора, то к западу 206 — почти на одну треть меньше, хотя общая площадь под застройку в первом случае составляет 10,4 га, а во втором — 16,4 га. Средняя приведенная площадь на один дворовый участок к востоку от Большой Пробойной улицы равняется 342 м², а к западу — 800 м². Это было вызвано ограниченными размерами прибрежной территории и наличием свободных участков в отдалении от реки. Четвертая особенность — живописность застройки и ее силуэтная структура. Основная масса жилой застройки состояла из комплекса жилых и хозяйственных построек, об облике которых можно судить по исследованиям П. И. Засурцева [2].

Из анализа составленного нами плана определяется градоформирующая роль главных зданий общественного назначения — церквей. В одних случаях они замыкали перспективу улиц, как, например, улицу Драгунова, упиравшуюся в церковь Георгия, улицу Воронья — в церковь Дмитрия. В других случаях неожиданно раскрывались ракурсы церкви: Мины и Виктора с улиц Дослана, Вороньей; Георгия — с улицы Боркова; Дмитрия — с улицы Чедерской. И все они активно включались в визуальную связь, возвышаясь над малоэтажной застройкой. Вокруг церквей имелись свободные от застройки участки — своеобразные площади, где могли сходиться горожане. В жилую застройку вклинивались садовые участки, что благоприятно сказывалось на архитектурном облике Неревского конца. Так, например, при переписи дворовых участков в Вороньей улице упоминается «садок Злобинской Скрипецына» размером 15 на 5 са-

Основные данные улиц Неревского конца

Улица	Длина, м	Тип застройки	Количество земельных участков		
			всего	из них на территории между р. Волхов и Большой Пробойной ул.	из них к западу от Большой Пробойной ул.
Боркова	480	От реки до Большой Пробойной односторонняя, далее двухсторонняя	47	16	31
Драгунова	190	Двухсторонняя	31	31	–
Яковлева	720	»	96	27	69
Новая Романовка	200	»	30	30	–
Водяной пер.	130	»	27	27	–
Дослана	480	Двухсторонняя, за Большой Пробойной к церкви Мины частично односторонняя	55	23	32
Корилская	180	Односторонняя	19	19	–
Воронья	1080	От реки до Большой Пробойной двухсторонняя, за ней односторонняя	88	38	50
Чедерская	170	Двухсторонняя	29	29	–
Щурова	150	Двухсторонняя	35	35	–
Большая Пробойная	520	Застроена частично (в северной половине)	53	29	24
Итого	4300		510	304	206

жень [7, с. 29]. Имелись в жилой застройке и пашни. В писцовой книге говорится: «...а в заулке Мины Святому...», на церковной земле, «пашут всем городом» [7, с. 38].

Пятая особенность заключается в том, что размеры дворовых участков соответствовали социальной принадлежности хозяина. Нередко ремесленники, живя даже вместе по нескольку семей, имели участки, как правило, в 350—400 м². Значительно бóльшие участки принадлежали помещикам — 900—1200 м². Главенствующая роль духовенства подчеркивается наибольшими размерами дворов. Так, например: «...за игуменом Деонисием с братьею», жившим на Вороньей улице, земельный участок составлял 1650 м² [7, с. 45]. И наконец, последняя, самая важная особенность. При анализе записей писцовой книги выявилось следующее. Многие земельные участки, расположенные друг за другом, имеют одинаковые размеры как в длину, так и по ширине. Такая нарезка участков могла быть только при условии определенного законоположения о предельных площадях территорий для одного двора и преднамеренности планировочных работ.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по некоторым участкам даются разные размеры противоположно расположенных сторон, что возможно при условии непараллельности сторон земельного участка, образующейся при изломе направления улицы. А так как большинство участков имело одинаковые размеры противоположных сторон, то они представляют по конфигурации либо прямоугольник, либо параллелограмм. И в том и в другом случае при стыковке таких участков образуется прямолинейное направление улицы. Используя предложенный нами графоаналитический метод, заключающийся в вычерчивании участков и их стыковке, переведя древнерусскую систему измерений в метрическую и наложив участки на современный план города, удается определить прямолинейность в направлении большинства улиц, что служит доказательством осуществленных московскими дьяками планировочных работ в XVI в.

В результате проведенного исследования приходим к следующим выводам.

1. Новгород в XVI в. имел определенную регулярную систему рядовой планировки, пришедшую на смену ранее существовавшей застройке.

2. В планировке жилого района Новгорода еще в конце XVI в. наблюдается зарождение элементов регулярной планировки, получившей распространение в начале XVIII в.

3. В древнем Новгороде отсутствовало выделение обособленных территорий для знати: церковные служители размещались по соседству с обслуживаемыми ими церквами, а дворовые участки помещиков были рассредоточены среди участков простого люда.

4. Река Волхов играла важную роль в жизни города, что оказало существенное влияние на систему улиц, которая тяготела к водной магистрали. Все улицы, за исключением одной, выходили к Волхову.

5. Церкви, как наиболее значительные по объему и монументальности сооружения, занимали важное место в застройке города, в его силуэте, в архитектурно-пространственном решении улиц, определяя своеобразные общественные центры с площадью перед ними. Возвышаясь над массой малоэтажной застройки, взаимодействуя между собой, церкви формировали визуально грандиозный архитектурный ансамбль жилого района и города в целом.

6. Определился порядок чередования улиц, их расположение.

В заключение необходимо отметить, что проведенный нами анализ застройки Новгорода XVI в. по писцовой книге на основе графоаналитического метода имеет значение не только для восполнения пробела в истории формирования архитектурно-планировочной структуры древнерусского города, его топографии, но и позволяет более глубоко определить характерные особенности новгородской архитектуры XVI в., воспринявший влияние московского зодчества. Выявленные особенности должны быть использованы при решении вопросов современной градостроительной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическое изучение Новгорода/Под общ. ред. Колчина Б. А., Янина В. Л. М.: Наука, 1978.
2. *Засурцев П. И.* Новгород, открытый археологами. М.: Наука, 1967.
3. *Греков Б. Д.* План части Новгорода конца XVII века. Л.: Изд-во АН СССР, 1926.
4. Новгородская четвертая летопись. Вып. 3.– ПСРЛ, 1929, т. IV, ч. 1.
5. Софийские летописи.– ПСРЛ. СПб., 1853, т. VI.
6. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.– В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978.
7. *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в.– В кн.: Летопись занятий императорской археологической комиссии за 1911 год. СПб., 1912, вып. 24.
8. *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода.– В кн.: Новгород. М.: Наука, 1964.
9. *Кушнир И. И.* О культурном слое Новгорода.– СА, 1960, № 3.
10. *Красов И.* О местоположении древнего Новгорода. Новгород, 1851.
11. *Тверской Л. М.* Русское градостроительство до конца XVII в. Л.– М.: Госстройиздат, 1953.
12. *Кушнир И. И.* Новгород. Л.: Ленстройиздат, 1972.

I. I. Kushnir

THE TOPOGRAPHY OF THE NEREVSKY DISTRICT IN 16th-CENTURY NOVGOROD

Summary

There are no available graphic materials on 16th-century Novgorod topography but chronicles inform us that some town planning was undertaken at that time. However, excavations have not contributed any reliable information on 16th-century street layout as no timber has been preserved in the corresponding cultural layers: it was destroyed in the course of later drainage works. Only a section of the southern part of the Sla-

vensky district remained intact. The author obtained information on 16th-century topography of the Nerevsky district from «Novgorod the Great Cadasters for the End of the 16th Century». The street order from the Kremlin to the Earthern Rampart was as follows: Borkova St., Dragunova St., Yakovleva St., Novaya Romanovka St., Vodaynoy Lane, Doslana St., Korilskaya St., Voronya St., Chederskaya St., Shchurova St. crossed by Bolshaya Proboinaya St. The author has also established that in the 16th century the streets were straightened. At the Volkhov River the houses were closer to each other, for the yards were smaller compared to those to the west of Bolshaya Proboinaya St., at the same time sizes of the yards depended on the social status of the owner. The river played an important role in the life of the city and influenced the street lay-out. All the streets led to the river. Churches which were much higher than dwelling houses dominated the achitectural ensemble of the Nerevsky district.

ГАМЗАТОВ Г. Г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА (XIII—XVII вв.)

Проблема города, его возникновения, внутренней структуры, динамики развития в последнее время все больше и больше привлекает исследователей. Особая роль отводится изучению городской жизни на Востоке [1, с. 3]. В этом плане определенный интерес представляет попытка освещения вопросов исторической топографии позднесредневекового Дербента — одного из древнейших городов нашей страны.

Дербент расположен в Южном Дагестане, на западном берегу Каспийского моря. Его стены закрывают собой проход между горами и морем, ширина которого всего 3 км (рис. 1). Именно таким, чрезвычайно выгодным в стратегическом отношении географическим положением объясняется то огромное значение, которое придавали ему персы, арабы, турки, монголы.

Дербентские каменные стены, сохранившиеся до настоящего времени, были воздвигнуты в VI в. Кавадом I и Хосровом I Ануширваном. Возникнув в период наибольшей активности кочевников на Кавказе, дербентские укрепления защищали от их опустошительных набегов более развитые государства Закавказья и Переднего Востока. Топография и планировка Дербента были определены фортификационным назначением его стен и географическим своеобразием местности.

К. В. Тревер и В. В. Бартольд высказали мнение, что цитадель в Дербенте могла появиться лишь с X в. [2, с. 280; 3, с. 423, 424]. М. И. Артамонов и С. О. Хан-Магомедов считали, что цитадель построена одновременно с сооружением всего оборонительного комплекса [4; 5, с. 38]. И наконец, археологические исследования последних лет, проведенные в крепости, доказали правомерность последнего мнения, т. е. позволили четко выделить две составные части раннесредневекового сасанидского Дербента — цитадель (кухендиз) и собственно город (шахристан) [6, с. 125].

Конец VII—X вв. характеризуются арабским владычеством в Дербенте. Арабы превратили город не только в главный опорный пункт Халифата на Кавказе, но и в крупнейший торгово-ремесленный центр. В этот период город сохраняет двухчастную структуру [7, с. 137].

С XII в. Дербент выделился в особое независимое княжество — Дербентский эмират со своей собственной наследственной династией, чеканящей свою монету [8, с. 1—11]. Структура города в это время остается неизменной. XIII в. ознаменовался событием, которое сыграло огромную роль в истории многих народов и стран. В исторической литературе оно известно как татаро-монгольское нашествие [9, с. 25]. Под ударами монголов потеряло свою самостоятельность и Дербентское княжество. В 1239 г. оно вошло в состав Золотой Орды, став опорным пунктом монгольских ханов в Дагестане.

Дербент, как и многие другие государства и города Европы и Средней Азии, пострадал прежде всего в экономическом плане. Резко пало значение города как торгово-ремесленного центра [7, с. 140]. Сам же город практически разрушению не подвергся. Косвенным подтверждением этому являются сведения письменных источников, в которых подробно описывается падение городов Средней Азии и Закавказья и ничего не говорится о разрушении Дербента.

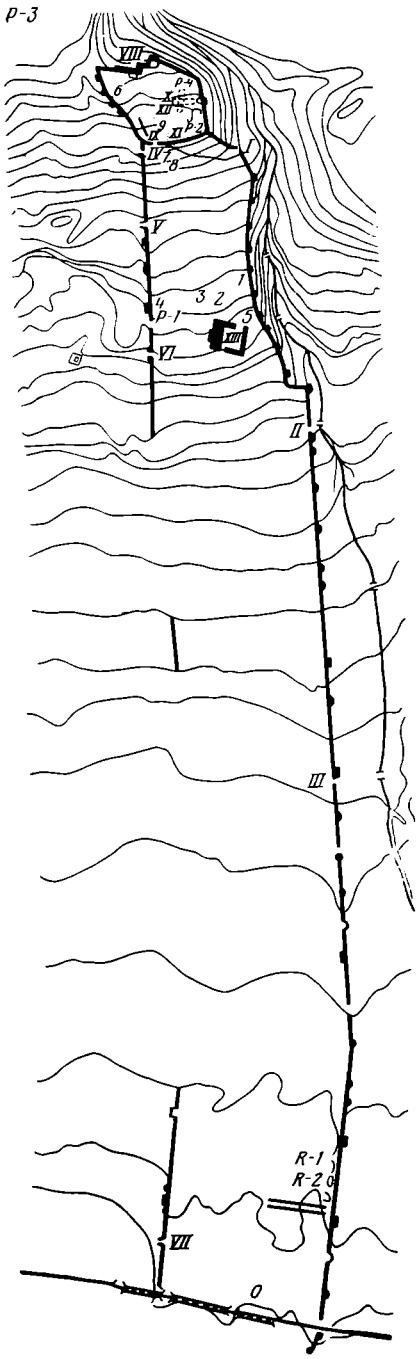


Рис. 1. План Дербента с шурфами, раскопами и наиболее интересными архитектурными сооружениями (по М. И. Артамонову): *1–9* – шурфы № 1–9; Р-1 – Р-4 – раскопы № 1–4; R-1 и R-2 – разрезы № 1, 2. I – Ворота Джарчи-капы; II – ворота Кырхляр-капы; III – Шурпинские ворота; IV – ворота Калакапы; V – ворота Баят-капы; VI – ворота Орта-капы; VII – ворота Дубара-капы; VIII – Западные ворота цитадели; IX – Восточные ворота цитадели; X – ханская баня; XI – дворец Фет-Али-хана; XII – водохранилище; XIII – Джума-мечеть

Вполне вероятно, что Дербент служил плацдармом для походов татаро-монголов во внутренние районы Дагестана. В этом случае было бы бессмысленно разрушать город, лишая себя тем самым надежного оплота не только в Дагестане, но и на всем Кавказе. Это подтверждается острой борьбой за Дербент между Хулагидами и Улусом Джучи (Золотая Орда). Для Джучидов имело большое значение владение Дербентским проходом, так как через него шел торговый путь из Золотой Орды в Переднюю Азию [10, с. 327]. Кроме того, нам известно, что татаро-монголы не только строили города без стен, но и срывали имеющиеся укрепления в завоеванных городах [11, с. 75]. Дербентская фортификация такому разрушению не подверглась.

О внутренней структуре и планировке позднесредневекового Дербента сохранился целый ряд письменных свидетельств. Внутригородская топография Дербента претерпевает в послемонгольское время значительные изменения. Город сильно уменьшается в размерах и уже не может претендовать на роль одного из крупнейших феодальных городов Кавказа.

Авторы XIII—XIV вв. (Г. Рубрук, Х. Казвини, З. Казвини) еще не отмечают этого упадка. Имеются сведения лишь о разрушении сельскохозяйственной округи города. Так, известный французский путешественник Гильом Рубрук, посетивший Дербент в 1254 г., пишет: «Внутри этого города земля считалась прежде за настоящий рай земной» [12, с. 187]. Дальнейшее описание Рубрука представляет большой интерес для изучения исторической топографии Дербента в XIII в.: «Он (Дербент.— Г. Г.) имеет длину более одной мили (имеется в виду французская миля, равная 1800 м.— Г. Г.), а на вершине горы стоит крепкий замок, а в ширину город простирается на полет большого камня. Он окружен крепчайшими стенами без рвов с башнями, построенными из больших отесанных камней. Но татары разрушили верхушки башен и бойницы стен, сравняв башни со стеною» [12, с. 187].

Как мы видим, город еще довольно значительных размеров. Упоминания авторов о «крепком замке» и «крепчайших стенах» говорят о сохранности цитадели и вообще о фортификационных сооружениях Дер-

бента. Рубрук сообщает о разрушении монголами верхушек башен. Но это явная ошибка, так как за башни он принимает выступы дербентских городских стен, которые в обороне города не играли самостоятельной роли [5, с. 42].

Закария ал-Казвини (умер в 1283 г.) сообщает, что город имеет в длину $^2/_3$ фарсаха, а в ширину только расстояние полета стрелы [13, s. 340].

Хамдаллах Казвини (умер в 1349 г.) дает нам лишь сведения о хозяйственной жизни города: «Что касается плодородия, то хлеб там хорош. Дербент обладает прекрасными пастбищами, воды и скота там много, большая часть дохода их бывает от этих благ» [14, с. 908]. Отсюда мы видим, что хотя пашенное земледелие продолжало развиваться, но ведущую роль с приходом монголов стало играть уже скотоводство.

И только Абу-л-Фида (1273—1357 гг.) сообщает, что «...Баб ал-Хадид (Дербент.— *Г. Г.*) — это городок подобный деревням на Хазарском море... Баб ал-Хадид — незначительный населенный городок» [15, p. 450]. Археологические работы показали, что это сообщение не соответствует действительности. Да и сам Абу-л-Фида не был в Дербенте и пишет со слов каких-то путешественников.

К концу XV в. роль Дербента как главной гавани на западном побережье Каспийского моря перешла к Баку [3, с. 427; 14, с. 908]. Свидетельства авторов XV—XVII вв. позволяют говорить о значительном уменьшении территории обживания города. Венецианский дипломат А. Контарини (XV в.) так описывает Дербент: «Он окружен толстыми и крепкими стенами, но так не многолюден, что едва шестая часть всего пространства, находящегося под горою, по направлению к цитадели заселена; со стороны же моря все почти здания разрушены» [16, с. 79, 80]. И здесь мы встречаем упоминание о толстых и крепких стенах вокруг города. Запустение же нижней части Дербента, видимо, уже связано с походами Тимура (вторая половина XIV в.), хотя Тимур и придавал городу большое значение. Так, уходя из Дагестана, он приказал Ибрагиму I Дербенди, основателю четвертой (дербентской) династии ширваншахов (1382—1415 гг.), «чтоб он хорошо охранял Дербент и следил за границами» [17, с. 187].

Сокращение территории обживания города подтверждается сведениями неизвестного русского путешественника середины XV в.: «В первобытные лета бывал город и измер в моровое поветрие и запустело» [18, с. 126].

Английский купец и мореплаватель Антоний Дженкинсон с 3 по 12 августа 1561 г. жил в Дербенте и оставил описание города: «Дербент — очень древний город со старым замком, построенным на холме Каста из белого камня и очень похожим на наше строение. Стены его очень высоки и толсты» [19, с. 202]. Хорошая сохранность Дербентских укреплений из этого сообщения очевидна.

В конце 70-х — начале 80-х годов XVI в. Дербент посетил служащий Английской Московской Компании Христофор Бэрроу. В этот период город находился под властью турецкого паши, в то время как при Дженкинсоне Дербентом управляли персы. Х. Бэрроу следующим образом описывает современный ему город: «От Дербентской крепости (здесь имеется в виду цитадель.— *Г. Г.*) в восточном направлении до берега Каспийского моря тянутся на одну английскую милю две каменные стены в 9 футов толщины и 28 или 30 футов вышины; расстояние между ними составляет 160 землемерных шагов, то есть 800 футов. Еще и теперь можно заметить развалины тех стен, тянувшихся в море под водой около полумили» [19, с. 278]. Здесь интерес представляют размеры стен и города. Это сообщение вполне соответствует предыдущему.

Первое описание внутренней структуры города мы находим у русского купца Федота Котова, который в 1623—1624 гг. совершил путешествие в Персию: «А Дербень город каменной, белой, бывал крепок, только не люден... А длиною в горы больше трех верст, а поперек города сажен с триста, а поперек город перегорожен каменными стенами в двух местах, ино станет три городы» [20, с. 34]. О поперечных стенах никто упо-

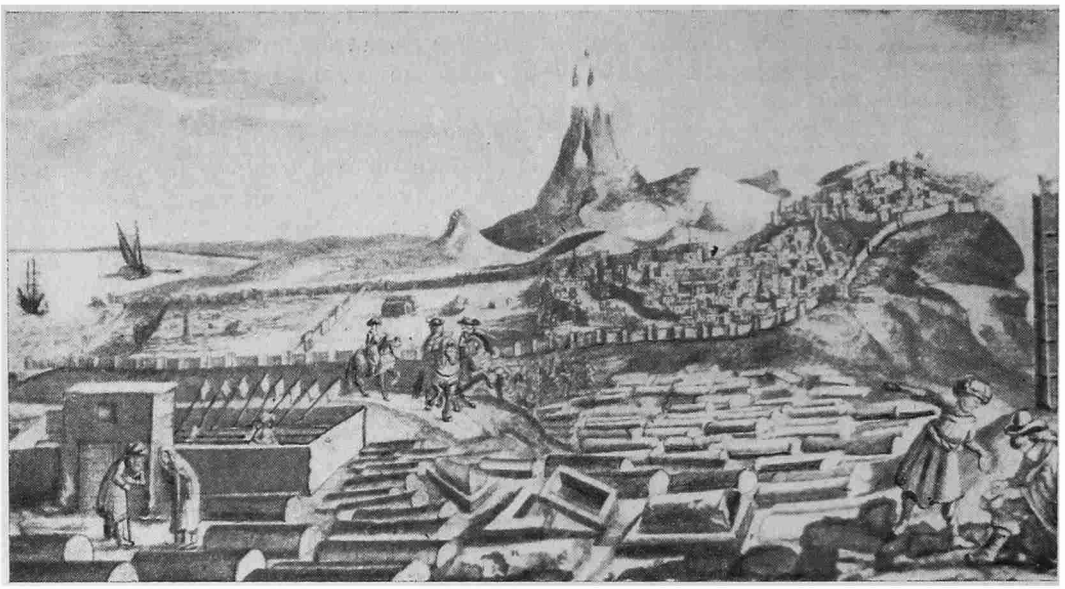


Рис. 2. Рисунок Дербента А. Олеария 1638 г.

минал ранее, так как они были построены шахом Аббасом I в начале XVII в. Надо отметить, что Аббас I провел большие работы по благоустройству и укреплению города, пришедшего в сильный упадок во время турецкого владычества [5, с. 15].

Большой интерес представляют сведения немецкого ученого Адама Олеария. Он посетил Дербент в начале 30-х годов XVII в. «Он тянется своими постройками в длину с З к В на полмили, а в ширину с С к Ю от одних ворот до других всего на 450 шагов. В нем различаются три части. Высшая из них — это замок на горе А. Здесь живет наместник, эта часть была вооружена пушками и 500 солдат из двух племен аюрумна и койдурша. Средняя часть В населена персами: позади она сильно опустошена. Нижняя часть длиной в 2000 простых шагов совершенно лишена домов и имеет лишь немного садов и пашен» [21, с. 485, 486]. Полностью описанию соответствует и рисунок Дербента, сделанный Олеарием (рис. 2).

На рисунке четко прослеживаются четыре части внутристенной территории города. Однако в социально-экономическом плане город сохраняет двухчастное деление: цитадель и шахристан, который в свою очередь делится поперечными стенами на три части, причем нижняя часть также отделена от моря стеной. Рисунок позволяет определить местонахождение караван-сарая, а следовательно, и базарной площади города, главной мечети, т. е. наиболее оживленных районов Дербента. Мы видим на рисунке три минарета, в том числе и в цитадели, что говорит о довольно сильном духовенстве и обособленном положении цитадели как средоточении верховной власти. Рисунок Олеария и его описание Дербента позволяют изучать не только вопросы исторической топографии, но и социальные отношения, сложившиеся в городе к середине XVII в.

Голландский моряк Ян Стрейс посетил Дербент в 70-х годах XVII в. Он по существу повторяет сведения Адама Олеария, лишь в незначительной степени дополняя их. И в его время в нижней части города «не видно домов, а только сады и поля» [22, с. 234].

Кроме рисунка Олеария, других рисунков и планов Дербента XIII—XVII вв. не сохранилось. В связи с этим мы вынуждены пользоваться планами и рисунками XVIII, а иногда и XIX вв. Сравнивая их друг с другом, можно с большей или меньшей долей вероятности установить планировку более древних городских улиц и кварталов. План Дербента по чертежам начала XVIII в. [5, с. 20, рис. 2] вполне соответствует полученному нами из письменных источников представлению (рис. 3). На плане четко видна густо застроенная цитадель, шахристан, разделенный

двумя поперечными стенами на три части, стена у моря. Часть шахристана у самой цитадели под горой является наиболее застроенной, вторая часть застроена значительно реже, а третья вообще не имеет никаких построек. На плане прослеживается деление города на кварталы.

На рисунке 1796 г. [5, рис. 3] также хорошо видны плотно застроенная цитадель и территория шахристана под горою (рис. 4). Четко видны минареты — один в цитадели и два городских. По обеим сторонам города видны сады, но по-прежнему нет никаких построек, т. е. рабад отсутствует. План города по чертежу 1845 г. [5, рис. 5] не претерпевает сколько-нибудь серьезных изменений (рис. 5). Те же застроенные районы и та же нижняя хозяйственная часть, где, правда, появляются какие-то отдельные постройки. Но их очень мало.

Опираясь на рисунки и планы Дербента, мы можем предположить, что позднесредневековый город имел три продольные улицы, шедшие вдоль городских стен. Эти улицы пересекались поперечными, деля город на кварталы, именуемые в местных хрониках магалами (название, употребляемое для верхней части Дербента и в наши дни). Главной мечетью города оставалась Джума-мечеть, построенная в VIII в. Как и во всех средневековых восточных городах, вся общественная, торговая и культурная жизнь Дербента концентрировалась вокруг этой мечети. Так, чуть выше комплекса Джума-мечети была торговая площадь, куда выходили три караван-сарая

Исходя из свидетельств средневековых путешественников, а также из позднейших планов и рисунков города, мы можем говорить о том, что Дербент в послемонгольское время сохранил двухчастную структуру и занимал незначительную территорию между двумя стенами, располагаясь у подножья цитадели.

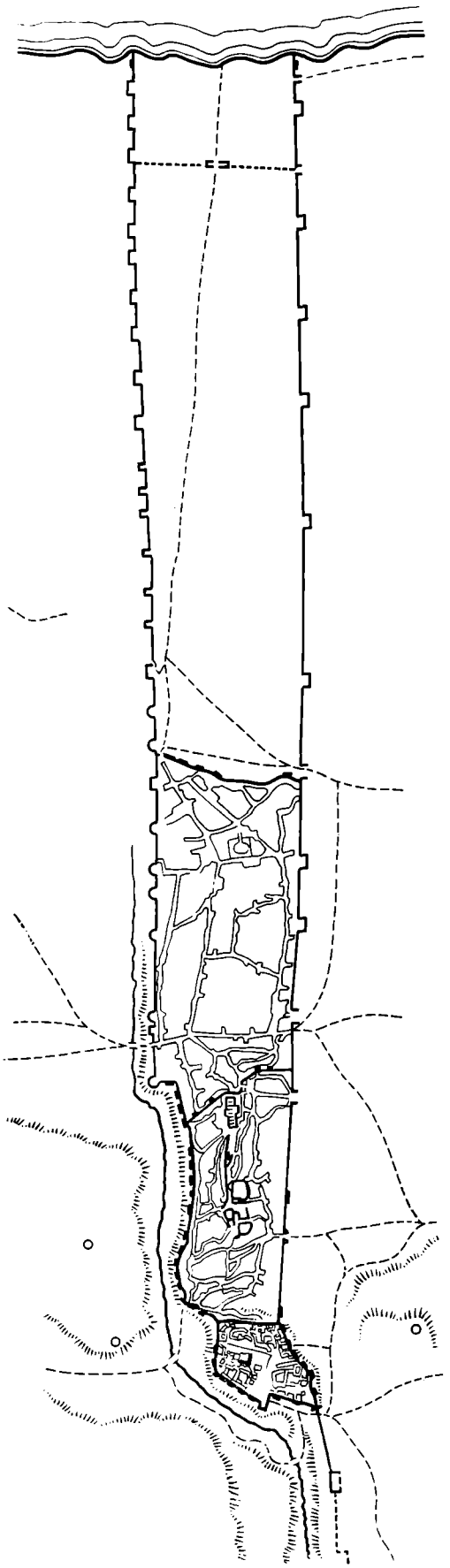


Рис. 3. План Дербента по чертежам начала XVIII в.

Рис. 4. Рисунок Дербента 1796 г.

Археологические работы, проводимые в Дербенте, полностью подтвердили это предположение и дали новый материал к изучению исторической топографии города. В 1971, 1976 и 1977 гг. были проведены раскопки в центральной и приморской частях Дербента. Они показали, что (рис. 6) в IX — первой половине XIII в. была заселена вся территория города между стенами (исключение составлял лишь небольшой участок на крутом склоне холма перед цитаделью). Однако если в верхней части города средневековые слои достигают мощности 3—3,5 м, а в центральной — 2—2,5 м, то в приморских районах Дербента они не превышают 1 м, так как эти районы начали обживаться только с середины VIII в. [23, с. 18, 35, 37—75; 24, с. 14]. Это позволяет нам говорить о развитии города сверху вниз, т. е. от цитадели к морю.

Раскопки за южной стеной города показали, что за ее пределами застройка отсутствовала, т. е. отсутствовал рабад [24, с. 15]. Своеобразным рабадом Дербента с XVII в. выступает его нижняя межстенная территория, отделенная от верхнего города поперечными стенами (рис. 6). На этом же рисунке мы видим, что в XIII—XVI вв. рабада такого типа еще не существовало. Стена же, отделяющая цитадель от шахристана, исчезает, по всей вероятности, уже к XVI в. Была также зафиксирована застройка территории на склоне холма под цитаделью, начавшаяся со второй половины XIII в. (рис. 6).

Говоря о структуре и планировке Дербента, нельзя не сказать о цитадели города, которая даже в период упадка остается густо застроенным районом. Наиболее застроенной была северо-западная часть цитадели, где имелись большая ханская баня, огромное водохранилище и ханские дворцы, существовавшие в XII—XVIII вв., остатки которых были обнаружены археологическими раскопками в 1974—1976 гг.

Очевидно, население цитадели составляли наместник, представители высшей городской знати, военный гарнизон крепости. «Здесь живет наместник, эта часть была вооружена пушками и 500 солдат из двух племен аюрумна и койдурша»,— описывает цитадель А. Олеарий [21, с. 486]. Я. Стрейс также отмечает, что цитадель защищена несколькими хорошими металлическими пушками «и гарнизоном в 1000 надежных солдат, это резиденция султана» [22, с. 234]. Цитадель имела также, как свидетельствуют рисунок Олеария и другие, более поздние рисунки и планы, свою мечеть с минаретом.

Итак, Дербент, несмотря на татаро-монгольское нашествие, продолжал жить. Часть населения ушла в другие районы Дагестана, но опре-

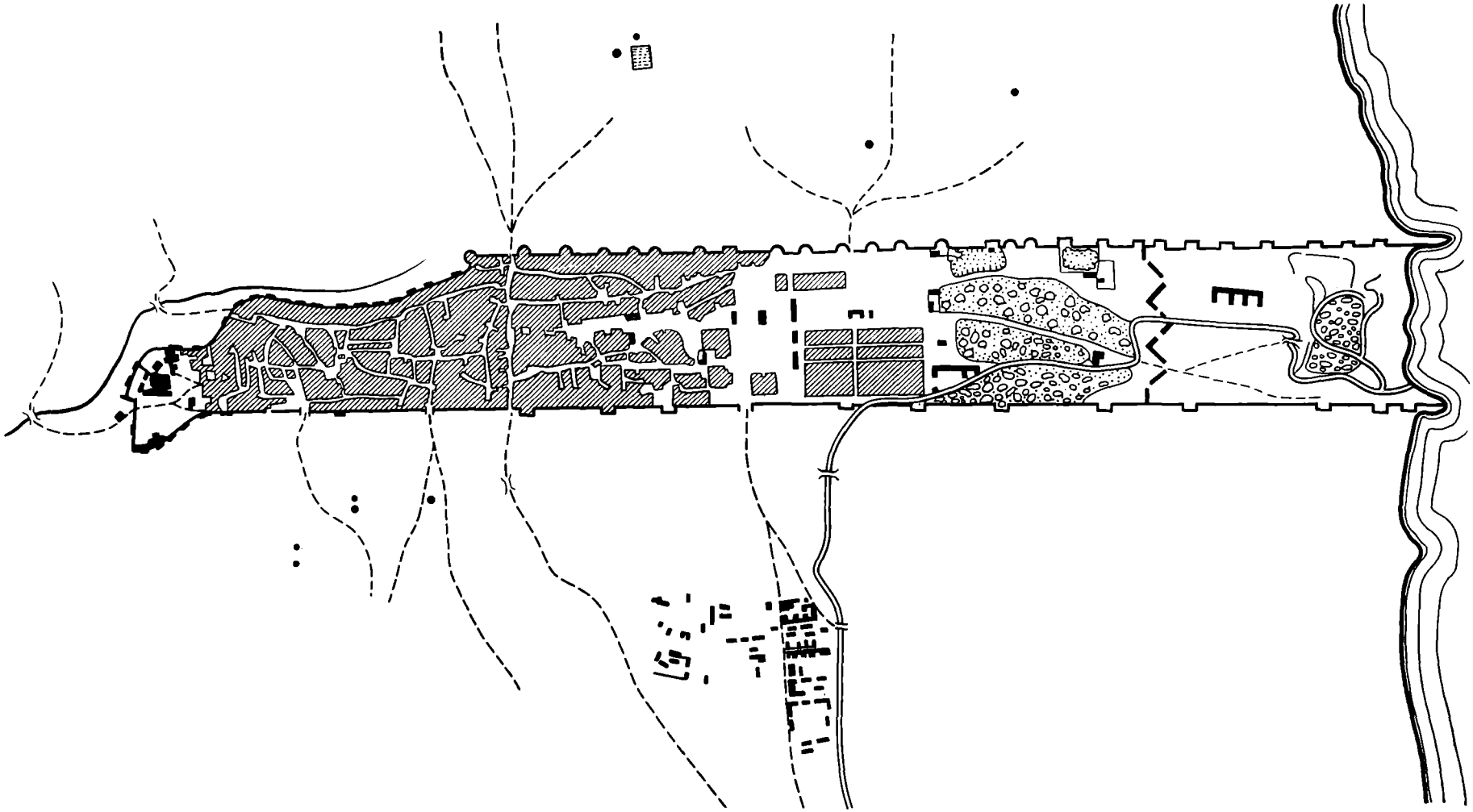


Рис. 5. План Дербента по чертежу 1845 г.

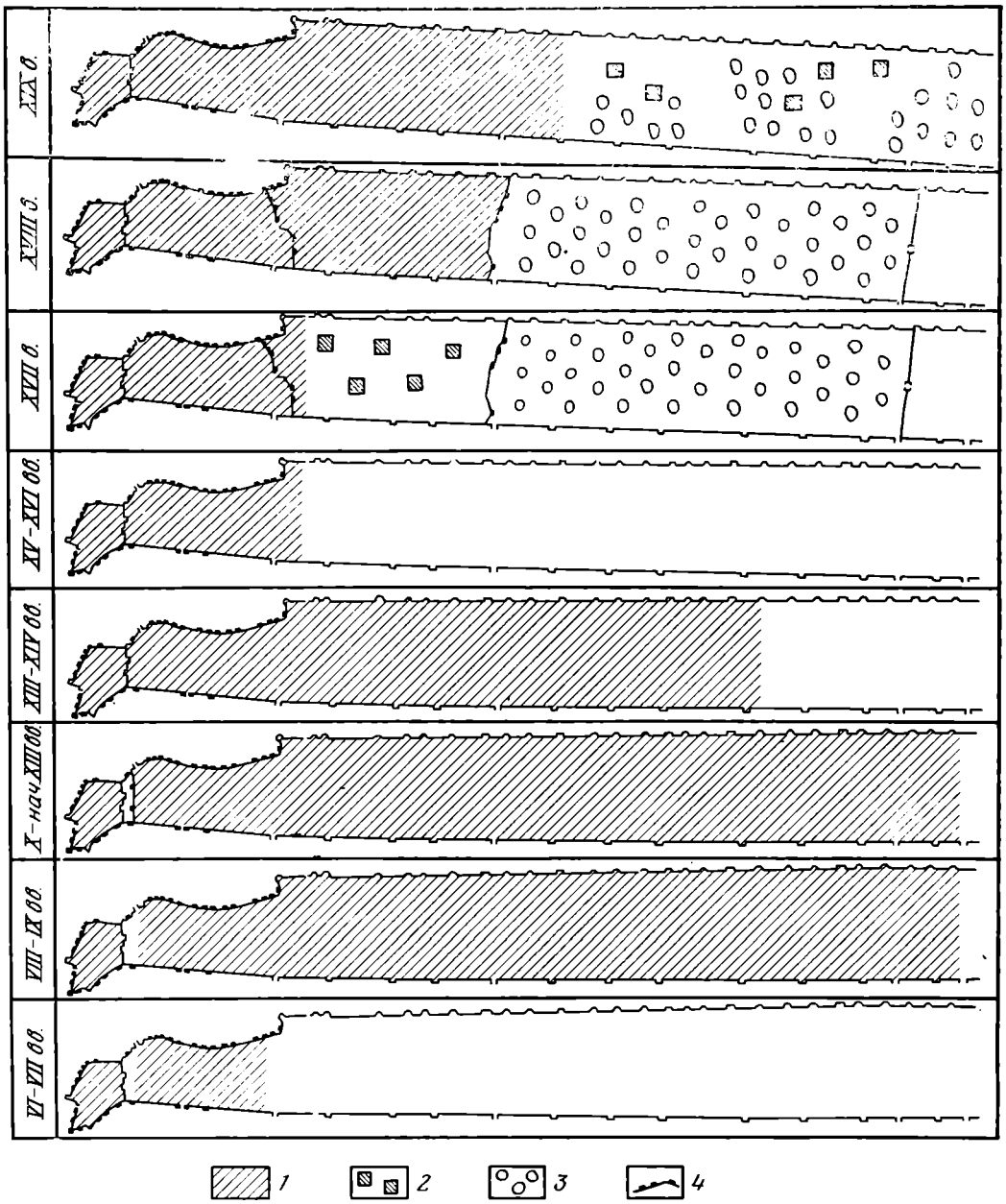


Рис. 6. Планы территории заселения Дербента в VI–XIX вв.: *1* – территория обживания города; *2* – редкие постройки; *3* – хозяйственный район города; *4* – стены

деленная часть осталась в городе. Дербентские фортификационные сооружения не были разрушены и дошли почти в первозданном виде до наших дней.

Упадок города происходил постепенно и стал особенно заметен в XVI в., что связано с началом борьбы за власть в Дербенте между Турцией и Ираном. В XVII в. шах Аббас I предпринял попытку возродить славу города, но былого могущества Дербент уже не достиг. Позднесредневековый Дербент сохраняет двухчастную структуру, причем, судя по рисункам и планам Дербента, такая структура сохраняется вплоть до середины XIX в. Структура и планировка верхней, наиболее древней части современного Дербента сохранила в основном структуру и планировку позднесредневекового города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белиницкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
2. *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.– Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
3. *Бартольд В. В.* Соч. Т. Ш. М.: Изд-во вост. лит., 1965.

4. *Артамонов М. И.* Древний Дербент.– СА, 1946, т. VIII.
5. *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М.: Госстройиздат, 1958.
6. *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976.
7. *Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р.* Опыт периодизации экономического развития Дербента (VI–XVIII вв.).– В кн.: Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М.: Наука, 1979.
8. *Пахомов Е. А.* Дербентское княжество в XII—XIII вв.— Известия Азербайджанского государственного НИИ, 1930, т. 1, вып. 2.
9. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда. Л.: Соцэкгиз, 1937.
10. *Микаелян Г. Г.* История Каликийского армянского государства. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1952.
11. *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973.
12. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: 1957.
13. *Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud* el-Cazwini's Kosmographie. Th. كتاب اثار البلاد Die Denkmäler der Länder. Aus der Handschriften des Hn. Dr. Lee und der Bibliotheken zu Berlin, Gotha und Leyden. Hrsg. von. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1840.
14. *Петрушевский И. П.* Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья.– Изв. АН СССР, отдел. обществ. наук, 1937, № 4.
15. Goegraphie d'Aboulfeda. Texte arabe publiéd'apres Les manuscripts de Paris et de Leyde par M. Reinaud et M. Le Bon Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.
16. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1831, т. 5.
17. *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.– Л., 1941.
18. «Сказание о Железных вратах». Публикация и комментарии Бегунова Ю. К. *Бегунов Ю. К.* Древнерусское описание Дербента и Ширвана.– ТОДРЛ, 1965, XXI.
19. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. (Пер. Ю. В. Готье). Л., 1938.
20. *Кузнецова Н. А.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.
21. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. (Пер. Ловягина А. М.) СПб, 1906.
22. *Стрейс Я.* Три путешествия. М.: Соцэкгиз, 1935.
23. *Кудрявцев А. А.* Отчет о работе Дербентского отряда ДАЭ в 1971 г. Архив ИА АН СССР, р-1 4600.
24. *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г., Салимов С. Б., Хазанов А. М.* Новые данные об исторической топографии Дербента (по материалам раскопок 1976–1977 гг.) – В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1976–1977 гг. (тезисы докладов). Махачкала, 1978.

G. G. Gamzatov

HISTORICAL TOPOGRAPHY OF 13th-17th CENTURY DERBENT

Summary

One of the least studied questions in the history of Derbent, that of its structure and town planning in the late Middle Ages, is the subject of this article. The author's study of reports of ancient West European travellers and the latest archaeological data led him to the conclusion that in the 13th-17th centuries Derbent had retained its earlier two-part structure, though it became considerably smaller in size. The Tatar-Mongol invasion had influenced the city's economic life, its fortifications remained intact and have come down to us in their original form.

Публикации

ТЕЛЕГИН Д. Я., ФИЛЕНКО О. С.

МОГИЛЬНИК СРЕДНЕСТОГОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДНЕПРОВСКОМ НАДПОРОЖЬЕ

Среди памятников среднестоговской культуры медного века кроме поселений важное место занимают могильники. Они обнаружены, например, на поселении Александрия на р. Оскол, около Дереивки на Днепре [1, с. 102].

За последнее время авторами завершены исследования еще одного относительно крупного могильника этой культуры на Игренском полуострове. Его публикации и посвящено данное сообщение.

Игренский могильник расположен на левом берегу р. Самары, немного западнее с. Старая Игрень, у южной окраины г. Днепропетровска. Он находится на первой надпойменной террасе, сложенной аллювиальными песками; на 7—8 м над уровнем Днепра. Терраса выступает в сторону реки, образуя своеобразный полуостров.

Еще в начале 30-х годов на Игренском полуострове было обнаружено около 20 археологических местонахождений. На одной из стоянок — мезо-неолитического времени (Игрень 8) было раскопано 19 разновременных погребений, в том числе 8 энеолитических [2, с. 162]. При одном из них найден расписной трипольский сосуд [3, рис. 13]. Несколько позже, в 1945—1946 гг., раскопки этого могильника были продолжены экспедицией Института археологии АН УССР под руководством А. В. Добровольского. Из числа раскопанных погребений три были энеолитическими [4]. Место могильника, которое постепенно размывалось рекой, затем неоднократно посещали археологи Л. П. Крылова, А. В. Бодянский, краевед В. А. Попцов и др. В береговом обрыве ими были расчищены остатки еще нескольких энеолитических погребений. В одном из них Л. П. Крылова и В. А. Попцов нашли трипольскую мисочку, расписанную коричневой краской (рис. 1, *1*), а А. В. Бодянский — среднестоговский плоскодонный сосуд (рис. 1, *2*).

В 1974 г. раскопки на Игренской восьмой стоянке были возобновлены нашей экспедицией. За пять летних сезонов (1974—1978 гг.) здесь исследовано семь мезолитических жилищ и раскрыто еще 29 погребений, в том числе 19 энеолитических [1].

Таким образом, за все годы исследований в районе Игренской восьмой стоянки был раскрыт значительный по количеству погребений могильник медного века, включающий более 30 могил. Судя по их расположению на площади наших раскопок в 1974—1979 гг., можно предположить, что могильник, видимо, раскрыт почти полностью (рис. 2). Ниже переходим к характеристике погребений медного века, исследованных нами в 1974—1978 гг. Среди них, судя по положению скелетов и находок, 17 относятся к среднестоговской культуре (№ 1—3, 5—11, 13, 15—18, 26, 29) и два (№ 14, 20) — к ямной.

Игренский среднестоговский могильник занимал значительную территорию, на которой относительно редко разбросаны отдельные могилы. В целом площадь могильника представляет собой полосу шириной 7—8 м

[1] Остальные 10 могил датируются неолитическим временем (№ 4, 12), эпохой бронзы (№ 19, 22, 27. 28) или же их возраст определить не удалось (№ 21, 23, 24, 25). Кроме того, во время наших раскопок было раскрыто несколько средневековых погребений.

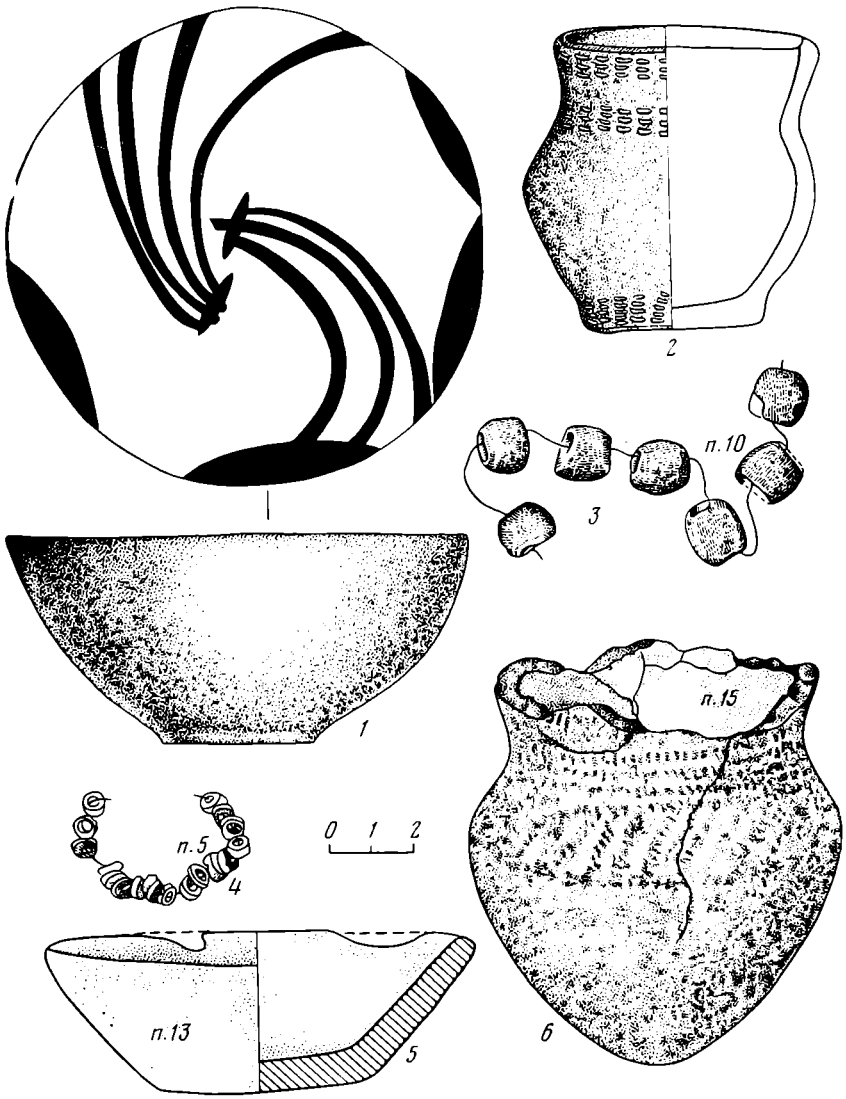


Рис. 1. Игрень 8. Вещи, найденные при размытых (*1*, *2*) и раскопанных (*3–6*) погребениях могильника. *1*, *2* – расписная трипольская мисочка и среднестоговский сосуд; *3* – пронизки браслета из кости (п. 10), *4* – костяные бусы (п. 5); *5* – мисочка (п. 13); *6* – сосуд (п. 15)

при длине, очевидно, более 30 м. К сожалению, совместить наш раскоп с раскопами 1932 и 1945—1946 гг. полностью не удалось, поэтому здесь мы приводим только общий план погребений, раскопанных в 1974—1978 гг. Подавляющее большинство среднестоговских погребений, а также оба ямные находились в пределах указанной полосы. Лишь одна среднестоговская могила (7) раскопана восточнее основного скопления погребений, а еще три (17, 26, 29) — западнее.

Среднестоговские погребения обычно одиночные, парных отмечено только три (2, 3, 5; рис. 3, *1*, *2*). Глубина залегания погребенных колеблется в среднем от 0,6 до 2 м от современной поверхности. Никаких надмогильных сооружений отмечено не было. В нескольких случаях прослежено, что погребенные были уложены в ямы овальной формы небольших размеров (1, 2, 8, 13, 15, 26; рис. 3, *4*, *7*).

Преобладают погребения взрослых, но есть и детские (2, 5, 6, 15, 26, 29).

Обряд погребения Игренского могильника довольно устойчивый: это трупоположения на спине с подогнутыми в коленях ногами. В двух случаях согнутые в коленях кости ног сохранились в вертикальном положении к моменту исследования (8, 13; рис. 3, *4*), но в большинстве — упали влево (3, 7, 10), вправо (18) или ромбом — в разные стороны (16,

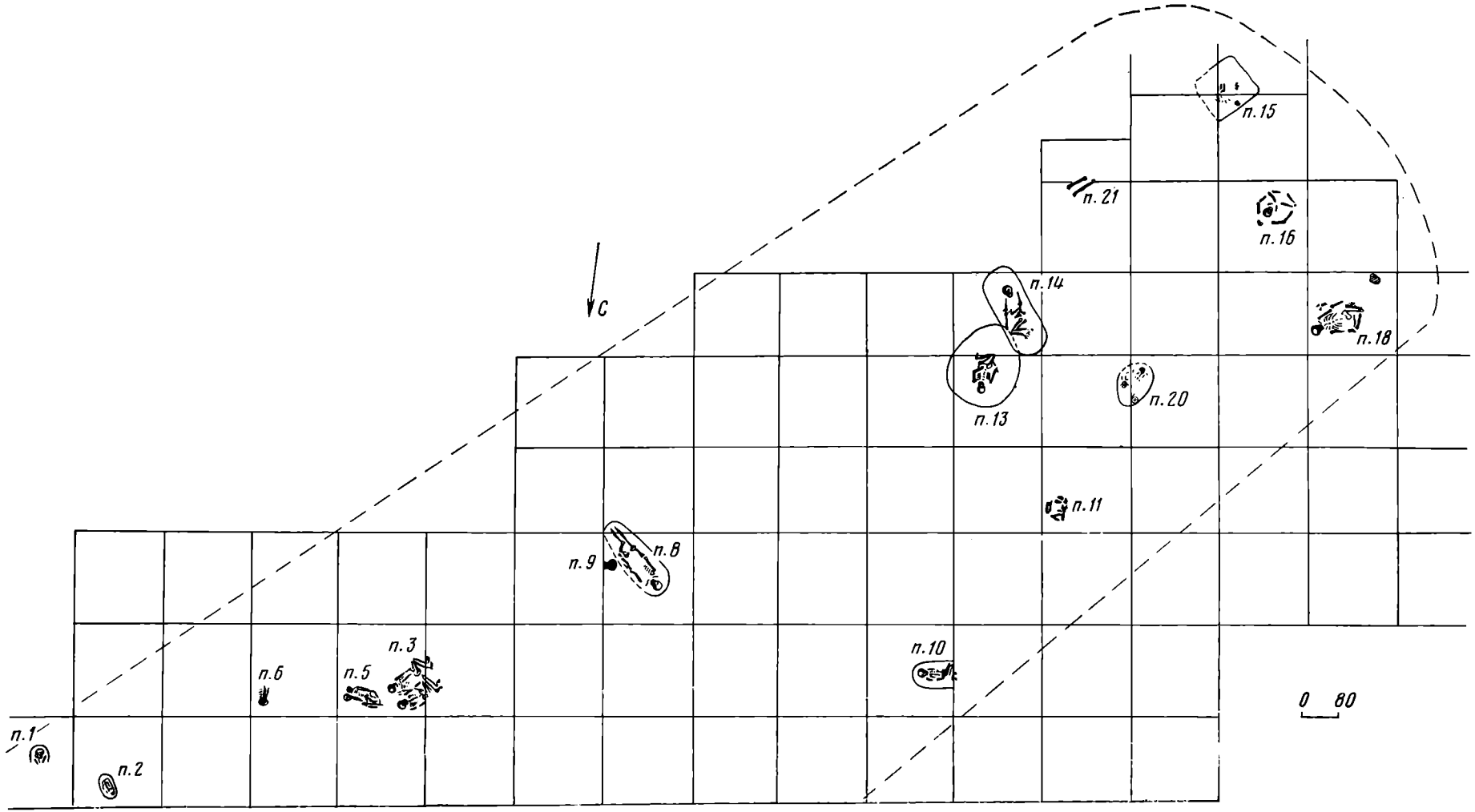


Рис. 2. Игрень 8. План энеолитического могильника

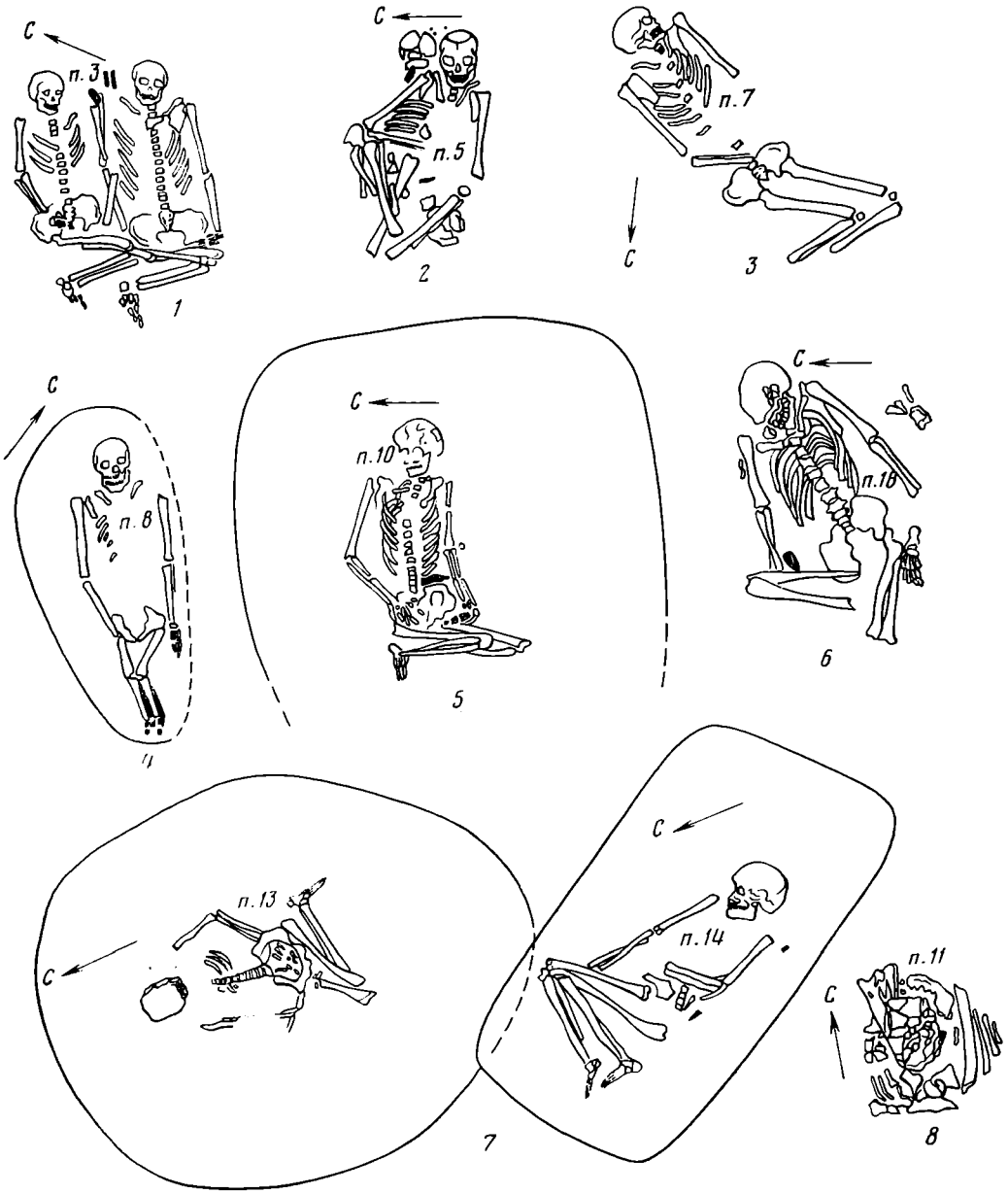


Рис. 3. Игрень 8. Погребения из раскопок 1974–1978 гг.: *1* – п. 3; *2* – п. 5; *3* – п. 7; *4* – п. 8; *5* – п. 10, *6* – п. 18; *7* – п. 13, п. 14; *8* – п. 11

17, 26). Руки в основном вытянуты вдоль тела, кисти — в области таза (рис. 3).

Положение скелета взрослого в погр. 5 позволило предположить, что умерший был похоронен сидя, а потом упал на спину (рис. 3, *2*). Еще одно погребение (11) оказалось расчлененным (рис. 3, *8*). Положение некоторых погребенных установить не удалось из-за плохой сохранности костяков.

В 12 погребениях костяки были частично или полностью посыпаны охрой (1, 3, 5—8, 10, 13, 15, 16, 18, 29). Ориентировка погребений Игренского могильника различная, но в основном преобладает северо-восточная и северная. Девять среднестоговских погребений (3, 5, 8, 10, 13, 15—18) содержали погребальный инвентарь. Среди находок — кремневые изделия, керамика, украшения. Орудия труда обнаружены при пяти погребениях. Они представлены кремневыми ножами из крупных «энеолитических» пластин с ретушью (рис. 4, *1—7*). Кроме того, здесь были найдены еще два крупных отщепа с ретушью, также игравших роль ножей (рис. 4, *8*). В большом количестве такие ножи сопровождали погребения других могильников среднестоговской культуры (Александрия, Чапли, Петро-Свистуново и др.). В погр. 17 найдены два кремневых наконечника дро-

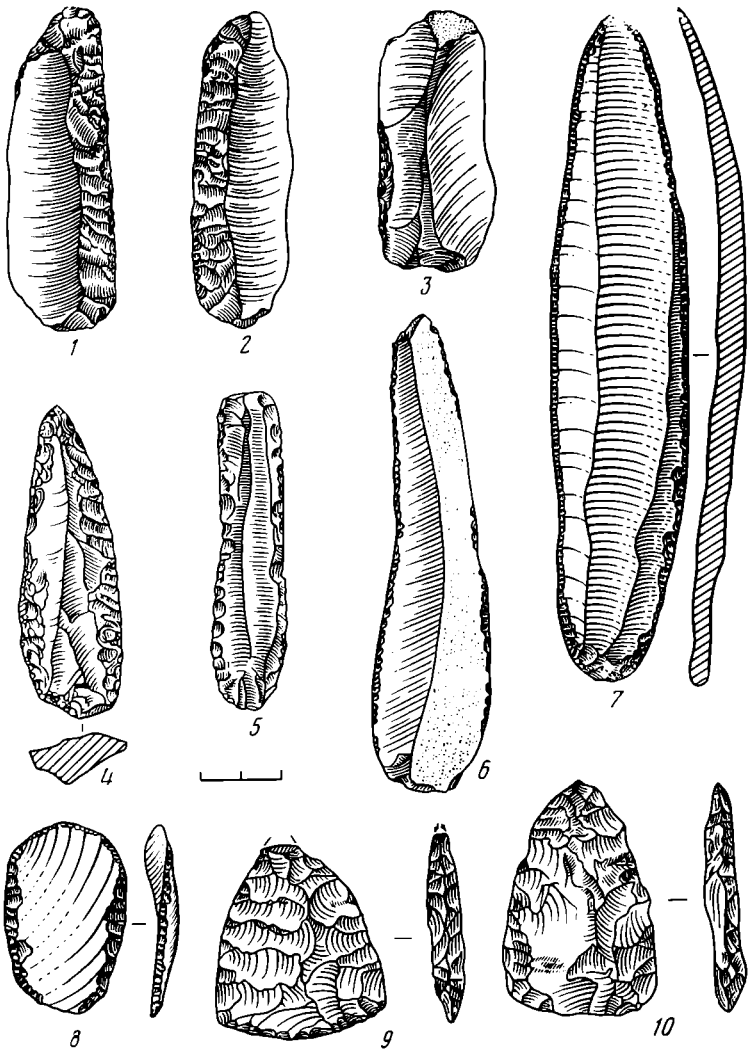


Рис. 4. Игрень 8. Кремневые изделия *1–3* – п. 3; *4* – п. 10; *5* – п. 8; *6* – п. 16; *7*, *9*, *10* – п. 17; *8* – п. 18

тика, двустороннеобработанных, подтреугольных очертаний (рис. 4, *9*, *10*), аналогии которым также известны в среднестоговских памятниках.

Погребения сопровождались сосудами: мисочка с примесью мелкотолченой ракушки в тесте (рис. 1, *5*) и небольшой остродонный сосуд, украшенный рядами оттисков перевитого шнура (рис. 1, *6*). К исследованному могильнику, безусловно, принадлежат и отмеченные выше керамические находки среднестоговского и трипольского типов (рис. 1, *1*, *2*). В нескольких погребениях Игренского могильника были обнаружены украшения. В одном случае (погр. 5) это 20 мелких бусин из распиленной мелкой трубчатой кости (рис. 1, *4*). В мог. 10 на запястье левой руки погребенного был браслет из костяных плоских бусин с овальными отверстиями (рис. 1, *3*). Аналогичные бусы были найдены также при энеолитических погребениях могильника на о. Виноградном в Надпорожье.

Из двух ямных погребений могильника (14, 20) положение скелета удалось определить в одном случае (14), когда покойник был положен на боку скорченным, в позе «скачущего всадника» (рис. 3, *7*). В групповой детской могиле (20) обнаружен горшок ямного типа. Интересно, что при сооружении ямы для погр. 14 была частично повреждена яма среднестоговской могилы 13 (рис. 3, *7*).

Погребение 1 обнаружено в зачистке террасы на глубине 1,65 м[2] от поверхности гумуса. Скелет сохранился частично, его нижняя часть

[2] Все размеры глубин в раскопе были сделаны от поверхности верхнего черного слоя террасы, где была проведена нулевая линия.

размыта. На костях следы охры. Прослеживалась часть погребальной ямы шириной 1 м.

Погребение 2 — парное, залегало на глубине 1,65 м, где обнаружено скопление костей (черепа, ключицы, ребра и др.) взрослого и ребенка. Кости лежали в овальной яме, 0,25×0,5 м. Здесь же отмечено наличие и нескольких костей животного, возможно быка.

Погребение 3 — парное, залегало на глубине 0,9—1,0 м. Покойники были положены на спине, головами на С—В, В. Ноги в обоих случаях согнуты и упали влево. Руки у одного из них лежат вдоль тела, у другого — левая вдоль тела, а кисть правой в области таза (рис. 3, *1*). Между скелетами на уровне шейных отделов позвоночника лежали три крупные ножевидные кремневые пластины со струйчатой ретушью (рис. 4, *1—3*). Кости окрашены красной охрой.

Погребение 5 — парное, взрослого и ребенка; лежит на глубине 0,85 м. Взрослый был положен на спине головой на Ю—В—В. Справа от него в таком же положении костяк ребенка. Костяки сильно скорчены (рис. 3, *2*). Создается впечатление, что взрослый был погребен сидя в скорченном положении, а потом упал на спину. Правая рука взрослого согнута под прямым углом. Костяки окрашены охрой. У черепа ребенка найдено 20 мелких бусин из распиленной мелкой трубчатой кости (рис. 1, *4*).

Погребение 6 — детское. Открыто на глубине 0,65 м. Ориентировано головой на север. Сохранность скелета плохая, кости слегка окрашены охрой. Найден череп, несколько ребер, две бедренные кости. Возможно, погребение скорченное.

Погребение 7 обнаружено восточнее могильника, на расстоянии около 100 м, ориентировано головой на Ю—В. Оно залегало на глубине 0,4 м от поверхности. Покойник лежал на спине с подогнутыми и упавшими влево ногами. Череп упал влево. Правая рука слегка согнута в локте, кисть в области таза. От левой руки сохранилась только плечевая кость. Костяк окрашен охрой.

Погребение 8 — костяк взрослого на спине, головой на С—З, руки прямые, ноги согнуты в коленях вверх (кости сохранились в таком положении) (рис. 3, *4*) Залегало на глубине 0,6 м. Кисть правой руки в области таза, где «прикрывает» кремневый нож (рис. 4, *5*). На фоне светлого песка вокруг костяка на глубине 0,8 м заметны следы овальной ямы.

Погребение 9. На глубине 0,6 м лежал сильно поврежденный череп взрослого.

Погребение 10 — костяк взрослого на спине, головой к С—В, с сильно согнутыми в коленях ногами, упавшими влево (рис. 3, *5*). Залегало на глубине 0,7 м. Сохранность скелета хорошая, за исключением черепа. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть согнута под прямым углом в сторону таза. Правая рука слегка согнута и на костях обнаружены следы охры. С левой стороны у пояса лежал кремневый нож из крупной энеолитической пластины (рис. 4, *4*). На запястье левой руки браслет из костяных плоских бусин с овальными отверстиями (рис. 1, *3*). Размеры скелета довольно небольшие, кости тонкие.

Погребение 11 обнаружено на глубине 0,5 м под скоплением необработанных гранитных камней размером 25×30 см в поперечнике. Всего семь камней. Они лежат двумя группами. Кости взрослого человека залегали кучкой на площади 0,4×0,5 м. Череп полностью раздавлен и лежал основной костью вниз. Около него и частично под ним находились длинные кости человека: большая берцовая дистальным концом к западу, малая берцовая и обломок второй большой берцовой кости и плечевой кости. На бедренных костях и частично под черепом лежали две лопатки, позвонки и ребра. Непосредственно за черепом находились кости таза, сильно поврежденные. Таким образом, большинство костей лежало не в анатомическом порядке. Погребение, видимо, расчлененное (рис. 3, *8*). При разборке завала костей оказалась одна лишняя бедренная кость человека.

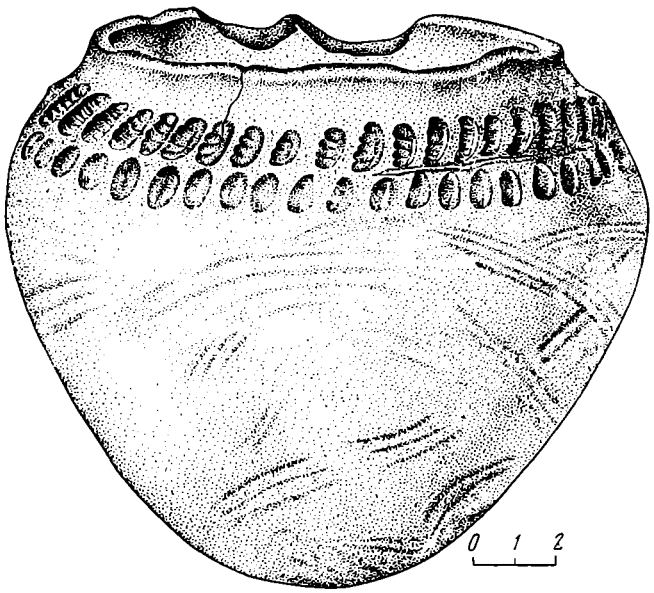


Рис. 5. Игрень 8. Сосуд ямного типа из погребения 20

Погребение 13 — костяк взрослого на спине, головой на север, с сильно подогнутыми в коленях ногами. Залегало на глубине 0,8 м. Кости правой ноги остались в вертикальном положении, а левая упала вправо. Правая рука вытянута вдоль тела и согнута, кисть в области таза (рис. 3, *7*). Костяк густо посыпан охрой. Яма размером 1,85×1,53 м овальной формы очень хорошо прослеживалась по всему периметру, за исключением юго-западного края, где ее прорезала яма погр. 14. Над погребением в заполнении ямы была обнаружена мисочка среднестоговского типа с примесью мелкотолченой ракушки в тесте, без орнамента (рис. 1, *5*).

Погребение 14 — костяк взрослого на правом боку, головой к Ю, Ю—В, ноги сильно согнуты в коленях. Залегало на глубине 1,15 м. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть уходит под колено; левая — согнута под тупым углом, кисть отсутствует (рис. 3, *7*). Заметны следы охры на костях левой руки, таза, ног, черепа. Яма размером 0,9×1,5 м имела подпрямоугольную форму. Северо-восточный угол ямы 14 частично прорезал край ямы погр. 13.

Погребение 15, видимо, детское, плохо сохранилось. Залегало на глубине 0,95 м в яме подквадратных очертаний, засыпано красной охрой. Размеры ямы 1,14×1,05 м. Погребение, очевидно, было ориентировано головой на С—В, так как в этой части ямы были найдены человеческие зубы. У юго-западного края ямы обнаружено несколько обломков трубчатых костей ног. На дне ямы лежал небольшой среднестоговский сосуд, остродонный, с примесью ракушки в тесте, орнаментирован рядами оттисков перевитого шнура (рис. 1, *6*).

Погребение 16 — костяк взрослого, положение — скорченное на спине. Залегало на глубине 0,95 м. Ориентировано головой на С—В. Кости ног распались «ромбом». Руки согнуты в локтях под тупым углом и раскинуты в стороны. На дне ямы — следы охры, особенно в районе груди. В области поясницы обнаружена крупная энеолитическая пластина с ретушью (рис. 4, *6*).

Погребение 17 обнаружено к западу от могильника в 25 м, на глубине 0,6 м. Погребенный лежал на спине, руки вдоль туловища, головой на север. Ноги, очевидно, были согнуты в коленях, стопы вместе. Позднее кости ног упали в разные стороны. Отсутствует череп кости правой руки и таза. В области грудной клетки и правой берцовой кости обнаружено два кремневых наконечника дротиков. Они двусторонне обработанные, подтреугольных очертаний (рис. 4, *9, 10*). Очевидно, к этому

же погребению относится найденный несколько позже здесь же кремневый нож (рис. 4, 7).

Погребение 18 — костяк взрослого на спине, с подогнутыми ногами, которые упали влево. Ориентирован головой к С—В. Залегает на глубине 1,1 м. На костях — следы охры. Слева у локтевой кости — кости какого-то животного, возможно, связанные с погребением. В 1 м на юг от погребенного, несколько выше, обнаружена гранитная плита 25×30×7 см, возможно, связанная с погребением. У правого плеча обнаружено два куска охры. Под кистью правой руки на дне ямы крупный отщеп с ретушью (рис. 4, *8*).

Погребение 20 — коллективное, включающее три детских скелета, которые залегали на глубине 0,5 м в одной яме неправильно округлой формы, размером 0,9×0,75 мм. Сохранность костяков очень плохая; определить положение погребенных не удалось. Некоторые кости окрашены охрой. При погребениях обнаружен сосуд ямной культуры, округлодонный, украшенный рядами оттисков перевитой веревки (рис. 5).

Погребение 26 — детское. Обнаружено западнее основного могильника, залегало на глубине 2,0 м в небольшой овальной яме размером 1,3×1,0 м. Погребенный лежал на спине, с согнутыми в коленях ногами, которые распались затем «ромбом». Руки слегка согнуты в локтях, лежат вдоль тулова. Ориентировано головой к В. Находок нет.

Погребение 29 — детское, обнаружено также западнее основной полосы среднестоговского могильника на глубине 1,8 м. Покойник был положен на спину с согнутыми в коленях ногами, которые распались «ромбом». Руки прямые, кисти у таза. Ориентирован головой к северу. Отмечены следы охры. Находок нет.

Исследованный нами среднестоговский могильник на Игренском полуострове является третьим относительно крупным по количеству могил памятником этого типа на Украине. Вместе с могильниками на поселении Александрия и около поселения в с. Дереивка он составляет александрийско-дереивскую группу, которая в известной мере отличается от могильников новоданиловского типа [1, с. 118].

Значение исследованного памятника состоит в том, что здесь впервые отмечается стратиграфия в залегании среднестоговской и ямной могил. На материалах Игренского могильника также хорошо прослеживаются культурные контакты носителей среднестоговской культуры с племенами Триполья.

Судя по составу находок, Игренский могильник относится ко второму, дереивскому периоду среднестоговской культуры, что соответствует началу III тысячелетия до н. э. Этому выводу не противоречат и обнаруженные здесь трипольские импорты, в частности мисочка и горшочек, которые датируются этапами в В/С-1 Триполья. Не исключена, однако, возможность доживания памятника и до позднего «молюховского» (IIв) этапа среднестоговской культуры, на что указывает находка молюховского плоскодонного сосуда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді Київ: Наукова думка, 1973
2. Кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 9—10.
3. *Телегін Д. Я.* Основі риси і хронологія середньостогівскої і культури.— Археологія, 1970, т. XXIII.
4. *Добровольский А. В.* Восьма ігренська неолітична стоянка, 1949, АП, т. 2.

D. Ya. Telegin, O. S. Filenko

A SREDNIY STOG BURIAL GROUND
IN THE REGION HIGHER THE DNIEPER RAPIDS

Summary

The article discusses a newly discovered burial ground of the Sredniy stog Copper Age culture dating back to the beginning of the 3rd millennium B. C. A considerable number of artifacts were discovered—flint knives, vessels, ornaments. Two burials, of the Sredniy stog and pit-grave cultures, were discovered the former cutting across the latter.

ФАМ ЛИ ХЫОНГ

СОСТАВ ГЛИНЫ РАСПИСНОЙ КЕРАМИКИ РАННИХ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Энеолитическая культура Южного Туркменистана входит в ареал раннеземледельческих культур, для которых характерно распространение расписной керамики.

При изучении ее, как правило, основное внимание уделяется внешним особенностям — орнаменту. На основании формальных признаков происходит классификация материала, его определение [1—4]. Однако ряд принципиально важных вопросов, связанных с изучением истории развития керамического производства, не может быть решен при использовании информации, полученной на основании исследования только формальных признаков. Важным источником являются технические показатели. В настоящее время они привлекаются еще чрезвычайно мало в силу недостаточной изученности в этом плане конкретного материала. Между тем определение технических данных керамики позволяет не только значительно расширить общую характеристику ее, но и восстанавливать в той или иной степени особенности применяемых древними мастерами приемов. Это обеспечивает возможность исследования технических условий производства изделий. Кроме того, сопоставительный анализ формальных признаков стиля, росписи и технической характеристики обеспечивает новые возможности изучения вопросов взаимоотношений различных групп племен и т. д.

Изучение технических показателей керамики южнотуркменистанских памятников производилось с помощью аналитических методов исследования. В качестве главного критерия была определена структура глиняной массы в связи с отощающей примесью, специально введенной в нее. Структура керамической массы обусловливалась особенностями природы используемого минерального сырья, прежде всего минералогическим составом и структурой глины, характером, размером, количеством привнесенной примеси, степенью ее обработки. Предварительное изучение материала позволило зафиксировать явные и повторяющиеся различия керамических масс, а значит, выявилась возможность дифференциации материала в этом плане.

С помощью бинокулярного микроскопа (МБС-2) определялся общий характер глиняной массы, ее текстура, природа отощителя (неорганический— песок, дресва и т. д., органический — солома).

Изучены образцы изделий из поселений Монжуклы-депе, Овадан-депе, Каушут, Дашлыджи-депе, Геоксюр I, Алтын-депе, Хапуз-депе, Улуг-депе, представляющие материал времени Анау IA, Намазга I—IV. После предварительного изучения материала коллекции под бинокулярным микроскопом было отобрано 500 образцов, представляющих наиболее характерные для каждого периода виды изделий.

По характеру обработки внешней поверхности (цвет покрытия, особенности росписи) выделяется пять основных видов изделий.

Первый вид: поверхность светлая различных желтовато-красных или розовато-коричневых оттенков, роспись черной или темно-коричневой краской монохромная. Этот вид изделия традиционен практически на протяжении всего рассматриваемого периода.

Второй вид: поверхность покрыта красным ангобом-обмазкой различной густоты и оттенков, роспись черной или темно-коричневой краской.

Так же как и первый вид изделий, он в различных вариантах представлен в качестве характерного для разных памятников и разного времени.

Третий вид: поверхность специфически зеленовато-оливкового цвета, роспись интенсивно черной краской. Он менее распространен, но также известен в разных памятниках в разное время.

Четвертый вид: выделен в качестве сравнительного материала, имеет характерную поверхность, покрытую ангобом-обмазкой разного цвета и оттенков. Роспись отсутствует.

Пятый вид: поверхность красных тонов различных оттенков. Роспись полихромная — черной и красной краской.

Параллельно было выделено несколько наиболее характерных типов глиняных масс. Разделение их на так называемые технические типы производилось на основе различия отощителей по природе (органический, неорганический— песок, карбонат, дресва и т. д.) и общей структуре и плотности черепка. Были выделены две основные группы — массы с органическим и неорганическим отощителем. В составе этих двух основных групп выделяются следующие типы:

В группе с неорганическим отощителем:

I тип — массы, значительно отощенные песчанообразным материалом (ПМ).

II тип включает в себя образцы керамики, в массе черепка которых отчетливо фиксируется наряду с песчанообразным материалом включения карбонатного вещества (К+ПМ).

III тип в составе отощающей примеси содержит песчанообразный материал, карбонатные зерна, включения дробленной инородной породы, как правило, кремнистой или гранитной (ПМ+К+ИП).

IV тип включает массы, в составе которых просматривается только песчанообразный материал и крупные зерна инородной породы (часто сланец) (ПМ+ИП).

V тип в составе отощающей примеси содержит песчанообразный материал и сухую глину или шамот (ПМ+Ш), кроме них иногда встречаются карбонатные вещества или инородная сланцевая порода.

В группе с органическим отощителем:

VI тип связан с глиняным материалом, отощенным растительной примесью (РП), кроме нее встречается песчанообразное вещество.

VII тип включает массы, отощенные растительной примесью, песчанообразным материалом и карбонатным веществом (РП+ПМ+К).

VIII тип включает в качестве примеси растительный отощитель, песчанообразный материал, карбонат и включение крупнозернистой инородной породы (РП+ПМ+К+ИП).

IX тип связан с черепком, для которого наряду с растительной примесью отмечаются примеси песчанообразного материала и инородной породы (РП+ПМ+ИП).

Все выделенные типы масс находятся в определенной и сложной связи с отобранными по внешнему оформлению видами изделий (рис. 1). Так, в числе характерных особенностей необходимо отметить, например, что разные глиняные массы использовались для разных видов изделий, более или менее прочно связанных с определенными типами масс. Так, например, для первого вида изделий отмечаются глиняные массы I—VII и IX типа, т. е. практически почти все (за исключением VIII), но количественное распределение их неравномерно. Чаще всего рассматриваемый вид изделий связывается с I типом глиняной массы, затем с VI, III. Всего одним образцом представлен V тип глиняной массы и двумя — IX тип. Второй вид изделий наиболее часто связывается с III типом глин (24 обр.), почти вдвое меньше — со II. Другие типы глин здесь, как и в первом случае, представлены почти все (за исключением V типа). Зато третий вид изделий представлен только одним VI типом глиняных масс. Четвертый вид изделий связывается со всеми типами глиняных масс. Но преобладают здесь III и IV типы. Пятый вид изделий практически связан только с III типом массы.

Необходимо отметить, что все выделенные типы имеют разные ва-

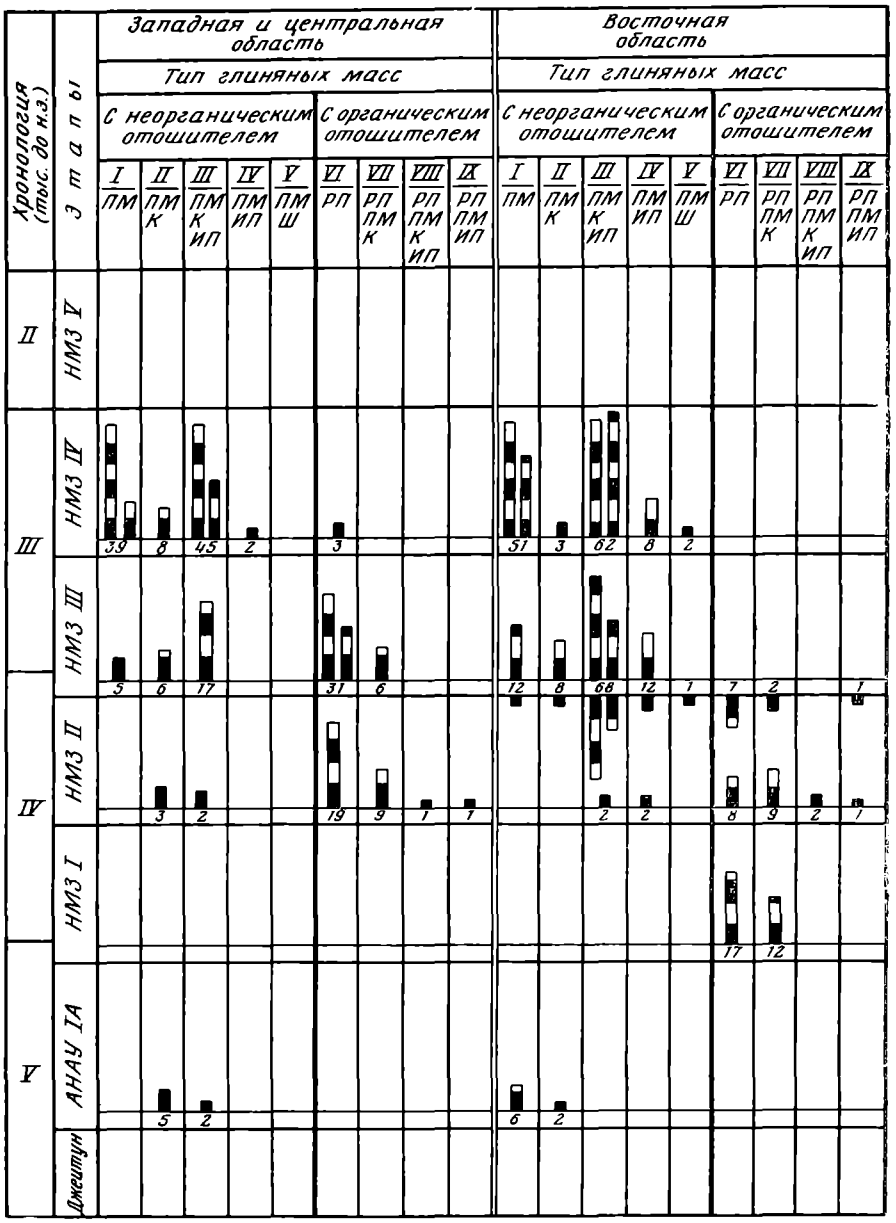


Рис. 1. Распределение основных типов глиняных масс расписной керамики южнотуркменистанских памятников

рианты по количественному содержанию внесенной в массу отощающей искусственной и естественной примеси. Так, например, для I типа глиняных масс выделяется четыре варианта по количественному содержанию отощающего песчанообразного материала и его размеру. Наиболее тонкая масса содержит мелкий песок, количество его не превышает 10%. Для трех других вариантов примесь песчанообразного материала выше — от 30 до 50%. Зерна отощающей примеси здесь крупнее, чаще оскольчатой формы. Варианты отмечаются и для другого типа глиняных масс — III; с разным количественным содержанием отощающей примеси и разным соотношением карбоната и инородной каменистой породы в них.

Таким образом, выделенные типы глиняных масс, рассматриваемые как технические типы, служат лишь основой первичного разделения материала.

Анализ связи наиболее характерных типов глиняных масс с керамикой разного времени дает возможность четко фиксировать преобладание определенных приемов изготовления глиняной массы для каждого изучаемого нами периода. Так, для джейтунской керамики отчетливо выде-

Таблица 1

Сравнительные данные о распределении основных типов глиняных масс двух разных памятников периода Намазга II

Поселение	Неорганический отощитель					Органический отощитель				Всего
	типы глиняных масс									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	
Алтын-депе			2	1		19	5	2	1	30
Кара-депе		3	2			13	16	2	1	37
Всего		3	4	1		32	21	4	2	67

Таблица 2

Типы наиболее часто встречающихся глиняных масс изделий разных поселений периода Намазга IV

Поселение	Неорганический отощитель					Органический отощитель				Всего
	типы глиняных масс									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	
Алтын-депе	32		29	3	1					65
Улуг-депе	39	8	45	2		3				97
Хапуз-депе	19	3	33	5	1					61
Всего	90	11	107	10	2	3				223

ляются характерные приемы подготовки глиняных масс. Одним из важнейших показателей здесь выступает растительная примесь. Вся посуда изготовлялась из глиняного теста с большим количеством рубленой соломы [5, с. 36]. А керамические изделия следующего периода связываются с глиняными массами, отощенными песчанообразным материалом. Как правило, это гидрослюдистые, заметно ожелезненные глины. Такого типа глины с высоким содержанием песчанообразного материала отмечены были для Овадан-депе и Монжуклы-депе. В целом материал Анау IA показателен в том плане, что керамические массы изделий отличны по своему характеру как от масс джейтунских изделий, так и изделий последующего периода — Намазга I.

Посуда периода Намазга I изготовлялась из различных вариантов глиняных масс с растительной примесью. В основном здесь преобладают массы VI и VII типа. Черепок чаще рыхлый, пористый. Показательно применение разных вариантов глиняного теста в зависимости от назначения сосудов. Так, столовая посуда изготовлена из глины с мелкорубленной соломой. В то же время в глину для изготовления крупных сосудов для хранения припасов добавляется примесь более грубой соломы. В отличие от предыдущего периода (джейтунского) теперь появились кухонные сосуды, глиняная масса которых имеет неорганический отощитель (песок, толченый камень, дресва) [6, с. 152; 4, с. 24].

В период Намазга II несколько расширяется ассортимент используемых глин и появляются новые типы глиняных масс. Наряду с органическим отощителем применяется отощитель неорганический. Но процентное содержание глиняных масс с неорганическим отощителем еще не велико. Так, например, очень редко этот вид отощителя встречается для Кара-депе. В массах алтындепинских изделий неорганический отощитель также составляет еще небольшой процент и находится в разном соотношении с органическим растительным. Разный характер соотношения

типов глиняных масс хорошо прослеживается при сравнении данных изучения образцов Кара-депе (37) и Алтын-депе (30), относящихся к слоям рассматриваемого периода (см. табл. 1). Среди неорганического отощителя — песок, карбонатная порода, каменистая порода (разного рода граниты, кремень).

Период Намазга III характеризуется более заметными изменениями в технологии керамического производства. Изменения в технологии сырья фиксируются прежде всего в появлении новых технических вариантов глиняных масс, особенно характерных для керамики памятников восточной области. Здесь освоение неорганического отощителя началось уже в период позднего Намазга II. Во всяком случае, материал из поселения Геоксюр I достаточно показателен в этом плане. Неорганический отощитель становится основным. Исключение составляют изделия из Кара-депе периода Намазга III, для которых наряду с массами с неорганическим отощителем встречаются массы с отощителем органическим. Часто органический отощитель сочетается с неорганическим, здесь обычно карбонатом. Соотношение органического и неорганического отощителя в глиняных массах изделий разных памятников разное, например для Алтын-депе и Кара-депе.

Новые элементы техники и технологии прослеживают в период ранней бронзы (Намазга IV), особенно в обработке сырья и в обжиге. Что касается технологии сырья, то здесь весьма показательно практически полное господство типов глиняных масс, связанных с неорганическим отощителем.

Но распределение этих основных в целом типов глиняных масс неравномерно. Для Алтын-депе, например, преобладают глиняные массы III и I типа и практически не используются II типа. Но последние известны для изделий с Хапуз-депе и Улуг-депе, хотя преобладающими здесь являются глиняные массы III типа (Хапуз-депе) и I (Улуг-депе). Так, для 223 образцов керамики рассматриваемого времени из памятников Алтын-депе (65 обр.), Улуг-депе (97 обр.), Хапуз-депе (61 обр.) намечается следующая картина их распределения табл. 2. В целом, несмотря на такие различия, на Намазга IV намечается большее единство в подходе к выбору технических типов глиняных масс.

Сравнительное изучение материалов исследования глиняных масс и технических приемов их изготовления всех предшествующих периодов и времени Намазга IV свидетельствует не только об обычном совершенствовании приемов обработки, подготовки глиняных масс, но и о четком выделении устойчивых вариантов их.

Характерно, что здесь по сравнению со временем Намазга III значительно возрастает использование I типа глиняных масс. Что касается других типов и их соотношения, для разных памятников отмечается их неравномерное использование. Так, например, для алтындепинских образцов не отмечаются глиняные массы II типа, но широко применялись III и чуть меньше I типов. В это время для изделий с Улуг-депе и Хапуз-депе отмечены массы II типа, а количество изделий, изготовленных из глины III типа, здесь уменьшается. Количественно возрастает использование глин I типа, особенно для Улуг-депе.

Варианты глиняных масс каждого типа за счет соотношения количественного содержания и размеров материала отощителя здесь разные для разных памятников.

Археологически достаточно четко фиксируются определенные локальные особенности развития раннеземледельческой культуры населения разных районов и областей Южного Туркменистана. И расписная керамика выделяемых восточной и западной областей— один из наиболее важных критериев этого различия. Поэтому особое значение приобретают технические показатели расписной керамики разных областей и центров. Полученные в результате проведенного исследования данные о конкретных технических особенностях керамики разных памятников разного времени позволили сопоставить материалы о сходстве и различиях расписной керамики по техническим и декоративным показателям и вы-

делить общие принципы и локальные особенности, важные для характеристики технологии производства, технических приемов.

В области технологии, судя по характеру изменения технических приемов обработки сырья, более или менее четко различия намечаются начиная с периода Намазга II. Уже для Намазга I намечается некоторая разница в характеристике культуры ранних земледельцев. Исследователи выделяют четыре основные группы памятников: западного, центрального, восточного и геоксюрского районов. Но основные принципы технологии сырья для этих областей еще общие. Для времени Намазга II взаимоотношение всех групп южнотуркменистанских земледельцев усложнено. Особенности развития памятников рассматриваемого времени позволяют объединять их в две группы — западную и восточную.

Уровень развития культуры западного варианта довольно высок. Об этом свидетельствуют появление больших поселений с высокой плотностью населения, расцвет производства расписной керамики и др. [2, с. 24]. В восточных районах, особенно в геоксюрском оазисе, развитие культуры во время Намазга II происходит при усилении и усложнении процесса взаимодействия разных компонентов раннеземледельческих культур. Можно говорить о трех культурных элементах, выступающих в этом процессе, трех разных группах населения, носителях их. Главным и самым важным элементом является местная традиция. И традиции изготовления керамики предшествующего периода здесь хорошо прослеживаются. В целом для всех основных районов еще сохраняются общие типы глиняных масс, характеризующие устойчивость технических традиций в подготовке сырья. Однако уже в конце Намазга II восточном районе (Геоксюр) появляются новые элементы в технологии сырья. Здесь осваивается неорганический отощитель. Происходит своего рода разделение технических приемов подготовки глиняных масс для западной и восточной областей.

В период Намазга III отчетливо проявляются различия в использовании типов глиняных масс в разных археологически выделяемых областях расселения южнотуркменистанских земледельцев — восточной и западной. Так, например, для изделий с Алтын-депе отмечается преобладание глиняных масс III и I типов, для Кара-депе — VI, а среди масс с неорганическим отощителем отмечены II и III тип. Однако последние составляют здесь незначительный процент. Намечается разделение основных типов глиняных масс для определенных видов изделий памятников восточной и западной областей. Так, вся полихромная керамика восточной области сделана практически из одного типа глиняных масс — III. А изделия с двухцветной росписью западной области изготовлены из типов глин с растительным отощителем. Различия в технологических приемах намечаются не только при изготовлении глиняных масс, предназначенных для формовки изделий, но и для ангобных масс.

Таким образом, в технологии сырья как одном из важнейших компонентов технологического процесса на протяжении всего рассматриваемого периода происходят изменения и усложнение приемов обработки, подготовки глиняных масс. В истории развития расписной керамики, в частности в изменении технических показателей ее, фиксируются особенности локальных вариантов технологии производства изделий для разных областей расселения раннеземледельческих племен Южного Туркменистана. Так, если в период Анау IA такие различия пока в настоящее время не улавливаются, а в Намазга I практически отсутствуют, то уже в период Намазга II, в конце его, намечаются различия технологических приемов обработки сырья, которые более четко проявляются в период Намазга III и снова нивелируются в период Намазга IV. Эти данные, характеризующие частные случаи взаимосвязей технологических приемов разных областей распространения раннеземледельческой культуры Южного Туркменистана, в комплексе с другими показателями локальных вариантов ее разложения являются важными факторами в изучении взаимоотношений разных групп раннеземледельческих племен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.– ТЮТАКЭ, 1956, VII.
2. *Массон В. М.* Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении.– САИ, вып. Б3-8, М.–Л., 1962.
3. *Сариниди В. И.* Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.– САИ, вып. Б3-8, М., 1965.
4. *Хлопин И. Н.* Памятники раннего энеолита Южной Туркмении.– САИ, вып. Б3-8. М.–Л., 1963.
5. *Массон В. М.* Поселение Джейтун.– МИА, 1971, № 180.
6. *Хлопин И. Н.* Дашлыджи-депе и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана.– ТЮТАКЭ, 1961, X.

Pham Lý Hường

ORNAMENTED CERAMICS OF THE EARLY LAND-TILLERS OF SOUTHERN TURKMENISTAN

Summary

The article deals with the technology of ornamented ceramics from the Eneolithic and Early Bronze Ages in south Turkmenian monuments. The author has microscopically examined 500 ceramic samples to single out major technological types. He has traced changes in technology from Anau IA to Namazga IV and defined the temporal boundaries of such changes. Particular attention is paid to technological similarities and differences in ceramics of various regions of south Turkmenistan.

ДЕНИСОВА В. И.

НОВЫЙ ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ ИЗ ОЛЬВИИ

Плита голубовато-белого с серыми прожилками мрамора, на лицевой стороне которой хорошо сохранилась тщательно вырезанная семистрочная надпись (рис. 1), была найдена в 1977 г. при работах Ольвийской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР в центральной части верхнего города, на расстоянии около 30 м западнее предполагаемого здания ольвийского суда. Плита лежала плашмя в культурном слое на глубине около 0,35 м от современной поверхности, обращенная кверху лицевой стороной с надписью. Размеры плиты: высота 0,42 м, ширина 0,71 м, толщина 0,12 м. Лицевая сторона перед нанесением надписи была отполирована, боковые грани отесаны, тыльная сторона суммарно обработана грубыми сколами. Плита найдена в поврежденном состоянии: отбит левый нижний угол с начальными буквами трех последних строк, несколько повреждены отдельные буквы в первой строке, на боковых гранях имеются следы глубоких выбоин.

Строки надписи, занимающей всю лицевую поверхность плиты, начинаются на расстоянии 4,5 см от ее левого края, но из-за неодинакового количества буквенных знаков (в третьей строке — 13, в первой и второй строках — по 22 знака) заканчиваются на различном расстоянии от правого края плиты. Свободное поле шириной 4,5 см обрамляет надпись вверху и внизу. Разметка строк и букв не видна. Высота буквенных знаков в шести первых строках — 3 см, в седьмой строке — от 3,5 до 4 см. Расстояние между строками 1,9 см. Ширина некоторых буквенных знаков (Н, М, Г) в пределах одной и той же строки варьирует. В двух верхних строках буквы размещены более плотно. Буквы глубоко врезаны в мрамор. Ширина линий, образующих буквенные знаки, составляет около 0,35 см. Концы гаст утолщены.

Чтение текста надписи затруднений не вызывает:

Τειχοποίαι ἐπεμελήθησαν
τοῦ τείχους καὶ τῶν πύργων·
Λάμπων Πεδιέως,
Θεοκλῆς Ἀρίστωνος,
Νικόστρατος Νικοκλέος,
[Ἀ]λκιμέδων Προμάχου,
[Διον]ύσιος Ποσειδίππου.

Перевод: Стеностроители позаботились о стене и башнях: Лампон, сын Педиея, Феокл, сын Аристона, Никострат, сын Никокла, Алкимедонт, сын Промаха, Дионисий, сын Посейдиппа.

По формулировке публикуемая надпись близка ольвийской надписи IPE, I², 178:

Ἐπε[μελ]ήθησαν τοῦ [τε]ίχους
Ἀ[λέξα]νδρος Στησ[άν]δρου,
Νί[καρχο]ς Καλλικλ[έου]ς.

Однако если официальный статус сейчас поименованных лиц неизвестен, то лица, имена которых фигурируют в тексте вновь найденной надписи, названы «стеностроителями». Таким образом, являясь первым дос-

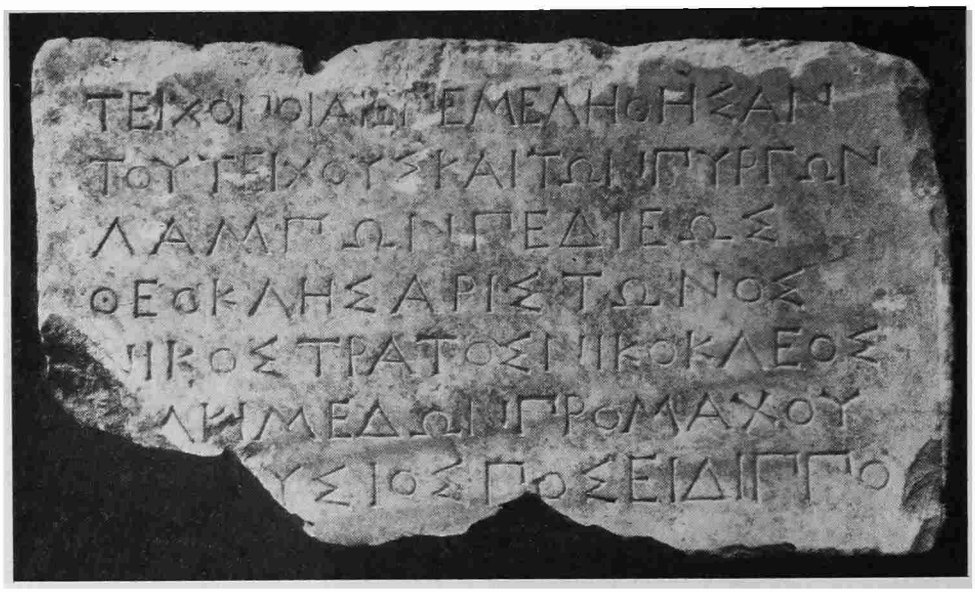


Рис. 1. Плита с надписью из Ольвии

товерным свидетельством существования в Ольвии института «стеностроителей», надпись вызывает особый интерес.

Лаконичный текст надписи никаких датировочных данных не содержит. Можно лишь отметить, что имена Феокла, сына Аристона, и Никострата, сына Никокла, содержатся в известном каталоге имен из Ольвии (IPE, I², 201). Но этот эпиграфический документ и по общему характеру письма, и по форме отдельных букв принадлежит явно более позднему времени, чем публикуемая нами надпись. Поэтому при ее датировке мы лишены возможности основываться на упомянутых просопографических аналогиях, хотя не исключено, что и в каталоге[1], и в нашей надписи названы одни и те же лица.

Обратимся к палеографическому изучению нашей надписи. В ней представлены 19 буквенных знаков греческого алфавита, выполненных простым правильным шрифтом (рис. 2,3).

Альфа, *дельта* и *лямбда* по форме близки равностороннему треугольнику. Поперечная черточка *альфы* в большинстве случаев имеет чуть заметный наклон вправо. Средняя горизонталь *эпсилона* несколько укорочена, нижняя — слегка длиннее верхней. Наклонные черточки *каппы* (длина каждой из них немного больше половины высоты буквы) сильно сближены. *Мю* — асимметричная, с расходящимися в стороны опорными гастами; внутренние гасты смыкаются примерно в средней части высоты буквы. *Ню* — широкая, с укороченной правой вертикалью, верхний ее конец в некоторых знаках не доходит до верхней линии строки Правая гаста *пи* почти вдвое короче левой, горизонтальная гаста примерно равна высоте буквы. *Сигма* правильной формы с взаимно параллельными линиями. Черточки *хи* — различной длины, буква по отношению к вертикальной оси асимметрична. *Омега* — с сближенными концами дуги и относительно длинными горизонтальными черточками, смещена к нижней линии строки.

---

[1] При датировании надписи IPE, I², 201 началом II в. до н. э. В. В. Латышев (IPE, I², с. 196) исходил из просопографических сопоставлений. Эта датировка, но в осторожной форме принята издателями сборника ольвийских надписей [1, комментарий к надписям № 35—38], отнесших ко II в. до н. э. найденные в Ольвии фрагменты надписей, шрифт которых чрезвычайно схож с шрифтом надписи IPE, I², 201. П. О. Карышковский полагает, что указанная надпись принадлежит даже второй половине II в. до н. э. [2, с. 103]. Мы, со своей стороны, считаем необходимым заметить, что, хотя нередко в эпиграфических памятниках, примерно одновременных, встречается различное письмо, что, несомненно, связано с «почерком» резчиков этих надписей, ольвийская надпись IPE, I², 201 явно стоит особняком среди памятников лапидарной эпиграфики Ольвии догетского периода.

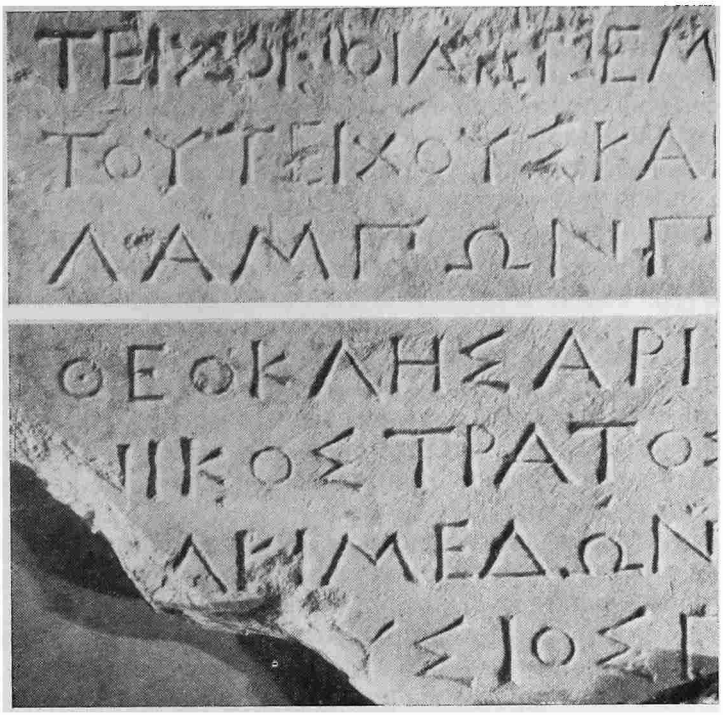


Рис. 2. Левая часть новой ольвийской надписи (эстампаж)

Рис. 3. Правая часть новой ольвийской надписи (эстампаж)

Тета и *омикрон* заметно меньше остальных букв, их высота составляет примерно $^2/_3$ высоты строки. *Тета* смещена к нижней линии строки, а *омикрон* в одних случаях также смещен к нижней линии, в других — занимает среднюю часть строки.

Итак, графика большинства буквенных знаков рассматриваемой надписи соответствует в общих чертах традициям греческого лапидарного письма IV в. до н. э. Однако для ряда букв можно подобрать аналогии

и в более поздних надписях некоторых древнегреческих центров [2]. Что касается памятников лапидарной эпиграфики Ольвии, то публикуемый документ по форме отдельных буквенных знаков и по общей манере письма может быть сопоставлен с надписью какой-то, по-видимому, религиозной коллегии [4, с. 183, рис. на вклейке], датируемой концом IV — началом III в. до н. э. [1, комментарий к надписи № 71] или III в. до н. э. [4, с. 181], и с надписью с именем Стратонида [1, № 65]. Таким образом, мы получаем для определения времени нашей надписи своего рода хронологические реперы.

Но оперируя с ольвийским эпиграфическим материалом, нельзя упускать из виду, что датировка всех известных до настоящего времени надписей Ольвии догетского периода основана на общей манере письма, орфографических и грамматических особенностях, просопографических отождествлениях и на различных косвенных соображениях, поскольку текст ни одной из них не содержит хронологических указаний [5, с. 4]. Но все перечисленные приемы датировок допускают довольно широкий хронологический диапазон.

В данной связи необходимо коснуться двух ольвийских эпиграфических памятников — с именами афинских скульпторов Праксителя (IPE, I², 271) и уже упоминавшегося Стратонида [1, № 65], поскольку на первый взгляд может показаться, что сами имена являются основанием для точной датировки этих памятников. Однако первая из этих надписей, традиционно отождествляемая с творцом Афродиты Книдской, столь фрагментарно сохранилась, что вообще невозможно сколько-нибудь доказательно отнести ее к числу сигнатур великого мастера [3]. Само же имя отнюдь не является достаточным основанием для указанного отождествления, поскольку в Афинах в начале III в. до н. э. работал скульптор с таким же именем,— по-видимому, внук и тезка прославленного ваятеля [9 р. 408]. Именно с этим скульптором, а не с его дедом связывают исследователи некоторые сигнатуры Праксителя [4].

Что касается ольвийской надписи с именем Стратонида [1, № 65], то до ее находки единственным свидетельством деятельности названного скульптора являлся обнаруженный в прошлом веке в Афинах мраморный постамент с его сигнатурой. Основываясь на общей манере письма, первоиздатель этого памятника отнес его к периоду раннего эллинизма; составитель сборника сигнатур древнегреческих скульпторов поместил его в раздел IV в. до н. э.— «до Александра Македонского» [6, S. 56, № 73]. Нельзя не отметить, что надпись из Ольвии с именем Стратонида, продатированная Е. И. Леви второй половиной IV в до н. э. [12, с. 90], заметно отличается от упомянутой афинской надписи, что, по-видимому, следует объяснять различным «почерком» их резчиков. Вместе с тем по общей манере письма и характеру отдельных букв аналогии для ольвийской надписи можно подыскать среди эпиграфических памятников конца IV — начала III в. до н. э.[5] Для нас это обстоятельство весьма существенно — как отмечалось выше, публикуемая нами надпись по ряду признаков обнаруживает несомненное сходство с данной ольвийской надписью.

---

[2] Ср., например, с надписями конца IV — первой половины III в. до н. э. из Фигалии [3, p. 252—254, fig. 7, 9, 12]. Сходное начертание отдельных букв можно найти также в ольвийских надписях, продатированных III в. до н. э. Например, см.: [1, № 98 — близкие формы *каппы*, *сигмы*, *тау*, *ипсилона*, *омеги*; № 65 — близкая форма *мю* во второй, более поздней надписи].

[3] В настоящее время известно несколько постаментов с надписями, из которых явствует, что ваятелем стоявших на них скульптур был Пракситель. Один из этих постаментов был обнаружен еще в прошлом веке в Беотии вмурованным в кладку стены церкви. Имеющуюся на нем надпись датируют в пределах третьей четверти IV в. до н. э. [6, № 76]. Два другие найдены при раскопках афинской агоры. Первый из них отнесен на основании палеографических признаков к середине IV в. до н. э. [7, p. 341], второй — к третьей четверти того же столетия [8, p. 330].

[4] О времени жизни Праксителя-внука см.: [10, p. 358]. Надпись с этим именем, датируемая серединой III в. до н. э., найдена в Дельфах [11, pl. XVI, *1*].

[5] В качестве примера укажем на найденные в Халкиде постаменты с сигнатурой афинского скульптора Фидиппа, датируемые концом IV или началом III в. до н. э. [13, p. 307, fig., 4, p. 309, fig. 5].

Поскольку вплоть до конца IV в. до н. э. эпиграфика различных античных центров развивалась в едином русле и основные линии развития ольвийского лапидарного письма этого периода совпадают с общим направлением развития древнегреческой эпиграфики [5, с. 20], то правомочно для уточнения времени нашей надписи привлечь в качестве сравнительного материала датированные надписи некоторых античных центров. Так, обращение к серии афинских эпиграфических памятников 60—50-х годов до н. э. [14, p. 196—198, fig. 18—20] убеждает в принадлежности публикуемой нами надписи более позднему времени. Для нее характерны *эпсилон* с укороченной средней черточкой, заметно меньшие по отношению к другим буквам размеры *теты* и *омикрона*, формы *ро* с небольшой петлей и *омеги* с сближенными концами дуги, а также контрастирующее сочетание широких (Н, М, N, Г, Т) с более узкими (Е, К, Р) буквами, в то время как указанным аттическим надписям свойственна бóльшая равномерность ширины буквенных знаков. Аналогичные результаты дает сопоставление с дельфийскими надписями [15, № 375, 381] примерно того же времени, что и аттические памятники. Но обращение к дельфийским надписям последней четверти IV в. до. н. э. [11, VII, *3*, VIII, *1*, X, *4*; 15, № 461, 464; 16, № 130, 228; 17, p. 62, fig. 1] выявляет несомненную близость к ним нашей надписи по общей манере письма и по начертанию отдельных букв. По названным признакам она может быть сближена и с фасосскими надписями этого же времени [18, pl. XLIII, *5*, XLVIII, *2*].

Если обратиться к северопонтийским эпиграфическим памятникам, то публикуемый ольвийский документ можно сопоставить с боспорской проксенией (КБН, № 1), относящейся к последнему периоду правления Перисада I, шрифт которой, однако, производит впечатление несколько более древнего [19, с. 14, рис. 5] в сравнении с шрифтом публикуемого ольвийского документа. Итак, сумма наблюдений подводит к тому, чтобы датировать его последней четвертью IV в. до н. э.[6]

Необходимо обратить внимание на некоторые грамматические особенности новой ольвийской надписи. Так, в первом слове текста — τειχοποίαι привлекает внимание форма падежной флексии. Вместо обычного для этого существительного окончания по второму склонению (основа на -о-, окончание именительного падежа множественного числа -οί), засвидетельствованного как рядом эпиграфических документов [20, Index, 21, Index B], так и литературной традицией [22, s. v. τειχοποιός], перед нами форма по первому склонению. Эта форма в варианте τειχοπόας (винительный падеж множественного числа) зафиксирована в тексте договора Милета с Сардами, относящемся к 30-м годам IV в. до н. э. [20, S 286, 287, № 135, *30*]. Нам не удалось разыскать другие примеры осмысления этого слова как существительного первого склонения. Но в надписях ряда малоазийских центров для слова νεωποιός, вторым составным элементом которого является производное от глагола ποιέω, зафиксирована параллельная форма по первому склонению — νεωποίης [23, S. 47]. Относительно существования параллельных форм νεωποίης — νεωποιός, τειχοποίης — τειχοποιός Диттенбергер в комментарии к упомянутому договору Милета с Сардами отметил (Syll.^{3}, 273, № 9), что форма по первому склонению (с основой на -α-) является более древним ионийским грамматическим вариантом. Таким образом, публикуемая надпись позволяет говорить об удержании ионизмов в языке ольвиополитов вплоть до последней четверти IV в. до н. э.

Специального внимания заслуживает также форма окончания родительного падежа патронимика в пятой строке нашей надписи — Νικοκλέος (именительный падеж — Νικοκλῆς). Дело в том, что во всех известных до настоящего времени надписях Ольвии родительный падеж сложных личных имен со вторым компонентом -κλῆς засвидетельствован в формах -κλέους (IPE, I^2, 76, *4*; 136, *6*; 180, *2*; 201, I, *37*, *42*, *46*, *51*,

[6] Наша надпись несомненно принадлежит более раннему времени, чем, например, посвящение Селевка I [20, S. 353, Abb. 92], шрифт которого характеризуется явно выраженными апексами. Для шрифта же нашей надписи характерно лишь легкое расширение и углубление концов гаст буквенных знаков.

53, II, *16*; 687, *2*), [1, № 86, *8*], или -κλέως (IPE, I², 205, *5*), т. е., в обычных для аттического диалекта формах [24, s. 98], причем окончание -κλέο(υ)ς свойственно языку аттических надписей V—IV вв.; там же с середины IV в. получила некоторое распространение форма κλέου, вышедшая из употребления в III в., а со II в. до н. э. в аттических надписях преобладающими для родительного падежа личных имен на -κλῆς становятся окончания -κλέος и -κλέως. Таким образом, в аттическом диалекте в то время, которому принадлежит наша надпись, форма родительного падежа -κλέος не употреблялась. Вместе с тем такая форма родительного падежа составных, из двух основ, собственных имен, заканчивающихся в именительном падеже на -κλῆς, зарегистрирована в ряде древнегреческих диалектов [25, p. 90 (108a)]. Возможно, что в данном случае мы в публикуемой надписи сталкиваемся с определенным архаизмом, поскольку в Милете, судя по эпиграфическим документам, такая форма родительного падежа подобных имен была распространена в V в. до н. э.[7] Попутно отметим, что в боспорских надписях указанная форма родительного падежа встречается в надписях IV—III вв. до н. э. (КБН, № 1056, 1137).

Из 10 начертанных в надписи имен четыре имени — Ἀλκιμέδων, Λάμπων, Ποσείδιππος, Πρόμαχος являются для ольвийской антропонимии новыми[8]. Но они принадлежат к категории обычных греческих имен, известных по эпиграфическим данным других античных центров и из литературной традиции. Все пятеро поименованных в надписи, очевидно, являлись гражданами ольвийского полиса. Как явствует из скупых строк текста, они участвовали в важном для любого эллинского полиса мероприятии — в строительстве или ремонте оборонительных сооружений, будучи облеченными обязанностями «стеностроителей». Судя по тому, что их имена были высечены на мраморной плите, они со своими обязанностями справились успешно. Характер обработки тыльной стороны плиты и ее боковых граней позволяет заключить, что она была вставлена в стену какого-то, вероятнее всего, того оборонительного сооружения[9], попечительство над которым осуществили поименованные в надписи лица.

О характере деятельности, о функциях и обязанностях ольвийских «стеностроителей» нам ничего неизвестно. Публикуемая надпись также не дает об этом информации. Немногочисленные данные, содержащиеся в эпиграфических документах других центров, а также свидетельства литературной традиции показывают, что в тех местах, где зарегистрирован институт «стеностроителей», функции их были различными. Так, согласно эпиграфическим свидетельствам [20, № 135, *30*, 138, *32*, 139, *56*, 141, *50*, 143, *37*, 145, *82*, 146, *48*, 147, *64*], в Милете — метрополии Ольвии — на тейхопоев в IV—III вв. до н. э. возлагалась ответственность за фиксацию на камне изданных полисными органами постановлений[10]. Сходными были функции тейхопоев в Приене [27, № 70, *22*], а также в малоазийском городе Деметриаде [28, S. 47, Ann. 32]. Должность «стеностроителя» зафиксирована и в двух припонтийских центрах — Истрии] и Херсонесе.

[7] Например, см.: [20, S. 131, № 122, I, *17*, *34*, *75* sq.]. В той части данного милетского документа, которая относится к V в. до н. э., личные двухосновные имена на -κλῆς в родительном падеже имеют окончание -κλέος[.

[8] Имя Λάμπων В. В. Латышев предположительно восстановил в надписи IPE, I², 224.

[9] О существовании в античном мире обычая вставлять в стены построек каменные блоки или плиты с именем строителя или с именами лиц, имевших отношение к их возведению, см. у Диодора (Diod., XIV, 83, *2*), который при описании строительной деятельности сиракузского правителя Агафокла (ум. в 289 г. до н. э.) упоминает возведенные им возле малой гавани Сиракуз башни с надписями, заключавшими его имя. Об этом же обычае свидетельствует и лапидарный материал. В качестве примера можно указать на надписи IV — начала III в. до н. э. с Теноса с именем строителя башни [21, № 39, 40] или фасосскую надпись того же времени о сооружении жителем Ольинфа — фасосским проксеном — экседры и башни на свои средства (см. ниже примеч. 23). Еще одна надпись первой половины I в. до н. э. с Фасоса повествует о работах по восстановлению башни с указанием имени того, кто произвел работы, и суммы затраченных средств [21, № 56].

[10] Предположение Б. Осулье о военных функциях милетских «стеностроителей» в период раннего эллинизма [26, p. 5, 30] не подкреплено никакими свидетельствами.

В тексте декрета, чествующего херсонесита Агасикла, сына Ктесия (IPE, I² 418), среди выполненных им экстраординарных поручений — устройство гарнизона, размежевание виноградников, устройство рынка — названо и «стеностроительство», что дает основание отнести исполнение этой должности в Херсонесе к разряду единовременных поручений. Но в чем именно заключались обязанности Агасикла в качестве «стеностроителя» — неизвестно.

Более конкретны свидетельства для Истрии. Так, в декрете в честь Аристагора, сына Апатурия, скупыми словами описана Истрия сразу же после военного разгрома [11]. Оборонительные сооружения лежали в руинах, «город оставался без стен, и граждане вновь подвергались опасности со своими женами и детьми» [12]. В этой тяжелой обстановке Аристагор, «будучи избран гражданами стеностроителем, мужественнейшим и искуснейшим образом выполнил руководство делами, не устранившись ни от физических трудов, ни от чего-либо из того, что входит в строительство». Можно полагать, что Аристагор единолично руководил восстановлением разрушенных крепостных сооружений Истрии. Но конкретное содержание его обязанностей как стеностроителя неизвестно [13].

Более обстоятельны свидетельства о функциях «стеностроителей» в Афинах [14], где они имели права и обязанности обычного должностного лица, в сферу деятельности которого входило расходование денежных средств, отпущенных из государственной казны для строительства или ремонта оборонительных сооружений, и последующий отчет об израсходованных средствах.

Не исключено, что ольвийские «стеностроители» выполняли сходные функции. Поскольку в период, хронологически близкий дате нашей надписи, Ольвии, согласно сохраненному Макробием (Macrob., Saturn., I, 11, 33) свидетельству, пришлось выдержать осаду войск Зопириона, то напрашивается вывод, что именно с этим событием следует связать работы на ольвийских оборонительных сооружениях, о которых говорится в публикуемой нами надписи. Производились ли они в ожидании нашествия Зопириона [15], как это происходило в Ольвии примерно столетием позже [16], когда из-за угрозы военного нападения Протоген принял на себя «попечительство» над строительством и ремонтом городских оборонительных сооружений (об этом подробнее см. ниже), или работы, упоминаемые в нашей надписи, были осуществлены после снятия осады, существенно повредившей, как можно предполагать, стены, опоясывавшие Ольвию,— на этот естественно возникающий вопрос, к сожалению, невозможно ответить. Дата нашей надписи побуждает склониться ко второму из высказанных предположений. Однако в данной связи нельзя также упускать из виду, что в указанное время в античном военном деле произошли коренные перемены, заставившие ряд древнегреческих центров произвести модернизацию крепостных сооружений с учетом новейших достижений

---

[11] Декрет принадлежит, по-видимому, 150—100 гг. до н. э. Подробнее о его дате см.: [29, с. 154 сл. и примеч. 1 на с. 151; 30, p. 227].

[12] Здесь и ниже перевод Т. В. Блаватской [29, с. 247].

[13] Интересна надпись рубежа IV—III вв. до н. э. из Кизика [31, p. 93—106], представляющая собой строительный контракт на возведение в оборонительной стене башни. В надписи начертаны имена стратегов, филархов, «стеностроителя», а также подрядчика, взявшегося за выполнение этой работы. Однако функции «стеностроителя» и здесь не раскрыты.

[14] Эпиграфический материал об афинских «стеностроителях» собран Г. Майером [21, № 1—17]. О роли «стеностроителей» в Афинах см.: [32, S. 211, 257]. Отдельные стороны деятельности афинских «стеностроителей» и некоторые их обязанности известны благодаря речи Эсхина против присуждения золотого венка Демосфену (Aeschin., In Ctesiphon., 14, 17, 24). Демосфен, вскоре после Херонейской битвы исполнявший обязанности «стеностроителя», должен был наряду с девятью другими «стеностроителями произвести ремонт и восстановление части оборонительных сооружений Афинского государства. Отметим также, что Аристотель (Arist., Polit., IV, 5, 3) называет должность «стеностроителя» в разделе, озаглавленном «Астиномия».

[15] О времени осады Ольвии Зопирионом см.: [33, с. 427—430].

[16] О близости шрифта декрета в честь Протогена (IPE, I², 32) шрифт. эпиграфических памятников конца III — начала II в. до н. э. см.: [34, с. 142—149]. Э. Миннз датировал этот декрет II в. до н. э. [35, p. 463]. Также см.: [2,с. 104].

военной наступательной техники. Не исключено поэтому, что и ольвийские «стеностроители» руководили такими же работами.

Некоторым свидетельством в пользу предположения об одновременном исполнении своих обязанностей всеми пятью «стеностроителями», названными в нашей надписи, является, если, конечно, это не случайное совпадение, их количество — в ольвийских документах, правда более позднего времени, в таком же числе фигурируют архонты [17].

Естественно встает вопрос: о каких конкретно оборонительных сооружениях идет речь в публикуемой надписи? Как известно, в древнегреческом языке словом τεῖχος или τείχη обозначались и часть крепостной стены города, и весь обвод крепостных сооружений, и отдельно стоявшая крепость [36, p. 600]. В качестве примера использования этого слова для обозначения крепостей как таковых можно указать на τείχη знаменитой херсонесской присяги (IPE, I², 401) [35 p. 516; 37, с. 149—155]. Что касается слова πύργος, то оно также употреблялось не только применительно к башне городской стены, но и к отдельно стоявшей башне, и к крепости в целом [36, p. 598]. Поскольку, однако, для периода, к которому относится публикуемая надпись, мы не располагаем какими-либо свидетельствами существования на территории Ольвийского полиса крепостей [18], то остается заключить, что τεῖχος и πύργοι нашей надписи относятся к оборонительной системе, опоясывавшей городскую территорию Ольвии [19].

Хотя другие ольвийские лапидарные документы, связанные с постройкой либо с ремонтом защитных сооружений, должность «стеностроителя» не упоминают, все же, исходя из сходства формулировок этих памятников с формулировкой публикуемой нами надписи, а также с формулировками подобных документов других центров [21, № 61—68; 28, № 72 bis.], можно полагать, что полномочиями «стеностроителей» были облечены Александр, сын Стесандра, и Никарх, сын Калликлея, которые, как сообщает уже упоминавшаяся надпись конца IV или начала III в. до н. э., «позаботились о стене» (IPE,I²,178). По-видимому, такие же обязанности примерно столетием позже выполнял Клеомброт, сын Пантакла. Он «позаботился о пилоне и прясле стены» (IPE, I², 180) [20].

Таким образом, подобно тому, как это происходило, например, в Афинах, в Ольвии строительные работы на крепостных сооружениях велись под наблюдением специально избиравшихся (или назначавшихся) должностных лиц, которые и здесь, по крайней мере в последние десятилетия IV в. до н. э., именовались «стеностроителями».

Круг их обязанностей был, по-видимому, обширен [21]. Они, в частности, судя по имеющимся для Афин данным, распоряжались общественными денежными средствами, выделенными на строительно-ремонтные работы, и были обязаны дать отчет в их расходовании. Вместе с тем исполнение этих обязанностей сопровождалось вкладом в дело значительной суммы личных денег «стеностроителя» [22]. Поэтому можно предположить, что

[17] См., например: IPE, I², 130, 132, 134 и др. Также см.: [35, p. 471].

[18] Ольвийская надпись, повествующая о том, что архонты во главе с Ахиллом, сыном Каддина, «восстановили стену, ту, которая около стен (?) Раодмэя...» [1, № 52 — ἐπεσκεύασαν τεῖ[χ]ος τὸ παρὰ τὰ Ραοδμαίου], позволяет предположить наличие подобных крепостей в первые века нашей эры.

[19] Сопоставление нашей надписи с собранными Г. Мейером эпиграфическими документами различных античных центров, относящимися к строительным работам на оборонительных сооружениях [21; 23 passim], дает основание для предположения, что предметом забот поименованных в ольвийской надписи «стеностроителей» явилась какая-то часть оборонительной стены. Однако нельзя исключить и возможность того, что они «позаботились» обо всем оборонительном поясе города. На основании текста надписи однозначный ответ невозможен. Попутно отметим, что, судя по декрету в честь Протогена (IPE, I², 32, B, 53), прясло (куртина) оборонительной стены обозначалась, во всяком случае в Ольвии, и τεῖχος, и σχοινία. Ср. IPE, I², 180.

[20] В. В. Латышев перевел (IPE, I², 180): «о постройке пилона и прясла стены». Однако здесь возможен перевод «о ремонте» или «о реконструкции». Ср.: [28, S. 121, 122].

[21] Общее представление о функциях «стеностроителя» позволяет, как можно полагать, составить рассказ Диодора о деятельности Дионисия Старшего по укреплению Сиракуз (Diod., XIV, 18, 2—8).

башня, посвященная Гераклу и народу ольвиополитом Клеомбротом, сыном Пантакла, была сооружена им на свои средства в период исполнения обязанностей «стеностроителя» [23].

Не вдаваясь в обсуждение правильности существующих датировок двух надписей с именем Клеомброта, сына Пантакла, напомним, что В. В. Латышев сближал их по времени с декретом в честь Протогена, указывая на бросающееся в глаза сходство в характере письма между декретом и записью о строительстве (?) Клеомбротом пилона и куртины [IPE, I², 180]; надпись о посвящении Клеомбротом башни В. В. Латышев считал наиболее древней из этих трех надписей [39, с. 86—88]. Напомним, однако, что палеографическое изучение этого памятника крайне затруднено плохой сохранностью текста, сбитого еще в древности. Вместе с тем различия в характере письма двух документов с именем Клеомброта сами по себе не достаточны, чтобы считать их разновременными. В Ольвии, подобно тому как это происходило в других античных центрах, например на Фасосе [18, p. 442], могли сосуществовать различные манеры письма. Поэтому нет оснований полагать, что обе надписи с именем Клеомброта разделены сколько-нибудь значительным промежутком времени. Отмеченное же выше сходство шрифта одной из них с шрифтом декрета в честь Протогена позволяет отнести их к последним десятилетиям III в. или даже к началу II в. до н. э.[24]

Важные сведения о работах на оборонительных сооружениях Ольвии содержатся в уже неоднократно упоминавшемся декрете в честь Протогена. Они были вызваны угрозой предстоящего нападения зимой галатов и скиров на город, значительная часть территории которого со стороны реки еще не была защищена стеной [25]. В этой тревожной обстановке, когда многие жители были готовы покинуть город, «собравшийся народ, придя в уныние и представляя себе угрожающую опасность и ужасы, приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отечество, с давних пор оберегаемое, подпало власти врагов» (IPE,I², p. 55). Но желающих выполнить просьбу народа не нашлось. Тогда Протоген взялся произвести все необходимые работы. Он достроил недостающие части ольвийской крепостной стены, произвел ремонт обветшавших башен и выполнил другие работы. Насколько это удается уловить из текста декрета, характер деятельности Протогена совпадает с деятельностью «стеностроителя» Аристагора, сына Апатурия, из Истрии, о котором говорилось выше. Осуществляя, по-видимому, общее руководство указанными работами, Протоген, однако, был вынужден вложить в дело значительные суммы из собственных средств, поскольку в тот период городская казна была пуста.

В настоящее время нет данных, которые позволили бы ответить, почему должность «стеностроителя», существовавшая в Ольвии, во всяком случае в последней четверти IV в. до н. э. не упоминается в более поздних эпиграфических документах, также относящихся к строительству или ремонту оборонительных сооружений, но новая надпись позволяет по-иному взглянуть на эти давно известные документы, содержащие хотя и скудные, но крайне важные сведения о строительном деле Ольвии.

[22] Если верить Демосфену (Demosth., De cor., 112, 113), то, получив как «стеностроитель» из общественной казны почти 10 талантов на проведение работ, он дополнительно израсходовал значительную сумму из личных средств. Также см.: выше, примеч. 14.

[23] Разумеется, участие в возведении оборонительных сооружений посредством расходования личных средств могло быть вызвано и другими причинами. Так, например, обнаруженная на Фасосе надпись, в которой читается, что гражданин Олинфа Гераклеодор — фасосский проксен — воздвиг на Фасосе башню, экседру и статую, посвятив их всем богам, позволяет усмотреть в этой щедрой деятельности выражение благодарности Гераклеодором за предоставленный ему после разрушения Олинфа приют на Фасосе [38, p. 262, № 1]. Однако в ольвийских эпиграфических документах, как, например, в надписи о посвящении башни Зевсу Полиарху (IPE, I², 183), побудительные причины строительной деятельности не раскрыты.

[24] Современные исследователи датируют данный декрет последними десятилетиями III или началом II в. до н. э. См. выше, примеч. 16.

[25] Ἀτείχιστος декрета в честь Протогена (IPE, I², 32, B, 7,8) может обозначать разрушенные или в значительной степени поврежденные оборонительные стены [21, S. 264].

ЛИТЕРАТУРА

1. Надписи Ольвии (1917–1965)./Под. ред. Т. Н. Книпович, Е. И. Леви. Л.: Наука, 1968.
2. *Карышковский П. О.* К вопросу о дате ольвийского декрета в честь Протогена.– Археологія, 1968, т. 21.
3. *Te Riel G.– J.* Inscriptions de Pavlitsa.– BCH, 1966, t. 90, pt. I.
4. *Белецкий А. А.* Греческая надпись на базе статуи из Ольвии.– ВДИ, 1955, № 2.
5. *Книпович Т. Н.* Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии.– НЭ, 1966, т. 6.
6. *Löwy E.* Inschriften griechischer Bildhauer. Leipzig. 1885.
7. *Shear T. L.* The campaign of 1936.– Hesperia, 1937, vol. 6, N 3.
8. *Shear T. L.* The campaign of 1937.– Hesperia, 1938, vol. 7, N 3.
9. *Picard Ch.* Manuel d'archéologie grecque. Paris, 1948, t. 2.
10. *Picard Ch.* Manuel d'archéologie grecque. Paris, 1963, t. 4.
11. *Marcadé J.* Recueil des signatures de sculpteurs grecs. Paris, 1954, livr. 1.
12. *Леви Е. И.* Ольвийская надпись с посвящением Аполлону Врачу.– ВДИ, 1965, № 2.
13. *Knoepfler D.* Contributions a l'épigraphie de Chalcis.– BCH, 1977, t. 101, pt. 1.
14. *Amandry P.* Trépieds d'Athèns. II. Thargélies.– BCH, 1977, t. 101, pt. 1.
15. Fouilles de Delphes. T 3. Épigraphie, Fasc. 4. Les inscriptions de la terrasse du temple et de la région nord du sanctuaire (N°s 351 à 516), par J. Pouilloux. Paris, 1976.
16. Fouilles de Delphes. T. 3. Épigraphie. Fasc. 4. Les inscriptions de la terrasse du temple et de la région nord du sanctuaire (N°s 87 à 215), par R. Flacelier. Paris, 1975.
17. *Bousquet J.* Inscriptions de Delphes.– BCH, 1958, t. 82, pt. 1.
18. *Pouilloux J.* Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. De la fondation de la cité à 196 avant J.–C. Paris, 1954 (Études Thasiennes, 3).
19. *Болтунова А. П., Книпович Т. Н.* Очерк истории лапидарного письма на Боспоре.– НЭ, 1962, т. 3.
20. *Kaweranu G., Rehm A.* Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914.
21. *Maier F. G.* Griechische Mauerbauinschriften. Teil 1, Texte und Kommentare. Heidelberg, 1959 (Vestigia, 1).
22. *Liddel H., Scott R., Jones H. S.* Greek – English Lexicon. Oxford, 1940.
23. *Bechtel F.* Die griechischen Dialekte. Berlin, 1924, B.3.
24. *Meisterhans K.* Grammatik der Attischen Inschriften. Berlin, 1888.
25. *Buck C. D.* The Greek Dialects. Chicago, 1920.
26. *Haussoulier B.* Études sur l'histoire de la Milet et du Didymeion. Paris, 1902 (Bibl. de l'École d. Hautes ét. Sience hist. et phil., fasc. 138).
27. Inschriften von Priene./Ed. F. Hiller v. Gaertingen. Berlin, 1906.
28. *Maier F. C.* Griechische Mauerbauinschriften. Teil 2, Untersuchungen. Heidelberg, 1961 (Vestigia, 2).
29. *Блаватская Т. Н.* Западнопонтийские города в VII–I вв. до н. э. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
30. *Pippidi D. M.* «La seconde fondation» d'Istros, à la lumière d'un document inédit.– BCH, 1968, t. 92, pt. 1.
31. *Perrot G.* Une inscription de Cysique.– RA, 1875, t. 30.
32. *Böckh A. Die* Staatshaushaltung der Athener. Berlin, 1886, B.1.
33. *Жебелев С. А.* Милет и Ольвия.– Изв. АН СССР. Отделение гуманитарных наук, 1929, № 6.
34. *Книпович Т. Н.* К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена.– ВДИ, 1966, № 2.
35. *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913.
36. *Robert L.* Rec.: Franz Georg Maier. Griechische Mauerbauinschriften. T. 1, Texte und Kommentare, 1959, T. 2, Untersuchungen, 1961.– Gnomon, 1970, B. 42, H. 5.
37. *Дашевская О. Д.* ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта.– ВДИ, 1964, № 3.
38. *Pouilloux J.* Inscriptions de Thasos.– BCH, 1947–1948, t. 71/72.
39. *Латышев В. В.* Исследование об истории и государственном строе Ольвии. СПб., 1877.

V. I. Denisova

A NEW EPIGRAPHIC DOCUMENT FROM OLBIA

Summary

In 1977, a marble slab, carrying seven lines of an ancient Greek inscription (Fig. 1) was found in Olbia. The text mentioned five «wall-builders» who had built or repaired the Olbian defence works (ἐπεμελήθησαν τοῦ τείχους καὶ τῶν πύργων). Palaeography of the inscription (Figs. 2, 3) dates it approximately to the last quarter of the 4th century B. C. which indicates that the above-mentioned construction works were somehow connected with the blockade of the city by Zopirion.

The inscription provides us with the first reliable information on the existence in Olbia of a special category of workers—«wall-builders», resembling that of Athens, and thus broadening our knowledge of life in Olbia. At the same time this new epigraphic monument gives us a broader and clearer understanding of other known epigraphic monuments dealing with the construction of the Olbian defence works.

КОЛОТУХИН В. А.

ОБСЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДСКИФСКОГО И РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМУ

В 1977 г. Отделом археологии Крыма проведены небольшие раскопки у с. Дружное и обследована группа памятников в урочище Таш-Джарган под Симферополем, где сосредоточено пять поселений кизил-кобинской культуры и могильник, а также поселение эпохи поздней бронзы и позднескифское городище (рис. 1). В настоящей работе рассматриваются материалы поселения у с. Дружное и четырех наиболее ранних поселений урочища Таш-Джарган.

Поселение у с. Фонтаны. Расположено приблизительно в 700 м к югу от села в Холодной балке (рис. 1, 7). Отчетливо выраженного культурного слоя здесь не прослеживается. Раскопки ограничились зачисткой хозяйственных ям, выявленных в обрезе грунтовой дороги, которые были заполнены мешаным грунтом, включавшим золу, кости животных и многочисленные обломки лепной посуды.

Самую большую группу керамики составляют фрагменты горшков с вертикальной или немного изогнутой шейкой и крутыми плечиками: диаметр венчика равен диаметру тулова или немного меньше его. Они двух вариантов— низкие с широким дном и вытянутых пропорций. Шей-

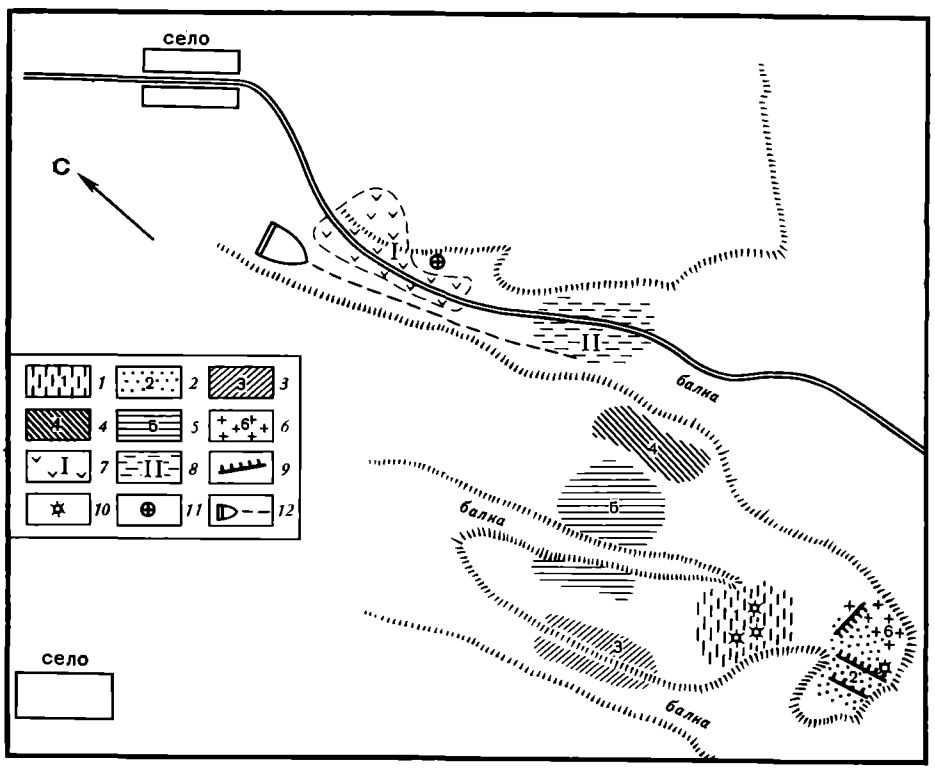


Рис. 1. Схематический план расположения памятников в урочище Таш-Джарган: *1* – поселение Таш-Джарган I; *2* – поселение Таш-Джарган II; *3* – кизил-кобинское поселение в Калиновой балке; *4* – поселение позднего этапа кизил-кобинской культуры Таш-Джарган 3; *5* – позднескифское городище; *6* – раннетаврский могильник; *7* – поселение у с. Фонтаны; *8* – поселение в Холодной балке; *9* – развалы каменных стен; *10* – курганы; *11* – известковая печь; *12* – пруд

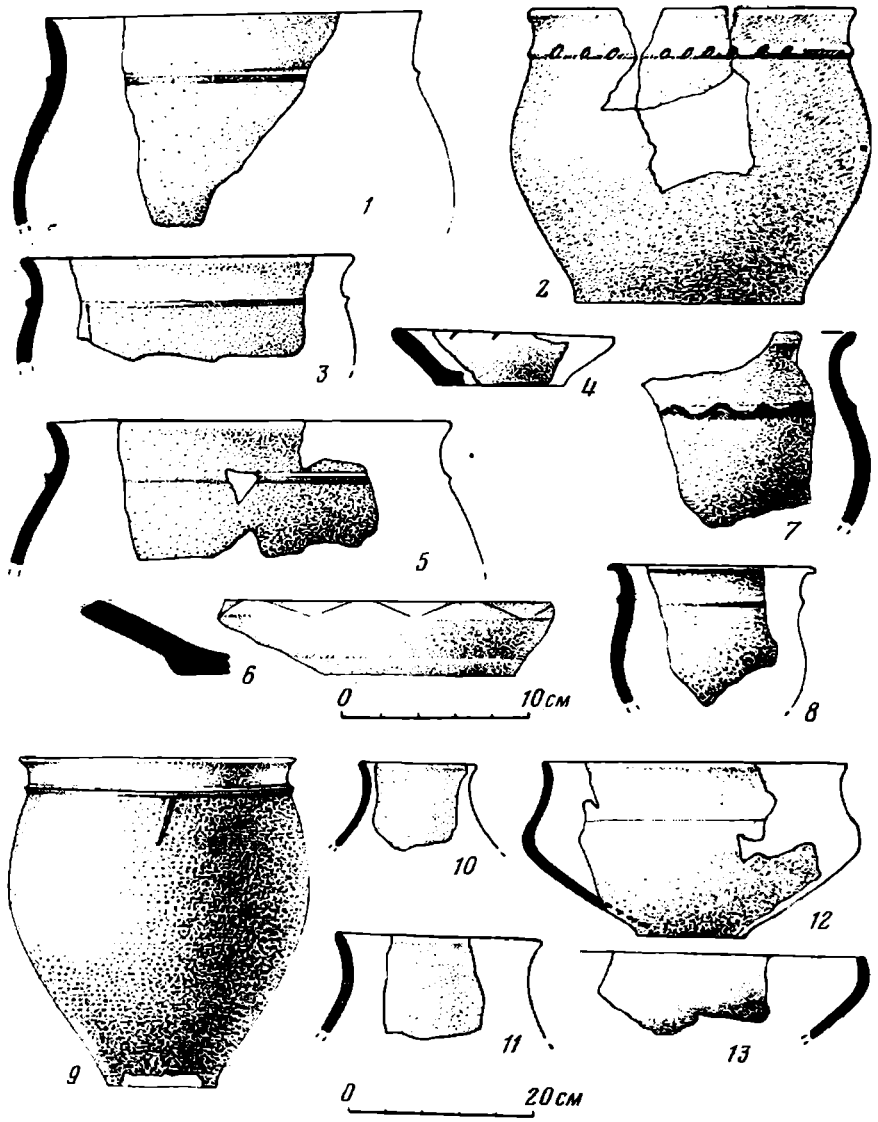


Рис. 2. Поселение Фонтаны. Типы лепной посуды

ку или плечики опоясывает валик, который бывает как гладким, так и расчлененным ногтевыми вдавлениями или острием (рис. 2, *1—3*, *5*, *7—9*). Два фрагментированных горшка не имели валика, один обломок принадлежал горшку, шейка которого отделена от плечиков уступом (рис. 3, *17*).

Найдены фрагменты крупных жаровен с вертикальными и отклоненными стенками с пальцевыми вдавлениями или косыми нарезками по краю (рис. 2, *6*), а также обломки маленьких мисочек, по форме и орнаментации аналогичных жаровням (рис. 2, *4*).

Столовая посуда чаще всего имеет лощеную поверхность черного или серо-черного цветов, иногда с бурыми пятнами; она представлена мисками, чашками, корчагами, черпаками и кубками.

Миски двух типов. Первые имеют высокую шейку, немного отогнутый венчик и биконическое тулово (рис. 2, *12*); вторые — широкое устье и дуговидные стенки (рис. 2, *13*).

Чашки отличаются от мисок первого типа меньшими размерами, а между собой разнятся высотой шейки и ее положением по отношению к плечикам; диаметр венчика соответствует диаметру тулова или немного меньше его; на плечиках встречаются налепные ручки со сквозными отверстиями; одна чашка украшена врезным орнаментом (рис. 3, *13*, *14*).

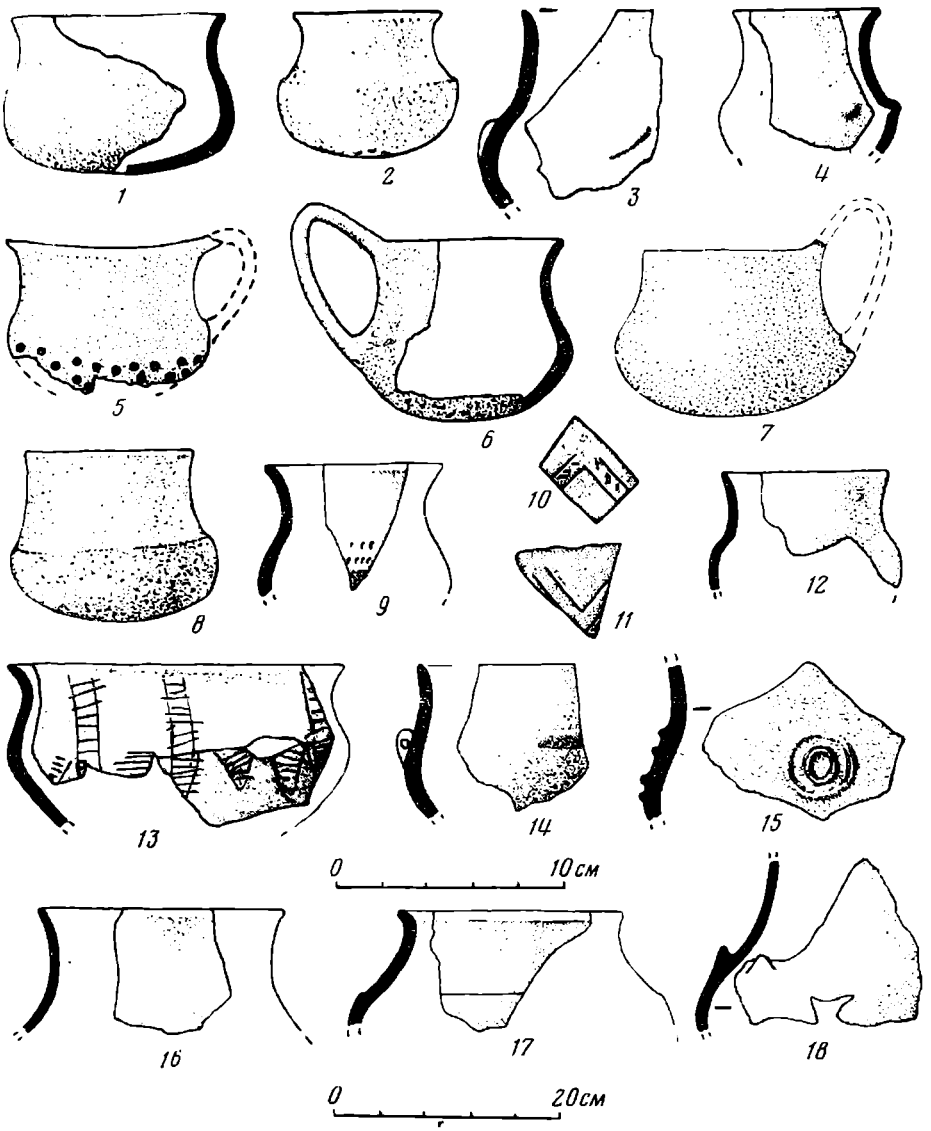


Рис. 3. Поселение Фонтаны. Типы лепной посуды

Корчаги сильно фрагментированы. Судя по обломкам, у них высокая немного изогнутая шейка и раздутое тулово, на плечиках встречается рельефный орнамент (рис. 2, *11*; 3, *15*, *16*, *18*). Несколько фрагментов принадлежат лощеным узкогорлым сосудам (рис. 2, *10*).

Черпаки имеют петлевидную ручку, поднимающуюся над краем, высокую дуговидную или прямую шейку и уплощенно-шаровидное тулово с округлым дном (рис. 3, *6*, *7*). Найдена фрагментированная цедилка, имеющая форму черпака (рис. 3, *5*).

Кубки двух типов. Наиболее распространены экземпляры с высокой прямой или дуговидной шейкой и уплощенно-шаровидным туловом (рис. 3, *2—4*, *8*, *9*, *12*), единичными фрагментами представлены приземистые кубки, диаметр венчика которых больше их высоты (рис. 3, *1*). Геометрический врезной орнамент на обломках кубков встречен в двух случаях (рис. 3, *10*, *11*).

Кроме керамики в заполнении ям найдены кремневые отщепы и сколы, два кремневых вкладыша серпа (рис. 4, *3*, *4*), каменный пест, шаровидный отбойник и костяной псалий с тремя овальными отверстиями, расположенными в одной плоскости; конец его обломан в древности, для крепления ремня рядом с обломанным отверстием сделан желобок, одна

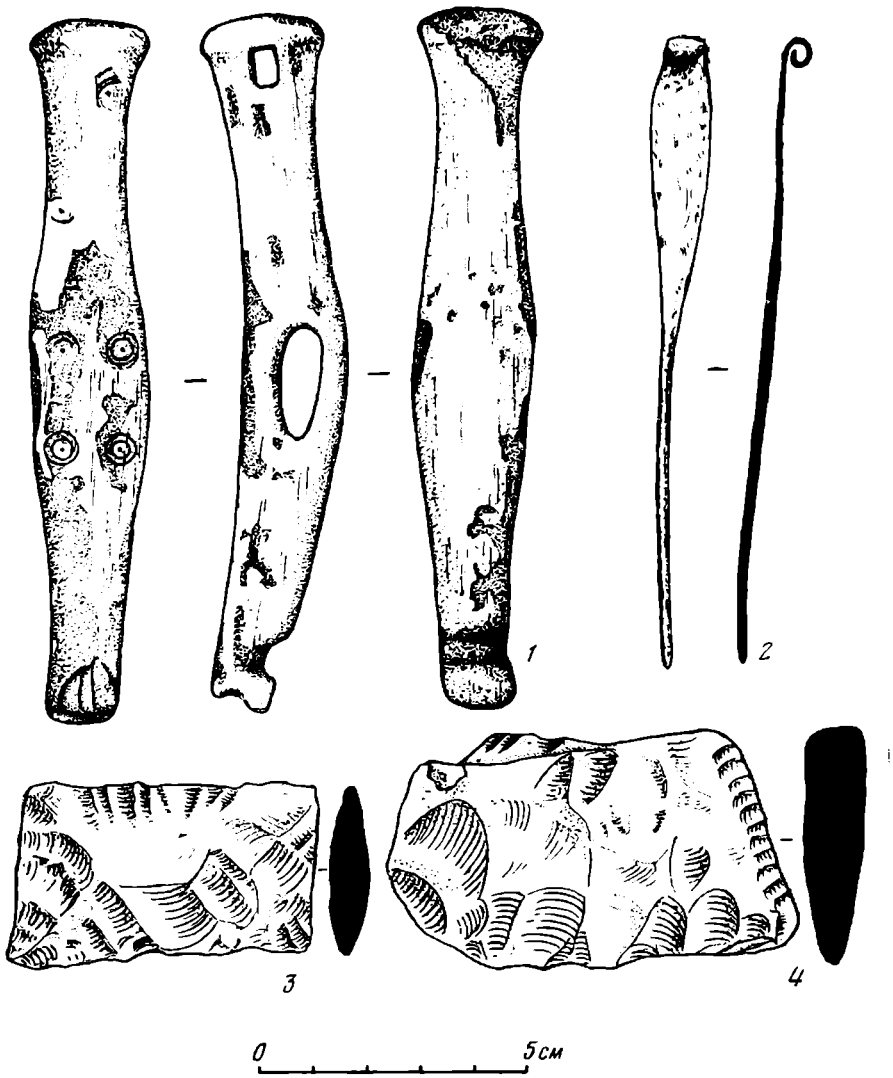


Рис. 4. Костяной псалий (*1*), кремневые вкладыши (*3*, *4*) с поселения Фонтаны и бронзовая булавка (*2*) с поселения Таш-Джарган I

плоскость псалия украшена концентрическими окружностями с точками в центре (рис. 4, *1*).

Поселение у с. Дружное расположено на одном из отрогов Долгоруковской яйлы, приблизительно в 600 м к востоку от села. Длина поселения по линии запад—восток 300 м, ширина в среднем около 150 м. С севера и юга оно ограничено балками, восточная сторона напольная, западная заканчивается узким скалистым мысом.

Культурные остатки в виде обломков лепной посуды и костей животных залегают в гумусе и расщелинах подстилающей его материковой скалы; толщина гумуса на основной площади не превышает 0,2 м, местами скала выступает на дневную поверхность. Лишь в центре поселения выделялся участок курганообразной в плане формы, диаметром около 20 м, с более мощным культурным слоем.

Работы на поселении носили охранный характер и ограничились раскопками этого участка (150 м^2).

В его центре культурный слой достигал 0,55 м, на окраинах уменьшался до 0,1—0,15 м; в верхней части он состоял из чернозема (10—20 см), в нижней — из серого золистого грунта, местами из одной золы. Керамический материал залегал более или менее равномерно на всей площади, концентрация его значительная — до 1000 фрагментов в одном

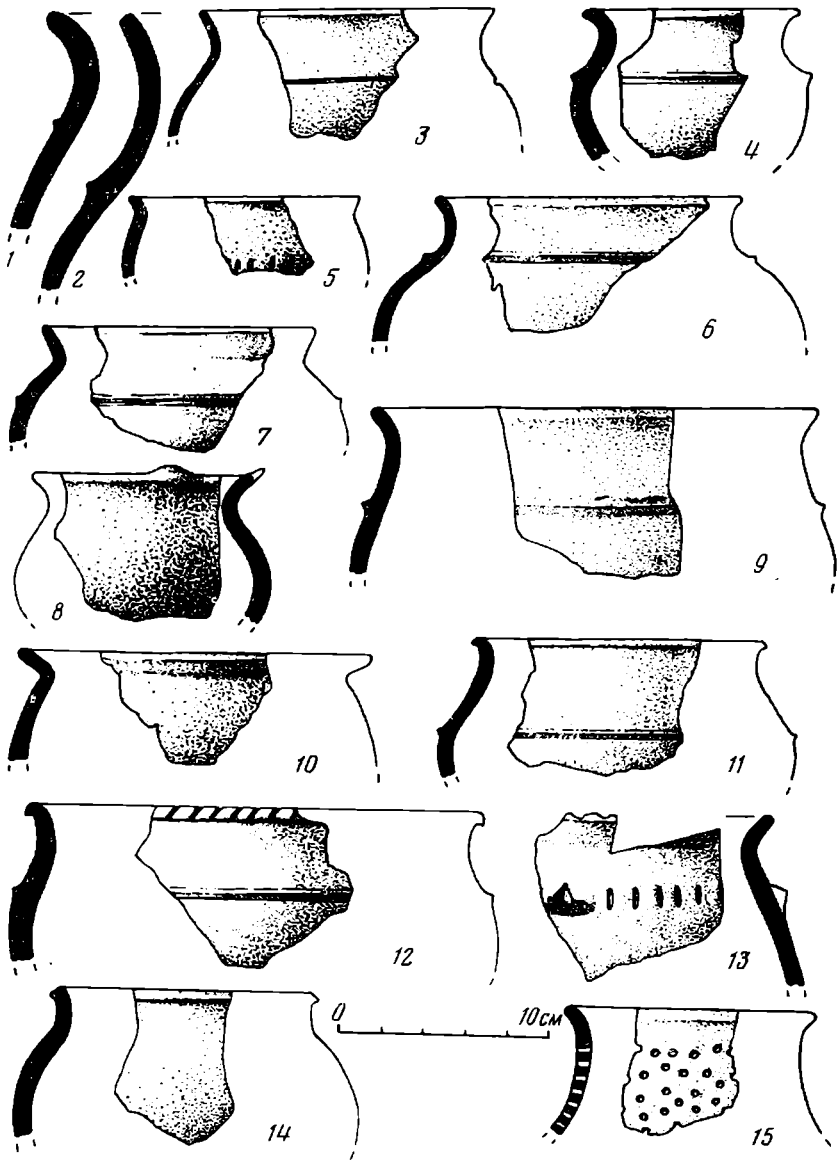


Рис. 5. Поселение Дружное. Типы лепной кухонной посуды

квадрате размером 2×2 м. Стратиграфически керамика не разделяется. Остатков построек или следов очага не выявлено, что позволяет по характеру культурного слоя в целом рассматривать раскопанный участок в качестве зольника.

Основную массу находок составляют обломки лепной посуды, среди которых преобладают фрагменты горшков. Наружная поверхность у них шероховатая, неровного буро-красного или серо-коричневого цветов с различными оттенками, внутренняя — тщательно заглажена или подлощена. Обжиг неравномерный. Черепок на изломе черного или буроватого цвета. Тесто плотное, с незначительной примесью песка, иногда мелкотолченой ракушки.

По оформлению верхней части кухонные горшки можно разделить на следующие группы.

1. Горшки с дуговидно изогнутой шейкой (рис. 5, *1—4*, *6*, *8*, *9*). Отличаясь друг от друга высотой и степенью изогнутости шейки, они составляют несколько вариантов. Плечики большинства из них опоясывает валик или заменяющая его врезная линия. Они представлены наибольшим числом фрагментов. 2. Горшки с вертикальной шейкой (рис. 5, *11*, *12*, *14*). Венчик отогнут или уплощен и образует закраину; тулово

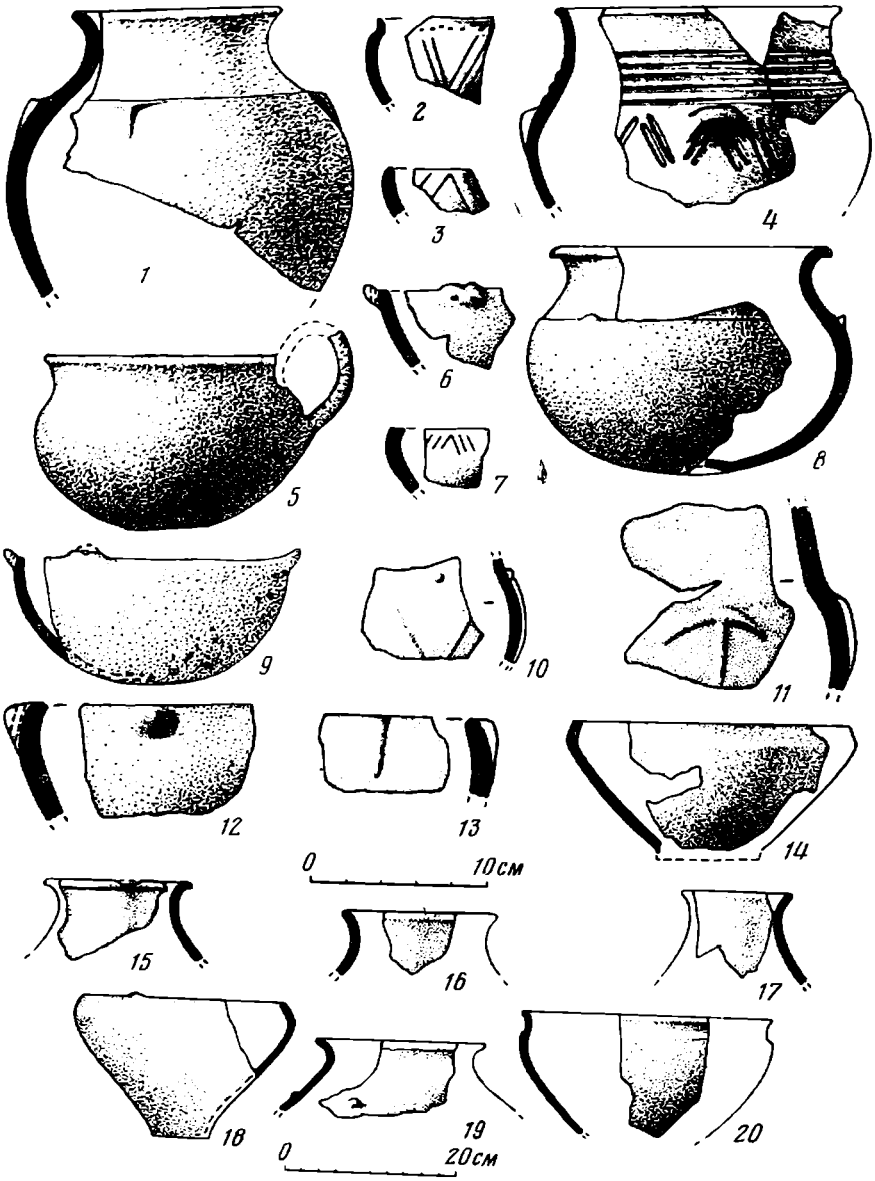


Рис. 6. Поселение Дружное. Типы лепной столовой посуды

вытянутой или шаровидной формы. Валик встречается редко. 3. Горшки с отклоненным венчиком, образующим шейку-перехват (рис. 5, *5*, *7*, *10*, *13*). Преобладают неорнаментированные экземпляры, иногда по плечикам проходит валик или ряд ногтевых вдавлений.

Найдены единичные обломки горшков с прямым или отогнутым венчиком, валик у которых опоясывает шейку; обломки мелки, реконструкции не поддаются.

К кухонной посуде относятся цедилки, которые имели, по-видимому, горшковидную форму (рис. 5, *15*).

Столовая посуда представлена корчагами, мисками, чашками, горшковидными сосудами, черпаками и кубками. Внутренняя поверхность у этой группы керамики лощеная или тщательно заглаженная, обработка наружной различная, наряду с прекрасно лощеными сосудами встречаются грубые. Поверхность неровного серо-черного, бурого, желтого, красного цветов. Черепок плотный, иногда с незначительной примесью крупного песка. На столовой посуде широко распространен рельефный орнамент в виде коротких валиков, конических шишечек и др. Нарезной встречается редко, им украшены преимущественно чашки и кубки.

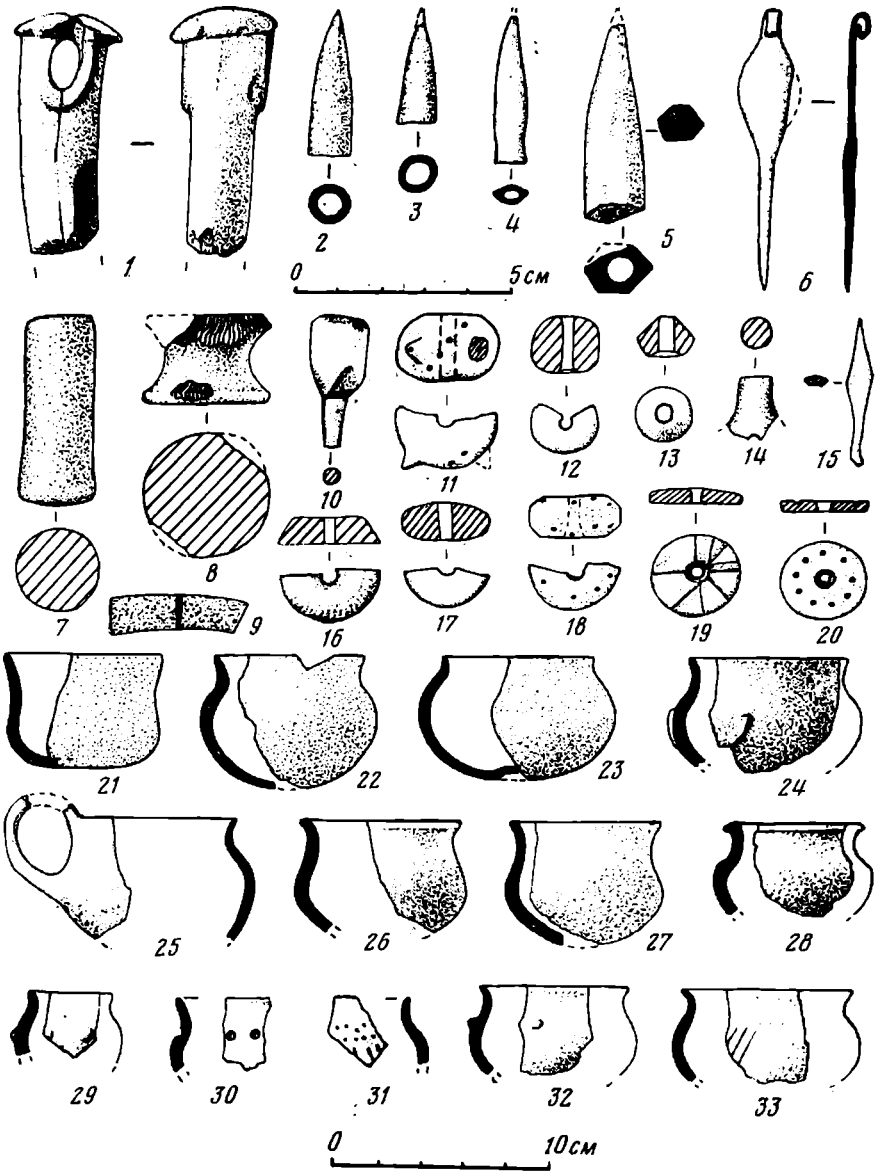


Рис. 7. Поселение Дружное. Керамика и другие находки: *1–5*, *10*, *15* – кость, *7*, *8* – камень, *9* – железо, *11–14*, *16–33* – глина, *6* – бронза

Корчаги найдены в сильно фрагментированном состоянии, и реконструкции поддаются лишь их горловины. У них четко выраженная шейка, отогнутый венчик и раздутое тулово (рис. 6, *15*, *19*). Встречаются фрагменты корчаг с дуговидной линией шейки и не выделенным венчиком (рис. 6, *16*).

Миски имеют широкое устье, дуговидные стенки и сравнительно небольшое плоское дно; наибольший диаметр находится в 1,5—2,5 см ниже края. На венчике часто встречаются налепы — маленькие, имевшие орнаментальное назначение, и массивные со сквозными отверстиями для подвешивания сосуда (рис. 6, *12*, *13*, *18*). Один фрагмент принадлежал крупной миске с короткой прямой шейкой, отделенной от плечиков уступом и отогнутым венчиком (рис. 6, *20*).

Чашки полусферической формы. У них округлое дно с лунковидным углублением в центре, на венчике уплощенные налепы, иногда со сквозными отверствиями (рис. 6, *3*, *6*, *7*, *9*, *14*). По-видимому, к группе чашек можно отнести единичные фрагменты некрупных открытых сосудов с полусферическим туловом и короткой прямой шейкой (рис. 6, *2*).

Реконструировано три лощеных сосуда горшковидной формы.

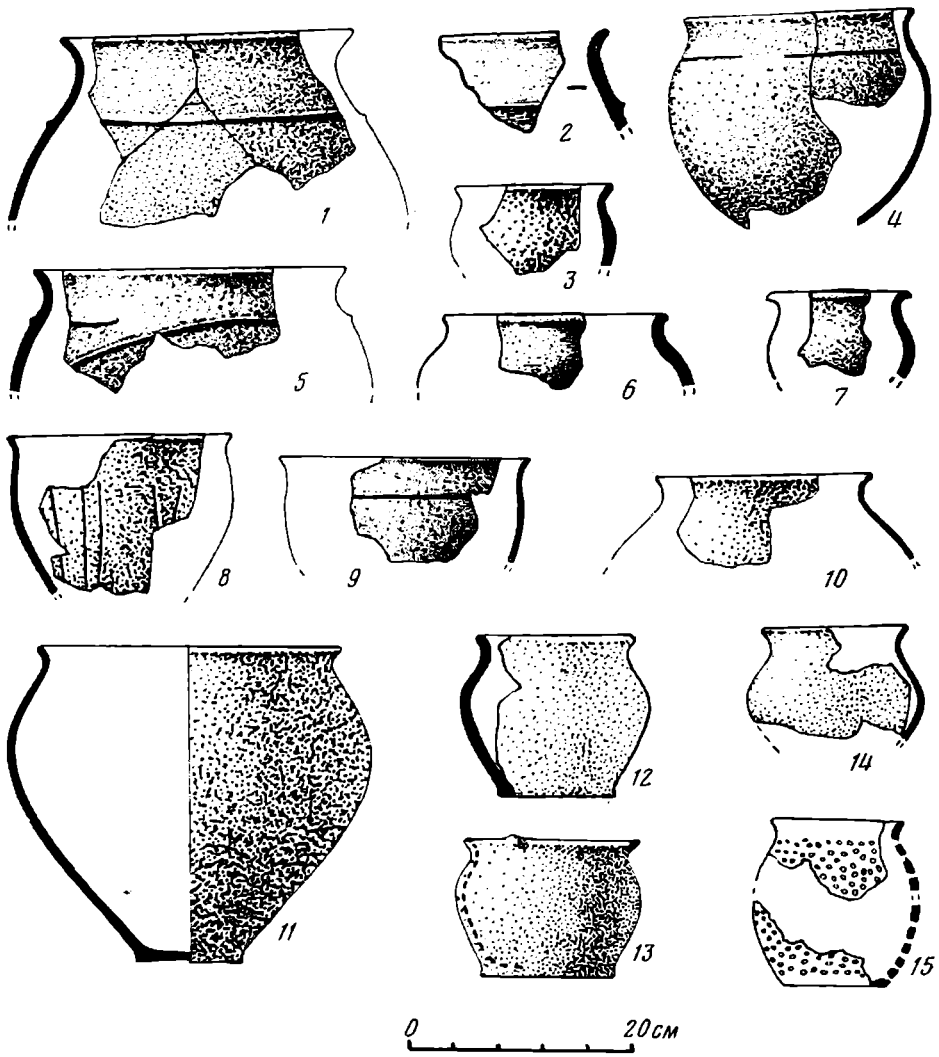


Рис. 8. Типы лепной кухонной посуды: *1*, *4*, *5*, *9* – поселение Таш-Джарган II; *2*, *3*, *6*, *7*, *10* – поселение Таш-Джарган I; *8*, *11–15* – поселение в Холодной балке

Первый имеет вытянутые пропорции. Дуговидная шейка небольшим уступом отделена от плечиков, в месте перехода шейки в плечо два Т-образных налепа (рис. 6, *1*). У второго шаровидное тулово, дуговидная шейка и отогнутый венчик. Дно округлое с лунковидным углублением. На плечике, отделенном от тулова, уплощенные налепы (рис. 6, *8*). У третьего высокая прямая шейка, отогнутый венчик и слабовыпуклые плечики с ручкой-упором. Шейку опоясывают желобки, короткие наклонные желобки идут по плечику (рис. 6, *4*).

Несколько фрагментов принадлежат узкогорлым лощеным горшкам с высокой дуговидной шейкой (рис. 6, *17*).

Широкие неорнаментированные черпаки имеют четко выраженную шейку и шаровидное тулово с маленьким плоским дном, овальная в сечении ручка поднимается над краем сосуда (рис. 6, *5*).

Самую большую группу столовой посуды составляют кубки и кубковидные черпаки (рис. 7, *22—33*). В количественном отношении преобладают кубки с уплощенно-шаровидным туловом, округлым дном, которое часто имеет лунковидное углубление; диаметр венчика несколько больше высоты сосуда. Встречаются кубки вытянутых пропорций. Разнообразно оформлены горловины: у одних короткая шейка поставлена вертикально или под углом к плечикам, у других шейка отделена от плечиков усту-

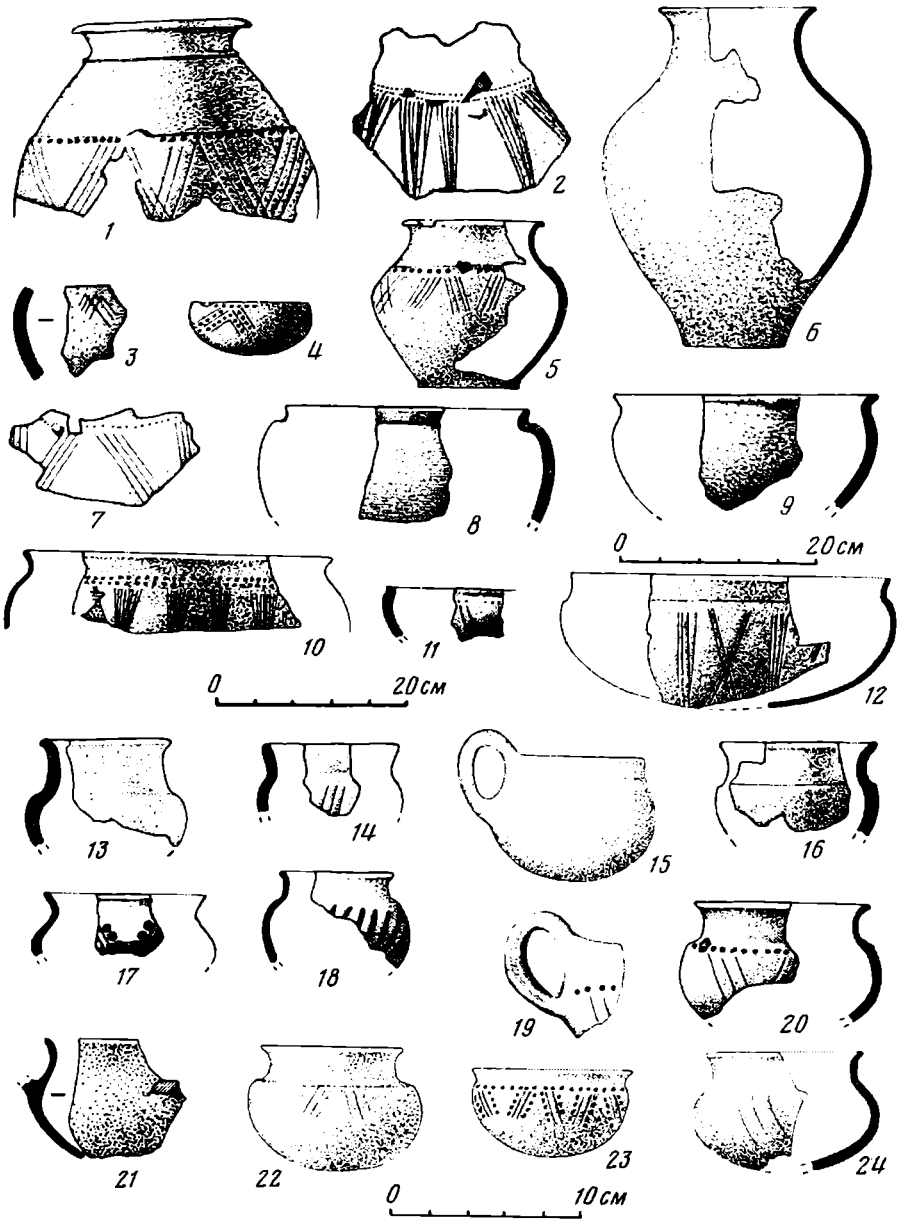


Рис. 9. Типы лепной столовой посуды: *1*, *4*, *5*, *10*, *12*, *21–24* – поселение в Холодной балке; *2*, *3*, *7–9*, *11*, *17–20* – поселение Таш-Джарган I; *6*, *13–16* – поселение Таш-Джарган II

пом, венчик отогнут. Найдены единичные фрагменты кубковидных сосудов с высокой прямой шейкой, низким слабо выпуклым туловом и широким плоским дном (рис. 7, *21*).

Кроме посуды из глины изготовлялись пряслица различных форм, многие сделаны из стенок лощеных сосудов (рис. 7, *11—14*, *17—20*).

Каменные изделия представлены двумя обломками молотков, целым и фрагментированным пестом и растиральником (рис. 7, *7*, *8*).

Найдено несколько рогов животных, находившихся в разной стадии обработки, прясло из эпифиза, четыре костяных наконечника стрел: два пулевидной формы, один овально-ромбический и один шестигранный (рис. 7, *2—5*). Особый интерес представляет обломок костяного псалия. Стержень его немного изогнут, конец оформлен муфтовидным утолщением и шляпкой, отверстие овальное (рис. 7, *1*).

Из металлических вещей найдена бронзовая булавка с раскованным овальным щитком и свернутым в петлю концом и обломок железного ножа с горбатой спинкой (рис. 7, *6*, *9*).

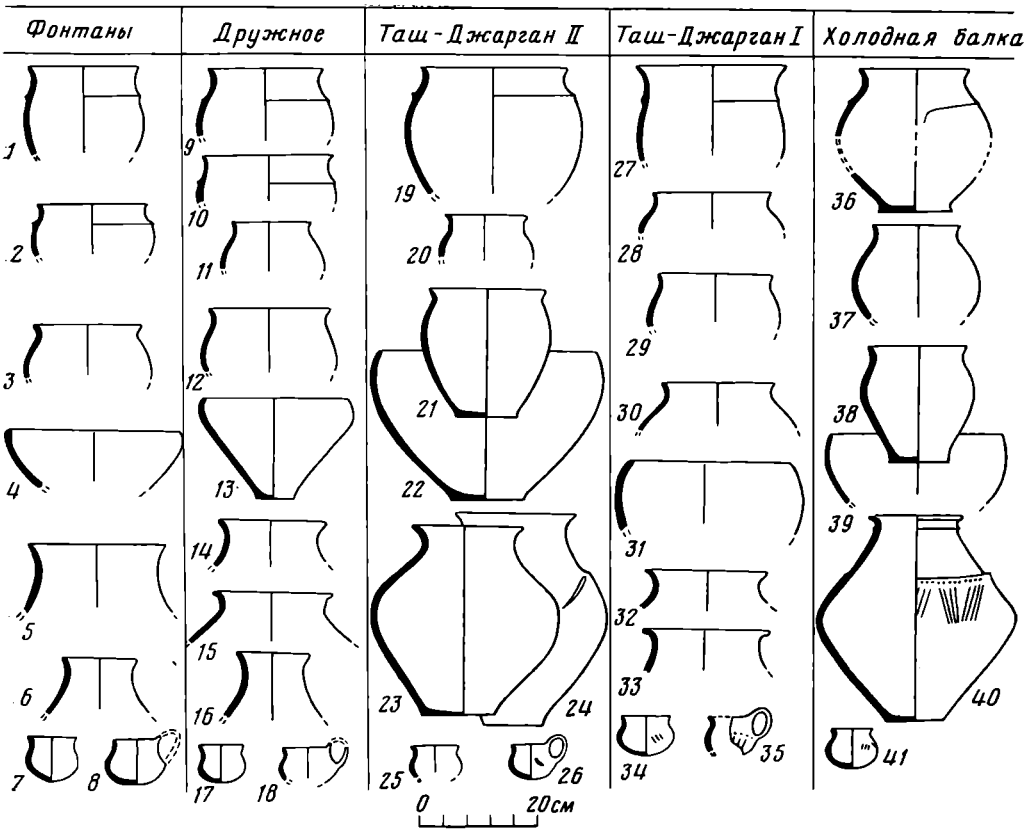


Рис. 10. Сравнительная таблица некоторых типов лепной посуды

Поселение Таш-Джарган II. Расположено на южной оконечности урочища Таш-Джарган (рис. 1, *2*). На поселении заложено семь шурфов. Толщина культурного слоя от 0,2 до 0,6 м. Он состоит из гумуса, включающего незначительное количество обломков лепной керамики и кости животных. Основная коллекция посуды происходит из хозяйственной ямы, выявленной в основании шурфа № 1. Керамика как по фактуре, так и по своим формам близка или аналогична материалам поселения Дружного. Это прежде всего различные варианты горшков с дуговидной шейкой, горшки с вертикальной и отклоненной шейками (рис. 8, *1*, *4*, *5*, *9*; 10, *19—21*), а также миски, кубки, черпаки и корчаги (рис. 9, *6*, *13—16*; 10, *22—26*). Последние найдены в Дружном в сильно фрагментированном состоянии, и потому находки здесь целых профилей дают представление об их формах. Тот же характер орнаментации керамики: на кухонных горшках господствует гладкий валик (фрагменты с расчлененным валиком единичны) или заменяющая его врезная линия, на столовой — рельефный орнамент в виде коротких валиков или их групп и конических налепов. По материалам разведок создавалось впечатление, что врезной орнамент на керамике этого поселения отсутствует, однако в процессе дальнейших работ найдено два фрагмента кубков с врезными линиями (рис. 9, *14*).

Поселение Таш-Джарган I. Расположено в 150 м к северу от поселения Таш-Джарган II, между балками Калиновой и Ташджарганской (рис. 1, *1*). Его размеры, судя по распространению фрагментов посуды, составляют приблизительно 400×350 м. На поселении собран подъемный материал и заложено три шурфа. Толщина культурного слоя до 0,55 м, он состоит из гумуса и сероватого золистого грунта; концентрация керамического материала значительная, но он сильно фрагментирован.

Состав посуды здесь такой же, как в Дружном и на Таш-Джаргане II, с той разницей, что столовая чаще всего украшена нарезным орнаментом, иногда в сочетании с налепным, и на кухонных горшках сравнительно редко встречается валик. Среди последних наиболее распространены

экземпляры с низкой дуговидной или отклоненной шейками, они отличаются друг от друга размерами и крутизной плечиков (рис. 8, *2*, *3*, *7*, *10*). Единичными фрагментами представлены горшки с вертикальной шейкой (рис. 8, *6*; 10, *28*) и слабопрофилированные горшки банковидной формы (рис. 10, *27*).

У мисок дуговидные стенки, все они крупного размера (рис. 10, *31*); венчик округлен или косо срезан, иногда он утолщен и имеет закраину, нависающую внутрь.

Фрагменты чашек совершенно аналогичны дружненским (рис. 9, *3*, *11*). Одна чашка имеет полушаровидное тулово и короткую отогнутую шейку с налепом на венчике (рис. 9, *9*). Из подъемного материала происходит обломок чернолощеного сосуда «реповидной» формы (рис. 9, *8*).

Корчаги сильно фрагментированы (рис. 9, *2*, *7*; 10, *32*, *33*). У них высокая изогнутая шейка и раздутое тулово.

Кубки и кубковидные черпаки имеют вертикальную, дуговидную или отклоненную шейку и уплощенно-шаровидное тулово (рис. 9, *17—20*, *24*; 10, *34*, *35*). Чаще всего они украшены врезным орнаментом, в единственном случае встречены каннелюры.

Кроме керамики на поселении найдено бронзовое шило и весловидная булавка, типологически близкая дружненской (рис. 4, *2*).

Поселение в Холодной балке расположено на ее северо-восточном склоне (рис. 1, *8*). Длина поселения с северо-запада на юго-восток 350—400 м, ширина около 80 м. Памятник частично нарушен: по его центру проходит шоссе, выше которого снят откос и нарезаны террасы для лесонасаждений. Судя по обнажениям, четко выраженного культурного слоя на поселении нет. Раскопки ограничились зачисткой 10 полуразрушенных хозяйственных ям, которые были заполнены мешаным грунтом, включавшим камни, золу, кости животных и многочисленные фрагменты лепной керамики (до 500 в одной яме).

Основную массу находок составляют обломки кухонных горшков с дуговидной, отклоненной и вертикальной шейками; они делятся на несколько вариантов (рис. 8, *12—14*; 10, *36—38*). Единичным фрагментом представлен банковидный горшок с короткой отогнутой шейкой и широким устьем, украшенный врезными линиями (рис. 8, *8*). Налепной валик на кухонных горшках встречен только в двух случаях.

Фрагменты мисок, чашек, черпаков и кубков как по фактуре, так и по своим формам и орнаментике аналогичны материалам поселения Таш-Джарган I (рис. 9, *4*, *21—23*; 10, *39*, *41*).

Удалось собрать профиль одной корчаги (рис. 10, *40*). Она имеет отогнутый венчик, высокое коническое горло и биконическое тулово. Вторая корчага реконструирована частично (рис. 9, *1*). За счет округлости тулова у нее более плавные очертания.

Лощеные горшковидные сосуды представлены двумя экземплярами (рис. 9, *5*, *10*). Несколько фрагментов принадлежит сосудам чашевидной формы; они имеют четко выраженную прямую или немного отогнутую шейку и уплощенно-шаровидный корпус (рис. 9, *12*). На столовой посуде в Холодной балке широко распространен врезной геометрический орнамент, часто в сочетании с налепным.

Ограниченность материала, обусловленная незначительными размерами работ, позволяет лишь наметить хронологические рамки, в пределах которых существовали описанные памятники.

Наиболее архаичным из них является поселение у с. Фонтаны, для кухонной посуды которого характерны слабопрофилированные горшки с почти обязательным гладким или расчлененным валиком и низкобортные жаровни. Аналогичные формы мы находим в Бабино IV [1, с. 21, табл. 1, *2*, *5*, *12—16*, *20*, *22*], на Белозерском лимане [2, с. 82, рис. 32, *13*, *16*; с. 83, рис. 33, *6*, *7*], в Кировском поселении Восточного Крыма [3, с. 20, рис. 11, *6—10*, *13*; с. 28, рис. 18, *2—7*], а также среди группы горшков и жаровен Субботовского городища, появление которых в чернолесской культуре А. И. Тереножкин связывает со срубным влиянием [4, с. 56, рис. 29, *4*, *5*].

Если в Белозерке аналогии ограничиваются отдельными типами кухонной посуды, то в Бабино IV, которое В. А. Ильинская отнесла к концу IX—VIII в. до н. э., есть также типологически близкая группа широкогорлых кубков и черпаки с петельчатой ручкой [1, с. 21], в Кировском поселении, доживающем, по мнению А. М. Лескова, до начала VIII в. до н. э.,— миски (у А. М. Лескова — банки первого типа), черпаки и кубки с высокой шейкой [3, с. 17, рис. 9, *1—4*, *7*; с. 24, рис. 15, *4*, *7*; с. 25, рис. 16, *1*, *3*, *5*]. Показательны материалы позднесрубного поселения Кошница в Молдавии, где представлены те же типы кухонной и столовой посуды, что и в Фонтанах, причем формы большинства из опубликованных В. А. Дергачевым идентичны нашим [5, с. 99, рис. 23, *3—9*, *15—17*].

Позднесрубный характер памятника, таким образом, устанавливается, на наш взгляд, достаточно убедительно.

Время существования поселения у с. Фонтаны предварительно можно определить в рамках IX — начала VIII в. до н. э. На это указывают параллели в Бабино IV и Субботове, а также костяной псалий усатовского типа, орнаментированный в «киммерийском» стиле, бытование которых, по А. М. Лескову, приходится на IX — начало VIII в. до н. э. [6, с. 84]. В то же время следует отметить, что по соотношению абсолютных размеров отверстий, псалий из Фонтан представляет собой как бы промежуточный вариант между псалиями усатовского и дереивского типов, однако овальная форма крайнего отверствия позволяет отнести его именно к первому из них.

Следующий хронологический этап представляет поселения у с. Дружное и Таш-Джарган II, из которых второе является, возможно, несколько более ранним, на что указывает единичность обломков лощеной посуды с врезным орнаментом, однако идентичность или близкое сходство большинства его керамических форм с дружненскими позволяет считать эти памятники синхронными.

При относительной самостоятельности керамических комплексов поселений у с. Фонтаны, с одной стороны, и у с. Дружное и Таш-Джарган-2 — с другой, при их сопоставлении наблюдаются многочисленные параллели. Это прежде всего относится к группе кухонных горшков.

В Фонтанах господствуют горшки со слабо изогнутой шейкой, крутыми плечиками и почти обязательным гладким или расчлененным валиком, опоясывающим шейку или плечики сосуда. В Дружном и на Таш-Джаргане II наибольшим числом фрагментов представлены горшки с четко выраженной шейкой, генетическая связь которых с горшками из Фонтан подтверждается как некоторыми переходными формами, так и совершенно идентичными экземплярами (рис. 10, *1*, *9*, *19*). Валик здесь, за единичными исключениями, гладкий, часто он заменяется врезной линией и не является обязательным. Однотипны на этих памятниках горшки с вертикальной шейкой и отогнутым венчиком (рис. 10, *2*, *10*, *11*, *20*).

Наблюдается сходство и в группе столовой посуды. В поселениях Фонтаны и Дружное найдены фрагменты корчаг с одинаковой профилировкой горловин (рис. 10, *5*, *14*), узкогорлые лощеные сосуды (рис. 10, *6*, *16*), для всех трех поселений характерны крупные лощеные миски с дуговидными стенками (рис. 10, *4*, *13*, *22*). Отчетливо улавливается связь широкогорлых приземистых кубков (рис. 10, *7*, *17*, *25*). Одинаковы также приемы рельефной орнаментации столовой посуды.

В то же время миски с выделенной шейкой, чашки, большинство кубков и черпаков из Фонтан не имеют аналогий в Дружном и на Таш-Джаргане II. Типы посуды и некоторые элементы орнамента, в частности расчлененный валик, ярко выраженные в Фонтанах, на последних двух поселениях найдены в незначительном количестве. Это объясняется хронологическим разрывом, который, очевидно, является небольшим, тогда как многочисленные параллели при весьма ограниченном объеме сопоставляемого материала могут свидетельствовать только о преемственности традиций в керамическом производстве.

Ближайшие аналоги керамика поселений у с. Дружное и Таш-Джарган II находит среди материалов кизил-кобинского поселения Ашлама-Дере близ Бахчисарая. Для последнего характерны те же формы кухонной и столовой посуды: горшки с дуговидной шейкой, корчаги, крупные орнаментации керамики [7, с. 188; 8, с. 69]. Близкие, а в ряде случаев идентичные формы лепной посуды имеются на поселении у пещеры Кизил-Коба [9, с. 26], которое П. Н. Шульц [10, с. 243] и Х. И. Крис [8, с. 72] включают в одну хронологическую группу памятников с Ашлама-Дере, датируемую ими VIII—VII вв. до н. э.

Важной находкой, уточняющей дату Дружного, является костяной псалий. Несмотря на фрагментарность, его близость бронзовым псалиям камышевахского типа устанавливается по шляпке и муфтовидному выступу на конце [11, с. 152]. Костяной псалий с муфтовидным выступом и шляпкой на конце найден в Николаевском могильнике VIII—VII вв. до н. э. на Кубани [12, с. 45], с выступами, но без шляпки — на Адамовском городище позднего этапа чернолесской культуры [11, с. 70].

По-видимому, середина VIII — первая половина VII в. до н. э. является наиболее приемлемой датой для поселений Дружное и Таш-Джарган II.

При датировке поселения Таш-Джарган I мы вынуждены исходить только из характера керамики, которая, как отмечалось выше, имеет аналогии среди материалов Дружного и Таш-Джарган II, причем в Дружном, кроме типологически близких форм, представлена также в незначительном количестве столовая посуда с врезным геометрическим орнаментом. Возможно, на небольшом отрезке времени эти поселения синхронны друг другу и нижнюю дату Таш-Джаргана I можно определить где-то около середины VII в. до н. э. Для установления верхней даты мы руководствуемся временем появления в Крыму лепной керамики с врезным орнаментом, выполненным мелкозубчатой гребенкой, которая неизвестна на Таш-Джаргане I. В Евпатории эта керамика найдена под полом здания рубежа VI—V вв. до н. э. [13, с. 44], в Мирмекии и Тиритаке — в слое VI в. до н. э. [14, с. 25], что позволяет верхней его датой считать VI в. до н. э. Предлагаемой дате не противоречат материалы Симферопольского раннетаврского поселения, где мы находим близкие типы посуды и аналогичную орнаментацию [15, с. 110; 16, с. 193].

Керамика поселения в Холодной балке в своей массе не отличается от керамики поселения Таш-Джарган I (рис. 10, *27—41*). Здесь только единичными фрагментами представлены кухонные горшки с валиком и на столовой посуде почти обязателен врезной геометрический орнамент; появляются новые его элементы в виде косых крестов, образованных спаренными параллельными линиями (рис. 9, *12*). Возникновение этого поселения относится к несколько более позднему времени, хотя в целом имеющийся материал позволяет синхронизировать его с Таш-Джаргана I.

Таким образом, существование рассмотренных памятников охватывает значительный промежуток времени — от IX до VI в. до н. э. включительно. Дальнейшие исследования, возможно, позволяют несколько сузить этот хронологический диапазон и уточнить датировку каждого поселения в пределах предложенных хронологических рамок.

Несмотря на ограниченность материала, при сопоставлении керамических комплексов отчетливо улавливается их генетическая связь и в общих чертах прослеживается характер эволюции целого ряда типов посуды и ее орнаментики (рис. 10). Преемственность традиций в керамическом производстве, общность территории и отсутствие на ней синхронных памятников с иным обликом материальной культуры указывают в свою очередь на этнокультурное единство населения предгорного и горного Крыма в предскифское и раннескифское время, тогда как материалы поселения Фонтаны, имеющего ближайшие аналоги в белозерских памятниках степи, позволяют поставить вопрос о ведущей роли позднесрубного компонента в формировании кизил-кобинской культуры. Правомерность такой постановки вопроса подтверждает весь предшествующий ход историче-

ского развития местных племен, нашедший отражение в археологических источниках.

Для степных районов Крыма во II тысячелетии до н. э. надежно засвидетельствована та же смена культур, что и для всего Северного Причерноморья [17, с. 411; 18, с. 52], причем срубная представлена уже ранним этапом своего развития [19, с. 406]. Находки вещей срубного типа в горном Крыму [9, с. 138], материалы многослойного поселения на горе Кошка под Симеизом, где выявлены слои катакомбной, многоваликовой и срубной культур [20, с. 64], отражают аналогичный исторический процесс на этой территории. Следовательно, у нас нет оснований выделять предгорный и горный Крым в самостоятельный район и предполагать для его населения какой-то особый путь культурно-исторического развития. Представление об исключительности кизил-кобинской культуры обусловлено прежде всего слабой изученностью как ее наиболее ранних памятников, так и синхронных им памятников степи.

В недавно вышедшей статье А. А. Щепинский предпринимает попытку дифференцировать предскифские поселения гор и предгорий на таврские и кизил-кобинские, считая тавров аборигенами, а носителей кизил-кобинской культуры пришельцами на этой территории [21, с. 37]. В настоящей работе мы не ставим себе цели дать подробный анализ этой статьи, а ограничимся разбором аргументации, призванной выделить Ашлама-Дере из числа других кизил-кобинских поселений.

Характеризуя таврскую и кизил-кобинскую культуры, автор заявляет следующее: «Племена тавров жили в Крыму с X—IX вв. до н. э. по III в. н. э.». И в качестве противопоставления: «Наиболее ранние из кизил-кобинских памятников принадлежат к VIII в. до н. э. (возможно, не к началу, а более позднему времени)» [21, с. 32]. Первый тезис А. А. Щепинский обосновывает ссылками на работы П. Н. Шульца и А. М. Лескова, второй — ссылками на статьи Х. И. Крис и О. Д. Дашевской.

В ином контексте указанные ссылки были бы правомерны, но П. Н. Шульц и А. М. Лесков в этих, как и в других, работах последовательно проводят мысль о принадлежности памятников кизил-кобинской культуры ранним таврам и термины «таврская» и «кизил-кобинская» употребляют как равнозначные. Причем, что в данном случае очень важно, к наиболее ранним оба автора относят Альминские поселения и Уч-Баш; первые П. Н. Шульц датирует X—IX вв. до н. э., а А. М. Лесков объединяет их в одну хронологическую группу памятников IX—VIII вв. до н. э. Время существования Ашлама-Дере оба автора определяют рамками VIII—VII вв. до н. э. [10, с. 243; 9, с. 118]. Что касается Х. И. Крис, то ее датировка раннего этапа кизил-кобинской культуры VIII в. до н. э. относится к 1961 г. [8, с. 72], позднее она изменила эту дату на IX в. до н. э.; самыми ранними Х. И. Крис считает Уч-Баш и Ашлама-Дере (Альминских она не упоминает) и нигде не выделяет последние из числа кизил-кобинских [22, с. 159; 23, с. 3].

А. А. Щепинский же, отметив незначительность керамики с врезным орнаментом, найденной в Ашлама-Дере, на этом основании сначала предположительно, а через несколько строк вполне определенно объявляет поселение таврским, в то время как Альму 1 и 2, Уч-Баш и Кизил-Кобу относит к кизил-кобинской культуре [21, с. 35], игнорируя при этом тот факт, что немногочисленность керамики с геометрическим орнаментом характерна и для последних [24, с. 368]. В результате складывается странная ситуация: хронологический приоритет тавров (X—IX вв. до н. э.) автор обосновывает ссылкой на Альминские поселения и Уч-Баш, которые сам считает кизил-кобинскими, а относительно позднему появлению «кизил-кобинцев» в Крыму находит подтверждение в материалах того же Уч-Баша и Ашлама-Дере, из которых первое датируется IX—VIII вв. до н. э., а второе, по А. А. Щепинскому, является таврским.

Подобная аргументация не может быть признана сколько-нибудь убедительной, тем более что новые материалы подтверждают выводы П. Н. Шульца, А. М. Лескова и Х. И. Крис о монокультурности поселе-

ний предгорного и горного Крыма первой половины I тысячелетия до н. э., керамика которых «представляет собой устойчивый единый комплекс» [10, с. 243; 9, с. 116; 22, с. 160].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильинская В. А.* Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино.– КСИА АН УССР, 1955, № 5.
2. *Кривцова-Гракова О. А.* Поселение бронзового века на Белозерском лимане.– КСИИМК, 1949, XXVI.
3. *Лесков А. М.* Кировское поселение.– В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев.: Наукова думка, 1970.
4. *Тереножкин А. И.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев.: Наукова думка, 1961.
5. *Дергачев В. А.* Памятники эпохи бронзы. Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 3. Кишинев: Штиинца, 1973.
6. *Лесков А. М.* Предскифский период в степях Северного Причерноморья.– МИА, 1971, № 177.
7. *Крис Х. И.* Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая.– СА, 1955, XXIV.
8. *Крис Х. И.* О периодизации кизил-кобинской культуры.– СА, 1961, № 4.
9. *Лесков А. М.* Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры. Киев.: Наукова думка, 1965.
10. *Шульц П. Н.* О некоторых вопросах истории тавров.– В кн.: Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
11. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976.
12. *Анфимов Н. В.* Новый памятник древнемеотской культуры.– В кн.: Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975.
13. *Наливкина М. А.* Раскопки в Евпатории.– КСИИМК, 1955, № 58.
14. *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки.– МИА, 1953, № 25.
15. *Дашевская О. Д.* Раскопки Симферопольского поселения кизил-кобинской культуры.– КСИИМК, 1951, XXXIX.
16. *Дашевская О. Д.* Симферопольское раннетаврское поселение.– СА 1958, № 3.
17. *Щепинский А. А.* Исследования в зоне строительства Северо-Крымского канала.– АО – 1975, М., 1976.
18. *Щепинский А. А. Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье. Симферополь: Крым, 1969.
19. *Лесков О. М.* Зрубна культура.– В кн.: Археологія УРСР. Т. І. Київ: Наукова думка, 1971.
20. *Шульц П. Н.* Таврское укрепленное поселение на горе Кошка в Крыму.– КСИА АН УССР, 1957, № 7.
21. *Щепинський А. О.* Населення південного берега Криму в епоху раннього заліза.– Археологія, 1977, № 21.
22. *Крис Х. И.* О таврах и кизил-кобинской культуре.– ВДИ, 1971, № 4.
23. *Крис Х. И.* Памятники юго-западного Крыма VIII–V вв. до н. э. (кизил-кобинская культура и тавры). Автореф. канд. дис. М., ИА АН СССР, 1975.
24. *Забнин С. И.* Находки каменного века в Крыму.– ИТУАК, 1918, № 54.

V. A. Kolotukhin

SURVEY OF PRE-SCYTHIAN AND SCYTHIAN CRIMEAN MONUMENTS

Summary

In 1977, the Crimean Archaeology Department of the Ukrainian Academy of Sciences' Institute of Archaeology conducted conservation excavations at Druzhnoye village and surveyed a group of monuments in the Tash-Djargan stow in the Simferopol Region.

The author discusses materials from five settlements, the earliest of them being at Fontany village (Fig. 1, 7). Its pottery is of clearly late framework-burial culture character and dates back to the 9th-early 8th centuries B. C. (Fig. 2, *3*). The next chronological period is represented by the settlements at Druzhnoye village and Tash-Djargan-2, their plastic pottery being analogous to the materials of the settlements of the Kizil-Koba culture at the Ashlama-Dere Gorge at Bakhchisarai and at the Kizil-Koba cave. These monuments can be dated to the mid-8th-first half of the 7th centuries B. C. on the basis of the finds (Figs. 5-7; 8, *1, 4, 5, 9*; 9, *6, 13-16*; 10, *9-26*).

The settlements Tash-Djargan-1 and in the Kholodnaya Balka are tentatively dated to the mid-7th-6-th centuries B. C., their ceramics have parallels among the materials from an early Taurian settlement at Simferopol (Figs. 8, *2, 3, 6, 7, 8, 10—15*; 9, *1-5, 7-12, 17-24*; 10, *27-41*).

Comparison of the materials (Fig. 10) suggests continuity of traditions in ceramic production and the leading role of the late framework-burial culture elements in the formation of the Kizil-Koba culture.

СМИРНОВ К. Ф.

«АМАЗОНКА» IV ВЕКА ДО Н. Э. НА ДОНУ

Античная письменная традиция сохранила много сообщений о воинственных амазонках, якобы живших в Каппадокии (Малая Азия) в древности *. Все эти сведения считались легендарными до тех пор, пока не были проведены большие археологические работы по изучению савроматских и раннесарматских курганных погребений в степях Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI—IV вв. до н. э. Из сообщений Геродота и других античных авторов известно, что савроматы имели особые черты своей общественной жизни: их женщины были воинственны, наряду с мужчинами принимали участие в войнах и совершали жертвоприношения [Геродот. История, IV, 16, 17; Псевдо-Гиппократ. О воздухе, водах и местностях, 24]. Реальность этих «амазонских» черт, или «гинекократию» савроматов и ранних сарматов IV в. до н. э., впервые научно аргументировал Б. Н. Граков [1, с. 100]. Она выразилась не только в том, что среди женских савроматских и раннесарматских погребений Поволжья и Южного Приуралья довольно часто (до 20%) встречалось оружие (стрелы, редко копья и мечи), но главное и в том, что эти могилы содержали предметы жреческого культа (каменные переносные жертвенники, зеркала, туалетные ложечки, оформленные в зверином стиле, различные краски для расписывания и татуировки тела [2, с. 162—173; 192—213]. Большинство богатых погребений женщин-жриц обнаружено в Оренбуржье.

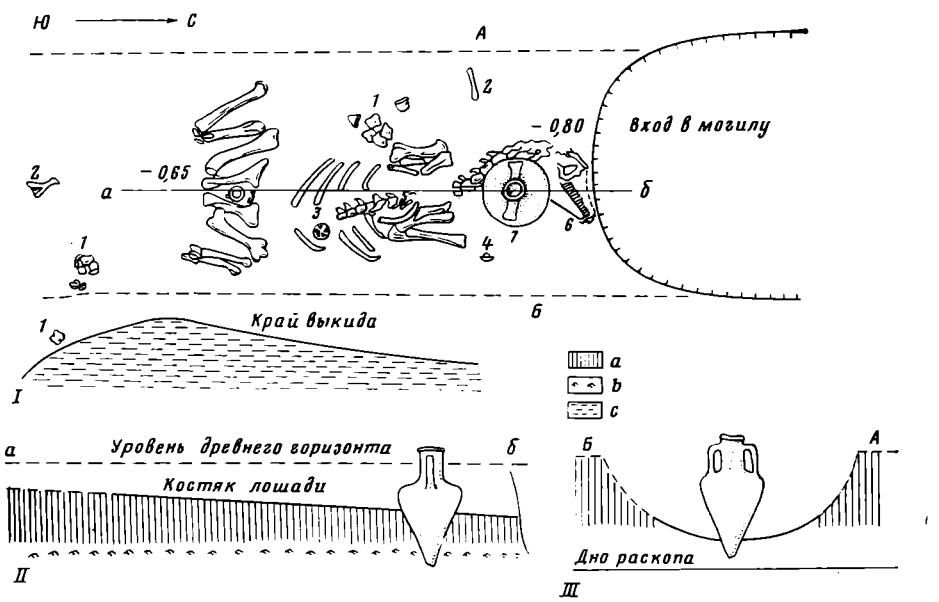


Рис. 1. План и профили дромоса кург. 4: I – план дромоса, II – продольный разрез нижней части дромоса; III – поперечный разрез нижней части дромоса; *a* – древнепочвенный слой, *b* – материк, *c* – выкид из могилы; *1* – обломки лепных сосудов; *2* – отдельные кости барана; *3* – бронзовая пряжка; *4* – бронзовые бляхи; *5* – обломок железного псалия; *6* – обломки железной пряжки от чумбура; *7* – синопская амфора

* Рукопись подготовлена к печати кандидатом исторических наук М. Г. Мошковой. Использованы материалы из архива автора, уточняющие некоторые положения статьи.— *Прим. редакции.*

Наиболее ярким погребением сарматской «амазонки» является погребение в круг. 4 у хут. Сладковского Тацинского р-на Ростовской обл., открытое в 1976 г. Азово-Донецкой экспедицией. Курган входил в довольно большую курганную группу, расположенную в междуречье Дона и Северского Донца. Небольшая насыпь высотой не более 40 см была сильно распахана. На ее поверхности были найдены обломки раннеэллинистической амфоры (часть венчика и ручки), остальная часть которой была затем обнаружена в самой могиле. Эта амфора и дала, прежде всего, возможность определить довольно точно дату захоронения. В кург. 4 оказалась богатая обширная могила с дромосом (рис. 1; 2). Яма имела почти прямоугольную форму с округлыми углами, а дромос шириной около 2 м подходил к ней с юга почти с основания (полы) кургана. Шедший наклонно в сторону могилы дромос был прослежен на длину более 3 м и у южной стенки ямы круто обрывался к ней двумя ступенями. Могила представляла собой семейный склеп (площадь 4,75×5 м, глубина от древнего горизонта 1,60 м), где последовательно, а практически в одно и то же время было захоронено несколько человек — взрослых и детей. Умерших заносили в этот склеп через дромос. Могила была покрыта мощным деревянным перекрытием, которое некогда выходило за ее пределы. Оно плохо сохранилось, но некоторые из плах еще уцелели на мощном выкиде вокруг могилы на расстоянии от 1 до 2 м от края могилы. А наиболее толстые плахи и бревна, лучше других сохранившиеся, упали на дно могилы в ее юго-восточной части. После того как были завершены захоронения в могиле, дромос был окончательно засыпан и в нем погребена лошадь (наверное, преднамеренно убитая) со сбруей, от которой уцелели металлические части — удила и обломок псалия из железа (плохо сохранившиеся), пряжка и две бляшки из бронзы (рис. 3, *1*, *2*; 4, *8*, *9*). В головах поставили синопскую амфору (рис. 5, *1*). Кроме того, на дне дромоса разбили, совершая тризну, несколько глиняных лепных горшков, один из них удалось реставрировать (рис. 3, *3*).

Сама могила была частично ограблена (в юго-западной части), и в грабительской яме было собрано много черепков от одной большой амфоры эллинистического времени неопределенного центра производства. Третья амфора того же времени стояла в юго-западном углу, врытая в землю (рис. 5, *2*) в головах погребенной женщины.

На дне неограбленной юго-восточной части могилы на интенсивной посыпке меловым порошком или размельченным мелом лежала взрослая женщина (костяк 1) [1] головой на юг, в свободной позе, со слегка расставленными руками и чуть согнутой в колене левой ногой (рис. 2), т. е. в обычной позе погребенных савроматов и сарматов.

В головах женщины рядом с амфорой находились кости хребта и ребро от разрубленной туши крупного барана. Здесь же лежали: железный нож, костяные конические пронизки (рис. 6, *5*, *6*) и большое бронзовое зеркало с плоской ручкой (рис. 7, *1*). На груди были серебряные серьги (рис. 6, *1*). Шею украшала серебряная витая гривна с напаянными на концах полыми фигурками хищников (рис. 8). На сохранившемся запястье правой руки был надет браслет из эллинистических бус, среди которых выделялись прозрачные бусы в виде амфорок (рис. 9, *1*). Грудь и ворот одежды погребенной были расшиты мелкими бусами, преимущественно желтого цвета, из непрозрачной пасты (рис. 9, *1*, *4*). При амазонке находился полный комплект вооружения. Около амфоры был воткнут в землю железный наконечник копья; второй массивный наконечник (длиной до 0,5 м) лежал вдоль южной стенки могилы (рис. 10).

Слева вдоль руки располагался железный меч с бронзовым плоским навершием длиной 73 см (рис. 5, *3*). У кисти правой руки был положен колчан, полный стрел с железными и бронзовыми наконечниками (рис. 4, *1*, *2*, *5*).

---

[1] Точное антропологическое определение сделал проф. А. А. Зубов по хорошо сохранившимся зубам, чему не противоречит весь погребальный инвентарь.

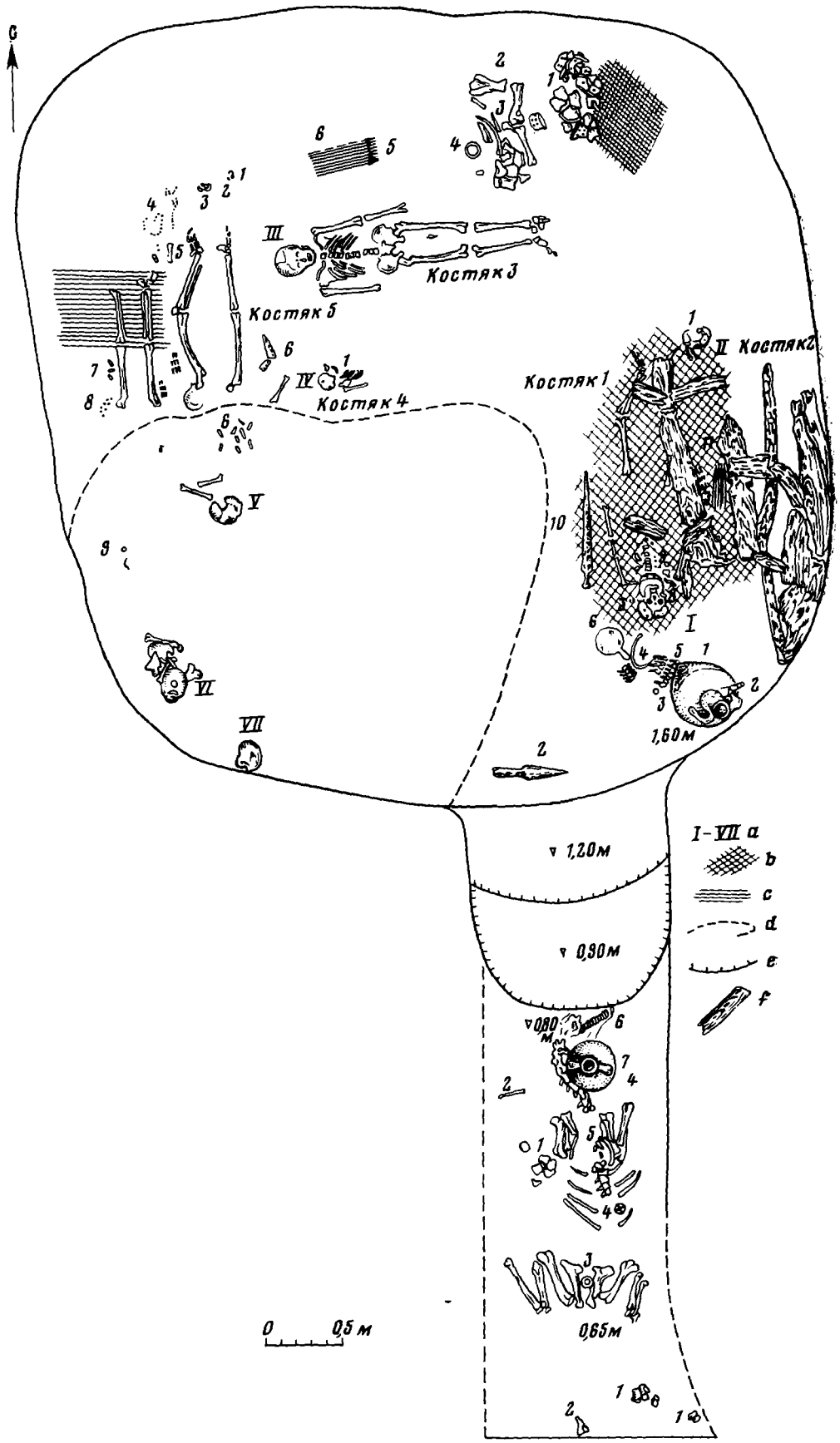

С
Костяк 1
Костяк 2
Костяк 3
Костяк 4
Костяк 5
I
II
III
IV
V
VI
VII
1,60м
1,20м
0,90м
0,80 м
0,65м
0 0,5 м
I–VII a
b
c
d
e
f

Рис. 2

На месте, где захоронена женщина, вероятно, несколько ранее был погребен подросток, часть костей скелета которого была затем аккуратно сложена в ногах женщины. Плохо сохранившийся череп лежал сверху (костяк № 2), а под ним была обнаружена крупная глазчатая бусина (рис. 9, *2*).

В северо-восточном углу могилы на меловой посыпке находился развал большого лепного сосуда, покрытого сплошь небрежными пальцевыми вдавлениями, характерными для многих сосудов савроматов Подонья и Поволжья (рис. 7, *2*, *3*). Рядом среди костей животных — железный ножик (рис. 6, *11*). Тут же, немного восточнее, лежали кости от расчлененной молодой лошади или жеребенка, а поблизости на меловой посыпке стоял деревянный кубок, украшенный золотой оковкой в виде схематической головы грифона и серебряными круглыми бляшками и бронзовыми оковками (рис. 6, *8—10*).

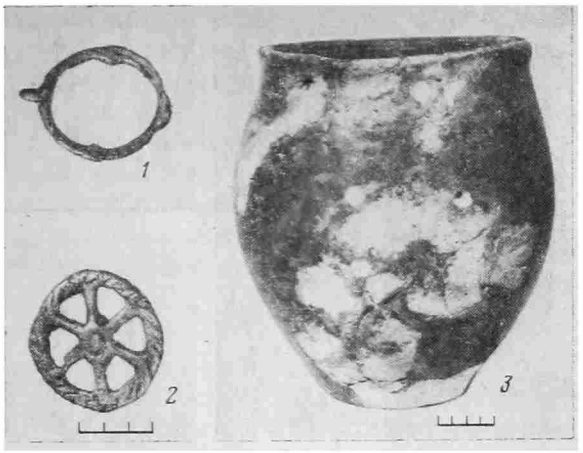


Рис. 3. Бронзовые детали уздечки и глиняный сосуд из дромосома: *1*, *2* – пряжка и бляха; *3* – лепной горшок

К югу от этого скопления вещей располагался костяк взрослого воина (костяк № 3), положенного вытянуто на спине, головой на запад. На правой части груди лежала цилиндрическая бусина-пронизка из черного стекла с белыми полосками (рис. 9, *3*). Между бедрами — бронзовый наконечник стрелы (рис. 4, *3*). Параллельно левой руке находился колчан со стрелами с железными втульчатыми наконечниками (рис. 4, *7*). Всего их было до 60 экз. С севера к колчану примыкал бронзовый колчанный крючок (рис. 4, *6*).

В 0,5 м к югу от костяка воина, почти в середине могилы, была обнаружена часть костяка ребенка (костяк № 4), может быть, девочки в стадии смены зубов. Сохранились in situ только левая часть грудной клетки с лопаткой и обломки черепа. Ребенок лежал на спине, головой на запад. На его шее была тонкая серебряная проволочная гривна.

Вдоль западной стенки, параллельно друг другу, находились два костяка взрослых людей, вероятно, мужчины и женщины, положенных вытянуто на спине, головой на юг (костяки № 5 и 6). Правый из них лежал на подстилке из коры, левый — на прутьях. Целиком сохранились лишь ноги, верхняя часть скелетов нарушена грабительской ямой, захватившей всю юго-западную часть могилы. У правого костяка (мужчины?) левая нога чуть согнута в колене, как у «амазонки», у левого — ноги лежали строго параллельно. Слева у стопы мужчины-воина находился плохой сохранности железный рюмкообразный вток копья. Справа от бедра найдены обломки клинка железного меча, остальные фрагменты разбросаны в беспорядке в районе грабительской ямы. У живота левого костяка (женщины?) найдена бронзовая усеченно-коническая граненая ворворка (рис. 6, *4а*) и две желтоватые бусинки, другие подобные же

Рис. 2. План могилы с дромосом в кург. 4. В дромосоме: *1* – обломки сосудов; *2* – кости барана; *3*, *4* – пряжка и бляхи; *5* – обломок псалия; *6* – обломки пряжек чумбура; *7* – амфора. В могиле при костяке № 1; *1* – амфора; *2* – наконечники копий; *3* – костяные пронизки; *4* – нож; *5* – кости барана; *6* – зеркало; *7* – серьги; *8* – гривна; *9* – бусы; *10* – меч; *11* – наконечники и древки стрел; при костяке № 2; *1* – глазчатая бусина; при костяке № 3; *1* – обломки сосуда; *2* – кости лошади; *3* – нож; *4* – деревянный кубок; *5* – стрелы; *6* – колчанный крючок; *7* – наконечник стрелы; *8* – бусина-пронизка; при костяке № 4: *1* – проволочная гривна; при костяках № 5 и 6: *1* – височная подвеска; *2* – кусочек антрацита – апотропей; *3* – раковина с краской; *4* – низка бус; *5* – вток от копья; *6* – обломки меча или копья; *7* – бляшки; *8* – бусы; *9* – ворворка; *а* – черепа погребенных; *b* – меловая посыпка; *с* – подстилка из прутьев; *d* – граница грабительской ямы; *е* – ступени дромоса; *f* – остатки дерева от перекрытия

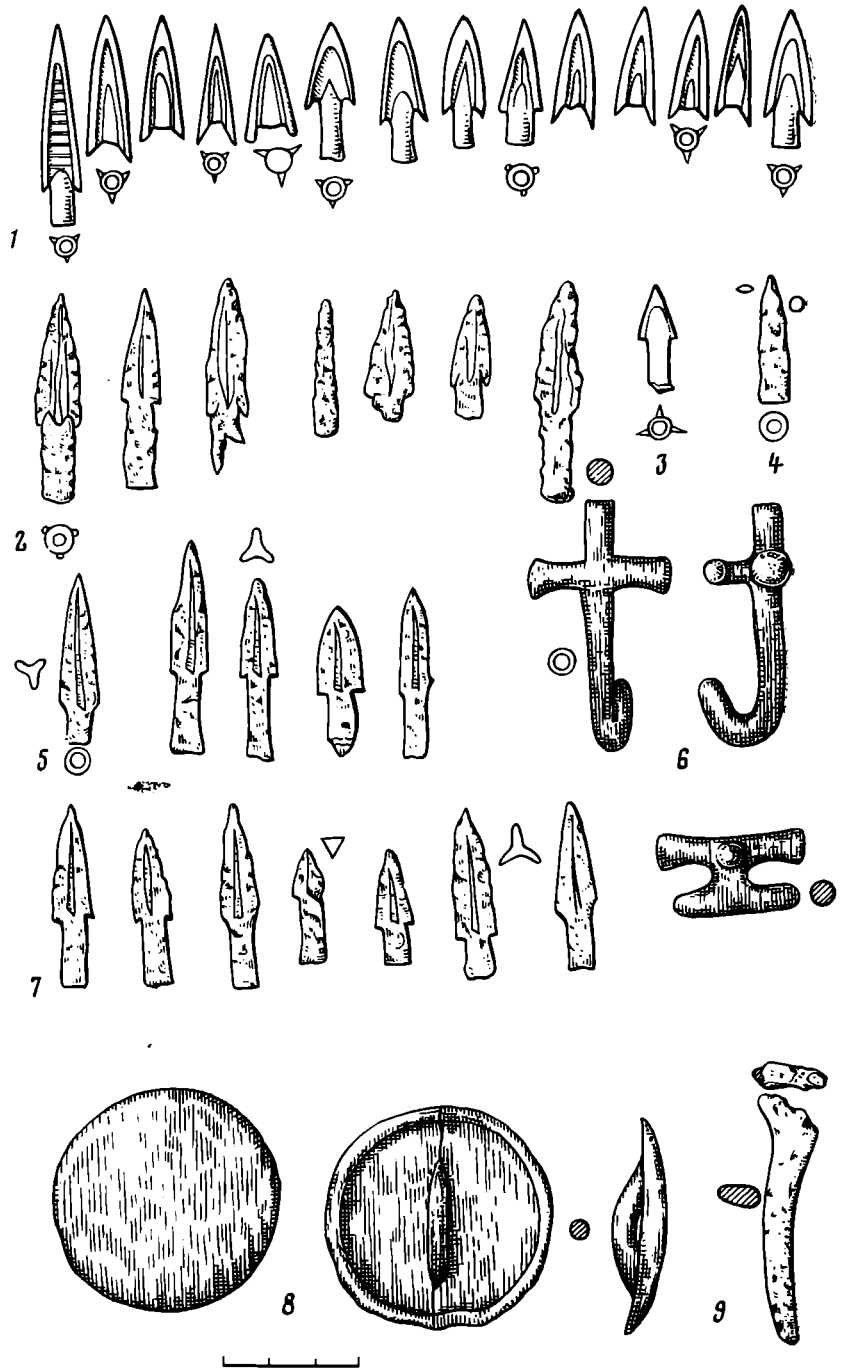


Рис. 4. Бронзовые и железные наконечники стрел, колчанный крючок, детали уздечки: *1*, *2*, *5* – костяк № 1; *3*, *6*, *7* – костяк № 3; *4* – разграбленная часть могилы; *8*, *9* – дромос. *1*, *3*, *6*, *8* – бронза, *2*, *4*, *5*, *7*, *9* – железо

бусинки найдены в районе левой кисти (желтые, белые, зеленые и голубые). Всего около этого костяка собрано более 40 подобных бусинок (рис. 9, *5*). Вдоль левого бедра женщины и в районе ограбления найдены 7 литых бронзовых двойных и тройных круглых бляшек с петлями на обороте (рис. 6, *7*). Ближе к западной стенке — бронзовая литая полусферическая ворворка (рис. 6, *4б*).

К югу от описанной пары костяков в районе ограбления найдена костяная полусферическая пронизка (рис. 6, *3*), темно-синие и зеленые мелкие бусы, обломки S-видной серебряной височной подвески (рис. 6, *2б*), фрагменты второй детской серебряной проволочной гривны (первая при костяке № 4) и железный втульчатый наконечник стрелы пулевидной формы (рис. 4, *4*).

В ногах погребенной пары обнаружено скопление мелких вещей, связанных, видимо, с захоронением грудного ребенка, кости которого не сохранились. Здесь найдено много (более 170) мелких бусин из желтоватой непрозрачной пасты (рис. 9, *6*). Они лежали in situ в виде низок в меридиональном направлении. Вероятно, бусами была расшита одежда ребенка. К востоку от них — меловой след или отпечаток какого-то истлевшего предмета, раковина с остатками красной краски, несколько мелких желтоватых бусинок, кусочек каменного угля — амулета и серебряная проволочная подвеска S-видной формы (рис. 6, *2а*).

В районе ограбления, где земля была очень твердой, кроме упомянутых вещей, найдены отдельные человеческие кости и четыре черепа. Особенно много костей, может быть от целого скелета, лежало на дне юго-западной части могилы. Среди них был и человеческий череп. Всего в этой коллективной могиле было захоронено не менее восьми человек, связанных, вероятно, семейными узами с «амазонкой».

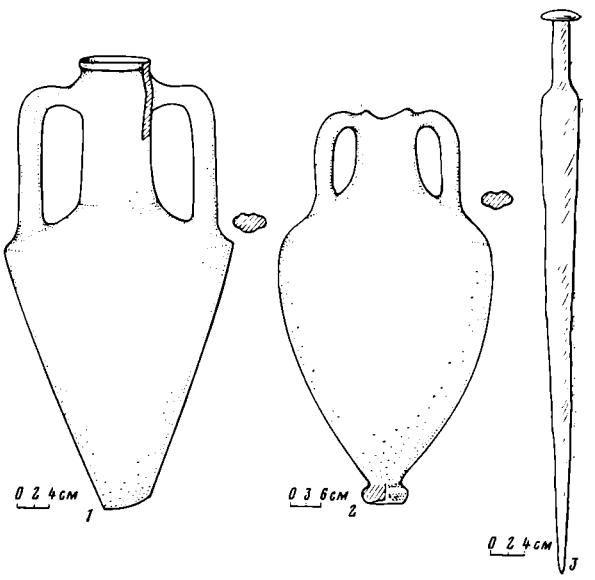


Рис. 5. Амфоры и железный меч. *2*, *3* – костяк № 1; *1* – дромос

Датировка этого кургана с захоронением амазонки весьма определенна — это IV в. до н. э., судя по всему вещевому комплексу этого кургана, и прежде всего по эллинистической синопской амфоре, стоящей в дромосе у головы лошади (рис. 5, 1). Она позволяет более точно подтвердить эту датировку. Совершенно аналогичные амфоры были найдены в богатом скифском (?) кургане 8-й группы «Пять братьев» Елизаветовского курганного могильника в устье Дона, близ Ростова-на-Дону. Эти амфоры убедительно датированы И. Б. Брашинским концом IV в. до н. э. [3, с. 178—189, рис. 4]. По последним данным И. Б. Брашинского, подобные амфоры скорее всего могут быть датированы третьей четвертью IV в. до н. э. Подобной дате не противоречит и весь остальной вещевой материал Сладковского кургана 4.

С достаточной определенностью можно говорить и об этнической принадлежности «амазонки» и других членов ее семьи (?), опираясь в первую очередь на письменные данные, а затем на погребальный обряд и основной погребальный инвентарь. Уже давно в степях правобережья Нижнего Дона жила и кочевала западная группа Геродотовых савроматов. Два античных автора, живших в IV в. до н. э., упоминают здесь сирматов. Этникон сирматы близок по своему звучанию с более употребительным в античных источниках племенным названием савроматы. Впервые он зафиксирован Эвдоксом из Книда, писавшим в 60-е годы IV в. до н. э. [4; 5, с. 24, 25]. Его труд до нас не дошел, но у Стефана Византийского сохранились отдельные его фрагменты в 1-й книге: «Вблизи Танаиса живут сирматы» [2]. В информации Эвдокса не указано, где точно размещались сирматы — на левом или правом берегу Танаиса.

[2] *От редакции*

Следует учитывать и возможность того, что этническое название «сирматы», встречающееся только у Евдокса (в передаче Стефана Византийского) и псевдо-Скилака, могло возникнуть в результате искажения наименования «сарматов» позднейшими переписчиками. В. В. Латышев специально обращал внимание на испорченность текста Стефана Византийского, в частности и в том месте, где упоминаются «спрматы». (См. Ποντικά. Спб., 1909, с. 137, 140).

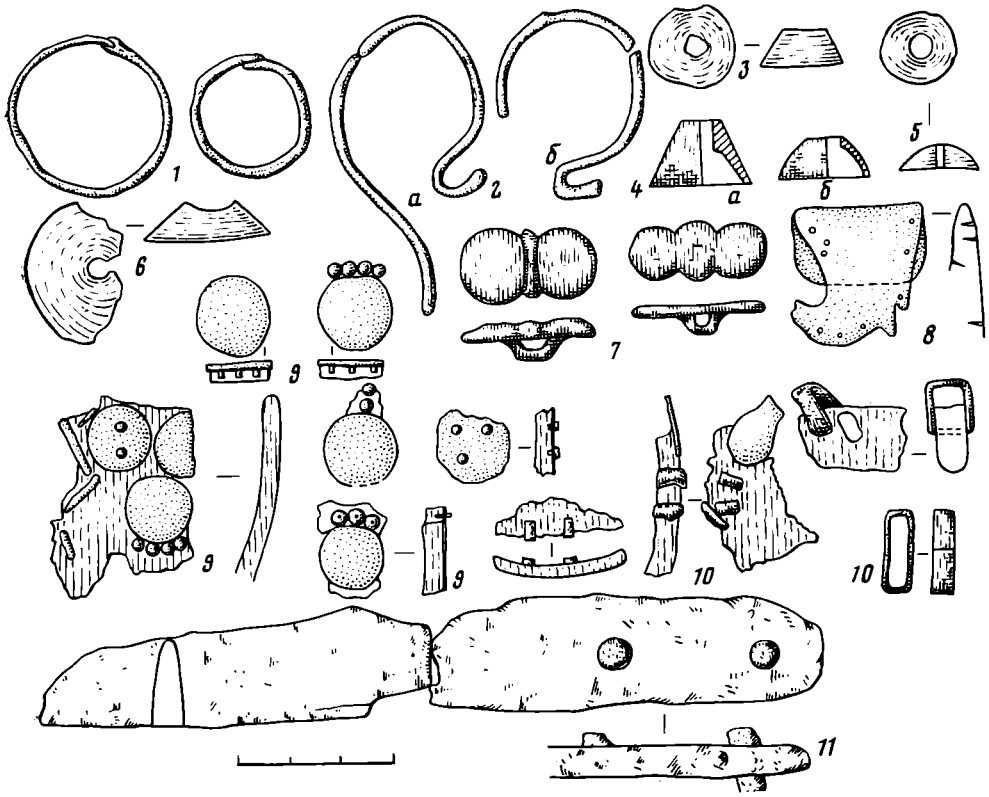


Рис. 6. Вещи из кург. 4: *1* – серьги; *2* – S-видные подвески; *3*, *5*, *6* – костяные пронизки; *4* – ворворки; *7* – литые бляшки; *8* – золотая оковка деревянного кубка; *9*, *10* – металлические детали деревянного кубка – бляшки, обоймы, скрепы; *11* – железный нож. *1*, *2*, *9* – серебро, *4*, *7*, *10* – бронза, *1*, *5*, *6* – костяк № 1; *4а*, *7* – костяк № 6; *2*, *3*, *4б* – в ногах и головах костяков № 5 и 6; *8–11* – костяк № 3

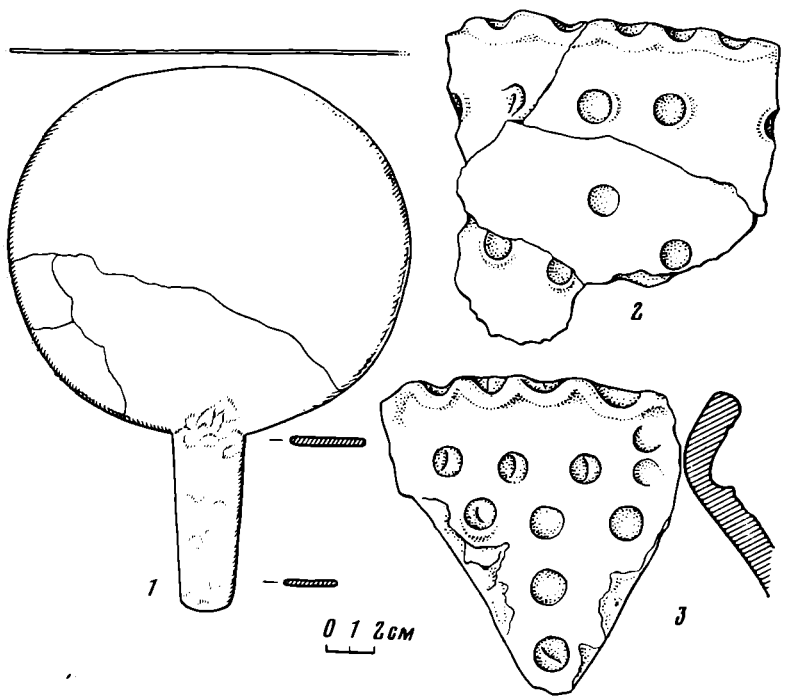


Рис. 7. Бронзовое зеркало и фрагменты лепного сосуда. *1* – костяк № 1; *2*, *3* – костяк № 3

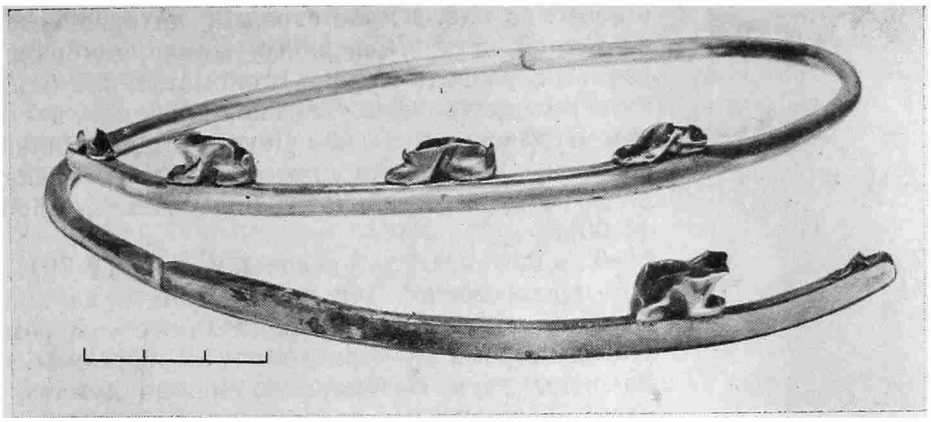


Рис. 8. Серебряная гривна, костяк № 1

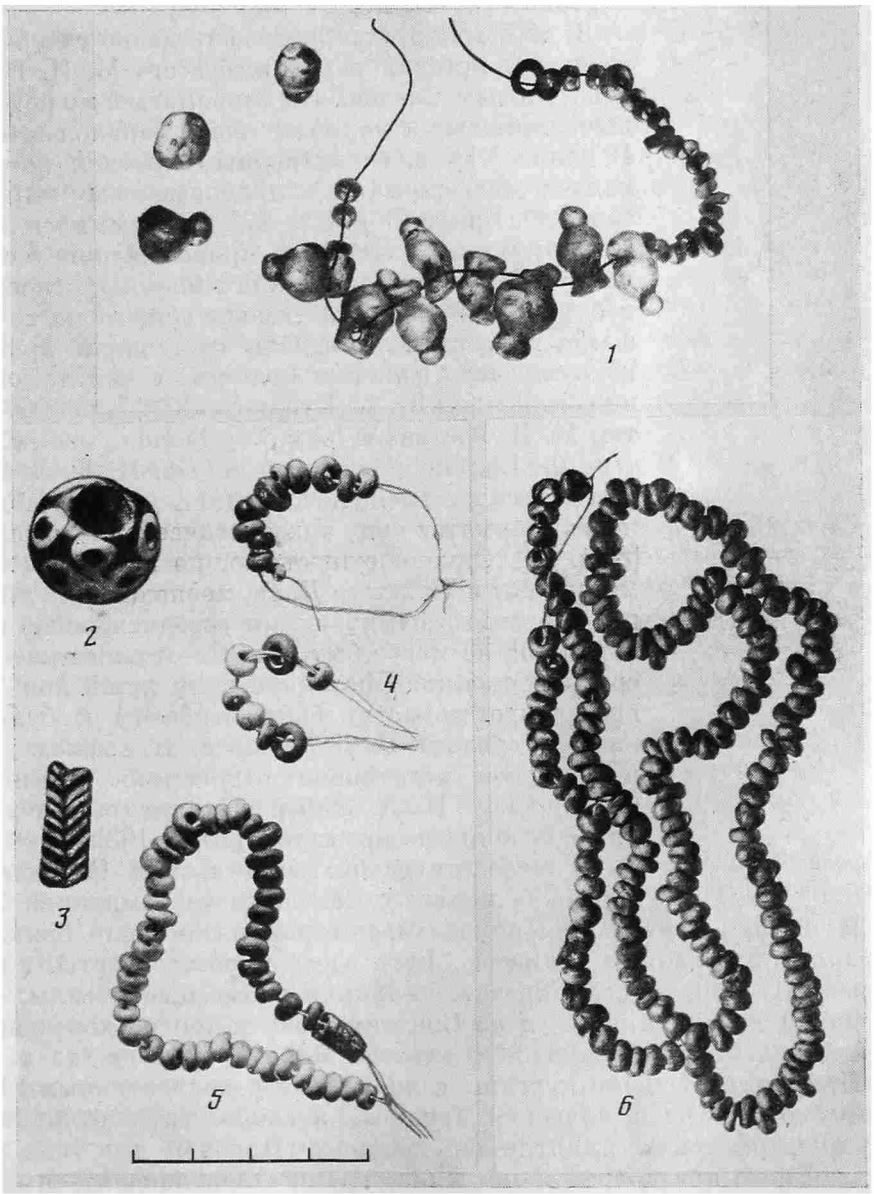


Рис. 9. Стеклянные и пастовые бусы из кургана № 4. *1*, *4* – костяк № 1; *2* – костяк № 2; *3* – костяк № 3; *5* – костяк № 6; *6* – в ногах костяков № 5 и 6

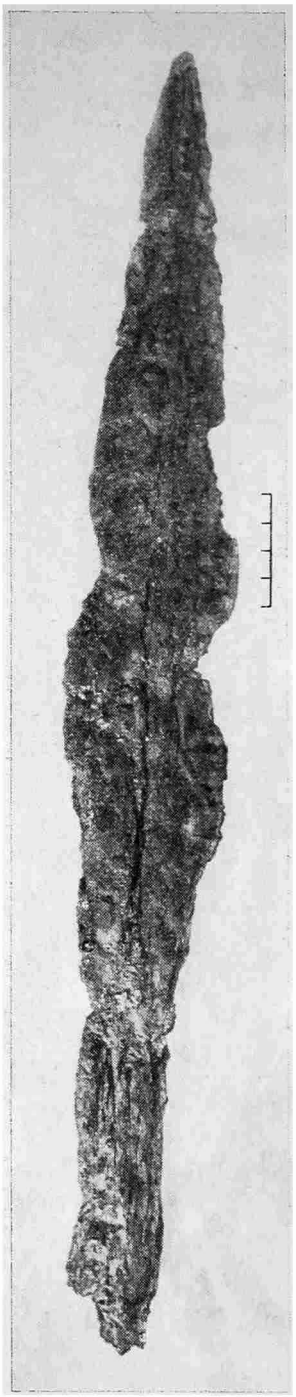


Рис. 10. Железный наконечник копья. Костяк № 1

Однако от младшего современника Эвдокса, псевдо-Скилака, перипл, которого был составлен в 338 г. до н. э. и ярко отражал интерес автора к восточной части Северного Причерноморья, мы узнаем в разделе Европа о сирматах как ближайших соседях скифов, видимо, живущих в Северном Приазовье западнее Дона. Псевдо-Скилак сообщает: «За скифами сирматы — народ и река Танаис, которая составляет границу Азии и Европы» (§ 68).

Тот же писатель несколько ниже (§ 70) говорит о савроматах: «От реки Танаиса начинается Азия, и первый народ ее на Понте — савроматы. Народ савроматов управляется женщинами». Судя по этим двум сообщениям, можно думать, что псевдо-Скилак не отождествлял савроматов и сирматов, если только эти сообщения не происходят из разных источников, что, впрочем, мало вероятно [5, с. 24, 25].

В сарматской историографии давно утвердилось мнение и историков (прежде всего М. И. Ростовцева), и языковедов, что савроматы и им родственные сирматы и сарматы были ираноязычными. В конце XIX в. единственным противником принадлежности сирматов к ираноязычному миру оказался Ф. Браун [6, с. 85—87]. Он стремился объяснить этноним Συρμάται происхождением с финно-угорского: сирматы, по его мнению, относились к будинам и ничего не имели общего ни со скифами, ни с сарматами. Они составляли крайнюю южную часть финских будинов, с чем тогда уже не соглашался Ю. А. Кулаковский [7, с. 500] и затем М. И. Ростовцев [5, с. 26]. В наше время гипотезу Ф. Брауна поддержал только П. Д. Либеров, пытавшийся обосновать будинскую принадлежность сирматов на археологическом материале [8, с. 27]. Однако существующие археологические материалы с Нижнего Дона, проявляющие некоторое сходство с памятниками «среднедонской культуры» [9], не могут быть все же отождествлены со среднедонскими. Последние сами лишь под большим вопросом могут быть отнесены к будинам, как это считает П. Д. Либеров. Я высказал уже ранее свое негативное отношение к гипотезе Ф. Брауна — П. Д. Либерова, став на точку зрения большинства иранистов [10, с. 193].

С археологической точки зрения Сладковский курган более всего похож на те памятники IV в. до н. э. Поволжья и Южного Приуралья, которые несомненно принадлежат савроматам и ранним сарматам. Есть здесь и общие черты, известные на разных территориях Евразии, например дромосные могилы, которые встречаются и на Днепре, и на Среднем Дону и теперь довольно хорошо представлены в савромато-сарматском мире V—III вв. до н. э. в Южном Приуралье. Однако курганы с дромосами с коллективными захоронениями совсем не этнический признак, а скорее всего социальный. Среди раннесарматских памятников Нижнего Подонья как на левобережье, так и на правобережье последнее время стали появляться подобные памятники. Они еще не опубликованы. Кроме кург. 4 у хут. Сладковского сейчас уже известны такие же курганы IV в. до н. э. у пос. Шолоховского, у хут. Кащеевка (раскопки В. Е. Максименко, материалы не опубликованы), а на левом берегу Дона, в пределах Волгоградской обл.,—

у хут. Вертячего (материалы В. И. Мамонтова, не опубликованы). Набор вещей в последних аналогичен или даже тождествен вещам из дромосной могилы в кургане у хут. Сладковского и чуть более раннего по времени кургана у пос. Шолоховского. Во всех упомянутых курганах с дромосными могилами Нижнего Дона в остальном сказываются характерные савроматские и раннесарматские черты: меловые посыпки на дне могил, сочетание западной и южной ориентировок погребенных, некоторые позы погребенных, большие склады заупокойной пищи, состоящей из разрубленных туш лошади или барана, определенный набор вещей.

Что касается вещей, то в них ярко сочетаются признаки инвентаря соседних культур: ведь сирматы жили в непосредственной близости со скифами, родственным им населением устья Дона и вообще Приазовья: «меотами» по Геродоту (м. б. савроматами) и «будинами» Среднего Подонья. Последние, вероятно, в IV в. до н. э. были политически зависимы от савроматов-сирматов. В Сладковском кургане найдена серебряная гривна с фигурками животных (рис. 8), известная пока только в богатых «царских» курганах Нижнего Приднепровья. Среди прочих украшений местного донского производства из Сладковского кургана аналогичны скифским или среднедонским тонкие проволочные серьги, особенно в виде знака вопроса или S-видные, двойные и тройные бляшки с петлей на обороте, золотая оковка деревянного сосуда (рис. 6, *2*, *7*, *8*) и некоторые бронзовые бляхи и пряжка от конской сбруи (рис. 3, *1*, *2*; 4, *8*, *9*). Однако последние имеют наиболее точные аналогии именно в савромато-сарматском мире Поволжья и Приуралья. Так, например, золотая оковка кубка ближайшую аналогию имеет среди инвентаря «савроматского» кургана из Пятимаров I Оренбургской обл. [2, с. 317, рис. 24, 4]. А бронзовая пряжка от конской сбруи (рис. 3, 1) — наиболее типичный предмет среди бронзовых пряжек с неподвижным язычком ранних сарматов IV—II вв. до н. э. [11, с. 293—307, рис. 1, 5]. Панoплия «амазонки» весьма показательна. Копья (рис. 10) в них общие с копьями скифов Северного Причерноморья и меотов Прикубанья, но они стали хорошо известны у савроматов и ранних сарматов Подонья и Южного Приуралья. Найденный при «амазонке» меч (рис. 5, *3*) относится к так называемому типу синдо-меотских мечей [12, с. 279, рис. 5, *2—4*; с. 289, рис. 9, *9—13*; с. 306], широко распространенных особенно в меотском Прикубанье. Но они теперь хорошо известны и в раннесарматском мире от Дона до Оренбуржья и даже Башкирии.

Среди наконечников стрел Сладковского кургана (рис. 4) бронзовые наконечники характерны прежде всего для ранних сарматов [13, с. 77 сл., рис. 27, 28], особенно стрелы с валиками или нарезками на лопастях, хорошо известные в Южном Приуралье IV—III вв. до н. э. [14, с. 261, рис. 3, 7; с. 264].

Железные втульчатые наконечники стрел (рис. 4, *2*, *4*, *5*, *7*) вообще характерны для памятников IV—III вв. до н. э. Подонья, но начиная с IV в. они становятся типичны и для ранних сарматов этого района.

Бронзовое зеркало из Сладковского кургана (рис. 7, *1*) — одна из наиболее распространенных форм зеркал кочевников савромато-сарматского круга Поволжья и Приуралья [15, табл. 28, *1—7*; 16, табл. 27, *15*, *17—21*] и очень редко встречается у других народов Северного Причерноморья в IV в. до н. э.

Научный сотрудник Института археологии АН СССР Т. Б. Барцева произвела химический анализ вещей из Сладковского кургана 4 и пришла к интересному выводу: бронзовые наконечники стрел, зеркало, пряжка и бляхи имеют отличающийся от других вещей металл. Он по своему происхождению восточный (южноуральский), в то время как остальные металлические вещи отлиты из другого импортного металла (северокавказского и северопричерноморского металлургических центров).

Наконец, лепная посуда с рядами ямок из Сладковского кургана — характерный этнический признак (рис. 7, *2*, *3*). Такая керамика свойственна савроматскому миру вообще, а особенно савроматам Подонья и Нижнего Поволжья [2, рис. 61, *7*; 62, *2*, *4*, *6*; 63, *1—3*, *7*; 66, *3*, *4*, *10*;

17, с. 145, рис. 1, *1*]. Не только состав металла некоторых вещей, но и форма намекает на их савромато-сарматское происхождение. Это же подтверждают и ведущие черты погребального обряда.

Сладковский курган — один из интересных курганов, как будто подтверждающий савроматскую и раннесарматскую (сирматскую) гинекократию.

Для меня становится несомненным, что Сладковский курган и подобные ему памятники IV в. до н. э. в степном Донском правобережье относятся к сирматам Эвдокса и псевдо-Скилака. Это племя (племена) вышло из савроматского мира, но полностью отождествить их с савроматами я не могу. Это, вероятно, несколько иные ираноязычные племена, пришедшие с Востока, из степного Поволжья и даже, может быть, из Южного Приуралья, и сохранившие в своей среде яркие «амазонские» черты савроматов. Их мы назовем ранними сарматами, начавшими в IV в. до н. э. постепенно теснить Скифию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Граков Б. Н.* ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов).– ВДИ, 1947, № 3.
2. *Смирнов К. Ф.* Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964.
3. *Брашинский И. Б.* Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г.– СА, 1961, № 3.
4. *Müller C.* Geographi Graeci Minores. 1. Paris, 1889, XLIV.
5. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925.
6. *Браун Ф.* Разыскания в области гото-славянских отношений. Спб., 1899.
7. *Кулаковский Ю. А.* Рецензия на работу Брауна «Разыскания в области гото-славянских отношений».– ЖМНП, 1901, № 2.
8. *Либеров П. Д.* Савроматы ли сирматы? – В кн.: Население Среднего Дона в скифское время. М.: Наука, 1968.
9. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону.– САИ, вып. Д1-31. М., 1965.
10. *Смирнов К. Ф.* О начале проникновения сарматов в Скифию.– В кн.: Проблемы скифской археологии. М.: Наука, 1971.
11. *Мошкова М. Г.* Раннесарматские бронзовые пряжки – МИА, 1960, № 78.
12. *Смирнов К. Ф.* Меотский могильник у станицы Пашковской.– МИА, 1958, № 64.
13. *Мошкова М. Г.* О раннесарматских втульчатых стрелах.– КСИА АН СССР, 1962, № 89.
14. *Мошкова М. Г., Кушаев Г. В.* Сарматские памятники Западного Казахстана.– В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973.
15. *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и Южного Приуралья.– САИ, вып. Д1-9. М., 1963.
16. *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.– САИ, вып. Д1-10. М., 1963.
17. *Засецкая И. П., Маловицкая Л. Я.* Богатое савроматское погребение в Астраханской области.– СА, 1965, № 3.

K. F. Smirnov

A 4th-CENTURY AMAZON FROM THE DON

Summary

The article describes an interesting burial in a 4th-century B. C. passage grave found in the region between the Don and the Seversky Donets rivers at the village Sladkovsky of the Tatsinskiy District, Rostov Region. In the dromos there was a skeleton of a hourse, metal parts of its harness and a Sinop amphora at its head. The burial itself contained not less than eight successive burials, perhaps of members of one family, among which the most interesting one is an extended south-oriented burial of a woman—an Amazon—together with a set of armaments (spear, long sword and some arrows in a guiver), an amphora, a bronze mirror and various adornments such as a silver grivna, ear-rings, glass and paste beads which had formed a bracelet and a collar ornament.

The burial had been robbed, but not less than seven west- and south-oriented skeletons of grown-ups and children excluding the Amazon have been found. It also contained

a quiver with arrows and a bronze hook, an iron sword and an iron spearhead, beads, silver and bronze pendants, grivnas and bronze plaques. The grave goods date back to the second half of the 4th century B. C. They bear mixed Scythian and Budin features of the middle Don along with Sauromatan-early Sarmatian features characteristic of the Volga and even the south Ural regions. The early Sauromatan-early Sarmatian features are most vividly expressed in the burial custom: the passage grave, combination of western and southern orientations, the positions of the buried and a dismembered horse and a ram. This and similar burials on the right bank of the Don are dated to the period when according to Antique authors (Eudoxus of Cnidus and pseudo-Scilac) the region was populated by early Sarmatian tribes related, judging by archaeological data, to the Sauromates and whose culture included cultural elements of the nomads even from the South Urals.

ДАВЫДОВА А. В.

О СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ ПО ДАННЫМ ИВОЛГИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Иволгинский могильник был открыт в 1956 г. в 440 м к северо-востоку от одноименного городища на западном склоне песчаного всхолмления [1, с. 172] [1], примыкающего к левой надпойменной террасе старицы р. Селенги, на краю которой расположено и городище. У северо-западного края всхолмления протекает приток Селенги — речка Иволга, и, видимо, в древности могильник находился на мысу у впадения Иволги в Селенгу.

В 1956—1970 гг. за семь полевых сезонов экспедиция кафедры археологии Ленинградского государственного университета под руководством автора статьи исследовала здесь площадь почти в 8 тыс. м² (рис. 1), расположенную в юго-западной части песчаного всхолмления, где было открыто 216 грунтовых могил [2]. К северу пески продолжаются еще почти на 300—400 м, но границы могильника здесь пока неясны.

Подавляющее большинство раскопанных могил расположены компактной группой в западной части могильника. Здесь на площади в 3600 м² обнаружено 183 могилы; в восточной же половине на площади в 4400 м² открыто лишь 33 могилы (рис. 1). Правда, именно здесь поверхность могильника в некоторых местах повреждена выборками песка, и есть основания полагать, что при этом часть могил была разрушена, но установить их число сейчас уже невозможно.

План могильника достаточно четко показывает отсутствие каких-либо обособленных групп погребений. Можно выделить лишь пять пар могил, каждая из которых расположена впритык друг к другу: 134 и 138; 101 и 102; 120 и 119; 93 и 100; 189 и 190, но при этом они не образуют какой-либо особой группы. Каждая такая пара состоит из могилы мужчины и могилы женщины, а остальные мужские и женские погребения — а их подавляющее большинство — расположены врозь.

Всего же по данным раскопок в 216 могилах погребено 244 человека, из них взрослых 195, подростков и детей 49 [3] (табл. 1). В 189 могилах (из 216 исследованных) были одиночные погребения (158 могил взрослых и 32 детских), в 26 могилах обнаружены останки двух или трех человек, из них в 18 могилах находились останки взрослых и детей, а в 8 могилах — останки только взрослых (табл. 2).

Ориентировка могил. Могилы ориентированы неодинаково (рис. 1). Подсчеты (рис. 2) позволяют выделить две основные группы ориентировки могил: 1) северную и 2) восточную [4] при явном численном

[1] Здесь и ранее встречался подъемный материал (Г. П. Сосновский. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 42, д. 225).

[2] Могилы не имеют внешних признаков, но, видимо, в древности такие признаки были, иначе трудно объяснить, каким образом древние грабители безошибочно находили не только место каждой могилы, но и точно знали, каким образом внутри них был расположен покойник: из 216 раскопанных могил не тронуто только 16, причем многие могилы потревожены лишь в головной части, т. е. там, где находился наиболее ценный погребальный инвентарь.

[3] Следует отметить исключительную разрушенность могил. Особенно же плохо сохранился антропологический материал, поэтому приводимые цифры отражают только то его количество, которое поддается определению; случаи, не поддающиеся определению, будут оговариваться особо.

[4] В основные группы включены все варианты: в 1-ю — север, северо-восток, северо — северо-восток, северо-запад, северо — северо-запад; во 2-ю — восток, юго-восток, юго — юго-восток, восток — юго-восток, восток — северо-восток.

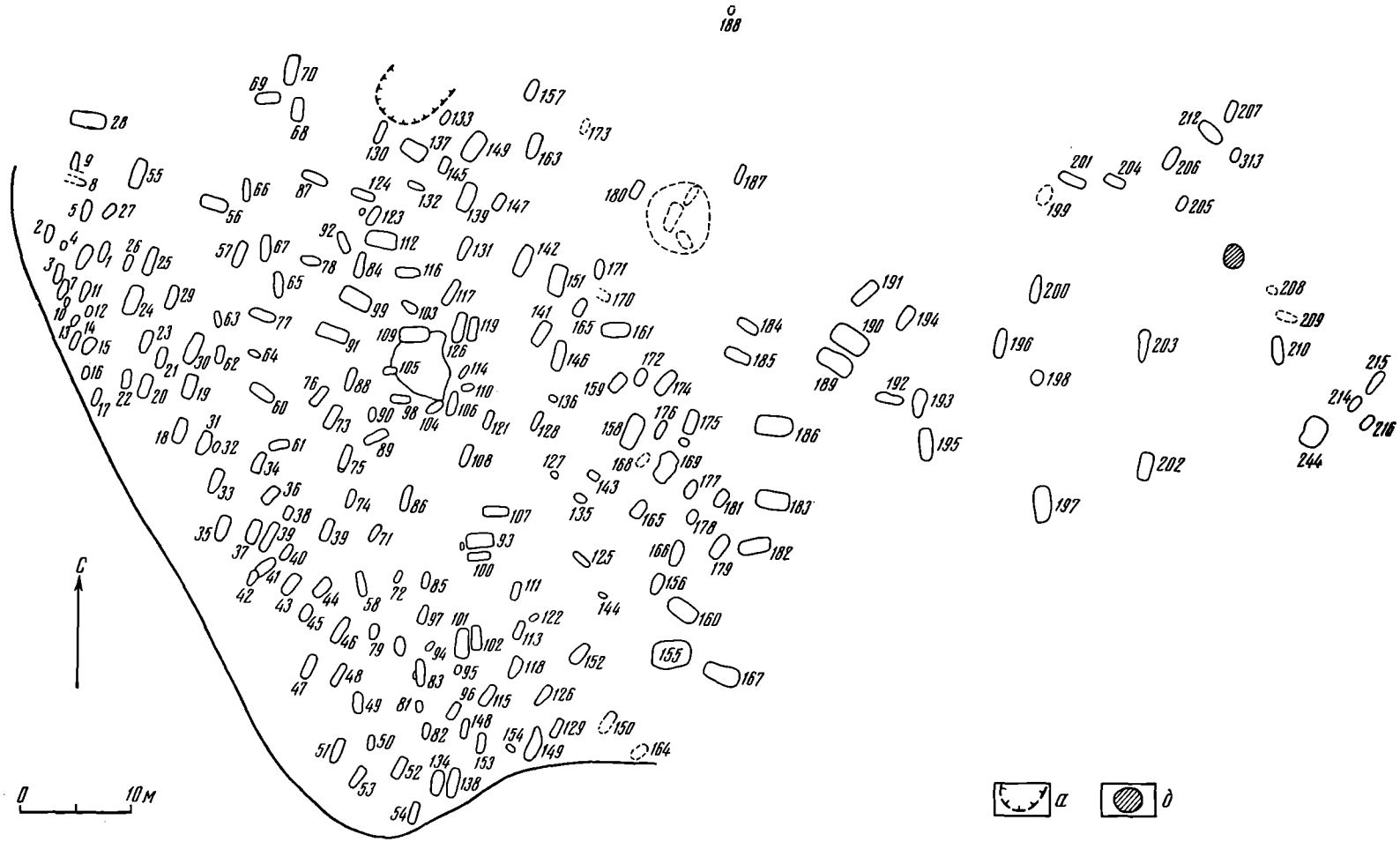


Рис. 1. Общий план Иволгинского могильника: *а* – иск. выбор грунта; *б* – черное гумусированное пятно

ДАВЫДОВА А. В.

О СОЦИАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬЯ ПО ДАННЫМ ИВОЛГИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Иволгинский могильник был открыт в 1956 г. в 440 м к северо-востоку от одноименного городища на западном склоне песчаного всхолмления [1, с. 172] [1], примыкающего к левой надпойменной террасе старицы р. Селенги, на краю которой расположено и городище. У северо-западного края всхолмления протекает приток Селенги — речка Иволга, и, видимо, в древности могильник находился на мысу у впадения Иволги в Селенгу.

В 1956—1970 гг. за семь полевых сезонов экспедиция кафедры археологии Ленинградского государственного университета под руководством автора статьи исследовала здесь площадь почти в 8 тыс. м² (рис. 1), расположенную в юго-западной части песчаного всхолмления, где было открыто 216 грунтовых могил [2]. К северу пески продолжаются еще почти на 300—400 м, но границы могильника здесь пока неясны.

Подавляющее большинство раскопанных могил расположены компактной группой в западной части могильника. Здесь на площади в 3600 м² обнаружено 183 могилы; в восточной же половине на площади в 4400 м² открыто лишь 33 могилы (рис. 1). Правда, именно здесь поверхность могильника в некоторых местах повреждена выборками песка, и есть основания полагать, что при этом часть могил была разрушена, но установить их число сейчас уже невозможно.

План могильника достаточно четко показывает отсутствие каких-либо обособленных групп погребений. Можно выделить лишь пять пар могил, каждая из которых расположена впритык друг к другу: 134 и 138; 101 и 102; 120 и 119; 93 и 100; 189 и 190, но при этом они не образуют какой-либо особой группы. Каждая такая пара состоит из могилы мужчины и могилы женщины, а остальные мужские и женские погребения — а их подавляющее большинство — расположены врозь.

Всего же по данным раскопок в 216 могилах погребено 244 человека, из них взрослых 195, подростков и детей 49 [3] (табл. 1). В 189 могилах (из 216 исследованных) были одиночные погребения (158 могил взрослых и 32 детских), в 26 могилах обнаружены останки двух или трех человек, из них в 18 могилах находились останки взрослых и детей, а в 8 могилах — останки только взрослых (табл. 2).

Ориентировка могил. Могилы ориентированы неодинаково (рис. 1). Подсчеты (рис. 2) позволяют выделить две основные группы ориентировки могил: 1) северную и 2) восточную [4] при явном численном

[1] Здесь и ранее встречался подъемный материал (Г. П. Сосновский. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 42, д. 225).

[2] Могилы не имеют внешних признаков, но, видимо, в древности такие признаки были, иначе трудно объяснить, каким образом древние грабители безошибочно находили не только место каждой могилы, но и точно знали, каким образом внутри них был расположен покойник: из 216 раскопанных могил не тронуто только 16, причем многие могилы потревожены лишь в головной части, т. е. там, где находился наиболее ценный погребальный инвентарь.

[3] Следует отметить исключительную разрушенность могил. Особенно же плохо сохранился антропологический материал, поэтому приводимые цифры отражают только то его количество, которое поддается определению; случаи, не поддающиеся определению, будут оговариваться особо.

[4] В основные группы включены все варианты: в 1-ю — север, северо-восток, северо — северо-восток, северо-запад, северо — северо-запад; во 2-ю — восток, юго-восток, юго — юго-восток, восток — юго-восток, восток — северо-восток.

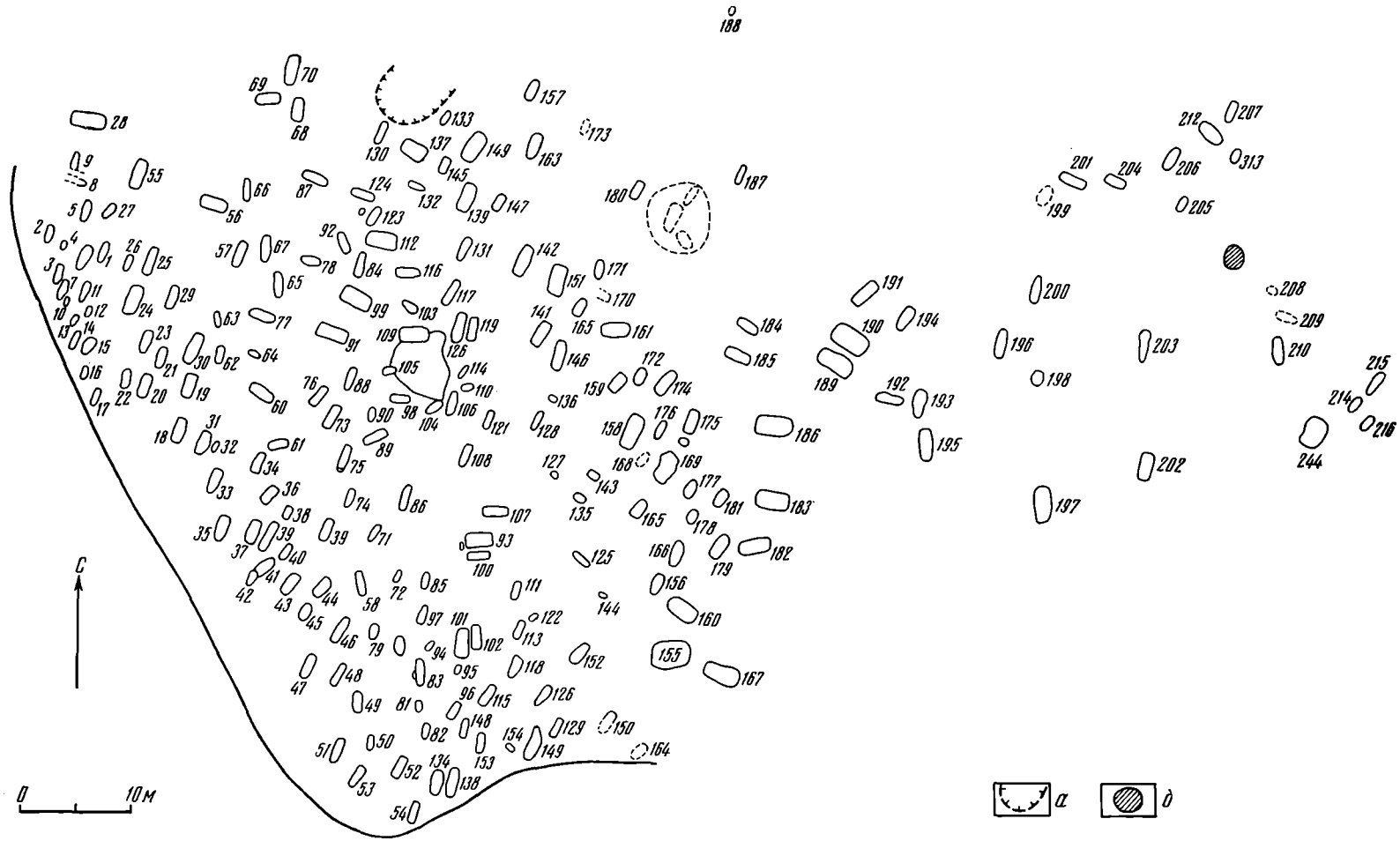


Рис. 1. Общий план Иволгинского могильника: *а* – иск. выбор грунта; *б* – черное гумусированное пятно

Таблица 1

Половозрастные определения [5]

	Общее число	Из общего числа			
					не определено по возрасту
Мужчин	39	14	5	–	20
Женщин	49	8	14	3	24
Не определено по полу и возрасту	107				

Таблица 2

Совместные погребения с детьми

Пол, возраст погребенных	Пол, возраст не определены	Количество случаев	Пол, возраст погребенных	Пол, возраст не определены	Количество случаев
Женщина Мужчина Ребенок –		2	Женщина – Ребенок (от 3 и до 7–8 лет)		4
Женщина Мужчина Ребенок –		2	Мужчина Ребенок (до 7 лет)		1
Женщина Мужчина Ребенок –		1		Взрослый Ребенок	8

Совместные погребения взрослых (без детей)

Пол, возраст погребенных	Пол, возраст не определены	Количество случаев
Женщина Мужчина –		6
	Двое взрослых	2

превосходстве первой. Исключением являются два случая южной и юго-западной ориентировки.

В детских могилах наблюдается то же соотношение двух основных направлений ориентировки: северная — 15 случаев, восточная — 6, западная — 2, не определено — 26.

Следует также обратить внимание на то, что ориентировка могил не влияет на их положение внутри могильника, на его площади не наблюдается особых групп с одинаковой ориентировкой могил (рис. 1).

Устройство могил и внутримогильных сооружений. Погребения совершались в ямах прямоугольной формы, вырытых в песчаном грунте, глубина их от 30 см до 2,55 м. Исключением являются семь погребенных, которые были положены не в яму, а на уровень древней дневной поверхности, видимо, лишь слегка присыпанные (они обнаружены на уровне погребенной почвы).

Исходя из особенностей внутримогильного сооружения и устройства могильной ямы, выделено семь разновидностей могил: 1 — гробы — сооружения из тонких досок, которые поставлены на дно могильной ямы. Сохраняются исключительно плохо и часто доходят только в виде древесного тлена; 2 — гробовища — сооружения из толстых, слегка подтесанных лесин. Как правило, сохраняются хорошо, что дает возможность

[5] Они сделаны И. И. Гохманом, которому автор выражает благодарность.

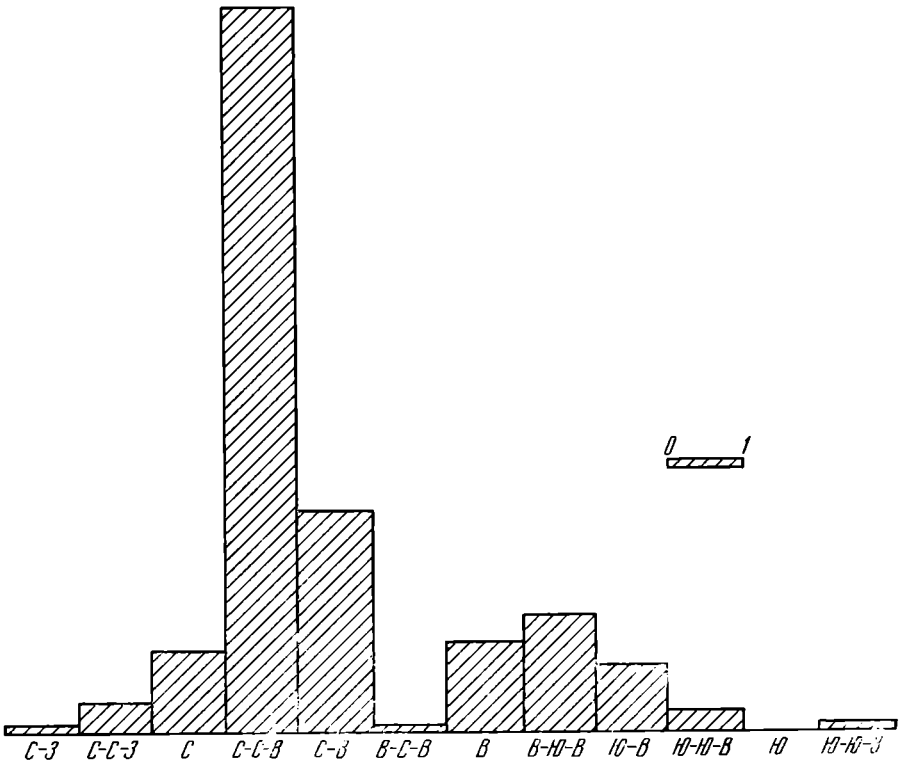


Рис. 2. Ориентировка могил (количественное соотношение)

проследить некоторые особенности конструкции и способ соединения сторон; 3 — двойная камера — название условно, а само сооружение представляет собою гробовище, внутри которого поставлен гроб; 4 — колода — выдолблена из единого ствола лиственницы; 5 — каменный ящик — сооружение прямоугольной формы, по краям обставленное стоящими на ребре, необработанными, но подобранными по размерам каменными плитами, поставленными на дно могильной ямы; 6 — погребение на дне грунтовой ямы, при отсутствии внутримогильного сооружения; 7 — погребение на уровне древней дневной поверхности без могильного сооружения.

Количественное соотношение выделенных разновидностей представлено на рис. 3. Преобладающим видом внутримогильных сооружений являются гробы, меньше гробовищ, а остальные виды сооружений относятся к исключениям из этих двух правил.

Ориентировка выделенных разновидностей могил. Распределение их по ориентировке показано на рис. 4. Подсчет показывает, что основной вид могильных сооружений — гробы — связан и с основным правилом ориентировки на север, исключения составляют примерно $^1/_8$ (восток и запад).

Второй по численности вид сооружений — гробовища — связан с восточной ориентировкой, хотя исключения имеются и здесь, они составляют примерно $^1/_3$ (север).

Остальные виды сооружений имеют тяготение к основной, северной ориентировке, меньшая же их часть ориентирована на восток.

Инвентарь могил. Судить об этой стороне погребального обряда крайне затруднительно, поскольку основная часть могил ограблена — из 216 раскопанных могил 200 грабленых. Это обстоятельство делает все рассуждения, основанные на таком фрагментарном материале, относительными, но в Восточной Сибири и все остальные могильники не в лучшем положении. Совершенно очевидно, что их надо копать целиком, тогда общая сумма материала до известной степени восполнит навсегда утраченное. При этом основным ориентиром, безусловно, должны служить нетронутые могилы. Иволгинский могильник раскопан не целиком, но, видимо, в значительной своей части, так что общие закономерности будут

устанавливаться на достаточно большом и представительном материале, тем более что 16 неграбленых могил представляют почти все их основные категории.

Погребальная практика предусматривала разницу погребального инвентаря для мужчин и женщин. В женских могилах обнаружены еда, одежда, орудия труда; в мужских — еда, оружие, одежда.

Разберем категории этих находок в отдельности. Еда состоит из пищи (или питья) в горшках и мяса, которые всегда помещают в головной части могилы, иногда отделяя ее деревянной перегородкой от покойника. Состав еды (или питья) в горшках выяснить не удалось, но цифровые колебания (количество горшков и их объемы) интересны: от 0 до 7 сосудов различной емкости в одной могиле. Наиболее частое (и среднее) положение — один-два сосуда в могиле.

Мясо. Использовалось мясо барана, коровы, свиньи, собаки. В качестве правила — мясо барана, в виде исключения — мясо свиньи и собаки. В 12 могилах обнаружены также кости рыб. Варьирует и количество мяса: обычно это — один или два куска баранины (боковина, хвостовая часть или нога); иногда — полное отсутствие мясной еды, либо ее изобилие: несколько кусков баранины, а к ним еще и мясо коровы.

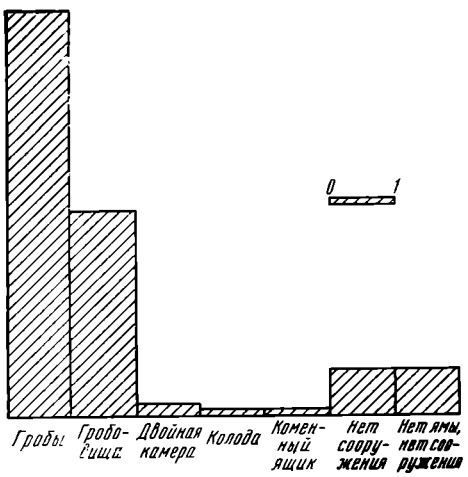


Рис. 3. Количественное соотношение внутримогильных сооружений

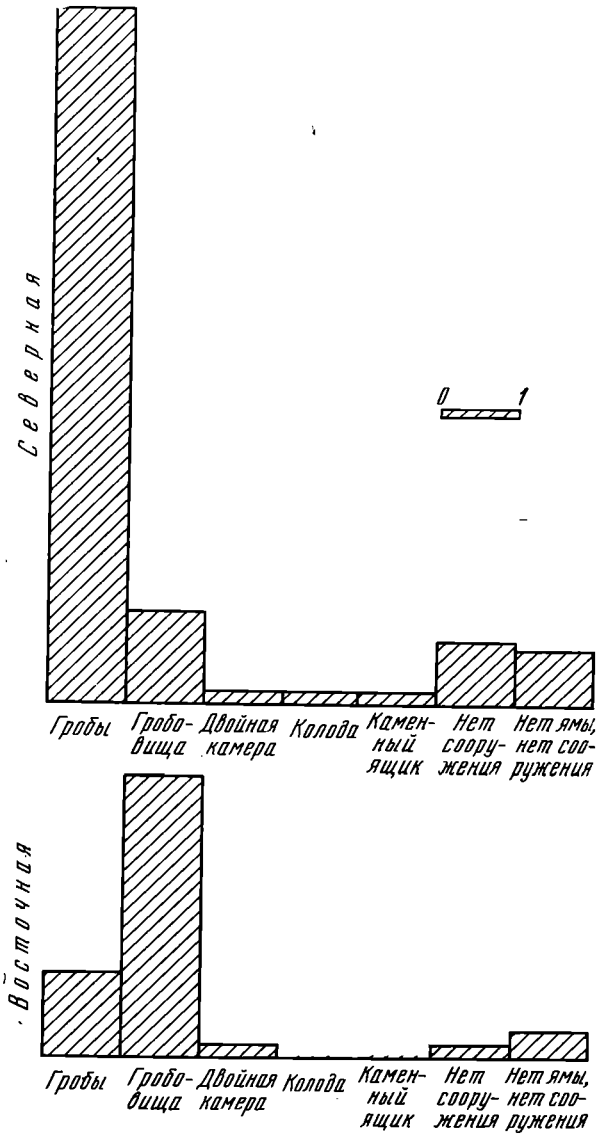


Рис. 4. Ориентировка внутримогильных сооружений (количественное соотношение)

Несомненно, что эта категория находок, т. е. количество и состав еды, положенной в могилу, является прямым выражением имущественной дифференциации погребенных.

Одежда. Переходя к рассмотрению этой категории находок, необходимо иметь в виду следующее: 1) от одежды сохраняются, как правило, только украшения и застежки-пуговицы, пряжки и т. п. предметы из неорганических материалов; 2) общеизвестно, что самой значимой частью одежды кочевых народов является пояс. К кожаной основе пояса при-

креплялись металлические пряжки, кольца, крючки, на которые мужчины подвешивали оружие (нож, кинжал, колчан со стрелами); а у женщин кроме пряжек подвешивались украшения и мешочки, типа кошельков, расшитые бусами и бисером.

Необходимо отметить также и еще одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, подчеркивает существенное значение пояса. Выше мы отмечали различные варианты в составе и количестве еды, положенной в могилу, и значение этой категории находок для выяснения имущественного положения погребенного; были отмечены случаи, когда покойника на тот свет отправляли без еды (что представляется явным нарушением одного из незыблемых правил погребальной практики), но в Иволгинском могильнике нет ни одного случая, когда бы погребенный не имел пояса, хотя бы и самого бедного. Таким образом, наличие пояса обязательно, состав же поясного набора варьирует. Разберем отдельно мужской и женский пояса с целью выяснения категорий их сложности.

Мужской пояс. Обязательной частью пояса являются железные пряжки, круглые или прямоугольные с язычком, а также железные кольца [6]. Самый жесткий минимум для пояса — две пряжки и два кольца из железа. Выделим этот минимум в 1 категорию (табл. 3). Каждую следующую, более сложную категорию будем определять по мере увеличения предметов поясного набора.

Во II категории количество пряжек и колец или остается на том же уровне, или может быть увеличено на одну единицу, но, кроме того, к поясу подвешивается нож [2, p. 235, fig. 16, *24—36*] и какие-либо предметы из кости и рога (кольцо, «игольник») [2, p. 230, fig. 11, *13*, *14*].

В III категории количество пряжек и колец доходит до трех-четырех, подвешивается нож или кинжал, костяные предметы могут быть или нет, но зато на поясе появляются бронзовые предметы: одно или два кольца и пуговицы с гладкой поверхностью [2, p. 237, fig. 17, *14—17*].

В IV категории — те же элементы, но пуговицы имеют несложный орнамент либо изображение морды животного.

В V категории кроме перечисленных предметов появляются ажурные бронзовые пряжки сложных форм, имеющие рельефные изображения в виде голов животных, типа найденных в мог. 120 [2, p. 243, fig. 19, 1].

Таким образом, несомненно, что набор предметов на поясе отражает степень материальной обеспеченности погребенного. Учитывая же то исключительное значение, которое пояс со всем его набором имеет в одежде кочевника, вероятно, что он также играет роль своеобразного паспорта, указывающего на общественное положение, общественный ранг его хозяина.

Оружие. К поясу мужчины, кроме того, подвешивается и оружие. Лук и колчан со стрелами — обязательная принадлежность вооружения мужчины. Все, что известно о сюнну из письменных источников (их исключительная воинственность, четкая военная организация, смерть за уклонение от службы в войске), убедительно говорит за то, что иначе и быть не могло. И тем не менее в Иволгинском могильнике обнаружены две нетрабленых мужских могилы, в которых оружия нет. В остальных могилах состав и количество оружия варьирует; отмечено три положения: 1) в могиле нет ни лука, ни стрел, 2) в могиле — часть лука — две концевых накладки [2, p. 231, fig. 12, *28*], стрел нет; 3) есть и лук, и стрелы.

Но помимо этого, отмечены различия мужских могил по набору стрел. Варианты: 1) только костяные стрелы [2, p. 231, fig. 12, *1*, *9*, *16—28*], 2) костяные и бронзовые [2, p. 237, fig. 17, *29—34*], 3) костяные и железные [2, p. 235, fig. 16, *46*].

Если сопоставить наборы стрел с категориями поясных наборов, то наборы с железными стрелами войдут в две высшие категории могил (т. е. IV и V, см. табл. 3). Наборы с костяными и бронзовыми окажутся в категории III, только костяные стрелы будут связаны со II категорией,

[6] Типы вещей см. в статье А. В. Давыдовой [2, p. 235, fig. 16, *1—5*].

Таблица 3

Категории мужского инвентаря

Категории	Пояс					Оружие	Еда	Глубина ямы, м
	железо	железо	кость	бронза	бронза			
I	2 пряжки 2 кольца	–	–	–	–	1) Нет 2) Часть лука, стрел нет	–	–
II	То же + еще	Нож	+	–	–	Лук, стрелы из кости	1 сосуд	–0,95
III	То же + еще	Нож или кинжал	+ или –	Кольца, пуговицы без орнамента	–	Лук, стрелы из кости и бронзы	2 сосуда кости барана	–1,15 –1,25
IV	То же + еще	Нож + кинжал	+	Кольца, пуговицы с орнаментом или с изображением	–	Лук, стрелы из кости и железа	3–5 сосудов, кости барана	–1,55
V	То же + еще	То же	+	То же	Пряжки ажурные с изображением голов животных	Лук, стрелы из кости и железа	3–7 сосудов, кости барана, коровы Череп барана Иногда зерна злаков	–1,52 –1,67

а I, самая низшая категория, оружия не имеет.

Учитывая значение войны в обществе сюнну, превращенной ими в промысел, мы вправе полагать, что состав оружия — это признак, отражающий положение мужчины в войске, а следовательно, и в обществе. Наряду с этим материалы могильника показывают, что это положение прямым образом связано и со степенью материальной обеспеченности.

Обратимся к табл. 3, на которой рассмотренные категории погребального инвентаря — поясные наборы и наборы оружия — сопоставлены с другими признаками: количеством и составом еды, а также с глубиной могильной ямы.

В I категории еды нет. По мере же продвижения к категории V, высшей, и количество, и ассортимент еды увеличиваются (большее количество горшков и их объем, больше кусков мяса). На самой высокой ступени помимо явного изобилия еды появляются еще и немясные части туши: головы баранов, иногда рога косуль.

Черепа и рога животных обнаружены только в самых богатых могилах, но не во всех, а лишь в некоторых; можно поэтому предположить, что не мясная часть туши не только символизирует все животное, а еще одновременно служит каким-то особым знаком, которым отмечается высший ранг погребенного. Нелишне напомнить, что именно в таких могилах обнаружены также бронзовые украшения с изображениями в зверином стиле [2, p. 243, fig. 19, 1].

Глубина могильной ямы (табл. 3) находится в соответствии с указанными выше признаками: в I категории могильной ямы вообще нет, погребенные обнаружены на уровне древней дневной поверхности, по мере же продвижения к категории V глубина могильной ямы увеличивается, и в V категории она доходит почти до 2 м.

Суммируя изложенное, можно сказать, что такие признаки, как ассортимент и количество еды, поясные наборы, состав оружия, глубина мо-

гильной ямы, являются прямым выражением материального достатка погребенного, который, видимо, в свою очередь определял и его место на определенных ступенях общественной лестницы. По всем указанным признакам в мужских погребениях выделяются пять таких ступеней (табл. 3).

Женские погребения. Одежда и украшения.

Непременной принадлежностью женской одежды является пояс и украшения (подвески, бусы из различных материалов, кольца) [2, p. 238, fig. 18; 3, с. 100, рис. 6]. Женский пояс, как и мужской, в качестве обязательного компонента имел пряжку и кольцо из железа.

Ниже мы рассмотрим поясные наборы из неграбленых женских погребений и распределим их по степени сложности и количеству входящих в них предметов.

В I категорию, самую низшую, (табл. 4) попадает женская могила 102, на поясе погребенной там женщины не имелось пряжки, он состоял, видимо, только из войлочной или кожаной основы. Во II категорию попадает пояс с одной железной круглой пряжкой и одним железным кольцом.

В III категории оказывается пояс, в котором кроме этого жесткого минимума (одна пряжка и одно кольцо из железа) имеются также различного рода подвески (когтевидной формы, подвески-кольца из камня, подвески--монеты), а также мешочек или мешочки типа кошельков, расшитые бисером и бусами.

В IV категории пояс имел те же компоненты, что и в III категории (кроме монеты-подвески), но в большем количестве и, кроме того, еще и ряд бронзовых предметов: кольца, пуговицы со звериными изображениями [3, с. 98, рис. 5, 18, 19], и, главное, на таком

Таблица 4

Категории женского инвентаря

Категории	Пояс						Еда	Глубина ямы, м
	железо	бронза	бронза	бусы, подвески	«кошельки»	орудия труда	нижний пояс	
I	–	–	–	1 бусина	–	Нож	–	–	–1,35
II	1 пряжка 1 кольцо	–	–	2 подвески из бирюзы	–	–	–	2 сосуда, рыба	–1,32
III	То же	+ без орнамента пуговицы	–	1 подвеска из бирюзы, бисер – 33, бусы – 78 Из камня подвески, кольца	«Кошелек», расшитый бисером, бусами	– –	Пряжка из бронзы, напивки имитаций каури, бисера, бус	4 сосуда, ребра, нога барана	–1,67
IV	»	+ кольца	Пуговицы с зооморфными изображениями Бронзовые пластины-пряжки с изображением «борьбы зверей»	Из камня подвески, кольца в большом количестве 4 подвески из бирюзы, 96 бус и больше	То же	2 ножа, шило из железа, орудие из лопатки барана	То же	3 сосуда большого объема, позвонки барана Немясные части туши Череп барана на крышке гроба	–1,65

поясе имеются бронзовые большие ажурные пластины-пряжки с зооморфными изображениями [3, с. 96, рис. 2]. Следует добавить, что в двух высших категориях (III и IV) имелось два пояса: один на верхней одежде типа шубы или толстого халата, а второй пояс на нижней одежде, застежкой этому второму поясу служила маленькая бронзовая пряжка, кроме того, он был расшит раковинами каури или их имитациями, а также бисером и бусами [3, с. 99; рис. 5, *24, 29*, 16 (а)].

Четыре категории женских поясных наборов выделены в основном по четырем нерабленым могилам, и они, конечно, не исчерпывают многообразия имевшихся вариантов. Но совершенно очевидно, что этот недостаток не снимает факта проявления здесь той же, что и в мужских могилах, тенденции к многоступенчатому проявлению имущественной дифференциации.

Но необходимо отметить, что хотя тенденции здесь те же, однако выделенные признаки отражают не только разницу в имущественном достатке, но также и семейное положение женщины. Поэтому женские погребения не могут служить прямым индикатором для выявления имущественной дифференциации общества, и их необходимо рассматривать в комплексе с мужскими погребениями.

Заметим, что для решения поставленного выше вопроса, а также проблемы положения женщины в семье и обществе рассматриваемые четыре нерабленые могилы (100, 102, 138, 190) — хороший исходный материал, так как все четыре имеют парную с ними мужскую могилу.

Обратимся к табл. 4, где выделенные по поясным наборам четыре категории сопоставлены с другими признаками.

I категория — самая низшая, пояс без пряжек, еды в могиле нет, но могильная яма имеет глубину 1,35 м и погребенная лежит в гробе. Можно думать, что глубина могилы, наличие гроба — отражение материального положения лежащего рядом в парной с ней могиле мужчины, а бедный пояс и отсутствие еды — отражение положения погребенной женщины в семье, тем более что мужчина лежал в могиле не один, а с ребенком. Ребенка положили не женщине, а мужчине! Может быть, женщина, погребенная в мог. 102, не жена, а наложница? По инвентарю это, пожалуй, одна из самых бедных могил во всем могильнике. Но, обратив внимание на план могильника (рис. 1), увидим, что могила этой женщины занимает такое же полноправное положение, как и могилы богатых женщин (100, 119, 138).

II, III и IV категории женских погребений, как отмечено, связаны с мужскими погребениями (134, 101, 120, 93, 189), которые, хотя и ограблены, но по ряду сохранившихся признаков могут быть отнесены к самой высшей категории (мясо, много горшков, черепа животных, бронзовые предметы с зооморфными изображениями). И мы вправе ожидать, что рассматриваемые женские погребения должны отразить степень богатства погребенных рядом с ними мужчин.

Получается следующее: II категория имеет пояс с самым минимальным набором (одна пряжка и одно кольцо из железа), еда — не мясо, а рыба, зато сосуд не один, а два. Украшений немного, всего две подвески, правда, дорогих, привозных, из бирюзы (для сравнения: в ограбленном погр. 207 найдено 139 бус!). Семейное положение этой женщины неясно (жена, наложница?).

III и IV категории, видимо, не вызовут такого вопроса, здесь обнаружены богатые пояса, с массой украшений на верхней одежде, есть и пояса на нижней одежде, также с богатыми наборами. Как бы ни называть этих женщин, их семейное, правовое положение выше, чем у женщин I и II категорий.

Но между III и IV категориями есть существенная разница, видимо, связанная с различием их или семейного, или общественного положения. В IV категории есть признак, которым отмечены самые высшие ранги мужчин: в могилу положены немясные части туши и бронзовые пластины-пряжки с зооморфными изображениями и даже с изображением борьбы зверей [3, с. 96, рис. 2]. В мог. 100, где обнаружена пряжка с изо-

бражением борьбы двух тигров и дракона, череп барана лежал на крышке гроба, т. е. не там, где обычно клали пищу для покойника (на дне могилы в специальной хозяйственной части за головой покойника). На наш взгляд, череп барана в мог. 100 был положен как отличительный знак. Можно предположить, что женщина, отмеченная этим отличительным знаком, не только в семье играла большую роль, но и в обществе занимала какое-то особое положение, могла выполнять какие-то особые функции, тем более что это была пожилая женщина. Это предположение, видимо, можно подтвердить и характером бронзовых пластин-пряжек с изображением борьбы зверей [3, с. 101, 102]. Большинство исследователей связывают с ними функции особых отличительных знаков, но до сих пор никто не обратил внимания на то, что они найдены пока только в женских могилах (в Забайкалье по крайней мере это так). Безусловно, что это прежде всего связано с высокой ролью женщины в семье и обществе, но, как выше было показано, не каждой женщины, и в этом плане женские погребения являются достаточно четким социальным индикатором, хотя следует признать, что их анализ сопряжен с большими трудностями, чем анализ мужских погребений.

Детские погребения Иволгинского могильника (их 49) для того аспекта анализа, которому посвящена статья, не дают четко выраженной картины, поэтому ограничимся только самой общей их характеристикой.

Ориентировка детских могил, как и взрослых, отражает то же соотношение между северной и восточной ориентировкой, обычной для могильника в целом; а имеющиеся исключения— того же плана, который был отмечен для могил взрослых.

Детские могилы не имеют особого места на площади могильника, но погребальная практика при захоронении детей была иной. Она прежде всего учитывала возраст умерших. Детей до года хоронили даже не на общем кладбище, а под полом жилищ на поселении. От года до пяти лет хоронили на могильнике в глиняных сосудах, которые помещали на уровне дневной поверхности, видимо, лишь слегка присыпая их сверху. У головы погребенных обычно ставили маленькую глиняную кружку; у некоторых младенцев, видимо девочек, в области груди лежала бусинка. Детей подросткового возраста хоронили в гробах, которые помещали не в яму, а на дневную поверхность, еды им не полагалось, но пояс на одежде имелся.

Имущественная дифференциация, отмеченная нами для взрослых, имеет место и в детских могилах; видимо, общие тенденции здесь те же, но признаки менее четки; их аморфность и малое количество материала не дают возможности провести достоверный анализ.

Подводя итоги, следует еще раз отметить, что имеющийся материал фрагментарен из-за ограбленности могил, точный подсчет вариантов произвести невозможно, нельзя также выделенные нами категории представить и проверить на более солидных в количественном отношении сериях. Но при всей их относительности представляется исключительно интересной общая тенденция. Между крайними точками богатства и бедности есть две-три или более промежуточных ступеней, причем основная масса могил приходится именно на эти средние ступени. Этот вывод важен еще и потому, что в литературе о сюнну наличие в их обществе имущественной дифференциации раскрывается только как существование двух полюсов — богатых и бедных. Наиболее четко эта мысль выражена С. И. Руденко в его работе о Ноин-Уле [4, с. 70].

Но, как видно из материала Иволгинского могильника, кроме этих двух полюсов, имеется еще несколько ступеней между ними, а это, совершенно очевидно, позволяет отказаться от упрощенных представлений о характере имущественного расслоения, а в связи с этим и упрощенным представлением о строении общества сюнну. Во всей литературе о сюнну обычно противопоставляют знать сюнну и массу рядового населения. Но дело в том, что эта масса не однородна, она многолика, и эта многоликость выражает сложность имущественной, а наряду с ней, видимо, и общественной социальной лестницы сюнну.

Подводя итоги рассмотрению основных особенностей погребального обряда Иволгинского могильника и того, что он дает для понимания структуры самого общества, следует отметить, что такие археологические категории, как глубина могильной ямы, отсутствие или наличие внутримогильного сооружения, еда, одежда погребенных (в данном случае поясные наборы и украшения), состав оружия, прямым образом отражают имущественное положение покойника, а вместе с этим и вследствие этого и его положение в обществе. Все эти признаки, безусловно, надлежит рассматривать в комплексе, хотя наиболее показательны они в мужских могилах.

Есть и еще ряд археологических категорий, о которых мы пока говорили только в плане их констатации. В самом начале работы было отмечено, что могилы имеют ориентировку на север и восток (главные направления) и что основными типами внутримогильных сооружений являются гробы и гробовища, причем гробы тяготеют к северной, а гробовища — к восточной ориентировке. Мы вправе поставить вопрос, связаны ли эти основные типы внутримогильных сооружений с теми категориями, которые выше были выделены. Оказывается, нет. В любой категории есть и гробы, и гробовища, и оба направления ориентировки. Количественное соотношение внутри категорий, видимо, отражает их общее соотношение по могильнику.

Отсюда следует, что такие признаки погребального обряда Иволгинского могильника, как ориентировка могил и тип внутримогильного сооружения, не являются показателями имущественного и общественного положения погребенного. Не отражают они и хронологических различий.

Видимо, в этих признаках сказываются отличия этнического порядка, что не противоречит общему представлению о этнической неоднородности сюнну. Но для проверки такого предположения требуется прежде всего детальное исследование антропологического материала, сделать же это невозможно из-за фрагментарности и исключительно плохой сохранности костей человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сосновский Г. П.* Дэрестуйский могильник.– ПИДО, 1935, № 1, 2.
2. *Davydova A. V.* The Ivolga Gorodishche, a monument ot the Hiung-nu culture in the Trans-Baikal region.– AAH, 1968, № 20.
3. *Давыдова А. В.* К вопросу о хуннских художественных бронзах.– СА, 1971, № 1.
4. *Руденко С. И.* Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962.

A. V. Davydova

SOCIAL COMPOSITION OF THE TRANS-BAIKAL POPULATION AS EVIDENCED BY THE IVOLGA BURIAL GROUND

Summary

The article describes burial rites of the Ivolga Syunnu population (the Buryat ASSR) using materials from the Ivolga burial ground dating back to the 2nd-1st centuries B. C. From the 216 ground burials studied, the author has singled out two main orientations—northern and castern—and five variants of interburial constructions. Property and social differentiation is established through comparison of burial methods and grave furniture, which led the author to conclude that there were not only rich and poor burials as was generally accepted but that social stratification was much more complex.

РАХМАТУЛЛАЕВ И.

ЖИЛОЙ КВАРТАЛ ДРЕВНЕГО ГОРОДИЩА ПЕНДЖИКЕНТ

Широкие исследования жилых кварталов городища древнего Пенджикента были проведены О. Г. Большаковым, Б. Я. Стависким, Б. И. Маршаком, Е. В. Зеймалем [1, с. 88—21; 2, с. 121—182; 3, с. 182—244; 4, с. 244—265], В. И. Распоповой [5, с. 169—182]. Они показали, что каждый новый жилой квартал дает существенное дополнение к картине жизни раннесредневекового города. В частности, работы на объекте XXIII, в течение 10 лет проводившиеся Республиканским историко-краеведческим музеем им. А. Рудаки города Пенджикента в составе Пенджикентской экспедиции, дали новые материалы по вопросам социальной структуры городского населения. Эти материалы позволяют конкретизировать и частично уточнить те общие представления, которые сложились в науке о городе VII—VIII вв. в Средней Азии [6].

Наша группа работала к югу от улицы, идущей от храмов к цитадели (объект XXIII). Все помещения, вскрытые на данном объекте, четко делятся на отдельные группы или комплексы, охватывающие от 4 до 17 помещений. Каждый комплекс — это отдельный жилой дом. Принцип выделения комплексов из сплошного массива застройки заключается в том, что в один комплекс включаются все комнаты, связывающиеся между собою проемами и проходами, начиная с главного входа и кончая последним помещением. Каждый комплекс отделен от других глухими стенами. На объекте XXIII раскопано (включая раскопки 1978 г.), шесть комплексов (второй и шестой неполностью), которые состоят из жилых, хозяйственных, складских и парадных помещений (рис. 1). Частично сохранился и второй этаж, путь к которому шел по пандусам или лестницам.

Общая датировка раскопанных жилищ, как и вообще верхних слоев Пенджикента — вторая половина VII — 70-е годы VIII в. Однако в каждом конкретном случае удается установить более точные даты. На объекте XXIII прослеживаются те же синхронные горизонты, что и в остальных частях города [7, с. 9—12].

Первый комплекс состоит из группы помещений, расположенных в северо-восточной части объекта, в углу между крытым переулком и улицей. В комплекс входит три помещения (10, 10а, 35) первого этажа, остатки помещений второго этажа и лестница, ведущая к ним (рис. 2).

В этом комплексе, как и в других, отдельные стены свидетельствуют о совсем иной первоначальной планировке. Так, северная стена помещений 10, 10а показывает, что некогда здесь было одно большое помещение. Однако план жилища в целом прослеживается только со времени устройства двух помещений — 10 и 10а.

В этот момент в дом входили через помещение 35. Это помещение с алебастровой обмазкой и нишей не похоже на обычные вестибюли, в которые, как правило, выходила лестница, и скорее напоминает лавки базара.

Из помещения 10 шла лестница на второй этаж. Перекрытие было плоским. В восточной стене имелась глубокая арочная ниша, которая была расписана. В это время здесь была гостиная дома. Сохранился небольшой фрагмент живописи. Переулок, находившийся рядом, был перекрыт, и второй этаж над переулком мог относиться к тому же жилищу. Помещение 10а, видимо, жилое.

Однако в любом случае это самое маленькое из жилищ с росписями

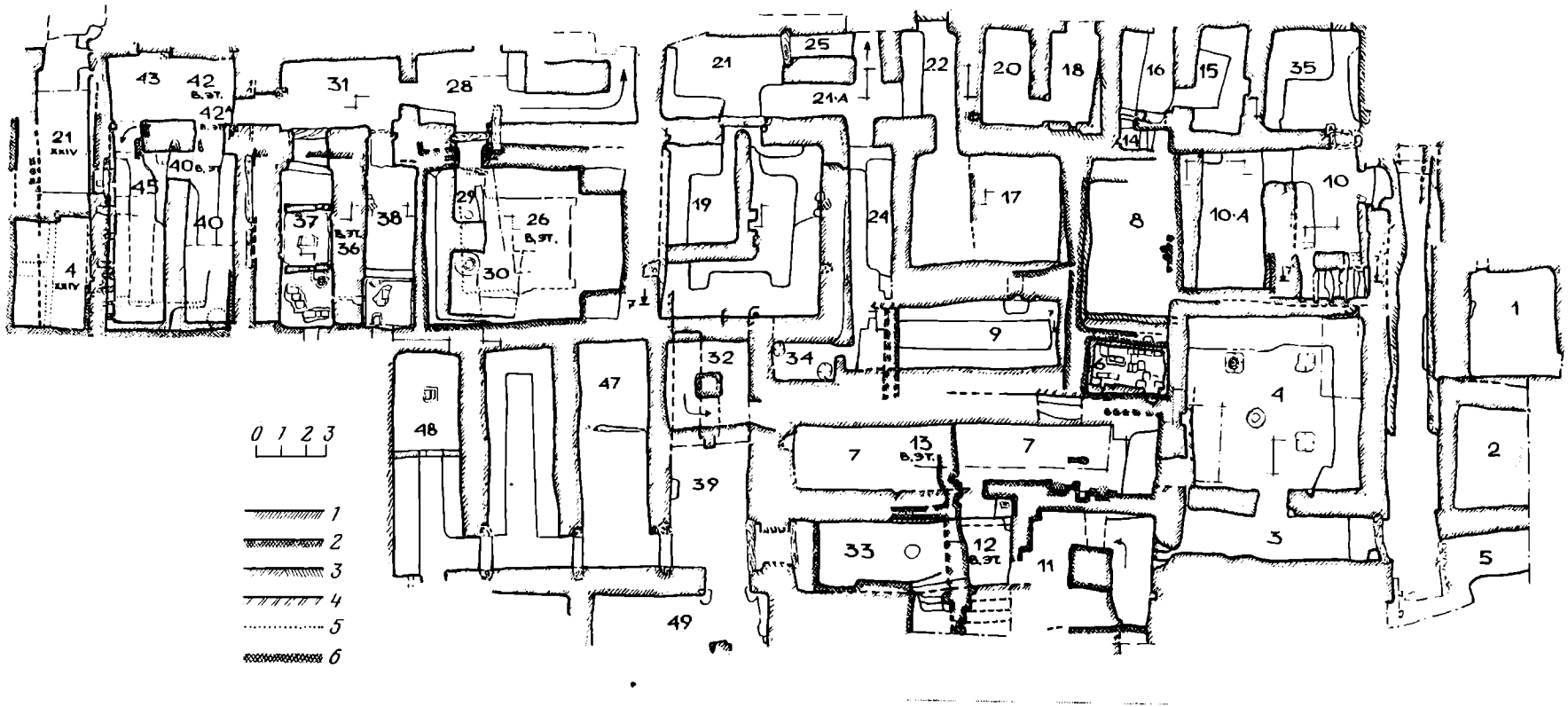


Рис. 1. Пенджикент. Объект XXIII. *1* – стены помещений первого этажа; *2* – стены помещений второго этажа; *3* – перестроенные стены помещений первого этажа; *4* – стены от зданий более раннего времени; *5* – суфы помещений второго этажа, расположенные над раскопанными помещениями первого этажа; *6* – очаги

в Пенджикенте. Площадь, занятая под жилище, около 75 м², а площадь комнат по первому этажу — около 38 м², что соответствует стандарту рядового дома конца VII — второй четверти VIII в., о котором писала В. И. Распопова [5, с. 176]. Единственное отличие — живопись. Надо отметить, что она была только в нише. Это показывает, что и некоторые рядовые горожане могли украшать свои дома росписями, хотя и в скромных масштабах.

Во втором периоде пол остается на прежнем уровне, но помещения 10 и 10а были переделаны в сводчатые. Проход в помещение 10 пробили через прежнюю нишу в переулок, а проход с улицы в помещение 35 заложили. В этот период помещение 10 служило вестибюлем, а с юга к нему примыкала лестница, которая вела на второй этаж. Этот второй период по монетам (Гурак, Бильге) [1] датируется первой четвертью VIII в.

Третий период наступает после разрушения помещения 10а, при постройке зала 4 (комплекса II). В это время в помещении 10, которое уже перестало быть жилым, нарастают слои гумуса.

Постройка зала 4 относится приблизительно к 740 г. Этим временем можно датировать использование помещения 10 для выброса мусора. Позднее поверх гумуса был устроен пол, над которым снова лежит зольник.

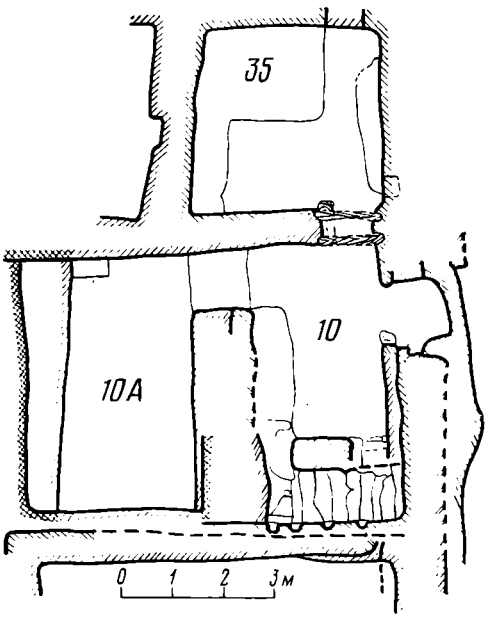


Рис. 2. План помещений I комплекса

Таким образом, расцвет жизни в этом доме приходится на конец VII и начало VIII в., а позднее, в 740—770 гг., одна из комнат лишь более или менее случайно использовалась жителями соседних домов.

Помещения второго комплекса (3, 4, 7, 11) исследованы неполностью (рис. 3). Первоначальный план его остается неясным в связи с перестройкой первого комплекса. Помещения 3 и 4 построены заново одновременно. Это произошло после 720 г., поскольку постройка новых стен зала 4 привела к разрушению помещений 8 и 10а соседних домов; эти помещения относятся к первой четверти VIII в. Вероятно, помещения 8 и 10а находились в запустении после событий 722 г., связанных с походом арабов на Пенджикент. Зал 4 имел колонны, но в нем не было ни живописи, ни резного дерева. Зал погиб от пожара, а после пожара он стал местом свалки. Мусорный слой датируется по фельсам 760—770 гг. Постройка зала относится к периоду между 722 и 760 гг., т. е. скорее всего ко времени восстановления города, которое в разных частях шахристана приходится приблизительно на 740-е годы [1, с. 119; 4, с. 258; 11, с. 178]. В соседнем помещении 3 жизнь продолжалась и в 760—770 гг. но проход был заложен и напротив него поставлен хум. При строительстве помещений 3 и 4 были проделаны проходы в помещение 11 (пандус) и в помещение 7, которое было построено раньше и сначала включалось в другой дом.

Помещение 33 имеет проход в помещение 11 (пандус) и в помещение 39, связанное с пандусом (пом. 32). Между тем одно жилище имеет, как правило, один пандус. Проход в пандус 11 был заложен, а проход в помещение 39 прорублен. По-видимому, помещение 33 сначала отно-

[1] Чтение имени правителя Пенджикента Бильге предложено В. А. Лившицем [8, с. 43—44; 9]. Раньше это имя читалось Бидйан [10, с. 102].

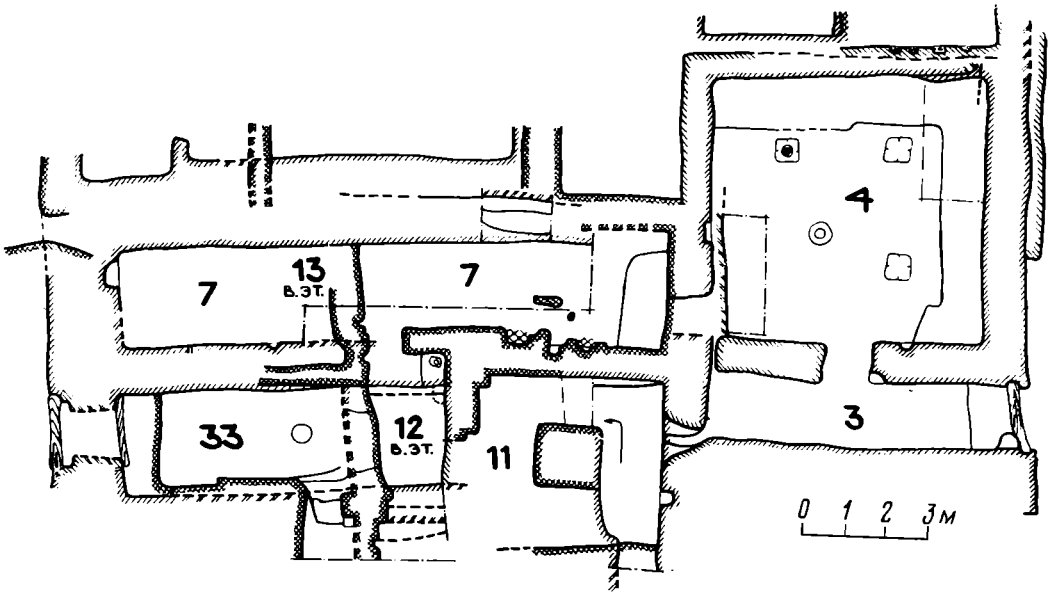


Рис. 3. План помещений II комплекса

сплось к одному жилищу, а потом к другому (VI комплекс), целиком еще не раскопанному. Помещение 7 (по первому этажу) относится ко второму комплексу, а во второй этаж над ним проходили по пандусу (пом. 32). Таким образом, мы наблюдаем раздел разных помещений дома между соседями.

Такие разделы наблюдались на соседнем XXIV объекте [12, с. 116], но там нет случаев, чтобы помещение первого этажа принадлежало одному соседу, а помещение второго этажа над ним — другому. На втором этаже помещение 7 представляло собой домашнюю капеллу с приставной нишей-алтарем, и стены его были украшены живописью. Позднее в очаге-алтаре был вырублен обычный бытовой очаг, а живопись заштукатурена. Аналогичные явления в 760—770 гг. наблюдаются и в других частях города [13, с. 94—96].

Помещения 32, 33, 39 (13а) несут следы сильного пожара. Это показывает, что раздел дома и прорубка прохода между помещением 39 и 44 произошли до пожара. Пол времени восстановления помещения 39 после пожара по монете Тургара, ставшего царем в 738 г., датируется не ранее 740-х годов. Возможно, что пожар относится еще к 722 г., и тогда передел произошел еще в первых десятилетиях VIII в. Однако дату пожара еще предстоит уточнить: он мог произойти и позднее, как в зале 4, поскольку жизнь в доме продолжалась и в 760—770-е годы (судя по фельсам в завале), а уровень пола более не поднимался.

Третий комплекс расположен к западу от помещений первого комплекса. Он также имеет отдельный вход со стороны улицы (рис. 4). Комплекс состоит из 4 помещений первого этажа (6, 8, 15, 16) и помещений второго этажа, связанных с первым этажом лестницей (пом. 14).

Помещение 6— специально оборудованное зернохранилище — относится к тому же дому. В нем пол и стены облицованы жженым кирпичом и обмазаны поверх кирпича ганчем. В помещении нет входа, но есть окно-продух в помещение 8 и остатки деревянной лестницы со второго этажа. На втором этаже над сводчатым помещением 8 был алтарь-очаг, в нижем этаже — кладовая. Помещение второго этажа имело жилое и отчасти культовое назначение.

Помещения 6 и 8 после 722 г. запустели. В помещениях 15, 16, и, возможно, на втором этаже над ними продолжали жить до 770-х годов, судя по находке фельса в помещение 16 на полу. Третий комплекс по

размеру соответствует другим жилищам рядовых горожан. Однако и его второй этаж был украшен росписью. В завале помещения 8 найдены фрагменты росписи черной и желтой краской по белому фону. Зернохранилище на 8—10 м² зерна явно превосходит объем домашней кладовой. Скорее это товарный склад. Комплекс III — дом торговца или землевладельца среднего достатка.

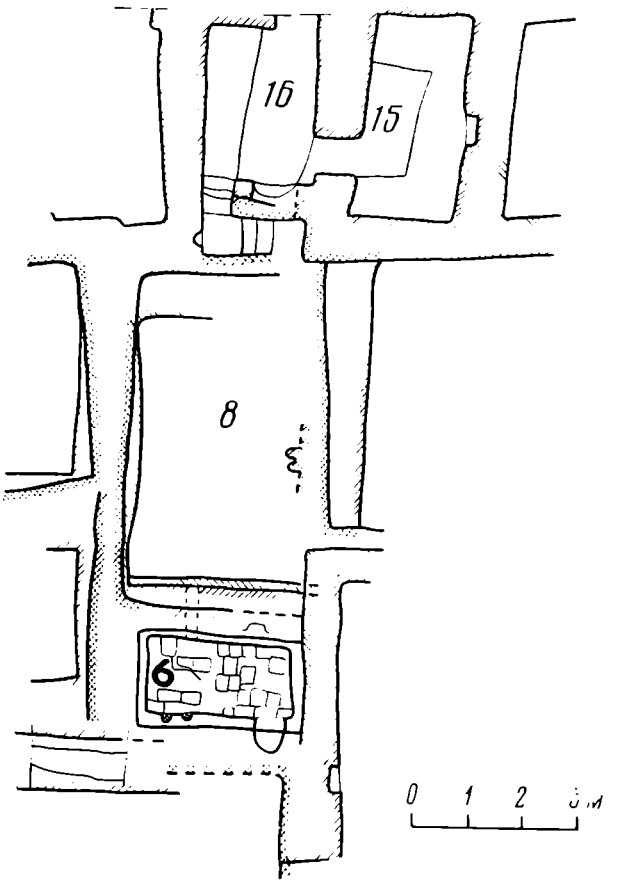


Рис. 4. План помещений III комплекса

Четвертый комплекс состоит из трех групп помещений (рис. 5). К первой группе относятся помещения 17, 22. Вход с улицы расположен в северной стене помещения 22. По южному проходу входили в две комнаты под помещением 17 второго этажа. В плане комплекса сводчатые помещения 18 и 20 составляют вторую группу и не связываются с помещениями 17 и 22, но имеют выход на улицу через помещение 18. На второй этаж над ними из этих помещений подняться нельзя. Во второй этаж попадали через пандус помещения 21а. Такие маленькие изолированные от дома ячейки из одной-двух комнат, как показали О. Г. Большаков [1, с. 106—114, 116] на объекте III и В. И. Распопова [14, с. 149; 15, с. 84] на объекте XVI, обычно были лавками или мастерскими, которые владельцами домов сдавались в аренду. В помещении 20 имеются следы балок от антресолей. Здесь был, видимо, склад.

В помещении 22 выход на улицу был заложен, при этом в него пробили новый проход из помещения 21а. Пол прохода оказался высоко над суфой помещения 22, так что он, вероятно, должен был быть снабжен деревянной лестницей. Помещения 17 и 22 первоначально представляли собой отдельное рядовое жилище, которое в результате перестройки было включено в обширный и богатый дом, основные комнаты которого составляют третью группу помещений четвертого комплекса.

Помещения третьей группы (9, 19, 21, 21а, 25, 24, 34) окружают помещения первой группы с запада и юга. В помещения второй группы входили через проход, расположенный в юго-восточном углу помещения 21. Причем последний связывал также помещения 19 и 21 через вытянутый с севера на юг коридор 24 с помещениями 9 и 34, расположенными в южной части комплекса. Пандус в помещении 21а ведет на второй этаж, остатки которого были обнаружены над помещениями 17 и 24.

В завале помещения 24 (второй этаж над помещением 24) был впервые найден золотой брактеат с арабской надписью. На лицевой стороне брактеата изображен бюст царя в крылатой короне [13, с. 102, рис. 2]. Надпись прочитана А. М. Беленицким: справа от бюста — «надежда моя на Аллаха», слева от бюста слово «благославление». Вес брактеата 1,15 г.

Центральным помещением этой группы было помещение 19. Оно представляет собой парадный, квадратный в плане зал размером 6,2×6,30 м

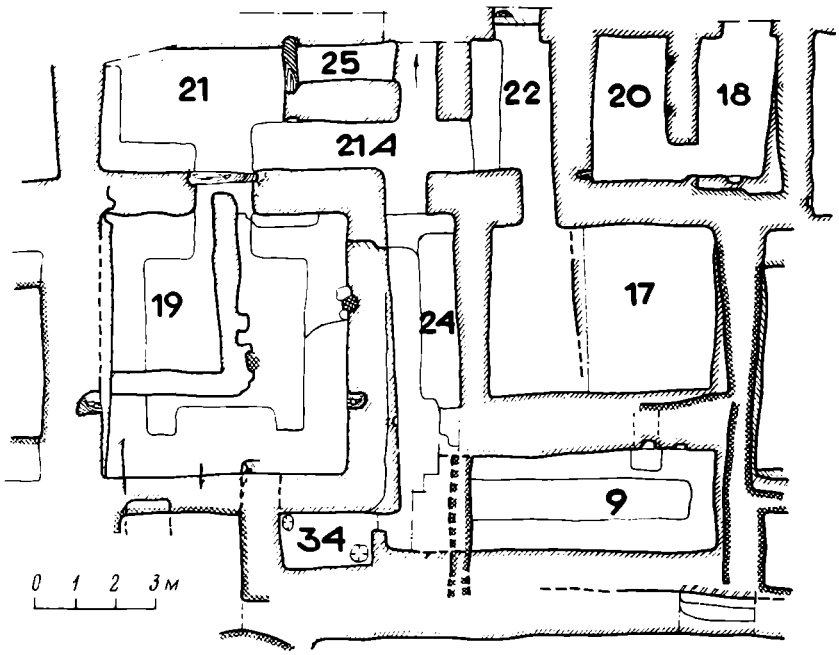


Рис. 5. План помещений IV комплекса

с суфами вдоль всех стен, среди которых выделяем почетную суфу у южной стены. Живопись в зале погибла от пожара.

В результате раскопок установлено, что комплекс пережил три периода. В первом периоде он состоял из двух домов. Во втором, относящемся также ко времени до 722 г., помещения 9, 19, 21, 21а, 22, 24, 25, а также помещения второго этажа над помещением 17 (с росписью) и над помещениями 9, 18, 20, 24, 34 составляли один дом, принадлежавший зажиточному горожанину.

В третьем периоде в результате ряда построек при восстановлении после пожара 722 г. жизнь сосредоточилась в помещениях 19, 22, 24. После пожара верхние части стен помещения 19 были свалены вовнутрь и на высоте около 2 м был устроен новый пол. На этом полу стоят перегородки, имеются очаги и ниши. Эти поздние постройки также сгорели. Поверх слоя пожара в них идет свалка, выше которой найден фельс.

Этот второй пожар середины VIII в. и свалка 760—770 гг., когда в этом доме уже не жили, соответствуют по датам пожару и свалке во втором комплексе. Объединение жилищ относится ко времени до первого пожара, т. е. до 722 г.

Пятый комплекс по первому этажу состоит из трех групп помещений, связывающихся между собой проходами. Главный вход с улицы обнаружен в помещении 28, которое являлось вестибюлем. С ним связано пять сводчатых помещений первой группы — 29, 30, 31, 37, 38 (рис. 6).

Ко второй группе относятся помещения 40, 43, 45. В плане и устройстве эти помещения имеют близкое сходство с помещениями первой группы. Однако в раннем периоде своего существования эти помещения были изолированы от помещений первой группы. Вход с улицы был расположен в северной стене помещения 43. В последующем периоде вход с улицы в помещение 43 закладывается. Вместо этого прорубается новый проход в восточной стене помещения 43, в результате чего помещения второй группы связываются с помещениями соседнего дома.

Несколько помещений этого комплекса находится на втором этаже (26, 36, 41, 42а и помещения 4 и 21 по нумерациям XXIV объекта). Два последних помещения находятся над переулком, который был перекрыт сводом. Подъем к ним осуществляется по пандусу (пом. 27),

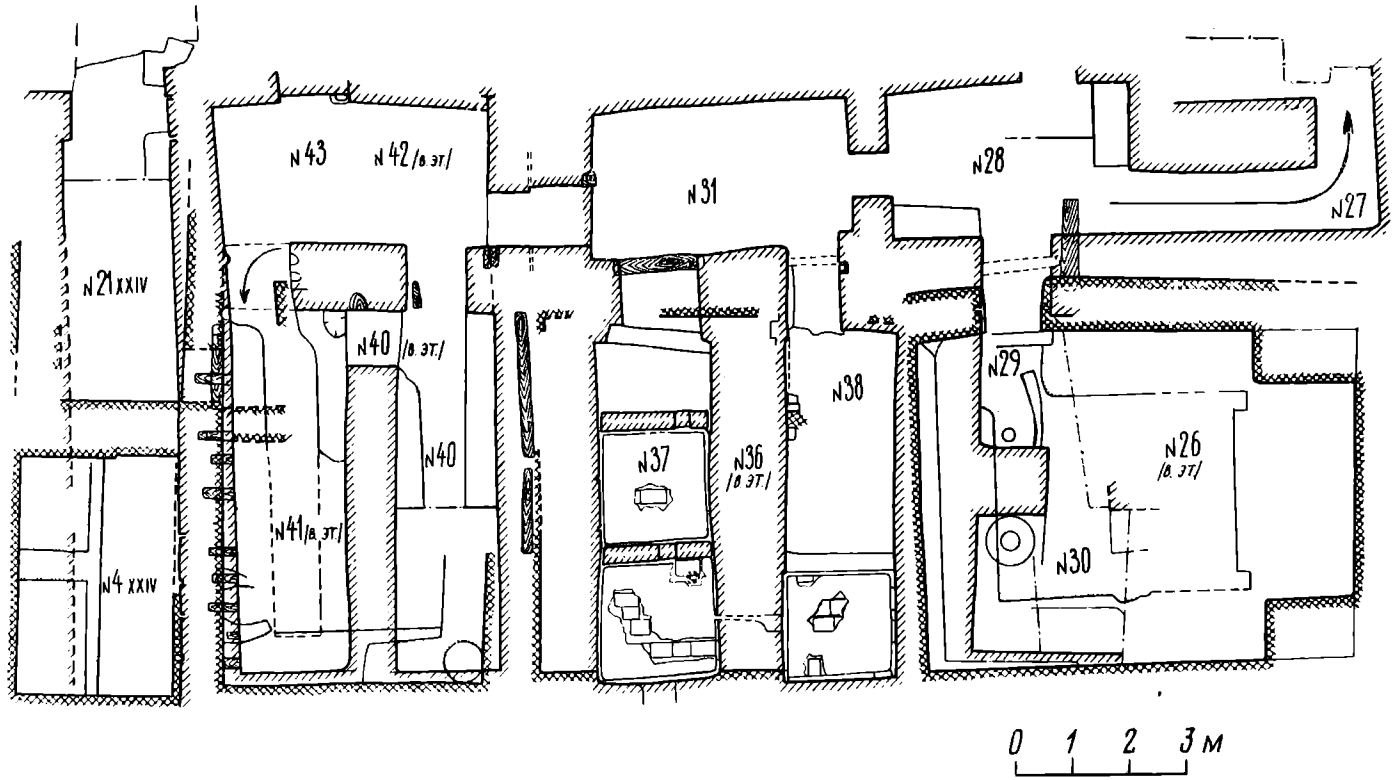


Рис. 6. План помещений V комплекса

расположенному к востоку от вестибюля — помещения 28. Вход в пандус обнаружен в южной части восточной стены этого же помещения. На втором этаже пандус вел в комнату или айван, к северу от помещения 26.

Среди помещений второго этажа выделяются два парадных зала (26 и 36). Что касается остальных, то они имели жилое и кухонно-хозяйственное назначение.

План дома сложился в результате объединения двух строений. Граница между ними проходила по стенке, отделяющей помещения 31 и 37 от помещения 40 и 43. Помещения 40, 43 и 45 первоначально представляли собой отдельное рядовое жилище с выходом на улицу через помещения 43. К западу от этого дома проходил переулок.

Когда богатый горожанин построил свой обширный дом и присоединил к своему участку владения соседа, выход на улицу был заложен, в разделявшей дома стене был пробит проход, а второй этаж полностью перестроили заново. Над переулком, проходившим к западу от дома, вывели свод и соорудили два помещения второго этажа (4 и 21). Одно из них с разделенными стенками отсеками, обмазанными алебастром, служило дополнительным зернохранилищем емкостью 3—4 м³.

Для датировки устройства второго этажа над переулком важны находки керамики приблизительно середины VII в. под основанием стены, на которую опирался свод, перекрывший переулок. Таким образом, вся перестройка, связанная со строительством дома богатого горожанина, относится ко времени не ранее второй половины VII в. Более поздняя дата тоже невозможна, если учесть, что от момента постройки до пожара 722 г., как показывает история зала 26, прошло немало времени. Дело в том, что в этом зале еще до пожара была устроена ниша с пилонами. За пилонами осталась заложенная живопись со сценой охоты. Эта живопись в свою очередь успела обветшать и была подновлена до постройки пилонов. Какое-то время прошло и от их постройки до пожара. Все это не позволяет датировать постройку дома позднее второй половины VII в. До пожара два сводчатых помещения (37 и 38) этого дома были перестроены при сооружении специального зернохранилища, которое представляет особый интерес в качестве первого полностью сохранившегося сооружения такого рода.

Как свидетельствуют карнизы на стенах, окно в торцовой стене и настилка пола зернохранилища из жженых кирпичей над припольным слоем первоначальной комнаты, здесь сначала было обычное помещение.

Зернохранилище (рис. 7), таким образом, относится к периоду не позже 722 г. и вряд ли значительно ранее 700 г., поскольку между постройкой дома и устройством зернохранилища прошло какое-то время. При переоборудовании в зернохранилище помещение было до самого верха свода перегорожено двумя сырцовыми стенками толщиной 25—30 см, с отверстием в каждой из них для насыпания зерна. Стенки образуют два отсека. К каждому из них примыкает свой приемник для отсыпки зерна. Площади обоих отсеков 2,10×2 м. Полы выложены жженым кирпичом, низ стен также выложен жженым кирпичом размером 34 × 22 × 3 см. Вдоль стен отсеков стоит ряд жженых плиточных кирпичей, поставленных на узкую длинную сторону. Все стены покрыты алебастровой обмазкой. Это сделано специально для защиты зерна от сырости и от мышей. Пол хранилища поверх кирпичей тоже покрыт алебастровой обмазкой.

В восточной стене (на высоте 25 см от пола) южного отсека имеется отверстие (диаметр 15—20 см), уходящее наклонно вниз в помещение 38. Здесь также специально построен отсек-приемник для получения зерна из зернохранилища через отверстие, которое можно было закрывать тряпкой или особой затычкой. Площадь отсека-приемника 2×1,50 м позволяет поместить в нем несколько мешков зерна. Все стены и пол покрыты алебастровой обмазкой.

В северо-восточном углу южного отсека зернохранилища (пом. 37) у восточной стены в свод вертикально вставили керамическую трубу

(диаметр 18, высота 55 см). Она могла служить одновременно для засыпки зерна и для вентиляции помещения. Еще одно отверстие в северной стене-перегородке (на высоте 1,40 м от пола и на расстоянии 75 см от восточной стены) служило для засыпки нижней части второго отсека.

Вторая перегородка, отделяющая второй отсек размером также 2,10×2 м, сложена из сырцового кирпича, ее сохранившаяся высота от пола 1,10 м, но на западной стене ее отпечатки сохранились до верха свода. Стены обмазаны грубой алебастровой штукатуркой. Пол также выложен плиточными жженными кирпичами.

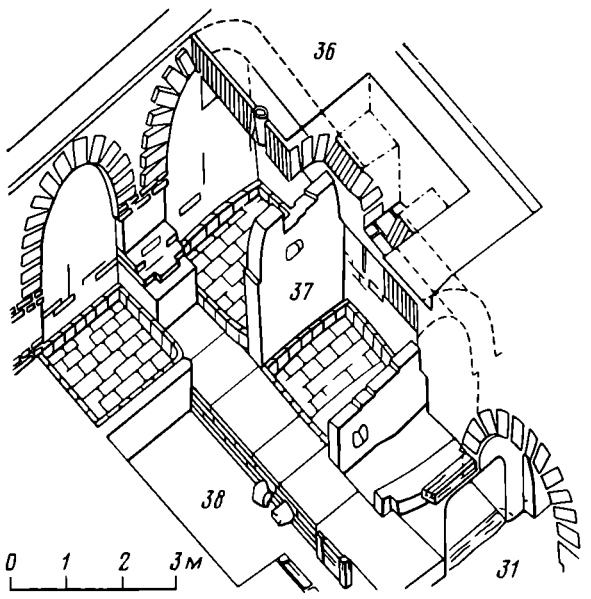


Рис. 7. Зернохранилище. Аксонометрия

На расстоянии 40 см от восточной стены и на высоте 25 см от пола стены второй перегородки имеется отверстие диаметром 20 см с уклоном к третьему отсеку, который служил приемником, как и отсек в помещении 38. Размер площадки третьего отсека 1,25 × 2 м. Его пол соответствует уровню пола отсеков, но он покрыт алебастровой обмазкой без жженых кирпичей. Здесь на стенах и на полу найдены отпечатки зерен пшеницы.

Таким образом, в результате перестроек в помещениях 37 и 38 этого дома оборудован амбар, от которого сохранилась вся система его устройства. В двух отсеках хранилища можно было держать около 15—16 т пшеничного зерна. Представляется вероятным, что в помещении 37 находился запас товарного зерна.

В таком тщательно оборудованном амбаре зерно могло храниться до весны, когда оно поднималось в цене. Весной обычно все запасы кончались, и 1000 пудов зерна, сохраненных до весны, должны были принести владельцу большой доход. Хозяин дома мог быть как хлеботорговцем, так и землевладельцем, реализовавшим зерно на городском рынке.

На базаре древнего Пенджикента обнаружена лавка, в которой происходил развес зерна. Там найдена гиря с согдийской надписью весом 18,87 кг. Эта гиря была найдена в 1970 г. на объекте XVI (пом. 64) В. И. Распоповой [16, с. 139]. Находка гири и открытость помещения в сторону улицы позволили ей высказать предположение о том, что это помещение использовалось для взвешивания зерна. Время перестройки помещения 64 (XVI объекта) относится к первой четверти VIII в.

Таким образом, раскопки жилого дома хлеботорговца или землевладельца с зернохранилищем на XXIII объекте, который расположен к западу от объекта XVI, подтверждают это предположение. Время существования зернохранилища и базара совпадает. Они датируются первой четвертью VIII в.

После пожара дом в целом не восстанавливали. Над завалом в помещениях 40, 41, 43 устроили какие-то очаги, относящиеся к 760—770 гг., судя по находкам фельсов. Все монеты из дипожарного слоя не позднее Гурака, т. е. относятся ко времени до 722 г.

Шестой комплекс (не завершенный раскопками) расположен к юго-востоку от V комплекса. Здесь раскопки ведутся с 1976 г., и в результате открыто семь помещений первого этажа: вестибюль (39), пандус, идущий на второй этаж (32), три сводчатых помещения (46—48), зал с квадратной выемкой от деревянной колонны (49) и два помещения

с росписью (50, 52). Четыре помещения первого этажа раскопаны полностью, а на остальных продолжаются исследования.

В этом комплексе, как и в V, найдено аналогичное зернохранилище (пом. 48). Помещение (с зернохранилищем) сводчатое в плане, вытянуто с севера на юг, размером 8,10 × 2,40 м, из них 3,85 × 2,40—2,52 м отведены при перестройке для отсека зернохранилища. На стенах имеются два выступа карниза и хорошо прослеживается штукатурка. Между карнизами на штукатурке местами видны следы царапин ножом для крепления алебастровой штукатурки. Стены, отведенные для отсека зернохранилища, обмазаны грубой алебастровой штукатуркой. Штукатурка здесь трехслойная, нижняя с копотью, поверх тонкий слой штукатурки, а третий слой — алебастровая обмазка.

Помещение 48 разделяется стенкой на две части. Толщина этой стенки с облицовками равна 35 см. Первая часть помещения за отсеком к югу имеет размер 3,8 × 2,64 м. Вдоль западной и восточной стен имеются суфы, лишь после перестройки дома было устроено зернохранилище. Тогда же в проходах помещения 46—48 были заложены деревянные рамы с дверями. Видимо, помещения стали запираемыми кладовыми.

Стена, разделяющая отсеки, сохранилась на высоту 1,70 м от уровня пола. На восточной стене прослеживаются отпечатки этой стены до самого верха свода. На расстоянии 80 см от юго-восточного угла в стенке имеется лаз-проход в отсек зернохранилища, шириной 63 см. Все стены зернохранилища выложены жженым кирпичом на высоте 75 см от уровня пола отсека. Поверх жженых кирпичей стена обмазана грубой алебастровой штукатуркой (толщиной до 2—3 см). Алебастровой штукатуркой также были обмазаны все стены отсека и свод. Пол отсека выложен жженными кирпичами и поверх покрыт алебастровой штукатуркой На полу обнаружена выемка размером 42 × 36 см для сбора после очистки кладовой. Пол отсека выше пола первоначального периода на 15 см. Если в зернохранилищах V комплекса и III комплекса пол отсеков устроен над припольным слоем, то пол отсека в помещении 48 устроен на хорошо выложенной кладке из сырцового кирпича. Пол южной части помещения ровный. Здесь на уровне пола найдена монета пенджикентской царицы (типа № 361) [10, с. 93].

В отличие от зернохранилища в помещении 37, которое к моменту гибели дома было наполнено, это зернохранилище было полностью очищено. Для этого был сделан лаз в стенке отсека.

Объем отсека в помещении 48 составляет 24 м³. Здесь можно было хранить около 18 т запаса зерна. Таких жилищ с зернохранилищами для товарного хлеба на нашем объекте уже три, но в истории раскопок древнего городища Пенджикента, да и вообще в археологии раннесредневековой Средней Азии, они обнаружены впервые. Их изучение помогает лучше понять социально-экономические отношения, сложившиеся в Согде в начале средневековья. Устройство зернохранилища в помещении 48 относится к более позднему времени, к 740-м годам.

При раскопках объекта было найдено значительное количество памятников духовной и материальной культуры: живопись, золотые и серебряные украшения. Особенно интересна золотая серьга со стеклянной подвеской. Уникальна находка золотого брактеата с изображением головы царя в крылатой короне с арабской надписью. Брактеат, по мнению А. М. Беленицкого, символизирует последний этап жизни на городище, когда в традиции согдийской культуры начали проникать элементы новой цивилизации, связанной с арабским завоеванием [17, с. 488].

Открытие памятников стенной росписи в помещении 28 (первый этаж), 26 (второй этаж), 50 (первый этаж), а также отдельных фрагментов росписей в других помещениях доказывает, что исследуемый объект в свое время являлся одной из благоустроенных частей города. Владельцы отдельных домов (комплексов объекта) по своему социальному положению, очевидно, были зажиточными людьми города, хотя их имущественное положение сильно различалось.

Примененная при раскопках методика выделения отдельных жилищ

для каждого этапа строительной истории дала возможность проследить судьбы конкретного домовладения за время жизни трех-четырех поколений людей. Для древнего Пенджикента в целом, и следовательно, для истории раннесредневекового города Средней Азии, имеют значение наблюдения за динамикой городской застройки, сделанные на объекте XXIII. В частности, дважды удалось проследить, как во второй половине VII — начале VIII в., т. е. во время расцвета Пенджикента, городские богачи увеличивали свои домовладения, присоединяя к ним дома рядовых горожан. В этот период расцвета не только богачи, но и в двух случаях сравнительно небогатые горожане украшали свои дома живописью, хотя и в скромных масштабах. Эти наблюдения впервые заставляют поставить вопрос о широком слое заказчиков, для которых работали художники согдийского города.

На исследуемом нами участке меньше лавок и мастерских, чем в восточной части города. Надо отметить лавки, обнаруженные при рядовом жилище, в которых торговал скорее всего сам владелец дома. В восточной части города лавки и мастерские, как правило, устраивались на участках, принадлежавших представителям городской знати, которая их сдавала в аренду торговцам и ремесленникам [14, с. 145—149].

Для раскапываемого участка городской территории особенно характерны амбары товарного хлеба разной величины — от 6—7 до 16—18 т, которые позволяют начать исследование проблемы хлебного рынка в раннесредневековом Согде. Хозяева пятого и шестого комплексов, судя по имеющимся зернохранилищам, были крупными земледельцами или торговцами хлебом. Помещения с живописью в этих домах показывают, что их владельцы по своему образу жизни принадлежали к городской верхушке.

Для изучения последнего периода жизни города после его разгрома арабами в 720-х годах раскопки на объекте XXIII также дали новый материал. Некоторые дома остаются в развалинах, но другие восстанавливаются, и к 740-м годам строятся даже целые новые залы. К этому же времени относится устройство второго крупного зернохранилища. В период между 740-ми и 760-ми годами сгорает зал одного из домов, чтобы в 760—770-х годах превратиться в место свалки. Около 750 г. в жизни народов Средней Азии происходят важные перемены в связи с восстанием Абу Муслима [17, с. 488]. Возможно что пожар с последующим запустением жилого дома как-то связан с событиями этого времени[2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III (комплексы I и II, раскопки 1952–1956 гг.).– МИА, 1964, № 124.
2. *Ставиский Б. Я.* Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1952–1956 гг.– МИА, 1964, № 124.
3. *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955–1960 гг.– МИА, 1964, № 124.
4. *Зеймаль Е. В.* Раскопки объекта XIV на Пенджикентском городище (1956–1957).– МИА, 1964, № 124.
5. *Распопова В. И.* Квартал жилищ рядовых городах Пенджикента VII–VIII вв.– СА, 1969, № 1.
6. *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
7. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И.* Раннесредневековая археология Средней Азии в свете раскопок в Пенджикенте.– В кн.: Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тез. Всес. научн. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. Душанбе, 1977.
8. *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента VII – начала VIII в.– Тез. Всес. науч. конф. в г. Пенджикенте. Душанбе, 1977.
9. *Лившиц В. А.* Правители Пенджикента VII – начала VIII в. (согдийцы и тюрки).– Пробл. востоковедения, 1979, № 4.
10. *Смирнова О. И.* Каталог монет с городища Пенджикент. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
11. *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А.* Раскопки на городище древнего Пенджикента в 1973 г.– АРТ, 1977, вып. XIII (1973).
12. *Беленицкий А. М.* Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970).– АРТ, 1973, вып. X (1970).

[2] Выражаю искреннюю благодарность Б. И. Маршаку за ценные советы при выполнении этой работы.

13. *Беленицкий А. М.* Отчет о раскопках на городище древнего Пенджикента в 1972 г.– АРТ, 1976, вып. XII (1972).
14. *Распопова В. И.* Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда.– СА, 1972, № 4.
15. *Распопова В. И.* Археологические данные о согдийской торговле.– КСИА АН СССР, 1974, № 138.
16. *Распопова В. И.* Отчет о раскопках XVI объекта городища древнего Пенджикента в 1970 г.– АРТ, 1973, вып. X (1970).
17. *Беленицкий А. М.* Раскопки на городище древнего Пенджикента.– АО – 1972, М., 1973.

I. Rakhmatullayev

RESIDENTIAL AREA OF THE PENJIKENT FORTIFIED SETTLEMENT

Summary

The results of ten years of archaeological excavations on site 23 by the Rudaki Historical and Local-Lore Museum of Penjikent shed new light on and concretise our general concepts of the social structure of 7th-8th-century Central Asian urban population.

The premises recovered at site 23 form individual groups or sets of dwellings of 4 to 17 rooms. The methods employed in the study made it possible to reconstruct the building history of individual dwellings and the history of two or three generations of their inhabitants. In two cases (late 7th and early 8th century, Penjikent's hey-day) rich people expanded their property by buying the house of a poorer neighbour. The excavations also revealed granaries of different sizes, from 6-7 to 16-18 tons which suggests the existence of a grain market in early Mediaeval Sogdiana.

Site 23 also yielded material on the last period of the town's history after its destruction by the Arabs in the 720s: while some houses remained in ruins others were restored and by the 740s new halls were added.

КУТАЙСОВ В. А.

ЧЕТЫРЕХАПСИДНЫЙ ХРАМ ХЕРСОНЕСА

Остатки этого памятника находятся в юго-западной части херсонесского городища. До конца прошлого века он был скрыт под большим холмом. Впрочем, и тогда на поверхности холма прослеживались каменные кладки. В 1893 г. при строительстве артиллерийской батареи большой участок перед ней нивелировался, и под срытым холмом оказались руины крестообразной постройки. Стены этого здания, сохранившиеся на высоту более 3 м, были тогда же снесены почти до уровня пола, лишь юго-восточная часть постройки была засыпана батарейным валом. Руководитель строительных работ капитан М. И. Гарабурда оставил план постройки с близлежащей крепостной стеной [1]. Наблюдавший за этими работами К. К. Косцюшко-Валюжинич сначала назвал ее «небольшой цитаделью против главного входа в город» [1, с. 39]. Однако в 1898 г. он же сравнивал четырехапсидную постройку с баптистерием при так называемой «Уваровской» базилике [2, с. 8].

В 1906 г. изучение памятника продолжил К. К. Косцюшко. Он открыл внутри здания мозаичный пол. Из-за смерти исследователя раскопки были прекращены, а результаты работ остались недокументированными. До нас дошли лишь фотография мозаики с изображением нескольких птиц [3, № 79] и ее полевая зарисовка, выполненная М. И. Скубетовым [2].

В 1908 г. памятник был надвое разрезан рвом, а в следующем году раскопки его возобновил Р. Х. Лепер. Предполагая (по тетраконхиальной форме здания), что перед ним баптистерий, он надеялся найти в центре постройки купель. Однако там была обнаружена известеобжигательная печь, остатки ее находились несколько ниже уровня мозаичного пола. В опубликованной статье Р. Х. Лепер касается главным образом архитектуры памятника, назначение же его остается неясным [4, с. 92—101]. В архиве Херсонесского заповедника сохранились дневник раскопок Р. Х. Лепера [5, с. 6—16], опись монет и находок [6, с. 71, 72], дополняющие его статью.

В 30-е годы небольшие зачистки внутри храма произвел К. Э. Гриневич. Исследователь относил сооружение памятника к VII—VIII вв. и связывал его с расположенной в центре печью. По его предположению, остатки печи могли сохраняться внутри храма как святыня в память о «чуде» епископа Капитона. Набросанная К. Э. Гриневичем заметка на эту тему не вошла в редактированный им же пятый «Херсонесский сборник» (из-за недостатка имеющихся в его распоряжении археологических данных). Лишь в 1978 г. эта заметка была обнаружена среди архивных материалов покойного ученого [7, с. 129—134] [3].

В 1959 г. разведочную зачистку остатков мозаики произвел О. И. Домбровский. Им было установлено, что храм имел два разновременных мозаичных настила, различающихся как по рисунку, так и в художественно-техническом отношении [8].

Несмотря на то что с четырехапсидным храмом связаны имена нескольких известных археологов, он остался по существу почти не изученным: стены его, как и верхние культурные напластования, были в основном

[1] Архив ХГАЗ, р-1, чертежи № 506, 508, 513, 515.
[2] Архив ХГАЗ. р-1, № 134, рис. 88—91.
[3] Указанием на эту рукопись автор обязан И. А. Антоновой.

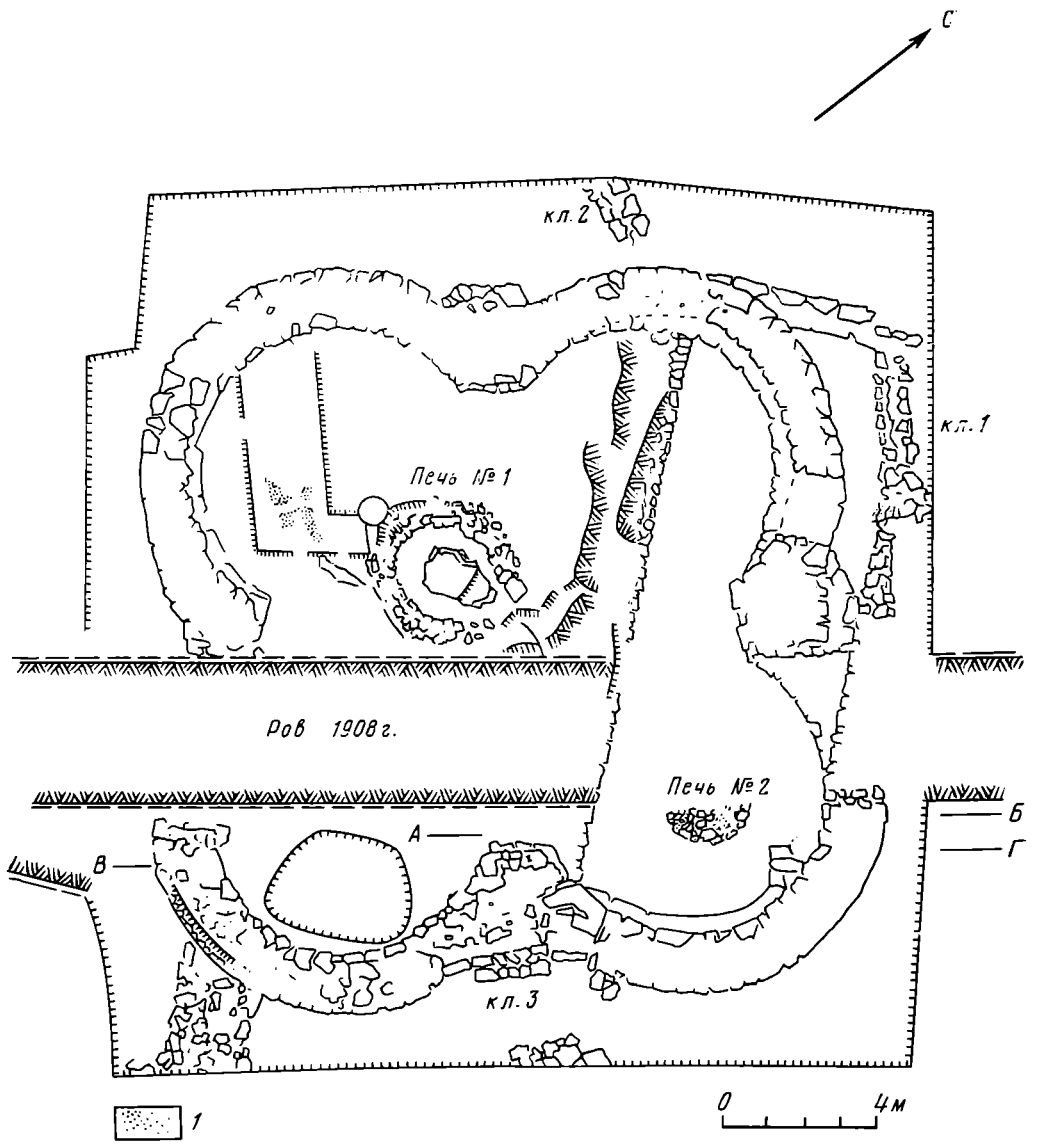


Рис. 1. Четырехапсидный храм. План. *1* – остатки мозаичного настила

срезаны во время сооружения батареи и исследовались лишь частично; все же, что находилось ниже уровня мозаичного пола, оставалось нераскопанным. При таком положении дела нельзя было уверенно датировать ни храм, ни мозаичный пол.

В 1977—1979 гг. изучение памятника продолжил Херсонесский отряд Южно-Крымской экспедиции Института археологии АН УССР [9, с. 322; 10, с. 355]. В результате раскопок выяснилось, что в древности здесь был косогор, понижавшийся с запада на восток. Наиболее древним на этом участке является большой бассейн, построенный в I—II вв. н. э. и засыпанный в самом конце IV или, скорее всего, в первой половине V в. н. э. (рис. 1—4). Его ширина 5,9 м, длина раскопанной части достигает 15 м, наибольшая глубина около 3 м. Затем в засыпь бассейна в его северном углу была «впущена» стена, уходящая в борт раскопа постройки. Еще позднее на том же косогоре была сооружена известеобжигательная печь № 1 [4], частично вырубленная в скале и обложенная камнем. Во время первого вскрытия остатков печи в 1909 г. ее внутренняя обкладка, судя по снимкам, хранящимся в архиве заповедника, сохранилась на высоту трех-четырех камней [5]. К моменту наших раскопок она была полуразрушена.

[4] В. В. Кадеев ошибочно назвал ее гончарной [11, с. 78].
[5] Архив ХГАЗ, р-1, фотонегативы № 1322—1324.

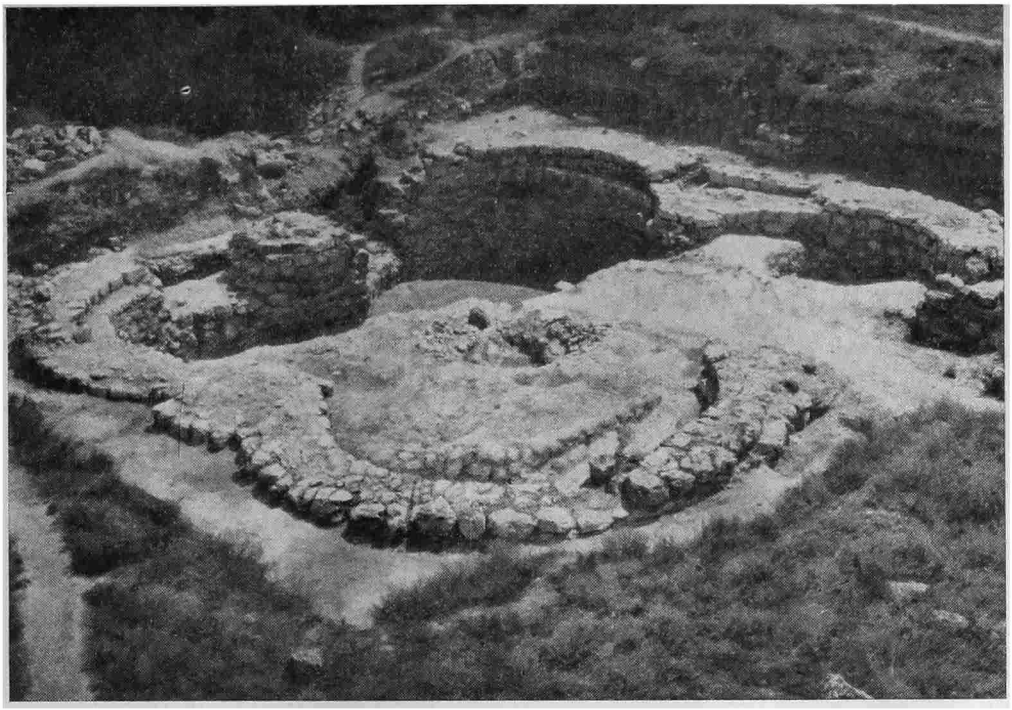


Рис. 2. Четырехапсидный храм. Вид с запада. В центре известеобжигательная печь № 1

Печь была обращена, как обычно, устьем в сторону понижения склона, т. е. с учетом тогдашнего рельефа местности, который значительно изменился после возведения храма. Первоначальный мозаичный пол, насколько можно судить по изданному Р. Х. Лепером плану, перекрывал остатки печи [4, с. 93, рис. 1] [6]. Устье же ее оказалось на 0,92 м ниже уровня мозаичного настила. Тонкий слой гари — остаток выброса из печи — простирался под цемянковой субструкцией мозаичного пола везде, где таковая сохранилась. Бутовая обкладка печи, как и скала, в которой она вырублена, сильно обожжена, тогда как субструкция мозаики, вплотную прилегающая к ней, не носила следов обжига. Все это и позволяет заключить, что печь предшествовала мозаике, а стало быть, и храму. Более того, к моменту возведения последнего печь стояла уже полуразрушенной. Остатки печи, как подчеркивает Р. Х. Лепер, были бережно засыпаны чистой землей. Исследователь отмечает, что в заполнении печи не было найдено ни одного черепка поливной посуды, а только ранневизантийская керамика [4, с. 99]. При доследовании, произведенном в 1977 г., в слое грунта внутри печи были найдены обломок ручки светлоглиняной амфоры VI—VII вв., стенка желобчатой коричневоглиняной амфоры того же времени, целый коричневоглиняный горшок (рис. 5, *1*), а также часть тулова кувшина с росписью ангобом на плечиках.

С западной стороны печи было зачищено небольшое круглое углубление в скале. Оно совпадает с центром западной апсиды, и его можно рассматривать как след приспособления, которым могли пользоваться строители при возведении «кольцевой» кладки этой части здания. Симметричное размещение печи на основной (ориентированной с запада на восток) оси постройки, совпадение ее устья с геометрическим центром храма говорят о том, что последний ставился с таким расчетом, чтобы остатки печи оказались под его куполом. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что строители, имея в своем распоряжении свободную ровную площадку (чуть западней использованного места), поставили это здание, казалось бы, так неудобно: помимо затруднения, создаваемого резким уклоном, строительство было значительно осложнено тем, что северная и

[6] См. также план храма в архиве заповедника. Архив ХГАЗ, р-1, чертеж № 278.

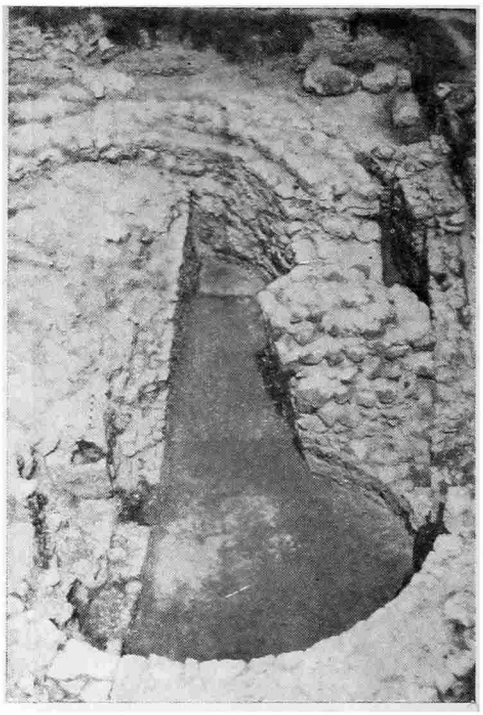


Рис. 3. Бассейн. Вид с юго-востока

восточная апсиды пришлись на место глубокого бассейна. Заглубление их фундамента достигало здесь 3,5 м, считая от уровня мозаичного пола.

Стены храма (толщина 1,6 м, ширина фундамента 2 м) сложены на очень прочном известково-цемянковом растворе в технике opus mixtum аналогично другим раннесредневековым постройкам Херсонеса: южной галерее «Уваровской» бизилики [12, с. 154], крещальне, что рядом с ней [13, с. 90; 14, с. 18; 15, с. 83], Северной и Западной базиликам, храму на акрополе [14, с. 27, 33, 63] и др. Бутовые стены кладки были перепоясаны несколькими плинфовыми прокладками. Ко времени наших раскопок сохранились лишь остатки нижнего пояса кирпичей в южной апсиде, но в момент открытия памятника еще существовал даже верхний кирпичный пояс и начало дверных арок над ним [4, с. 92].

В архитектурном отношении четырехапсидный храм представляет собой тетраконх: он состоит из четырех смыкающихся и ориентированных по сторонам света полукруглых апсид, объединенных куполом, перекрывавшим пространство между ними (рис. 6). Купол покоился на арках апсид и на четырех расположенных в местах смыкания арок трапециевидных в плане пилонах 3-метровой ширины. Храм не имел алтаря: во всех апсидах было по две двери, кроме западной, в которую вел один широкий вход; в восточной апсиде не имелось каких-либо следов престола или синтрона.

Архитектура рассматриваемого памятника, на первый взгляд, повторяет форму аналогичных тетраконхиальных построек, например церкви Мегали Панагия в Афинах [16, с. 43] или храмов в Селевкии конца V в. [17, p. 53], Босры (512 г.) [18, p. 151], Перуштицы (начало VI в.) [19, с. 56, 57]. Все перечисленные примеры, как и большинство других аналогичных памятников, представляют в плане квадрифолий (квадрат с апсидами по четырем сторонам) и окружены круглыми галереями. Отсутствие галереи при херсонесском храме отличает его от перечисленных построек. Кроме того, в рассматриваемом памятнике апсиды расположены не по сторонам, а как бы в углах квадрата, скругляя их; в этом отношении к херсонесскому тетраконху ближе всего церковь Звартноц в Эчмиадзине (VII в.) [20, с. 236, сл.; 21, с. 17 сл.].

Своеобразие архитектурной формы, отсутствие алтаря говорят о том, что четырехапсидный храм, как и другие тетраконхиальные постройки (например, известные мартирии Селевкии и Босры) [22, p. 150—154; 23, p. 116, 117], является своего рода храмом-памятником. Подобные постройки воздвигались над могилами или местами «чудес» раннехристианских мучеников. Об особом мемориальном характере постройки говорит тот факт, что за все время существования храма в нем не было найдено ни одного погребения — явление для Херсонеса весьма редкое.

Поскольку храм был поставлен на косогоре, фундаменты восточной и северной апсид возвышались над дневной поверхностью времени строительства и в верхней своей части были сложены, выражаясь современным термином, «под мастерок» — с заглаживанием заполненных густым раствором промежутков между камнями. В то же время нижняя часть фундаментов тех же апсид, впущенная в заполнение бассейна, имеет между камнями рыхлые натеки, характерные для траншейных фундаментов,

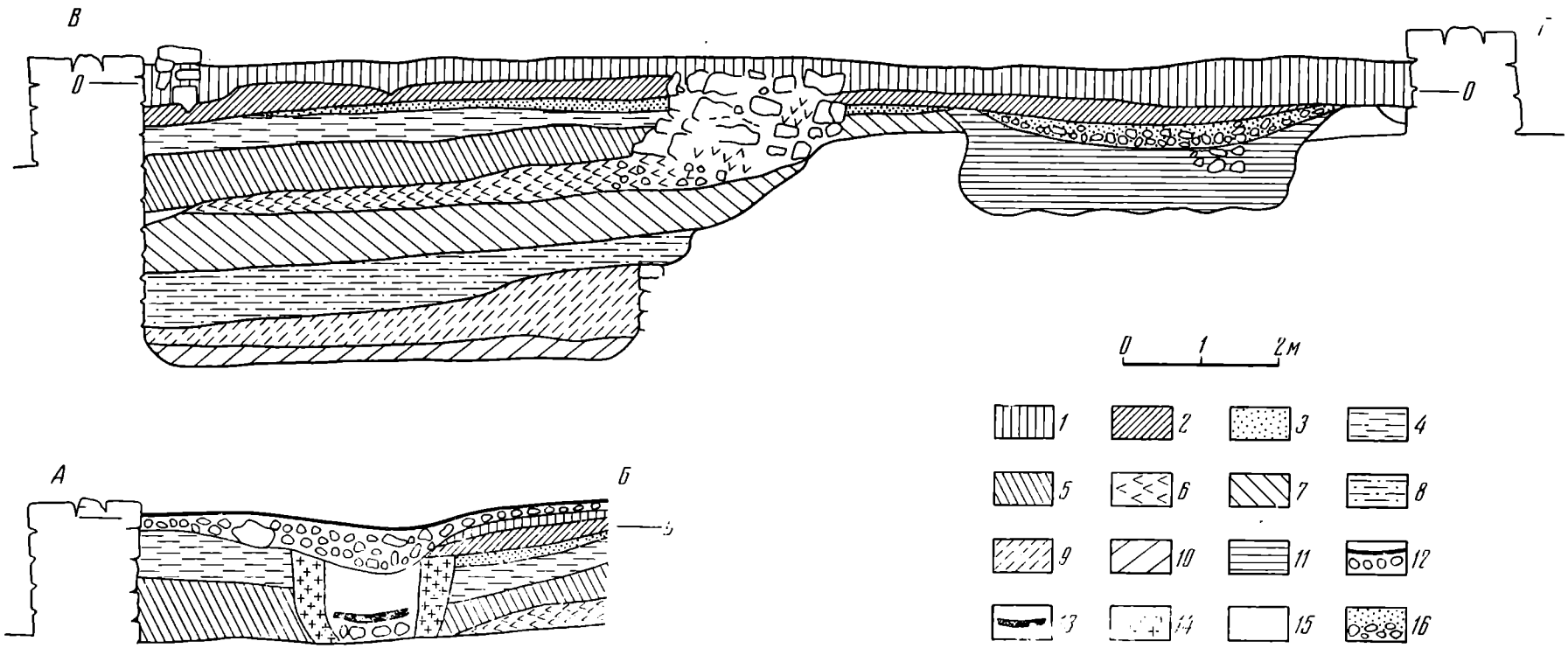


Рис. 4. Четырехапсидный храм. Разрезы по линиям, обозначенным на плане: *1* – слой разрушения храма; *2* – зольный слой; *3* – слой строительного отеса времени сооружения храма; *4* – желто-серый суглинок; *5* – серый суглинок; *6* – слой, состоящий из мелкого камня, раковин устриц и керамики; *7* – суглинок; *8* – слой мелкого песка с землей; *9* – суглинок; *10* – слой камня с землей; *11* – слой пережженной земли; *12* – бетонная площадка (1893 г.); *13* – заполнение ямы; *14* – слой гари

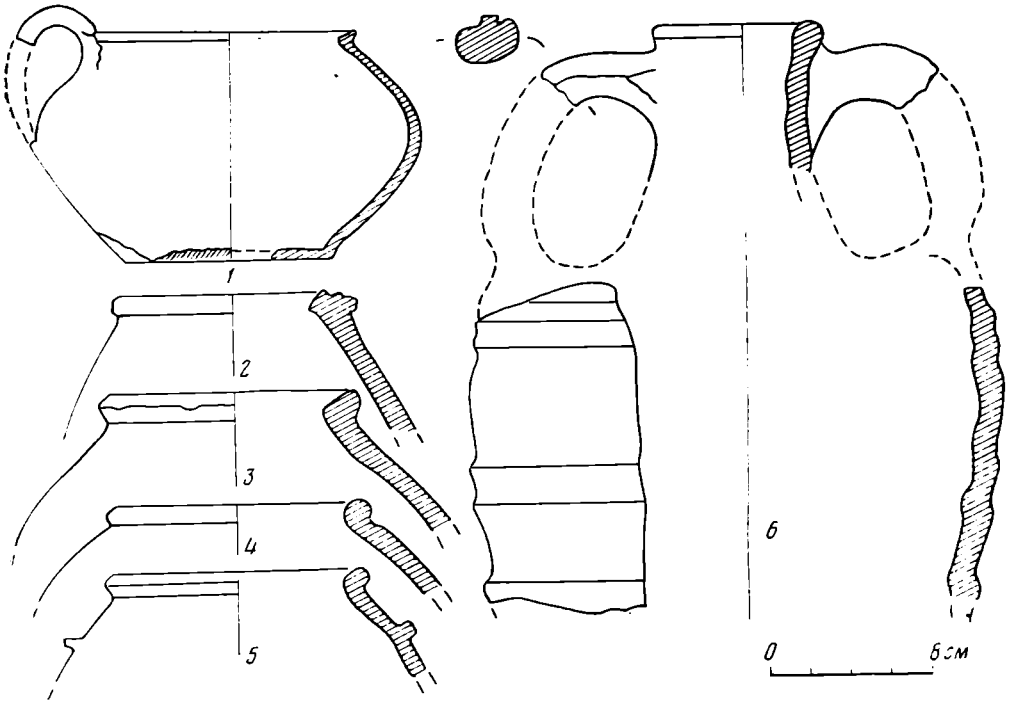


Рис. 5. Фрагменты амфор VI–VII вв. и горшок из нивелировочной насыпи под пол храма

выполненных «под заливку», т. е. путем постепенной забутовки котлована с заливкой каждого слоя камней жидким раствором.

Внутри северо-восточной части храма в несколько приемов (по мере возведения фундаментов) была сделана нивелировочная насыпь поверх понижающейся части склона для выравнивания площадки под мозаичный пол постройки. При этом для северной апсиды землю брали по крайней мере из двух мест, а ссыпали одновременно: стратиграфический срез дает пестрое по цвету и структуре чередование археологически однородных (по материалу синхронных) прослоек.

Целостность культурных отложений внутри северной и западной апсид была нарушена современными перекопками. Совершенно нетронутым остался лишь культурный слой в восточной и южных абсидах, защищенных насыпью батарейного вала. В нем выделялось 10 культурных отложений (рис. 4). Верхний из них — слой 1 — перекрывал остатки разрушенного юго-восточного пилона храма и содержал большое количество мелкого строительного мусора, придававшего грунту белесый цвет. В этом слое встречались обломки плинфы двух разновидностей: прямоугольный продолговатый кирпич размерами 26×13×3 см из коричневой глины, а также плинфы с желтым в изломе черепком размерами (по обмерам М. И. Скубетова) 30×18×3 см [4, с. 96, 97].

Как уже сказано, юго-восточный пилон храма был разрушен почти до уровня пола, а следовательно, могла быть повреждена опиравшаяся на него часть купола. Большая часть постройки осталась невредимой. Быть может, разрушение пилона было связано с весьма близким соседством храма и самого ответственного участка оборонительной системы города — его главных ворот?

Ниже слоя 1 залегал зольный слой 2, в котором насчитывалось до 13 разноцветных прослоек золы. С ним стратиграфически сливалось заполнение расположенной в восточной апсиде и замеченной еще Р. Х. Лепером в срезе рва 1908 г. известеобжигательной печи № 2 [5, с. 13 и об.]. Печь круглой формы вырыта на глубину 1,5 м в слоях 3—6, ее дно было выложено камнями. Зольный слой образовался в результате выброса из этой печи. В южной апсиде на поверхности зольного слоя стоял

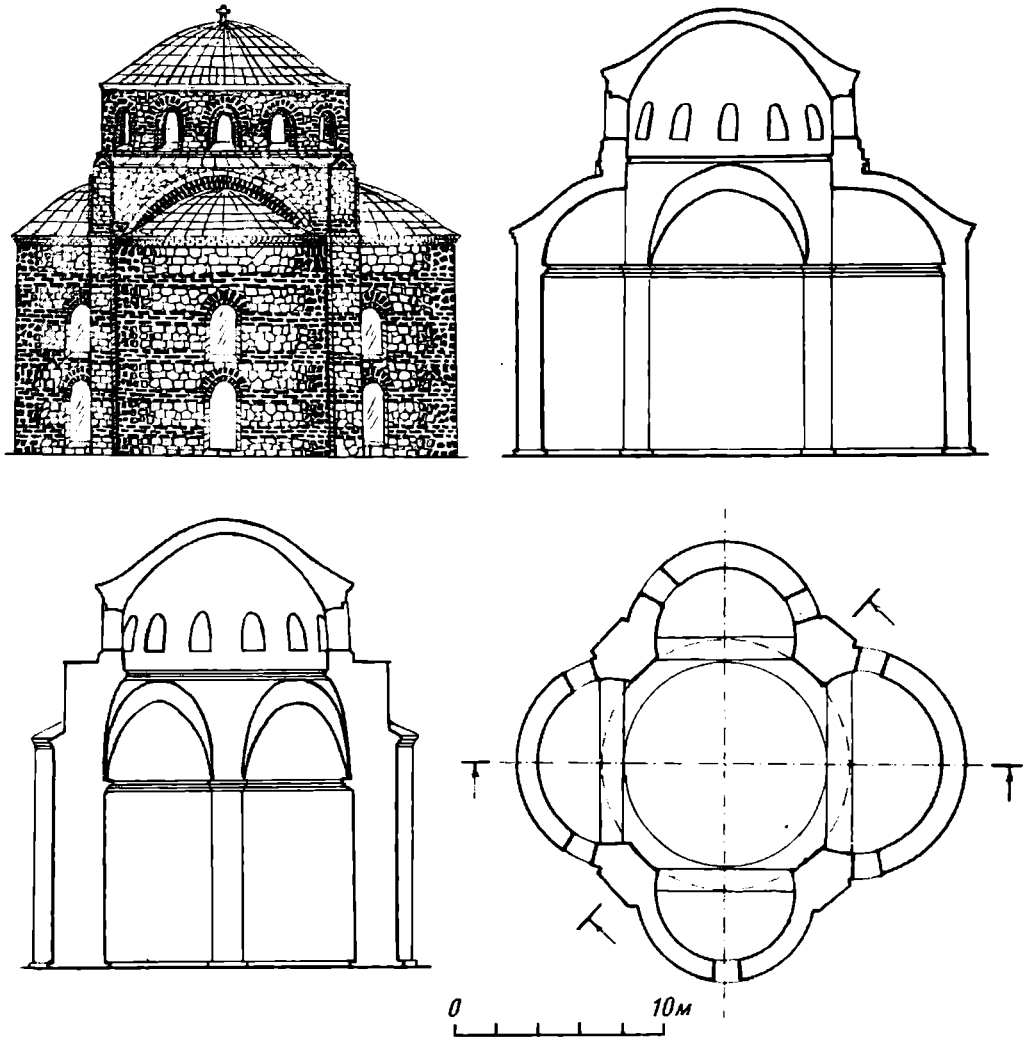


Рис. 6. Четырехапсидный храм. Реконструкция. Р. И. Кухаренко. Вид с запада и разрезы, обозначенные на плане

прислоненный к стене высокогорлый кувшин IX—X вв. с плоскими ручками.

Все сказанное позволяет заключить, что после разрушения пилона и повреждения юго-восточной стороны купола внутри полуразрушенной постройки в восточной апсиде храма была устроена известеобжигательная печь. После ее непродолжительной работы она была перекрыта слоем 1, образовавшимся в результате прогрессирующего разрушения храма. Затем на место пилона была поставлена сложенная на грязевом растворе кладка № 3, закрывавшая пролом. При этом новые каменные пороги входов были подняты на 0,3 м выше их первоначального уровня. Одновременно с этим внутри постройки (судя по плану, изданному Р. Х. Лепером) была сооружена стена, отделявшая пострадавшую часть здания. Цель этих строительных работ состояла, по-видимому, в том, чтобы как-то приспособить к использованию храм, утративший свой первоначальный архитектурный облик. В таком виде, вероятно, он простоял до окончательной гибели города.

Время разрушения храма определяется по находкам керамики в слоях 1—2 и в печи 2. Здесь кроме упомянутого выше кувшина найдено большое количество фрагментов таких же высокогорлых плоскодонных кувшинов IX—X вв. [12, с. 310; 24, с. 64] с ленточными ручками, а также стенки амфор того же времени с зонами мелкого рифления [12,

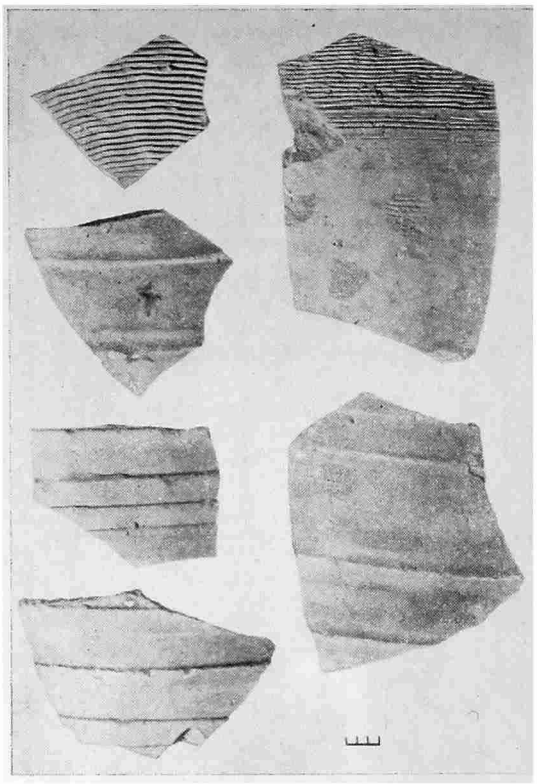


Рис. 7. Обломки стенок амфор VI—VII вв. из нивелировочной насыпи под пол храма

с. 307; 24, с. 59]. В этих же слоях встречены небольшие осколки посуды из белой и светло-розовой глины под зеленопятнистой и желтой поливой, в том числе обломок рельсовидного венчика. Р. Стивенсон и А. Л. Якобсон датируют аналогичную керамику IX—X вв. [27, p. 35, 38; 28, с. 83, 24], Т. Райс и Ч. Морган — IX—XI вв. [25, p. 22, 28; 26, p. 49]. Таким образом, первое разрушение храма можно датировать, скорее всего, X в.

Наиболее важен в стратиграфической картине слой 3; в восточной апсиде он состоял из образовавшегося в процессе строительства храма мусора и каменного отеса. В южной апсиде не менее существенна субструкция первоначального мозаичного пола (рис. 4). К сожалению, и в ней, и в слое 3 найдено мало керамики: это главным образом обломки плинфы и черепицы, чересчур мелкие, чтобы датировать их достаточно точно.

Следующие два слоя (4 и 5) незначительно отличались друг от друга по цвету и содержали мало керамического материала, который к тому же аналогичен материалу из слоя 6. Последний же почти целиком состоял из мелкого камня с большим количеством керамики и раковин устриц. В южной апсиде под субструкцией мозаичного пола была открыта яма, вырубленная в скале и частично вырытая в слое 7. В заполнении ямы найден материал, одновременный описанному в вышележащих слоях (рис. 1, 4). Слои 4—6 образовались в результате выравнивания понижающейся части склона под площадку для мозаичного пола. Среди керамики из этих слоев имеется большое количество обломков амфор. Большинство из них принадлежит светлоглиняным амфорам с «крученными», т. е. изборожденными несколькими витыми желобками, ручками. На стенках амфор характерные валики, расположенные в виде набегающей волны (рис. 5, *6*; 7). Амфоры эти западнопонтийского производства, если судить по их находкам в печах в Олтине [29, p. 388, fig. 14]. В том же районе концентрируется большинство других находок аналогичных амфор [30, p. 163, pl. VIII, *1—3*; 31, p. 277, 278, fig. 12, *1—3*; 32, p. 108, 109, pl. XI, XII, *1*). Ко второй половине или концу VI в. можно отнести находки их в Диогеции [33, p. 261, fig. 6, *2*] и Сачидаве [34, p. 320, fig. 34; 35, p. 274, 275, fig. III *5—7*; X, *3—5*], к рубежу VI—VII вв. в Сучидаве [7]. В большинстве же случаев находки этих амфор относятся к VII в.— в Истрии [36, p. 239, fig. II], в крепости на мысе Калиакр [37, с. 22, 23, об. 2], в Язи-Ада [38, p. 552, 553, fig. 6], в Ашдоде [39, p. 34, 35, fig. 14, *2*], в портовом районе Херсонеса [40, с. 87; 41, с. 247] и на Ильичевском городище [42, с. 26] [8]. Менее определенно — VI—VII вв.— можно датировать находки аналогичных амфор в северном районе Херсонеса [45, с. 303, рис. 34, *1*; 46, с. 204, рис. 51, *6*] и на Афинской Агоре [47, с. 115, Pl. 32]. Из сказанного вытекает, что амфоры этого типа можно относить к концу VI—VII в.

[7] SCIV, 1965, № 2, p. 368, fig. 6.

[8] Предложенная И. А. Барановым датировка подтверждается публикацией нового материала [43, с. 110—113, рис. 1; 44, с. 173—179].

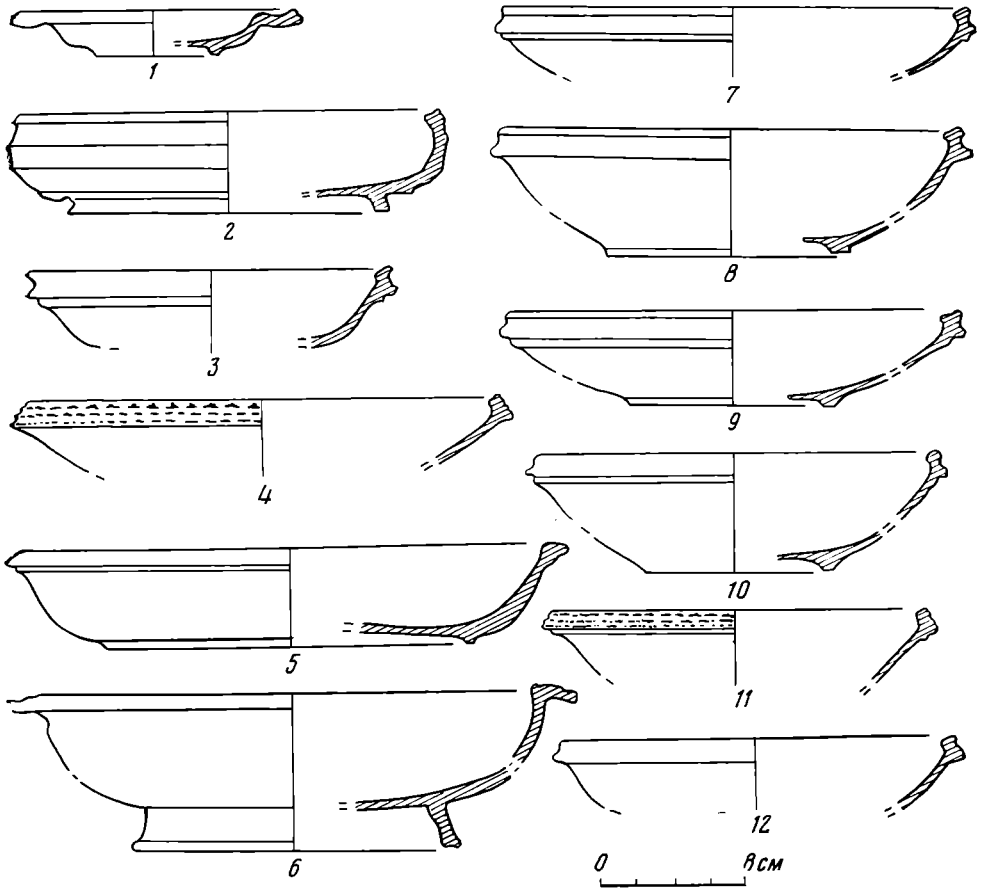


Рис. 8. Краснолаковая керамика из нивелировочной насыпи под мозаичный пол храма

В тех же самых слоях внутри четырехапсидного храма найдено несколько обломков стенок амфор из розовой глины с густым волнистым рифлением. Находки аналогичных амфор известны в Херсонесе [40, с. 88, рис. 13], в Язи-Ада [39, p. 552, 553, fig. 6a] и особенно на западном побережье Черного моря [30, p. 160, pl. VII, *4, 8*; 31, p. 276, fig. 10, *4, 8*]. Все они датируются тем же временем, что и амфоры описанного выше типа (рис. 7).

И наконец, к позднейшей группе материала из тех же слоев относятся фрагменты коричневоглиняных амфор (рис. 5, *2—5*) палестинского производства со слабо выраженным венчиком и ручками в виде «ушек» [48, p. 27—30]. Амфоры с таким венчиком имеют удлиненный корпус и могут датироваться VI—VII вв. [30, p. 165, pl. XIII; 31, p. 279, 280, fig. 19; 39, p. 34, 35, pl. XI, *4*]. Перечисленные выше амфоры встречаются в закрытых комплексах, как правило, вместе. О верхней их дате можно судить по находкам в портовом районе Херсонеса — закрытом комплексе, датируемом монетой Константа (641—668) [41, с. 247].

Среди остатков столовой посуды в слоях под полом храма подавляющее большинство составляют обломки краснолаковых мисок на низком слабо выраженном поддоне, с вертикальным, слегка прогнутым краем, часто украшенным одним или несколькими рядами насечек (рис. 8, *3—4, 7—12*). Черепок в изломе красно-коричневый или бурый с белыми или желтыми включениями. Некоторые бортики снаружи имеют темный цвет. Все найденные обломки делятся на две большие группы: большинство из них принадлежит мискам с диаметром бортика 23—32 см и лишь немногие имеют в диаметре 15—19 см. Описанная посуда датируется Ф. Вааге и Д. Хейсом VI в. [49, p. 57, № 945—947; 50, p. 338, fig. 69, form 3, F, G, H]. Однако на Ильичевском городище подобная керамика встречена в закрытом комплексе с мисками VII в. [43, рис. 1, *1—3*]. К тому же при раскопках Херсонеса [51, с. 26, рис. 6, *4—6*] и

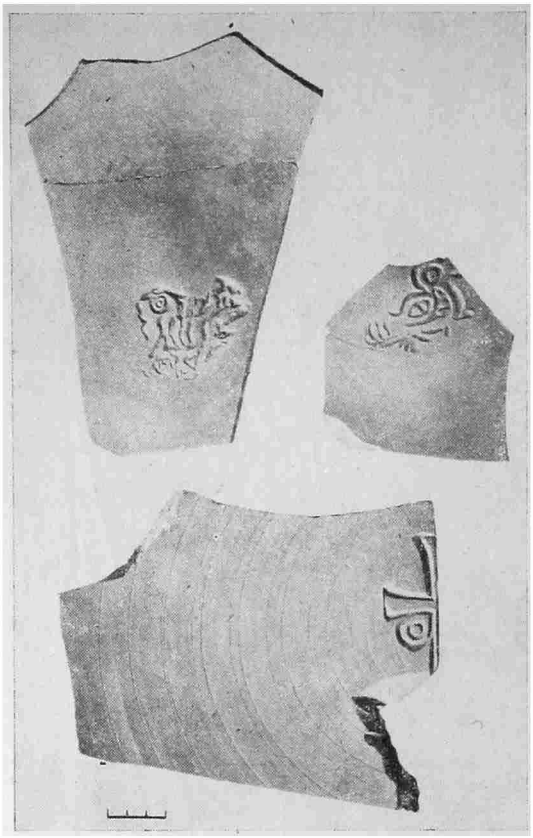


Рис. 9. Обломки днищ мисок со штампованными изображениями

Александрии [52, p. 39, 40] они встречены в слоях VI—VII вв. Отметим еще одну находку аналогичной миски в слое VII в. на Афинской Агоре [47, p. 116, pl. 71, M 350]. На основе сказанного описанную группу керамики можно датировать VI—VII вв.

На трех обломках днищ встречены штампованные изображения голубя, какой-то птицы с головой, обращенной назад, и креста с волютой. Последний, по Д. Хейсу, можно датировать концом V — первой половиной VI в. [50, p. 363, 365, fig. 78, J, K, I]. Однако опять же укажем на находку миски с подобным крестом на Ильичевском городище (VII в.) [43, рис. 1, *1—3*]. Это говорит о возможности и более поздней датировки таких крестов. Находка днища миски с крестом отмечена в дневнике Р. Х. Лепера [5, с. 6] (рис. 9).

В засыпи под полом храма найден фрагмент краснолаковой тарелки с горизонтальным, слегка прогнутым краем (рис. 8, *1*), датируемой Д. Хейсом первой половиной VI в. [50, p. 339, fig. 70, *2*; form. 5]. Там же найден фрагмент блюда с загнутым краем и граненными с наружной стороны стенками (рис. 8, *2*). Аналогов этому блюду пока найти не удалось. Здесь же найдены обломки другого блюда IV—V вв. с отогнутым краем (рис. 8, *5*) [53, с. 254].

Еще одну группу материала составляют обломки мисок на высокой кольцевой подставке с отогнутым наружу венчиком. Эта посуда имеет светло-желтый черепок с таким же напоминающим лак покрытием (рис. 8, *6*). В Херсонесе подобные миски встречены в одном из комплексов VII в. [51, с. 26, рис. 7, *3*].

В слоях 4—6 найдены многочисленные обломки стеклянных сосудов различного времени (рис. 10), почти все формы которых известны по находкам их в раннесредневековых слоях Херсонеса [54, с. 237—239] и Тмутаракани [55, с. 135 сл.]. В их числе встречены ножки рюмок. Формы ножек варьируются: одни из них — на слегка утолщенном стволе (рис. 10, *9*, *10*) и могут датироваться, судя по находкам из Сардиса, VI—VII вв. [56, p. 10, pl, 9, 10a]; другие, более стройной формы, известны по находкам аналогичных в Ятрусе и могут быть отнесены к тому же времени (рис. 10, *11—12*) [57, S. 328, 329, fig. XXV].

В слоях 4—6 найдены следующие монеты: три позднеримские (IV в.), Феодосия II (408—450), Анастасия I (491—518). Все эти монеты находились в широком обращении до упорядочения денежной системы при Ираклии I (611—641) [58, с. 106, 107]. Таким образом, и они не противоречат датировке слоев VII в.

Слой 7 почти стерильный в археологическом отношении, он образовался в результате естественного намыва грунта внутрь бассейна (рис. 4). Нижележащие слои 8—10 являются его одновременной засыпью и по монетным находкам могут датироваться самым концом IV — первой половиной V в.

Таким образом, исходя из анализа археологического материала, нивелировочную насыпь под пол храма, а следовательно, и возведение его

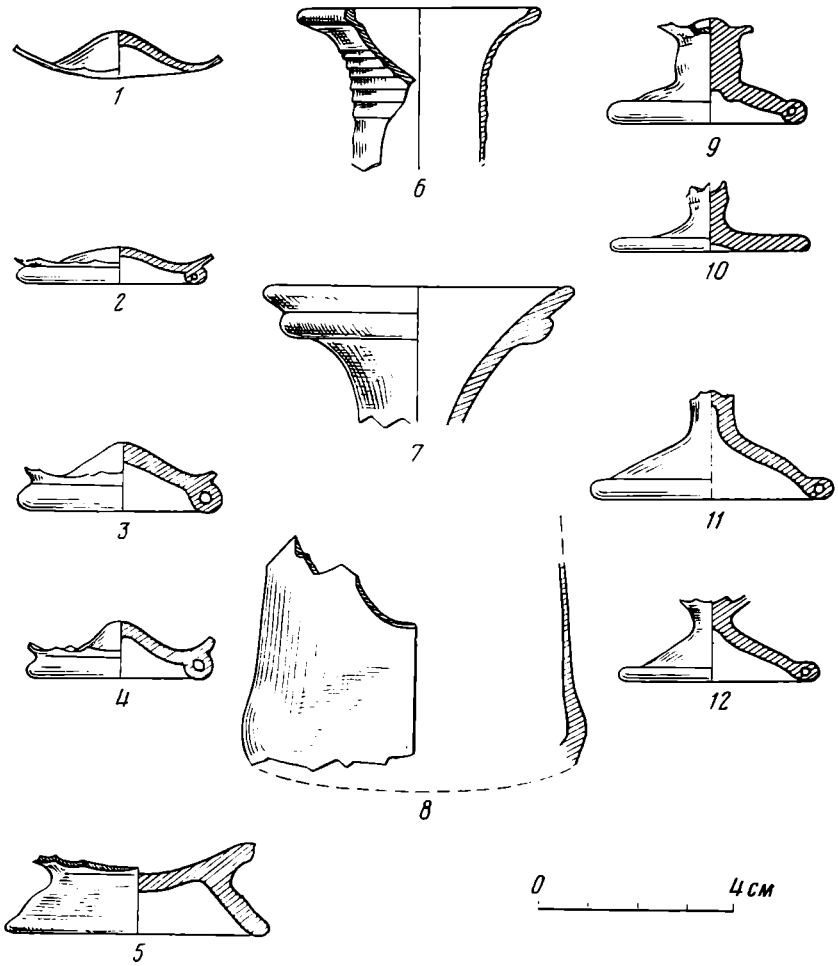


Рис. 10. Стеклянная посуда из нивелировочной насыпи под мозаичный пол храма

самого можно отнести, скорее всего, к VII в. (уточнение этой даты может быть достигнуто при дальнейшем исследовании памятника). Такая датировка хронологически сближает его с другими ранневизантийскими постройками Херсонеса, например такими, как «Уваровская» базилика [59, с. 33, 45, 51; 13, с. 81; 60, с. 75] и крещальня, что возле нее [15, с. 75]; последняя, кстати, построена в одной и той же технике кладки (opus mixtum). Есть основания относить к тому же времени и сооружение базилик 1932 г. [61, с. 232, 252] [9] и 1935 г.[10]. Напомним также, что А. Л. Бертье-Делагард относил наиболее оживленное церковное строительство в Херсонесе лишь к самому концу VI, а скорее всего, к VII в. [59, с. 51]. Н. И. Репников еще более уверенно относил это строительство к VII в. [65, с. 51, 52]. О том, что в VI в. (при Юстиниане I) в Херсонесе такого строительства не велось, можно заключить из того факта, что в сочинении Прокопия «О постройках» ничего об этом не говорится, в то время как он подробно перечисляет не только воздвигнутые императором храмы, но и говорит о восстановлении ранее существовавших церквей (например, в Лазике) [66, с. 249]. При этом Прокопий упоминает даже самые незначительные постройки, которые до сих пор не локализованы.

[9] Такая датировка подтверждается находкой монеты Тиберия Маврикия (582—602) в нивелировочной насыпи, сделанной во время строительства храма [62, с. 31].

[10] На это указывают монеты Тиберия Маврикия (582—602) в слое 3, в который впущены стены базилики 1935 г., а также монета Константа II (641—668) в цистерне Е, засыпанной при строительстве этой базилики [63, с. 73; 64, с. 118—120], опись монет № 109.

Мозаичный пол храма уже ко времени первых раскопок сохранился фрагментарно. Наиболее крупный фрагмент мозаики имелся в западной апсиде [11]. Здесь, судя по зарисовке М. И. Скубетова [12], были изображены птицы — голубь, куропатка, орел (?), помещенные среди виноградных лоз. Рисунок мозаики, по свидетельству зачищавшего ее в 1959 г. О. И. Домбровского, носит характер обрамления чего-то помещавшегося в подкупольном пространстве храма [8]. К началу последних раскопок сохранились лишь жалкие остатки мозаики, не дающие сами по себе целостного представления ни о рисунке первоначального мозаичного настила, ни о геометрической орнаментации второго пола, перекрывавшего первый. При этом, однако, осталась достаточно целой субструкция первоначального мозаичного пола. Второй, более поздний настил состоял из более крупных камней; на нем, судя по зарисовке М. И. Скубетова, были изображены пересекающиеся круги [13].

Итак, местоположение печи посреди храма с устьем — подчеркнем еще раз — в геометрическом центре здания не случайность. Как уже сказано, храм не имел алтаря: по своему устройству это, несомненно, мартирий. Если же учесть, что он был воздвигнут над остатками известеобжигательной печи, то его, следуя К. Э. Гриневичу [7, с. 133, 134], действительно, можно считать поставленным в память о «чуде» епископа Капитона. Согласно «Житию» этого святого, он в 325 г. прибыл в Херсон с отрядом 500 воинов и насаждал христианство в этом языческом городе. Как гласят все сохранившиеся редакции «Жития» [14], Капитон в доказательство «бытия божия» вошел в известеобжигательную печь и вышел из нее невредимым. Затем из пережженной в печи извести он построил крещальню, в которой всех окрестил. Описанные события изложены в нескольких редакциях «Жития херсонесских святых». Однако в нашем случае не играют роли их незначительные различия. Важно другое: во всех вариантах «Жития» Капитона (греческой рукописи XI в. в Московской синодальной библиотеке [68, с. 62; 69, с. 12], в славянских редакциях, в том числе древнейшей из них — Супрасъльской минее XI в. [71, с. 162, 163], в грузинской минее [70, с. 86—88], крещение Херсонеса связывается именно с известеобжигательной печью.

Примеры сооружения подобных храмов-памятников имеются в Херсонесе. К числу таких построек можно отнести Загородный крестообразный храм над остатками более древней часовни, открытой посреди постройки, под его мозаичным полом [74, с. 52]. Возможно, она считалась в Херсонесе местом погребения папы Мартина [72, с. 13; 73, с. 85]. Таким же памятником является храм на островке в Казачьей бухте близ Херсонеса, поставленный якобы над могилой Климента [75, с. 20; 59, с. 62, 63; 14, с. 76; 73, с. 84]. Храм с останками Климента упоминается в «Сказании епископа херсонского Ефрема» [76], а также Рубруком [77, с. 88]. Подтверждение тому, что на местах, связанных с местными святыми, ставились такого рода памятники, есть в «Житиях», где сказано о столбе с крестом, поставленном на месте гибели епископа Василия [71, с. 156, 161]. На существование в Херсонесе храма именно одного из св. Василиев указывает Лаврентьевская летопись [78, с. 276]. Таким образом, можно констатировать вслед за М. И. Ростовцевым [79, с. 506], что почитание местных святых связывалось в Херсонесе с определенными, всем хорошо известными памятниками. Четырехапсидный храм мог занимать определенное место в ряду себе подобных памятников.

По топографическим деталям, рассеянным на страницах «Жития», В. В. Латышев заключил, что оно сложилось в самом Херсонесе и, скорее всего, в VII в. [68, с. 16, 44], т. е. в том же столетии (если судить по археологическим данным), когда мог быть построен храм. Это в свою очередь наводит на мысль, что четырехапсидный храм является

---

[11] Короткое описание мозаики смотрите у А. Л. Якобсона [12, с. 246, прим. 2].
[12] Архив ХГАЗ. р-1, № 134, рис. 91.
[13] Архив ХГАЗ. р-1, № 134, рис. 88, 89.
[14] Библиографию о «Житиях» см. у А. А. Васильева [67, p. 7, 8].

памятником над местом, легендарно связываемым с епископом Капитоном, «крестившим» Херсонес, подобно тому как Звартноц был поставлен в VII в. над местом, связанным с Григорием Просветителем, «крестившим» в IV в. Армению [80, с. 4 и сл]. Оживленное церковное строительство в Херсонесе в конце VI—VII в. было сопряжено с канонизацией первых христианских епископов. Оба явления — разные стороны одного процесса — христианизации Херсонеса.

В Супрасъльской минее есть любопытная топографическая деталь — упоминание о «святых» воротах в западной части Херсонеса [68, с. 56]. Как уже сказано, четырехапсидный храм расположен возле главных ворот города, главных потому, что они шире других, от них начинается главная улица, их украшали мраморные львы [15, с. 134; 81, с. 3, 51]. Не они ли названы «святыми», поскольку возле них расположен столь монументальный и, вероятно, весьма почитаемый храм?

Попытки проецировать данные письменных источников на конкретные археологические памятники Херсонеса уже предпринимались. Так, В. В. Латышев, С. П. Шестаков и К. Э. Гриневич [68, с. 56; 82, с. 21; 7, с. 133, 134] отождествляли так называемую «Уваровскую» базилику с упоминаемым в «Житиях» храмом св. Петра; Е. Э. Иванов и К. Э. Гриневич связывали храм, пристроенный к оборонительной стене в цитадели, с упоминаемой в источниках базиликой Леонтия-Лаврентия [83, с. 256; 84, с. 268—272; 85]. Отметим и то, что последнее вызвало серьезную критику со стороны В. Ф. Гайдукевича [86, с. 299, 315].

Как видно из сказанного выше, выяснение исторической топографии Херсонеса на основе весьма скудных письменных источников — задача достаточно сложная. Ее решение зависит от правильной научной интерпретации тех или иных памятников, которая в свою очередь упирается в хронологизацию, достигаемую исключительно археологическим путем. Сказанное полностью относится к четырехапсидному храму. Хотя сам он не упоминается в источниках, ряд сведений, в том числе археологические данные, логически ведут к определенным выводам: местоположение печи по отношению к храму, мемориальный характер последнего, отсутствие в нем алтаря и, наконец, доминирующая роль этой постройки — в самой высокой точке города, у главных ворот,— все это и позволяет связывать четырехапсидный храм с житийным повествованием о епископе Капитоне.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет за 1893 г. Архив ХГАЗ, р-1, № 3.
2. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Пояснительная записка к генеральному плану херсонесского городища.— Архив ХГАЗ, р-1, № 202.
3. Каталог фотографий, снятых при К. К. Косцюшко-Валюжиниче.— Архив ХГАЗ, р-1, № 58.
4. *Лепер Р. Х.* Из раскопок в Херсонесе в 1906—1909 гг.— ИАК, 1911, № 42.
5. *Лепер Р. Х.* Дневник раскопок в 1909 г.— Архив ХГАЗ, р-1, № 71.
6. *Лепер Р. Х.* Опись древностей 1909 г.— Архив ХГАЗ, р-1, № 102.
7. *Гриневич К. Э.* Четырехапсидное здание в Херсонесе. Архив ХГАЗ, р-1, № 1035.
8. *Домбровский О. И.* Херсонесская мозаика (рукопись).— Архив Отдела археологии Крыма ИА АН УССР, р-1, № 720.
9. *Домбровский О. И., Кутайсов В. А.* Раскопки четырехапсидного храма в Херсонесе.— АО — 1977. М., 1978.
10. *Кутайсов В. А.* Раскопки на участке четырехапсидного храма в Херсонесе.— АО — 1978. М., 1979.
11. *Кадеев В. И.* Очерки по истории экономики Херсонеса в I—IV вв. н. э. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1970.
12. *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес.— МИА, 1959, № 63.
13. *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г.— ИАК, 1902, № 4.
14. *Айналов Д. В.* Развалины храмов. Памятники христианского Херсонеса. Вып. 1. М., 1905.
15. *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе.— ИАК, 1907, № 21.
16. *Полевой В. М.* Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство, 1973.
17. *Campbell W. A.* The Martyrion at Seleucia Pieria.— In: Antioch-on-the-Orontes. V. III. Princeton, 1941.
18. *Golding M.* The Cathedral at Bosra.— Archaeology, 1948, № 3.
19. Кратка история на Българската архитектура. София, 1965.

20. *Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. Т. 1. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР.
21. *Мнацакян С. Х.* Звартноц. М.: Искусство, 1971.
22. *Lassus J.* Sanctuaires chrétiens de Syrie.— Bibliothéque archéologique et historique, 1947, t. XLII.
23. *Smith E.* The Dome. Princeton, 1950.
24. *Паршина Е. А.* Средневековая керамика Южной Таврики.— В кн.: Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974.
25. *Rice D. T.* The byzantine glazed pottery. Oxford, 1930.
26. *Morgan Ch. H.* The byzantine pottery.— In: Corinth, 1942, v. XI.
27. *Stevenson R.* The Great Palace of Byzantine Emperors. The Pottery, London, 1947.
28. *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука, 1979.
29. *Irimia M.* Cuptoarele romano-byzantine de ars ceramica de la Oltina.— Pontica, 1968, № 1.
30. *Scorpan C.* Origini si linii evolutive in ceramica romano-bizantina (sec. IV—VII) din spatiul Mediteranean si Pontic.— Pontica, 1976, № IX.
31. *Scorpan C.* Contribution à la connaissance de cèrtains types ceramiques romano-byzantins (IVe—VIIe) dans l'espace Istropontique.— Dacia, 1977, № XXI.
32. *Radulescu A.* Amfore romane si romano-bizantine din Scythia Minor.— Pontica, 1976, № IX.
33. *Barnea I.* Ö casa romano tîrzie de la Dinogetia. 8.—SCIV, 1969, № 20.
34. *Scorpan C.* Săpăturile archeologice de la Sacidava (1969—1971).— Pontica, 1973, VI.
35. *Scorpan C.* Ceramica romano-bizantine de la Sacidava.— Pontica, 1975, VIII.
36. *Candurachi E.* Si colaboratory. Santierul archeologic Histria.— MCA, 1961, t. VII.
37. *Кузманов Г.* Ранновизантийската керамика от кастела на нос Калиакр.— Археология, 1978, № 2.
38. *Bass G. F.* Underwater excavations at Yasi-Ada: a byzantine shipwreck.— Archäologischer Anzeiger, 1962, № 3.
39. *Dothan M., Freedman D. N.* Ashdod. V. I.— Atiqot. Englich series, № VII, Jerusalem, 1967.
40. *Антонова И. А. и др.* Средневековые амфоры Херсонеса.— АДСВ, 1971, № 7.
41. *Романчук А. И.* Комплекс VII в. из портового района Херсонеса.— АДСВ, 1973, № 10.
42. *Баранов И. А.* Ранние болгары в Крыму (локальный вариант салтово-маяцкой культуры): Канд. дис. ИА АН УССР, 1977.— Архив ИА АН УССР, р-2, МР № 571.
43. *Николаева Э. Я.* Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища — КСИА АН УССР, 1978, № 156.
44. *Фролова Н. А., Николаева Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 г.— ВВ, 1978, № 39.
45. *Якобсон А. Л.* Раскопки средневековых слоев Херсонеса.— КСИИМК, 1950, XXXV.
46. *Белов Г. Д., Стрежелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.* Квартал XVII.— МИА, 1953, № 34.
47. *Robinson H. S.* Pottery of the Roman Period. Chronology.— In: The Athenian Agora. V. 5. Princeton, 1959.
48. *Riley J. A.* The Pottery From the First Session of Excavation in the Caesarea Hipodrome.— BASOR, 1975, № 218.
49. *Waage F.* Hellenistic and Roman Tableware of North Syria.— In: Antioch-on-the-Orontes, V. IV, part 1. Princeton, 1948.
50. *Hayes J. W.* Late Roman Pottery. London, 1972.
51. *Романчук А. И.* Херсонес VI — первой половины IX в. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1976.
52. *Rodziewicz M.* La ceramique Romaine Tarwide d'Alexandrie.— Alexandrie, v. I. Varsovie, 1976.
53. *Лордкипанидзе О. Д.* Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды.— Вестник отделения общественных наук Грузинской АН, 1962, № 1.
54. *Белов Г. Д.* Стеклоделие в Херсонесе.— СА, 1965, № 3.
55. *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло Древней Тмутаракани. М.: Наука, 1963.
56. *Saldern A.* Glass from Sardis.— AJA, 1962, № 1.
57. *Gomolka G.* Katalog der kleinfunde.— Klio, 1966, № 47.
58. *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев: Наукова думка, 1977.
59. *Бертье-Делагард А. Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса.— МАР, 1893, № 12.
60. ОАК за 1901 г. СПб., 1903.
61. *Белов Г. Д.* Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг.— МИА, 1941, № 4.
62. *Белов Г. Д.* Раскопки в Херсонесе в 1934 г. Симферополь: Изд-во Крымской АССР, 1936.
63. *Белов Г. Д.* Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь: Изд-во Крымской АССР, 1938.
64. *Белов Г. Д., Якобсон А. Л.* Квартал XVII.— МИА, 1953, № 4.
65. *Репников Н. И.* О датах базилик Крыма.— Архив ЛОИА, р-1, ф-10, № 3.
66. *Прокопий Кесарийский.* О постройках.— ВДИ, 1939, № 4.
67. *Vasiliev A. A.* The Goths in the Crimia. Cambridge, 1936.
68. *Латышев В. В.* Жития св. епископов херсонских. Исследования и тексты. СПб., 1906.
69. *Латышев В. В.* Страдания св. епископов херсонских.— ИАК, 1907, № 23.
70. *Латышев В. В., Кекелидзе К.* Житие св. епископов Херсонских в грузинской минеи.— ИАК, 1913, № 49.

71. *Лавров П.* Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности.– Памятники христианского Херсонеса. Вып. III. М., 1911.
72. *Кондаков Н. П.* Археологическое путешествие по Сибири и Палестине. СПб., 1904.
73. *Айналов Д. В.* Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе.– Древности, 1916, № 25.
74. *Домбровский О. И.* Отчет о полевых археологических исследованиях загородного крестового храма в 1953 г.– Архив ХГАЗ, р-1, № 708.
75. *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. Николаев, 1879.
76. Херсонесские святители. Св. священномученика Ефима, епископа херсонского сказания.– ЗООИД, 1875, т. IX.
77. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Наука, 1957.
78. Повесть временных лет. М.–Л.: Наука, 1950.
79. *Ростовцев М.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
80. *Тер-Мовсесян М.* Раскопки церкви св. Григория близ Эчмиадзина.– ИАК, 1903, № 7.
81. ОАК за 1894 г. СПб., 1896.
82. *Шестаков С. П.* Очерки по истории Херсонеса в IV–X вв.– В кн.: Памятники христианского Херсонеса. Вып. II. М., 1908.
83. *Иванов Е. С.* Херсонес Таврический.– ИТУАК, 1912, № 46.
84. *Гриневич К. Э.* Отчет о раскопках 1926 г. в связи с раскопками 1907–1910 гг.– ХСб., 1927, № 3.
85. *Гриневич К. Э.* Иллюстрированный путеводитель по Херсонесу Таврическому. Севастополь: Изд-во Главнаука Наркомпроса РСФСР, 1926.
86. *Гайдукевич В. Ф.* Мнимая базилика Лаврентия-Леонтия.– МИА, 1953, № 34.

V. A. Kutaisov

THE CHERSONESE FOUR-APSE TEMPLE

Summary

A four-apse temple was discovered in 1893 on the territory of the Chersonese fortified settlement during the construction of an artillery battery. In 1906, the diggings of the temple were conducted by K. K. Kostsyushko-Valyuzhinich, in 1909—by R. Kh. Leper. In the 1930s K. E. Grinevich made some stripping inside the temple, and in 1959 O. I. Dombrovsky stripped the remains of the mosaic floor to establish the degree of its preservation. An expedition of the Ukrainian Institute of Archaeology continued excavations in 1977-1979.

The temple is tetrachoncal in plan made of four apses oriented to the four points of the compass and connected by a dome (Figs. 1, 2, 6). The walls are built in the opus mixtum techniques. The temple was erected over an earlier lime kiln on a hill-side, though there was level ground nearby. The foundations of the eastern and northern apses were laid in an old reservoir filled in the end of the 4th-first half of the 5th centuries.

The dating of the temple (the 7th century) is based on the material from the levelling earth bank under the original mosaic floor (layers 4-6; Fig. 4). In the 10th century the temple was partly destroyed and then reconstructed with some changes: a new mosaic floor of a simpler geometrical design was laid over an old one.

The lime kiln which served as a martyrium, the absence of an altar and the dominant position of the temple on the highest point at the main city gates suggest that it was dedicated to canonised Bishop Capiton one of whose miracles was connected with a lime kiln.

МАНЫЛОВ Ю. П., ЮСУПОВ Н. Ю.

КАРАВАН-САРАИ ЦЕНТРАЛЬНОГО УСТЮРТА
(в пределах Каракалпакской АССР)

В последние три десятилетия проведены основные исследования на караван-сараях центрального Устюрта, позволившие отнести их по мере накопления фактов к определенной исторической эпохе.

Первые сведения об этих памятниках в литературе появились свыше двухсот лет назад [1, с. 59, 60]. К началу XIX в. восходят краткие описания А. И. Левшиным двух из них Белеули и Чурук (Турук). О первом сказано, что «строения сии еще не совсем развалились до ныне. Они были сделаны из каменных плит с кирпичными сводами». В развалинах при урочище Чурук «видны каменья столь необыкновенной величины, что трудно объяснить, каким образом взнесены оные были на свои места» [2, с. 210].

П. И. Небольсин, анализируя состояние торговли с Россией в XIX в., останавливается на описании караванных путей через плато Устюрт и имеющихся там развалин. Он указывает, что при колодцах Белеули «строение в виде дома сооружено из огромных камней белого и красного цвета и разделено на несколько небольших покойчиков, каждый с особым сводом» [3, с. 110, 111].

В. В. Григорьев приводит расстояния между отдельными колодцами на караванных путях через Устюрт и краткое упоминание о строении у колодцев Белеули. «Колодези выложены кирпичом,— пишет он.— Подле них имеется большая старая палата с одной башней, род крепосцы, вышиною в дом, о двужильях, со сводами и с несколькими во внутренности покоями» [4, с. 112].

После работ полковника Белявского стало известно о наличии «небольшой калы» у колодцев Учкудук [5, с. 180].

Развалины крепости Белеули и находящиеся рядом прекрасно выложенные камнем колодцы отмечает С. Н. Никитин [6, с. 73—77].

К хивинскому периоду истории Хорезма относит А. Н. Рябинин развалины крепости Белеули и еще сохранившийся ее портал в стиле строек Самарканда [7, с. 246].

В 1899 г. около Белеули — разрушенной крепости времен Тамерлана, единственной каменной постройки на протяжении всего Устюрта» — останавливался М. Н. Чернышевский [8, с. 80]. Фотография портала, сделанная им, опубликована Л. Жуковой и Л. Левтеевой [9, с. 26].

Данные А. И. Левшина и В. В. Григорьева о памятниках Белеули и Чурук использованы И. А. Кастанье [10, с. 98].

Только работами Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР 1946 г. на территории Устюрта, входящей в административные границы Каракалпакской АССР, было определено назначение этих памятников в качестве караван-сараев. Во время авиаразведок С. П. Толстовым открыты развалины караван-сараев Учкудук, Булак, Косбулак и Белеули [11, с. 178; 12, с. 629].

Давая краткое описание караван-сарая Белеули, С. П. Толстов считает, что «это — укрепленный караван-сарай конца X—XI в.», помещения в котором располагались в два этажа. По мнению С. П. Толстова, этот караван-сарай стоял на торговом пути, который «оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км — нормальный переход каравана» [13, с. 347].

В работах С. П. Толстова датировка караван-сараев колеблется между концом X — началом XI в. [11, с. 178; 14, с. 263—265] и концом X—XI вв. [13, с. 347].

В 1950 г. Уральско-Устюртским отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции произведены археологические разведки памятников, расположенных вдоль хорошо оборудованной колодцами и караван-сараями средневековой (XI—XIII вв.) караванной дороги, пересекающей Устюрт. В центральной части Устюрта отрядом обследованы караван-сараи Чурук, Белеули, Косбулак и Учкудук [15, с. 13, 14, 18]. С. П. Толстов считает, что «однотипность планировки, расположение и характер конструкций этих построек свидетельствуют об их сравнительно одновременном сооружении как единого комплекса оборудованной дороги»[16, с. 305].

В 1964 г. Е. Бижановым продолжено обследование караван-сараев. На двух из них (Булак и Косбулак) заложены небольшие шурфы, в которых получена керамика XIII—XIV вв. [17, с. 187, 188]. Строительство караван-сараев вдоль караванного пути отнесено к хорезмшахскому периоду, а «наиболее интенсивная эксплуатация торгового пути и караван-сараев приходится на XIII—XIV вв.» [18, с. 10, 11; 19, с. 54—59; 20, с. 56].

В 1972 г. около караван-сарая Белеули обследованы система сардоб, могильник и карьер по добыче камня [21, с. 474].

Подводя итоги изучения караван-сараев, произведенного до наших работ, следует указать на широкие колебания датировок изучаемых памятников. Такое расхождение, вероятно, объясняется тем, что при решении вопросов хронологии караван-сараев центрального Устюрта использовался в основном подъемный материал. Археологические раскопки проводились в незначительных объемах.

Нельзя не отметить, что после упомянутых выше работ Хорезмской экспедиции в 1950 г., Е. Бижанова в 1964 г., позволивших изменить ранее принятую датировку караван-сараев Устюрта, в том числе и Белеули, предложенную С. П. Толстовым, в некоторых исследованиях по-прежнему эти памятники относят к X в. [22, с. 75; 23, с. 60].

В 1975—1978 гг. отделом археологии Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН УзССР проведены исследования всех караван-сараев центрального Устюрта в пределах границ Каракалпакской АССР. Материалы этих работ легли в основу настоящей статьи.

Караван-сараи вытянуты по прямой с юго-востока на северо-запад. Между крайними обследованными памятниками расстояние составляет около 170 км (рис. 1). Караван-сарай Учкудук расположен на северном крае Барсакельмесской котловины, в 10 км восточнее железнодорожного разъезда Абадан. Без раскопок читается прямоугольник сильно оплывших стен со значительным понижением в центральной части.

Караван-сарай размером 31,70×28,45—28,65 м ориентирован стенами по странам света (рис. 2). Стены шириной 0,76—0,84 м сохранились на высоту 1—1,5 м. Они возведены из вертикально поставленных плит размером 0,8—1,14×0,8—1,00×0,11—0,28 м на алебастровом растворе. Плиты настолько плотно подогнаны друг к другу, что между ними не проходит лезвие ножа. Промежуток между плитами заполнялся щебнем и отходами от обработки блоков на алебастровом растворе. Высота стен помещений установлена в пределах 1,9 м, т. е. она равна высоте двух плит, поставленных друг на друга.

Аналогичным образом возведены стены караван-сарая Коскудук на северо-западном Устюрте [15, с. 16, 17].

Углы фасадной стороны оформлены башнями круглой в плане формы диаметром 1,85—1,88 м. Они сложены из плит толщиной 0,25—0,34 м и длиной по окружности 0,7—0,9 м. Башни обмазаны тонким слоем алебастрового раствора.

Вход шириной 4,7 м находится в середине южной стены. По его бокам расположены пилоны длиной 2,07—2,10 м, выступающие из плоско-

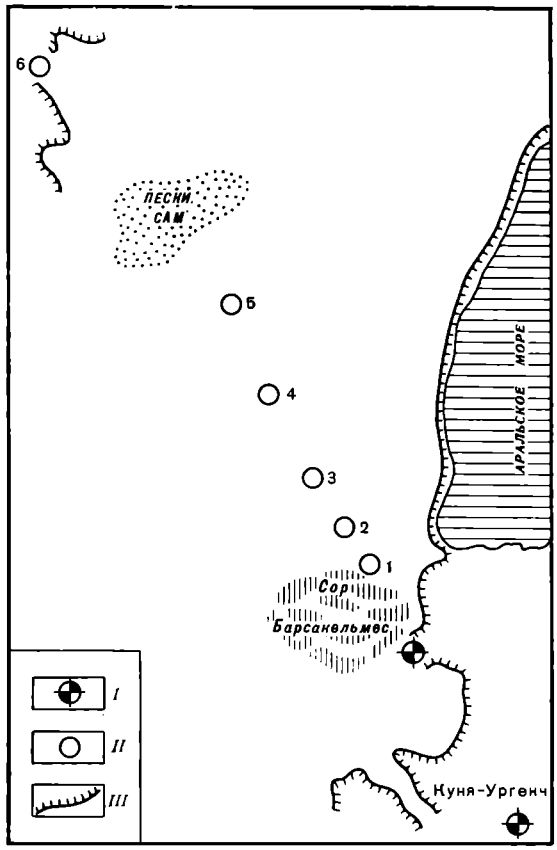


Рис. 1. Схематическая карта расположения караван-сараев центрального Устюрта. I – крупные населенные пункты; II – караван-сараи; III – обрывы Устюрта. *1* – Учкудук; *2* – Джигельды; *3* – Косбулак; *4* – Белеули; *5* – Чурук, *6* – Коскудук

сти стен на 0,42—0,47 м. На расстоянии 2,22 м от фасадной стороны пилонов вход становится у́же и достигает ширины 3,9 м.

Центральную часть памятников занимает двор размером 18—18,1×21,3 м, связанный проходами почти со всеми жилыми и хозяйственными помещениями. Поверхность двора имеет значительное понижение от стен к центру. Заложенная здесь траншея пройдена на глубину 2,2 м и материка не достигла. В процессе раскопок выяснено, что в этом месте находился колодец диаметром на уровне материковой поверхности около 1,5 м, вероятно обложенный в верхней части каменными плитами.

Вдоль западной и восточной стен расположено по семь жилых помещений. Из них только два (1 и 15) размером 4,2××3,8 м отличаются по своим пропорциям от помещений, вытянутых вдоль боковых стен. Они сообщаются с внутренним двором через помещения 1А и 15А. Размеры остальных жилых помещений колеблются в незначительных размерах (3,75××2,90 и 3,9×2,98 м). Среди раскопанных восьми помещений только в двух из них (1 и 2) выявлены суфы вдоль западной и южной стены с керамическими очагами в средней части. В других помещениях открыты одно или несколько очажных пятен, где материк прокален докрасна. .

Вдоль северной стены вытянуто помещение 8 — двор размером 26,9×3,8 м. Оно отделено от внутреннего двора стеной шириной 0,9 м. Вход шириной 1,1 м находится в середине этой стены. Входная ниша заглублена на 0,25 м. По бокам прохода имеются пилоны, выступающие из плоскости стены на 0,25—0,35 м. Длина их по стене равна 0,78—0,80 м. Раскопки восточной части этого помещения позволили открыть основания подпружных арок длиной 0,59 и 0,62 м, выступающие из плоскости стен на 0,36—0,40 м. Они сохранились в высоту на 0,96 м. Между основаниями обнаружен завал арки из блоков трапециевидной формы, скрепленных между собой алебастровым раствором. Длина этих блоков совпадает с длиной оснований арок. Помещение перекрывалось, по нашим расчетам, семью куполами, покоящимися над подпружных арках.

Все раскопанные помещения на всю высоту завалены плитками ракушечника квадратной, прямоугольной или близких к ним форм размером 23×17×8, 18×17×5, 20×20×7,5 см и т. д. Видимо, из этих плиток возводились купольные и сводчатые перекрытия помещений.

Раскопки аналогичного караван-сарая Коскудук позволили С. П. Толстову сделать вывод, что «кладка перекрытий из камня, обтесанного в форме кирпича, подчеркивает связь конструкций караван-сарая с исконно хорезмийскими традициями кирпичной кладки сводов» [15, с. 16].

В помещениях 1, 9, 11 найдены фрагменты неполивных терракотовых плит с резьбой, которые, по нашему мнению, составляли украшение свода портальной ниши.

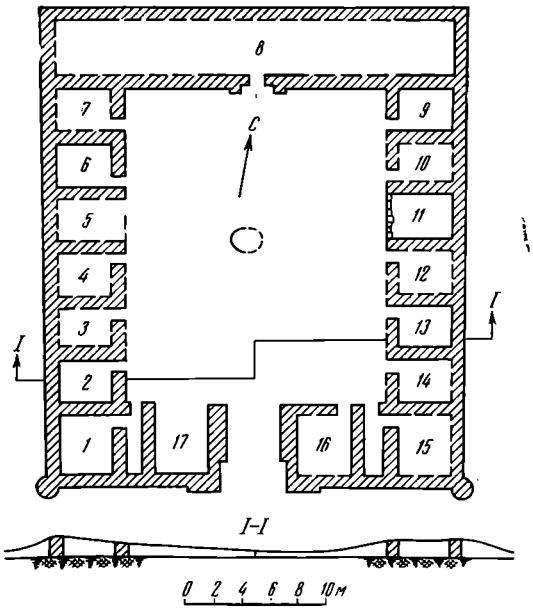


Рис. 2. Караван-сарай Учкудук. План и разрез

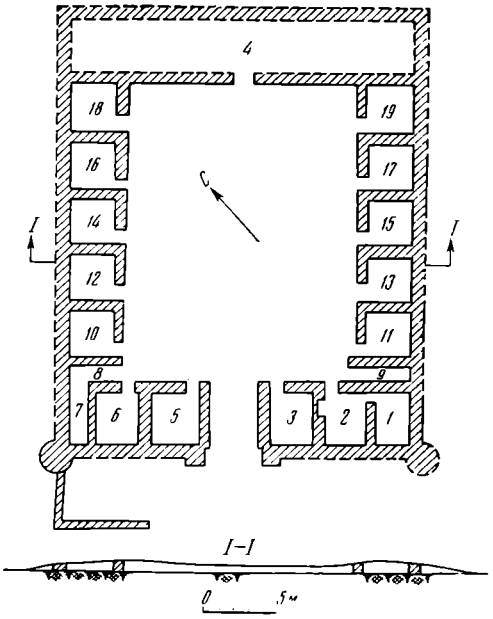


Рис. 3. Караван-сарай Ажигельды. План и разрез

К западу от караван-сарая открыт карьер по добыче камня размером 18×24 м.

В 25 км серево-западнее описанного памятника, на дне большой котловины глубиной 6—7 м по отношению к окружающей местности, расположен следующий караван-сарай — Ажигельды [1].

Развалины прямоугольной в плане формы возвышаются на местности 0,3—0,9 м. Караван-сарай размером 29,3×24,3 м ориентирован углами по странам света (рис. 3). Стены шириной 0,65—0,90 м построены из глиняных кирпичей со значительной примесью песка размером 27—29×27—29×5 см. Въезд шириной 3,8 м находится в середине юго-западной стены. По бокам въезда выступают пилоны размером 1,13—1,22×0,6 м. На расстоянии 1,17 м от фасадной стороны пилонов ворота становятся у́же на 0,48 м. Длина ворот — 5,48 м. На углах фасадной стены — башни диаметром 1,05 м. О наличии башен на северо-восточной стене можно высказывать только предположения.

Центральную часть караван-сарая занимает двор размером 19,3×15,3 м, из которого ведут проходы во все жилые и хозяйственные помещения. Вдоль северо-восточной стены караван-сарая расположено помещение 4 размером 22,5×3,8 м. Стена толщиной 0,7 м отделяет его от внутреннего двора. Они сообщаются между собой проходом шириной 1,3 м.

Всего в караван-сарае насчитывается 18 помещений. Раскопками вскрыто 17. 14 из них расположено вдоль боковых стен. Их размеры — 2,94—3,04×2,88—3,00 и 2,94×3,46 м. Помещения 2—3, 5—6, расположенные вдоль юго-западной стены, отличаются своими размерами от вышеуказанных (2,70—3,18×3,42—3,47 м). В большинстве жилых помещений рядом с проходами шириной 0,78—1,2 м расположены приподнятые над полом очажные выкладки с очагами диаметром 0,26—0,48 м, имеющие подковообразную форму. Стенки очагов неоднократно подмазывались глиной и прокалены докрасна. К очагам примыкают предочажные ямы для сбора золы, заглубленные в материк. В помещениях 12 и 19 в центральной части имеются очажные пятна. В помещении 18 вскрыт очаг прямоугольной формы с боковыми стенками и предочажной ямой.

[1] Данный памятник после работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1946 г. получил название Булак. Однако среди местного населения он известен по имени колодцев и котловины Ажигельды. Под таким же названием, правда искаженным, он упоминается у М. Н. Чернышевского [8, с. 80].

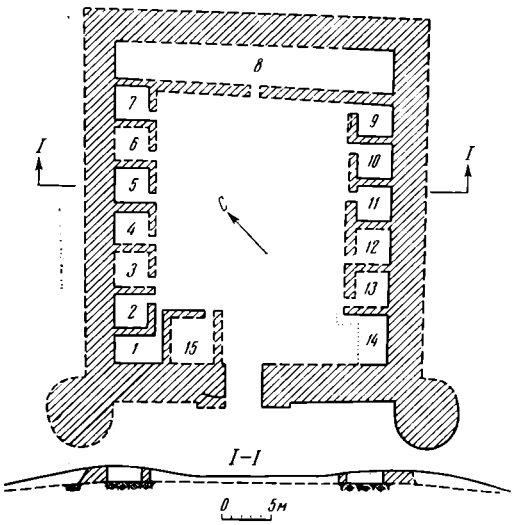


Рис. 4. Караван-сарай Косбулак. План и разрез

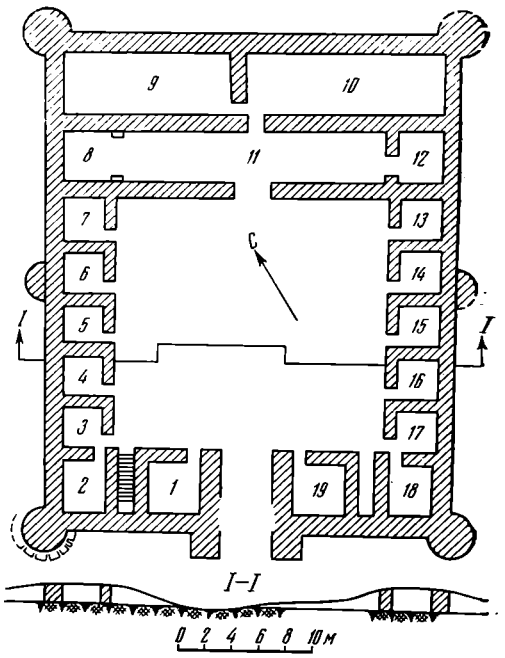


Рис. 5. Караван-сарай Белеули. План и разрез

Суфы, примыкающие к стенкам напротив входа, шириной 1,16—1,50 м, отмечены в помещениях 10, 11, 14.

К западной башне караван-сарая пристроена стена шириной 0,46 м, которая прослежена на 3,5 м. Затем она меняет свое направление и идет параллельно фасадной стороне на 5,75 м.

Караван-сарай Косбулак отстоит от вышеописанного памятника в северо-западном направлении на 33 км. Его название происходит от пяти одноименных колодцев [24, с. 158]. Он, как и предыдущий, ориентирован углами по странам света. Его размеры — 39×33,5 м (рис. 4). Развалины возвышаются над окружающей местностью на 2,6 м.

Въезд шириной 3,7 м находится в середине юго-западной стены. По его бокам расположены пилоны шириной 2,95 м, выступающие из плоскости стен на 0,4 м. Углы фасадной стороны оформлены крупными в плане башнями диаметром около 6,4 м.

Стены караван-сарая построены из кирпичей размером 22×22×5, 28—30×28—30×6—8 см. Кирпич сформован из местной глины, в которой содержится значительное количество песка. Очень редко в кладке стен встречаются плитки белого мягкого известняка. Толщина наружных стен различная — от 2,8 до 3,8 м. Они сохранились на высоту не более 1,58 м. Сравнение уровней полов помещений с окружающей местностью показывает, что караван-сарай построен на естественном бугре высотой около 1 м.

Археологические раскопки восьми помещений из 15 наряду с зачистками стен позволили составить полное представление о плане памятника. Центральную часть его занимает двор размером 18,55—18,60×26,3—27,1 м, который связан проходами шириной 0,96—1,00 м со всеми жилыми и хозяйственными помещениями. Напротив ворот, вдоль северо-восточной стены, находится помещение 8 размером 26,4×3,6—4,2 м. Вдоль боковых стен караван-сарая расположена основная часть жилых помещений. Помещение 1 имеет размеры 5,2×2,94 м. Размеры остальных раскопанных помещений отличаются друг от друга весьма незначительно — от 3,42×3,48 (пом. 2) до 3,62×3,58 м (пом. 11). На стенах помещений местами сохранилась глиняная обмазка.

Как и в предыдущем караван-сарае, в нескольких помещениях отмечены суфы вдоль противоположных от входа стен. Только в помещении

2 суфа имеет П-образную форму. Очаги в основном имеют подковообразную форму и заглублены в материк. Никакой закономерности в их расположении не наблюдается. Поглотительные ямы (ташнау), выложенные жженым кирпичом размером 28×22×6, 23×22×6, 29×23×6 см, имеются в помещениях 2 и 14.

Караван-сарай Белеули размером 35,3×29 м находится в 54 км северо-западнее колодцев Косбулак и ориентирован углами по странам света (рис. 5).

Стены караван-сарая толщиной 1,0—1,2 м возведены из прямоугольных плит известняка разных рамеров. В настоящее время они возвышаются максимально на 1,5—1,7 м. При их возведении плиты, выходящие на фасады стен, тщательно выравнивались Промежуток между ними, как и на караван-сарае Учкудук, засыпался различным строительным мусором.

Углы караван-сарая укреплены башнями, круглыми в плане, диаметром около 3,2 м. Плитам, из которых они построены, придана округлая форма. Внутрибашенные помещения отсутствуют. Средняя часть их засыпана щебнем. Башня на западном углу возведена на фундаменте из плохо обработанных плит, которые выступают из-под кладки башни. Диаметр этой выкладки 4,7 м.

В средних частях северо-западной и юго-восточной стен отмечены полукруглые башни, выступающие из плоскости стен на 1,32 м. Длина этих башен по стене равна 2,72 м. Эти полукруглые башенки приставлялись к плоскости стен без перевязки.

Въезд в караван-сарай находится в середине юго-западной стены между двумя прямоугольными пилонами размером 2,01×1,92 м. Расстояние между ними — 3,8 м. Портал возвышается в настоящее время на 7,66 м. Пилоны служили опорой свода стрельчатых очертаний, перекрывающего пространство 3,8×1,90—1,92 м. Высота сводчатого проема равна 6,66 м, а высота арки от уровня пят до щипца — 2,8 м.

В тимпанах арок до 1972 г. находились барельефные изображения львов. Плиты размером 0,98×0,82 м, на которых они выполнены, имеют прямоугольные очертания с одним срезанным углом.

Панно с изображением львов украшают порталы дворца Ак-сарай в Шахрисабзе (1380—1405 гг.) [25, с. 137], медресе Шир-Дор в Самарканде (1619—1636 гг.) [26, с. 19].

До недавнего времени в глубине портала находилась еще одна стрельчатая арка высотой около 4,62 м. Пространство над ней до верхней арки заложено тщательно обработанными плитами известняка.

Сильно развитые порталы с П-образным обрамлением входного проема являются характерной чертой архитектурных памятников средневекового Хорезма [27, с. 34, рис. 22; 28; с. 530—533].

Внутренняя планировка достаточно четко читается без раскопок. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по семь помещений. На караван-сарае имеется только два жилых комплекса, состоящих из двух сообщающихся между собой помещений (2 и 3, 17 и 18). Помещения 1 и 19, расположенные по бокам ворот, по своим размерам приближаются к квадрату со стороной 3,7—3,8 м. Помещения 3—7 и 13—13 имеют размеры 2,88—2,96×2,87—2,96 м. Из них только помещение 17 имеет длину 3,23 м. Все эти помещения связаны проходами шириной 0,82—0,94 м с внутренним двором караван-сарая. Помещения 8 и 12, находящиеся друг против друга, размером соответственно 3,53—3,62×3,42 и 3,24×3,56 м связаны проходами шириной 1,45 и 2,8 м с помещением 11. Помещение 11 связано проходом шириной 2,6 м с внутренним двором и проходом шириной 1,17 м с помещением 10. Последнее сообщается проходом шириной 0,9 м с помещением 9.

Центральная часть караван-сарая занята двором размером 19,2—19,3×17,8 м, в средней части которого наблюдается понижение. А на ранее снятом плане оно выглядит как колодец [14, с. 248]. Работы позволили установить, что незначительное понижение в рельефе образовалось в результате выборки земли в недалеком прошлом.

Раскопки четырех помещений показали, что культурный слой в них отсутствует.

В помещениях 4 и 16 обнаружены горизонтальные дымоходы типа кана, сохранившиеся частично. Они подходят к вертикальным дымоходам, прорубленным в северо-западных стенах на всю высоту сохранившихся стен. У основания вертикальных дымоходов в материковой глине вырыты ямы диаметром 0,44 и 0,70 м. Стены этих ям, вертикальных и горизонтальных дымоходов сохранили следы копоти. Общую картину отопительной системы восстановить невозможно, так как она уничтожена во время повторного обживания помещений в новое время (XIX в.?).

При раскопках между помещениями 1 и 2 открыта лестница шириной 1,21—1,28 м. Сохранилось 11 ступенек. Их ширина и высота различные и равны соответственно 0,25—0,30 и 0,20—0,26 м. Ступени построены из каменных плит длиной до 0,7 м. Длина сохранившейся части лестницы — 3,16 м, высота — 2,51 м. Общая ее высота установлена нами в пределах 3,5 м. Ширина лестницы в южном углу составляет 1,15 м. Ее раскопки из-за плохой сохранности не производились. Высота юго-западной стены у портала равна 4,5 м. Это дает нам основание считать, что лестницы вели на перекрытие помещений.

С. П. Толстов после обследования памятника в 1946 г. пришел к выводу, что караван-сарай был двухэтажным [13, с. 347; 14, с. 264]. Полученные нами данные это мнение не подтвердили.

Общая высота портала караван-сарая до разрушения равнялась 10 м. Свод портальной ниши украшали майоликовые плиты на кашине с подглазурной росписью в виде прямых и переплетающихся линий белого, бирюзового и ультрамаринового цветов. Небольшие фрагменты этих плит толщиной до 3,3 см найдены при раскопках лестницы в западном углу.

Весь облик сохранившихся стен башен и портала караван-сарая свидетельствует о высоком профессиональном уровне сооружавших его хорезмийских мастеров-каменщиков, истоки которого, вероятно, нужно искать в предшествующем периоде развития архитектуры Устюрта [29]. В связи с этим нам трудно согласиться с предположением Г. А. Пугаченковой о том, что в сооружении караван-сарая Белеули «участвовал какой-либо мастер, приглашенный из Армении или Азербайджана» [25, с. 33].

Около 50 м северо-восточнее караван-сарая зарегистрировано восемь сардоб, буйно заросших пустынной растительностью внутри круговых каменных обкладок (рис. 6). Они расположены двумя группами. В первую группу входят четыре сардобы (1—4), во вторую — три (6—8). Расстояние между группами составляет около 24 м. Особняком стоит сардоба 5, отстоящая от первой группы на 29,6 м и от второй — около 24 м. Диаметр сардоб по уровню дневной поверхности равен 3,43—5,58 м. На сардобе 1 установлено, что обкладка стен сохранилась на высоту 1,8 м или на 11 рядов плит, положенных с напуском друг над другом наподобие ложного свода. Толщина плит 0,11—0,23 м, длина по окружности — 0,36—0,66 м. Плиты обрабатывались с трех сторон: с двух постелей и фасадной стороны, которой придавался угол наклона, соответствующий кривой свода. Сардоба изнутри выглядит полусферическим сооружением. Снаружи сардобы обкладывались мелкими кусками камня для усиления конструкции перекрытия. Общая высота сардобы, по нашим данным, составляет 2,8 м. Ее вместимость — около 35 м^3.

В сардобах 5 и 8 имеются желоба для стока воды с такыров. Именно эти сардобы по своим размерам выделяются из всех остальных. Полностью раскопан желоб в сардобу 8 длиной 5,05 м. Он сделан с наклоном к сардобе. Разница уровней его концов составляет 0,14 м. Водосливный желоб имеет в сечении форму перевернутой буквы П. Боковые стенки выложены в два ряда из плит известняка разных размеров. В отдельных местах на стенках слива сохранилась алебастровая обмазка. Ширина желоба — 0,22—0,26 м. Боковые стенки возвышаются над его дном на 0,14—0,26 м. Выступающий в сардобу конец слива предохранял стенки от размывания водой.

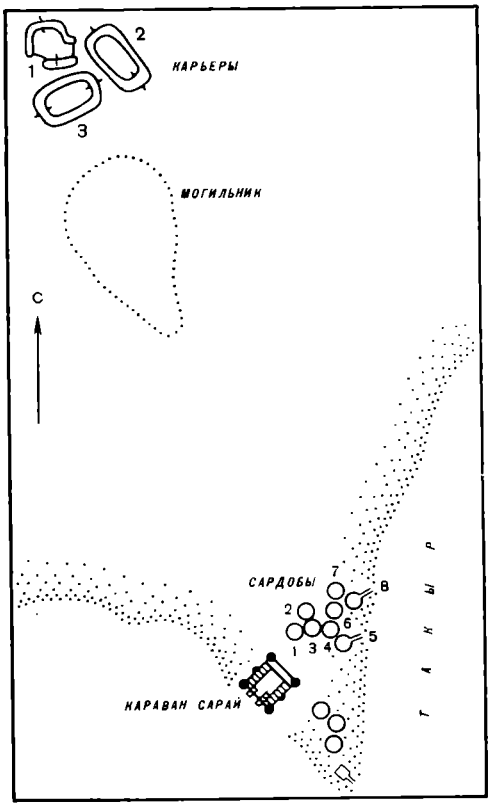


Рис. 6

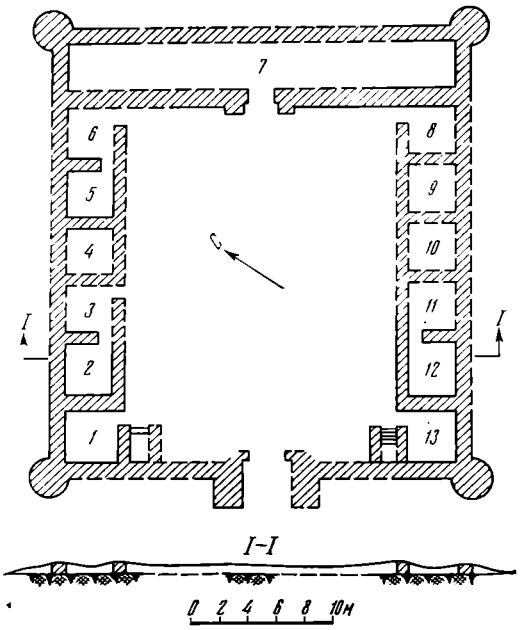


Рис. 7

Рис. 6. Схематический план археологического комплекса Белеули

Рис. 7. Караван-сарай Чурук. План и разрез

Стенки сардобы 8 выложены из более крупных и лучше обработанных плит в отличие от сардобы 1. Толщина плит — 0,19—0,30 м, длина по окружности — 0,55—0,92 м.

В Хорезме единственная сардоба с водопроводным желобом для сбора воды с такыров, датирующаяся золотоордынским временем, открыта на караван-сарае Талайхан-ата [30, с. 447].

На территории Бухарского оазиса и Туркмении зарегистрировано большое количество сардоб, отнесенных к периоду развитого и позднего средневековья, которые по своим размерам намного больше устюртских сардоб [31, с. 21—35, карта; 32, с. 243—245, 394—396].

В 350 м северо-западнее караван-сарая расположен могильник, занимающий площадь около 2,5 га, на котором отмечено несколько типов намогильных сооружений: 1) каменные стелы, стоящие в «головах» и в «ногах», с горизонтально лежащей каменной плитой между ними; 2) длинные каменные надгробия прямоугольной формы с двускатным верхом, опирающиеся двумя устоями на основание; как правило, эти надгробия устанавливались на каменные плиты, положенные поверх засыпки могильной ямы; 3) курганообразная щебеночная насыпь.

На могильнике отмечено три родовых или семейных захоронения с прямоугольными каменными оградами разных размеров. Одна из них, размером 5,30×5,08—5,20 м, полностью раскопана. Погребальная постройка ориентирована углами по странам света. Вход шириной 0,6 м находится в юго-западной стене. Стены шириной 0,60—0,72 м построены из небольших плит ракушечника высотой около 0,3 м. Плиты, использованные для возведения стен, ставились только вдоль наружной и внутренней поверхности стен. Промежуток между ними заполнен щебнем. Наиболее тщательной обработке подвергалась только сторона, выходящая на одну из фасадных сторон. Аналогичный прием строительства использован и на самом караван-сарае. Высота стен погребальной постройки была, вероятно, равна около 0,6 м.

Внутри постройки раскопаны два захоронения (№ 2 и 3), над которыми встречены намогильные сооружения первых двух типов. Погребения 1—3 совершены в материковых ямах прямоугольных очертаний со скругленными углами глубиной 0,84—1,04 м. Погребенные ориентированы головой на северо-запад. Лицевая часть черепа обращена на юго-запад. Погребенные лежат вытянуто на спине или на правом боку. Инвентарь отсутствует.

Только в погребении 4 отмечен погребальный инвентарь, состоящий из пяти стеклянных бус, находящих себе аналогии среди материалов золотоордынского времени [33, с. 40, табл. II, *9*, *10*; 34, с. 152, рис. 98, *10*, *12*, *16*, *17*].

Около 600 м северо-западнее караван-сарая расположено пять карьеров по добыче известнякового камня. Максимальная глубина карьеров от уровня дневной поверхности — 1,57 м. По периметру карьеры окружены отвалами высотой около 1,40 м. В разных местах карьеров остались неснятые блоки известняка, на которых видны следы инструментов. Последовательность снятия блоков представляется нам в следующем виде: плита требуемых размеров подрубалась с четырех сторон на необходимую глубину. Следующий блок уже подрубался с трех сторон. После снятия блоков одной полосы приступали к снятию блоков второй полосы. Первый блок второй полосы подрубался с трех сторон, а все последующие уже подрубались с двух сторон. После снятия плит одного горизонта на определенном участке карьера приступали к снятию плит второго горизонта. Снятие блоков первого и второго горизонтов могло быть и одновременным на разных участках карьера. Окончательная обработка плит производилась рядом с карьерами. На строительство караван-сарая и других сооружений поступали плиты, полностью законченные обработкой. Все работы на карьерах по добыче строительного камня производились остроконечными орудиями труда треугольной в сечении формы. Обработка плит осуществлялась орудиями труда с широкой рабочей частью типа стамески.

Следующий караван-сарай Чурук расположен у одноименных колодцев в 54 км северо-западнее караван-сарая Белеули.

Караван-сарай Чурук размером 31,70×29,55 м с круглыми башнями на углах диаметром 2,72—2,80 м ориентирован углами по странам света (рис. 7). Башни построены из плит плотного известняка длиной по окружности 0,60—1,18 м и толщиной 0,23—0,44 м. Плиты в башнях выложены только по окружности. Средняя часть башен заполнена щебнем.

Наружные стены караван-сарая шириной 1,1 м возведены из плит известняка длиной 0,76—0,87, 1,28—1,38 м и толщиной 0,20—0,45 м. Стены сохранились в отдельных местах на высоту не более 1—2 рядов плит.

Вход в караван-сарай расположен в середине юго-западной стены между двумя пилонами размером 2,02×2 м. Расстояние между ними равно около 3,5 м. Сохранился только один пилон с северо-западной стороны ворот. При его строительстве использованы плиты размером 1,03×0,28××0,40, 1,96×0,35×0,60 и 1,5×0,30×0,42 м. Длина ворот прослежена на 3,5 м.

Вдоль северо-западной и юго-восточной стен расположено по шесть помещений. Произведенные раскопки пяти помещений и зачистки стен позволили составить представление о планировке памятника в целом. С каждой стороны караван-сарая находилось по два изолированных помещения с отдельным входом из внутреннего двора (пом. 1 и 4) и по два жилых комплекса, состоящие из двух смежных помещений, с одним входом из внутреннего двора (пом. 2 и 3, 5 и 6).

Вдоль северо-восточной стены расположено помещение 7 размером 27,3×3,4 м, которое связано проходом шириной 1,78 м с внутренним двором. По бокам входа в помещение 7 находятся пилоны шириной 1,17 м, выступающие из плоскости стен на 0,4 м. По отношению к пилонам входная ниша заглублена на 0,8 м.

Среднюю часть караван-сарая занимает двор размером 24,8×19 м.

В его южном и западном углах раскопаны лестницы шириной соответственно 1,12 и 1,30 м. Лучше сохранилась лестница в южном углу. Она состоит из четырех ступенек шириной 20,5—27 см и высотой 15—25 см. Высота лестницы — 0,8 м. Всего в лестнице, по нашим расчетам, должно быть девять ступенек общей высотой около 2 м и длиной около 1,68 м.

При археологических раскопках караван-сараев найдена 41 монета, из которых 15 оказались нечитаемыми (таблица) [2].

Таким образом, наиболее ранняя монета происходит из караван-сарая Косбулак. Она чеканена в Хорезме ханом Узбеком (1312—1340 гг.).

Наиболее поздняя по времени монета происходит из этого же караван-сарая. Она принадлежит к анонимным монетам Хорезма 77? г. х., что соответствует 1370 г. Остальные монеты чеканены в Хорезме, Сарай ал-Джедиде, Азаке и заполняют промежуток времени между временем чеканки наиболее ранней и поздней монет.

Исходя из данных нумизматического материала, возникновение караван-сараев мы относим ко времени правления хана Узбека. Прекращение их функционирования мы связываем с последствиями разрушительных подходов Тимура на Хорезм в 70-х годах XIV в.

Таким образом, на центральном Устюрте в начале второй четверти XIV в. возникает одновременный комплекс караван-сараев на торговом пути из Хорезма в нижнее Поволжье.

В материальной культуре караван-сараев нашли отражение черты, присущие материальной культуре Хорезма и Золотой Орды, входивших в одно политическое государственное образование.

Особенно яркое отражение этот факт находит в керамических материалах, отличающихся по технологическим признакам и формам.

Гончарные сосуды, получившие при обжиге серый цвет, украшенные росписью черной краской, полосчатым лощением или прочерченным орнаментом, находят полные аналогии в керамике Хорезма золотоордынского времени и могут считаться хорезмийскими [34, с. 139, 35, с. 302—304].

Вторую группу составляет гончарная посуда, получившая при обжиге ровный красноватый оттенок, украшенная также полосчатым лощением, полосой волнистого орнамента на плечиках, широко представленная в золотоордынских городах Нижнего Поволжья [36, с. 262, рис. 11, *1*, *4*, рис. 12, 1; 37, табл. III, *1*].

Синкретизм материальной культуры караван-сараев, однако, может нам представляться в силу слабой изученности археологии Хорезма золотоордынского времени, который, видимо, оказывал существенное влияние на развитие всей культуры Золотой Орды. Его роль, в частности, убедительно показана А. Ю. Якубовским на примере происхождения гончарной керамики Сарая-Берке [38, 39].

Караван-сараи приурочены к котловинам с постоянными или сезонными источниками воды и наиболее благоприятным для обитания местам. Только этими факторами мы объясняем различные расстояния между караван-сараями, колеблющиеся от 25 до 54 км.

В этой связи нельзя не упомянуть сообщения Ибн Баттуты о том, что «вода в этой степи (Устюрт.— *Авт.*) *встречается в известных водопоях через 2—3 дня* (курсив наш.— *Ю. М., Н. Ю.*); это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве» [40, с. 308].

Не исключено, что этот отрывок из путевых заметок написан знаменитым путешественником под впечатлением белеулийских сардоб, в которых собиралась дождевая вода. Однако расстояния между колодцами приведены явно ошибочные.

Небольшой отрывок из описания путешествия Ибн Баттуты в 1333 г. в Хорезм, касающийся Устюрта, очень мало дает для понимания исторической действительности. Совершенно справедливо А. Ю. Якубовский от-

[2] Монеты определены Г. А. Федоровым-Давыдовым и Б. Сайпановым, которым авторы выражают свою сердечную благодарность.

№ п.п.	Название памятника	Имя хана	Город	Дата	Металл
1–2	Учкудук	Кульна	Хорезм	761 г. х. (1359–1360 гг.)	Медь
3	»	Науруз	»	»	»
4–5	Ажигельды	Джанибек	»	746 г. х. (1345–1346 гг.)	»
6	»	»	»	747–748 г. х. (1346–1348 гг.)	»
7	»	»	»	751–757 г. х. (1350–1356 гг.)	»
8	»	Бердибек	»	759 г. х. (1357–1358 гг.)	»
9	»	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1350 гг.	
10	»	Науруз	Хорезм	761 г. х. (1359–1360 гг.)	»
11	»	Хызр	»	»	»
12	»	Анонимная	»	XIV в.	»
13	»	Неопределимая	?	»	»
14	Косбулак	Узбек	Хорезм	727–737 г. х. (1326–1337 гг.)	»
15	»	Анонимная	»	737 г. х. (1336–1337 гг.)	»
16	»	Джанабек	»	746 г. х. (1345–1346 гг.)	»
17	»	Анонимная	Сарай ал-Джедид	1350 гг.	»
18–21	»	»	Хорезм	XIV в.	»
22	»	»	Сарай ал-Джедид	?	»
23	»	Токтамыш	Азак	год?	Серебро
24	»	Анонимная	Хорезм	77 ? г. х. (1370 гг.)	Медь
25	Белеули	Джанибек	»	756 г. х. (1355–1356 гг.)	»
26	Чурук	Анонимная	»	XIV в.	»

мечал, что, «к сожалению, Ибн Баттута не является глубоким наблюдателем и по большей части скользит по поверхности встречаемых им фактов» [41, с. 51].

Начало торгового пути со стороны Хорезма можно определить предположительно. Караваны могли подниматься на Устюрт у населенного пункта на месте городища Пулжай, где отмечен культурный слой XIV в. [42, с. 95].

В его окрестностях зафиксированы обширные сельские поселения XIV в. Наиболее удобный естественный подъем Шибинды расположен в 12—15 км к северу от указанного городища. От подъема Шибинды до караван-сарая Учкудук расстояние составляет около 50 км.

Не исключено, однако, что от караван-сарая Учкудук торговый путь сворачивал резко на юг, шел вдоль восточного края Барсакельмесской котловины и выходил к городищу Шемаха (XIV в.) [43, с. 173—192] и Куня-Ургенчу. Именно этим путем прошел самарский купец Данила Рукавкин в 1753 г. [44, с. 35].

Конец пути через Устюрт отмечен караван-сараем Коскудук [15, с. 16, 17]. От него на юго-восток, по данным Гербера (Гарбера), проехавшего через Устюрт в начале XVIII в., «попадаются еще старинные развалины в 3 пунктах по пути к пескам Шам» [45, с. 46, 47]. Не исключено, что они являются руинами караван-сараев, остающихся пока необследованными.

Таким образом, проведенные исследования центрального Устюрта дали новые материалы по истории караван-сараев, свидетельствующие об их возникновении и прекращении функционирования в XIV в. В связи с этим отпадает вопрос об отнесении их к более ранним периодам истории Хорезма. Изучение караван-сараев позволило получить новые данные по материальной культуре Хорезма, его торгово-экономическим и политическим связям с Золотой Ордой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное... Петром Рычковым. Ч. II. Спб., 1762.
2. *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. Спб., 1832.
3. *Небольсин П. И.* Очерки торговли России со Средней Азией.– ЗРГО, 1855, кн. X.
4. *Григорьев В. В.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости.– ЗРГО, 1861, кн. II.

5. Дополнительные сведения с пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича по Устюрту и Амударье 1885 г. полковника Белявского.– В кн.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1887, вып. XXV.
6. *Никитин С. Н.* Отчеты экспедиции 1892 г. в Зауральские степи Уральской области и Усть-Урт. Спб., 1893.
7. *Рябинин А. Н.* По Прикаспийским степям и Устюрту от р. Урала до устья Аму-Дарьи (Путевые наблюдения 1899 г.).– Горный журнал, т. I, февраль, Спб., 1905, с. 246.
8. *Чернышевский М. Н.* Через Устюрт в Среднюю Азию. Архив ЛОИВ АН СССР, р-1, оп. 1, № 27. Цит. по: *Жукова Л., Левтеева Л.* Дневник участника экспедиции 1899 г., занимавшейся изучением возможности прокладки железнодорожной линии Александров-Гай – Чарджоу.– ВКФ, 1973, № 4.
9. *Жукова Л., Левтеева Л.* Экспедиция в Среднюю Азию.– Памятники Туркменистана, 1976, № 1.
10. *Кастанье И. А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края.– ТОУАК, 1910, вып. XXII.
11. *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г.– ИАН, 1947, т. IV, № 2.
12. *Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г.* Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР.– ТХАЭЭ, 1952, т. I.
13. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М.: Изд-во МГУ. 1948.
14. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
15. *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг.– ТХАЭЭ, 1958, т. II.
16. *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1950 г.– СА, 1953, вып. XVIII.
17. *Бижанов Е.* Археологические памятники юго-восточного Устюрта.– Архив отдела археологии ИИЯЛ КК ФАН УзССР, ф-III, о. 1, д. 17.
18. *Бижанов Е.* Археологические памятники Юго-Восточного Устюрта: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Нукус, 1967.
19. *Бижанов Е., Лоховиц В.* Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье.– ВКФ, 1969, № 2.
20. *Бижанов Е.* Юго-восточный Устюрт. Некоторые итоги и перспективы археологического изучения.– ВКФ, 1970, № 3.
21. *Ягодин В. Н., Бижанов Е., Мамбетуллаев М., Юсупов Н.* Разведки на Устюрте.– АО – 1972, М., 1973.
22. История Каракалпакской АССР, т. 1. Ташкент, 1974.
23. *Маньковская Л. Ю., Булатова В. А.* Памятники зодчества Хорезма. Ташкент: Изд-во лит-ры и искусства им. В. Гуляма, 1978.
24. *Вялов О. С.* Колодцы и источники Устюрта.– ИГГО, 1934, т. 66, вып. 1.
25. *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся пямятники архитектуры Узбекистана Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1958.
26. *Крюков К. С.* Регистан. Ташкент, 1965.
27. *Пилявский В.* Ургенч и Миздахкан. М., 1948.
28. *Лапиров-Скобло М. С.* Портал развалин караван-сарая на городище Таш-кала в Куня-Ургенче.– ТХАЭЭ, 1958, т. II.
29. *Манылов Ю. П.* Средневековые хорезмийские памятники.– В кн.: Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент: ФАН, 1978.
30. *Вишневская О. А.* Раскопки караван-сараев Ак-Яйла и Талайхан-ата.— ТХАЭЭ, т. II. 1958.
31. *Массон М. Е.* Проблема изучения цистерн-сардоба.— Материалы Узкомстариса. вып. 8. Ташкент, 1935.
32. *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
33. *Бусятская Н. Н.* Стеклянные изделия городов Поволжья.– В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
34. *Неразик Е. Е* Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.).– ТХАЭЭ, т. IX, 1976.
35. *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.).– ТХАЭЭ, 1959, т. IV.
36. *Федоров-Давыдов Г. А.* Раскопки Нового Сарая в 1959–1962 гг.– СА, 1964, № 1.
37. *Егоров В. Л., Полубояринова М. Д.* Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг.– В кн.: Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974.
38. *Якубовский А. Ю.* Хорезм в керамике Сарая.– ИГАИМК, 1931, т. VIII, вып. 2–3.
39. *Якубовский А. Ю.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая-Берке.– ИГАИМК, 1931, т. VIII, вып. 2–3.
40. *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Спб., 1884.
41. *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв.– Труды Историко-археографического института и Института востоковедения, Л., 1932, вып. III, ч. 1.
42. *Ягодин В. Н.* Маршрутные археологические исследования в левобережной части приаральской дельты Амударьи.– МХЭ, 1963, вып. 7.
43. *Вактурская Н. Н.* О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР.– ТХАЭЭ, 1952, т. I.

44. *Руссов С.* Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. СПб., 1840.
45. *Григорьев В. В.* О путешествии Гарбера в Хиву в 1732 г.– ИРГО, 1870, т. VI.

Yu. P. Manylov, N. Yu. Yusupov

KARAVAN-SARAIS OF THE CENTRAL USTYURT

Summary

The karavan-sarais of the central Ustyurt were discoverd 200 years ago, but their investigation began less than half a century ago: 1946 research by S. P. Tolstov dated them back to the 10th century; later more accurate dates the 12th-early 13th centuries were established and their heyday was in the 13th-14th century.

Archaeological investigations in Uchkuduk, Azhigeldy, Kosbulak, Beleuli and Churuk karavan-sarais were conducted in 1975-1978. These were rectangular buildings with two or four round corner towers and a vast yard connected by passages with living quarters and storage facilities along the walls. Their sizes ranged from 29.3 m by 24.3 m to 39 m by 33.5 m. Near the Uchkuduk and Beleuli karavan-sarais there were quarries where building stone was obtained. At the Churuk and Beleuli karavan-sarais there were burials, at the Beleuli karavan-sarai there were reservoirs for collecting rain water flowing from the takyrs. The diggings yelded 26 coins dating the karavan-sarais to the beginning of the second quarter of the 14th century, their decline was connected with Timur's devastating campaigns against Kwarazm on the 1370s.

ФЕДОРОВА Н. В.

ДВА СЕРЕБРЯНЫХ СОСУДА ИЗ РАЙОНА Г. СУРГУТА

До недавнего времени Сургутское Приобье оставалось почти совершенно не изученным в археологическом отношении. Исследования, проводимые там в последние семь лет Уральской археологической экспедицией, параллельно с промышленным освоением края привели к накоплению большого количества археологического материала. В том числе значительно пополнилась коллекция импортной металлической посуды — серебряной и бронзовой.

Основные (по масштабу) работы производились в 20 км к западу от г. Сургута, на Барсовой Горе, сухом возвышенном участке правого, коренного берега р. Оби, где на площади около 2 км^2 сосредоточено огромное количество археологических памятников от эпохи неолита до II тысячелетия н. э., причем с середины II тысячелетия н. э. до настоящего времени несколько заброшенных городищ здесь использовалось местным населением в качестве святилищ, что вообще не редкость для таежного Приобья. Остатки двух таких святилищ в числе прочих памятников были исследованы Сургутским отрядом Уральской археологической экспедиции.

Первый импортный сосуд с Барсовой Горы, чаша с куфической надписью, датированная IX—X вв., обнаружена в погребении 20 могильника Барсов Городок, раскопанного в 1891 г. Ф. Мартином [1, s. 26, fig. 49]. Чаша впервые опубликована в атласе «Восточное серебро» Я. И. Смирновым (№ 145) [2, табл. LXXX, № 145], до недавнего времени считалась серебряной [3, с. 45]. Однако в результате анализа металла А. С. Меликян-Ширвани пришел к заключению, что она изготовлена в восточном Иране из так называемой «белой бронзы» [4, p. 145, 146].

В 1973 г. при разборке культурного слоя, относящегося к святилищу, на многослойном памятнике Барсов Городок 1/6 расположенном в 300 м к востоку от могильника, исследованного Ф. Мартином, Ю. П. Чемякиным было обнаружено серебряное блюдо [5, с. 186]. По целому ряду признаков оно отнесено к группе изделий из серебра, атрибутированных как произведения булгарской торевтики конца XII—XIII в. [6, с. 43]. В 1977 г. на поверхности нераскопанной части этого памятника найден прямоугольный серебряный поднос, впервые публикуемый в этой статье.

В 1975 г. при раскопках многослойного памятника Барсов Городок 1/31 обнаружено сразу два серебряных сосуда: чаша и блюдо [7, с. 284, 285] [1]. К началу раскопок культурный слой памятника был уничтожен на глубину 40—50 см практически на всей его территории. Разрушенный слой, видимо, принадлежал святилищу, о чем позволяет думать состав находок, происходящих преимущественно из подъемного материала: большое количество железных наконечников стрел, ножей, обломков медных котелков и ряд других вещей, датируемых первой половиной II тысячелетия н. э. В северо-восточной части раскопа на глубине 45 см от поверхности, на границе с материком, найдена тщательно упакованная в бересту серебряная позолоченная чаша с крышкой. Она была перевернута вверх дном и сильно вдавлена в землю, при этом погнулась трубчатая ручка крышки с шишечкой на конце. Это, а также отсутствие четких следов ямы позволяет предположить, что сосуд, первоначально находив-

[1] В настоящее время оба сосуда находятся в Эрмитаже, где прекрасно отреставрированы Н. Панченко.

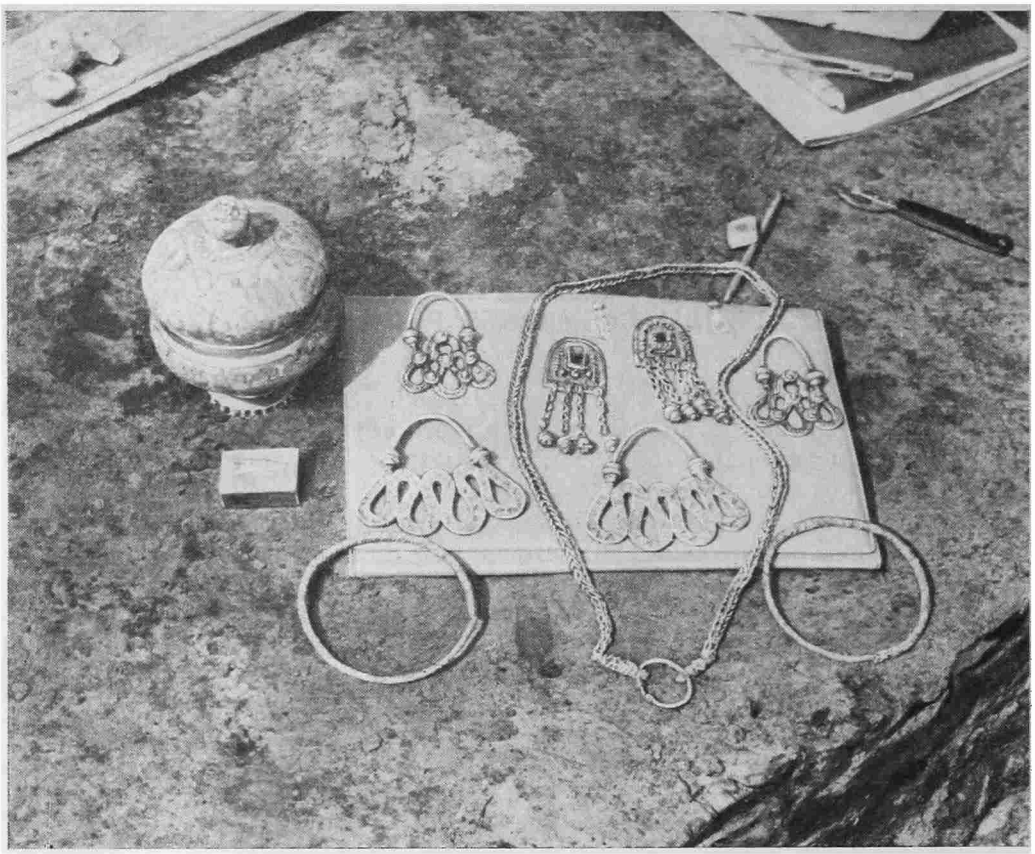


Рис. 1. Сургутский клад, обнаруженный в 1975 г.

шийся в верхней части культурного слоя святилища, как и упомянутое выше блюдо, был вдавлен в землю и перевернут бульдозером, уничтожившим сам культурный слой. Внутри чаши уложен набор женских украшений из серебра: три пары подвесок, пара браслетов, плетеная цепь-гривна (рис. 1). Вещи были пересыпаны древесной трухой, что обеспечило их хорошую сохранность. Серебряные с позолотой подвески — две пары височных и пара шумящих — украшены зернью, сканью, шатонами со вставками. Техника изготовления их типична для булгарского ювелирного дела XI—XII вв.: разомкнутый конец из круглого дрота, биконические бусины с пирамидками зерни, скань из двух перевитых проволок, шатоны [8]. Изделия булгарских ювелиров не редкость за Уралом: височные подвески такой же формы, как наши, есть в погребении 8 Ликинского могильника [9, с. 157], в погребении 19 могильника Барсов Городок [1, s. 26, fig. 47], абсолютно идентичная нашей шумящая подвеска происходит из позднего комплекса могильника Ленк-понк. В. Н. Чернецов датирует ее XI—XII вв. [10, с. 202]. Цепь-гривна и браслеты выполнены из светлого серебра. Цепь сложного плетения, в виде четырехгранного шнура, на концах головки животных, держащих во рту заплетенное проволочное кольцо. Н. П. Кондаков отмечает, что цепи-шнуры подобного плетения, но золотые и более тонкой работы характерны для римско-византийских древностей, позже в огрубленном и сильно увеличенном виде встречаются в серебряном исполнении: цепи из кладов, найденных в Чернигове, на погосте кафедрального собора, и в Киеве, в усадьбе Лескова [11, с. 194]. Эти две цепи полностью аналогичны нашей. Хотя в Приуралье цепи-шнуры распространены очень широко (Уфимские погребения [12, с. 179], Агафоновский могильник [13] и т. д.), наиболее близка нашей цепь из Кичилькосьского могильника XI—XII вв. [14]. Обрывки такой же цепи найдены вместе с комплексом поздних вещей (XI—XII вв.) в могильнике Ленк-понк в Среднем Приобье [10, с. 204]. Ближайшие аналогии браслетам есть в могильнике X—XIII вв. Уна-Пай на р. Обь [10, с. 229].

Рис. 2. Чаша

Через несколько дней при разборке бровки между участками в полуметре к западу от чаши найдено массивное круглое серебряное блюдо. Оно было проложено берестой, стояло на ребре наполовину в материке, что указывает на его перемещенное состояние. Блюдо, так же как и сосуд, найденный в 1973 г., отнесено к группе произведений булгарской торевтики XII—XIII вв. и занимает в ней, по-видимому, ключевое положение [6, с. 43].

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот двух вещей из состава этих находок: чаши, обнаруженной в 1975 г., и прямоугольного подноса, найденного в 1977 г.[2]

Чаша (рис. 2) глубокая, с выпуклым округлым плечиком, корпус плавно сужается вверх к вертикальному бортику. Придонная часть уплощена. К ней припаян конический поддон со ступенчатым профилем. Внизу поддон кончается вертикальным зубчатым в плане бортиком. Крышка повторяет форму чаши, сильнее уплощена в верхней части. Сверху припаяна трубчатая ручка, кончающаяся «яблоком». Внизу крышки вертикальный бортик, заходящий внутрь чаши. Высота чаши (с «яблоком» и поддоном) 18 см, наибольший диаметр 13, наибольший диаметр крышки 12, диаметр горловины 11 см. Изготовлена выколоткой из тонкого (0,5 мм) листа серебра, сплошь позолочена. Изображения и орнамент нанесены в технике точечной чеканки с последующей проработкой резцом; фигуры

[2] Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность А. В. Банк и Б. И. Маршаку за помощь, оказанную при написании этой статьи.

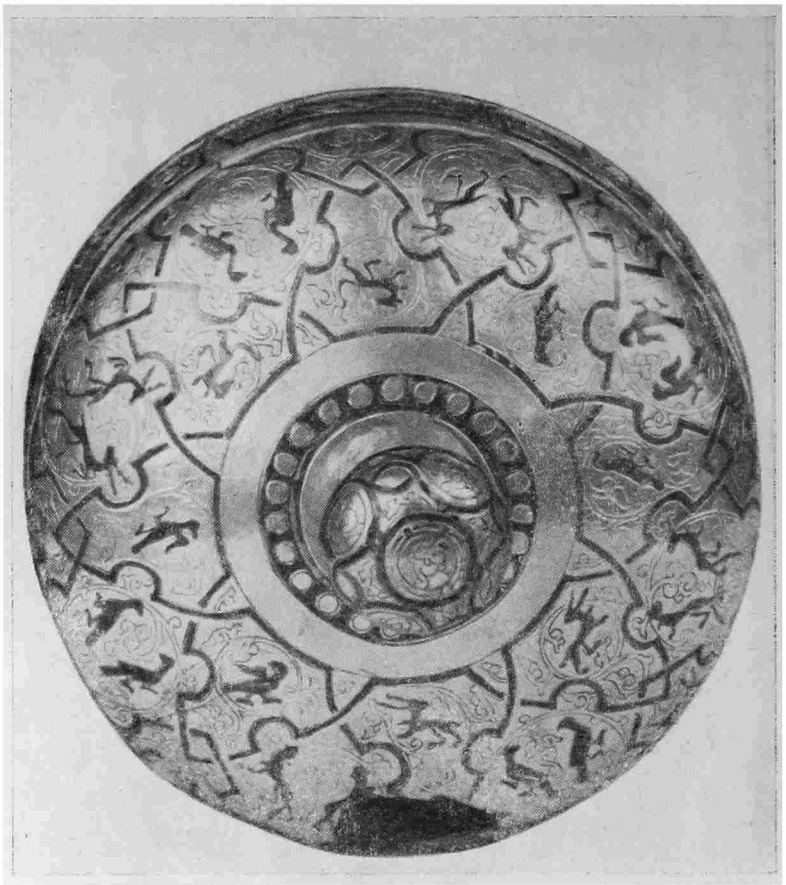


Рис. 3. Чаша. Вид сверху

птиц и животных, а также плетенка медальонов заполнены чернью. Сосуд сохранился без каких-либо серьезных повреждений: отпаяна ручка, на крышке трещина, местами обломан край поддона. Чернь окислилась, приобрела зеленоватый оттенок. Орнамент чаши заключен в медальоны — подтреугольные и в форме квадрифолиев, образованные плетенкой из черненых лент, внутри которых находится гравированный растительный побег и на его фоне парные или одиночные фигурки птиц и животных, выполненные чернью. На «яблоке» тоже плетенка, но круглая, внутри нее растительные побеги. В основании ручки орнаментальная полоса: круг из «перлов» на черненом фоне (рис. 3).

Композиция орнамента чаши ритмична как в способе расположения его на поверхности корпуса, так и в его содержательной части. Самый верхний пояс, начинающийся от основания ручки, состоит из медальонов подтреугольной формы, в которых на фоне растительного побега изображены одиночные фигурки животных или птиц. Два соседних медальона содержат одинаковые рисунки, составляющие пару, причем фигурки развернуты головой друг к другу. Следующий пояс — центральный (на крышке), образован медальонами в форме квадрифолиев, внутри которых пары животных или птиц в геральдической позе. Нижний пояс крышки и верхний — чаши построены одинаково: подтреугольные медальоны с парой животных или птиц в геральдических позах. Единственным отклонением является медальон с изображением двух птиц, держащих в клювах змею. Центральный и нижний, завершающий узор пояса чаши аналогичны соответственно центральному и верхнему поясам крышки.

Внутри чаши в круглом медальоне с двойным контуром — два льва в геральдической позе (рис. 4); некоторую асимметрию вносит плавно изогнутый растительный побег с асимметричным листом-пальметтой.

В 48 медальонах корпуса чаши зафиксировано 10 сюжетов с различной частотой повторяемости: птицы со сложенными крыльями — 9 раз, птицы с поднятым крылом, зайцы и собаки — по 6 раз; пантеры и оле-

Рис. 4. Медальон внутри чаши

ни — по 4 раза; грифоны — 2 раза; птицы с длинными шеями (павлины), птицы со змеей и сфинксы — по 1 разу. Фигуры животных тонкие, динамичные, с как бы стягивающим контуром и подробной проработкой деталей, несмотря на силуэтность изображения. Олени изображены с ветвистыми рогами, хорошо различимы копыта и мохнатые бабки ног. У пантер хвост кончается пушистой кисточкой, иногда два поднятых хвоста у пары животных как бы срастаются, образуя трехчастную пальметту. Подобным же образом изображены крылья у грифонов. Интересна пара сфинксов: на головах у них длинные откинутые набок колпачки.

Ритмика сюжетов заключается в чередовании: пара зверей — пара птиц, причем грифоны занимают место птиц, не нарушая порядка. В особом положении находятся сфинксы: перед ними звери, после них птицы.

Растительный побег, на фоне которого изображены фигурки животных и птиц, плавно изгибаясь, равномерно заполняет все пространство внутри медальонов. Стебель побега идет по кругу, от него отходят листья в виде двух-трехчастных полупальметт или стебли с виноградным листом. Формы листьев разнообразны, но всегда имеют крупный завиток у основания и динамичный приостренный или с пробелом, как бы незавершенный конец с намеченным изгибом в сторону, противоположную направлению всего листа. Крупные виноградные листья довольно часто кончаются глубоким асимметричным завитком или даже двухчастной полупальметтой.

В 1960 г. на XXV Международном конгрессе востоковедов А. В. Банк отмечая важность проблемы взаимоотношения Византии и Востока, поставила вопрос о провинциальном искусстве Византии. В связи с этим ею был рассмотрен ряд серебряных сосудов, имеющих различную степень близости между собой и с собственно византийскими памятниками [15]. Это чаша, найденная в районе г. Тарту, блюда из Татар-Пазариджика в Болгарии, крышка сосуда из Ямало-Ненецкого округа, Вильгортская и Черниговская чаши, чаша из собрания Базилевского и чаша из Березова. Несмотря на ряд особенностей, делающих Сургутскую чашу до некоторой степени уникальным произведением, она может быть рассмотрена в рамках этой группы.

Наиболее близка Сургутской чаша из Тарту [16; 17, с. 54; 18, с. 118—127; 19]. Оба сосуда выполнены в сходной технике, имеют одинаковую форму и размеры. Основой орнаментальной композиции в обоих случаях

являются ленточные переплетения, образующие подтреугольные медальоны и квадрифолии, а характерной чертой декора — растительный побег в форме листа с крупным завитком у основания и асимметричным концом. Вместе с тем мастерство создателя чаши из Сургута явно выше, чувствуется стремление создать идеальную по оформлению вещь. Далее, если при рассмотрении Тартуской и других чаш А. В. Банк писала о распадении сюжета на отдельные элементы [17, с. 49 сл.], то в нашем случае единый сюжет не прослеживается вовсе. Изображения людей в отличие от прочих сосудов на Сургутской чаше отсутствуют.

Чаша из Тарту была отнесена А. В. Банк к изделиям провинциально-византийских торевтов [16]. В. П. Даркевич атрибутировал ее в числе прочих как произведение дворцовых мастерских Константинополя [18, с. 230]. В своей последней монографии, возвращаясь к проблеме атрибуции Тартуской чаши, А. В. Банк отмечает ее большое своеобразие и считает, что «можно было бы усомниться в возможности... отнесения к византийскому кругу сосудов, если бы она не примыкала к другим по ряду элементов [17, с. 54]. Чаша найдена в составе археологического комплекса, датируемого XII в., следовательно, не могла быть изготовлена позже этого времени.

Также большую степень близости с чашей из Сургута обнаруживает одно из трех блюд, найденных в Болгарии, около Татар-Пазарджика [17, с. 57]. По бортику его на фоне плавно изгибающегося растительного побега с листом, подобным нашему, идут те же упругие, поджарые фигурки животных. Но отсутствие черни придает блюду более «ориентальный» характер: звери, стебель и листья сплетаются в единый декоративный бордюр. Видимо, это среди прочего позволило некоторым исследователям отнести Татар-Пазарджикское блюдо к изделиям восточных торевтов [20, p. 12]. А. В. Банк полагает, что они изготовлены в пределах Византии [17, с. 58]. Татар-Пазарджикские блюда были найдены с большим количеством византийских золотых монет конца XI — конца XII вв. [21].

С крышкой из Ямало-Ненецкого округа [22; 17, с. 55, 56; 18, с. 100—117; 19] Сургутскую чашу сближает совершенно идентичная форма. Далее можно сказать, что оба сосуда изготовлены в сходной технике из тонкого листа серебра и что похожа общая композиция декора — изображения в обоих случаях выполнены в компартиментах ленточной плетенки. На этом сходство, пожалуй, исчерпывается, хотя именно Ямало-Ненецкая крышка позволяет установить наличие связи между Сургутской и Тартуской чашами, с одной стороны, и чашей из собрания Базилевского [18, с. 62—77; 17, с. 51—53] и Березовской [23] — с другой. А. В. Банк атрибутирует эти сосуды как провинциально-византийские, отмечая, что крышка из Ямало-Ненецкого округа имеет наиболее близкие аналогии в «бесспорно византийских памятниках преимущественно первой половины XII в.» [17, с. 56]. В. П. Даркевич считает все три сосуда константинопольскими изделиями [18, с. 230]. На чаше из Березова имеется процарапанная русская надпись, близкая по палеографии новгородским берестяным грамотам XII в. [18, с. 18].

Наконец, по ряду признаков могут быть сопоставлены с Сургутской чашей еще два сосуда — Вильгортская [24; 10, с. 14—37; 25; 26] и Черниговская [27; 18, с. 38—59; 17, с. 58—60] чаши. Они также украшены позолотой, чернью, гравировкой, похож характер ленточного плетения; растительный побег и здесь заполняет все свободное пространство в медальонах. Очень близка трактовка некоторых изображений: львы, птицы с поднятым крылом. Но если для Вильгортской и Черниговской чаш отмечается некоторая перегруженность декора [17, с. 60], то чаша из Сургута украшена очень продуманно и с чувством меры. Кроме того, форма ложчатых чаш довольно резко отличается от нашей; рельеф, занимающий в приемах декора их центральное место, отсутствует на Сургутской чаше. И. А. Орбели, отмечая сочетание восточных и западных (латинских) элементов в изображениях на Вильгортской чаше, пришел к выводу о ее киликийском происхождении [24]. Н. М. Токарский, приводя аналогии в армянском архитектурном орнаменте и миниатюрах армянских рукопи-

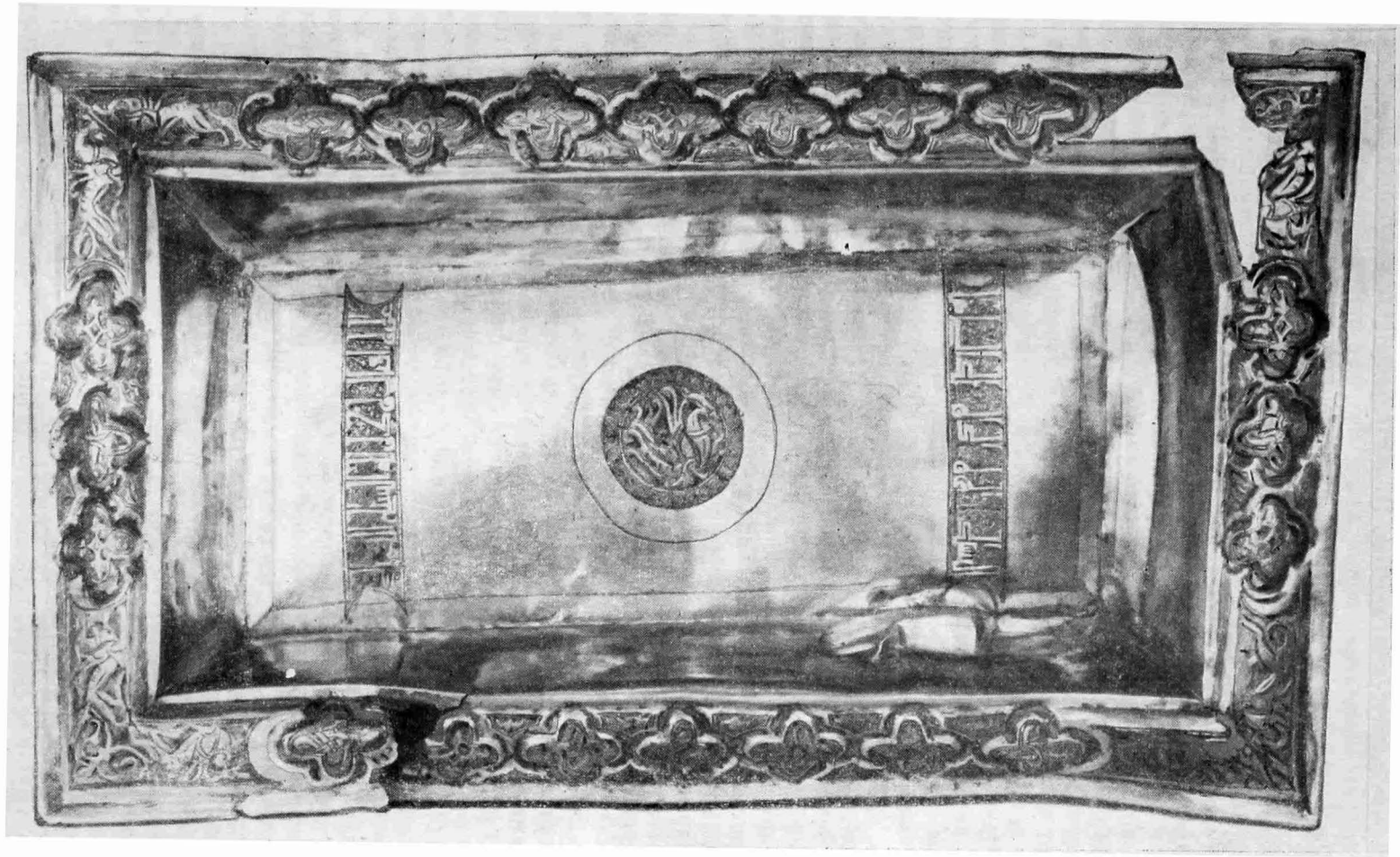


Рис. 5. Поднос (находка 1977 г.)

сей, считает ее армянской, но не обязательно киликийской [25]. Черниговскую чашу Н. В. Холостенко относил к русским изделиям [27], Б. А. Шелковников вслед за ним уже оба сосуда называет русскими [28]. В. П. Даркевич атрибутирует их как константинопольские [18, с. 230]; А. В. Банк считает, что их византийское происхождение вызывает сомнение и присоединяется к мнению И. А. Орбели [17, с. 60, 61]. Датируются эти сосуды не позднее конца XII в. по ряду признаков, в том числе по палеографии русской надписи, процарапанной на дне Черниговской чаши [18, с. 41].

Таким образом, очевидна сложность атрибуции упомянутой группы сосудов, вызванная органическим сочетанием в них византийских и восточных элементов. Этот факт уводит в круг проблем, касающихся светской серебряной посуды, которую можно определить как византийскую только в очень широком смысле этого термина [29]. В нашем случае все еще более усугубляется ярко выраженным своеобразием чаши из Сургута. В ее убранстве комплекс восточных черт проявляется, пожалуй, ярче, чем у остальных, исключая разве Татар-Пазарджикское блюдо. Во-первых, это уже упоминавшееся стремление к декоративности и орнаментализму; во-вторых, явно не византийская трактовка фигурок животных и птиц. Мало похож на собственно византийский и растительный орнамент. Зато и подобный стиль изображения животных, и побег в форме листа с крупным завитком у основания и асимметричным концом встречаются на исламских изделиях XII—XIII вв. [30], хотя там они сливаются в единый орнаментальный фриз, а в нашем случае звери и птицы несут самостоятельную нагрузку, для чего выделены чернью. Пожалуй, наиболее восточные ассоциации вызывает характер плетенки. Подтреугольные медальоны с парными изображениями животных встречаются в оформлениях хоранов армянских рукописей, однако Т. А. Измайлова считает этот прием заимствованным из мусульманской миниатюры [31] [3]. Медальоны в форме квадрифолиев есть на ряде исламских бронзовых изделий, например на кувшине начала XIII в. [30].

На этом перечисление «ориентальных» черт можно закончить. Выведение с востока формы сосуда, как это делает В. П. Даркевич [18], пока не доказано. Шесть из известных в настоящее время романских сосудов (cyborii) очень близки даже по деталям формы Сургутской чаше, три таких сосуда найдены в Зауралье [33].

В западной миниатюре также известны случаи изображений сферических чаш с крышкой и на поддоне: два сосуда с миниатюры «Пир праведных» Амброзианской библии [34]; сосуд, подносимый царице Дидоне, с миниатюры немецкой Энеиды около 1215 г. [35]. Эти миниатюры показывают, что и в Западной Европе чаши употреблялись в ситуации, носящей явно светский характер, что ставит под сомнение использование их только в качестве дароносиц.

Ряд признаков заставляет опять обратиться к армянской миниатюре. Две фигурки пантер в геральдической позе с миниатюры киликийского евангелия середины XIII в. [36, рис. 47] буквально повторяют пантер на чаше. Но особенно важны для нас весьма редкие изображения сфинксов в длинных колпачках [36, рис. 47].

Все изложенное выше свидетельствует в пользу изготовления Сургутской чаши скорее всего где-то у восточных границ Византийской империи в конце XII—XIII в., так как именно этот район в эпоху крестовых походов был местом, где могли встречаться друг с другом как западные, так и восточные влияния [29].

Второй сосуд, о котором пойдет речь в этой статье,— поднос (рис. 5). Он был найден в 1977 г. при обследовании нераскопанной части святилища на городище Барсов Городок 1/6 прямо на поверхности. Вероятно, поднос залегал в самом верхнем горизонте культурного слоя, сразу под

---

[3] Пользуюсь случаем выразить свою признательность доктору искусствоведения Т. А. Измайловой за консультации по вопросам, связанным с оформлением армянских миниатюр.

дерном, и был выкопан местными жителями, испортившими значительную часть памятника ямами, но не обратившими внимания на поднос из-за его необычной формы и сильной загрязненности.

Поднос прямоугольный, с отогнутым наружу бортиком. Длина его 37 см, ширина 21, глубина сосуда 3,7 см. Выполнен из тонкого (0,5 мм) листа серебра выколоткой. Декор нанесен точечной чеканкой, местами подработан гравировкой; детали его позолочены, фон заполнен чернью. Позолочены также внутренний и внешний края бортика, линии стыка бортика с дном подноса и рамка вокруг центрального медальона. Поднос сохранился почти полностью, только по бортику в трех местах есть трещины и небольшие утраты, слегка помято дно, и выкрошилась большая часть черни. В нижнем (относительно изображения в центральном медальоне) бортике пробита дырка гвоздем с оборота. Кроме того, на лицевой стороне подноса имеются плохо различимые рисунки, процарапанные острым предметом. Это так называемые гравировки, которые довольно часто наносились местным приобским населением на привозные серебряные блюда. В одном рисунке угадывается сильно схематизированное человеческое лицо, другой является, видимо, неоконченным изображением какого-то животного. Рассмотрение вопроса об использовании импортных блюд в Приобье не входит в задачу данной статьи, но тем не менее можно отметить два момента. Во-первых, блюдо, несомненно, являлось принадлежностью святилища, иначе на нем не было бы гравировок. Во-вторых, дырка в бортике пробита для подвешивания, но скорее всего не во время совершения обрядов, как полагает В. Ю. Лещенко [37], а в промежутках между ними. Во время же обряда блюдо, вероятнее всего, использовалось по прямому назначению: на него клали жертвенную пищу. Об этом позволяют думать следы помятостей и даже довольно неумелых починок, обнаруженных на описываемом подносе и блюде, найденном в 1975 г. (см. выше).

В центре подноса круглый медальон (рис. 6), опоясанный фризом спиралевидного орнамента со стилизованным виноградным листом в центре каждой спирали. Некогда фриз был заполнен чернью. Внутри медальона крылатый дракон, на голове его закрученные рога, на шее, видимо, изображен ремень. Поднятые вверх крылья кончаются тремя завитыми перьями, такие же перья и на конце длинного закрученного хвоста. Справа и слева от центрального медальона две куфические надписи на фоне все того же спиралевидного орнамента. Надписи содержат пожелания славы, счастья и власти владельцу, имя и частично титул которого, видимо, ставшие одиозными по какой-то причине, местами специально аналогично разделке фона зачеканены[*]. Б. И. Маршак выделяет две группы сосудов XI в. с куфическими надписями: первая, более восточная с фоном в виде завитка лозы с листом и благопожеланиями, начинающимися со слов «би л-йумн ва-л-баракат», и вторая, более западная с фоном в виде спирали (без листа.— *Н. Ф.*) и благопожеланиями, начинающимися с «ал-ʿизз ва-л-икбāл» [38]. В нашем случае мы имеем сочетание фона в виде стилизованной лозы с листом и благопожелания, начинающегося с «ʿизз ва-л-икбāл», т. е. черт, присущих и восточной и западной группам.

По сравнению с дном подноса бортик его явно перегружен орнаментом, нанесенным к тому же в различной технике. В углах — зачеканенные парные фигуры крылатых животных с туловищем льва и собачьими головами. Фон под них проработан резцом. Животные с разинутой пастью настроены явно агрессивно. Их процветшие, иногда сросшиеся хвосты кончаются звериными мордами, терзающими своего хозяина. Крылья и ремень на шее в точности повторяют центральное изображение дракона. Между ними расположены четырехлепестковые медальоны — по три на коротких сторонах подноса и по семь на длинных, выполненные выколоткой по матрице и окруженные рельефным вызолоченным углублением. Всего медальонов 20. Внутри точечным чеканом нанесены чередующиеся изображения — растительный орнамент или фигурка животного, причем

[*] Чтение и перевод надписи предложены Б. И. Маршаком.

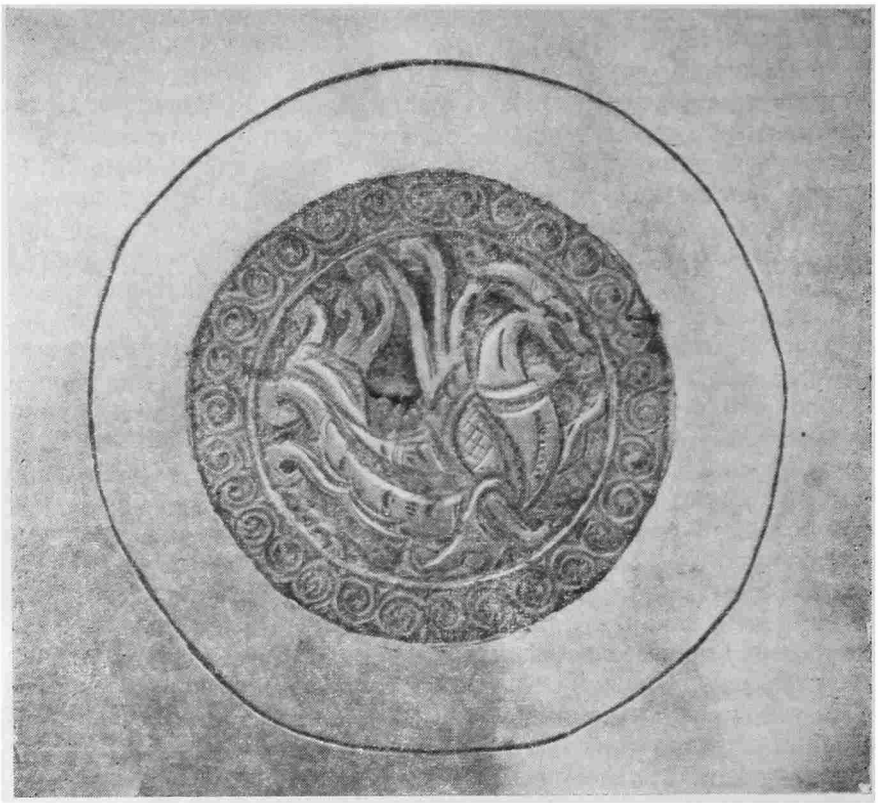


Рис. 6. Поднос. Центральный медальон

все рисунки хорошо вписаны в четырехлепестковую форму, заполняя ее целиком. Фон под растительный орнамент проработан так же, как и под надпись: стилизованная спиральная лоза с листом; а под изображения животных просто вынут резцом. Зафиксировано четыре сюжета в оформлении медальонов. Десять из них содержат по четыре трехчастные пальметты, соединенные основаниями в ромб; пять — маленьких крылатых дракончиков. Дракончики различаются позой: идущие, стоящие или наклоненные вперед; но ряд черт характерен для всех фигурок, а именно: поднятое крыло с подчеркнутым основанием, длинный хвост с глубоким завитком на конце и «гривна» на шее. В трех медальонах изображены фантастические птицы с распахнутыми крыльями, еще в двух — газель в прыжке с откинутыми на спину острыми рожками. В промежутках между медальонами чередуются фигурки сидящей птицы и растительный побег.

Форма сосуда и надписи заставляют прежде всего подумать о восточных, исламских аналогиях. В самом деле, прямоугольные подносы, начиная с XI в., в серебряном, затем в бронзовом исполнении довольно широко бытуют в Иране и Средней Азии [38; 39]. Пожалуй, наиболее близок нашему Сынский поднос [2, табл. LXXXII, № 150; 3, табл. 35, *5*, *6*], изготовленный, судя по надписи, в 30—40-х годах XI в. для одного из хорезмшахов [38]. Но некоторые признаки, характерные для Сургутского подноса, не позволяют ограничиться только этими аналогиями. Кроме уже упоминавшегося эклектизма надписей даже при первом взгляде становится очевидным несоответствие лаконичного оформления дна и перегруженности декора бортика, где мастер как будто боялся пустого пространства. Глубокие рельефные медальоны аналогичны разделке поверхности Вильгортской и Черниговской чаш. Подобные же медальоны, только не рельефные, а образованные ленточной плетенкой, есть на фрагменте кувшина из с. Губдор, но его происхождение также неясно: В. П. Даркевич считает его малоазийским [3, с. 31], а Н. М. Токарский — армянским, как и чашу из Вильгорта [25]. Цепочка из четырехлепестковых медальонов украшает инициал армянской рукописи XI в. [40]. Ра-

стительный орнамент — четыре трехчастные пальметты, соединенные в ромб,— точно такой же, как на бортике Сургутского подноса, есть в декоре чаши из Тарту [18, с. 126].

Таким образом, если датировка подноса из Сургута второй половиной XI—XII в., исходя из приведенных аналогий, вряд ли может вызвать серьезные возражения, то определение места его изготовления весьма затруднительно. Видимо, это был какой-то центр в Малой Азии или Сирии, соприкасавшийся с тем византийским в широком смысле кругом, о котором речь шла выше. Факт же наличия надписей указывает скорее всего на мусульманскую среду и заказчика-мусульманина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Arne T. I.* Barsoff Gorodok. Stockholm, 1935.
2. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.
3. *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М.: Искусство, 1976.
4. *Mevikian-Chirvani A. S.* The white bronzes ot early islamic Iran.— In: Metropolitan museum, v. 9.
5. *Викторов В. П., Елькина М. В., Федорова Н. В., Чемякин Ю. П.* Раскопки на Барсовой Горе близ г. Сургута.— АО – 1973. М., 1974.
6. *Федорова Н. В.* Новая находка булгарского серебра в Среднем Приобье. Тезисы.— В кн.: Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. Уфа, 1976.
7. *Федорова Н. В.* Раскопки средневекового городища в районе Барсовой Горы близ г. Сургута.— АО – 1975. М., 1975.
8. *Хлебникова Т. А.* Еще одна находка булгарских ювелирных изделий.— СА, 1963, № 1.
9. *Викторова В. Д.* Ликинский могильник X–XIII вв.— ВАУ, 1973, № 12.
10. *Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в 1 тыс. н. э.— МИА, 1967, № 58.
11. *Кондаков Н. П.* Русские клады. СПб., 1896.
12. *Ахмеров Р. Б.* Уфимские погребения и их место в древней истории Башкирии.— В кн.: Древности Башкирии. М., 1970.
13. *Голдина Р. Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье: Канд. дис. Свердловск, 1971. Архив КА УрГУ, ф. III, д. 128.
14. *Савельева Э. А.* Пермь Вычегодская. М., 1971.
15. *Банк А. В.* Византия и Восток по некоторым данным прикладного искусства XI–XII вв.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960.
16. *Банк А. В.* Серебряный сосуд из так называемого Тартуского клада.— В кн.: Древние могильники и клады. Таллин, 1962.
17. *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. М.: Искусство, 1978.
18. *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М.: Искусство, 1975.
19. Искусство Византии в собраниях СССР. Католог выставки. I, II. М.: Сов. художник, 1977.
20. *Melikian-Chirvani A. S.* Le bronze iranien. Paris, 1974.
21. Le trésor d'Izgherly. Note de M. Degrange, consul de France a Philippolis (Bulgarie). Comtes rendus des Seances de l'annee 1903. Akademie des Inscriptions et Belles-Lettres, Paris.
22. *Банк А.В.* Крышка серебряного сосуда из Ямало-Ненецкого округа.— СГЭ, 1959, вып. 15.
23. *Банк А. В.* Серебряная братина XII–XIII вв.— В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
24. *Орбели И. А.* Киликийская серебряная чаша XII в.— В кн.: Памятники эпохи Руставели. Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
25. *Токарский Н. М.* Серебряная чаша из Вильгорта в собраниях государственного Эрмитажа.— Историко-филологический журнал АН Армянской ССР, 1976, № 3.
26. *Poutzko B.* Problemes d'origine et de datation d'une coupe d'argent provenant de Vilgort. Revue des Etudes Armeniennes, t. X, Paris, 1973–1974.
27. *Холостенко Н. В.* Новый памятник древнерусского прикладного искусства.— Искусство, 1958, № 9.
28. *Шелковников Б. А.* Русское художественное стекло. Л.: Сов. художник, 1969.
29. *Маршак Б. И.* Византия и Восток по памятникам торевтики. Тезисы— В кн.: Культура и искусство Византии. Л., 1975.
30. A Survey of Persian Art. V. VI. London and New York, 1939.
31. *Ismailova T. A.* L. ikonographie du manuscrit № 2877 du Matenadaran. Revue des Etudes Armeniennes, nouvelle serie, t. II. Paris, 1965.
33. *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе.— САИ, вып. 21–57, М., 1966.
34. Die Zeit der Staufer, Katalog der Ausstelung, Stuttgart, 1977, № 11, Abb. 194.
35. *Kohlhaussen.* Der Doppelmaserbecher auf der veste Coburg und seine Verwandten.— Jahrbuch der Coburger Landesstiftung, 1959.
36. Армянская миниатюра/Вступит. статья и объяснения к таблицам Дурново Л. А. Ереван, 1967.

37. *Лещенко В. Ю.* Использование восточного серебра на Урале.– Приложение к кн.: *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока. М., 1976.
38. *Маршак Б. И.* Серебряные сосуды X–XI вв., их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии.– В кн.: Искусство и археология Ирана и Средней Азии. М.: Наука, 1976.
39. *Fehervari G.* Islamic Metalwork of the eighth to the fifteenth century in the Keir Collection. London, 1976.
40. *Der Nersessian S.* Armenian Manuscripts in the Walters Arts Gallery. Baltimore, 1973.

N. V. Fedorova

TWO SILVER VESSELS FROM THE SURGUT REGION

Summary

Wide-scale excavations conducted by the Urals Archaeological Expedition in the basin of the Ob near Surgut added considerably to the collection of Siberian imported metal vessels. The author publishes two of them—a cup (1975) and a tray (1977). The cup dates to the end of the 12th-13th centuries and has much in common with a number of silver vessels attributed to chasers either from the Bizantine provinces or neighbouring countries: its decoration and shape bear features characteristic of both Oriental and Western art. The tray, judging from its form and the style of its Cufic inscription, can be assigned to 11th-century Iranian or Central Asian craftsmen but some ornamental peculiarities bring to mind Bizantine (in the broad sense) analogies, and with them Asia Minor at the place of its manufacture.

ЛЕНЬКОВ В. Д., ЩЕКА С. А.

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ СЫРЬЕВОЙ БАЗЫ ЧЖУРЧЖЭНЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ПО ДАННЫМ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИХ АНАЛИЗОВ

Археологические исследования на территории Приморья в последние десятилетия дали обильный и в большинстве случаев уникальный материал, позволивший подойти к разрешению частных вопросов истории раннего средневековья. В частности, изучение технологии получения и обработки черных металлов у чжурчжэней позволяет прийти к выводу о том, что железо, чугун и изделия из них находят применение во всех сферах производственной деятельности чжурчжэней [1, с. 161—171], оказывая тем самым революционизирующее влияние на развитие сельского хозяйства, военной техники и особенно ремесленного производства. Все это способствовало тому, что на территории чжурчжэньской империи Анчунь-гурунь (1115—1234 гг.) создаются торгово-ремесленные центры, в которых одним из главных занятий жителей было участие в процессе производства и обработки черных и цветных металлов. К настоящему времени центры чжурчжэньской металлургии на территории Приморья обнаружены в Партизанском (Шайгинское городище) и Ольгинском (Скалистое городище) районах [2, с. 187—190; 3, с. 75]. На городищах исследованы плавильные мастерские по обработке черных и цветных металлов.

Наиболее богатый материал, характеризующий уровень металлообрабатывающего производства у чжурчжэней, получен при раскопках Шайгинского городища, на котором вот уже 17 лет ведет археологические исследования сектор археологии средневековых государств Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока под руководством Э. В. Шавкунова. Обнаруженные на территории городища семь производственных мастерских с плавильными печами и горнами, крицы, отходы производства, большое количество кузнечно-слесарного инструментария, широкий набор различных по назначению изделий из черных и цветных металлов убедительно свидетельствуют о развитом металлообрабатывающем производстве на Шайгинском городище.

К сожалению, пока еще трудно полностью моделировать процесс производства черных металлов у чжурчжэней. Сложность этого состоит прежде всего в том, что плавильные печи и горны весьма самобытны и не находят пока себе прямых аналогий. Но в то же время разносторонние анализы, проведенные в последние годы, дают основание предполагать, что процесс получения металла у чжурчжэней состоял из двух стадий [1, с. 94—100]. На первом этапе происходит восстановление руды до железа — получение спецкрицы. Судя по всему, плавильные печи, предназначенные для этих целей, функционировали вблизи рудников. Археологические исследования на Скалистом городище подтверждают в какой-то мере такое предположение. При этом наличие вблизи городища залежей железной руды, находка двух каменных катков для дробления руды — факты, свидетельствующие о получении первичного продукта плавки — спецкрицы [3, с. 75; 4, с. 3—20].

Второй этап обработки металла состоял в дальнейшей переработке литейщиками и кузнецами спецкрицы в разнообразные по назначению изделия. Таким образом, изучение железообрабатывающего ремесла у чжурчжэней в XII—XIII вв. с учетом новых фактических данных позволяет говорить о существовании в это время местного очага металлургии.

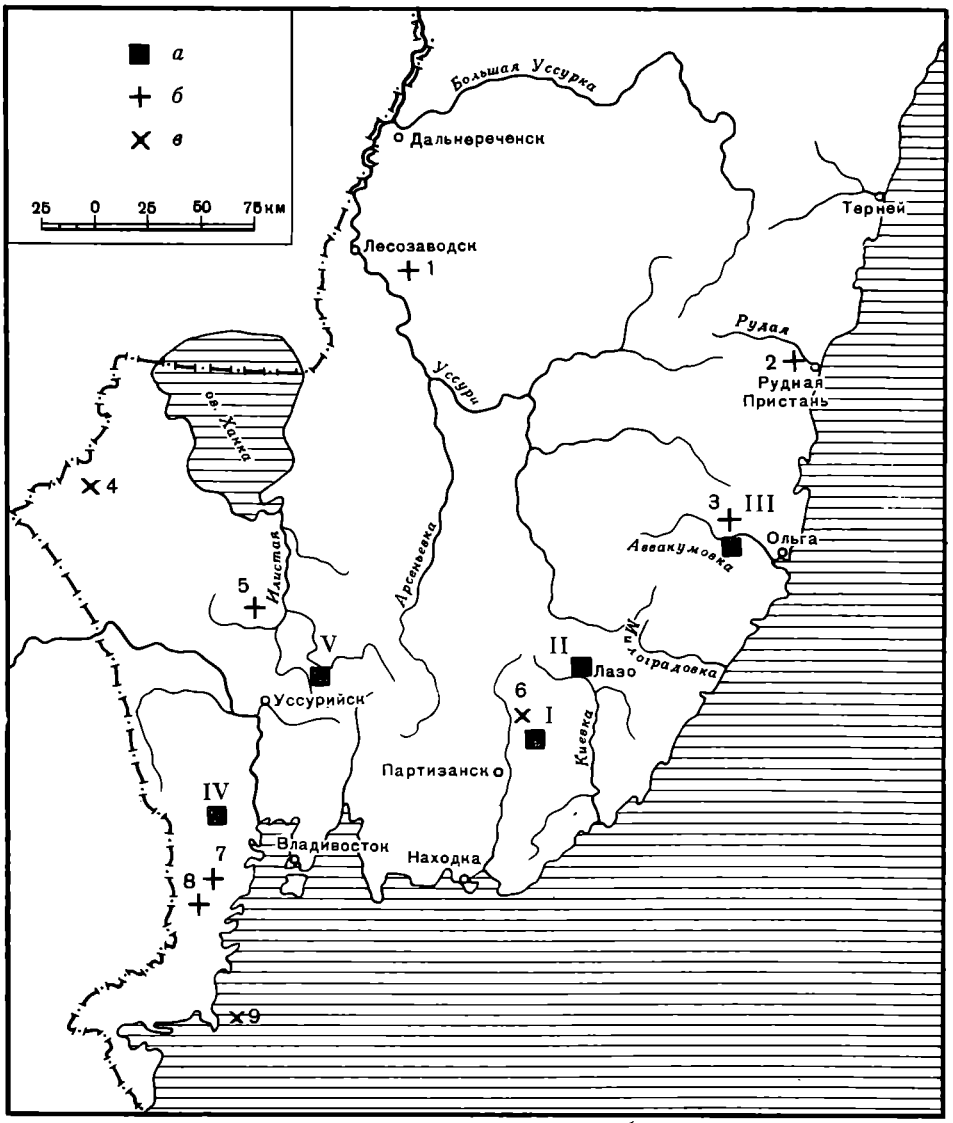


Рис. 1. Схема размещения рудопроявлений железных руд (*1–9*) и средневековых городищ Приморья (I–V): *1* – Кабаргинское; *2* – Дальнегорское; *3* – Ольгинское; *4* – Каменушкинское; *5* – Ярославское; *6* – Алексеевское; *7* – Кедровское; *8* – Барабашевское; *9* – Большой Пелис. I – Шайгинское городище; II – Лазовское городище; III – Скалистое городище; IV – Ананьевское городище; V – Николаевское II городище. *а* – средневековые городища; *б* – скарны в известняках; *в* – скарноиды и гидротермальные руды в основных породах

В связи с этим возникает вопрос: существовала ли сырьевая база у чжурчжэньских металлургов на территории Приморья? Поскольку металлургические центры располагались довольно далеко друг от друга, то, очевидно, они были разобщены между собой в сырьевом отношении и снабжались из близлежащих источников. Следует отметить, что, по данным летописей, ремесла у чжурчжэней в X—XI вв. были слабо развиты. «У них нет мастерских и ремесленников»,— сообщают летописцы [5, с. 269—281]. Следовательно, и поднимать вопрос о сырьевой базе казалось бы несвоевременно, тем более что территория Приморья — это самый крайний северо-восточный район империи чжурчжэней, далекая периферия, где ремесленное производство, а особенно металлообрабатывающее, должно стоять на более низкой ступени, нежели в центральных районах империи. В письменных источниках, относящихся к эпохе Бохая, сообщается о том, что медь в Бохае добывалась в одном из округов, находившемся на территории КНДР [6, с. 63]. Как же обстояло дело с сырьем для получения черных металлов в XII—XIII вв.?

Мы попытались реконструировать первичные сырьевые источники

чжурчжэньской металлургии с помощью методов физико-химического анализа руд, побочных продуктов плавок и изделий из черных металлов, обнаруженных на средневековых городищах. При этом необходимо отметить, что образцы отбирались с таким расчетом, чтобы можно было охватить как можно большую территорию Приморья. Так, в число образцов вошли находки со Скалистого (Ольгинский район), Шайгинского (Партизанский район), Лазовского (Лазовский район) и Ананьевского (Надеждинский район) городищ (Рис. 1). Таким образом, для исследования были отобраны образцы с мест, отстоящих далеко друг от друга: западных, восточных и центральных районов Южного Приморья (см. карту). Все это дает основание судить по итогам анализов о большом северо-восточном регионе империи чжурчжэней в XII—XIII вв.

Все аналитические определения выполнены в лаборатории физико-химических методов исследований Дальневосточного геологического института с применением неоднократно апробированных в других лабораториях общесоюзных и зарубежных эталонов. Математические расчеты проведены на ЭВМ М-222 в вычислительном центре Института автоматики и процессов управления и на ЭВМ «Мир-2» в Дальневосточном геологическом институте Дальневосточного научного центра АН СССР.

Суть предлагаемой методики состоит вкратце в следующем: изделия, шлаки и руды анализируются количественным спектральным методом на микроэлементы. В магнетитах из руд, кроме того, определяется такая важная генетическая характеристика, как термоЭДС (термоэлектрический ток, возникающий в зернах магнетита при создании в них разности температур). Все данные анализов подвергаются математической обработке, в результате которой выводятся средние значения содержания тех или иных элементов в группах изучаемых образцов. При этом математически исключаются «ураганные» величины, связанные или с ошибками анализа, или с загрязнением пробы посторонними минералами-примесями. После получения надежных усредненных данных по родственным группам образцов производится сравнение групп по общему набору их признаков, при этом выводится коэффициент (Ki), ($0<Ki<1$), который в общем случае представляет долю признаков какой-либо испытуемой группы в эталонной. Если испытуемая группа (в нашем случае это или отдельное изделие, или шлак, или руда, или несколько этих величин из одного месторождения) является смесью нескольких эталонных групп, возможен ориентировочный расчет содержания в смеси каждой группы. Алгоритм этих расчетов, равно как и методика измерений и анализа, достаточно прост и описан в специальных работах [7, с. 1—312].

Прежде чем перейти к обсуждению возможных источников сырья чжурчжэньских металлургов, отметим основные геологические черты железорудных проявлений Приморья. Известно, что наиболее ценным сырьем на заре железной металлургии считались болотные (гидроокисные и карбонатные) руды [8, с. 122—127; 9, с. 160], и лишь позднее человечество пришло к использованию тугоплавких руд. Заманчивым могло бы казаться и применение низкотемпературных сульфидных руд, однако обилие в них серы сводило на нет качество получаемого чугуна.

В Приморье даже мелкие проявления болотных руд не известны. На протяжении многомиллионной геологической истории края благоприятные для их отложения условия могли кратковременно существовать лишь на площади современной Уссури-Ханкайской равнины. Однако известные к настоящему времени центры чжурчжэньской металлургии значительно удалены от этих мест. В изученных же районах получили распространение совершенно иные генетические типы железных рудопроявлений. Большинство из них как источники сырья чжурчжэньской металлургии отпадает ввиду несовершенства древней технологии обогащения руд — они представлены мелкой вкрапленностью магнетита в вязких (трудных для дробления) породах, требующих магнитной сепарации.

Второй неблагоприятный фактор становится ясен при взгляде на табл. 1. Почти все рассматриваемые типы руд богаты титаном, ванадием, хромом и цирконием, значительно повышающими температуру плавки.

Средние составы магнетитов из различных типов минерализации Приморья *Таблица 1*

Вмещающие породы	TiO_2	Al_2O_3	Fe_3O_4	MgO	MnO	Cr	V	Ni	Co	Zr	Sn	Zn	Pb	Cu	ТЭДС, *мкв/град*
1. Гипербазиты эффузивные	6,00	0,63	88,7	2,81	0,63	3260	883	258	180	171	36	187	20	24	66
2. Гипербазиты интрузивные	4,12	2,63	88,8	2,79	0,26	3911	3230	403	310	66	14	387	5	38	60
3. Серпентиниты	0,06	0,8	97,4	1,6	0,20	8739	251	998	169	16	141	254	8	11	58
4. Базальты толеитовые	7,12	2,83	84,91	3,82	0,32	762	7850	201	244	128	13	913	8	316	75
5. Базальты щелочные	9,90	2,1	86,3	0,9	0,60	4467	1018	330	244	184	37	900	3	11	72
6. Диабазы толеитовые	11,42	2,0	84,8	1,58	0,19	1015	6550	355	155	21	18	1050	5	595	60
7. Диабазы гранитоидные	11,20	1,50	83,95	0,86	0,54	59	1800	53	22	170	22	720	32	75	61
8. Габброиды	4,50	1,55	93,0	0,91	0,17	2940	5438	185	139	71	12	918	7	20	60
9. Монцонитоиды	4,39	1,43	91,97	0,94	0,35	1370	5900	305	43	73	22	404	15	91	60
10. Медно-никелевые руды	1,33	0,47	97,17	0,05	0,33	20	616	2133	210	73	10	496	5	233	62
11. Толеитовые андезиты	6,96	3,91	87,02	1,02	0,71	1010	3866	183	252	87	19	870	13	217	66
12. Трахиандезиты	7,96	2,32	83,24	0,91	0,57	1287	2500	290	46	113	16	992	29	78	68
13. Диориты и плагиограниты	1,12	1,69	92,78	0,45	0,21	973	2845	109	39	137	19	223	27	81	58
14. Кислые эффузивы	11,93	2,38	83,22	0,94	0,84	336	1735	58	41	219	42	1546	21	75	72
15. Гранитоиды	1,67	1,25	93,63	0,47	0,58	154	1389	20	33	162	27	479	29	22	59
16. Щелочные граниты	1,77	1,5	95,4	0,20	0,94	41	594	3	7	124	33	518	5	36	61
17. Скарны Приморья	0,08	0,10	99,36	0,29	0,27	29	954	10	25	10	192	585	16	27	59

Примечание. Здесь и в последующих таблицах содержание окислов в вес.%, остальных — в $n \cdot 10^{-4}$ %.

Элементы-примеси магнетитов скарновых рудопроявлений Приморья *Таблица 2*

Рудопроявление	Ti	Cr	V	Ni	Co	Mn	Zr	Sn	Zn	Pb	Cu	Число анализов	ТЭДС, *мкв/град*
Кабаргинское	100	30	42	16	10	1200	18	826	550	16	17	12	60
Дальнегорское	2200 *	77	40	33	610 *	1300	185	54	240	1000 *	71	5	59
Аввакумовские	44	20	52	4	39	2400	12	290	900	30	10	4	60
Белогорское (р. Аввакумовка)	280	36	20	7	20	67000 *	325 *	2000 *	18000 *	14	1	8	62
Каменушкинское	1900 *	46	310 *	245 *	260 *	350	27	2	295	4	15	3	59
Новоярославское	60	20	39	3	10	1600	14	330	2200	11	29	5	60
Алексеевское	220	10	90	3	12	2100	13	70	150	5	5	3	59
Кедровское	130	20	115	7	65	3800	25	73	490	41	24	3	59
Барабашевское	33	20	15	8	27	3400	13	5	170	140 *	510 *	2	59
Большой Пелис	500	24	560 *	230 *	810 *	1000	10	72	270	5	130 *	3	59
Среднее	162	29	54	10	25	2250	16	192	585	16	27		59

Примечание. * — значения, исключенные при расчете средних величин.

Исключение составляют железоносные скарны, несущие, как правило, мелкие тела сплошных руд. Эти низкотемпературные и богатые руды широко распространены на территории Приморья (см. карту) и из всех показанных в табл. 1 наиболее благоприятны при несовершенности металлургической технологии. Они образуются обычно в контактах магматических тел и известняков, т. е. обнаруживаются практически вблизи всех выходов известняков. В Приморье они издавна были известны по долине р. Аввакумовка, особенно в Ольгинском районе [10, с. 41—44]. К этому же типу относятся руды месторождений сел Ново-Ярославка, Дальнегорска, р. Кабарга, мелкие рудопроявления в Хасанском и Пограничном районах. Основным минералом, концентрирующим железо в этих рудах, является магнетит, с ним ассоциируют гранаты и пироксены. Запасы подобных руд обычно не превышают первых тонн железа, однако содержание его велико — более 70%. Практически отсутствуют минералы, несущие вредные примеси — фосфор, серу.

Особую разновидность рассматриваемых руд (скарноидную) составляют мелкие концентрации железа в богатых кальцием силикатных породах — габброидах. Механизм их формирования близок к скарнообразованию, однако здесь роль известняков (осадителей железа) играют габброиды, в которых железо при переработке их горячими растворами переходит из связанной (неизвлекаемой) формы в магнетит. Скарноидные железные руды известны в Пограничном, Хасанском и Партизанском районах (см. карту). Эти руды сложены магнетитом, иногда окисленным до гематита с примесями эпидота, кварца, амфибола, халькопирита и пирита. Мощность рудных тел в скарноидах составляет от первых до нескольких десятков сантиметров при содержании железа более 50%.

Химический состав скарновых месторождений Приморья (табл. 2), за редкими исключениями (Белогорское месторождение), характеризуется незначительными колебаниями содержаний элементов-примесей. В большинстве случаев повышение их концентраций вызвано появлением собственных минералов-примесей. Так, в пределах группы скарновых рудопроявлений примеси свинца, цинка и олова обусловлены присутствием минералов галенита, сфалерита и касситерита, причем эти элементы присущи обычно тем рудопроявлениям, в районе которых известны соответствующие месторождения. Например, руды Кабаргинского и Ярославского проявлений, располагающиеся в пределах оловянных месторождений, обогащаются оловом, в то время как Ольгинским и Дальнегорским рудам присущи примеси свинца и цинка, руды которых разрабатываются в этой зоне.

Руды скарноидных проявлений, локализованные среди габброидов, богатых титаном, ванадием, кобальтом, никелем, медью, включают минералы этих элементов — рутил, пирит, пентландид, халькопирит.

Наконец, руды Белогорского скарнового месторождения являются уникальными по составу магнетита, в котором значительная часть железа замещена марганцем, цинком и оловом. Оно формировалось в специфических условиях и не имеет в Приморье пока аналогов.

Помимо железных изделий и шлаков, которые встречаются практически на каждом средневековом городище, на некоторых из них (Шайгинское, Скалистое, Николаевское II) обнаружены и железные руды. В непосредственной близкости от Шайгинского и Скалистого городищ рудопроявления и месторождения железных руд известны. К ним относятся мелкие (мощностью несколько метров) тела скарновых руд в долине р. Аввакумовки, а также упоминавшееся ранее Белогорское месторождение, располагающиеся в непосредственной близости от средневековых городищ. В районе Шайгинского городища рудные тела располагаются в 20—25 *км* севернее его, в среднем течении р. Алексеевки. Здесь известно несколько маломощных (до 40 *см*) рудных тел гематит- магнетитового состава, заполняющих зону дробления и гидротермальной переработки в габброидах. Руды, известные к настоящему времени в районе Скалистого городища, бедны титаном и ванадием, но богаты оловом, цинком, свинцом. Последние элементы отражают специфику, свойственную всем ти-

Таблица 3

Элементы-примеси в рудах и шлаках, обнаруженных на средневековых городищах

Шифр образца	Ti	Cr	V	Ni	Co	Mn	Zr	Sn	Zn	Pb	Cu	ТЭДС, *мкв/град*
						Руды						
С3-1	40	21	58	4	29	2440	1270	270	890	29	11	60
Н5-1	88	20	75	10	13	1950	13	1850	3150	40	45	60
Ш5-1	240	10	87	1	7	2000	14	72	140	5	2	59
						Шлаки						
С3-2	260	30	56	10	12	1100	7	370	460	56	2	
С3-3	1400	110	100	63	21	1700	46	260	220	3	180	
С3-4	2800	130	160	41	38	2300	79	480	190	3	48	
Ш5-2	3200	240	520	160	30	910	91	260	230	6	380	
Ш5-3	6400	190	520	160	45	1800	63	1200	190	3	1100	
Ш5-4	21000	170	250	120	27	3000	52	1400	200	8	500	

Примечание. С3-1 — Скалистое городище, раскопки 1973 г., инвентарный номер 1; Н5-1 — Николаевское городище, раскопки 1965 г., инвентарный номер 1; Ш5-1 — Шайгинское городище, раскопки 1965 г., инвентарный номер 1.

пам рудной минерализации восточного Приморья. В районе Николаевского II городища рудные проявления не известны, однако найденные куски руды в верхнем строительном горизонте городища [11, с. 46], а также широкое развитие здесь известняков и гранитов предполагают возможность выявления в этом районе скарновых руд.

Как следует из табл. 2 и 3, составы руд, обнаруженные в процессе раскопок чжурчжэньских городищ, практически неотличимы от руд ближайших рудопроявлений. Руды Николаевского II городища по геохимическим особенностям близки рудам Ново-Ярославского оловянного месторождения. По геологическому строению районы этих месторождений руд весьма близки, что позволяет предполагать наличие вблизи Николаевского II городища рудных проявлений, подобных Ново-Ярославским.

Интересны преобразования железных руд в процессе выплавки из них металла. Исследования образцов от различных чугунных отливок с чжурчжэньских городищ показывает, что металлургический процесс в XII—XIII вв. был скорее всего примитивным и исключал введение в металл в существенных количествах легирующих добавок [1, с. 131—139]. В качестве флюсов использовался местный известняк [1, с. 131, 132], а материалом для пода печей служила в основном речная галька местных пород. Последние два фактора могли наложить существенный геохимический отпечаток на состав выплавляемого металла. Сравнение состава руд и шлаков из одноименных мест выплавки (табл. 3) показывает, что состав флюсов специфичен в каждом из городищ и несет геохимический оттенок исходных руд. Так, шлаки Скалистого городища, как и руды, значительно беднее титаном, ванадием, хромом, никелем, чем шлаки Шайгинского городища. Это вполне согласуется с преобладанием пород, богатых перечисленными элементами, в окрестностях Шайгинского городища.

Анализы железных изделий из различных городищ (табл. 4) позволяют прийти к заключению, что в процессе выплавки в металл сознательно или ввиду несовершенства технологии скорее всего из флюсов, а также, возможно, и из материалов пода и стен плавильных печей вводились медь, никель и кобальт, и в то же время терялись марганец, цинк и свинец (например, для Скалистого городища) при неизменности уровня содержания таких элементов, как хром, цирконий, олово, в сравнении с исходными рудами. Из табл. 4 следует, что металл на Скалистом и Лазовском городищах выплавляли из руд близкого состава, несколько отличимых по содержанию кобальта и олова, в то время как на Ананьевском городище сырьевые источники были иными (если судить, например, по содержанию олова, марганца и хрома).

Таблица 4

Элементы-примеси в железных изделиях

Изделие	Шифр	Ti	Cr	V	Ni	Co	Mn	Zr	Sn	Zn	Pb	Cu
Наконечник стрелы	СЗ-5	110	22	27	57	33	130	24	340	120	4	>1000
Железный штырь	СЗ-6	100	50	48	91	160	130	11	460	68	4	> 1000
Гвоздь	СЗ-7	95	27	40	100	210	91	10	370	80	3	> 1000
Среднее		102	33	38	83	134	117	15	390	89	4	
Железный штырь	Л5-1	71	15	40	57	600 *	140	10	270	50	5	> 1000
Фрагмент котелка	Л5-2	69	47	50	73	600 *	110	8	150	50	3	> 1000
Наконечник стрелы	Л5-3	110	44	22	110	120	640	15	110	38	6	690
Нож	Л5-4	90	26	42	60	60	290	10	42	38	6	1200
Обоймица	Л5-5	110	36	20	54	110	120	17	270	50	16	630
Панцирная пластина	Л5-6	130	26	50	70	110	190	12	270	91	2	1700
Гвоздь	Л5-7	80	48	46	100	100	160	10	100	45	17	630
Нож	Л5-8	130	38	28	34	32	280	10	120	50	4	100
Среднее		100	35	35	69	89	199	11	193	64	7	
Кольцо	А5-1	95	12	27	60	63	83	17	83	100	20	> 1000
Ключ от замка	А5-2	52	8	20	140	300	66	10	38	100	4	> 1000
Среднее		73	10	23	100	181	75	13	60	100	12	

Примечание. СЗ-5 — Скалистое городище, раскопки 1973 г., инвентарный номер 5; Л5-1 — Лазовское городище, раскопки 1975 г., инвентарный номер 1; А5-1 — Ананьевское городище, раскопки 1975 г., инвентарный номер 1. * — значения, исключенные при расчете средних величин.

Таким образом, простое сравнение составов руд, шлаков и металла изделий из средневековых металлургических центров показывает, что, несмотря на некоторое искажение геохимической характеристики изделий флюсами и материалом печей, они сохраняют характерные геохимические черты, присущие рудам каждого района. Это положение подтверждается расчетами степени близости перечисленных руд, шлаков и изделий с различными типами рудопроявлений Приморья по описанной ранее методике.

Расчет коэффициента (Ki) близости признаков различных руд, найденных на городищах, с рудами всех известных в Приморье генетических типов (табл. 1) показывает, что величина этого коэффициента для скарновых руд составляет 0,88 для Скалистого, 0,51 для Николаевского и 0,39 для Шайгинского городищ. Коэффициент близости перечисленных руд со всеми остальными представителями табл. 1 значительно ниже 0,2.

Наиболее наглядно источники руд средневековых городищ выявляются при сравнении их с рудами скарновых месторождений Приморья (табл. 5). Из табл. 5 следует, что абсолютной близостью (Ki=0,95—1,0) руды Скалистого, Николаевского и Шайгинского городищ обладают с рудами близлежащих (Аввакумовские, Алексеевское) или возможных в районе (Ново-Ярославское) рудопроявлений. Близость состава руд более удаленных рудопроявлений к образцам руд, найденных на городищах (например, Ново-Ярославское — Скалистое; Кабаргинское, Аввакумовское — Николаевское II), является отражением генетического родства этих рудопроявлений. Все остальные рудопроявления по характеру руд достаточно далеки от руд городищ.

Расчеты близости руд, изделий и шлаков из различных городищ дают значения коэффициента Ki менее 0,3, что не может служить надежной характеристикой их родства, поскольку формальное совпадение в них двух-трех признаков с рудами тех или иных рудопроявлений может быть вызвано случайными причинами. Тем не менее, если эти признаки отражают геохимическую специфику районов, вес их должен считаться достаточно информативным для сравнения шлаков и изделий с рудами рудопроявлений. Такими признаками для Скалистого городища могут считаться пониженные содержания титана и ванадия и высокие — олова. По этим признакам изделия Лазовского городища должны иметь исходными руды Скалистого городища. Значительная насыщенность шлаков Шайгинского городища титаном, хромом, ванадием, никелем вполне согласуется с геохимической характеристикой пород этого района. Бедные

Таблица 5

Матрица коэффициентов близости признаков (Ki) руд из средневековых городищ и скарновых руд из различных рудопроявлений Приморья

Рудопроявление	Городища		
	Шайгинское	Николаевское II	Скалистое
Кабаргинское	0,36	0,78	0,42
Дальнегорское	0,22	0,22	0,11
Аввакумовское	0,36	0,51	1,00
Белогорское	0,36	0,51	0,11
Каменушкинское	0,1	0,1	0,1
Ново-Ярославское	0,46	0,95	0,91
Алексеевское	1,00	0,46	0,36
Кедровское	0,39	0,45	0,19
Барабашевское	0,23	0,33	0,45
Большой Пелис	0,33	0,33	0,22

оловом изделия Ананьевского городища отражают геохимический фон рудопроявлений Хасанского района (например, руды Барабашевского проявления). Однако в целом сравнение руд и изделий затруднено, поскольку концентрации и спектр элементов, вводимых в металл или утрачиваемых им при плавке руд, определяются случайными явлениями и требуют специального изучения на каждом городище. Кроме того, сравнение руд может считаться надежным только по составу какого-либо минерала (в нашем исследовании — магнетита или гематита). Валовый же состав руд в отношении примесей определяется присутствующими минералами — марганцем, медью, оловом, цинком, никелем, кобальтом и др., которые при плавке могут улетучиваться, уходить в шлак или «консервироваться» в металле. Ввиду этого при реконструкции сырьевых источников средневековой металлургии наиболее информативными должны считаться руды в местах плавки.

Таким образом, использованная поисковая методика, широко применяемая при геохимических поисках, позволяет надежно установить по набору геохимических признаков руд, частично шлаков и изделий, обнаруживаемых на средневековых городищах, сырьевые источники металлургического производства. В исследованных районах Приморья этими источниками являлись местные мелкие рудопроявления, не представляющие интереса для современной промышленности в силу ограниченных запасов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леньков В. Д.* Металлургия и металлообработка у чжурчжэней в XII веке (по материалам исследований Шайгинского городища). Новосибирск: Наука, 1974.
2. *Шавкунов Э. В.* О периодизации и классификации средневековых памятников Приморья.– Тр. ДВ филиала СО АН СССР. Сер. истор., 1968, т. 6.
3. *Шавкунов Э. В.* О результатах предварительных обследований средневековых памятников в Приморском и Хабаровском краях осенью 1969 г.– Тр. ДВНЦ АН СССР. Сер. истор., 1971, т. 8.
4. *Леньков В. Д.* Отчет об археологических исследованиях на городище Скалистом в 1973 году.– Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, № 25.
5. *Кычанов Е. И.* Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования).– Сибирский археологический сборник. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1966, вып. 2.
6. *Шавкунов Э. В.* Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.: Наука, 1968.
7. *Щека С. А., Пятаков А. Г., Шак В. Г.* Методика изучения магнетита для целей геогеогностика.– Геохимия, 1978, № 5.
8. *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
9. *Колчин Б. А.* Ремесло.– В кн.: Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч.1. Материальная культура. М.: Изд-во МГУ, 1969.
10. *Радкевич Е. А.* Металлогения Южного Приморья. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
11. *Болдин В. И., Семениченко Л. Е.* Об археологических исследованиях на Николаевском II городище в Приморском крае в 1975 году.– Архив ДВНЦ АН СССР, ф. 13, оп. 1, д. 51.

V. D. Lenkov, S. A. Shcheka

AN ATTEMPT AT DETERMINING THE RAW-MATERIAL BASE OF THE CHZHURCHZHENIEN IRON METALLURGY USING PHYSICO-CHEMICAL ANALYSIS

Summary

The authors analysed a number of samples of ores, slags and artifacts from the Chzhurchzheni sites in the Primoriye Territory, applying physico-chemical methods widely used in geology with the aim of obtaining data on the raw material of iron metallurgy.

The authors came to the conclusion that the Chzhurchzheni used local skarn low-temperature ores widely distributed in the Primoriye Territory which are of no industrial importance today.

Заметки

ЖУРАВЛЕВ А. П.

СЫРЬЕВАЯ БАЗА КРЕМНЕВЫХ ОРУДИЙ БАССЕЙНА ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Вопрос о сырьевых ресурсах каменных орудий древних поселений является одним из актуальных в археологической науке, поскольку изучение пород камня, служивших для изготовления орудий труда и охоты, а также степень трудности добычи сырья и превращение его в законченный продукт позволяет раскрыть процесс трудовой деятельности человека во всей его полноте и многообразии [1, с. 3].

Наличие или отсутствие пород камня, пригодных для изготовления орудий, в значительной мере определяло уровень развития индустрий и степень совершенства каменных орудий. Каменное сырье являлось не только важной предпосылкой для освоения людьми новых районов, но и определяло степень развития горного дела, характер первобытного обмена. Попадая в иные экологические условия, человек искал привычные породы камня, использовал их заменители, если последние обладали удовлетворительными качествами. В таком случае новое сырье находило в конечном счете широкое применение на стоянках.

Убедительной иллюстрацией этого положения является каменный инвентарь древних поселений Карелии, где местные породы сланца, алевролита, кварца наряду с кварцитом, роговиком и песчаником использовались для изготовления орудий труда во все эпохи от мезолита до раннего металла [2, с. 245—248].

Вместе с тем указанные породы камня могли применяться человеком и там, где наблюдался недостаток или полное отсутствие кремня, хотя в этом случае нельзя сбрасывать со счета возможность приобретения привычного сырья путем обмена. Такие случаи достаточно широко известны в археологической литературе [3, с. 89]. Считается, например, общепризнанным мнение о том, что древние племена Карелии в связи с отсутствием здесь кремневых месторождений получали кремень обменным путем из Волго-Клязьминского междуречья и с территории каргопольской культуры [4, с. 209—211], а также с Валдайской возвышенности [3, с. 89], с Верхней Волги [5, 6] и других отдаленных районов [7]. Исходя из этого, исследователи и строили те или иные гипотезы, связанные с проникновением в Карелию племен в разные эпохи.

Вместе с тем в археологической литературе имеются указания на то, что на южном берегу Онежского озера встречается кремень [8]. Геологами установлено, что в этом районе присутствуют песчаники и глина фаменского яруса верхнего отдела девона, а также известняки и доломиты нижнего и среднего отделов карбона, содержащие кремень. Необходимо было найти его.

С этой целью в июне 1978 г. комплексная экспедиция Карельского филиала АН СССР с участием археолога и геологов провела обследование южного побережья Онежского озера и долину реки Вытегры [9, с. 9]. Помимо выявления кремневых месторождений выяснялась возможность использования местного кремня древними племенами бассейна Онежского озера.

В ходе разведки сразу же были обнаружены крупные и различные местопроявления кремня. По р. Вытегре отмечен ряд местопроявлений, из которых наиболее существенными являются Александровское, Белоручейское, Девятинское, а на Онежском озере — Южноонежское, или Кюршевское (рис. 1).

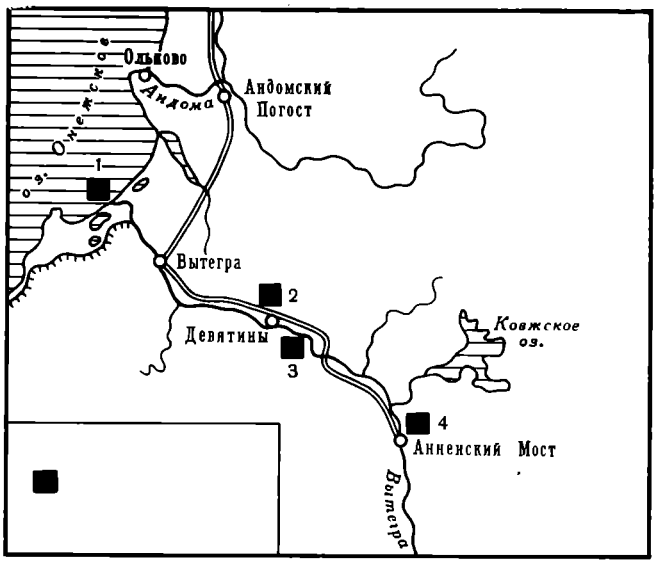


Рис. 1. Схема расположения кремневых месторождений на южном берегу Онежского озера и в бассейне р. Вытегры (*1* – Южноонежское, *2* – Девятинское, *3* – Белоручейское, *4* – Александровское)

На Александровском месторождении (Александровский карьер, здесь известняки залегают под тонким слоем почвы) среди органогенных рыхлых известняков среднего отдела карбона встречены довольно многочисленные стяжения — конкреции красноватого кремня размером до 5 см в поперечнике. Наиболее часто конкреции кремня попадаются у основания береговых обрывов, куда они скатываются при выветривании известняка.

На Белоручейском местонахождении близ дер. Белый ручей, на размытых Вытегрой берегах и среди более плотных желтовато-серых известняков встречены многочисленные конкреции кремня линзовидной, шаровидной, удлиненно-вытянутой формы размерами от 2×5 до 7×25×30 см. Цвет кремня самый различный: белый, светло-серый, желтый, бурый, коричневый, красный, розовый, черный. Кремень находится прямо на современной поверхности и найти его не представляет никакого труда. Аналогичная картина, по-видимому, была и в древности.

Девятинское местопроявление расположено в с. Девятины (рис. 2). Здесь, на восточном берегу откоса старой Мариинской системы, прослеживается проявление кремня в форме пласта мощностью 20—26 см среди желтовато-серых мелкозернистых известняков нижнего отдела карбона. Пласт залегает на значительной глубине, распространяется горизонтально, прослежен по выходам более чем на 300 м. Кремень белый, афанитовый, неслоистый с раковистым и неровным изломом. На современной поверхности встречены отдельные кремневые конкреции.

Южноонежское (Кюршевское) местопроявление кремня, на южном берегу Онежского озера, не является локальным и простирается от дер. Кюршево до Андомской горы. Кремень здесь широко представлен красно-бурыми разновидностями, желто-бурыми, голубовато-серыми и черными конкрециями, встречающимися среди аллювиальных россыпей девонских песчаников. Нами конкреции найдены прямо на берегу Онежского озера.

Уже сам факт наличия местного кремня и визуальное сравнение кремневых орудий древних поселений бассейна Онежского озера с кремнем из вновь открытых месторождений давали серьезные основания предполагать возможность использования этого сырья древнейшим населением Карелии. Но для того чтобы сделать окончательный вывод, необходимо было установить идентичность материала аналитическими методами.

Для изучения структуры кремня и сравнения его с кремневыми орудиями древних поселений Карелии в Институте геологии Карельского

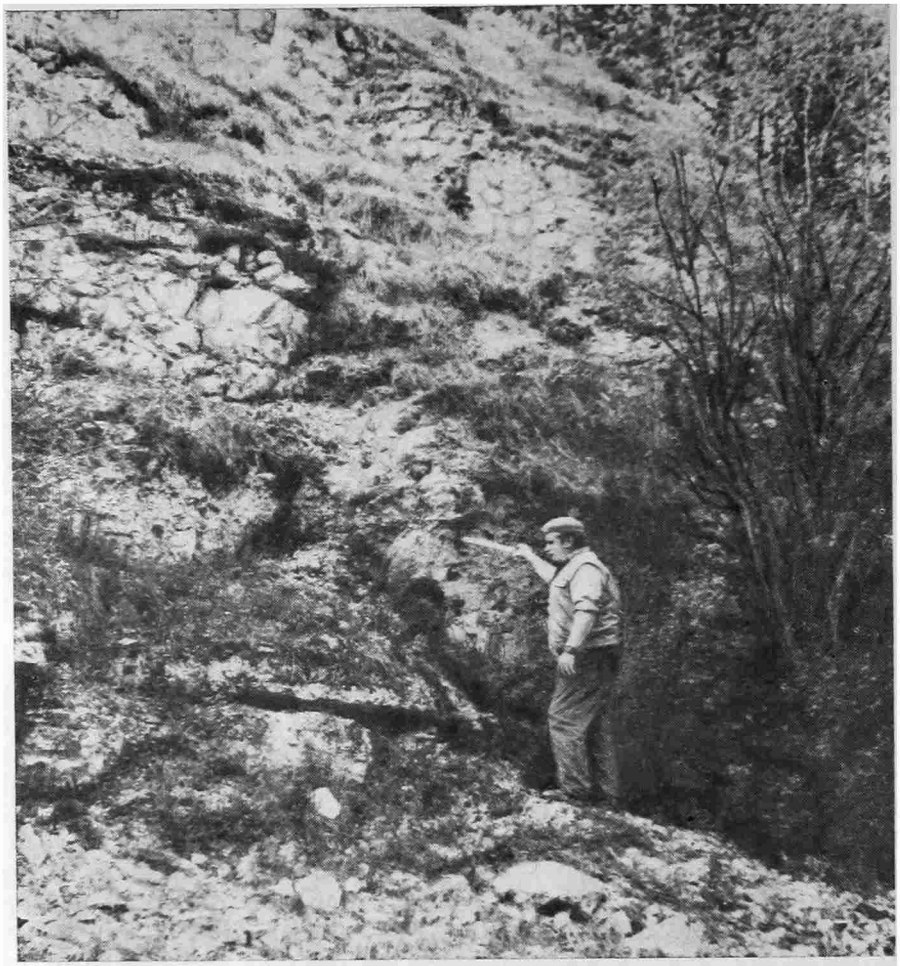


Рис. 2. Девятинское месторождение кремня

филиала АН СССР было произведено петрографическое и палеонтологическое изучение конкреций из описанных выше местопроявлений и кремневых орудий из стоянок Повенецкая III, Оровнаволок XII, Олений Остров, Илекса III, Муромское I, VI, VII, Шелтозеро XXV, Путкинская I (мезолит); Соломенное VII, Сандермоха II (неолит); Вигайнаволок I, Пегрема I, II (энеолит) [1].

В настоящее время установлена петрографическая идентичность, а также идентичность палеонтологических остатков в кремневых орудиях энеолитических поселений Пегремы и мезолитической стоянки Муромское VII [2] и др. и кремневых стяжений в известняках верхнего карбона р. Вытегры.

Имеющиеся сведения позволяют сделать вывод о том, что древнейшие племена бассейна Онежского озера с эпохи мезолита использовали местные кремневые ресурсы. Новые данные помогут в решении таких проблем, как взаимоотношение и первобытный обмен между племенами северо-запада, время и пути заселения Карелии, влияние количества и качества кремня на типы орудий и особенности археологической культуры и др.

---

[1] Петрографическое изучение кремня произведено научным сотрудником Института геологии Карельского филиала АН СССР В. И. Горловым, палеонтологическое — сотрудником того же Института В. В. Макарихиным.

[2] Материалы стоянки Муромское VII использованы с любезного разрешения М. Г. Косменко.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гурина Н. Н.* Древние кремнеобрабатывающие шахты на территории СССР. Л.: Наука, 1976.
2. *Журавлев А. П., Горлов В. И.* Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы.– СА, 1979, № 1.
3. *Гурина Н. Н.* К вопросу об обмене в неолитическую эпоху.– КСИА АН СССР, 1974, № 138.
4. *Анпилогов А. В., Инина К. А.* Результаты петрографического изучения кремня с древних поселений Карелии.– СА, 1966, № 3.
5. *Брюсов А. Я.* История Древней Карелии. М.: Изд-во АН СССР, 1940.
6. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Л.: Наука, 1978.
7. *Савватеев Ю. А.* Залаврута. Л.: Наука, 1977.
8. *Ковнурко Г. М.* Некоторые сведения о кремневых выходах на Северо-Западе СССР.– МИА, 1973, № 172.
9. *Журавлев А. П.* Исследования в Карелии.– АО – 1978. М., 1979.

АЛЕКСАНДРЕНКОВ Э. Г., ЖИЛИН М. Г.

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В СМОЛЕНСКОМ ПОДНЕПРОВЬЕ

В изучении мезолита Верхнего Поднепровья за последние годы [1, 2, с. 60—66] достигнуты значительные успехи. Благодаря работам В. Ф. Копытина и некоторых других археологов открыто и обследовано более 30 мезолитических памятников, главным образом в Могилевской области БССР. Мезолит соседней Смоленской области изучен значительно слабее: к настоящему времени в Смоленском Поднепровье известны две мастерские по первичной обработке кремня — Аносово I и IV [3, с. 244—251]; две распаханные стоянки, давшие незначительные коллекции подъемного материала,— Ладыжицы [4, с. 100—110] (42 орудия, 5 нуклеусов, пластины, отщепы, осколки) и Катынь 17 [5], где помимо мезолитических изделий встречаются и неолитические кремни[1], и несколько мелких местонахождений, которые также могут быть датированы мезолитом. В силу крайне слабой изученности мезолита Смоленского Поднепровья первоочередной задачей остается выявление, исследование и публикация памятников этого периода, содержащих значительные серии изделий, особенно со вторичной обработкой.

Одним из таких памятников и является стоянка Катынь 21[2], обнаруженная Э. Г. Александренковым в начале 60-х годов на территории станции Катынь. Станция Катынь находится в 20 км к западу от Смоленска, на левом берегу небольшой речки Катынка (таково ее местное название, а не Катынь), правого притока Днепра. Стоянка Катынь 21 располагается в 50 м к северо — северо-востоку от вокзала станции, в 400 м от берега Катынки, на песчаной дюне, возвышающейся над поймой приблизительно на 4 м, что соответствует 7—8 м над урезом воды в Катынке. Отметим, что стоянка не затапливается даже самыми высокими полыми водами. К северу от дюны, на которой располагается стоянка, находится небольшое понижение, еще недавно бывшее болотом, возможно, древнее озерко. К северу от него есть еще одно всхолмление, несколько меньшее по высоте чем то, на котором найдена стоянка. Культурный слой памятника разрушен постройками и огородом, с которого Э. Г. Александренков и собирал кремни на протяжении более 15 лет, причем брались все кремневые предметы, а не только орудия.

Всего за это время найдено 347 кремневых изделий, из них 115 со вторичной обработкой. Орудия, отщепы и пластины изготовлены, по всей видимости, из местного кремня низкого качества, встречающегося в

[1] В работе В. П. Третьякова «Поселения каменного века...» эта стоянка значится как Катынь 6 и отнесена к раннему неолиту. Вероятно, прав Е. А. Шмидт, а внешнее сходство с ранненеолитическими коллекциями объясняется механическим смешением мезолитических и неолитических изделий при распашке, что подтверждается планиграфией стоянки.

[2] Мы придерживаемся нумерации стоянок, предложенной Е. А. Шмидтом, который в окрестностях с. Катынь перечислил 20 стоянок.

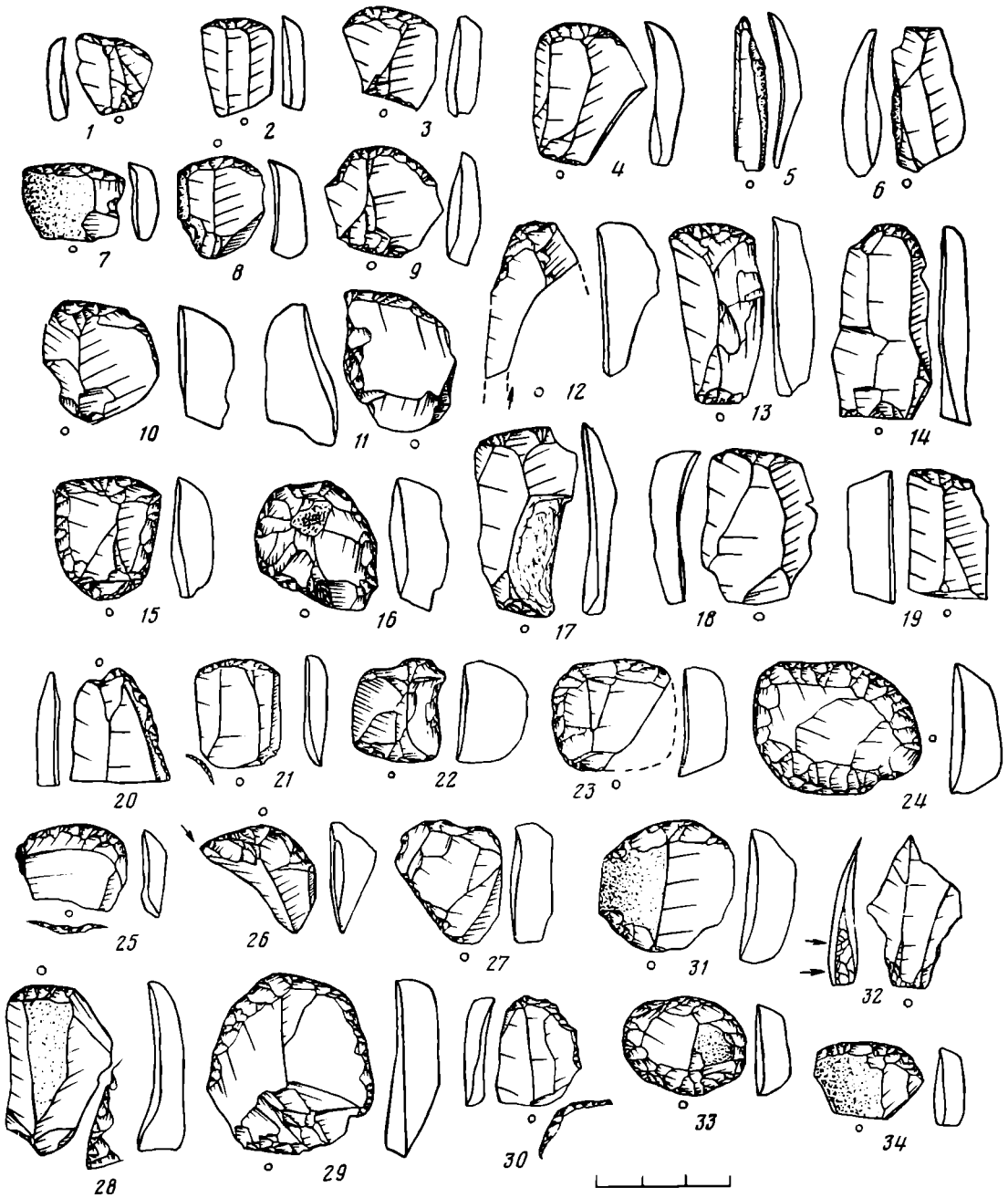


Рис. 1. Кремневые орудия стоянки Катынь 21 (*1–31*) и местонахождения 442 км (*32–34*)

окрестностях станции Катынь в виде гальки и небольших желваков преимущественно серых оттенков; есть также изделия из кремня черного и коричневого цвета.

В коллекции со стоянки Катынь 21 содержится четыре нуклеуса. Два из них — двуплощадочные подпризматические, площадки горизонтальные, при этом у одного (от пластин и отщепов) обе площадки подправленные (рис. 2, *34*), а у другого (от пластин) одна без подправки (рис. 2, *35*). Два других нуклеуса аморфные многоплощадочные от отщепов. Помимо этого найдено еще два нуклеуса, переделанных по мере полного срабатывания в резцы: один одноплощадочный от отщепов, площадка скошена и подправлена (рис. 2, *36*); второй двуплощадочный от пластин и отщепов, площадки подправленные, одна горизонтальная, другая скошенная (рис. 2, *31*). Все нуклеусы очень мелкие, однако в коллекции есть два скола с подправленных площадок нуклеусов — один диаметром 3, другой около 5 см, что свидетельствует о существовании и более крупных экзем-

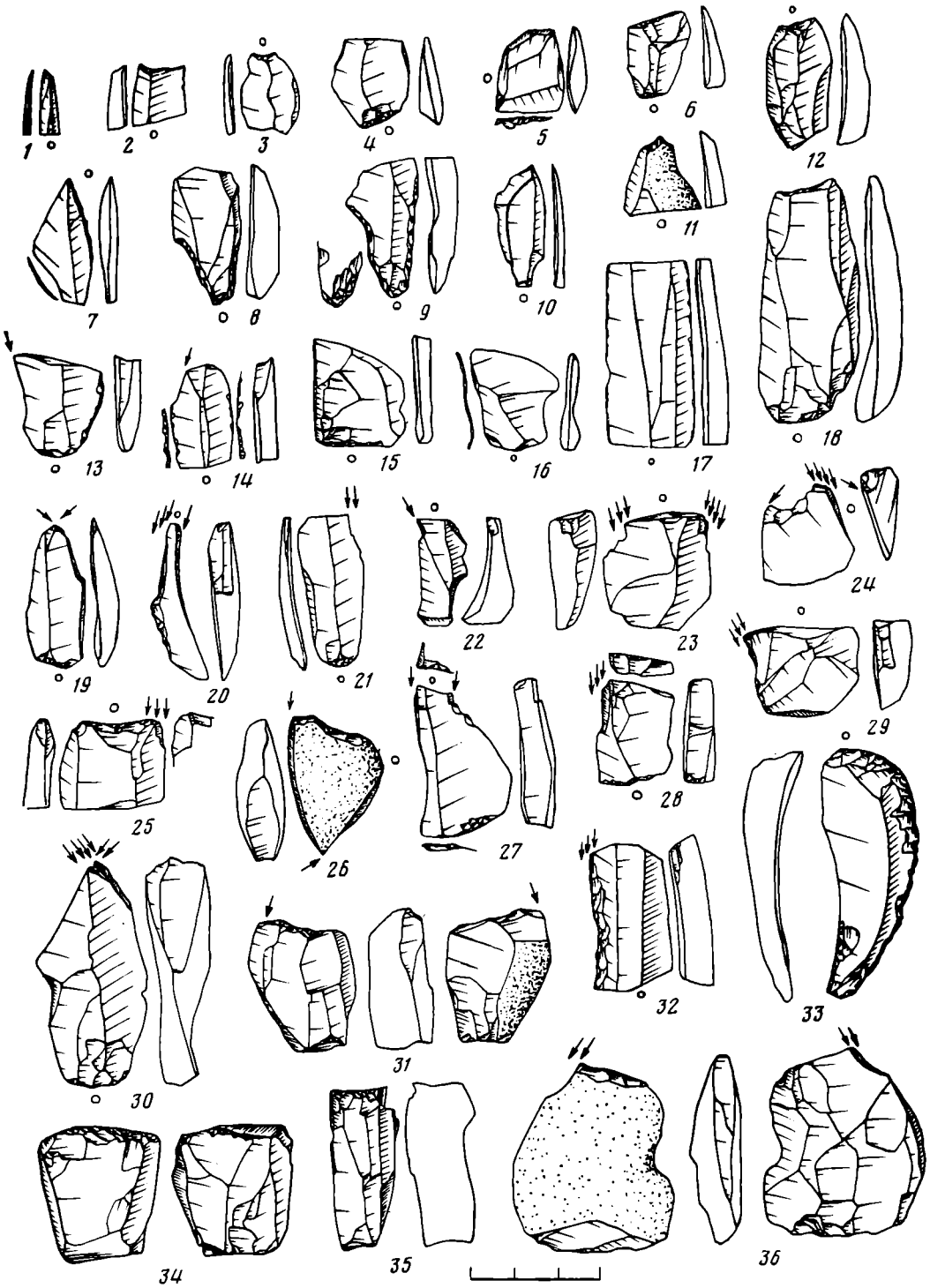


Рис. 2. Кремневые орудия стоянки Катынь 21

пляров. Имеется три мелких нуклевидных куска с начатой оббивкой и три ребристые пластины со скалыванием с одной стороны, снятые с мелких нуклеусов.

Ножевидных пластин без обработки — 53, резко преобладают неправильные пластины шириной 1—1,5 см, одна из них рассечена микрорезцовым сколом; правильных пластинок всего 8.

На отщепах сделано 68 орудий, что составляет 59,1% всех изделий со вторичной обработкой; на пластинах соответственно 47 орудий, или 40,9%. Исходя из этого можно говорить о преобладающей роли отщепа в качестве заготовки при сохранении значительной роли пластин.

Скребков найдено 50; из них 11 концевые с дугообразным рабочим

краем, у 10 обработанным некрупной и у одного крупной широкой крутой ретушью, при этом 6 сделаны на пластинах (рис. 1, *2, 8, 13, 14*), остальные на отщепах (рис. 1, *3, 4, 7*). Найдены два концевых микроскребка на пластинах, рабочий край одного резко выпуклый (рис. 1, *5*), у другого — прямой (рис. 1, *6*), обработаны очень крутой мелкой ретушью. Третий микроскребок с дугообразным рабочим краем, обработанным очень крутой некрупной ретушью, сделан на краевом отщепе резца. 13 скребков — концевые скошенные. Из них 7 на пластинах, у 6 рабочий край дугообразный, обработан крупной широкой ретушью, при этом у 5 очень крутой (рис. 1, *18*), у шестого — более пологой (рис. 1, *19*); седьмой скребок имеет почти прямой, очень пологий рабочий край (рис. 1, *17*). Остальные 6 скошенных скребков сделаны на отщепах; рабочий край их дугообразный, очень крутой у одного (рис. 1, *11*); более пологий у четырех других (рис. 1, *1, 10*) обработан некрупной ретушью (один из скребков двойной — рис. 1, *31*). Последний скребок, видимо, имел прямой рабочий край, он сломан. У 4 концевых скребков на отщепах ретушь рабочего края частично заходит на боковые края орудия, рабочий край крутой, обработан некрупной ретушью (рис. 1, *9*); один из них, наиболее массивный и очень сильно сработанный, рассечен резцовым сколом, нанесенным в тыльной части орудия (рис. 1, *12*). Подокруглых скребков 3, все на отщепах, обработаны очень крутой крупной ретушью и сильно сработаны (рис. 1, *16*). Два скребка на отщепах можно назвать округлыми, они обработаны широкой крутой ретушью по всему периметру, один из них сломан (рис. 1, *23, 24*). Боковой скребок один, на пластине, обработан крутой некрупной ретушью и сильно сработан (рис. 1, *20*). Комбинированных скребков три: концевой-концевой с выступом, на отщепе, крутые рабочие края сильно сработаны, один боковой край подправлен нерегулярной ретушью (рис. 1, *22*); концевой-угловой на пластине (рис. 1, *21*); концевой-двойной боковой на отщепе (рис. 1, *15*). Прочие скребки неопределенной формы (скробачи), 4 сделаны на пластинах (рис. 1, *30*), остальные на отщепах (рис. 1, *27*); крутые края обработаны очень грубо и сильно сработаны.

Резцов в коллекции 18, из них у 5 площадки скола обработаны грубой, крутой затупливающей ретушью. Первый резец — косоретушный боковой на отщепе (рис. 2, *28*), второй — этого же типа, на сработанном нуклеусе (рис. 2, *36*); третий — с вогнутой площадкой, угловой, плоский, на пластине (рис. 2, *25*). Два боковых резца с вогнуто-скошенными площадками, один на сработанном нуклеусе (рис. 2, *31*), другой на отщепе, причем у этого резца оформлены две площадки, хотя скол нанесен только с одной (рис. 2, *27*). 9 резцов сделано на углах заготовок, из них 4 угловые на пластинах (рис. 2, *21, 22*), 3 очень грубые угловые на отщепах (рис. 2, *29*) и 2 двойных, угловых и боковых на отщепах (рис. 2, *23*). Срединных резцов два, оба на пластинах (рис. 2, *19, 30*). Один резец на отщепе — комбинированный, косоретушный боковой — поперечный (рис. 2, *26*). Последний резец — боковой на углу отщепа, рассечен микрорезцовым сколом, площадка которого подправлена очень мелкой, грубой затупливающей ретушью с брюшка (рис. 2, *24*). Найдено 4 краевых отщепа резцов без подработки площадки ретушью, один из них с лезвия какого-то орудия (рис. 2, *20*). Обращает на себя внимание грубость, небрежность в изготовлении большей части резцов и их небольшое количество (по сравнению со скребками), что свидетельствует, вероятно, о деградации техники изготовления этих орудий и о сравнительно небольшой в них потребности у населения стоянки.

Среди ретушированных пластин коллекции одна с вогнутым концом, обработанным крутой некрупной ретушью (рис. 2, *2*); аналогично оформлен конец одного отщепа, причем со стороны ударного бугорка (рис. 2, *3*). Пластин со скошенным концом — 3, из них две неправильные, обработаны крутой некрупной затупливающей ретушью (рис. 2, *12, 18*), третья — микропластинка, конец скошен очень мелкой крутой ретушью (рис. 2, *1*). Мелкой полукрутой ретушью скошен также конец одного отщепа (рис. 2, *6*). У другого отщепа мелкой крутой ретушью

подправлен угол (рис. 2, *4*). Вкладышей из сечений отщепов два, у обоих мелкой крутой ретушью подправлена часть бокового края, рабочий край подправлен нерегулярной ретушью (рис. 2, *5*).

Наконечников стрел в коллекции три. Один асимметричный с боковой выемкой, на отщепе, обработан очень крутой затупливающей ретушью (рис. 2, *7*). Так же обработан черешок другого асимметричного наконечника на грубой пластине, кончик пера сломан (рис. 2, *8*). Третий наконечник, вероятно, асимметричный, с боковой выемкой, на грубой пластине, представлен частью пера и черешком, обработанным крутой ретушью по краям на спинке и подправленным плоской на брюшке (рис. 2, *9*), что сближает его с постсвидерскими наконечниками.

Ножи представлены 7 экз., из которых три сделаны на правильных широких пластинах; края их приострены мелкой нерегулярной ретушью (рис. 2, *17*). 4 ножа на отщепах, небольших размеров, обработаны по одному краю мелкой притупляющей ретушью, один на брюшке (рис. 2, *16*), остальные на спинке (рис. 2, *15*).

Асимметричных проколок найдено 5. Одна на отщепе, жальце выделено по краям полукрутой ретушью (рис. 2, *11*). У других жальце не выделено, а только подправлено очень мелкой крутой ретушью по одному краю; три из них на пластинах (рис. 2, *10*), последняя на отщепе.

Комбинированных орудий в коллекции 10. На отщепе сделан скребок, от лезвия которого нанесен резцовый скол (рис. 1, *26*). Другой скребок, полуокруглый на отщепе, обработанный широкой крутой ретушью, комбинирован с ножом (рис. 1, *29*), лезвие ножа приострено некрупной пологой ретушью. Концевой скребок на грубой пластине, с вогнуто-скошенным концом, обработанным очень крутой затупливающей ретушью; правый боковой край подправлен плоской ретушью на брюшке (рис. 1, *28*). 2 концевых скребка на коротких отщепах комбинированы со скобелями, выемки которых обработаны крутой некрупной ретушью, у одного на брюшке (рис. 1, *25*), у другого на спинке. Один концевой скребок сделан на отщепе, обработанном нерегулярной ретушью. Особенно интересен ложкарь-нож на грубой пластине, обработанный широкой ретушью с последующей подправкой края мелкой приостряющей ретушью (рис. 2, *33*). Один угловой резец сделан на сработанном вкладыше из сечения пластины (рис. 2, *14*), другой — на сломанной пластине с затупленным крутой ретушью краем (рис. 2, *32*). На сломе ножа на отщепе сделан боковой резец.

Коллекцию дополняют 9 отщепов, обработанных нерегулярной ретушью. Остальные находки — отщепы без следов вторичной обработки.

По характеру кремневого инвентаря стоянку Катынь 21 следует отнести к эпохе мезолита, причем такие черты, как резкое преобладание скребков над резцами и деградация последних, асимметричные наконечники стрел с боковой выемкой, преобладание орудий на отщепах говорят о позднемезолитическом возрасте данной стоянки. Наиболее близки к описываемому памятнику как по типам орудий, так и по технике обработки кремня материалы позднемезолитических стоянок Коромка [6], Печенеж [7, с. 63—67], Гренск [2; 8, с. 35—46; 9], Журавель [2] и ряда других в Посожье и Верхнем Поднепровье, исследованных В. Ф. Копытиным в соседней Могилевской области БССР. Значительное сходство с кремневым инвентарем наблюдается и в материалах стоянки Песочный Ров на Десне [10]. Близкие аналогии орудиям стоянки Катынь 21 имеются и на памятниках выделенной Л. В. Кольцовым иеневской культуры в Волго-Окском бассейне. Среди них можно назвать такие стоянки, как Ладыжино III [11] на Верхней Оке, Дальний Остров на Тростенском озере [12] Высокино VI на нижней Вазузе [13], Дмитровское I [14], Черная Грязь I [15], Староконстантиновская VI [16], Алтыново [17] и ряд других на Верхней Волге. Памятники иеневской культуры датируются по пыльце концом бореального — ранним атлантическим периодом, так же можно датировать и стоянку Катынь 21.

При сравнении материалов описанной стоянки с другими мезолитическими памятниками бассейна р. Катынки (стоянки Ладыжицы [4] и

Катынь 17 [5]), несмотря на малочисленность материала, полученного с них, заметны определенные различия в кремневом инвентаре. Так, на стоянках Ладыжицы и Катынь 17 встречены симметричные постсвидерские наконечники стрел, значительными сериями представлены вкладыши из сечений пластин, преобладают концевые скребки на правильных пластинах, ножевидная пластина является основной заготовкой. Эти черты сближают данные стоянки с памятниками постсвидерских культур: неманской в Литве и Белоруссии [9] и бутовской в Волго-Окском бассейне [18]. Таким образом, можно уже сейчас говорить о неоднородности мезолита Смоленского Поднепровья: стоянка Катынь 21, с одной стороны, и стоянки Ладыжицы и Катынь 17 — с другой, явно относятся к разным культурным общностям. Однако на столь небольшом материале пока невозможно говорить ни об их относительной хронологии, ни о том, фиксирует ли стоянка Катынь 21 смену населения в этом районе, или ее появление здесь — случайный эпизод, или же этот регион являлся контактной зоной различных позднемезолитических культур.

Думается, что в бассейне р. Катынки могут быть обнаружены новые мезолитические памятники, при этом лучшей сохранности, чем известные до сих пор. Дело в том, что к востоку от станции Катынь в пределах 1 км есть несколько песчаных бугров, в малой степени затронутых недавней деятельностью человека. На них к северу от железной дороги в разных местах были найдены: крупное скребло на широком плоском отщепе, концевой скребок на отщепе с ретушью, ножевидная пластина. Кремневые изделия встречались и к югу от железнодорожного полотна. Помимо этого, западнее станции, на краю пашни, на коренном берегу против 442 км железной дороги Москва — Минск, были найдены 2 концевых веерообразных скребка на отщепах (рис. 1, *34*), овальный мелкий скребочек на отщепе, обработанный по периметру (рис. 1, *33*) и асимметричный наконечник стрелы на отщепе с намеченным черешком, обработанным по краям очень крутой затупливающей ретушью (рис. 1, *32*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии: Автореф. канд. дис. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975.
2. *Копытин В. Ф.* Мезолит Юго-Восточной Белоруссии.– КСИА АН СССР, 1977, № 149.
3. *Гурина Н. Н.* Кремнеобрабатывающая мастерская в верховье р. Днепра.– МИА, 1972, № 185.
4. *Третьяков В. П.* Поселения каменного века в бассейне р. Катыни в Смоленском Поднепровье.–СА, 1972, № 2.
5. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н. э.). Смоленск: Московский рабочий (Смоленское отд.), 1976.
6. *Копытин В. Ф.* Новые данные по мезолиту Юго-Восточной Белоруссии.–In: The Mesolithic in Europe. Warszawa, 1973.
7. *Копытин В. Ф.* Позднемезолитическая стоянка Печенеж.– КСИА АН СССР, 1975, № 141.
8. *Будько В. Д.* Памятники свидерско-гренской культуры на территории Белоруссии.– МИА, 1966, № 126.
9. *Кольцов Л. В.* Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики. М.: Наука, 1977.
10. *Воеводский М. В., Формозов А. А.* Стоянка Песочный Ров на реке Десне.– КСИИМК, 1950, XXXV.
11. *Фролов А. С., Жилин М. Г.* Новый памятник мезолита на Верхней Оке.– СА, 1978, № 1.
12. *Сидоров В. В., Жилин М. Г.* Мезолитическая стоянка Дальний Остров в Подмосковье.– СА,, 1975, № 2.
13. *Кольцов Л. В.* Отчет II отряда Вазузской экспедиции за 1971 г.– Архив ИА АН СССР, р-1, № 4589.
14. *Кольцов Л. В.* Локальные группы Волго-Окского мезолита.– КСИА АН СССР, 1973, № 137.
15. *Крайнов Д. А.* Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I.– КСИА АН СССР, 1972, № 131.
16. *Бодунов Е. В., Воробьев В. М.* Мезолитическая стоянка Староконстантиновская VI.– СА, 1974, № 4.
17. *Кольцов Л. В.* Мезолитический слой стоянки Алтыново.– КСИА АН СССР, 1972, № 131.
18. *Кольцов Л. В.* Культурные различия в раннем мезолите Волго-Окского междуречья.– В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.

ЭРДНИЕВ У. Э.

КУРГАН ДРЕВНЕЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЛМЫКИИ

Летом 1972 г. археологическая экспедиция Калмыцкого университета и научно-исследовательского института языка, литературы и истории продолжала исследования в зоне строительства Чограйского водохранилища. В 3 км от плотины, которая отделяет водохранилище от низовий р. Восточный Маныч, и в 4 км к югу от поселка Южный Ика-Бурульского района Калмыцкой АССР, на территории строительства рыбопитомника, был исследован курганный могильник Тачин Царнг, состоящий из 22 курганов (рис. 1).

Северной границей могильника является Черноземельский канал, идущий от Чограйского водохранилища на восток, в степи, на так называемые Черные земли. Южная граница могильника окаймлена руслом р. Восточный Маныч. В западной части могильника поле пересекает дамба, сооруженная при строительстве рыбопитомника.

Могильник состоит из четырех курганных групп. I и III группы находятся в северной части могильника, ближе к Черноземельскому каналу, а II и IV расположены южнее, ближе к руслу р. Восточный Маныч.

В 1972 г. во всех четырех группах был исследован 21 курган, содержавший 58 погребений различного времени: от эпохи ранней бронзы (ямная культура) вплоть до времени Золотой Орды.

В данной заметке публикуются материалы кург. № 6 из группы I, содержавшего интересную находку — бронзовый топор майкопской культуры.

Курган 6 находился примерно в центре цепочки курганов группы I (рис. 1). Высота насыпи 0,8 м, диаметр 12 м. В материке встречено два погребения (рис. 2, *1*).

Погребение 1, впускное, обнаружено в северо-восточном секторе кургана, в материке, в овальной формы яме, ориентированной длинной осью по линии СВ — ЮЗ. Длина ямы 1,50 м, ширина 0,90 м, глубина от уровня древнего горизонта 0,4 м (рис. 2, *2*). Не исключена возможность, судя по округлым очертаниям могилы, что это была катакомбная могила, входная яма которой была вырыта с юго-восточной стороны в насыпи и поэтому не была прослежена, хотя утверждать это категорически невозможно. На дне «подбоя» лежал скелет мужчины на правом боку скорченно, головой на ЮЗ. Кисти обеих рук покоились у подбородка. Вещей нет. На древнем горизонте у северо-восточного края могилы 1 обнаружен бронзовый (?) топор майкопского типа (рис. 2, *1, 4*).

Погребение 2, основное, обнаружено в материке под центром насыпи, в прямоугольной яме с округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии СВ — ЮЗ. Длина ямы 1,80 м, ширина 1,20 м, глубина 1,60 м от уровня древнего горизонта (рис. 2, *3*). На дне могилы лежал скелет мужчины на спине скорченно, головой на ЮВ. Череп лежал на затылке. Руки, слегка согнутые в локтях и несколько отведенные в стороны, лежали вытянуто вдоль костяка, краска не замечена. Вещей нет.

Обряд погребения и топография обоих погребений со всей очевидностью свидетельствуют, что они являются разновременными. Исходя из периодизации, разработанной И. В. Синицыным и автором этих строк, погр. 1 относится к позднему этапу предкавказской культуры [1].

Погребение 2, судя по обряду и местоположению в кургане, следует рассматривать как основное, над которым и была сооружена насыпь кургана.

Поскольку майкопский топор был обнаружен под насыпью на древнем горизонте, следовательно, он попал в курган во время сооружения насыпи над основным погребением и поэтому может быть связан только

[1] Отнесение В. А. Сафроновым [1, с. 111] аналогичных погребений к срубной культуре является досадным недоразумением, так же как и гипотеза А. А. Иерусалимской и В. А. Сафронова о массовой экспансии срубных племен в Калмыцкой степи.

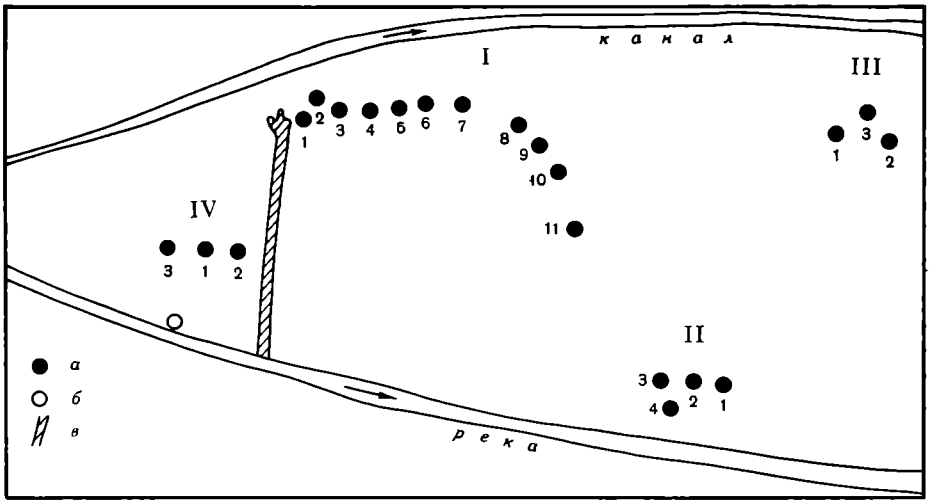


Рис. 1. План могильника Тачин Царнг: *а* – раскопанный курган; *б* – нераскопанный курган; *в* – насыпь

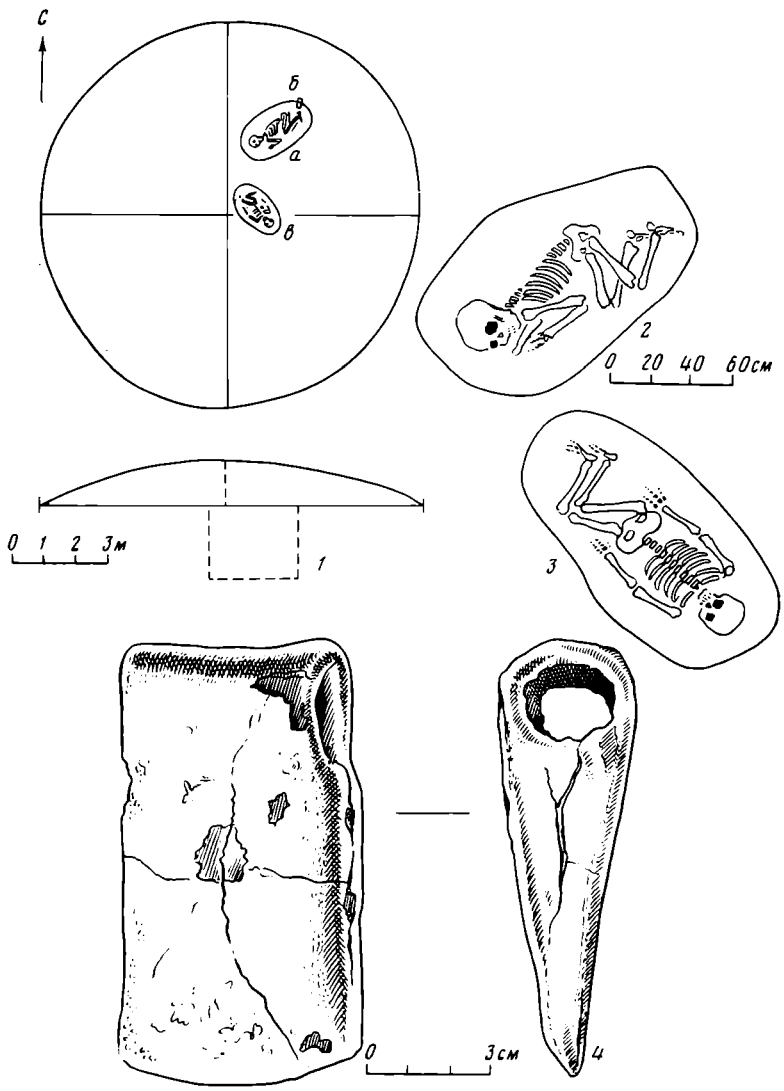


Рис. 2. Курган 6: *1* – план и профиль кургана (*а* – погр. 1; *б* – местоположение топора; *в* – погр. 2); *2* – погр. 1; *3* – погр. 2; *4* – бронзовый (?) топор

с погребением 2, а не 1, тем более что при раскопках кург. 6 была исследована вся насыпь и никаких других погребений здесь не оказалось. К тому же архаический облик бронзового топора не позволяет связывать его с позднекатакомбным временем. Судя по обряду погребения, захоронение 2 относится к ямной культуре. Не противоречит этому и ориентировка костяка головой на ЮВ. Юго-западная и юго-восточная ориентировка довольно часто встречаются в погребениях ямной культуры Нижнего Поволжья и Калмыкии [1, с. 35, 37].

Таким образом, основное погребение 2 относится к ямной культуре, а погребение 1 — к позднему этапу предкавказской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.— В кн.: Вопросы охраны, классификации и исследование археологических памятников. Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М., 1974.

ШИЛОВ В. П.

ТОПОР МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КАЛМЫКИИ

Во время полевых исследований У. Э. Эрдниев установил, что топор, обнаруженный в кургане 6 курганного могильника Тачин Царнг, был оставлен на погребенной почве при сооружении насыпи кургана над древнеямным погребением 2.

Топор клиновидной формы, литой, видимо, бронзовый [1] имеет слегка вогнутую обушную часть и неравномерно расширяющееся туловище. Очертания нижней линии туловища образуют ломаную линию. Проушина округлая в сечении. С одного бока, со спинки, ниже проушного отверстия имеется треугольная впадина: длина ее 4,5 см, ширина основания у проуха 1,5 см — следы застывшей лётки. Длина топора 11,5, ширина клина 5,5, диаметр проуха 2 см.

Согласно классификации С. Н. Кореневского, он относится ко второй его группе, новосвободненской, и имеет наиболее близкие аналогии в топорах из курганного комплекса г. Нальчика, исследованного Н. М. Чеченовым [1, с. 18; 2, с. 110, рис. 2, *5*].

На основании последних данных А. А. Иессен относил Майкопский курган к 2500—2300, а новосвободненский этап к 2300—2000 гг. до н. э. [3, с. 19—22].

Таким образом, наш топор относится к 2300—2000 гг. до н. э. Однако топор из кург. 6 не является единственной находкой металлических изделий новосвободненского этапа в древнеямных погребениях Волжско-Манычских степей.

1. В 1962 г. Южно-Донской археологической экспедицией был исследован на левом берегу Дона выше ст. Старочеркасской у хут. Алитуб курган 3 (так называемый «Крестовый»). Основное погребение (№ 28) этого кургана, вокруг ямы которого лежал выкид светлой глины, относилось к ямной культуре. Костяк лежал на спине, вытянуто, головой на СВВ. Дно могилы было густо окрашено красной краской, так же как и кости лежавшего на дне скелета. Краска обнаружена и в виде кусочков. Рядом с костяком обнаружен бронзовый нож, повторяющий форму ножа впускного погребения Майкопского кургана. Это погребение А. А. Иессен отнес к новосвободненскому этапу [4, с. 164].

2. Впускное погребение 30 того же кургана содержало коллективное погребение из семи погребенных: двух мужчин, двух женщин и трех детей, лежавших в прямоугольной яме с округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии ССВ—ЮЮЗ. Костяки лежали на спине и

[1] Анализов состава металла не производилось.

правом боку, скорченно, головами на ССВ и ЮЮЗ. В этом погребении обнаружено бронзовое долото типа станицы Новосвободной со слегка округлой рабочей частью [5, с. 220, рис. 38, с. 245, рис. 49, *5*], бронзовое шило, шесть кремневых наконечников стрел с вогнутым основанием, три серебряных спиральных височных кольца в два оборота, бронзовый овальный диск и пять резцов человека, лежавших кучкой, отдельно у одного из костяков. Стенки и дно погребения 30 были обложены деревом. Оно являлось первым впускным погребением кург. 3.

3. В погр. 2 кург. 18, исследованного у хут. Капитанского Черноярского р-на Астраханской обл. в 1963 г., в прямоугольной яме с округлыми углами, ориентированной длинной осью по линии З — В, обнаружен костяк взрослого человека, лежавший на спине, скорченно, головой на В. На древнем горизонте рядом с могилой — зольное пятно. Костяк окрашен красной краской. У пояса обнаружена прямоугольная бронзовая пряжка, украшенная рядами жемчужин, как на керамике и бронзовых сосудах новосвободненского этапа. Следовательно, и это погребение ямной культуры датируется временем дольменов ст. Новосвободной (2300—2000 гг. до н. э.).

4. В кург. 1 у хут. Степано-Разино обнаружено разрушенное ямное детское погребение, кости которого были густо покрыты красной краской. Костяк лежал, видимо, головой на север. Яма ориентирована по линии С—Ю. Между костями обнаружены рубленые пастовые бусы и проушной топор из темного хорошо отполированного камня с клювообразным обушком [6 с. 94, рис. 2]. Совершенно аналогичные каменные четыре топорика встречены в памятниках новосвободненского этапа в центральном Предкавказье в могильниках Кабардино-Балкарии: Чегем 1 и Чегем 2. Так, в погр. 4 кург. 18 каменный топорик с клювовидным обушком встречен с топором и желобчатым долотом новосвободненского типа, аналогичного отмеченному в погр. 30 кург. 3 у хут. Алитуб, и пастовыми рубленными бусами, повторяющими форму бус, обнаруженных в кургане 1 — у хут. Степано-Разино (детское погребение).

В кург. 1 могильника Чегем 1 аналогичный каменный топорик найден с бронзовым плоским теслом того же новосвободненского типа. Аналогичные каменные топоры с клювовидным обушком найдены в кург. 27 могильника Чегем 2 и кург. 5 (Чегем 1) [7, с. 280, рис. 64, *16—18*, с. 284].

Древнеямные погребения, встреченные на правом берегу Волги и в Калмыцких степях вплоть до Кавказских гор, Н. Я. Мерперт выделил в особый предкавказский вариант и разделил его на два региона: 1) волжский правобережный; 2) элистинский [8, с. 22—24].

Вполне естественно, что могильник Тачин Царнг, находящийся на левом берегу р. Восточный Маныч к юго-востоку от г. Элисты, входил в элистинский регион. На основании стратиграфических наблюдений в элистинском регионе Н. Я. Мерперт выделил две группы древнеямных погребений.

Группа I включает захоронения, положенные на спине в скорченном положении головой на восток. Он отмечает, что эта группа хронологически неоднородна и вследствие этого подразделяет ее на две подгруппы.

Iа. Соответствующая первой волго-уральской группе — сюда он относит погребение с сосудом из Архаринского могильника (кург. 27, погр. 2), погребение со скипетром из того же кургана (27/1) и еще ряд захоронений.

Iб. Ко второй подгруппе он относит подавляющую часть захоронений элистинского региона. Он полагает, что эта подгруппа хронологически долговременна и сосуществует с предкавказской культурой. Для этой группы характерны молоточковидные булавки, костяные цилиндрические пронизи со спиральной или круговой нарезкой и капсулы зубов ганоидных рыб от ожерелий. В керамике, по его мнению, наблюдаются влияния майкопской культуры, нечетко выраженные. Он считает, что эта подгруппа сосуществует со второй его волго-уральской группой, которую он датирует 2500—2250 гг. до н. э. [8, с. 20]. Вместе с тем он отмечает,

что волго-уральская группа памятников существовала до начала появления молоточковидных булавок. Если следовать строго за Н. Я. Мерпертом, то получается следующая картина: с одной стороны, он утверждает, что в Нижнем Поволжье и Предкавказье сосуществуют два синхронных этапа древнеямной культуры: нижневолжский II и элистинский Iб, а с другой — он настаивает, что нижневолжский II этап домолоточковидный, а в то же время в синхронном ему элистинском регионе молоточковидные булавки являются характерной особенностью.

В другой работе Н. Я. Мерперт относит молоточковидные булавки к рубежу III и II тысячелетий до н. э. и в основном к первой четверти II тысячелетия до н. э. Он даже допускает более позднее существование этих изделий [9, с. 68]. Здесь, конечно, налицо явное противоречие. Если эти этапы действительно синхронны, то тогда указанные противоречия требуют объяснений. Видимо, все же молоточковидные булавки не являются особенностью для древнеямных погребений Нижнего Поволжья. Они появляются здесь позднее, в полтавкинское и раннекатакомбное время, и в небольшом количестве: в Заволжье (раскопки П. Д. Рау и Л. Л. Галкина) и на правом берегу Волги в районе Черного Яра, уже по соседству с Калмыкией (раскопки В. В. Дворниченко) [2]. Кроме двух ранних подгрупп в элистинском варианте древнеямных захоронений Н. Я. Мерперт выделил более позднюю группу II, для которой характерно вытянутое положение костяка [8, с. 20—23]. Эта группа включает 30% всех древнеямных погребений Калмыкии. Инвентарь их, по мнению Н. Я. Мерперта, позволяет синхронизировать их частично с группой Iб и частично с позднекатакомбным временем. Исходя из классификации, предложенной Н. Я. Мерпертом, безынвентарное погр. 2 из кург. 6 и связанный с ним топор следует отнести по обряду погребения к подгруппе Iб древнеямных захоронений элистинского региона. Согласно классификации Н. Я. Мерперта, для этой группы свойственны положение погребенных на спине, скорченно и иногда юго-восточная ориентировка погребенных [10, с. 111].

Именно в инвентарь этой группы входят роговые и костяные молоточковидные булавки Калмыкии и предкавказских степей древнеямной культуры, отличающиеся от катакомбных цилиндрическим стержнем, иногда украшенным группами круговых бороздок или косо заштрихованными лентами либо сочетанием тех и других. Иногда круговыми параллельными бороздками украшаются и стержни молоточковидных выступов [11, с. 46, таблица] [3].

Таким образом, значение кург. 6 Тачин Царнг заключается в том, что он позволяет объединить в один хронологический горизонт древнеямной культуры указанные выше металлические изделия новосвободненского типа и роговые молоточковидные булавки древнеямных захоронений. Тем самым впервые появляется возможность использовать для определения абсолютной хронологии костяных (роговых) молоточковидных булавок более или менее хорошо разработанную хронологическую сетку памятников майкопской культуры. Мы знаем ряд находок топоров и других металлических изделий новосвободненского типа в степях Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья, но подавляющая их часть происходит из случайных находок. Именно топор из кург. 6, найденный в комплексе, является тем недостающим звеном, которое позволяет использовать майкопскую хронологическую сетку для датировок ямных погребений, содержащих молоточковидные булавки. Особенно хочется подчеркнуть, что этот топор найден там, где намечается основной район

---

[2] Вместе с тем следует отметить, что в Нижнем Поволжье в эпоху древнеямной культуры встречаются изредка подвески, изготовленные из птичьих трубчатых костей с кольцевой или спиральной нарезкой, в комплексах с которыми обычно встречаются молоточковидные булавки (с. Норка, раскопки И. В. Синицына; с. Степано-Разино, раскопки Н. Я. Мерперта, 1957 г.; с. Алтаты — раскопки Ю. В. Деревянко и др.).

[3] К сожалению, В. А. Сафронов не приводит данных своих измерений, поэтому его гистограммы невозможно проверить.

сосредоточения находок роговых молоточковидных булавок,— именно в этом и заключается основная ценность этой находки.

Вместе с тем в связи с вышесказанным необходимо подчеркнуть находку на поселении майкопской культуры Мешоко шести костяных пронизок, украшенных спиральной нарезкой, столь характерных для погребений, содержащих молоточковидные булавки [12, с. 140].

В. Милойчич на основании сопоставления южнорусских костяных (роговых) молоточковидных булавок с серебряными булавками из богатых погребений Ахлатлибеле и Аладжа-Гуюк датировал первые 2300—2200 гг. до н. э. [13].

Эта дата совпадает со временем культуры одиночных погребений Дании, где были обнаружены импортные костяные (?) молоточковидные булавки, повторяющие форму древнеямных [14, p. 417—486]. Не противоречит этой дате и находка молоточковидной булавки древнеямного типа в среднеэлладском слое Лерны [15, p. 160; 16, fig. 25, *2*, pl. 47, B]. Таким образом, перекрестная датировка по кавказской, анатолийской, балканской и северной ютландской хронологическим сеткам позволяют отнести молоточковидные булавки и также этап Iб элистинского горизонта Н. Я. Мерперта к новосвободненскому этапу, т. е. к 2300—2000 гг. до н. э. [3, с. 19—22; 12; 5, с. 197]. Этим же временем, видимо, следует датировать синхронный элистинскому II нижневолжский этап древнеямной культуры Н. Я. Мерперта [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кореневский С. Н.* О металлических топорах майкопской культуры.– СА, 1974, № 3.
2. *Чеченов Н. М.* Гробница эпохи ранней бронзы в г. Нальчике.– СА, 1970, № 2.
3. *Иессен А. А.* Майкопская культура и ее датировка. Тезисы докладов на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 года. М., 1962.
4. *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов».– СА, 1950, XII.
5. *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
6. *Мерперт Н. Я.* Раскопки в Нижнем Поволжье.– В кн.: Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967.
7. *Мизиев И. М., Бетрозов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Археологические раскопки 1972 г. в Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабардино-Балкарский н.-и. ин-т языка, истории и литературы, 1973.
8. *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н. э.): Автореф. докт. дис. М.: ИА АН СССР, 1968.
9. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
10. *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа.– В кн.: Вопросы охраны, классификации и исследования археологических памятников. Сообщение научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М.: 1974. вып. VII.
11. *Сафронов В. А.* Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок:– КСИА АН СССР, 1973, № 134.
12. *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
13. *Milojčič V.* Zur Zeitstellung der Hammerkopfnadeln.– Germania, 1955, № 33, H. 3.
14. *Rosenberg G.* Nouvelles trouvailles «de Chambre de Geats».– In: Memoires de la Societe royale des antiquaries du Nord. N. S. Copenhagne. 1932–1933.
15. *Caskey J. H.* Excavations at Lerne.– Hesperia, 1935, XXIV.
16. *Рыков П. С.* Погребения в шалашах.– ИГАИМК, 1933, № 100.

[4] В данной заметке я не затрагиваю датировку более поздних катакомбных молоточковидных булавок, своеобразие форм которых уже отмечено А. С. Рыковым [16, с. 208, 209], И. В. Синицыным и У. Э. Эрдниевым, выделившими в своих отчетах большую серию катакомбных могил, содержащих булавки с веретенообразными стержнями и молоточковидными головками, украшенными заштрихованными треугольниками и лентами, образующими ромбы, треугольники и зигзаги. К этой их точке зрения присоединился недавно В. А. Сафронов, давший более четкую, чем Б. А. Латынин, классификацию древнеямных и катакомбных молоточковидных булавок [11, с. 42].

БАГАУТДИНОВ Р. С., ПЯТЫХ Г. Г.

СРУБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ I ОСИНКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

(по исследованиям 1975 г.)

Сложность и важность проблем, связанных с изучением срубной культурно-исторической области, требует введения в научный оборот возможно большего количества фактического материала. В первую очередь это касается металлосодержащих комплексов, ибо такие памятники способствуют синхронизации хронологических горизонтов культур различных территорий между собой. Исходя из этого мы решили опубликовать материалы двух срубных курганов I Осинковского могильника.

Памятник расположен в полосе степей, на водоразделе р. Безенчук и высохшего ручья, русло которого проходит через пос. Осинки Безенчукского р-на Куйбышевской обл., в 400 м к северу от поселка. Могильник ежегодно распахивается, и уже в 1975 г. некоторые насыпи фиксировались лишь по светлым пятнам на пашне. Всего зафиксировано 24 кургана. Срубные погребения открыты в кург. 4 и 7.

Курган 4 (рис. 1, *1*) к началу раскопок имел диаметр 30 и высоту 0,8 м. Насыпь состояла из однородного чернозема, на 0,82 м от нулевой отметки начинался слой погребенной почвы, мощность которого колебалась в пределах 0,4—0,6 м. Погребение 1 было оставлено поздними кочевниками, погр. 4 и 5 подверглись полному ограблению, и их культурная принадлежность осталась неясной. Как срубные атрибутируются погр. 2 и 3.

Погребение 2 (рис. 1, *2*) находилось в юго-западной поле кургана. Совершено в яме, ориентированной по линии СЗ—ЮВ и имевшей размеры 1×0,8×0,3 м [1]. В заполнении ямы встречались кусочки дерева. На дне находился детский череп плохой сохранности и неорнаментированный сосуд. Судя по положению черепа и размерам ямы, погребенный был скорчен на левом боку и ориентирован на ЮВ. Стоявший перед лицом сосуд имел размеры (см): высоту 16, диаметр дна 8,5, диаметр по ребру 16, по шейке 12, по венчику 14. Толщина стенок 0,9 — 1 см, поверхность грубо заглажена, вероятнее всего, пучком травы (рис. 1, *5*).

Погребение 3 (рис. 1, *3*) находилось в центральной части кургана, яма ориентирована по линии З—В с небольшим отклонением к югу. Размеры ямы 2,6×2×0,8 м. Над ямой на уровне древней поверхности и ниже ее прослежены незначительные остатки дубовых плах, лежавшие в беспорядке. В заполнении ямы находились также остатки бересты. У самого дна находились мелкие обломки костей, керамики, осколок кремня, на дне зафиксированы следы подстилки. У западной стенки в непотревоженном состоянии лежали длинные кости ног. Судя по их положению, погребенный был скорчен на левом боку и головой ориентирован на В или ЮВ. В восточной половине ямы найден нож с перехватом, перекрестием и ромбическим окончанием черенка. Длина ножа 17 см, наибольшая ширина 3,5 см (рис 1, *4*), группа металла волго-камская [2].

Курган 7 (рис. 2, *1*) имел диаметр 28 и высоту 0,6 м. Насыпь состояла из однородного чернозема с небольшими вкраплениями почвы — следами пор грызунов. Слой погребенной почвы имел мощность 0,4—0,55 м. Под насыпью было два погребения.

Погребение 1 находилось в центре кургана, в слое погребенной почвы. Оно полностью разрушено норами. Зафиксированы остатки перекрытия, обломки костей, керамики, угли.

Погребение 2 (рис. 2, *2*) также располагалось в центральной части кургана, западнее погр. 1. На уровне древней поверхности зафиксированы следы деревянного перекрытия, очертания находившейся под ним ямы несколько нарушены норами. Размеры ямы 1,75×1,2×0,35 м, углы

---

[1] Здесь и далее глубина ям указывается от уровня материка.

[2] Ан. № 19436. Анализ металла произведен в лаборатории Института археологии АН СССР.

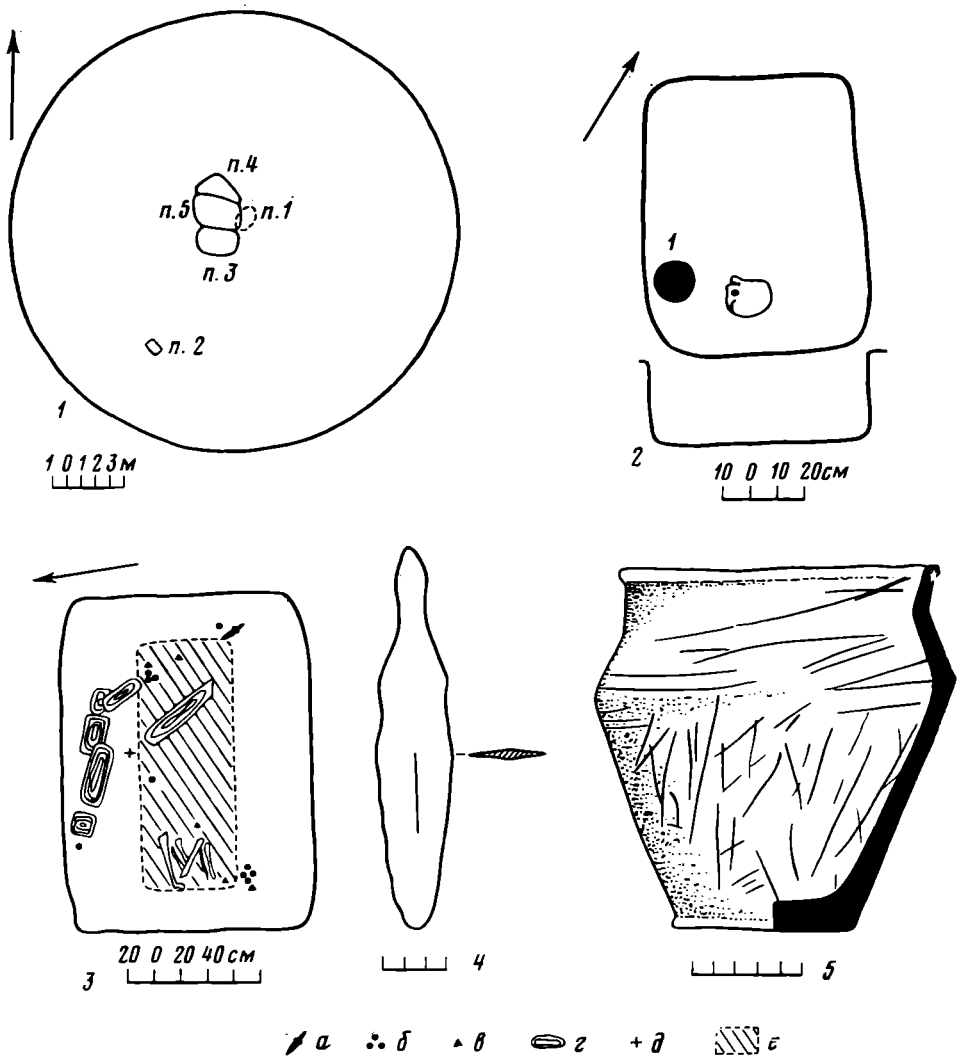


Рис. 1. *1* — план кург. 4; *2* — план погр. 2 (*1* — сосуд); *3* — план погр. 3 (*а* — нож, *б* — фрагменты керамики, *в* — фрагменты человеческих костей, *г* — дерево, *д* — кремень, *е* — органическая подстилка); *4* — нож из погр. 3; *5* — сосуд из погр. 2

скруглены, длинной осью она ориентирована по линии ЮЗ—СВ. На дне ямы были следы подстилки, в северо-восточной половине — развалы двух сосудов, которые удалось реконструировать, в юго-западной половине — кости ног, лежавшие в анатомическом порядке. Судя по ним, погребенный был скорчен на левом боку и головой ориентирован на СВ.

Сосуд 1 (рис. 2, *3*) имел высоту 18,5, диаметр дна 11, диаметр по ребру 22,5, по венчику 20,5 см. Толщина стенок от 0,5 см у венчика до 1,5 см у дна. В глине примесь шамота, обжиг неравномерный. Под венчиком и по ребру нанесено по ряду ногтевых вдавлений.

Сосуд 2 (рис. 2, *4*) имел высоту 13, диаметр дна 9,5, диаметр по ребру 19, по венчику 16—17, толщину стенок 0,7—0,75 см. В глине шамот, обжиг слабый неравномерный. Венчик отогнут наружу, непосредственно под венчиком идет поясок вертикальных нарезок, ниже которого — горизонтальная линия, оттиснутая гребенчатым штампом, такая же линия нанесена на ребре сосуда. Почти вся поверхность орнаментирована взаимно пересекающимися оттисками гребенчатого штампа, которые образуют трапеции, неправильные ромбы, треугольники.

Среди материалов срубных памятников, исследованных к настоящему времени, известно много сосудов, схожих с сосудом 2 из погр. 2 кург. 7 по комплексу признаков — форме, элементам и системе расположения

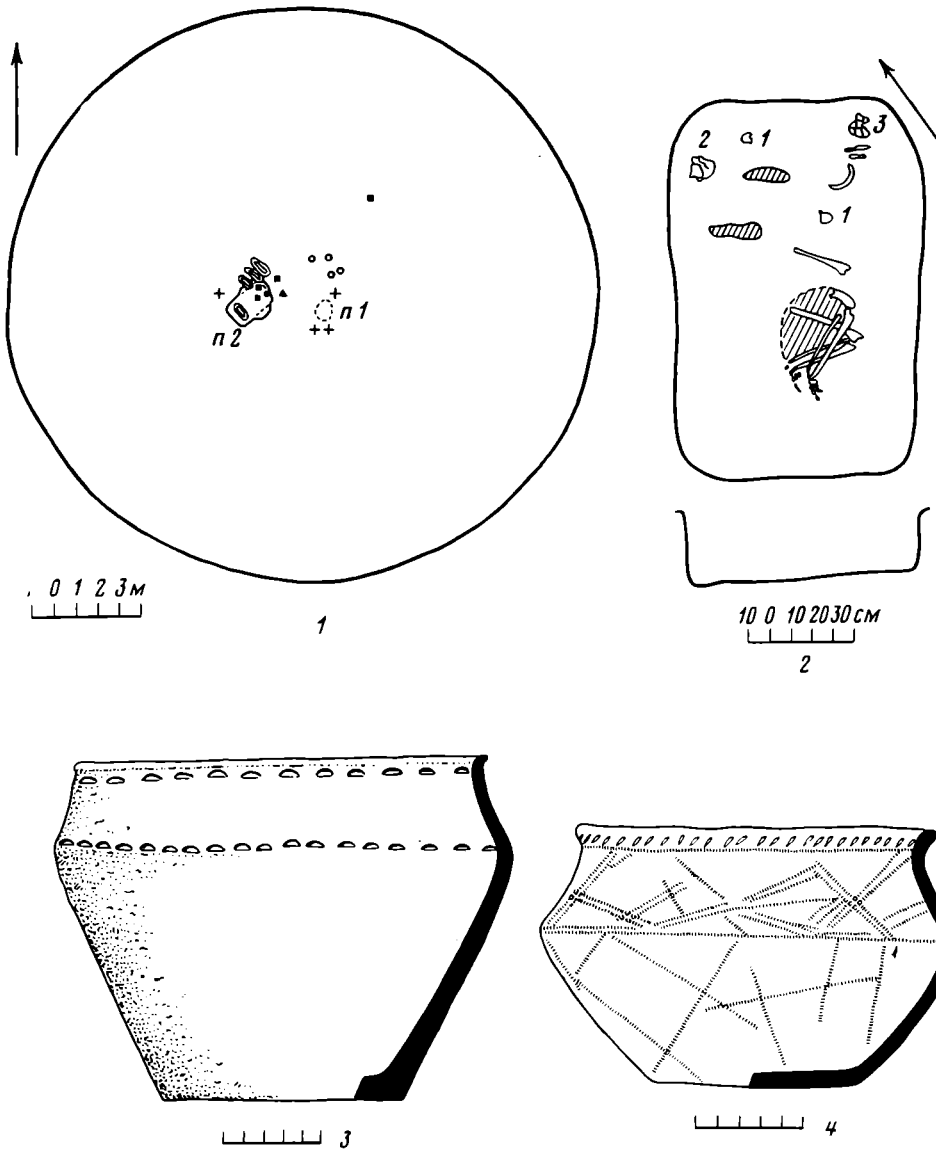


Рис. 2. *1* — план кург. 7; *2* — план погр. 2 (*1* — фрагмент черепа, *2* — сосуд 1, *3* — сосуд 2); *3* — сосуд 1; *4* — сосуд 2 (*а* — уголь, *б* — фрагменты керамики, *в* — кость животного, *г* — шлак, *д* — фрагменты человеческих костей, *е* — органическая подстилка)

орнамента. Сошлемся на фрагмент сосуда из погр. 1 кург. 2 у с. Уразматово в Чувашии [1, рис. 3, *4*], на материалы Староюрьевских курганов [2, рис. 1, *1*, *3*], на сосуд из погр. 1 кург. 43/12 Мастюгинского могильника [3, рис. 1, *1*] — количество примеров можно было бы легко увеличить. Отметить, на наш взгляд, следует лишь два обстоятельства. Первое: большинство аналогичных срубных сосудов отличаются от нашего менее приземистыми пропорциями. Второе: по форме и пропорциям наиболее близки рассматриваемому сосуду несколько абашевских сосудов из курганов Волго-Вятского междуречья — три из курганов у Турунова, один из погр. 1 кург. 1 у дер. Большой Вильял [4, табл. VI, *4*, *7*, *8*, *11*].

Достаточно точных аналогий двум другим публикуемым сосудам нам не известно.

Нож из погр. 3 кург. 4 у Осинок, если исходить из набора признаков: перекрестие, перехват, ромбическое окончание черенка, наличие продольного ребра, имеет много аналогий, в большинстве своем в срубных памят-

никах [5, рис. 57, *29—41, 44*], а также в памятниках баланбашской культуры, Сеймипского и Турбинского могильников [5, рис. 57, *22, 42, 43, 45, 46*]. Следует упомянуть и учтенные Е. Н. Черных ножи с ромбическим окончанием черенка, но без некоторых других признаков из абашевских, приуральских, сейминских, срубных и приказанских древностей [5, рис. 57, *21, 23, 24—28*]. В настоящее время таких ножей известно гораздо больше, некоторые из них опубликованы. Это нож из погр. 2 кург. 1 у Введенки, нож с ромбическим окончанием с Первого Масловского поселения, нож с Шиловского поселения [6, рис. 21, *30, 34, 46*], нож из основного погребения кург. 2 у с. Староюрьево [2, рис. 2, *4*].

Срубные материалы Осинковского могильника относятся к уже сложившейся срубной культуре Поволжья. При установлении их даты можно опереться на хронологические разработки Е. Н. Черных, согласно которым наш нож помещается в сейминский хронологический горизонт, датируемый не позднее третьей четверти II тысячелетия до н. э. [5, с. 101]. Вместе с тем нельзя исключить того, что некоторые формы металлического инвентаря могли быть выработаны металлургами срубной культуры до проникновения сейминско-турбинских бронз в Восточную Европу. Подобная мысль высказывалась в литературе [7, с. 47], и она согласуется с выводом Е. Н. Черных о приоритете срубных племен в выработке различных типов ножей с перекрестием и перехватом [5, с. 113], а также с данными одной из последних работ Е. Н. Черных, где автор свою хронологическую систему приводит с учетом калиброванных радиоуглеродных дат [8, рис. 2]. В этой же связи можно сослаться на разработки Н. К. Качаловой, согласно которым в срубных памятниках допокровского времени Нижнего Поволжья имеются характерные для срубной культуры ножи [9, рис. 1].

Исходя из всего этого мы допускаем возможность датирования наших находок не только третьей четвертью II тысячелетия до н. э., но и несколько более ранним временем. Однако окончательно вопрос может быть решен только после создания относительной хронологии срубных древностей Поволжья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мерперт Н. Я.* Срубная культура Южной Чувашии.— МИА, 1962, № 111.
2. *Пряхин А. Д.* Курганы поздней бронзы у д. Староюрьево.— СА, 1972, № 3.
3. *Либеров П. Д.* Мастюгинские курганы.— СА, 1961, № 3.
4. *Халиков А. Х.* Памятники абашевской культуры в Марийской АССР.— МИА, 1961, № 97.
5. *Черных Е. Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
6. *Пряхин А. Д.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1977.
7. *Буров Г. М.* Курганы бронзового века близ Ульяновска. Ульяновск: Приволжское книжное изд-во. Ульяновское отделение, 1974.
8. *Черных Е. Н.* Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР.— СА, 1978, № 4.
9. *Качалова Н. К.* Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, № 3.

ТЕЛЕГИН Д. Я.

СТАРОСЕЛЬСКИЙ КЛАД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ИЗ ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ

Из сообщения краеведа-археолога И. П. Гуриненко нам стало известно, что в сельском музее с. Староселье Городищенского р-на Черкасской обл. находится клад бронзовых изделий. Весной 1978 г. местонахождение клада и сами вещи из него были осмотрены автором.

Как рассказал нам директор Старосельского музея Ф. И. Заточный, клад был найден еще в 1965 г. учеником восьмого класса И. Каракай на

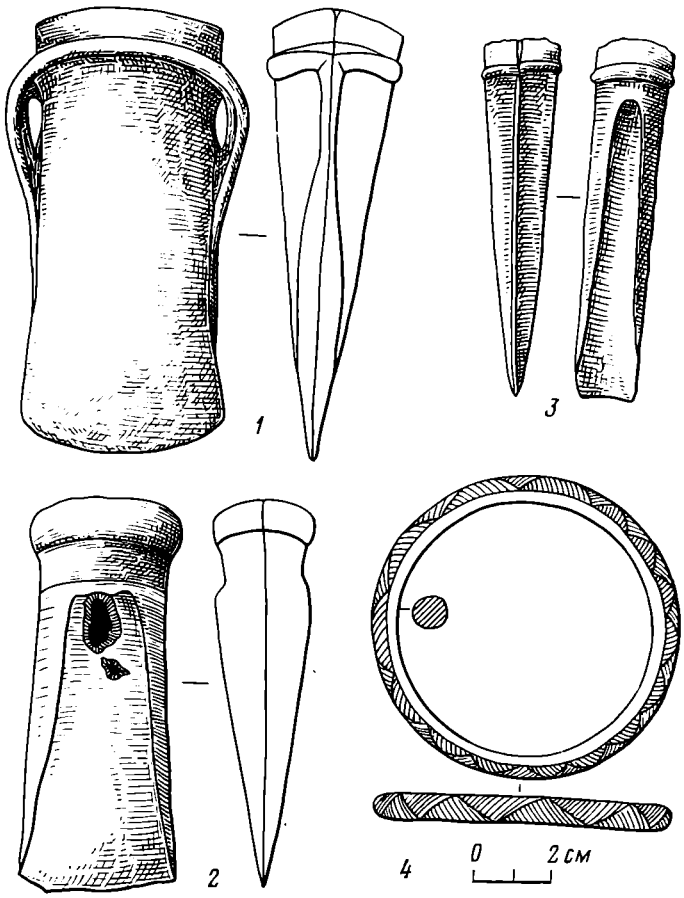


Рис. 1. Староселье. Вещи из клада: *1, 2* — кельты, *3* — долото, *4* — браслет

окраине с. Староселье, около колхозного двора. Он залегал на глубине около 1 м в песчаной почве. Клад, по словам находчика, состоял из девяти предметов — семи кельтов, долота и браслета.

При осмотре местности нами установлено, что клад в древности был закопан на левом берегу р. Вильшанки на надпойменной террасе в 100—150 м от поймы. На поверхности, где имеется значительное количество выдувов и различных перекопок, первобытных находок нами не обнаружено.

В настоящее время в музее сохранилось только пять изделий из клада: три кельта, долото и браслет. Остальные четыре кельта обнаружить нам не удалось.

Два сохранившихся кельта арочного типа, безушковые, с отверстием «пещеркой» на плоской стороне в пределах «арки». Размеры изделий идентичны — 10,5×4,0×2,4 см, хотя кельты отлиты в разных матрицах. Рабочая часть орудия расширена, у верхнего края выше «арки» намечается сужение, край утолщен в виде валика (рис. 1, *2*). Втулка округлая, в средней части кельтов сечение подшестиугольное.

Кельты арочного типа (тип К-12, по классификации Е. Н. Черных) [1, с. 73] относятся к сабатиновскому времени (XII—XI вв. до н. э.). Основной район их распространения — нижнее течение Дуная — Олтения, Мунтения, Добруджа и северо-восточная Болгария [1, рис. 30]. На территории Украины арочные безушковые кельты с «пещеркой» встречаются относительно редко. Здесь известно таких находок всего несколько экземпляров, в том числе в с. Маячки, бывш. Верхнеднепровского р-на Днепропетровской обл. и в с. Авраамовка Нижне-Хортицкого р-на Запорожской обл. [2, рис. 32, *11*, *16*, *21*]. Обломок такого же кельта имеется и в Ореховском кладе Запорожской обл.

Третий кельт старосельского клада относится к типу двуушковых с лавролистым рельефом по бокам. Отлит из бронзы в матрице. Размеры изделия 11,7×6,3×3,5 см. Кельт принадлежит к подтипу, у которого верхний край ушек прикрепляется не к срезу втулки, а несколько ниже его (рис. 1, 1). Находок кельтов подобного типа в Поднепровье известно много; в Кардашинском (1) кладе вблизи Херсона найдена и матрица для их отливки [2, рис. 33, *12*, *19*]. Такой же тип кельта вместе с долотом, подобным старосельскому, входит в состав Соколинского клада в Молдавии.

Третий кельт относится к белозерскому времени и может быть датирован XI—X вв. до н. э.

Долото имеет форму, напоминающую кельты, но оно значительно у́же, край втулки утолщен. Размеры его 9,4×2,2×2,1 см (рис. 1, *3*). Изделия этого типа встречаются в Поднепровье [2, рис. 32, 36], они известны также на территории Молдавии (Соколинский клад). Датируется долото, как и двуушковый кельт, XI—X вв. до н. э.

Браслет цельнолитой, бронзовый. Отлит в матрице. Его диаметр 8,1 см. Сечение подокруглое, толщина 0,6 см. На поверхности нанесена гравировка, образующая простой геометрический узор в виде сопряженных заштрихованных треугольников (рис. 1, *4*). Браслеты подобного типа бытовали в сабатиновское время.

Важность находки Старосельского клада состоит в том, что здесь встречены впервые в совместном залегании кельты двух типов, которые датируются несколько разным временем. Видимо, клад был зарыт где-то на грани XII и XI вв. до н. э. Старосельский клад является одним из наиболее северных в Поднепровье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Черных Е. Н.* Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Наука, 1976.
2. *Кривцова-Гракова О. А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, № 46.

ГРИШИН Ю. С.

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ЗАБАЙКАЛЬСКО-МОНГОЛЬСКИХ ПИСАНИЦ

В Читинском областном краеведческом музее хранится медно-бронзовая подпрямоугольная пластинчатая подвеска с двумя петлями, найденная на Титовской сопке, в районе г. Читы. В ее основании находятся расположенные в ряд четыре антропоморфные фигурки, над которыми помещены в два ряда шесть прямоугольно-квадратных оградок, разделенных внутри косыми крестами (рис. 1, *а*). Совершенно очевидно, что здесь в бронзе передан основной мотив забайкальско-монгольских красковых писаниц. Это изображение стоящих в цепочке людей, нередко взявшихся за руки, и расположенных за ними оградок, заполненных не только в основном точками, но иногда и другими фигурками, в том числе и крестом, причем, видимо, этот последний элемент и мог найти успешное отражение в металлическом литье [1, табл. 61].

В настоящее время как будто никем не оспаривается подкрепленная этнографическими свидетельствами точка зрения А. П. Окладникова о том, что данный мотив указанных красковых писаниц связан с культом плодородия древних степных забайкальских скотоводческих племен. Создавая такие писаницы, древние художники хотели обеспечить счастье и процветание, изобилие пищи и плодородие своей общине, плодородие как людей, так и животных [2, с. 228]. Изображения точек и других фи-

гур внутри оградок могут трактоваться на основании этнографических примеров как обозначения людей и животных, а стоящие отдельно ряды последних вместе с тем и как духи-покровители.

Что же касается датировки данных писаниц, то А. П. Окладников и многие другие исследователи относят эти памятники к эпохе поздней бронзы и раннего железа, т. е. ко времени от второй половины II или начала I тысячелетия до н. э. до последних веков I тысячелетия до н. э. и связывают в основном с древнейшими скотоводческими племенами культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии [1, с. 89; 3, с. 48, 49; 4, с. 51; 5, с. 83; 6, с. 78, 79]. Хотя в отношении ее

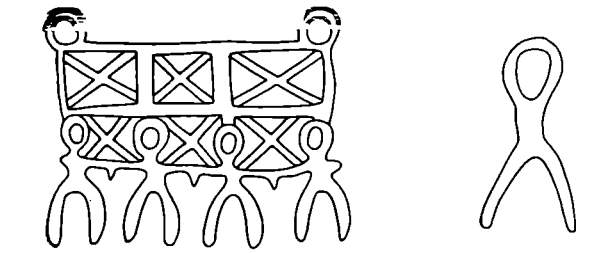


Рис. 1. *а* – пластинчатая подвеска из р-на г. Читы, с Титовской сопки; *б* – лапчатая подвеска из Забайкалья

А. А. Формозовым и выражались сомнения, тем не менее в своей последней работе «Петроглифы Забайкалья» А. П. Окладников представил новые данные в пользу их существования в отмеченный период [7, с. 115, 116; 1, с. 78—89]. Это помимо сходства изображения людей, птиц и фигур животных, характерных для писаниц, с изображениями на медно-бронзовых изделиях указанного времени также и аналогии в изображениях на надмогильных камнях плиточных могил, исполненных выбивкой, и при этом не только отдельных фигур, но и некоторых целых сложных композиций. Кроме того, в связи с тем, что А. П. Окладников указывал на близость к рассматриваемым забайкальским дальневосточных писаниц среднего и верхнего Амура [8, с. 195], важное значение приобретает тот факт, что недавно еще далее в Приморье в комплексе вещей памятника II тысячелетия до н. э. поселения Валентин-перешеек был обнаружен глиняный сосуд с типичным изображением горизонтального ряда человеческих фигур, пространство между которыми и ниже их было заполнено оттисками гребенчатого штампа [1] [9, с. 79]. Имеются существенные основания полагать, что на этом сосуде культового назначения представлен в основе своей аналогичный забайкальским писаницам мотив, хотя в данном случае, учитывая местные условия производственно-хозяйственной деятельности, его, конечно, нельзя связывать со скотоводческим хозяйством. Тем не менее этот факт может свидетельствовать в пользу раннего и, по-видимому, уже довольно широкого распространения отмеченного культа от Байкала до Приморья.

Несколько сложнее обстоит вопрос о конечной дате забайкальско-монгольских красковых писаниц. Указание А. П. Окладникова в одной из статей на факт, когда древнемонгольский художник изобразил на своем рисунке пятна-точки с уголком магической ограды [10, с. 74], вполне естественно допускает мысль о том, что рассмотренные образы наскального искусства, широко распространенные в эпоху поздней бронзы и раннего железа, не исчезли в последующем, а продолжали в какой-то мере бытовать еще в течение очень длительного времени. Это предположение, по всей видимости, и подтверждает рассматриваемая подвеска с Титовской сопки. Время изготовления таких металлических подпрямоугольных пластин вряд ли может быть раньше последних веков до нашей эры, поскольку близкие по форме прямоугольные пластинчатые бляхи с

[1] Сообщение Ж. В. Андреевой.

изображениями животных и сцен борьбы между ними распространяются в южной Сибири только с этого периода [11, с. 163, 164]. При этом следует отметить, что фигурки людей на рассматриваемой пластинчатой подвеске с углублением на голове и расставленными ногами явно копируют один тип лапчатых подвесок, характерных для Монголии и Забайкалья (рис. 1, *б*). Существует мнение, что подобные изделия были антропоморфными изображениями мужчин и являлись амулетами, отражающими культ плодородия [12, с. 249, 250]. Они были выделены среди случайных находок в Монголии В. В. Волковым и Э. А. Новгородовой и отнесены ими к карасукскому времени [13, рис. 1]. Однако в Забайкалье указанный тип лапчатых подвесок был зафиксирован не только среди случайных находок, но и в хорошо датированных довольно поздних памятниках как гуннского, так и бархогуйского времени, в целом охватывающих период с III в. до н. э. по VIII в. н. э. [14, fig. 14, 25; 15]. Следовательно, имеются все основания допускать возможность бытования и рассматриваемого типа пластинчатых подвесок с фигурками ряда людей и магических оградок, а вместе с ними и писаниц, отражающих одинаковое идейное содержание, даже и в течение почти всего I тысячелетия до н. э. А здесь уже более понятным становится и факт доживания некоторых основных образов наскальных рисунков красковых писаниц до древнемонгольского времени, а отдельных из них, зафиксированных в народном искусстве бурят, что было хорошо показано А. П. Окладниковым, даже до современности [8, с. 193—198].

Судя по всему сказанному выше, изучаемая подвеска, которую скорее всего носили на груди, являлась для ее владельца предметом особого назначения, своего рода талисманом, по всей видимости, связанным с культом плодородия. Интересно отметить, что в этнографических коллекциях, происходящих из Монголии, находится тоже связанный с праздником плодородия жертвенный черпак для кумыса, среди орнаментов которого одно из основных мест также занимают соединенные друг с другом ряды квадратных оградок, разделенных внутри косыми крестами, совершенно аналогичные имеющимся на рассмотренной подвеске [2, с. 232—234].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья, ч. 2. Л.: Наука. 1970.
2. *Окладников А. П.* Идейное содержание селенгинских писаниц.— В кн.: История и культура Бурятии. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1976.
3. *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958.
4. *Дорж Д.* К истории изучения наскальных изображений Монголии.— Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
5. *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967.
6. *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М.: Наука, 1975.
7. *Формозов А. А.* Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.
8. *Окладников А. П.* Образ птицы в искусстве бронзового века Забайкалья и его аналогии в народном искусстве бурят.— В кн.: История и культура Бурятии. Улан-Удэ, 1976.
9. История Дальнего Востока СССР (макет). Владивосток, 1974.
10. *Окладников А. П.* Древнемонгольский портрет, надписи и рисунки на скале у подножья горы Богдо-Ула.— Монгольский археологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
11. *Гришин Ю. С.* Пропзводство в тагарскую эпоху.— МИА, 1960, № 90.
12. *Хлобыстина М. Д.* К семантике карасукских лапчатых подвесок.— СА, 1967, № 1.
13. *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Карасукские привески из Монголии.— СА, 1960, № 4.
14. *Davidova A. V.* The Ivolga Gorodische.— AAH, 1968, № 20.
15. *Орлов Ю. С.* Отчет об археологических раскопках на территории Чернышевского р-на Читинской области. Архив ИА АН СССР, р-1, № 3695а, Могильник Голый Мыс, погр. А, кург. 2.

ТАТАРИНОВ С. И.

РАННЕСКИФСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ ПРИАЗОВЬЯ

В 1968 г. в 3 км к востоку от г. Артемовска Донецкой обл. в урочище Беселая Долина при разработке карьера разрушен курган высотой до 1 м, диаметром до 30 м (по словам рабочих). Автору удалось доисследовать погребения срубной культуры и предскифское.

Погребение 1 в каменном ящике располагалось в центре кургана на глубине 1,5 м и было окружено разрушенным кромлехом диаметром до 18 м из вертикально поставленных плит песчаника и известняка. Ящик имел размеры 1,8×1,2×0,7 м, стенки из поставленных вертикально плит толщиной до 0,25 м. Перекрытие состояло из восьми плотно пригнанных друг к другу узких плит, на которых сверху имелись остатки тризны в виде костей животных и пятна золы (рис. 1, 2). Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на левом боку, головой на СВ (рис. 1, *2*). У черепа в восточном углу ящика стояли два целых сосуда: большой горшок баночной формы с солярным знаком в виде свастики (рис. 1, *3*) и небольшой горшок, орнаментированный одним рядом косых насечек по плечикам (рис. 1, *4*). Рядом с горшками находились кости овцы — «седло».

Погребение 2, впущенное в насыпь кургана на глубину 1 м, располагалось на расстоянии 1,5 м восточнее первого. Яма не прослеживалась, над костяком было несколько камней. Скелет человека 40—45 лет находился в необычной позе (рис. 2, *1*): ничком спиной вверх, ноги резко подогнуты к животу, левая рука подвернута под туловище, правая отброшена вправо и согнута в локте; ориентировка скелета северная. У черепа с восточной стороны лежало шесть обломков серой груболепной керамики без орнамента (реконструкции не поддаются). С запада от черепа имелось скопление истлевшего дерева и совершенно распавшиеся медные пластинки — остатки деревянной чаши (?).

На расстоянии 15—20 см от скелета с запада на одной линии найдены костяные детали конской упряжи, состоявшей из двух больших псалиев,

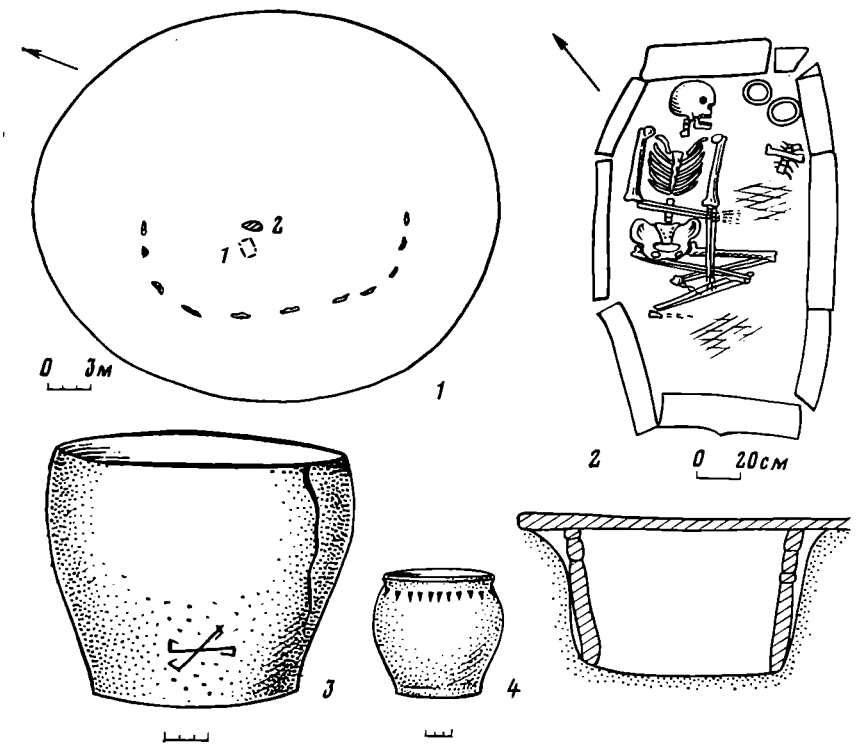


Рис. 1. Курган у г. Артемовска Донецкой обл. *1* – план кургана (цифрами обозначены номера погребений); *2–4* – погребение срубной культуры и его инвентарь

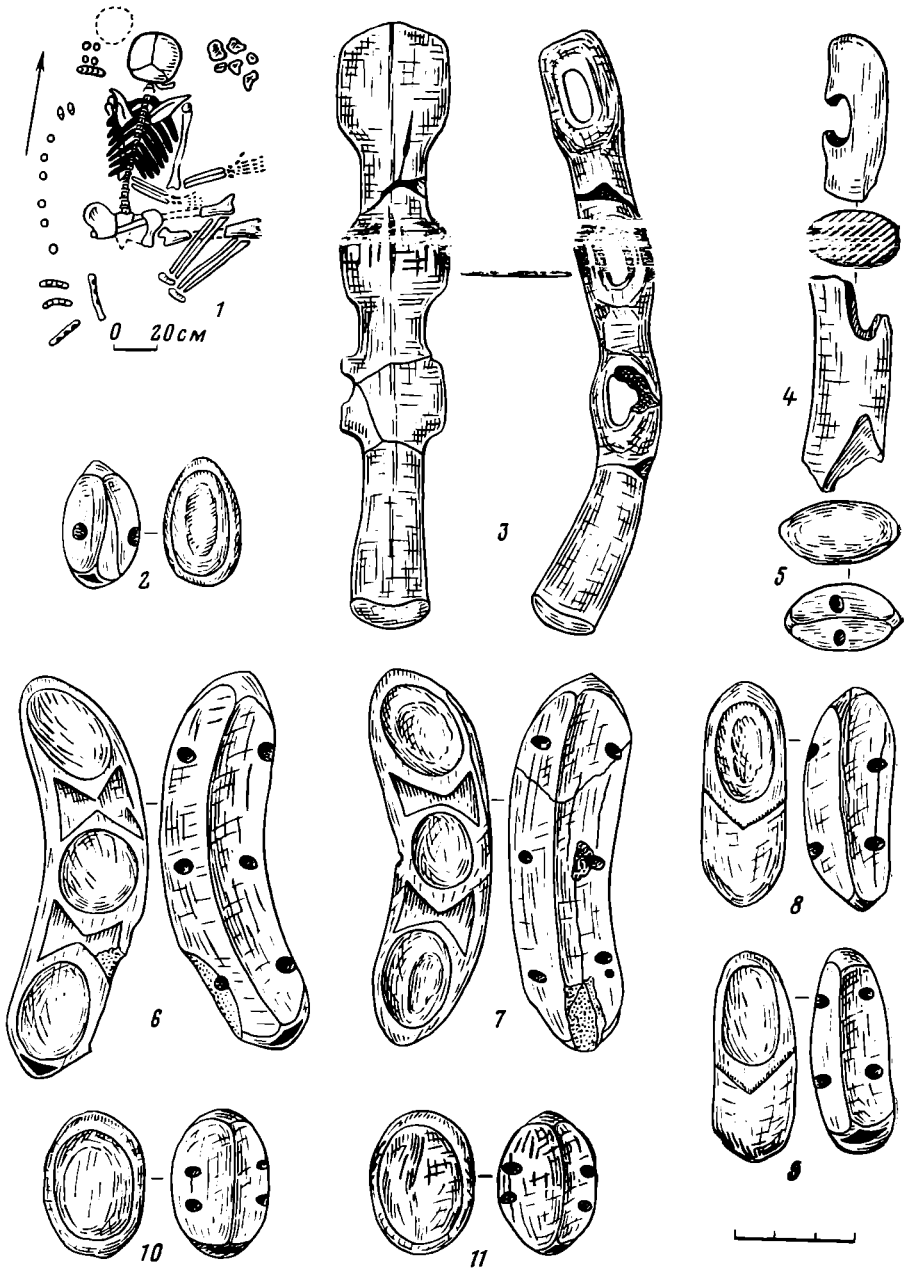


Рис. 2. Погр. 2 раннескифского времени :*1* – план погребения; *2–11* – детали конской упряжи

трех больших блях, мелких бляшек и пуговиц. Один из псалиев целый, длиной до 15 см, с тремя сквозными отверстиями, с муфтообразными утолщениями, в профиле слегка изогнут, с небольшой «рукояточкой» (рис. 2, *3*); второй псалий — в обломках, по типу отличен от первого (рис. 2, *4*). Оба изготовлены из кости и хорошо отполированы.

Большие бляхи совершенно одинаковы, длиной 9,5—10 см, имеют изогнутость, поскольку сделаны из клыков диких кабанов. Лицевая поверхность декорирована врезным орнаментом в виде кругов и полуромбов, в центре которых сохранились участки зубной эмали (рис. 2, *6, 7*). На тыльной стороне имеется изогнутое «ребро» и по три сквозных отверстия. Возможно, что бляхи служили тем же целям, что и псалии.

В комплексе представлены две бляшки из обрезков клыка кабана, длиной 5,5 см, вытянуто-овальной формы (рис. 2, *8, 9*), с орнаментом в виде овала и врезного угла на лицевой поверхности и двумя сквозными отверстиями на тыльной стороне. Шесть пуговиц овальной формы из клыка или кости совершенно одинаковы, диаметром 3—3,5 см, имеют по два сквозных (рис. 2, *10, 11*) или по одному (рис. 2, *2*) отверстию.

На лицевой поверхности — врезные круги (иногда овалы). Четыре овальные пуговицы из кости без врезных овалов на лицевой стороне (рис. 2, *5*) имели размеры 1,8×2,8 см. На тыльной поверхности каждой пуговицы проделано одно сквозное отверстие.

Описанный комплекс един как по материалу, так и по технике исполнения. Ближайшие аналогии по исполнению деталей упряжи имеются в разрушенном погребении у с. Ново-Луганское Донецкой обл. [1, с. 192].

Погребение 2 бесспорно принадлежит к предскифскому времени. Принимая предложенную ранее А. И. Тереножкиным датировку погребения черногоровской ступенью, нельзя согласиться с тем, что оно одно из наиболее ранних для этой ступени, так как в погребение совершенно ошибочно помещен горшок из погребения в каменном ящике срубной культуры [2, с. 167, 195, рис. 10, *9*, 10; рис. 97, *39*]. Представляет определенный интерес и тот факт, что некоторые детали конской упряжи из кургана Аржан М. П. Грязнов сопоставляет с находками из кургана Веселая Долина [3, с. 17, 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шаповалов Т. А.* Погребение предскифского времени в кургане Стриженая Могила.– АИУ – 1968. Киев, 1971, вып. 3.
2. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наука, 1976.
3. *Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан.– КСИА АН СССР, 1978, № 154.

ДАНИЛОВ С. В.

РИТУАЛЬНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ БАРАНОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В 1954—1965 гг. археологическим отрядом Бурятского научно-исследовательского института культуры проводились раскопки позднекочевнических могильников на сопке Тапхар, в 27 км от Улан-Удэ, близ пос. Иволга. Здесь среди самых разновременных памятников исследователями было выделено шесть могильников, относящихся к средневековью. В могильнике Тапхар VI наряду с человеческими захоронениями обнаружено шесть погребений останков баранов (могилы 4, 8, 13, 14, 17, 22). Почти каждое из них было расположено рядом с погребением человека. В могильнике Тапхар II открыто одно погребение барана (мог. 2), также находившееся недалеко от захоронения человека. С 1962 г. проводятся археологические исследования в долине р. Баргузин, где на могильнике у дер. Телятниково было раскопано еще четыре погребения баранов (погр. 1—4). Причем следует отметить, что погребения на сопке Тапхар в отличие от грунтовых телятниковских погребений имели небольшие намогильные каменные выкладки, овальные или круглые в плане. Все данные о погребениях были опубликованы руководителем раскопок Е. А. Хамзиной [1]. Основное внимание в ее монографии уделено вопросам выделения археологических этапов культуры народов Западного Забайкалья VII—XIV вв. Погребения баранов упомянуты ею как ритуальные, однако специальному более подробному исследованию они не подвергались.

Для проведения детального изучения этих погребений все данные по ним сведены в таблицу. Используя эти данные, опубликованные в монографии, можно выделить три типа погребений баранов, каждый из которых соответствовал определенному обряду захоронения. За основу разделения погребений на типы взято положение остова в могиле и наличие в ней черепа.

Тип 1 (Телятниково 1, 2; Тапхар II, 2). Скелет барана лежит в полном анатомическом порядке, т. е. баран был захоронен целиком (рис. 1). Глубина могильных ям от 0,4 до 0,5 м. Ориентировка скелетов головой на ССВ, СВ и В. Кладка, сохранившаяся над одним из тапхарских погребений, овальная в плане (1,0×0,8 м).

Место-нахождение	№ погребения	Положение скелета						Находки при скелетах			Ориентировка могильных ям			Глубина могильных ям, м			Форма кладки		
		остова			черепа			головы быка	керамика	обгорелые кости животного	ССВ	СВ	В	0,1—0,2	0,25—0,3	0,4—0,5	круглая	овальная	нет
		анатомический порядок	кости сложены в круг	кости сложены кучкой	естественное или на щеке	под костями передних ног	положен на лоб	нет											
Тапхар VI	14	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	?	?	—
»	17	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	+	+	—
»	22	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	+	+	—	—	+	+	—
»	13	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	+	—	?	?	—
»	4	—	+	—	—	—	+	+	—	—	+	—	—	+	—	—	+	—	—
»	8	—	+	—	—	—	+	—	—	+	—	+	—	+	—	—	+	—	—
Телятниково	3	—	+	—	—	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+
»	4	—	+	—	+	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+
»	1	+	—	—	+	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	+	—	—	+
»	2	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	+	—	—	+
Тапхар II	2	+	—	—	+	—	—	—	—	—	—	—	+	—	—	+	—	+	—

Рис. 1. Захоронения барана, тип 1 (Телятниковский могильник, погр. 2)

Рис. 2. Захоронение барана, тип 2 (Телятниковский могильник, погр. 3)

Тип 2 (Телятниково 3, 4; Тапхар VI, 4, 8). Анатомический порядок погребенных животных нарушен искусственно. Кости скелета сложены вокруг черепа или кости ног уложены вокруг туловища (рис. 2). Череп в двух случаях перевернут на лоб (Тапхар VI, 4, 8), в одном случае лежит на правой щеке (Телятниково 3). Ориентированы черепа в двух случаях мордой на СВ (Тапхар VI, 8; Телятниково 4) и в двух случаях на ССВ (Тапхар VI, 4; Телятниково 3). Глубина погребений на Тапхаре незначительна: кости погребенных животных встречаются почти под камнями кладки. Кладка над погребением Тапхар VI, 4 в плане круглая (2,7×2,6 м). В погребении Тапхар VI, 8 от кладки сохранились следы вынутых камней, по которым можно установить, что форма кладки была круглой. В погребении Тапхар VI, 4 вместе с бараном была захоронена голова быка, а в погребении Тапхар VI, 8 под камнями кладки были обнаружены раздробленные обгоревшие косточки животных. При обряде погребения, характерном для второго типа, тушу барана, очевидно, разделывали, мясо съедали и погребались только оставшиеся после трапезы кости животных.

Тип 3 (Тапхар VI, 13, 14, 17, 22). В погребениях отсутствуют черепа животных и длинные кости ног. Кости баранов сложены кучкой. Ориентировка погребения 17 — по оси СВ—ЮЗ (определена по овальному могильному пятну), погр. 22 — по оси В—З (определена по овальной кладке). Для погр. 13 и 14 ориентировка не установлена. Глубина погр. 13—0,25—0,30 м. Отсутствие в погребениях черепа и длинных костей ног можно объяснить тем, что с барана, по-видимому, снимали шкуру с головой и ногами и использовали ее в каком-то ритуале. В прошлом у многих народов Сибири был известен, например, обряд вывешивания шкуры жертвенного животного [2, с. 30].

Жертвоприношения животных, в частности баранов, имели широкое распространение. Животных приносили в жертву на поминальных тризнах, а их мясо клали в могилу как заупокойную пищу. Убитые живот-

ные должны были сопровождать умершего хозяина в загробный мир. Существовали жертвоприношения посвященных животных, так называемых изыхов. Их приносили в жертву огню, духам гор, духам, которые считались хозяевами-покровителями определенной местности и т. д. [3]. Описывая обряд заклинания болезни человека и принесения при этом в жертву животного, Д. К. Зеленин отмечает интересный факт постепенной трансформации обряда: «Домашнее животное, служащее новым вместилищем для духа болезни, считали необходимым изолировать... животное закалывали... считая его жертвой данному духу болезни, мясо жертвы, как служащее вместилищем для духа болезни и принадлежащее духу болезни, сначала не ели. Но экономика скоро взяла верх, и мясо носителя духа болезни стали есть, отдавая духу лишь часть его: голову с сердцем или шкуру с ногами» [3, с. 289].

Захоронения целой туши барана встречены не только в Забайкалье. В 1865 г. В. В. Радловым при раскопках II Катандинского кладбища в Горном Алтае было обнаружено захоронение барана под каменной выкладкой [4, с. 100]. В 1957 г. в Туве, в урочище Ак-Довурак, С. И. Вайнштейн раскопал два погребения баранов под каменными кладками [5, с. 224]. В отличие от В. В. Радлова, не придавшего своей находке особого значения, С. И. Вайнштейн дал полную характеристику погребений: бараны погребены целиком, ориентированы головами на Ю и З, глубина захоронений соответственно 0,9 и 0,75 м. Кладки над захоронениями сравнительно крупных размеров. Одна овальная (6×4,9 м), вторая круглая, диаметром 5,9 м. С. И. Вайнштейн отметил несомненный интерес, который представляли оба погребения, и высказал предположение о связи этих захоронений с ритуалом захоронения жертвенных баранов, существовавшим у древних уйгуров и описанным в китайской летописи «Вэй-шу». Летопись сообщает: «Уйгуры любят громовые удары. При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо; потом оставляют это место и расходятся. В следующем году осенью, когда лошади пожиреют, опять собираются на место громового удара, зарывают в землю барана и зажигают светоч с ножом, шаманка читает молитвы» [6, с. 215, 216].

О сходном в сущности обряде, существовавшем у алтайцев, писал Г. Н. Потанин: «Алтайцы приносят жертву огню после первого грома При этом колют рыжеголового барана... подля огня кладут на четырех углах тряпки. Кам в это время камлает вокруг огня» [2, с. 89]. Специального захоронения жертвенного животного у алтайцев в XIX в. уже нет.

Очевидно, что в этих сообщениях говорится об обряде, связанном с посвященным жертвенным животным.

В нашем случае наиболее заслуживающим внимания представляется рассказ Д. К. Зеленина о постепенной трансформации обряда, связанного с жертвенным животным — изыхом. Это животное посвящалось человеку, что как раз объясняет факт захоронения его на могильниках наряду с погребением человека. Таким образом, можно сказать, что наряду с многочисленными обрядами, связанными с посвященными животными, существовал обряд погребения жертвенных животных в пределах могильника в отдельных могильных ямах.

Е. А. Хамзина датирует могильники с захоронениями животных X—XII вв. и связывает их с одной из северных ветвей селенгинских уйгуров.

Вполне возможно, что выделенные нами три типа захоронений баранов соответствуют разным периодам существования этого обряда. Естественно предположить, что самым ранним типом является первый тип забайкальских погребений, где захоронены целые туши баранов (см. таблицу). К нему же можно отнести погребения, открытые археологами в Туве и на Алтае. Следующий тип, характеризующийся захоронением неполной туши барана, относится соответственно к более позднему периоду, а последний — третий тип — к периоду, непосредственно предшествующему исчезновению обряда погребения останков барана.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Западного Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1970.
2. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-западной Монголии. СПб., 1883, т. IV.
3. *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири. М.— Л., 1936.
4. *Захаров В. В.* Материалы по археологии Сибири. Раскопки академика В. В. Радлова в 1865 г.— Тр. ГИМ, 1926, т. 1.
5. *Вайнштейн С. И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.— Уч. зап. ТНИИЯЛИ, 1953, т. 6.
6. *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

ОНАЙКО Н. А.

О ДАТИРОВКЕ ГОРГИППИЙСКИХ КИРПИЧЕЙ С ТАМГООБРАЗНЫМ КЛЕЙМОМ

Одним из широко распространенных видов строительного материала в Риме и его провинциях был обожженный кирпич. Его производство и применение засвидетельствовано и в городах Северного Причерноморья, особенно в тех городах, где римское влияние и, в частности, влияние римской строительной техники, сказалось наиболее ощутимо. Яркое его проявление — наличие на кирпичах северопричерноморского производства латинских клейм. Вместе с тем известен и кирпич, сходный по форме с римскими образцами, но снабженный не латинским клеймом, а тамгообразным знаком. Это недавно опубликованный Г. А. Цветаевой горгиппийский кирпич [1, с. 99].

Впервые кирпичи с такими клеймами были обнаружены В. Ф. Гайдукевичем в выбросе черепков при строительстве анапской гостиницы и датированы им эллинистическим временем [2, с. 26, № 4]. Затем такой кирпич неоднократно находили и находят в различных местах Горгиппии, особенно в последние годы в связи с большими масштабами раскопок активно строящегося города. Кирпичи с тамгообразным клеймом, как отмечает Г. А. Цветаева, изготовлены из местной горгиппийской глины. Среди них преобладают кирпичи квадратной формы — 26×26 см, толщиной 3—4 см. На оборотной стороне этих кирпичей имеются бороздки (в один—четыре ряда) из перекрещивающихся или волнообразных линий — следов пальцев по сырой глине. Г. А. Цветаева сообщает, что «в Горгиппии отдельные кирпичи были найдены или в смешанных слоях или в кладках стен. Наибольшее количество целых кирпичей... составляли вымостку пола в постройке II в. н. э. на раскопе «Берег III». Не исключено, что эти кирпичи здесь использовались вторично» [1, с. 100].

Касаясь вопроса о датировке горгиппийских кирпичей с тамгой, Г. А. Цветаева упоминает подобные по форме кирпичи из Харакса и из Херсонеса. Из первых она указывает только на кирпичи размером 58×58×8 см [1, с. 100, прим. 6] и, ссылаясь на В. Д. Блаватского, датирует их концом II в. н. э. Однако это недоразумение. Эти кирпичи снабжены клеймом вексилляции Равеннского флота, о котором В. Д. Блаватский пишет следующее: «... первоначально Харакс был оккупирован десантом, состоящим из моряков Равеннской экскадры Вероятно, это произошло после походов Плавтия Сильвана, в результате последовала оккупация Крыма римскими войсками при императоре Нероне. Вместе с тем рассматриваемые клейма не могли быть позднее эпохи императора Веспасиана, ибо тогда Равеннская эскадра получила наименование praetoria, отсутствующее на наших клеймах» [3, с. 254, 255, рис. 4, 6]. Из этого ясно, что упомянутые харакские кирпичи могут быть датированы не позднее 70-х годов I в. н. э.

Если сравнивать квадратный горгиппийский кирпич с харакскими кирпичами, то среди последних есть более близкие аналогии. Это кирпи-

чи размером 27,5×27×6 см; 27×27×7 см; 26×26×5,5 см. Последний, наиболее близкий по форме к горгиппийскому, имеет клеймо XI Клавдиева легиона. Солдаты этого легиона, как сообщает В. Д. Блаватский, появляются в Хараксе в последних десятилетиях II в. и в первой половине III в. н. э. [3, с. 254, прим. 1; с. 256].

Ссылаясь на херсонесские аналогии, Г. А. Цветаева, не конкретизируя эту сторону исследования, напоминает о том, что «вымостки первых веков нашей эры из тонких кирпичей открыты в Херсонесе» [1, с. 100]. В данном случае она ссылается на работу Г. Д. Белова, который при описании вымосток дна рыбозасолочных цистерн отмечает кирпич размером 37×38×5 см [4, с. 19, прим. 3]. В Своде археологических источников при описании керамических строительных материалов Херсонеса сказано, что обожженный стандартный кирпич появляется только в позднеантичное время. Использование его в монументальном строительстве Херсонеса неизвестно. Кроме рыбозасолочных цистерн, кирпич находили в лежанке позднеантичного склепа, в постройках виноделен, а также в вымостках улиц и двориков. Размеры херсонесских квадратных кирпичей 29×29×3 см, 27×27×4 см [5, с. 49]; эти кирпичи по размерам ближе к горгиппийским, чем указанные Г. А. Цветаевой.

В боспорских городах, как замечает И. Б. Зеест, обожженный кирпич встречается только в слоях первых веков нашей эры. Обломки больших кирпичей (53×56×3—3,5 см) «были использованы повторно в обкладке очага II—III вв. н. э., но их следует отнести к более раннему времени, а именно к I — началу II в. н. э. Об этом свидетельствует очень небольшая толщина кирпича, что обычно для кирпичей первых веков нашей эры, а также крестообразные борозды, нанесенные для скрепления кирпичей строительным раствором, который в Пантикапее не применялся раньше этого времени» [5, с. 60]. К сожалению, И. Б. Зеест не дает характеристику этому раствору. В Тире зафиксирован кирпич квадратной формы с гладкой поверхностью размером 27×27×4—5 см. В Ольвии такой кирпич встречается редко, длина сторон квадратных кирпичей колеблется от 27 до 37 см, толщина — около 3 см [5, с. 36, табл. 43, 13; с. 44, табл. 43,8].

На основании использованных Г. А. Цветаевой и дополненных нами данных можно утверждать, что квадратный кирпич применялся в Северном Причерноморье в I—III вв. н. э. в различного рода сооружениях, но в основном как вторично использованный строительный материал. Крупный квадратный кирпич из Харакса с клеймом вексилляции Равеннского флота изготавливался, по-видимому, около середины I в. н. э., во времена Нерона. Другой, более близкий по размерам горгиппийскому, харакский кирпич с клеймом XI Клавдиева легиона датируется концом II — первой половиной III в. н. э. Это единственная и самая поздняя известная дата производства интересующего нас вида кирпича. Но когда начал изготавливаться в Северном Причерноморье квадратный кирпич типа горгиппийского?

Ответить на этот вопрос, как нам представляется, могут новые находки 1977 г., добытые при раскопках древнего Владимировского поселения близ Новороссийска [6, с. 135], а также хорошо известные боспорские монеты.

В 1977 г. на Владимировском поселении продолжалось раскапываться укрепленное каменное здание [7, с. 134]. Внутри него обнаружены нижние части четырех пифосов. В одном из них находилось 14 сероглиняных мисок с тамгообразными знаками. 13 из этих знаков одинаковые, они процарапаны на донышках мисок, с внутренней их стороны (рис. 1). Все эти знаки аналогичны опубликованной Г. А. Цветаевой тамге — энглифическому клейму на квадратных горгиппийских кирпичах размером 26×26×3—4 см. Датировка владимировских мисок с такой же тамгой I в. до н. э.— I в. н. э. не вызывает сомнения. Это время жизни раскопанного здания, оно хорошо определяется обломками светлоглиняных амфор с двуствольными ручками и обломками других типов керамической тары, бытовавшей в это время.

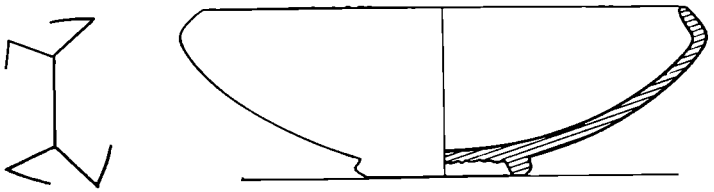


Рис. 1. Сероглиняная миска с тамгой. Владимирское поселение близ Новороссийска. 1/2 нат. величины

Пифосы, в которых стояли миски, а также сами миски и другие сероглиняные и красноглиняные сосуды, обнаруженные внутри здания, тоже датируются этим временем. Такая посуда хорошо известна из слоев этого времени на прибрежных поселениях в окрестностях Новороссийска (Малая земля, Широкая балка). Особенно надежен в этом отношении материал из Широкой балки, где слой датируется не позднее I в. н. э. К этому же времени относится бронзовый бюст Динамии и бронзовая гиря в виде женского бюста, найденные в разное время в Широкой балке [8, с. 84].

Что касается боспорских монет, то монеты Аспурга снабжены таким же знаком [9, с. 12], как знак на горгиппийском кирпиче и на владимировских мисках. Дата последних и время правления Аспурга — с 14 по 37 г. [10, с. 139] вполне совместимы. Таким образом, можно утверждать, что производство рассматриваемого вида кирпича на Боспоре, а именно в азиатской его части, в столице синдов, было налажено в начале I в. н. э. Немного позднее, где-то в середине этого века, изготовлены, как уже отмечалось, харакские квадратные кирпичи размером 58×58×8 см. Это время правления императора Нерона, при котором обожженный кирпич получил особенно широкое распространение. А применять его в Римской империи начали, как известно, еще раньше, в I в. до н. э., а возможно, и с конца II в. до н. э. Наиболее поздняя известная в настоящее время дата производства в Северном Причерноморье кирпича, подобного горгиппийскому — первая половина III в. н. э.

Тот факт, что обожженный кирпич встречался в северопричерноморских постройках пока только в качестве вторично использованного строительного материала, не должен нас смущать. Он находит практическое объяснение. Так, Витрувий, подчеркивает, что сразу решить, хорош или плох кирпич, нельзя, «только тогда определяется степень его прочности, когда он пробудет на крыше под действием непогод и летнего жара... Поэтому всего лучше смогут гарантировать надлежащую прочность лишь стены, сложенные из старого, побывавшего в роли черепицы обожженного кирпича» [vitruv., II, VIII, 19]. Сопоставление горгиппийских клейм, знаков на владимировских сероглиняных мисках и на монетах Аспурга имеет значение не только для установления времени производства обожженного кирпича в Северном Причерноморье. Оно имеет большое значение для истории производства керамических эргастериев Боспора, а также для политической истории подвластных ему территорий. Но эти вопросы требуют специального исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Цветаева Г. А.* Кирпичи с тамгой из Горгиппии.– КСИА АН СССР, 1975, № 143.
2. *Гайдукевич В. Ф.* Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов.– КСИММК, 1947, XVII.
3. *Блаватский В. Д.* Харакс.– МИА, 1951, № 19.
4. *Белов Г. Д.* Северный прибрежный район Херсонеса.– МИА, 1952, № 34.
5. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.– САИ, вып. Г1–20. М., 1966.
6. *Дмитриев А. В., Масленников А. А., Онайко Н. А.* Раскопки античного поселения у с. Владимировка близ Новороссийска.– АО 1977. М., 1978.
7. *Онайко Н. А.* О работе Новороссийской экспедиции.– АО 1971. М., 1972.
8. *Онайко Н. А.* Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н. э.– IV в. н. э.).– В кн.: Новое в археологии. М.: Наука, 1972.
9. *Голенко К. В., Шелов Д. Б.* Монеты из раскопок Пантикапея 1945–1966 гг.– НС, 1963, № 1.
10. *Фролова Н. А.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре.– ВДИ, 1971, № 1.

ГОРОНЧАРОВСКИЙ В. А.

СВИНЦОВАЯ ГИРЯ ИЗ ИЛУРАТА

В ходе работ по исследованию центрального района Илурата при доследовании помещения 3, погибшего в результате пожара, под слоем сгоревших междуэтажных перекрытий была найдена свинцовая гиря хорошей сохранности, без значительных механических повреждений и следов стертости (рис. 1, *а*, *б*). По сопровождавшему материалу ее можно датировать первой половиной III в. н. э. Это первая находка такого рода в Илурате.

Гиря была покрыта толстым слоем известкового налета. Ее вес до очистки 411,02 г, после очистки 402,69 г. В плане гиря имеет форму, приближенную к квадрату: 6,5×6 см, ее высота 0,8—1,0 см. На одной из сторон в центре помещен вдавленный знак в виде восьмигранника. Здесь же имеется углубление, оставленное каким-то инструментом, видимо, при изъятии гири из формы. На оборотной стороне гири есть следы легкой коррозии и небольшие выемки, которые скорее всего являются следствием небрежного изготовления.

Гиря принадлежит к категории простых разновесов и, видимо, была изготовлена по заказу частного лица. Вдавленный знак на ее поверхности указывает в данном случае на одну весовую единицу, очевидно, мину. На первый взгляд ближе всего она стоит к пантикапейской мине в 408—410 г., выделенной В. Д. Блаватским, впервые поставившим вопрос о существовании на Боспоре собственной весовой системы [1 с. 201]. По данным В. Д. Блаватского, эта система функционировала с конца VI в. до н. э. вплоть до последних веков до нашей эры [1, с. 203][1]. Рассмотренные им разновесы равнялись $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_8$ мины в 408—410 г.

Позднее Л. И. Чуистовой была опубликована сводка находок гирь на территории Северного Причерноморья [2, с. 7]. Ей удалось выделить среди этого огромного материала несколько гирь, по своей эмблематике и надписям связанных с Пантикапеем. Изучение их веса и датировки позволило Л. И. Чуистовой прийти к выводу о существовании другой боспорской мины, в 460—480 г., бытовавшей с V в. до н. э. по первые века нашей эры. При этом она отнесла весовую систему, предложенную В. Д. Блаватским, к начальному периоду существования боспорских городов [2, с. 77].

К сожалению, в работе Л. И. Чуистовой, как отметила недавно Н. Л. Грач, имеется ряд существенных недостатков, в частности за основу был взят действительный вес выделенных гирь без учета потерь от различных изъянов [3, с. 194].

Вновь подвергнув исследованию пантикапейские гири, опубликованные Л. И. Чуистовой, Н. Л. Грач пришла к выводу о том, что они относятся к эллинистическому времени и по форме, характеру изображений и надписей составляют одну группу. Метрологический анализ этих гирь позволил ей утверждать, что «в период эллинизма в основе боспорской весовой системы лежала персидская мина весом в 504,6 г, с завышенным весом не менее чем на 5 г» [3, с. 195]. Относительно более раннего времени путем сравнительного анализа данных В. Д. Блаватского, Л. И. Чуистовой и новых метрологических находок было выявлено одновременное существование на Боспоре двух весовых систем — эвбейско-аттической и, очевидно, собственно боспорской с миной в 480 г. [3, с. 198]. Таким образом, ни весовая система, предложенная В. Д. Блаватским, ни система Л. И. Чуистовой в настоящее время не могут быть приняты.

К какому же весовому эталону следует отнести нашу гирю и другие разновесы первых веков нашей эры, считавшиеся ранее принадлежавшими к весовой системе, предложенной В. Д. Блаватским?

[1] При этом В. Д. Блаватский основывался на находках на Боспоре, главным образом в Пантикапее, нескольких весовых знаков, один из которых датируется VI в. до н. э., а три других относятся к позднеэллинистическому времени.

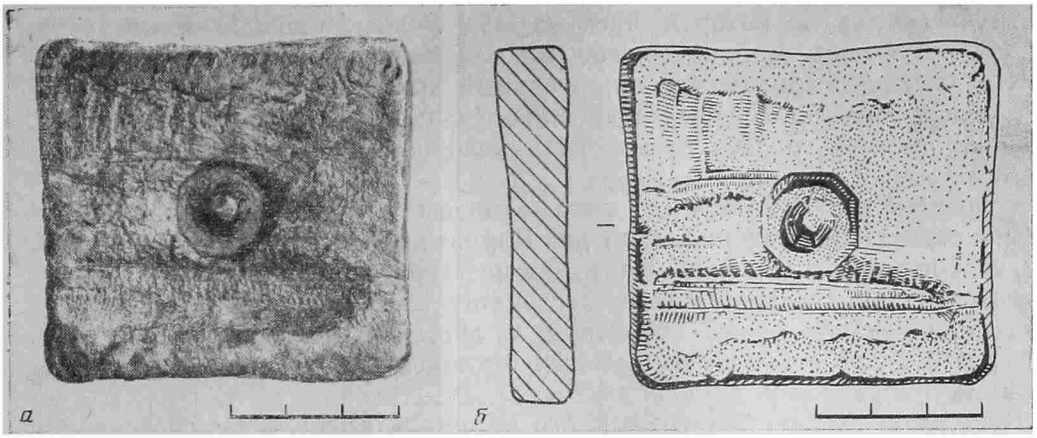


Рис. 1. Свинцовая гиря из Илурата. *а* – фотография; *б* – прорисовка

Уже Л. И. Чуистова в свое время отметила близость пантикапейской мины В. Д. Блаватского в 408—410 г. к весу позднеаттической мины в 390—409 г. [2, с. 34]. В исследовании Н. Л. Грач на основе ряда нимфейских находок также было высказано предположение о том, что в период позднего эллинизма в основу боспорской весовой системы была принята позднеаттическая мина, получившая широкое распространение в различных районах Причерноморья со II в. до н. э. [3, с. 198; 4, с. 134].

Этот вывод, вероятно, можно распространить и на первые века нашей эры, так как публикуемая гиря, даже учитывая возможные потери веса, не превышающие по линейным измерениям 0,6 см^3 (6,6 г), целиком укладывается в этот весовой эталон.

К этой весовой системе можно также отнести и две гири из эллинистическо -римского слоя Пантикапея [1, с. 201 сл.][2], весом в 101,21 г ($^1/_4$ мины) [3] и 136,27 г ($^1/_3$ мины), гирю весом 50,3 г, найденную в 1954 г. при раскопках Раевского городища [1, с. 203], и свинцовые гири из Танаиса, определенные Д. Б. Шеловым как разновесы пантикапейской мины по В. Д. Блаватскому [5, с. 162]. Особый интерес из них представляет гиря квадратной формы с инкрустированным медной проволочкой тамгообразным знаком, являющаяся, возможно, контрольным эталоном [6, с. 158]. В. С. Драчук считает, что этот знак «мог быть либо тамгой царского магистрата, либо знаком самого царя» [7, с. 70, табл. 14, *12*, *4*]. Ее вес, равный 273 г, соответствует $^2/_3$ позднеаттической мины весом в 409 г. Другая гиря была найдена еще в 1870 г. П. И. Хицуновым и имела на одной стороне неясное рельефное изображение во вдавленном клейме. Вес ее 205 г, что составляет $^1/_2$ той же мины [8, с. 62 2, с. 28].

Первая из упомянутых гирь по весу очень близка к гире из Тиритаки (276 г) [9, с. 58, рис. 84], происходящей из мешаного эллинистическо-римского слоя.

Кроме того, часть разновесов, представляющих для нас интерес, происходит из раскопок Мирмекия, где в 1959 г. в слоях II—III вв. найдены гиря в 194 г с поврежденным углом ($^1/_2$ мины с учетом весовых потерь) [2, с. 34, табл. 10, *7*8] и контрольная гиря квадратной формы в 3 кг 935 г с расплавленным углом (изъян не более 100 г) и 10 крупными клеймами с изображением Гермеса [2, табл. 10, *78, 79*]. Норматив последней, судя по клеймам, равен 10 весовым единицам, скорее всего позднеаттическим минам.

Таким образом, рассмотренные боспорские свинцовые гири времени позднего эллинизма и первых веков нашей эры составляют довольно ком-

[2] Следует оговорить, что в этом случае, как и в дальнейшем, мы используем данные весовых измерений, приведенные авторами соответствующих публикаций. При этом зачастую дается действительный вес гирь без учета возможных изъянов.

[3] На гире имеются два знака КЕ, видимо, обозначающие ее вес (25 драхм).

пактную группу, в которой преобладают формы, близкие к квадрату, причем часть гирь снабжена весовыми или контрольными знаками. Анализ их позволяет сделать предварительный вывод о том, что и в первые века нашей эры на Боспоре продолжает существовать весовая система, в основу которой в свое время была положена позднеаттическая мина весом в 409 г.

Возращаясь к публикуемой гире, отметим, что она представляет довольно редкую находку не только для Илурата, но и для Боспора в целом. Так, для первых веков нашей эры, кроме илуратской, нам известна лишь одна гиря прямоугольной формы достоинством в одну мину (вес. 414 г), найденная в 1958 г. на поселении у дер. Семеновка [2, с. 31; 10, с. 35]. С учетом допустимых весовых отклонений ее также можно отнести к рассматриваемой весовой системе.

Находка в Илурате гири крупного номинала имеет большое значение не только для исследования метрологии Боспора, но и для изучения торговли Илурата, которая, как считалось ранее, носила ограниченный характер с преобладанием натурального обмена [11, с. 144]. Раскопки последних лет, в частности открытие клада из 66 боспорских биллоновых статеров [12, с. 394] и находка гири достоинством в одну мину, вносят определенные изменения в сложившиеся представления об облике культуры этого боспорского города.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блаватский В. Д.* О пантикапейской весовой системе.– СА, 1955, XXIII.
2. *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.– В кн.: Археология и история Боспора. Т. 2. Симферополь, 1962.
3. *Грач Н. Л.* Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии.– Тр. ГЭ, 1976, XVII.
4. *Лордкипанидзе Г. А.* О колхидской весовой системе.— В кн.: Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
5. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.: Наука, 1972.
6. *Соломонік Е. І.* Нові памятки з сарматськими знаками.– АП, 1962, XI.
7. *Драчук В. С.* Системы знаков Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1975.
8. *Книпович Т. Н.* Танаис. М–Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
9. *Книпович Т. Н., Славин Л. М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки – МИА, 1941, № 4.
10. *Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у деревни Семеновки – МИА, 1970, № 155.
11. *Гайдукевич В. Ф.* Илурат.– МИА, 1958, № 85.
12. *Шургая И. Г., Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А.* Исследования Илурата.– АО, 1976. М., 1977.

КУБЫШЕВ А. И., ОРЛОВ Р. С.

УЗДЕЧНЫЙ НАБОР XI В. ИЗ НОВО-КАМЕНКИ

В 1974 г. Херсонской археологической экспедицией ИА АН УССР у с. Ново-Каменка Каховского р-на Херсонской обл. было исследовано 13 курганных насыпей, находившихся на орошаемых участках. В кург. 5, в 1,2 км к юго-западу от с. Ново-Каменка, было обнаружено впускное погребение средневекового времени [1, с. 55—57]. Насыпь кургана подвергалась систематической распашке и к началу раскопок достигала высоты 1,4 м от погребенного чернозема. Сооружение кургана относится к V—IV вв. до н. э., о чем свидетельствует разрушенная распашкой крепида из известняковых камней и скифский обряд и инвентарь основного погребения в катакомбе. Скифское погребение было ограблено в древности, и катакомба оказалась заполненной обвалившимся сводом и известняковыми плитами, закрывающими ее вход.

Впускное погребение было совершено следующим образом: колодец входной ямы скифского погребения был раскопан до свода камеры, после чего на завалившемся своде камеры, образовавшем своеобразный подбой,

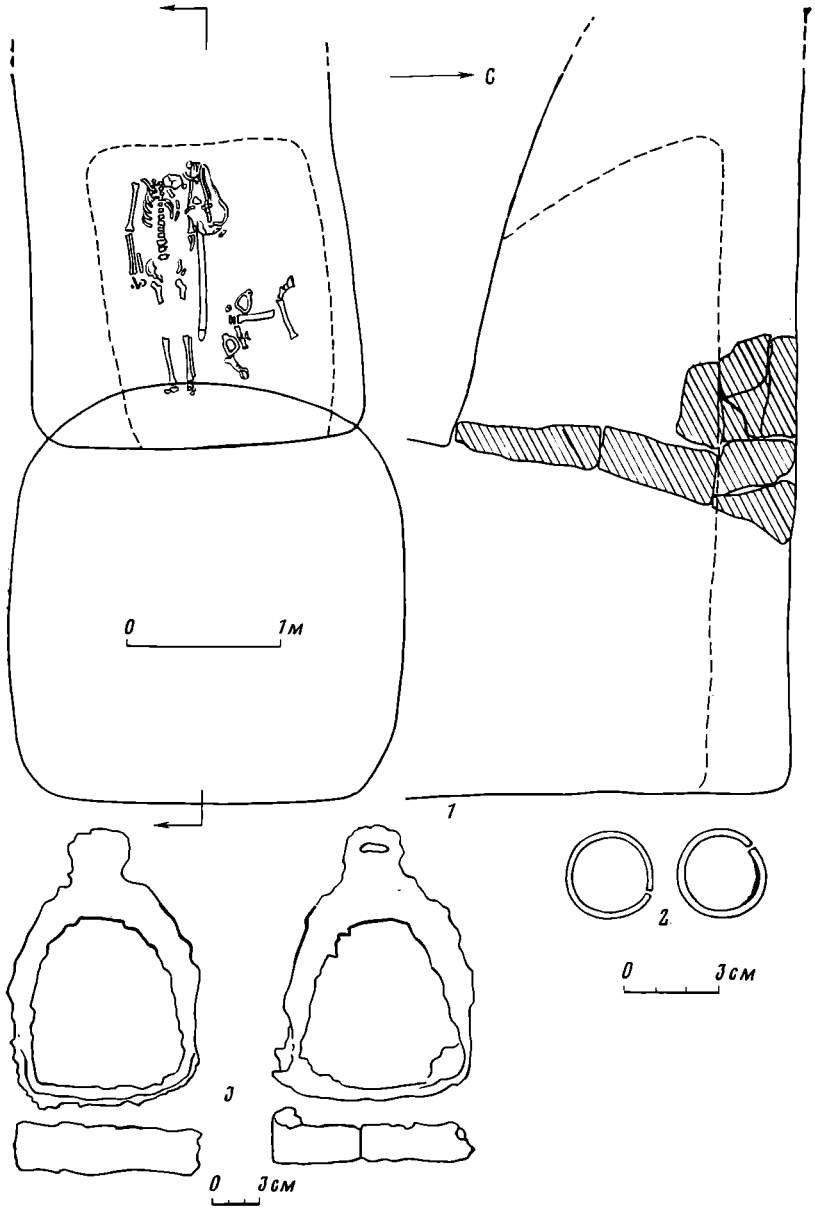


Рис. 1. Погребение в кург. 5 у с. Ново-Каменка Херсонской обл.
1 – могильная яма, *2* – серьги, *3* – стремена

положили умершего с частями лошади и сопутствующим инвентарем. Подбой прямоугольный в плане (1,9×1,4 м), дно его на глубине 4,60 м от погребенного чернозема, или в 6 м от верхней точки курганной насыпи. После совершения погребения входной колодец был засыпан землей и завален камнями крепиды скифского кургана. Погребенный лежал вытянуто на спине, с руками вдоль туловища, головой на запад. Слева от него находились череп и передние и задние конечности лошади (рис. 1, *1*).

Инвентарь состоял из следующих предметов: 1) серьги (2 экз.) из золотой проволоки, диаметром 2,8, в сечении 0,2 см, с несомкнутыми концами — у головы погребенного (рис. 1, *2*); 2) рукоять нагайки в виде железного стержня длиной 11, диаметром 1,8 см у локтевой кости правой руки; 3) браслет из железной проволоки диаметром около 10 см, сохранились фрагменты у кисти правой руки; 4) остатки железной сабли в деревянных ножнах. Сабля изогнута, ее длина 1,05 м, ширина лезвия 0,5 см, находилась у левой руки погребенного. На рукояти костяная пластинка длиной 9, шириной 3,5 см, с орнаментом в виде гравированной сетки. Сохранились железный наконечник ножен длиной 5, шириной 4 см

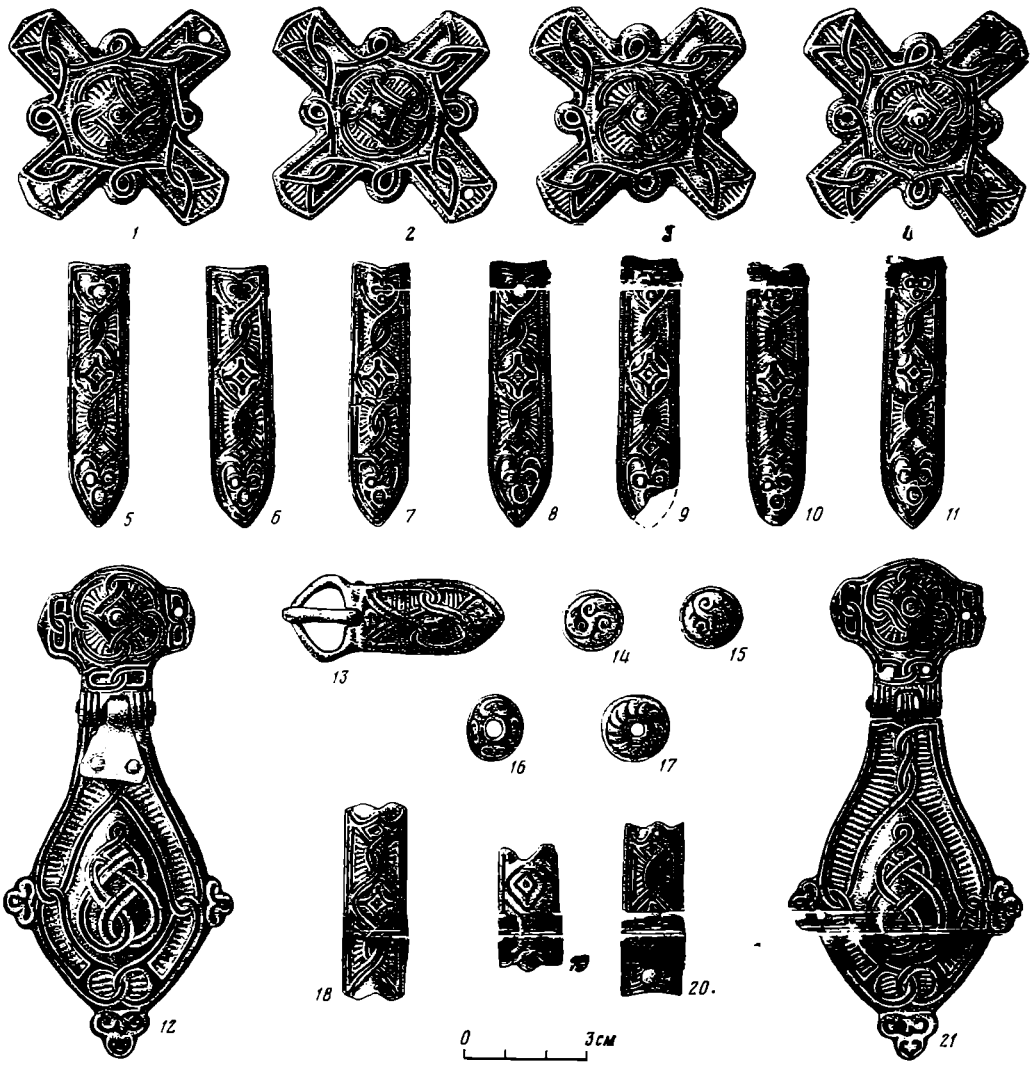


Рис. 2. Наременные украшения конской узды из Ново-Каменки. *1–4* – крестообразные разделители, *5–11* – наконечники, *12*, *21* – решмы, *13* – пряжка, *14–17* – бляшки круглые и шайбы, *18–20* – бляшки храпа

и подвеска с ушком, диаметром 5 см (диаметр дужки 1 см); 5) кремневый отщеп (от кресала ?) на тазовых костях; 6) лук деревянный, плохо сохранившийся, с костяными накладками шириной 1,2 см, украшенными циркульным орнаментом; 7) узда из кожаных ремней (плохо сохранившихся), с наременными украшениями из серебра: решмы, крестообразные разделители, наконечники, пряжка, прямоугольные накладки — всего 19 предметов, на черепе лошади; 8) стремена (2 экз.) с округлым подножьем, высота 17 см, ширина подножья 14,5, толщина подножья (со слоем коррозии) 2 см. Стремена инкрустированы позолоченными пластинами длиной 3, шириной 0,3 см. Подножье обвито позолоченной проволокой, около конечностей лошади (рис. 1, *3*); 9) пряжка железная (фрагмент) от упряжи, овальной формы, длина сохранившейся части 3, ширина 4 см, у конечностей лошади; 10) удила железные, плохой сохранности, односоставные без перегиба, длина грызла 17 см, с железными трензельными кольцами диаметром 5 см, у черепа лошади.

Погребенный лежал на деревянном настиле, покрытом кожей. Обряд погребения печенежский, по классификации Г. А. Федорова-Давыдова (широкая яма, череп и ноги коня находятся к северу от погребенного),— это тип БII, характерный для 1-го периода, т. е. для X—XI вв. [2, с. 134]. Погребения печенегов, совершенные в скифских курганах и на большой глубине, известны в Северном Причерноморье. Остатки бога-

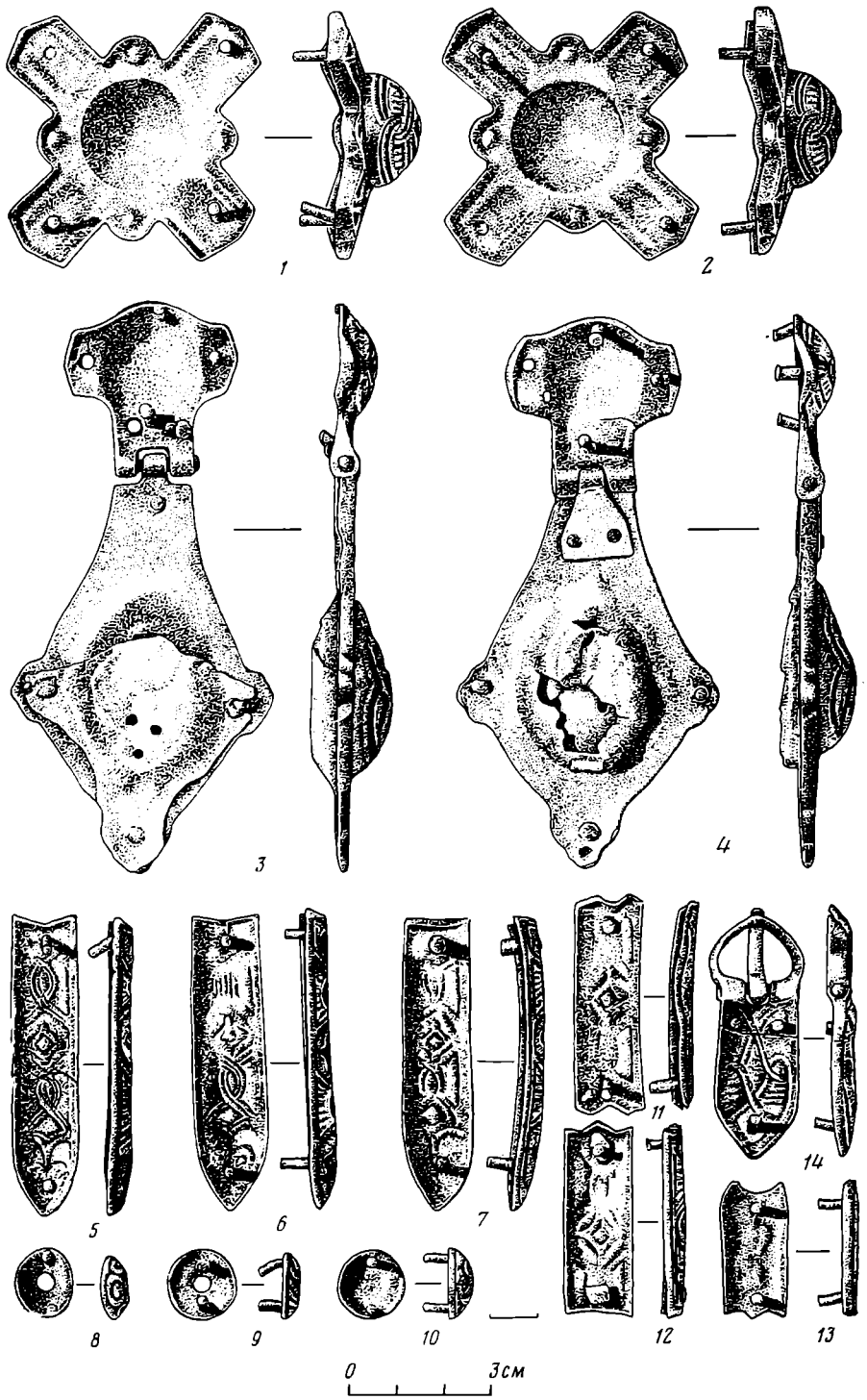


Рис. 3. Отдельные типы наременных украшений. *1*, *2* – крестообразные разделители, *3*, *4* – решмы, *5*–*7* – наконечники, *8*–*10* – бляшка круглая и шайбы, *11*–*13* – бляшки храпа, *14* – пряжка

того костюма и наременных украшений в этих погребениях указывают на принадлежность погребенных к местной знати [1].

Из перечисленного выше инвентаря удила без перегиба в виде железного прута с железными трензельными кольцами также характерны для печенегов [3, с. 156, 157]. Стремена, по классификации Г. А. Федорова-Давыдова, относятся к типу БІ, датируемому X—XI вв. А. Н. Кирпич-

[1] Например, погребение XI в. у с. Булгаково, Баштанского р-на Николаевской обл. с богато украшенной уздой и византийской шелковой тканью, исследованное в 1971 г. Ингульской экспедицией АН УССР и, к сожалению, не опубликованное.

ников считает данный тип стремян особенно характерным для Восточной Европы в IX—XI вв. [4, с. 45].

Таким образом, на основании существующих классификаций погребального обряда и типов отдельных частей конской сбруи, погребение у с. Ново-Каменка датируется в пределах X—XI вв. Точнее определить время захоронения позволяет анализ наременных украшений конской сбруи.

Украшения узды представлены 21 бляхами, которые при помощи штырей крепились к кожаным ремням уздечки (шириной 1,6 см) — суголовному, подбородному, налобному и переносью.

1. Решмы (2 экз.), размеры 8×5,5 см, каждая состоит из овальной бляхи, соединенной шарниром с разделителем ремней. Решмы размещались на стыке ремней храпа с ремнем налобным и ремнем переносья. Имеют тонкую подкладную пластинку из серебра. В пространство, образовавшееся между подкладной пластиной и выпуклостью бляшки, заключены кусочки медного лома, т. е. решмы «шумящие». Вес 61 и 64,5 г (рис. 2, *12*, *21*; 3, *3*, *4*). 2. Крестообразные разделители (4 экз.), размеры по сторонам креста — 6 см. Расположены они на пересечении суголовного, подбородного ремня и ремня переносья. Вес от 26,5 до 30,5 г. (рис. 2, *1—4*; 3, *1*, *2*). 3. Наконечники (7 экз.), размерами 6,2×1,4 см. Четыре наконечника крепились на налобном ремне и ремне переносья непосредственно у решм. Два наконечника крепились на ремнях повода, и один — на подбородном ремне. Вес от 7, 5 до 9,5 г (рис. 2, *5—11*; *3*, *5*, *6*). 4. Пряжка длиной 5,5 шириной 2 см крепилась на подбородном ремне. Вес около 10 г (рис. 2, *13*; 3, *14*). 5. Две круглые выпуклые бляшки диаметром 1,5 см и две круглые выпуклые шайбы диаметром 1,6 см соединяли петлю ремней повода с трензельными кольцами. Вес каждой около 3 г (рис. 2, *14—17*; 3, *8—10*). 6. Бляшки прямоугольной формы (3 экз.) длиной соответственно 4,5 и 4 см, шириной 1,4 см размещались на ремне храпа, соединяющем ремни налобный и переносья. Бляшки имели вырезы, позволяющие совмещать их друг с другом и с решмами. Вес 5—7 г (рис. 2, *18—20*; 3, *11—13*).

Общий вес сбруйного набора около 332 г.

Технология производства металлического набора включает литье с последующей доработкой деталей орнамента резцом. Затем на изделия наносилась позолота (рубчатый перебрик фона) и чернь (жгутовое плетение).

Отметим, что литье осуществлялось, по-видимому, в глиняной форме, оттиск в которой был сделан с оригинала, выполненного в другой технике — чеканке на тонкой металлической пластине. Об этом убедительно свидетельствует сохранившееся рельефное воспроизведение орнамента на внутренней поверхности каждой бляхи, т. е. две половинки формы сохранили изображение чеканного оригинала.

Проведенный количественный спектральный анализ всех деталей оголовья показал, что для отливки изделий применялся сплав типа биллона, основой которого были серебро и медь[2]. В качестве лигатурных прибавок выступает свинец, содержание которого колеблется в пределах 1—3%. В сплаве имеется также неожиданно большой процент золота, колеблющийся от нескольких десятых до 3—4% в решмах. Малое содержание цинка и олова не позволяет отнести их к лигатуре. Остальные микропримеси свидетельствуют об однородности и сходном химическом составе всех деталей новокаменского оголовья и косвенно указывают на единовременный характер выполнения набора мастером-ювелиром. Практически чистой медью являются кусочки литейного брака в виде шариков, штырей, используемых в «шумящих» решмах. Из всего набора выпадает круглая бляшка (рис. 2, *17*; 3, *9*), содержащая в химическом составе в качестве лигатурной прибавки около 3% свинца, 5% цинка и повышенное количество олова — 0,3% (тогда как в остальных деталях

[2] Анализ проведен в отделе спектральных методов исследования Института геохимии и физики минералов АН УССР. Спектрограмма № 90, от 20 июня 1978 г.

оголовья олова тысячные доли процента). Интересно отметить, что и орнаментальный декор этой бляшки также иной, стилистически не сходен с растительно-ленточным плетением набора.

Положение каждой детали новокаменского оголовья точно зафиксировано на черепе лошади, что позволяет с документальной точностью произвести реконструкцию узды. Как видим, конструкция ее незначительно отличается от предложенной А. Н. Кирпичниковым реконструкции узды из Гаевки (рис. 4).

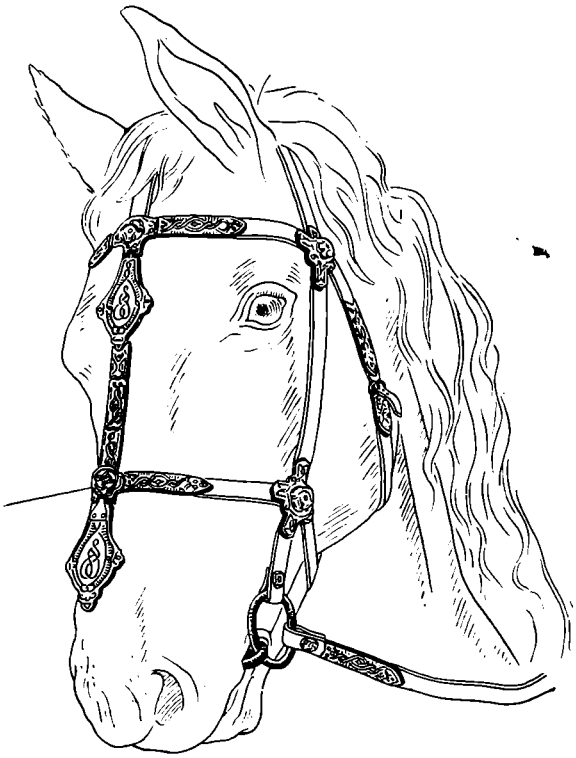


Рис. 4. Реконструкция узды из Ново-Каменки

Все бляшки оголовья, включая решмы, наконечники, крестообразные разделители, декорированы рельефным жгутовым плетением, образующим ряд чередующихся кругов большего и меньшего диаметра. В круги помещены: пальметка, ромбическая фигура или кружок с черневой точкой. По рельефному жгуту плетенки нанесены либо одна черневая линия (решмы), либо две параллельные (наконечники), либо одна и две на одной бляхе (крестообразные разделители ремней). Завершается плетение пальметкой (2-го типа).

Ближайшей аналогией решмам и крестообразным разделителям служат те же части металлического набора оголовья из Сарайлы-Кият, а бляшкам переносья — прямоугольные бляшки из Гаевки [4, табл. XI, VIII]. Несмотря на типологическую и иконографическую близость, металлические части оголовья из Сарайлы-Кият и Гаевки отличаются от новокаменских деталями орнаментального декора. Бляшки из Сарайлы-Кият имеют другой рисунок плетенки, и на черневой полосе жгута нанесены точки, как полагает А. Н. Кирпичников, имитирующие зернь [4, табл. XI, VIII, с. 29]. Крестообразные разделители из Ново-Каменки в отличие от сарайлы-киятских усложнены дополнительными выступами, образованными завитками плетения. Жгутовое плетение на крестообразных разделителях из Сарайлы-Кият аналогично орнаментальному декору наконечников из Ново-Каменки, что подтверждает мнение А. Н. Кирпичникова об утрате нескольких наконечников оголовья. Однако новокаменские разделители на концах креста расширяются, а рисунок плетения таков, что не предполагает продолжения на наконечниках. Следовательно, новокаменский набор сохранился в отличие от сарайлы-киятского полностью, без утраты его частей.

Наиболее близки новокаменскому набору по иконографическим признакам прямоугольные бляхи переносья из Гаевки, где внутри кругов, образуемых плетением, мы видим пальметку.

Отмеченная близость между уздечными наборами, прослеживаемая в типах, отдельных частях, технологии изготовления и орнаментальном декоре, отчасти подтверждает высказанное А. Н. Кирпичниковым предположение о существовании в X—XI вв. юго-восточноевропейского сбруйного центра, обслуживавшего Русь, Крым и причерноморские степи.

Локализовать этот центр в Северном Причерноморье и одновременно ограничить южнорусскими степями ареал распространения наременных украшений, подобных новокаменскому, позволяют их стилистические

особенности. Согласиться с мнением А. Н. Кирпичникова можно в том случае, если для датировки уздечных наборов и выяснения места производства мы ограничимся поисками аналогичных типов отдельных деталей и иконографическими параллелями орнаментальному декору. Действительно, типологически металлические наборы оголовий из Ново-Каменки, Сарайлы-Кият, Гаевки восходят к степной евразийской традиции. На это указывают находки уздечных наборов подобной конструкции в погребениях Нижнего Поволжья и Южной Сибири [5, с. 216, рис. 18,*1*; 6, с. 31—48]. Истоки орнаментального декора металлических наборов из Причерноморья восходят к восточносредиземноморской традиции, а точнее, к византийскому орнаменту IX—XI вв. Общие истоки орнаментального декора для изделий ремесленников Руси, Алании и Причерноморья и определяют иконографические параллели. Так, жгутовое плетение, воспроизводящее круглые медальоны (ритмический ряд чередующихся кругов большего и меньшего диаметров с мотивами пальметок, трилистников, ромбов и др.), получило широкое распространение в византийском орнаменте IX—XI вв.: например, в мозаичном декоре IX в. церкви Сан-Круа, на рельефах парапетов и столбов XI в. церкви Софии в Охриде, на мозаике XI в. из церкви Хосиас Лукас, на коптских рельефах IX в., на наконечниках аварских поясных наборов [7; 8; 9, с. 212; 10, Taf. 75; 11, S. 56—65, Taf. 98, 102]. Подобное жгутовое плетение с медальонами распространено и в древнерусском орнаментальном искусстве. Такой орнамент украшает деревянные ручку и колонну из Новгорода, шиферные плиты из Софии Киевской, вышивку из погребения Белгородского могильника [12, с. 24, 25, табл. 9, 10; 13, рис. 269, 270, 14, с. 245—248, рис. 2,*3*]. В большинстве случаев этот орнамент не имеет каких-либо существенных иконографических черт, присущих местному ремеслу.

Локализовать центр производства металлических наборов типа гаевского, новокаменского и первоконстантиновского помогают не только аналогии, происходящие из Северного Причерноморья, но главным образом их технико-стилистические признаки. К ним относятся: 1) реберчатый поребрик фона или каннелированный позолоченный бордюр; 2) выпуклая полированная поверхность для основного орнаментального мотива; 3) графический характер орнаментального декора. Отмеченные признаки характерны для наременных украшений евразийских степей и более раннего времени. Так, каннелированный бордюр имеется на бляшках Саркельского клада, но орнамент выполнен рельефно и имеет салтовский облик. Растительная плетенка в технике черни с позолоченным фоном украшает серебряные ножны сабли конца X — начала XI в. из Поволжья [15, с. 54, рис. 34, *Б*, 35; 16, с. 119, 120, рис. 120—122]. Но если прототип уздечного набора из бляшек с вырезами для взаимной стыковки и характерными отдельными деталями (решмами, крестообразными разделителями и наконечниками) известен в сложившемся виде еще у печенегов в X в. [5, с. 216, рис. 18, *1*], то перечисленным выше технико-стилистическим признакам в их совокупности отвечают только северопричерноморские наременные украшения.

Возможно, ремесленники древнерусских городов принимали участие в разработке как отдельных типов наременных украшений, так и орнаментального декора кочевнической узды. Об этом косвенно свидетельствуют находка 1971 г. в Киеве наконечника, аналогичного наконечникам из Котовки, а также орнаментальный декор наконечника ножен сабли из погребения у Десятинной церкви, браслет-наруч из Белой Вежи и в особенности киевские литейные формы [17, табл. XII; 18, с. 224, 225; 19, с. 47—53].

Распространению у торко-печенежских племен Северного Причерноморья наременных украшений с византийским в основе орнаментальным декором способствовали и прямые контакты их с населением Северо-Восточной Болгарии, впоследствии Фемы Паристрион, и с Херсоном, и сходные с русскими и северокавказскими детали репрезентативного костюма. Обнаруженные в последние годы погребения начала X в.

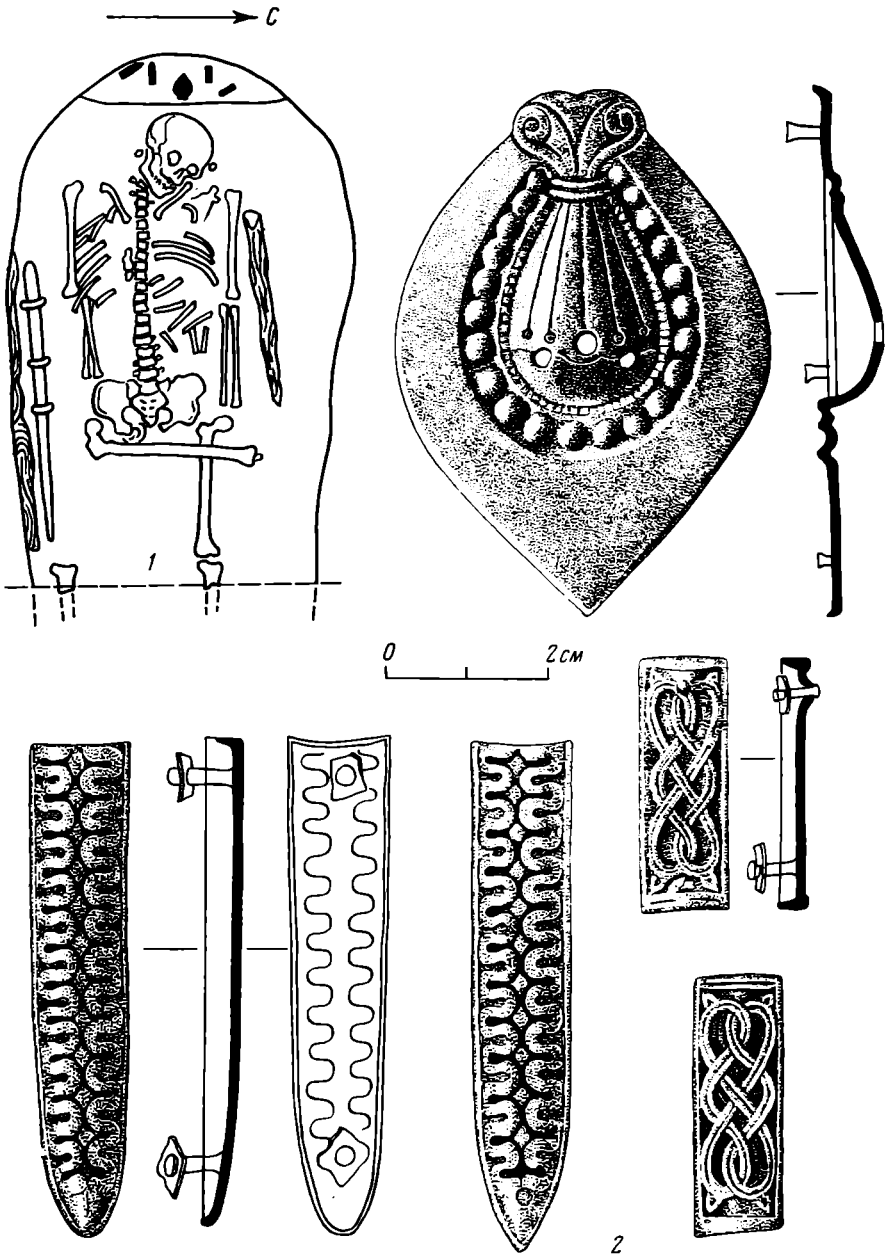


Рис. 5. Погребение XI в. из кургана у с. Первоконстантиновка Херсонской обл. *1* – могильная яма, *2* – серебряные детали оголовья

у с. Антоновка Николаевской обл. и с. Новая Бараниковка Ворошиловградской обл. свидетельствуют о типологической близости печенежских наременных украшений древневенгерским [20, с. 75—79].

Изменения в типах и орнаментальном декоре украшений произошли позднее и уже в XI в. привели к созданию таких шедевров средневекового художественного ремесла, как гаевское и новокаменское оголовья. Уточнить датировку в пределах середины — второй половины XI в. позволяют находка в гаевском комплексе монеты Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.) и уздечный набор из погребения у с. Первоконстантиновка Херсонской обл., исследованного в 1971 г. Херсонской экспедицией ИА АН УССР в кург. 8 (погр. 2). Погребальный обряд печенежский: покойник лежал вытянуто на спине головой на запад, в прямоугольной яме. В состав разнообразного инвентаря входили наременные украшения конской узды. Они находились в специально вырытой в материке нише, за головой погребенного. Части костяка лошади в могильной яме отсутствовали (рис. 5, *1*).

Уздечный набор сохранился не полностью и состоит из пяти деталей — репимы, 2 наконечников и двух прямоугольных бляшек переносья (рис. 5, *2*). Если наконечник орнаментирован совершенно так же, как бляшки сарайлы-киятского набора, то решма имеет аналогию в наборе из погребения у с. Мирное Одесской обл. [21, с. 193—196]. Обряд последнего половецкий, проникший на территорию междуречья Нижнего Дуная и Днестра не ранее середины XI в. Технико-стилистические особенности уздечных украшений из Первоконстантиновки позволяют отнести их к изделиям северопричерноморских мастерских. Объединяет их с новокаменскими и технология изготовления: отливка в глиняной форме с чеканного оригинала, в чем убеждает полностью воспроизводимый на обратной стороне рельефный рисунок орнамента, последующая позолота и графический характер передачи основного орнаментального мотива, что усилено черневой линией.

Благоприятным фактором для распространения византийских мотивов орнамента в искусстве торко-печенежского населения степного Северного Причерноморья служил возрастающий импорт византийской художественной утвари, тканей и поливной посуды. Этому способствовала развитая сеть торговых путей [22, с. 93—103]. Процесс развития нарменной гарнитуры в XI в. шел как по пути дальнейшей разработки типов местных торко-печенежских сбруйных наборов, так и с ориентацией ремесленников северопричерноморских мастерских на византийский стиль в орнаментальном декоре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кубышев А. П. и др.* Отчет о раскопках курганов эпохи бронзы и раннего железа возле с. Красный Подол и Н. Каменка Херсонской области.— Архив ИА АН УССР, № 1974 (8).
2. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: Наука, 1966.
3. *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.
4. *Кирпичников А. Н.* Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в X—XIII вв.— САИ, вып. Е1-36. М., 1973.
5. *Смирнов К. Ф.* Быковские курганы.— МИА, 1960, № 78.
6. *Савинов Д. Г.* Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н. э.).— СЭ, 1977, № 1.
7. *Heitz C.* Du IV au X sieclea: Poitiers foyer d'art chrétien.— Archéologia. Paris, 1977, № 113.
8. *Кораћ В.* Белешка о начину рода византијских клесара у XI веку.— Зограф, Београд, 1977, № 7.
9. *Полевой В. М.* Искусство Греции. Средние века. М.: Искусство, 1973.
10. *Effenberger A.* Koptische Kunst. Leipzig, 1975.
11. *László G.* Steppenvölker und Germanen. Kunst der Völkerwanderungszeit. Berlin, 1971.
12. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, вып. Е1-55. М., 1971.
13. *Логвин Г. Н.* София Киевская. Киев: Наукова думка, 1971.
14. *Мезенцева Г. Г., Прилипко Я. П.* Открытие Белгородского могильника.— СА, 1976, № 2.
15. *Артамонов М. И.* Саркел — Белая Вежа.— МИА, 1958, № 62.
16. ОАК за 1907 г. Спб., 1910.
17. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
18. *Плетнева С. А.* Кочевнический могильник Саркела — Белой Вежи.— МИА, 1963. № 109.
19. *Гупало К. М., Івакін Г. Ю., Сагайдак М. А.* Дослідження Київського Подолу (1974—1975 рр.).— В кн.: Археологія Киева. Дослідження і матеріали. Киев: Наукова думка, 1979.
20. *Орлов Р. С., Клюшинцев В. Н.* Нова пам'ятка середньовічного художнього ремесла кочівників.— Археологія, 1978, № 27.
21. *Доконт Н. Г.* Кочевническое погребение XI в. у с. Мирное.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, Наукова думка, 1973.
22. *Даркевич В. П.* К истории торговых связей Древней Руси (по археологическим данным.) — КСИА АН СССР, 1973, № 138.

КУЗЬМЕНКО Ю. К.

НАДПИСЬ-ГРАФФИТО НА ПОДВЕСКЕ СО ЗНАКОМ РЮРИКОВИЧЕЙ

В 1954 г. в Новгороде при археологических раскопках была найдена подвеска-печать, на лицевой стороне которой изображен знак Владимира Святославича, а на оборотной стороне процарапана загадочная надпись из пяти знаков [1] (рис. 1, *А*, *Б*). Впервые лицевую сторону подвески опубликовал в 1956 г. В. Л. Янин [1, с. 158, табл. 5, А], а надпись опубликована в 1976 г. А. А. Молчановым [2, с. 71, табл. 1 (1А, 1Б), с. 72]. Надпись нанесена острым предметом вдоль основания трапеции. Сохранность ее, по словам А. А. Молчанова, хорошая. А. А. Молчанов склонен считать надпись скандинавской рунической тайнописью [2, с. 72]. Он сопоставляет ее с надписью на ребре коровы, найденной в Новгороде в 1956 г., которую А. Ф. Медведев считает рунической тайнописью [3, с. 437—439]. Рунической считает надпись на ребре и Е. А. Мельникова, включившая ее в свод рунических надписей, найденных на территории СССР. Она, правда, предполагает, что это не тайнопись, а ряд комбинированных рун [4, с. 156—158, рис. 85 на с. 271]. Думается, однако, что вывод о руническом характере надписи на ребре коровы преждевременен, так как в Скандинавии аналогичных надписей не найдено (ни в виде тайнописи, ни в виде комбинированных рун). Нет рунических аналогий и надписи на подвеске со знаком Рюриковичей.

Иных интерпретаций надписи на подвеске не предлагалось, и, по-видимому, до сих пор ее продолжают считать рунической. Ниже мы предлагаем, как нам кажется, палеографически более вероятное толкование этой надписи.

Надпись перестает быть столь загадочной, если предположить, что ее следует читать сверху вниз (рис. 1, *В*). Такое расположение знаков вполне допустимо прежде всего уже потому, что оно возможно фактически во всех видах письма, в том числе и в кириллице. В данном случае оно является и самым естественным, принимая во внимание размер подвески и материал, из которого она была сделана, если предположить, что человек, наносивший надпись, писал правой рукой, держа подвеску в левой (т. е. закрывая левую часть подвески). О том, что чтение должно начи-

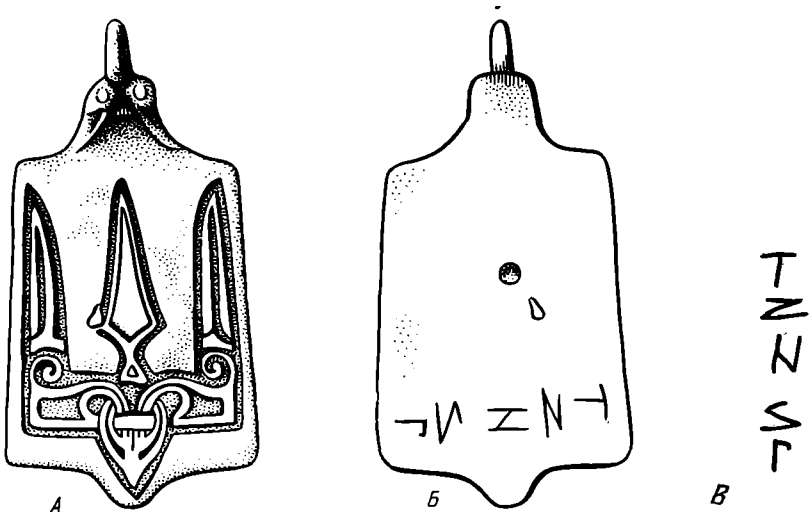


Рис. 1. Подвеска со знаком Рюриковичей. *А* – лицевая сторона, *Б* – оборотная сторона, *В* – прорись надписи

[1] Длина подвески 55 мм, ширина 18 мм. Низкопробное серебро или биллон. Место находки — Новгород, Неревский раскоп, квадрат 790, 25-й строительный ярус. Дендрохронологическая дата 1006—1025 гг. Подвеска утеряна в Археологическом музее исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

наться со знака Т, может свидетельствовать и тот факт, что между третьим и четвертым знаком расстояние больше, чем между остальными. Это, вероятно, явилось результатом стремления писавшего разместить надпись так, чтобы ее первый и последний знаки отстояли от краев на одинаковом расстоянии.

Здесь уместно вспомнить замечание известного палеографа В. Н. Щепкина о вертикально расположенной надписи-граффити в Софии новгородской, считавшего, что в ней видна «рука писца, привыкшего иметь дело с надписями на камне и на м е т а л л е» (разрядка наша.— *Ю. К.*) [5, табл. 51, 52, 3, с. 72].

Если наше предположение о вертикальном расположении надписи и о ее начале справедливо, то первым знаком оказывается обычная буква **Т** кириллицы. Варианты написания **Т** без ограничительных черточек встречаются не только в граффити, но и в берестяных грамотах.

Второй знак соответствует букве «земля» кириллицы. Обычно эта буква имела несколько иной вид: она писалась с хвостом внизу, начало которого не было параллельно верхней горизонтальной черте. Однако в самых древних памятниках нижняя линия очень часто параллельна верхней (как, например, в надписи на Тмутараканском камне), а хвостик был либо очень небольшим, либо вообще отсутствовал [6, с. 191; 7, с. 130, рис. 56, 58] (полное соответствие нашему случаю). Начертание **Z** было характерно и для греческого устава IX в. [8, с. 9, 18]. В таком же виде **Z** еще раньше было заимствовано в готский алфавит. Написание «земля» с длинным хвостиком появляется с конца XI в. [9, с. 158]. В самых ранних граффити Софии киевской хвостик у буквы «земля» очень короткий и нижняя черта параллельна верхней [9, табл. IX, с. 31] [2]. Встречается в надписях-граффити эта же буква без хвостиков, хотя такое написание довольно редко [9, с. 158][3].

Третий знак идентифицируется с кириллическим N. Написание N с перекладиной, не доходящей до левой мачты, довольно обычно, особенно в надписях-граффити [9, с. 164] и в берестяных грамотах [11]. Древнейшей формой **N** считается ее начертание с перекладиной, доходящей до конца правой мачты [10, с. 64, с. 187, рис. 99, с. 109].

Наибольшие трудности представляет прочтение четвертого знака. Более всего он похож на букву **S** («зело») кириллицы. Написание этой буквы с поворотом вправо (как латинского **S**) характерно для самых ранних рукописей и граффити. Правда, в отличие от нашего начертания почти во всех известных нам надписях такое «зело» имеет закругленные края. Известно, однако, что начертание букв в надписях-граффити могло зависеть от материала, на который они наносились. Так, например, **S** в надписи 1052 г. из Софии киевской «состоит из небольших прямых отрезков и поэтому не имеет плавного перехода от головки к нижней части» [9, с. 141].

Древнерусские граффити на металле очень редки, и вполне возможно, что своеобразное начертание буквы «зело» на серебряной подвеске связано в первую очередь с особенностями этого материала. Буква «зело» с острыми углами встречается в граффити XIII в. [9, с. 97], и, хотя она обращена здесь влево, что характерно для написания «зело» в этот период, пример этот говорит о возможности остроконечного написания этой буквы. Вообще следует отметить, что остроугольное начертание букв в кириллице свойственно самым древним надписям, а именно в граффити буквы часто сохраняют архаичный облик. А. А. Медынцева пишет, что в новгородской Софии встречаются начертания «...свойственные первоначальной кириллице, известные только по древнейшим эпиграфическим памятникам» [10, с. 181]. Заметим, что **S** сменяет в кириллице старое «зело». Возможно, остроугольный вид этого старого «зело» мог по-

---

[2] См. также подобное написание буквы «земля» в Софии новгородской [10, с. 224, 274, 275, рис. 37, *113*, *114*].

[3] Отмечалось, что в берестяных грамотах начертание буквы «земля» имело очень большое количество вариантов [11, с. 76].

влиять и на остроугольное начертание этой буквы в нашей надписи. Следует отметить, что верхняя и нижняя линии в нашем начертании проведены с небольшим наклоном и начало верхней линии чуть сдвинуто влево, что может говорить о стремлении писавшего начертать именно S.

Последний знак не представляет затруднений — это обычное кириллическое Г («глаголь»), причем с особой очевидностью об этом свидетельствует ограничительная черта справа.

Таким образом, повернув подвеску на бок и читая надпись сверху вниз, мы обнаруживаем на подвеске следующие буквы кирилицы TZNSГ, Каков же возможный смысл этой монограммы? Считается, что в ранних рукописях («зело») употреблялось только для обозначения цифры 6, и лишь с XII в. эта буква стала употребляться вместо старого «зело» в рукописях [12, с. 20]. Поэтому в принципе возможно прочтение этой монограммы как ряда цифр T — 300, Z — 7, N — 50, S — 6, Г — 3, однако последовательность этих цифр остается малопонятной, и к тому же в надписи отсутствуют знаки (титла или точки), указывающие на то, что буквы используются в цифровом значении.

Мы предполагаем, что эта монограмма построена на использовании названий букв (T — твьрдо, Z — земля, N — нашъ, S — зѣло, Г — глаголь). Согласовав эти названия, мы получаем фразу «твьрда земля наша зѣло, глаголи» (возможно, Г использовалось как идеограмма какой-нибудь другой формы глагола 'глаголати', например 'глаголю').

Хотя буква S употреблялась в IX—XI вв. только в значении цифры, она, вероятнее всего, уже имела название «зело» именно потому что обозначала цифру 6, т. е. стояла в кириллической азбуке между Ж («живете») и З («земля») — в глаголице «зело» — обозначало 7 и стояло между этими же буквами. Названия букв славянской азбуки были придуманы, по свидетельству черноризца Храбра, самим Кириллом. Сейчас трудно сказать, так ли это было в действительности, однако, вероятнее всего, на Русь названия букв и проникли вместе с самими буквами. В рукописях встречается использование букв вместо слов, соответствовавших их названиям. Одной из таких букв было «зело» S[4]. И. И. Срезневский приводит пример подобного употребления в списке XIII в. («... S оумъножу племя» — Исход XXXII, 13) [13, т. I, 891, 892]. Есть примеры написания буквы З («земля») вместо слова «земля». А. В. Арциховский и В. Л. Янин считают возможным истолкование нескольких букв З в новгородской грамоте XII в. (№ 515) как обозначение множественного числа от слова 'земля' [14, с. 110], основываясь на употреблении З в книге евангельских чтений (Поликарпово евангелие 1307 г. Отдел рукописей ГИМ Син. № 740), где несколько стоящих друг за другом З имеют значение 'земли' [14, с. 110].

Прилагательное «твьрдый» могло иметь значение крепкий, неприступный (см. сочетания типа градъ твьрдыи) [13, т. III, с. 941]. «Земля» могла иметь значение «страна» и «владение». «Зѣло» — наречие, означающее 'очень, сильно'. Порядок слов в предложении «тьверда земля наша зѣло» соответствует правилам древнерусского синтаксиса. Постановка слова «з ло» в конце предложения вполне обычна (ср., например, «камень великъ зѣло» и т. п.) [13, т. I, с. 1013]. Препозиция прилагательного в предикативном употреблении вполне допустима, особенно в эмфазе, поскольку логическое ударение в предикате падает именно на прилагательное.

Что касается последней буквы Г (глаголь), то, хотя слово 'глаголь' ничего, кроме названия буквы и прозвища, восходящего, вероятно, к названию буквы, не означало, связь его со словами 'глагол' — слово, речь — 'глаголати' — говорить, произносить что-либо вслух — не могла не ощущаться, особенно в формах глаголати с мягким *л*. В берестяных грамотах встречаются формы повелительного наклонения без *и* в XII в. (например, ходь вместо ходи) [15, с. 78]. Вполне вероятно, что наша

[4] В надписях граффити Софии киевской, например, S используется только для обозначения числительных [9, с. 158].

надпись строится на использовании старославянских названий букв. В таком случае интерпретация Г как 'глаголи' очевидна — именно так называлась эта буква в старославянской азбуке. Черноризец Храбр называет ее глаголь [16, табл. на с. 64, 65], и не исключена возможность, что в таком значении она употреблена и в нашей надписи. Напомним, что и в глаголических, и в кириллических рукописях формы глагола 'глаголати' очень часто сокращаются (например, глть вместо глаголеть).)

Возможна и интерпретация последней буквы надписи как монограммы слова 'господи'. Обычно слова 'господь' или 'господи' обозначались двумя буквами, соответственно ГЬ или ГН, однако на серебряной гривне XIII в. Г заменяет слово 'господень' (надпись аГ — 'ангел господень' [17, с. 40, № 43, табл. XXXI, рис. 32,*4*]. Возможно, Г заменяет слово 'господи' в одной надписи-граффити Софийского собора в Киеве (надпись Г ПОМОЗН ...) [9, с. 25, табл. VI, VII], однако в этой надписи между Г и П есть место, где могло стоять утраченное Н. В нашей надписи более вероятной представляется интерпретация Г| как монограммы слова 'глаголи' или 'глаголю', если верно наше предположение, что и все остальные буквы заменяют слова, соответствующие их названиям.

Нам неизвестны случаи использования названий славянских букв в монограммах. Однако есть пример использования названий букв в тайнописи в XIV в. [7, с. 148]. Вполне вероятно, что человек, наносивший надпись на подвеску, был знаком и со скандинавским руническим письмом, где возможно написание отдельных рун вместо слов, соответствующих названиям этих рун [18, S. 152, 157]. Такое предположение вполне допустимо. О знакомстве некоторых жителей Новгорода с рунами может свидетельствовать находка ребра свиньи с частью младшего рунического алфавита в том же строительном ярусе и на той же улице, где была найдена подвеска со знаком Рюриковичей [2, с. 72]. К тому же, судя по княжескому знаку на подвеске, человек, наносивший надпись, вряд ли был простолюдином.

Конечно, не исключено, что монограмма на подвеске расшифровывается как-то иначе и буквы TZNSГ являются начальными буквами каких-то других слов, однако по крайней мере для S такое предположение следует исключить. В этот период S могло употребляться только для обозначения цифры 6 или вместо слова «зело». Интересно отметить, что во всех старославянских стихотворных молитвах, написанных алфавитным акростихом, слово, начинающееся на S — всегда «зело», тогда как остальные слова, начинающие строку, могут быть разными [16, с. 64, 65]. Если верно наше толкование четвертого знака надписи как буквы «зело», то именно он является ключевым для понимания монограммы.

Следует отметить, что наша надпись — единственная в своем роде. Известны лишь единичные случаи древнерусских граффити на металле, все они к тому же относятся к более позднему времени [5]. Уникальность надписи связана еще и с тем, что она нанесена на подвеску с княжеским родовым знаком. Исследователи уже давно пытаются выяснить назначение такого рода подвесок, и, несмотря на некоторые разногласия относительно точной функции таких подвесок, ни у кого сейчас не вызывает сомнения их официально-государственная принадлежность [2, с. 78]. Б. А. Рыбаков считает, что такие подвески могли быть своего рода верительными грамотами, которые князья давали своим посадникам [20, с. 239]. Надпись «тверда земля наша зело, глаголи (или глаголю)» на подвеске, выполняющей такие функции, вполне уместна [6].

---

[5] Среди многочисленных граффити X—XI вв. на куфических монетах, найденных на территории СССР, нет ни кириллических, ни глаголических надписей, хотя тематика этих граффити очень разнообразна (встречаются на монетах и изображения знаков Рюриковичей). См. [19].

[6] Автор выражает признательность Т. В. Рождественской, А. А. Алексееву и А. Б. Черняку, давшим много ценных советов при написании данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Янин В. Л.* Вислые печати из новогородских раскопок 1951–1954 гг.– МИА, 1956, № 55.
2. *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы – Вспомогательные исторические дисциплины, вып. VII. Л.: Наука, 1976.
3. *Медведев А. Ф.* Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода.– В кн.: Славяне и Русь. М.: Наука, 1968.
4. *Мельникова Е. А.* Скандинавские рунические надписи (серия «Древнейшие источники по истории народов СССР»). М.: Наука, 1977.
5. *Щепкин В. Н.* Новгородские надписи граффити.– ТМАО, 1905, № 19, вып. 3.
6. *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
7. *Щепкин В. Н.* Русская палеография. М.: Наука, 1967.
8. *Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма.– В кн.: Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4. Пг., 1916.
9. *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Ч. I. Киев: Наукова думка, 1966.
10. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI–XIV века. М.: Наука, 1978.
11. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. /Отв. ред. Борковский В. И. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
12. *Симонов Р. А.* О некоторых особенностях нумерации, употреблявшейся в кириллице.– В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М.: Наука, 1974.
13. *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древперусского языка. Т. I, III, Спб., 1893, 1903.
14. *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты па бересте из раскопок 1962–1976 гг. М.: Наука, 1978.
15. *Борковский В. И.* Фонетико-морфологические заметки о грамотах на бересте из раскопок 1953–1954 гг.– ВЯ, 1957, № 4.
16. *Durnovo N.* Мысли и предположения о происхождении старославянского языка и славянских алфавитов.– Byzantinoslavica, 1929, г. 1.
17. *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XIV веков.– САИ, вып. Е1-44. М., 1964.
18. *Nordén A.* Magiska runinskrifter.– Arkiv för nordisk filologi, 1937, Bd. 53.
19. *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Новые источники по истории Древней Руси.– Вестн. ЛГУ, 1978, № 2, вып. 1.
20. *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв.– СА, 1940, VI.

МОЛЧАНОВ А. А.

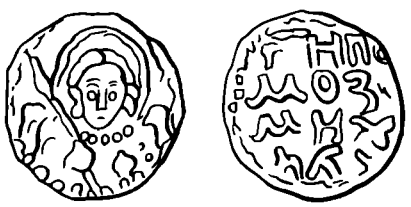
ТМУТАРАКАНСКИЙ ЧЕКАН КНЯЗЯ ОЛЕГА-МИХАИЛА СВЯТОСЛАВИЧА

Монеты Олега-Михаила Святославича принадлежат к числу самых редких нумизматических памятников Древней Руси. Недавно стал известен лишь четвертый экземпляр такой монеты, несущей на лицевой стороне поясное изображение архангела Михаила, а на оборотной — четырехстрочную надпись: «Господи, помози Михаилу» [1, с. 250—254]. Его находка при раскопках средневекового Корчева окончательно подтвердила правильность атрибуции, предложенной уже издателем первого экземпляра данной монеты — Е. Е. Люценко, который отнес ее к чекану тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича [2, с. 190—194; 3, с. 168, 169]. При этом Е. Е. Люценко исходил из палеографических особенностей надписи, прочтения в ней имени Михаил и точно установленного факта происхождения монеты с городища древней Тмутаракани, где она была найдена в 1869 г.

Его атрибуция была поддержана А. С. Уваровым (в ответном письме к Е. Е. Люценко от 11 марта 1870 г., ср. [2, с. 194]). А. В. Орешников первоначально отрицательно отнесся к определению этой монеты как денежного знака, видя в ней иконку-тельник или печать [4, с. 114, прим. 10]. Однако в дальнейшем, познакомившись в подлиннике с другим ее экземпляром, он изменил свое мнение [5, с. 302]. Н. И. Булычов в вопросе о князе, чеканившем такие монеты, колебался между Олегом-Михаилом Святославичем Тмутараканским и его современником, Святополком-Михаилом Изяславичем Киевским [5, с. 302], к которому их от-

носил сначала и А. К. Марков [6, с. 100, 101] [1]. Впоследствии А. В. Орешников с полной убедительностью доказал правильность атрибуции Е. Е. Люценко [9, с. 13, 14; 10, с. 83—85, табл. VI, 9]. К его мнению присоединились затем А. К. Марков [11, табл. I, *5*], Н. И. Веселовский [12, с. 143], А. А. Ильин [13, с. 6, 13], ранее колебавшийся Н. П. Лихачев [8, с. 144, 145, рис. 67] и все последующие исследователи.

Разногласия остались только в вопросе о годах чеканки монет Олега-Михаила Святославича. А. В. Орешников [9, с. 14; 10, с. 84] и Н. П. Лихачев [8, с. 145], а вслед за ними и Б. А. Романов [14, с. 390] датировали их временем второго пребывания Олега в Тмутаракани, когда он, вернувшись из византийского заточения и ссылки, захватил в 1083 г. тмутараканский стол и оставался на нем до 1094 г. А. А. Ильин считал, что они чеканены около 1078 г. [13, с. 6]. В настоящее время его точку зрения разделяют И. Г. Спасский [15, с. 54], В. В. Кропоткин и Т. И. Макарова [1, с. 251, 252]. А. В. Орешников и Н. П. Лихачев исходили из признания того, что тип сребреников Олега Святославича был заимствован из Византии, причем у тех византийских серебряных монет, которые выпускались во время пребывания его в империи. Но они упускали из виду, что император Михаил VII Дука, монетам которого якобы подражали сребреники Олега Святославича, лишился престола в 1078 г. т. е. за год до заточения Олега в Византии изменниками-хазарами. Поэтому данное сопоставление монетных типов, даже если бы оно и являлось справедливым, ничего не дает для уточнения датировки монет Олега-Михаила. В. В. Кропоткин и Т. И. Макарова связывают появление сребреников Олега Святославича с его приготовлениями, совместно с другим князем-изгоем, Борисом Вячеславичем, к походу 1078 г. на Чернигов, после бегства к брату Роману Святославичу в Тмутаракань. Однако тогда остается необъяснимым, почему в такой ситуации монеты были чеканены от имени одного Олега.



Монета тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича. Из собрания Государственного Исторического музея (натур. величина)

Положительно решить вопрос о дате чеканки монет Олега-Михаила удается, обратившись к сфрагистическим памятникам второй половины XI в. Хорошо известны типологические взаимовлияния древнейших русских монет конца X — начала XI в. и печатей архаической традиции [16, с. 39—46; 17, с. 157, 158; 18, с. 82, 83; 19, с. 85—87, табл. III]. Монеты Олега-Михаила (рисунок) также обнаруживают типологическую и стилистическую связь с современными им древнерусскими буллами. Недаром А. В. Орешников до знакомства с подлинником подобной монеты принимал ее первый экземпляр за печать. Благодаря Н. И. Булычову [5, с. 302], а затем А. В. Орешникову и Н. П. Лихачеву в литературе укоренилось представление о заимствовании типа сребреников Олега Святославича из Византии. В. В. Кропоткин и Т. И. Макарова также выражают полное согласие с этим тезисом [1, с. 251, 252]. Однако теперь на самом деле нет никакой необходимости искать для монет с надписью «Господи, помози Михаилу» прототип с соответствующей формулой κύριε βοήθει в византийской нумизматике или сфрагистике.

Исследования В. Л. Янина позволили установить наличие целой группы древнерусских княжеских булл с аналогичными благопожелательными греческими надписями, самые ранние из которых датируются серединой XI в., а самые поздние — началом XII в. [22, с. 14—33, 168—173, 234; 23, с. 64—66]. Среди них есть печати самого Олега Святославича, его брата Романа и жены, византийской аристократки Феофано Музалон. Для нас в данном случае наибольший интерес представляют

[1] В газетное сообщение о дискуссии А. К. Маркова и Н. П. Лихачева по этому поводу [7, с. 18] вкрались существенные хронологические ошибки. Ср. [8, с. 146, прим. 6 к с. 145].

буллы Олега и Романа Святославичей. Роман Святославич впервые упоминается летописью в качестве тмутараканского князя в 1077 г., а в 1079 г. он был убит изменившими ему союзниками-половцами. Его печать несет на своей лицевой стороне поясное изображение патрона князя — святого Романа Сладкопевца, а на оборотной — греческую легенду: «Господи, помози рабу своему Роману» [22, с. 31, 32, 173, № 36]. Именно она и является несомненно непосредственным прототипом сребреников Олега Святославича. Причем монетные штемпели явно изготовлял мастер, привыкший резать матрицы для буллотириев. Об этом говорят особенности пластической трактовки изображения архангела (объемная утрировка выпуклых деталей и т. п.) и подчеркнуто сфрагистический характер графики монетной легенды (утолщенные буквы). В результате монеты Олега-Михаила не только по типу, но и по фактуре получились чрезвычайно похожими на современные им русские княжеские буллы. Явление это совершенно закономерное, поскольку даже в конце X — начале XI в., когда была предпринята попытка наладить на Руси регулярный выпуск собственной монеты, чеканка ее в Киеве, Турове и Новгороде производилась сугубо эпизодически и не позволила появиться монетчикам-профессионалам [18, с. 86; 24, с. 8, 9]. Тем более чекан Олега Святославича был событием экстраординарным, и для его осуществления был, естественно, привлечен мастер-торевт очень близкой специальности, ставшей к этому времени достаточно распространенной на Руси,— профессиональный резчик печатей [2].

Единоличный характер правления в Тмутаракани князя Романа Святославича вплоть до самой его гибели после обнаружения принадлежавшей ему вышеописанной буллы не вызывает сомнений. Ни о каком официальном дележе власти с изгоями — братом Олегом и Борисом Вячеславичем, разумеется, не могло быть и речи. Поэтому совершенно немыслим выпуск сребреников Олегом Святославичем около 1078 г., тем более только от его собственного имени. Следовательно, единственно возможной датой чеканки этих монет является время действительного и самостоятельного княжения Олега Святославича в Тмутараканской Руси, т. е. 1083—1094 гг. К тому же периоду следует отнести и печать Олега-Михаила, на которой он титулуется «архонтом Матрахи, Зихии и всей Хазарии» [22, с. 26—29, 171, № 29], тем самым уточняя ее датировку. Правда, выпуск сребреников Олега, как типологически зависимых не от его собственной только что упомянутой печати, а от печати его предшественника и брата, должен относиться скорее к началу его тмутараканского княжения. Булла же с приведенным выше пышным и претенциозным титулом появилась, вероятно, несколько позднее.

В. В. Кропоткин и Т. И. Макарова [1, с. 252] отвергают мысль И. Г. Спасского о том, что чеканка известных подражаний серебряным византийским милиарисиям императоров Василия II и Константина VIII (976—1025 гг.), достаточно часто встречающихся в культурном слое Тмутараканского городища и в его окрестностях, подготовила выпуск монет Олега Святославича [15, с. 54]. Безусловно, прямой хронологической преемственности между теми и другими нет [25, с. 53, 54]. Однако, на наш взгляд, вряд ли стоит категорически утверждать, что монетная чеканка в Тмутаракани при Олеге Святославиче обязана своим появлением исключительно особым политическим условиям и не имела никаких корней в местной экономической жизни [1, с. 252] (ср. мысль Н. П. Лихачева об отсутствии в Тмутараканской Руси нужды в собственной монете [8, с. 145]). В этой связи особую важность приобретает вопрос о весовой норме сребреников Олега-Михаила. Четыре известных в настоящее время монеты весят соответственно 2,08, 1,81, 1,30 и 0,60 г. Последняя из них, найденная в 1970 г. в Керчи, из-за плохой сохранности в расчет приниматься не может. Таким образом, средний вес монет Олега Святославича пока равен 1,73 г. А. В. Орешников с большими натяжками сближал его с половинным весом византийских милиарисиев

[2] Аналогичный факт наблюдался в русской нумизматике и раньше — при чеканке «Ярославля сребра» большего веса. Ср. [18, с. 82].

середины — второй половины XI в. [10, с. 84]. Делал он это, исходя из твердой уверенности в заимствовании сребрениками Олега-Михаила их типа у монет Византии.

Уже убедившись в ошибочности этого традиционного взгляда, мы должны иначе подойти и к выяснению счетно-весовой системы, по которой чеканились сребреники Олега Святославича. При этом выясняется, что даже приблизительно установленный нами (всего лишь по трем монетам) средний вес Олеговых сребреников очень близок к резане южнорусской системы денежно-весовых единиц конца X — начала XIII в. (1, 64 г.). Поскольку резана равнялась половине куны, которой соответствовал средний вес сребреников Владимира Святославича и Святополка Окаянного конца X — начала XI в. [26, с. 170; 27, с. 137], то устанавливаемое нами соотношение среднего веса монет Олега-Михаила и сребреников Владимира и Святополка составляет 1:2.

Факт же принадлежности Олеговых сребреников к южнорусской денежно-весовой системе, если он в дальнейшем подтвердится, будет представлять интерес не только в чисто метрологическом отношении. Он должен, по-видимому, указывать на то, что, несмотря на явную тенденцию к политическому обособлению и даже противопоставлению Тмутараканского княжества остальной Руси, отмечаемую в деятельности князя Олега Святославича 1083—1094 гг. (когда он официально титулуется совершенно необычным для русского князя того времени образом — «архонт Матрахи, Зихии и всей Хазарии» и заключает антирусский союз со степными кочевниками [22, с. 28, 29]), традиционные тесные экономические связи Тмутаракани с остальной Южной Русью и в этот период остаются неизменными.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кропоткин В. В., Макарова Т. И.* Находка монеты Олега-Михаила в Корчеве.— СА, 1973, № 2.
2. Заметки из Керчи.— ТМАО, 1873, т. III.
3. *Люценко Е.* О древней вислой свинцовой печати с надписью «от Ратибора», найденной в 1872 году около города Еникале, что в Керченском Градоначальстве.— Тр. III АС, т. II. Киев, 1878, Приложения.
4. *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике.— ТМНО, 1903, т. III, вып. I.
5. *Чижов С. И.* Деятельность Московского Нумизматического Общества с 1912 по 1915 год.— НС, 1915, т. III.
6. Протоколы заседаний Нумизматического отделения за время от 1909—1912 гг.— ЗНОРАО, 1913, т. II, вып. III—IV.
7. ИАК, 1910, № 37, Прибавление (Хроника и библиография, вып. 18).
8. *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Вып. 1. Л., 1928.
9. *Орешников А. В.* Задачи русской нумизматики древнейшего периода. Симферополь, 1917.
10. *Орешников А. В.* Денежные знаки домонгольской Руси.— Тр. ГИМ, 1936, вып. 6.
11. *Марков А. К.* Русская нумизматика. Курс лекций. Изд. 2-е допол. Пб., б. г.
12. *Веселовский Н. И.* К истории открытия Тмутараканского камня. Пг., 1917.
13. *Ильин А. А.* Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода.— ТНКРАИМК, 1924, вып. V.
14. *Романов Б. А.* Деньги и денежное обращение.— В кн.: История культуры древней Руси. Т. 1. М.— Л.: Изд-во АН СССР, 1948.
15. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Изд. 4-е. Л.: Аврора, 1970.
16. *Янин В. Л.* Древнейшая русская печать X века.— КСИИМК, 1956, вып. 57.
17. *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, 1956, № 55.
18. *Молчанов А. А.* К вопросу о художественных особенностях и портретности изображений на древнейших русских монетах.— Вестн. МГУ, сер. истории, 1973, № 3.
19. *Молчанов А. А.* Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы.— ВИД, 1976, т. VII.
20. *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. I, М.: Наука, 1970.
21. *Янин В. Л.* К вопросу о хронологии печатей Всеволода Ярославича.— СГЭ, 1975, XI.
22. *Молчанов А. А.* Знаки княжеской собственности в политико-административной и хозяйственной жизни Древней Руси.— Автореф. канд. дис. М., МГУ, 1976.
23. *Кропоткин В. В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М.: Наука, 1967.
24. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во МГУ, 1956.
25. *Сотникова М. П.* Сребреники Киевского клада 1876 г.— НиС, 1968, т. III.

ГАЙДУКОВ П. Г., СЕРГИНА Т. В.

МОНЕТНЫЙ ШТЕМПЕЛЬ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА ИЗ ПСКОВА

Летом 1979 г. в северной части раскопа по ул. Гоголя, 9, в Окольном городе Пскова найден железный штемпель для чеканки псковской денги (участок Б, пласт 17, квадрат 89, вещевая опись № 38). Приводим его описание.

Еще в древности штемпель был обломан. Длина его сохранившейся части 32 мм, диаметр у обломанной стороны 24 мм, у рабочей — 22 м (рис. 1, *1*). Рабочая часть имеет выпуклую форму. Она завершается плоской площадкой диаметром 14 мм. На ней расположена пятистрочная надпись, выбитая зеркально:

Вокруг надписи в двух местах прослеживается часть жгутового ободка (рис. 1, *2*; 2, *1*). Площадка с выбитой надписью расположена не в центре торца, а смещена к одному из краев. От вершины верхней строки надписи до противоположного края торца 7 мм. Вся поверхность торца, находящаяся вне площадки с надписью, срезана от окончания площадки к краям торца под некоторым углом. Таким образом, площадка с надписью возвышается над краями торца на 1—2 мм и является конечной частью всего стержня. Угол среза металла на торце неодинаков: чем меньше расстояние от конца площадки с надписью до края торца, тем больше угол среза. На противоположном (обломанном) торце стержня видна крупнозернистая структура металла. Поверхность слома неровная. На обломанной стороне верхние, выпуклые части расплющены. Это свидетельствует о том, что по этой поверхности было нанесено несколько ударов молотком или каким-нибудь подобным орудием (рис. 1, *3*). Вероятно, перед тем как попасть в культурный слой Пскова, штемпель еще некоторое время после поломки находился в производстве монет. Вся поверхность площадки с надписью покрыта мелкими раковинами, появившимися в результате коррозии железа. Эти мелкие утраты металла не мешают точно атрибутировать штемпель.

Итак, мы имеем штемпель для чеканки оборотной стороны монеты, несущей надпись «ДЕНГА ПСКОВСКАЯ» (рис. 1, *4*; рис. 2, *2*). Для определения типа монеты, чеканенной этим штемпелем, обратимся к изданным псковским монетам. Самостоятельная чеканка денег во Пскове существовала с 1425 по 1510 г. Монет, чеканенных рассматриваемым штемпелем, в этот период нет [1; 2]. Обратившись к последующему периоду существования Псковского денежного двора, т. е. к периоду, следующему за присоединением Пскова к Московскому государству в 1510 г., мы легко найдем среди монет Василия III группу интересующих нас монет. На лицевой стороне этих монет изображен всадник с развевающимся плащом, скачущий направо, под конем находится буква ѻ. Вокруг изображения всадника помещена круговая надпись «БЖЬЮ МЛСТЬЮ ЦРЬ ВСЕА РУСИ ВАСЛЕІ». На оборотной стороне пятистрочная надпись «ДЕ—НГАП—СКОВ—СКА—Я». Монеты этого типа давно известны в нумизматической литературе. Впервые с изображением прорисей они изданы И. И. Толстым [2, с. 137, № 623—625], затем А. В. Орешниковым [3, с. 20, № 89].

Монеты Василия III почти не изучены. Систематизация и разбор всей массы монет Василия III по штемпелям, а также определение хронологии чекана того или иного типа монет в период его княжения еще предстоят исследователям. Поэтому датировать рассматриваемый штемпель следует 1510—1533 гг. Первая цифра — это год присоединения Пскова к Москве, вторая — год смерти Василия III. Более узкая дата пока невозможна.

Штемпель изготовлен с помощью так называемого маточника. К тако-

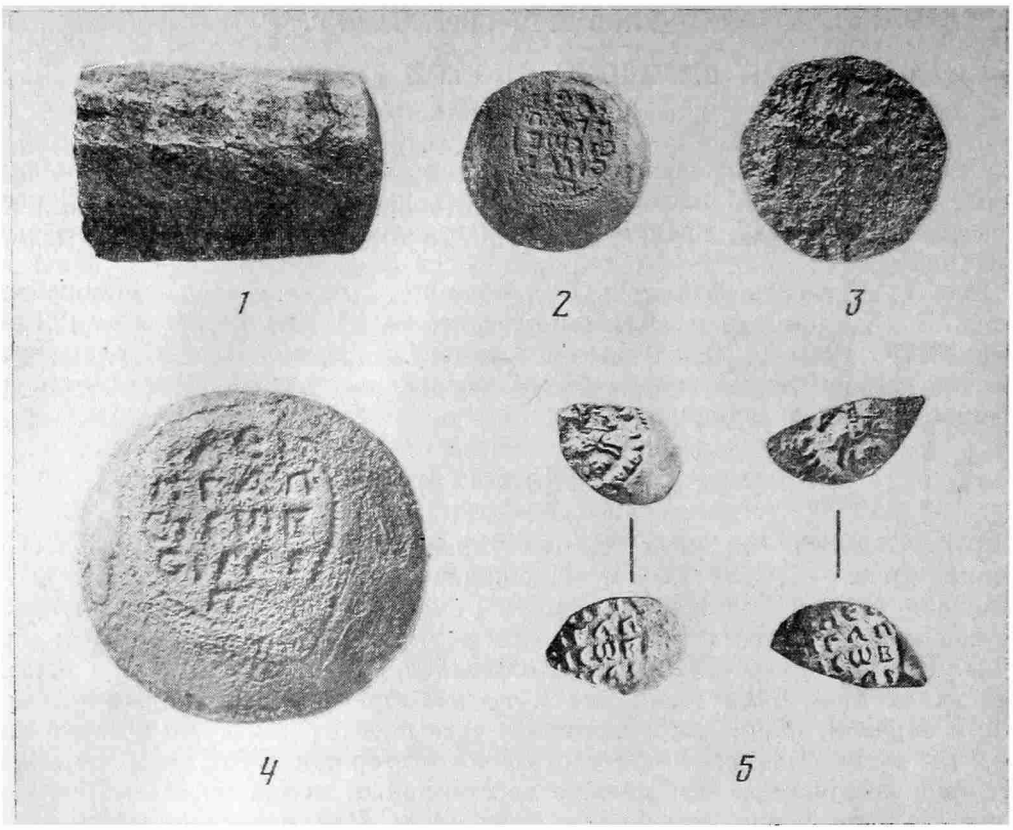


Рис. 1. Штемпель для чеканки псковских монет Василия III: *1* – вид сбоку; *2* – вид рабочей части; *3* – вид обломанной части; *4* – зеркальное изображение рабочей части; (увеличено в 2 раза); *5* – монеты, отчеканенные штемпелями, родственными публикуемому

Рис. 2. Прориси штемпеля (увеличено в 2 раза): *1* – прорись надписи; *2* – прорись оттиска надписи

му выводу приходишь после его визуального осмотра. Считать, что надпись вырезана прямо на штемпельной заготовке, нет никаких оснований. Маточник — это орудие, подобное штемпелю, на котором мастером-гравером на рабочей части вырезано позитивное выпуклое изображение лицевой или оборотной стороны монеты. С помощью стального закаленного маточника выбивали зеркальное вогнутое изображение на целой серии железных стержней, превращая их тем самым в штемпели [4, с. 237].

В нумизматической литературе существует мнение о том, что штемпельную заготовку перед тем, как выбить на ней изображение или надпись, предварительно закаливали, т. е. науглероживали [4, с. 237]. Публикуемый нами штемпель опровергает эту точку зрения. Тот факт, что он обломан, позволяет провести металлографический анализ штемпеля, зашлифовав часть обломанной стороны.

Анализ был проведен в лаборатории естественнонаучных методов ИА АН СССР[1]. Он показал, что штемпель изготовлен из обычного кричного железа (ферритная структура). В структуре металла есть небольшие зоны незначительной науглероженности (до 0,05% С). Довольно большое количество кристаллов феррита имеет линии сдвигов, которые позволяют восстановить технологию изготовления штемпельной заготовки. Для того, чтобы придать повышенную твердость железу, по бокам и в рабочей части штемпельная заготовка уже после изготовления была дополнительно подвергнута холодной проковке, т. е. получила наклеп. Следы этой проковки видны на поверхности штемпеля по всей окружности в виде продольных полос как бы среза части металла (рис. 1, *1*). После того как штемпель получил наклеп, на рабочей его части была выбита надпись; нагреванию перед этим он не подвергался. Не подвергался также уже готовый штемпель закалке, так как неуглероженность железа в исследованной части очень слабая.

Техникой чеканки русских монет конца XIV—XVII вв. занимались многие исследователи [5; 6; 4, с. 230—239; 7, с. 12—24]. Основные моменты процесса производства русских допетровских монет выявлены довольно основательно. Вкратце он сводился к следующему. Изготавливалось два штемпеля. Нижний штемпель, который в источниках второй половины XVII в. именуется «исподником», как правило, нес на себе изображение, верхний, называвшийся «вершником» — надпись [8, с. 152]. По форме верхний и нижний штемпели отличались друг от друга. Верхний штемпель представлял собой круглый стержень длиною до 80 мм и диаметром около 20 мм. Нижний был круглым лишь в верхней части, книзу он расширялся и имел широкое четырехгранное основание [7, с. 12; 9, с. 43]. Высота нижнего штемпеля не превышала 60 мм. Нижний штемпель с помощью клиньев закреплялся на верстаке чеканщика, на его торец укладывалась расплющенная серебряная или медная заготовка для монеты, сверху эта заготовка прижималась верхним штемпелем, который чеканщик держал в руке. После удара, нанесенного по верхнему штемпелю молотком, монетная пластинка получала от штемпелей свое изображение и надпись [9, с. 41, 43].

Главным источником в процессе изучения техники производства монет в рассматриваемый период являются сами монеты. На огромный фонд русских монет конца XIV — начала XVIII в., насчитывающий сотни тысяч экземпляров, известно всего лишь пять штемпелей: три нижних и два верхних. Все они относятся к началу XVIII в., и предназначены для чеканки петровских датированных копеек. Хранятся они в отделе нумизматики ГИМа и впервые опубликованы С. И. Чижовым [6, с. 37]. Говоря о более ранних штемпелях, исследователи предполагали, что они были подобны штемпелям начала XVIII в. Публикуемый нами верхний штемпель, который старше известных на 200 лет, подтверждает это предположение, по крайней мере по отношению к верхним штемпелям.

Особым сюжетом, непосредственно связанным с публикуемой находкой, является вопрос о локализации Псковского денежного двора в XVI в. В Писцовой книге 1585—1587 гг. имеется указание на местоположение и размеры денежного двора: «Во Пскове жъ въ Большомъ городе надо Рвомъ, промежъ Трупеховскихъ и Петровскихъ воротъ, царя и великого князя д. Денежной... Длина двору 24 сажени, а поперегъ 23 сажени...» [10, с. 12, 13]. В другом источнике местоположение денежного двора указано более точно. Это «Извлечение из годовой сметной книги 1655 г.». Здесь при описании состояния укреплений «Города среднего каменного» говорится: «А от Петровской башни до башни, что противъ старого Денежного двора, городовые стены 100 сажен... А отъ той башни до башни, что надъ Трупеховскими вороты, 78 саженъ...» [11, с. 127]. Обратившись к плану Пскова 1740 г., изданному Н. Ф. Окулич-

[1] Пользуемся возможностью выразить благодарность Б. А. Колчину за исчерпывающую информацию по интересующему вопросу.

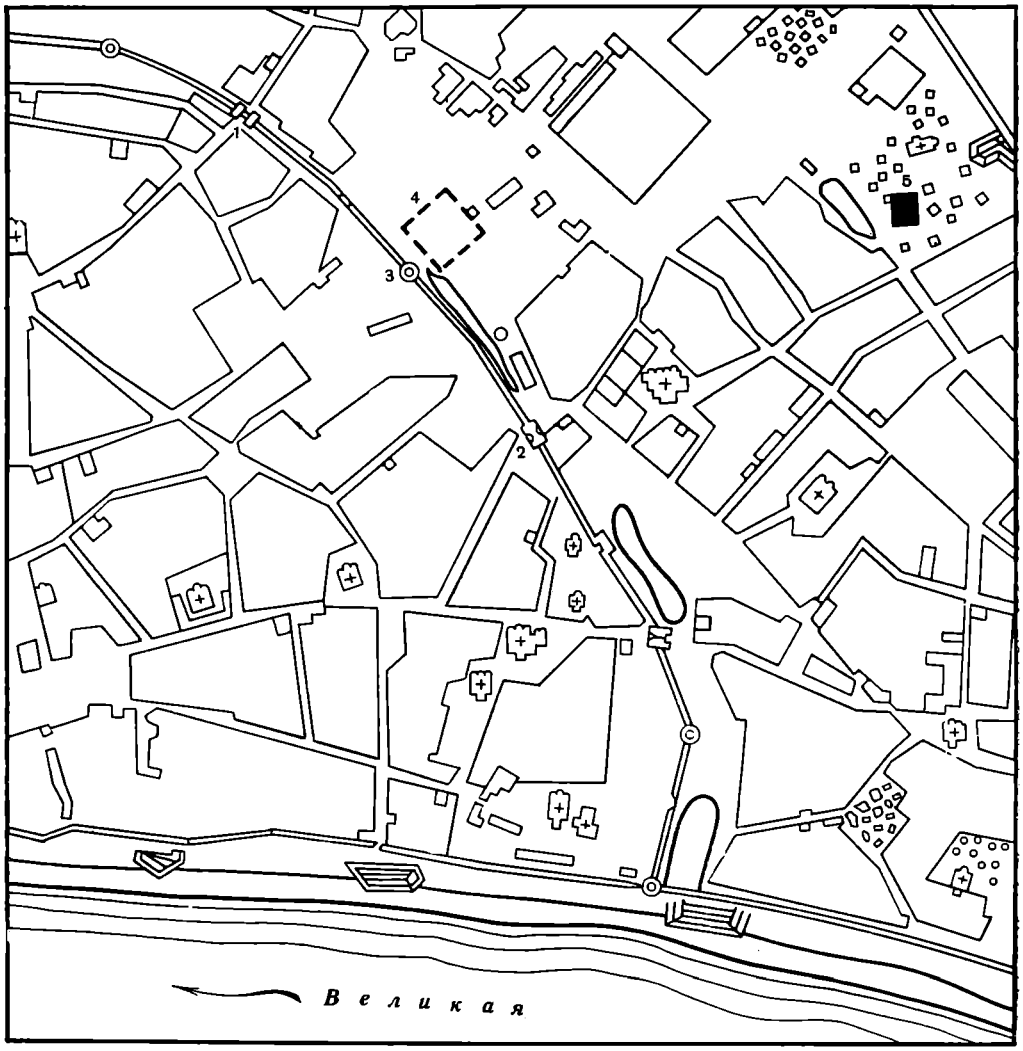


Рис. 3. Выкопировка части Среднего и Большого города г. Пскова с плана 1740 г.: *1* – Петровские ворота; *2* – Трупеховские ворота; *3* – Куричья башня; *4* – примерное место расположения Псковского денежного двора в XVI в.; *5* – раскоп 1978, 1979 гг.

Казариным [12, вклейка], легко установить, что башня, против которой находился денежный двор, называется Куричьей (рис. 3). В 1655 г. денежный двор назван старым. Вероятно, в это время, в период проведения денежных реформ Алексея Михайловича [13], Псковский денежный двор располагался в другом месте. В период независимости Пскова денежный двор находился скорее всего в Среднем городе, так как в XV в. Полонище (с XVI в. и в более позднее время называется Большим городом) было неукрепленным местом. Посад на Полонище впервые был огорожен деревянной стеной в 1465 г. [14, с. 16]. Вряд ли псковичи поместили бы свой денежный двор за пределами городских укреплений.

Раскоп, на котором найден штемпель, расположен в 350—400 м к югу от примерного местонахождения денежного двора (рис. 3). Непотревоженный слой, давший находку, относится к предматериковым отложениям черной или черно-коричневой земли, насыщен шлаками и органикой. Для датировки нижних отложений важна прежде всего серия ювелирных украшений: здесь найдена целая группа трех-четырехбусинных граненых височных колец, кольцевидная пластинчатая фибула с зигзагообразным орнаментом, крупный шарообразный бубенчик с линейной прорезью, двумя рельефными полосками в средней части и большим ушком, серьга в виде знака вопроса с круглой бронзовой бусиной на стержне. Кроме того, найдены висячие замки типов Д, Е и Ж (по новгородской классификации) и ключи от них, наконечник стрелы, аналогичный типу 6

(по А. Ф. Медведеву), анонимная вислая свинцовая печать новгородского архиепископа с развернутым изображением Троицы. Перечисленные находки, а также облик керамики из нижних напластований позволяют говорить о начале отложения культурного слоя в районе раскопа не ранее второй половины XIV — первой половины XV в. Необходимо учесть находки, также обнаруженные в нижних напластованиях, дающие более широкие или поздние даты: массивные пики квадратного или ромбического сечения с круглой или восьмигранной тулеёй, булавку-спицу с петлеобразной головкой от ручной прялки; многочисленные находки предметов из черных и цветных металлов, кожи, кости, бытовавшие вплоть до XVII в. Остатки деревянных сооружений на раскопе встречены в основном в верхних поздних напластованиях. Видимо, до XVII—XVIII вв. сырой участок Окольного города, в котором располагался раскоп, не осваивался под жилье, использовался для размещения огнеопасных и, возможно, других ремесел. Таким образом, в целом слой, в котором обнаружена рассматриваемая находка, представляется возможным отнести ко времени второй половины XV—XVI в.

Находка монетного штемпеля в городском культурном слое — явление уникальное. За производством штемпелей, их использованием, хранением, а после замены уничтожением строго следили [2].

Таким образом правительство пыталось предупредить изготовление фальшивых монет при помощи подлинных штемпелей. Виновных в злоупотреблении штемпелями и маточниками или в недосмотре за их хранением строго карали. Сохранились указы царя Алексея Михайловича, датируемые 1661 г., которые перечисляют наказания поддельщикам монет и их соучастникам за разного рода денежные злоупотребления. В частности, по отношению к людям, которые использовали в своих корыстных целях маточники и штемпеля, применяли в зависимости от степени вины следующие наказания: отрубали обе ноги и левую руку, отрубали одну ногу и левую руку, отрубали левую руку и отрубали по одному или два пальца на руках [6, с. 42, 43].

Ответить на вопрос, почему штемпель оказался за пределами денежного двора, трудно. Возможно, он был вынесен за его пределы денежным мастером или другим человеком, связанным с производством монет. В начале 30-х годов XVI в. в Русском государстве разразился денежный кризис, вызванный обрезыванием монеты [15, с. 109, 110]. Проверить, производилось ли рассматриваемым штемпелем изготовление «воровских» денег облегченного веса или из низкопробного серебра, очень трудно. В отделе нумизматики ГИМа хранится около 200 монет, оборотная сторона которых изготовлена при помощи серии штемпелей, родственных нашему, т. е. происходящих от одного маточника (рис. 1, *5*). Выявить монеты, чеканенные именно нашим штемпелем, взяв за отправную точку поисков сохранившийся на штемпеле в двух местах жгутовый ободок, который оттискивался на монетах, пока не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мельникова А. С.* Псковские монеты XV в.– НЭ, 1963, № 4.
2. *Толстой И. И.* Русская допетровская нумизматика, вып. II. Монеты псковские. СПб., 1886.
3. *Орешников А. В.* Русские монеты до 1547 г. М., 1896.
4. *Спасский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование.– МИА, 1955, № 44.
5. *Трутовский В. К.* Русские меховые ценности и техника чеканки монет на миниатюрах XVI в.– В кн.: Нумизматический сборник. Т. 1. М., 1911.
6. *Чижов С. И.* К истории денежного производства на Руси за царский период.– В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916.
7. *Мец Н. Д.* Монеты великого княжества Московского (1425–1462).– Нумизматический сборник ГИМ. Ч. III. М., 1974.
8. *Мельникова А. С.* Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654–1663 гг.– НЭ, 1971, № 9.

[2] Упоминавшиеся выше петровские копеечные штемпели в расчет не идут. Они относятся к периоду денежной реформы Петра I, когда ручное производство монет заменялось машинным.

9. *Калинин В. А.* Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV – начала 30-х годов XVI в.– В кн.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л.: Аврора, 1977.
10. МАМЮ. Т. 5. М., 1913.
11. МАМЮ. Т. 6. М., 1914.
12. Тр. ПАО. Вып. 11, 1915.
13. *Спасский И. Г.* Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг.– АЕ за 1959 г. М., 1960.
14. *Лабутина И. К.* Историческая топография Пскова XIV–XV вв.: Автореф. канд. дис М.: Псковский гос. пед. ин-т, 1971.
15. *Спасский И. Г.* Русская монетная система. Изд. 4-е. Л.: Аврора, 1970.

ЧИЖОВА Л. В.

ОБ ОДНОМ СЮЖЕТЕ КУЛЬТОВЫХ ПЛАСТИН ПРИКАМЬЯ

Среди богатой коллекции сюжетных культовых пластин Прикамья, хранящихся в Чердынском музее (Пермская обл), представлено необычное изображение, случайно найденное у дер. Омелино Чердынского р-на (рис. 1). В нем сохранены общие принципы трехмерного построения сюжета, характерные для подобных изображений, но в то же время добавлены необычные элементы.

Трехмерное построение сюжета, как отмечают исследователи культовых пластин [1, с. 27; 2, с. 12; 3, с. 27], связано с представлением древнего человека о многоярусном устройстве Вселенной. В сюжетах культовых пластин верхняя зона отводится образу лося, с которым у народов Урала и Западной Сибири связаны представления о небе, о мире духов. Нижняя зона символизирует подземный мир, и выступает он в образе ящера. Средняя зона в картине мироздания отводится миру людей. В традиционных сюжетах подобная композиция строго выдерживается. Головы лосей образуют свод-арку над средней зоной, декоративные столбики, на которые упираются головы лосей, ограничивают композицию по бокам, а фигура ящера служит основанием. Одиночные фигуры человека средней зоны в традиционных сюжетах, как правило, изображены в статичной позе, с руками, сложенными на груди, поддерживающими декоративные столбики, либо выполненными несколько схематично [4, № 161, 164, 166].

В рассматриваемом сюжете головы лосих покоятся на плечах центральной фигуры, тем не менее декоративные столбики сохраняются. Центральная фигура человека с подчеркнуто широкоскулым лицом стоит в своеобразной позе — подперев руки в бока, выставив левую ногу на пятку, опираясь на голову ящера (поза победителя). Необычной деталью композиции являются склоненные к ногам человека колосья злаков[1]. Среди многочисленных сюжетов культовых пластин Прикамья ни подобная поза, ни колосья злаков не встречаются. Традиционное сопровождение фигуры человека — головы или фигуры диких животных.

Рассматриваемый сюжет В. А. Оборин неоднократно приводит в своих работах как образ божества плодородия в формирующемся земледельческом культе [5, рис. 62*а*; 6, с. 13].

Однако в системе древних религиозных представлений понятие божества не связано с миром людей. Оно стоит над человеком, а потому вряд ли может быть расположено в средней зоне, зоне влияния человека в культовых композициях. Более того, каким образом столь небольшое по размеру изображение божества (длина пластины h=5,5 см), известное пока в единственном экземпляре, могло обслуживать земледельческий культ на столь обширной территории Верхнего Прикамья?

Очевидно, все же в данном сюжете традиция связывать образы средней зоны с земным бытием человека, а в данном случае с его хозяйственной деятельностью, сохраняется. Но если в традиционных сюжетах

[1] По мнению Г. Н. Лисициной и З. В. Янушевич, это стилизованное изображение пшеницы двузернянки или полбы (Friticum licoccum Schrank).

мотивы хозяйственной деятельности не встречаются, то в сюжете из Омелино именно этот аспект оказывается главным.

Земледельческое направление в развитии хозяйства Прикамья формирует новый тип общественной организации, которую К. Маркс характеризовал как «земледельческая община» [7, с. 404]. Ее конструктивная форма, писал К. Маркс, допускает альтернативу: либо заключенный в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо наоборот. Очевидно, в эпоху активного функционирования культовых пластин — в ломоватовское время — было достигнуто некоторое равновесие сил в этом единоборстве двух начал, а переход к пашенному земледелию в родановское время [6, с. 15] нарушает это равновесие в пользу частной собственности.

Рис. 1. Культовая пластина из дер. Омелино

На первый план социальной жизни выдвигается земледелец, хозяин, частный собственник. Он основа хозяйственной и политической жизни формирующегося общества феодального уклада, известного по летописям как Пермь Великая. Вот его-то, по нашему мнению, и запечатлел древний мастер, утверждая победу частной собственности в экономической жизни средневекового прикамского населения.

Однако мотивы хозяйственной деятельности не получили дальнейшего развития в творческой традиции создателей культовых пластин. Очевидно, потому, что сами пластины не были связаны с производственными культами. К X в. они исчезают, и на смену сюжетным пластинам приходит деревянная резная скульптура.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Худяков М. Г.* Культово-космические представления в Прикамье в эпоху разложения родового общества.— ИГАИМК, 1934, № 11–12.
2. *Рыбаков Б. А.* Космогоническая символика чудских шаманских бляшек и русских вышивок.— В кн.: Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979.
3. *Генинг В. Ф.* Гляденовское костище – могильник с обрядом трупосожжения.— В кн.: Древности Волго-Камья. Казань: Изд-во Казанского филиала АН СССР, 1977.
4. *Спицин А. А.* Шаманские изображения.— ЗРАО, 1906, т. VIII, вып. 1.
5. *Оборин В. А.* Древнее искусство народов Прикамья. Пермь: Пермское книжное изд-во, 1976.
6. *Оборин В. А.* Коми-пермяки в IX–XV вв.: Автореф. канд. дис. М.: ИА АН СССР, 1957.
7. *Маркс К.* Набросок письма к В. И. Засулич, 1881. Собр. соч., изд. 2-е, т. 19.

Критика и библиография

Драчук В. С., Кара Я. Б., Челышев Ю. В. Керкинитида — Гёзлёв — Евпатория (серия «Археологические памятники Крыма»). Симферополь: Таврия, 1977. 126 с. с илл.

Крымское издательство «Таврия» начиная с 1971 г. выпускает серию научно-популярных книг «Археологические памятники Крыма». В настоящее время вышло уже 14 выпусков. Написанные профессиональными учеными, книги в популярной форме раскрывают историю Крыма с древнейших времен до позднего средневековья на историко-археологических материалах. Серия не только пропагандирует исторические знания, но и воспитывает бережное отношение к памятникам старины, которыми так богат Крым.

В 1977 г. в данной серии вышла рецензируемая книга. В. С. Драчук, Я. Б. Кара и Ю. В. Челышев, используя научную и научно-популярную литературу, а также собственные наблюдения, попытались в первой главе рассказать историю слабо изученного античного города Северного Причерноморья — Керкинитиды, руины которой скрыты под современными постройками Евпатории. Вторая глава посвящена средневековым памятникам Евпатории, сохранившимся до наших дней. В последующих двух главах рассматриваются вопросы реставрации и охраны памятников города. В конце приводится список использованной литературы.

Привлеченные в этой работе материалы по истории Евпатории представляют большой интерес. Однако необходимо отметить, что книга написана небрежно и в ней имеется ряд ошибок и неточностей. Не всегда используются данные новых археологических исследований. Так, например, на с. 9 при сообщении о племенах ямной культуры, живших в Северо-Западном Крыму во II тысячелетии до н. э., авторы ссылаются на курганы, раскопанные А. А. Шепинским в Раздольненском р-не в Северном Крыму, тогда как более близким территориальным примером могли бы служить результаты раскопок кургана эпохи бронзы у с. Поповка в 28,5 км к северо-западу от Евпатории [1].

Необходимо отметить и отсутствие последовательности в изложении материала. Авторы перескакивают в повествовании с одного памятника на другой, потом возвращаются к предыдущему. Например, в параграф, посвященный Керкинитиде, неправомерно включена информация о Калос Лимене (с. 17 сл.). В результате отсутствует целостная характеристика Керкинитиды, сумбурно представлена древняя история Северо-Западного Крыма.

На с. 12—16 дана краткая история исследования Керкинитиды. К сожалению, авторы не затронули существенных проблем, которым были посвящены многочисленные работы. Так, они не коснулись того интересного вопроса, что различия в названии города — Каркинитида (Гекатей, Геродот) и Керкинитида (Арриан и др., Херсонесская присяга, декрет в честь Диофанта) — явились причиной появления гипотезы о существовании двух городов — Каркинитиды вне Крыма и Керкинитиды в Крыму. Эта гипотеза была подвергнута критике О. Д. Дашевской в статье [2], которую, как видно, авторы читали, так как явно оттуда почерпнуты выводы о происхождении названия города Керкинитиды. Однако ссылка на эту работу в списке литературы почему-то отсутствует.

Используя результаты археологических раскопок при реконструкции истории Керкинитиды, авторы по непонятным причинам исключили некрополь и его характеристику. В книге отсутствует даже упоминание о надгробной стеле Амбатии (IV в. до н. э.) — единственном памятнике лапидарной эпиграфики из Керкинитиды.

На с. 13 упоминаются терракотовые статуэтки, найденные Н. Ф. Романченко и датируемые Г. Е. Кизерицким II в. до н. э. Точности ради следует отметить, что, во-первых, терракоты найдены не на территории морского вокзала (т. е. на городище), а в некрополе и, во-вторых, Г. Е. Кизерицкий датировал II в. до н. э. только одну статуэтку [3, с. 178, рис. 1б], которая, кстати, в настоящее время отнесена к IV—III вв. до н. э. [4, с. 67, табл. IV, *2*].

Неточность терминологии приводит иногда к абсурдным утверждениям. «Были здесь находки (обломки керамики), говорящие о человеке кизил-кобинского типа» (с. 16). Антропологам человек подобного типа неизвестен. А найденная в Керкинитиде керамика с гребенчатым орнаментом кизил-кобинского типа имеет аналогии в материалах IV—III вв. до н. э.

Касаясь вопросов фортификации, авторы пишут, что «когда в IV в. до н. э. над Керкинитидой нависает угроза вторжения скифов, город обносят мощной крепостной стеной с оборонительными башнями» (с. 21). Постройка оборонительных сооружений была свойственна античному городу и связана с общим стремлением к безопасности [5, с. 164]. Скифы же начали угрожать Керкинитиде лишь во второй половине III в. до н. э.

Удивляет подпись под рисунками монет из Керкинитиды. «Монеты Керкинитиды (серебряная и золотая) II в. до н. э.» (с. 22). До появления рецензируемой книги были известны исключительно медные монеты этого города. Лишь Якунчиковым были изданы две серебряные монеты, к которым А. Н. Зограф отнесся с недоверием [6, с. 161]. Изображенные же на рисунке «золотые и серебряные монеты» точно повторяют медные, которые помещены А. Н. Зографом в таблицах [6, табл. XXXVIII, *16*, *17*]. Кстати, датируются эти монеты второй половиной IV в. до н. э.— началом III в. до н. э. Прекращение чеканки собственной монеты Керкинитидой следует связать не с «усилением политической зависимости Керкинитиды от Херсонеса» (с. 23), а с захватом города и всего Северо-Западного Крыма скифами.

Авторы стремились показать Керкинитиду на фоне событий в Северо-Западном Крыму. Несколько страниц уделено греко-скифскому городищу у санатория «Чайка» на западной окраине Евпатории. Но авторы не смогли четко изложить ту периодизацию архитектурных остатков, сохранившихся на городище, которая создана исследователями памятника. Поселение было основано в V в. до н. э. и играло роль торговой фактории. В IV в. до н. э. происходит перестройка фактории, увеличивается ее площадь, возводятся новые мощные оборонительные стены с башнями (открыто пять башен, и судя по плану, безусловно имеются еще). Авторы же называют ее «большой сельскохозяйственной усадьбой с четырьмя башнями на углах» (с. 24). В III в. до н. э. северная часть фактории вместе с оборонительной стеной была разобрана, и на этом месте строится комплекс с башней внутри. Планировка последнего аналогична усадьбам херсонесцев на Гераклейском полуострове и в Северо-Западном Крыму [7—9].

Рассказывая о деятельности жителей поселения в скифский период, авторы уделяют особое внимание развитию гончарного ремесла, «о чем говорит обилие гончарных печей. Посуда изготовлялась как для собственных нужд, так и для продажи» (с. 31). Но среди многочисленных печей, найденных на городище, нет ни одной гончарной, и вывод об изготовлении скифами посуды на сбыт не обоснован.

Авторы неправильно излагают историю гипотезы о параллельном существовании греческих и скифских поселений в Северо-Западном Крыму. «На основе археологических разведок,— пишут авторы на с. 15,— П. Н. Шульц еще в предвоенные годы выдвинул гипотезу об одновременном появлении скифов и греков в IV—III вв. до н. э. на берегах Черного моря [1], где те и другие создают свои укрепленные поселения. Концепцию (разрядка моя.— *А. Г.*) П. Н. Шульца поддержали и другие исследователи — М. И. Артамонов, Б. Н. Граков, А. И. Тюменев, О. Д. Дашевская, Э. И. Соломоник». Из указанных ученых гипотезу П. Н. Шульца развивал только А. И. Тюменев [10, с. 42, сл.; 11], остальные же или не останавливались непосредственно на этом вопросе (Б. Н. Граков), или лишь пользовались данными П. Н. Шульца. Занявшись специально археологическим исследованием Северо-Западного Крыма, О. Д. Дашевская первая пересмотрела гипотезу П. Н. Шульца еще в 1964 г. и пришла к выводу, что скифские поселения здесь возникли на месте греческих во II в. до н. э. [12]. Сейчас эта точка зрения принята большинством исследователей.

Пытаясь представить последовательный переход от античности к средневековью, авторы считают, что после вторжений готов в III в. и гуннов в IV в. н. э. в Крыму образовался «единый греко-скифский этнический союз» (с. 36), оговариваясь, правда, что «тут многое еще неясно археологу и историку». Вновь открытым

---

[1] П. Н. Шульц предложил рабочую гипотезу о различном этническом характере памятников, разведанных им только на северо-западном побережье Крыма.

«этническим союзом» авторы неверно трактуют историю края первой половины I тысячелетия н. э.

Глава о средневековой Евпатории (Гёзлёве) [2], написанная живо и красочно, посвящена в основном архитектуре города. В ней дается достаточно полное и квалифицированное описание интереснейших памятников — мечетей, жилых домов, бань и пр. Глава хорошо иллюстрирована планами и оригинальными рисунками, выполненными одним из авторов (Ю. В. Челышев).

При написании данной главы использована обширная специальная литература, но, к сожалению, в библиографии отсутствует ссылка на статью М. Гинзбурга «Татарское искусство в Крыму», широко использованную в параграфе «За каменным дувалом».

Некоторые исторические выводы вызывают возражения. Так, авторы придерживаются мнения, что жизнь в Северо-Западном Крыму в IX—XI вв. продолжается (с. 38). Однако А. Н. Щеглов, специально занимавшийся вопросом, пришел к убедительному выводу, что поселения на западном побережье Крыма погибают в начале X в. [14, с. 259].

Совершенно неаргументированным является предположение авторов о том, что греческая Керкинитида была восстановлена в «византийские времена», и «присвоена хазарами» (с. 37). Для этих выводов нет пока никаких археологических данных.

На с. 48 авторы упоминают о «каких-то подземных ходах» в Евпатории. Л. А. Моисеев высказывал осторожное предположение, что это были водоснабдительные каналы «народа крито-эгейской культуры» [15, с. 8]. Мне удалось участвовать в исследовании некоторых подземных ходов. Они вырублены в скале на большой глубине (свыше 5 м) и в плане зигзагообразные. Высота одного из ходов колеблется от 1,30 до 2,50 м и выше. Попасть в ход можно только через колодцы, дно которых заполнено питьевой водой. В одном из ходов были обнаружены тщательно замурованные в полу керамические трубы, по которым шла питьевая вода. Маленькие резервуарчики, вырубленные в полу в некоторых местах по ходу водопровода, перекрывались плитами, настолько аккуратно подогнанными, что обнаружить их непосвященному человеку практически невозможно.

Ходы, на мой взгляд, выполняли две основные функции. Во-первых, это были тайные коммуникации, по которым можно было скрытно передвигаться во время военных действий в разные районы города и даже за пределы крепостных стен. Во-вторых, это был водопровод, поддерживающий уровень воды в колодцах в разных частях города. По некоторым наблюдениям, ходы были вырублены в XVI в.

На с. 44 в подписи под рисунком допущена опечатка. Вместо ул. Караева стоит «ул. Кирова», которая в действительности находится на противоположной стороне города.

В книге присутствует много хронологических неточностей.

Скифы захватили Керкинитиду, вероятнее всего, в конце III — первой половине II в. до н. э., но никак не в 110—109 гг. до н. э., как утверждают авторы. на с. 30. В 110 г. до н. э. греческая армия во главе с понтийским полководцем Диофантом двинулась на скифов и разбила их. Диофант основал Евпаторий во время первого похода, длившегося два года, а не в I в. до н. э. (с. 32). В третьем походе Диофант отвоевал Керкинитиду у скифов. Это событие могло произойти зимой 108—107 гг. до н. э., но не в 83 г. до н. э. (с. 32).

Авторы привели многочисленные находки каменных рельефов с изображением Геракла (с. 28), датирующихся III—II вв. до н. э. и указывающих на культурные связи местных жителей с Херсонесом и его метрополией — Гераклеей Понтийской. А на с. 34 барельеф Геракла, найденный у г. Саки,— один из упомянутых выше — неожиданно «относится к кругу произведений римского искусства около III в. н. э.».

Авторы называют Скимна Хиосского «греческим географом I в. до н. э.» (с. 11). Между тем общеизвестно, что он жил в III—II вв. до н. э. На с. 40 ошибочно утверждается, что татары осели в Крыму в 1223 г., тогда как после набега 1223 г., они оставили Крым и возобновили свои нападения с 1238 г.

В книге присутствуют некоторые стилистические излишества, на которых не буду останавливаться.

В заключение хочу сказать следующее. Книги серии «Археологические памят-

---

[2] Глава носит описательный характер. Я хотел обратить внимание читателей на сложные вопросы древней истории города.

ники Крыма» выходят тиражом до 50 тыс. и пользуются большой популярностью. Тем строже надо относиться к их содержанию, так как небрежное отношение к источникам и специальной литературе может дезориентировать читателя.

А. С. Голенцов

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дашевская О. Д.* Курган эпохи бронзы у с. Поповка близ Евпатории.– КСИА АН СССР, 1969, № 115.
2. *Дашевская О. Д.* О происхождении названия города Керкинитиды.– ВДИ, 1970, № 2.
3. *Романченко Н. Ф.* Раскопки в окрестностях Евпатории.– ИАК, 1907, № 25.
4. *Наливкина М. А.* Статуэтки из Керкинитиды.– САИ, вып. Г 1-П, М., 1970.
5. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21.
6. *Зограф А. Н.* Античные монеты.– МИА, 1951, № 16.
7. *Карасев А. Н.* Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории в 1963 г.– КСИА АН СССР, 1965, № 103.
8. *Яценко И. В.* Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории (1964–1967 гг.).– КСИА АН СССР, 1970, № 124.
9. *Яценко И. В.* Исследование городища у санатория «Чайка» в Евпатории.– АО – 1969. М., 1970.
10. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды, IV. Херсонес и местное население; скифы.– ВДИ, 1950, № 2.
11. *Тюменев А. И.* Херсонесские этюды, VI. Херсонес и Керкинитида.– ВДИ, 1955, № 3.
12. *Дашевская О. Д.* ΤΕΙΧΗ декрета в честь Диофанта.– ВДИ, 1964, № 3.
13. *Дашевская О. Д.* Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.– ПСА, М., 1971.
14. *Щеглов А. Н.* Раннесредневековые поселения на Тарханкутском полуострове.– СА, 1970, № 1.
15. *Моисеев Л. А.* Из истории западного побережья Тавриды.– ИТУАК, 1918, № 54.

НОВЫЕ КНИГИ О ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЕ

За последнее время значительно повысился интерес к древностям Грузии. Причина тому — широкие археологические исследования, которые проводят грузинские ученые, и обнаружение большого количества нового материала, позволяющего глубже изучить историю одного из древнейших государственных образований на юге нашей страны. Если свидетельства древних авторов о Колхиде крайне противоречивы, то, дополненные археологическими данными, они по-новому освещают прошлое Закавказья. В истории и культуре народов древней Грузии большую роль сыграли местные, древневосточные и античные традиции. Вот почему грузинские археологи и историки ведут исследования, сопоставляя эти традиции. Вышедшие почти друг за другом работы о древнеколхидском государстве Г. А. Лордкипанидзе «Колхида в VI—II вв. до н. э.». (Тбилиси, 1978) и О. Д. Лордкипанидзе «Древняя Колхида. Миф и археология» (Тбилиси, 1979) обобщают все сделанное за последние годы в области изучения Колхиды и на основании сопоставления письменных и археологических источников раскрывают узловые проблемы ее истории. К ним относятся социально-экономические отношения и политическая история Колхиды, характер греческой колонизации и степень ее влияния на процесс развития местного общества, типы греческих поселений, основные пути распространения эллинизма в Грузии, атрибуция Ванского городища — одного из наиболее известных античных памятников древней Колхиды и др. Эти вопросы имеют немаловажное значение не только для истории местного общества, но и для изучения античной культуры вообще, ибо общеизвестно, что Колхида оказалась на пути киммерийцев во время их набега на Передний Восток. Через Колхиду пролегали пути отступления Митридата VI Евпатора, разбитого римлянами в III Митридатовой войне, а природные богатства края привлекали как древневосточных властителей, так и греков из Средиземноморья. Интерес к работам обусловлен и тем, что многие специальные публикации на грузинском языке не всегда доступны широкой читательской аудитории, а эти книги, вышедшие на русском языке, опираются главным образом на них.

Рецензируемые работы подробно освещают историю, материальную и духовную культуру древних колхов. Г. А. Лордкипанидзе сконцентрировал основное внима-

ние на изучении Колхиды периода VI–II вв. до н. э., в то время как О. Д. Лордкипанидзе, характеризуя этот же период, большое внимание уделил и древнейшей истории Колхиды, пытаясь проследить взаимовлияние и преемственность культур. Г. А. Лордкипанидзе разбирает особенности градостроительства и архитектуры главным образом на примере Ванского городища, дает детальный обзор мифологии и религиозных обычаев колхов. О. Д. Лордкипанидзе большое место отводит анализу проблемы эллинизма в Колхиде, взаимовлиянию западной и восточной частей древней Грузии.

Один из наиболее важных вопросов, поднимаемых авторами, является характеристика социально-экономических отношений и политического строя Колхиды I тысячелетия до н. э. и исследование тесно связанной с ними проблемы колхидской государственности. По сообщениям урартских и ассирийских источников, в Юго-Восточном Причерноморье в начале I тысячелетия до н. э. существовало объединение колхидских племен, называемое Кулха или Колха. Некоторые грузинские исследователи (Г. А. Меликишвили, Т. К. Микеладзе) предполагают, что первый этап истории древнего Колхидского царства начался с середины XIII в. до н. э., т. е. со времени мифического похода аргонавтов, и длился до середины VIII в. до н. э., когда сведения о «стране Кулха» попали в урартские источники. Как признают исследователи, это было временем расцвета культуры эпохи бронзы у колхов, длившегося до VI в. до н. э., когда в Колхиде уже освоили железо. С этого времени начался и новый период истории Колхидского царства, ставшего преемником Кулха. Г. А. Лордкипанидзе же полагает, что Колхида VI—V вв. до н. э. в политическом отношении не являлась преемником страны Кулха, а само царство создавалось в результате длительных процессов внутреннего развития и в ходе постоянных столкновений с Ахеменидской державой.

О. Д. Лордкипанидзе связывает с объединением племен Кулха позднебронзовую «колхидскую» культуру, отличительным признаком которой было наличие бронзовых гравированных и инкрустированных топоров, мотыг и сегментовидных орудий. В отличие от Г. А. Лордкипанидзе он выступает убежденным сторонником гипотезы о распространении племен кулха на север и превращении к VIII в. до н. э. этого племенного объединения в могущественное государство Колхиду, засвидетельствованное греческой традицией архаической эпохи. По его мнению, высокий уровень материальной культуры колхов позднебронзовой эпохи обусловил интерес к ним ахейцев, которые уже во II тысячелетии до н. э. совершали наезды в Восточное Причерноморье, что отразилось в мифе об аргонавтах. Автор замечает, что в этом мифе могли найти отражение два этапа проникновения жителей Средиземноморья в Колхиду: первый этап — ахейский — был связан с представлением о перенесении Фрикса к царю колхов Аиэту, а второй этап нашел мифологическое воплощение в легенде о походе Ясона за золотым руном (с. 45, 46).

Характеризуя Колхидское царство, О. Д. Лордкипанидзе разделяет концепцию Г. А. Меликишвили, что киммерийское нашествие в конце VIII в. до н. э. положило конец существованию Кулха, а пришедшие с востока на его место другие племена создают свое политическое объединение, главную роль в котором играли племена западнокартвельской группы, составившие основу нового Колхидского царства. Он полагает, что высокая материальная культура и политическая организация Кулха позднебронзовой эпохи сыграли важную роль в политической консолидации нового Колхидского царства. Исходя из указанной точки зрения, исследователь убежден, что новое Колхидское царство представляло собой могущественное образование с развитым институтом царской власти, складывавшимися классовыми отношениями, превращением родовой знати в служилую и постоянным войском, т. е. государство с типичными чертами древневосточной монархии. Такая точка зрения в настоящее время принята в грузинской советской историографии. Г. А. Лордкипанидзе поддерживает идею о колхском государстве, оговаривая, правда, возможность существования Колхидского царства в качестве «могущественного политического образования».

Концепция О. Д. Лордкипанидзе основывается на представлении о могущественном Колхидском царстве VI—IV вв. как о преемнике объединения племен, известного под названием «страны Кулха» урартских надписей. Вследствие этого и греческая колонизация Колхиды рассматривается им с точки зрения «эмпориальной теории». Однако уже Г. А. Меликишвили считал, что Колхидское государство, как и его предшественник — объединение Кулха — были слабыми и непрочными образования-

ми [1, с. 116]. К тому же И. М. Дьяконов показал, что локализация страны Килхи в надписи Тиглатпаласара I на берегу Черного моря, как предшественницы страны Кулха, была не совсем точно понята Г. А. Меликишвили, будучи основана на весьма спорном истолковании текста ассирийской надписи [2, с. 59]. Страна Килха-Хабха в действительности лежала к югу от оз. Ван [3, с. 126]. Поэтому говорить, будто Колхидское царство VI—V вв. до н. э. было обязано своим могуществом стране «Кулха», представляется преувеличением. При этом надо учесть, что колхи были приписаны к XIX сатрапии Персидской державы и им вменялось в обязанность платить «дары», т. е. дань персам, что препятствовало росту их политической активности [4, с. 52].

С проблемой колхидской государственности связан и вопрос о скептухиях, о которых Страбон говорит буквально следующее: «Насколько эта страна (Колхида.— *С. С.*) в древности была знаменита, показывают мифы, которые говорят, хотя и в туманной форме, о походе Иасона, достигшего Мидии, и о еще более раннем походе Фрикса. Последующие цари-преемники владели страной, разделенной на скептухии, но благополучие их было невелико» (пер. Г. А. Стратановского, Strabo XI, 2, 18). О. Д. Лордкипанидзе полагает, что скептухии — это административно-территориальные единицы, возглавлявшиеся родовой знатью, которая была опорой царской власти на местах (с. 58). Близкая точка зрения и у Г. А. Лордкипанидзе. По мнению обоих исследователей, эти административно-территориальные округа облегчали царской власти управление страной.

На основании раскопок в Вани и Итхвиси захоронений V—IV вв. до н. э. с богатым погребальным инвентарем исследователи, особенно О. Д. Лордкипанидзе, делают вывод о заметной социальной и имущественной дифференциации колхского общества в VI—IV вв. до н. э. и даже о «социальной иерархии и соподчиненности» знати (с. 67). По убеждению О. Д. Лордкипанидзе, социально-имущественная дифференциация затронула также население горных районов, о чем говорят раскопки некрополя Шромисубани. Однако у О. Д. Лордкипанидзе этот тезис несколько преувеличен. Очевидно, справедливее утверждать о начале имущественного расслоения в горных и центральных районах Колхиды. Ведь некоторые погребения VI—IV вв. до н. э. в Сванетии представляют собой коллективные кремационные захоронения, свидетельствующие, по достаточно аргументированному мнению Г. А. Лордкипанидзе, о сильных пережитках родоплеменных отношений (с. 59). Таковы захоронения в с. Мерхеули, Чуберском ущелье (Лариларский могильник), Палури и др. Коллективные погребения, но относящиеся, правда, к более ранней эпохе, засвидетельствованы и в Брильском могильнике. Это говорит о неравномерности процесса социального и имущественного расслоения на территории Колхиды, поскольку в отдельных ее районах к IV в. до н. э. сохранялись достаточно прочные родоплеменные отношения. Поэтому нельзя столь решительно утверждать, как это делает О. Д. Лордкипанидзе, о превращении Колхиды в VI—IV вв. до н. э. в развитое государственное образование с сильной царской властью.

Характеризуя социально-экономические отношения в Колхиде VI—IV вв. до н. э., Г. А. Лордкипанидзе отмечает, что древнеколхидское общество в означенный период отличалось ярко выраженным классовым делением (с. 87). В то же время он указывает, что основными производителями были свободные общинники, а крупные землевладельцы постепенно захватывали общинные земли и эксплуатировали широкие слои крестьян (с. 86—88). Это заключение сделано на основе инвентаря ряда погребений, включавшего золотые украшения, дорогие сосуды, оружие, детали конской сбруи и т. п., а также обычая устраивать захоронения на приусадебном участке, что должно свидетельствовать об образовании соседской или сельской общины. О. Д. Лордкипанидзе более осторожно подходит к этому вопросу. Соглашаясь с тем, что основными производителями в Колхиде VI—IV вв. до н. э. были свободные общинники, а рабы использовались только в домашнем хозяйстве, он не говорит об ярковыраженном процессе классообразования у колхов. Данное обстоятельство весьма показательно, ибо оно не совсем согласуется с отмеченным утверждением исследователя о существовании могущественного государства колхов VI в. до н. э. Таким образом, в обеих работах признается наличие сельской общины в Колхиде VI—IV вв. до н. э., находившейся на стадии разложения, в ходе которого выделялась знать, подчинявшая своему влиянию остальную массу свободных земледельцев.

Против этого трудно что-либо возразить. Однако представляется преувеличением утверждение Г. А. Лордкипанидзе о сформировавшихся к VI в. до н. э. в Колхиде классах. Социальное и имущественное расслоение в рамках общины, прослеживае-

мое по археологическому материалу, и образование сельской общины не может быть доказательством сложившихся классовых отношений. Соседская община являлась последней формой общины, которой предшествовали кровнородственная и большесемейная (земледельческая) общины [5, с. 418, 332—335]. Для нее характерна унаследованная от первобытной общины совместная собственность на отдельные поля, леса, луга, пустоши, но в то же время выделение индивидуального крестьянского хозяйства и свободной отчуждаемой земельной собственности. Переход от позднепервобытной общины к крестьянской или, как иначе ее называют, протокрестьянской завершает последнюю фазу эволюции первобытнообщинной формации. Эта стадия развития общества «уже не может быть безоговорочно отнесена к доклассовому обществу. Но в то же время она не может быть отнесена и к классовому. Точнее всего ее можно было бы определить как предклассовую» [6, с. 84—86]. Говорить о развитом классовом обществе и государстве можно только после образования основных классов социально-экономической формации. До тех пор пока этих классов нет, можно фиксировать лишь «вызревание предпосылок классообразования» [6, с. 86]. Если исходить из периодизации истории рабовладельческого общества, предложенной В. И. Кузищиным, то этап развития социально-экономических отношений в Колхиде VI—IV вв. до н. э. возможно определить как патриархальный или раннерабовладельческий, для которого свойственно сохранение старых отживающих отношений и рождение отношений качественно новых, ведущих борьбу и постепенно побеждающих старые. [7, с. 82, 83]. Вот почему кажется более приемлемым говорить не о развитом классовом обществе и государстве в Колхиде в указанное время, а о становлении классов и государства. Кстати, сам Г. А. Лордкипанидзе в другом месте своей работы говорит о «раннеклассовом характере государства» у колхов (с. 137).

Рабы в это время не являлись основным классом в Колхиде, поскольку применение их труда, как признают исследователи было ограничено. Служилая знать, не утратившая родовых привилегий, только консолидировалась в класс и «не присваивала себе еще труд других», а свободные общинники-земледельцы не стали полностью зависимыми и не превратились в эксплуатируемых. Не представляется возможным объединять колхское общество VI—IV вв. до н. э. с развитыми древневосточными монархиями, где существовали три четко различающиеся по своему месту в системе общественного производства социальные группы: рабы, мелкие свободные производители и господствующий класс, куда входили земледельческая и придворная аристократия, служилая знать, жречество [8, с. 6, 7]. В Колхиде процесс становления классов и государства только набирал силу. В таких условиях влияние царской власти должно было быть ограниченным. Вот, вероятно, почему Страбон, говоря о скептухиях, отмечает неблагополучие колхских царей. Близкую картину можно наблюдать в это время и в Малой Азии, в частности в Пафлагонии, Каппадокии, Мариандинии, Вифинии.

Диаметрально противоположными являются концепции авторов о характере греческой колонизации и роли древнегреческих городов в истории Колхиды. Г. А. Лордкипанидзе считает, что греческие города-колонии Диоскуриада, Фасис, Гиэнос и др. были важными центрами полисного типа в Восточном Причерноморье (с. 13). Он полагает, что греки-колонисты соседствовали с местным населением, но местный элемент не играл ведущей роли в организации этих городов. Точка зрения Г. А. Лордкипанидзе сводится к тому, что греки-колонисты создали в Колхиде «настоящую античную культуру», а их города, став очагами этой культуры, оказывали большое влияние на развитие внутренних районов страны в VI—IV вв. до н. э. (с. 19, 39). Это влияние сказалось на развитии товарно-денежных отношений, венцом которых явилась чеканка так называемых «колхидок», на распространении эллинских навыков градостроительства и строительной техники, религиозных и погребальных обрядов, некоторых форм социально-экономических и политических отношений. Вообще в греческих городах Г. А. Лордкипанидзе видит один из важных путей распространения эллинизма в Колхиде. Ванское городище эллинистической эпохи он определяет не как храмовый центр богини Ино-Левкотеи, на чем настаивает О. Д. Лордкипанидзе, а как центр одной из скептухий Колхского царства.

О. Д. Лордкипанидзе, напротив, убежден, что греки не могли основать в Колхиде крупных центров, поскольку здесь существовало сильное царство. Он считает, что эллинские поселения в Восточном Причерноморье являлись эмпориями, призванными осуществлять торговые контакты с местным населением [9]. Их роль в распространении эллинских традиций и культуры в глубинные районы была ничтожной, а

эллинизм, подготовленный всем ходом исторического развития Колхиды, являлся по преимуществу продуктом местного общества, достигшего определенной стадии социально-экономического развития. Однако из работы О. Д. Лордкипанидзе не совсем ясно, каким образом и почему произошла трансформация Ванского городища из центра скептухии в «город храмов».

При современном уровне знаний о древнегреческих городах Колхиды возможно существование различных точек зрения. Думается, однако, что для характеристики эллинских городов как эмпориев пока еще мало доказательств, тем более что распространение аттической керамики в Колхиде не может быть при этом надежным аргументом. В других центрах Причерноморья родосско-ионийская и аттическая чернолаковая керамика за пределами городов-колоний засвидетельствована в значительно большем количестве, а «эмпориальная теория», тем не менее, в настоящее время имеет все менее сторонников. Известно, что Восточное Причерноморье было областью ионийской, главным образом милетской колонизации. Необходимо учесть, что такой же район милетской колонизации в Северо-Западном Причерноморье, в частности, Ольвия, в VI в. до н. э. заселялся различными группами колонистов из Милета, спасавшихся от нападения лидян на его хору [10, с. 33]. Первоначально территория Нижнего Побужья представляла собой, вероятно, сеть самостоятельных поселений, из которых постепенно выросло одно более крупное, подчинившее затем своему влиянию остальные и ставшее впоследствии Ольвийским полисом [11, с. 47]. Не исключено, что близкая картина могла наблюдаться и в нижнем течении р. Риони и других районах Западной Грузии, но пока это может быть лишь одной из вероятных гипотез. Ведь и сами грузинские исследователи признают, что Фасис и Диоскуриада еще точно не локализованы.

Мы рассмотрели лишь наиболее важные вопросы, вокруг которых строятся концепции авторов рецензируемых работ. Однако авторы затрагивают и другие проблемы. К очевидным удачам О. Д. Лордкипанидзе следует причислить трактовку изображения и датировку знаменитой Сухумской стелы. Убедительным кажется предположение, что на рельефе представлена сцена прощания с умершей, которая находится в кругу родных (с. 137), а также отнесение времени ее изготовления к началу последней четверти V в. до н. э. (с. 139). Следовало бы указать, правда, и точки зрения других исследователей, в частности М. М. Трапша и Л. А. Ельницкого, на характер изображения на стеле.

Справедливым представляется объяснение О. Д. Лордкипанидзе сцены борьбы львов с быком и газелью на золотой диадеме из богатого погребения V в. до н. э. в Вани. Выделяя древневосточную, точнее, иранскую основу изображения, он считает, что сцена борьбы животных должна означать политическое и военное могущество (с. 86). Что касается колхской диадемы, использовавшейся исключительно во время погребального празднества, то, по убеждению автора, эта сцена навеяна хтоническими мотивами, поскольку символизирует борьбу жизни и смерти (с. 88). Для обоснования такого вывода автор не привел, правда, убедительных данных. Между тем в Малой Азии среди памятников погребального культа имеются близкие изображения. В декоративном оформлении пафлагонских гробниц, вырубленных в скале, встречаются изображения быков, львов, единорогов и др., либо готовящихся к борьбе, либо уже борющихся, что на такого рода памятниках всегда имеет апотропеическое значение [12, S. 250, 251]. При разборе таких изображений следовало шире привлечь памятники скифо-сарматского искусства, где подобные сюжеты встречаются повсеместно и имеют определенную символику, а также типы некоторых монет греческих полисов и персидских сатрапов Малой Азии, на которых также имеются изображения борющихся зверей. Автору осталась неизвестной работа Ж. Дэснэ, посвященная разбору означенных сюжетов [13]. Не исключено, что типологически сцена борьбы животных на диадеме не чисто колхидская, а может уходить корнями в малоазийскую почву и испытывать воздействие фрако-фригийских, эллинских и иранских традиций.

Неудачным представляется использование факта обнаружения в Грузии и на Северном Кавказе бронзовых фибул так называемого субмикенского типа (XII в. до н. э.) для доказательства расширения морских сношений ахейцев с Колхидой к X в. до н. э. Действительно, после Троянской войны ахейцы усилили торговую деятельность в районе проливов и Малой Азии, но это могло продолжаться лишь до конца XII в. до н. э., поскольку начавшееся затем продвижение дорийских племен положило конец существованию ахейской торговли. Взоры ахейцев в Средиземно-

морье всегда были обращены преимущественно на запад и юг, а к XI—X вв. до н. э. их плавания там прекратились вовсе [14, с. 78, 79]. Вот почему в X в. до н. э. прочных торговых контактов Колхиды со Средиземноморьем быть никак не могло. Бронзовые фибулы так называемого субмикенского типа [15, табл. V] на самом деле не Балканского происхождения, а попали туда, очевидно, из областей, прилегавших к Дунайскому бассейну [16, с. 73, 74, рис. 13]. В Грузии они обнаружены в основном в горных районах и потому не могут служить доказательством ранних морских связей Колхиды со Средиземноморьем. К вопросу о ранних связях Грузии и Средиземноморья вообще надо подходить более осторожно. Миф об аргонавтах не может являться при этом надежным источником, поскольку древнейшая ахейская основа сказания значительно переработана в последующую эпоху применительно к географическим воззрениям ионийцев. Некоторые исследователи полагают даже, что до VII в. до н. э. жители Средиземноморья не могли попасть в Черное море потому, что их корабли были не приспособлены преодолеть сильные встречные течения в проливах Босфор и Геллеспонт [17, p. 29; 18].

Очень интересным памятником является Пичвнарское городище. Г. А. Лордкипанидзе отмечает, что в Пичвнари греческий эмпорий возникает во второй половине VI в. до н. э. Однако греческий могильник появляется там лишь в V в. до н. э., а колхский функционирует уже с конца VI в. до н. э. [19, с. 144; 20, с. 92; 21, с. 5]. Появлению греков, как показали исследования А. Ю. Кахидзе, предшествовало местное колхское поселение, поэтому обнаружение отдельных импортных вещей VI в. до н. э. может указывать лишь на торговые связи местного населения с греками. Греческое же поселение должно было возникнуть чуть ранее или одновременно с эллинским некрополем, датируемым не раньше V в. до н. э. Вот почему вопрос об эмпории в Пичвнари—Кобулети VI в. до н. э. еще требует уточнения.

Новые книги о Древней Колхиде существенно углубляют наши знания о Восточном Причерноморье — этом широко известном в древности, но загадочном до сих пор районе древнего мира. Различия в концепциях авторов вызваны состоянием материала на сегодняшний день. Дальнейшие исследования покажут, какой из точек зрения надо будет отдать предпочтение.

С. Ю. Сапрыкин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1959.
2. *Дьяконов И. М.*— ВДИ, 1956, № 2, Рец. на кн.: Меликишвили Г. А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1954.
3. *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван: Изд-во АН Арм.ССР, 1944.
4. *Болтунова А. И.* Колхи и держава Ахеменидов.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры, т. 1. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1979.
5. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 19. М., 1961.
6. *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государства. М.: Наука, 1976.
7. *Кузищин В. И.* Понятие общественно-экономической формации и периодизация истории рабовладельческого общества.— ВДИ, 1974, № 3.
8. История древнего Востока/Под. ред. Кузищина В. И. М.: Высшая школа, 1979.
9. *Лордкипанидзе О. Д.* К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья (Колхиды). Тбилиси: Мицниереба, 1977.
10. *Свенцицкая И. С.* Греческие города в составе Лидийского царства.— ВДИ, 1978, № 1.
11. *Wasowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. Paris, 1975.
12. *Leonhard J.* Paphlagonia. Berlin, 1915.
13. *Desneux J. Sur* Quelques representations du «Lion à la proie» en gliptique et en numismatique antiqueus. Bruxelles, 1960.
14. *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира: Гарамантская проблема. М.: Наука, 1978.
15. *Лордкипанизде О. Д.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси: Мецниереба, 1966.
16. *Монгайт А. Л.* Археология Западной Европы. М.: Наука, 1974.
17. *Lebaree B. W.* How the Greeks sailed into the Black Sea.— AJA, 1957, vol. 61, № 1.
18. *Graham A. J.* The Date of the Greek Penetration to the Black Sea.— Bulletin of the Institute of Classical Studies. University of London, 1958, vol. V.
19. *Кахидзе А. Ю.* Города Причерноморья Грузии в античную эпоху. (Кобулети — Пичвнари). Тбилиси: Мецниереба, 1971.
20. *Кахидзе А. Ю.* Античные памятники Восточного Причерноморья (греческий могильник Пичвнари). Батуми: Сабчота Аджара, 1975.
21. *Кахизде А. Ю.* Раскопки могильника Пичвнари.— КСИА АН СССР, 1977, № 151.

Кызласов Л. Р., Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979, 21, 84 п.л., тираж 2870

В 1969 г. вышла первая книга Л. Р. Кызласова, посвященная археологии Тувинской АССР – «История Тувы в средние века»[1]. В ней были подведены итоги работы археологов в этой республике на памятниках средневековья. На основании археологических источников с привлечением письменных свидетельств была написана эта интересная книга, охватывавшая тысячелетний период истории большой степной страны (с VI по XV в.).

В новую книгу Л. Р. Кызласов включил материалы, относящиеся не только к раннему средневековью (VI—IX вв.), но и к эпохам значительно более древним — начиная с палеолита и кончая гуннским (предсредневековым) временем.

В течение девяти сезонов, с 1955 г. с перерывами до 1978 г., Л. Р. Кызласов возглавлял Тувинскую археологическую экспедицию истфака МГУ, работы которой были начаты еще С. В. Киселевым сразу же после войны. Публикации разнообразных данных этой многолетней экспедиции посвящена рецензируемая монография. Автор избрал для публикации своеобразный неторопливо повествовательный жанр. Открытые разведками и раскопками материалы, обработанные в многочисленных командировках музейные коллекции, выписки из своих полевых дневников и архивов А. В. Адрианова, С. А. Теплоухова и других исследователей разделены им на четыре большие раздела (главы). Каждый раздел соответствует определенной эпохе в истории Тувы.

Первая глава «Древние стоянки и погребения» – самая короткая в книге. В ней публикуются известные автору материалы древнейшего времени – от палеолита до бронзового века. Сам автор вслед за С. А. Теплоуховым, А. В. Адриановым и Г. П. Сосновским в процессе обостоятельных разведок обследовал разновременные стоянки на р. Ангачи, стоянки по левому берегу Енисея (названного в книге потувински Улуг-Хем), раскопал несколько энеолитических курганов на берегу р. Шурмак. О собственных полевых работах автор дает подробные, по существу отчетные записи, публикация которых всегда необходима для специалистов. Однако параллельно с этими описаниями нужно было дать хотя бы кроки стоянок и схематическую карту маршрутов, без которых читателю чрезвычайно трудно вникнуть в текст книги. Кстати, Отдел полевых исследований института археологии АН СССР требует такого рода документации даже в ежегодных археологических отчетах. Несмотря на это досадное упущение, следует констатировать, что автором в этой, как уже говорилось, небольшой по объему главе собран обширный материал, добытый трудами его предшественников, им самим и его учениками. Основываясь на нем, Л. Р. Кызласов создает общую достаточно убедительную и стройную периодизацию всех разрозненных или рассматриваемых в отрыве одно от другого данных и превращает, таким образом, археологический материал в исторический источник.

Не подлежит сомнению, что предложенная Л. Р. Кызласовым эволюционно-хронологическая схема по мере накопления материала будет уточняться и корректироваться, но в настоящее время очевидно, что автор провел с материалом ту работу, без которой дальнейшие полевые исследования тувинских древнейших памятников продолжали бы оставаться по-прежнему накоплением разрозненных материалов.

Следующая глава названа «Уюкская эпоха». Эта эпоха выявлена и выделена Л. Р. Кызласовым благодаря полевым работам его экспедиции. Она относится к раннему железному веку и датируется VII—III вв. до н. э. Л. Р. Кызласов уже писал о ней в нескольких статьях, так что в научную литературу понятие об «уюкской эпохе» или «культуре» вошло давно [1]. Серьезное исследование о ней написано учеником автора М. Х. Маннай-оолом[2]. Нам представляется, что предложенная Л. Р. Кызласовым гипотеза о происхождении уюкской культуры, как культуры племенного разноэтнического союза была вполне обоснована и до выхода в свет рецензируемой книги. Новое в ней – публикация конкретных, раскопанных автором подкурганных погребений различных типов, относящихся, судя по погребальному

[1] Эта книга в начале 70-х годов получила в ряде периодических изданий у нас и за рубежом положительную оценку. В журнале «Советская археология» на нее были помещены две рецензии в 1971 г. (№ 1), написанные С. А. Плетневой и А. П. Смирновым.

[2] Приведенные в книге М. Х. Маннай-оола [2] данные о медно-плавильных печах той эпохи вошли в книгу другого ученика Л. Р. Кызласова — Я. И. Сунчугашева [3].

обряду, к равным этническим группам. Кроме того, сравнительный анализ своих материалов с данными раскопанного М. П. Грязновым знаменитого сейчас кургана Аржан позволил Л. Р. Кызласову разделить уюкскую культуру на два этапа (VII–VI и V–III вв.).

Следует сказать, что все даты Л. Р. Кызласова, как и в первой его книге о Туве, основаны на аналогиях. Это обычный, широко распространенный среди археологов прием датировок. Очевидно, недостаток систематически и полно раскопанных комплексов не способствует переходу исследователей сибирских древностей, в том числе и Л. Р. Кызласова, к более надежным методам. В разделе о хронологии уюкской культуры особенно недостает четкой типологии и корреляции выявленных типологией признаков. Обработанный материал стал бы значительно более выразительным и фундированным источником, неопровержимо подкрепляющим выводы автора как об относительной хронологии уюкской культуры, так и о разделении ее на несколько вариантов.

Тем не менее издание большого количества новых данных из раскопок, сборов, музейных коллекций дает читателю представление не только об уюкской культуре, но и о тех исторических процессах, которые протекали в эпоху господства этой культуры на территории современной Тувы.

Третья глава посвящена гунно-шурмакской эпохе в Туве. В отличие от уюкской культуры, которой в литературе уделено большое внимание, о шурмакской эпохе нет крупных исследований [3]. К тому же относительно шурмакского периода (II в. до н. э. – V в. н. э.) существует несколько точек зрения. В рецензируемой книге Л. Р. Кызласов противопоставляет свою «автохтонистскую» теорию мнению о том, что со II в. до н. э. на территорию Тувы проникли «новые группы кочевого населения», которые смешались с местными племенами [4, с. 257]. Материал, приведенный Л. Р. Кызласовым в главе, абсолютно не противоречит последнему высказыванию. Погребальный обряд в Туве в ту эпоху настолько разнообразен, что заставляет думать о наличии там (как и в уюкское время) нескольких этнических группировок, а распространение новых черт культуры, прослеженных в погребальных комплексах, свидетельствует, вероятно, о появлении нового населения с собственной, хотя бы и близкой культурой.

Последняя глава освещает памятники принципиально новой эпохи в истории Тувы – эпохи раннесредневековых государств: Тюркских каганатов VI–VIII вв. и Уйгурского каганата VIII–IX вв. Выше мы уже говорили, что средневековью Тувы была посвящена монография Л. Р. Кызласова, где систематизации и осмыслению подверглись и тюркские, и уйгурские древности. Там же были даны краткие очерки по истории этих государств, написанные не только благодаря хорошо изученным древностям, относящимся к эпохе этих государств, но и по сравнительно многочисленным письменным источникам. В данной книге автор прежде всего помещает описания памятников и собранных в музеях коллекций, относящихся ко времени обоих каганатов. Сюда же включены выписки из архивов А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова, раскапывавших средневековые курганы Тувы. Материалы эти имеют большую источниковедческую ценность. Однако приходится пожалеть, что и эту часть своей работы Л. Р. Кызласов не сопроводил необходимым количеством чертежей (схем) и хотя бы схематическими картами. Тем не менее публикация сведений о раскопках хорошо известного археологам и прочно вошедшего в науку погребально-поминального комплекса на могильнике Сарыг-Булун, близкого по типу к памятникам Бильге-кагана, Кюльтегина и др., представляет, несомненно, значительный интерес. Напрасно только Л. Р. Кызласов называет его «курган № 1», видимо, в соответствии со своими дневниковыми записями и первыми полевыми впечатлениями. Сейчас, когда он так прекрасно раскопал этот комплекс и осмыслил его как тюркский поминальный памятник, очевидно, не было необходимости вспоминать о его первоначальном условном наименовании.

Помимо описания этого памятника и нескольких тюркских подкурганных погребений и оградок автор в данном разделе, посвященном тюркам, касается и некоторых более общих проблем их культуры и истории. Первой является хронология тюркских погребений, разделение их на два периода и связанный с этим вопрос о датировках седел. Л. Р. Кызласов справедливо, хотя и излишне резко, полемизирует с С. И. Вайнштейном, который действительно неверно, основываясь на материалах

[3] По существу о ней как едином комплексе памятников говорится только в статье Л. Р. Кызласова [1].

по существу одного могильника, создал эволюционный ряд древнетюркских седел [5]. Л. Р. Кызласов предлагает свою схему развития этой важнейшей части конской сбруи, в целом близкую схеме А. К. Амброза (6), но дополняющую ее конкретными примерами.

Что касается датировок тюркских древностей в целом, то, видимо, следует согласиться с Л. Р. Кызласовым в том, что до публикации и обработки серий древнетюркских комплексов вопросы хронологии их не будут решены полностью, Л. Р. Кызласов высказывает эту мысль относительно тувинских материалов (с. 140). Мне представляется, что древнетюркские древности следует выявить среди массы раскопанных кочевнических погребений Сибири, Монголии и Средней Азии и только после этого исследователь будет иметь возможность и право разделить их на вполне обоснованные хронологические этапы. В настоящее время все археологи, занимающиеся тюрками, пользуются для установления дат только аналогиями. Поскольку разные исследователи приводят для подтверждения своей правоты разные аналогии и разные категории вещей, то даже подготовленному читателю трудно понять без дополнительного привлечения обширной литературы, какие же даты и периоды самые верные, наиболее закономерно выделенные.

Вторая проблема, затронутая Л. Р. Кызласовым в разделе о тюрках, касается термина «древнетюркское время» и правомерности использования его историками и археологами в тех хронологических рамках, какие предлагает для его определения А. Д. Грач, а именно с VI по X в. Автор рецензируемой книги безусловно прав, сужая его до VI—VIII вв., т. е. до времени господства в степях тюркских каганатов. Чрезмерное увлечение А. Д. Грача культурой и историей древних тюрок, игра такими словами и понятиями, как «древнетюркский мир», «древнетюркское время», предложения создать «древнетюркскую археологию» приводят его на рубежи пантюркизма, что неизбежно губит исследовательскую мысль, делая ее политической забавой. Поэтому даже несколько излишняя на первый взгляд запальчивость Л. Р. Кызласова в этом споре с А. Д. Грачем и несколькими его сотрудниками представляется мне вполне закономерной. Только правильная оценка исторической роли отдельных народов и этнических общностей евразийских степей позволит нам, историкам и археологам, создать верную, соответствующую истине картину их культурной, экономической и политической жизни на разных этапах их исторического развития.

Весьма существенным является вопрос о трупосожжениях у древних тюрок. Мне кажется, что вопрос о древнетюркских трупосожжениях только еще поднят в науке, исследовать же его нужно с учетом не только тувинских и сибирских материалов, но и всех восточноевропейских трупосожжений явно кочевнического (степного) происхождения. Очевидно, будущее покажет, кто из археологов прав. Кому в VII в. могли принадлежать богатые вещами трупосожжения в восточноевропейских степях? Вряд ли древним хакасам, о существовании которых не знает ни один из раннесредневековых западных авторов. В то же время мы хорошо знаем, что именно в начале этого столетия Тюркский каганат достиг наибольшего могущества в евразийских степях, подчинив себе всех западных кочевников, в том числе хазар, савир, болгар. Остатки знатных тюркских родов сохранились в степях на протяжении всего VII в. Во всяком случае, известно, что два из них – Ашина и Дуло – возглавили раннефеодальные европейские полукочевые государственные образования хазар и болгар.

Однако следует еще раз подчеркнуть, что все это пока только гипотезы. Чтобы подтвердить или оспорить их, придется много работать. Л. Р. Кызласов прав, говоря, что прежде всего необходимы новые находки трупосожжений и четкая их хронологизация на собственной, т. е. основной, территории Тюркского каганата – в монгольских и приалтайских степях (с. 143). Наконец, последней темой, затронутой Л. Р. Кызласовым в этой части четвертой главы, является письменность тюрок – соображения автора о дате ее появления и способах нанесения и использования. Вся эта небольшая часть является цепочкой логических умозаключений автора, направленных на то, чтобы доказать в противоположность С. Г. Кляшторному, что в I Тюркском каганате не было обычая ставить стелы с эпитафиями. Возможность существования письменности в тот ранний период допускается автором. Таким образом, мнения С. Г. Кляшторного и Л. Р. Кызласова в основном совпадают. Спор проистекает просто от невнимания одного из авторов к системе взглядов другого и от раздражения, вызванного этим у последнего. Ученым редко удается обстоя-

тельно ответить своим противникам на «обвинения», возникшие в результате поспешного суждения об их работах. Л. Р. Кызласову посчастливилось: в этом неторопливом повествовании о своих полевых исследованиях он дал развернутое объяснение своей точки зрения по данному конкретному вопросу.

Остальные части четвертой главы посвящены уйгурам. В рецензии на первую книгу Л. Р. Кызласова о Туве я уже говорила, что исследования уйгурской культуры являются, несомненно, крупнейшим открытием автора.

В этой книге автор дает публикацию материалов, полученных им при раскопках уйгурских памятников: городищ и могильников. Особенно тщательно были обследованы им четыре Шагонарских городища, о них и о Бажин-Алакском городище в книгу помещены дневниковые подробнейшие выписки, сопровождаемые реконструкциями двух Шагонарских городищ, тремя планами раскопов, несколькими профилями и отдельными, наиболее яркими находками, характеризующими их культурный слой. Жаль, конечно, что автор не издал весь графический материал, так как даже то, что издано, имеет большую научную ценность. Чертежи могли бы быть опубликованы за счет сокращения текста, местами излишне подробного.

В следующем разделе главы о курганах уйгуров дана в целом добротная публикация двух раскопанных Л. Р. Кызласовым уйгурских могильников. Здесь приходится пожалеть только о том, что вещи из курганов изданы не по комплексам, а по категориям предметов, что не дает ясного представления о памятнике. Подавляющее большинство погребений на могильнике отнесено Л. Р. Кызласовым к наиболее характерному собственно уйгурам типу памятников – подкурганным катакомбам. Датируются они суммарно VIII–IX вв. Помимо катакомб в этих же могильниках были раскопаны тюркские погребения с конем, описание которых также дано в книге. Публикуются в ней и материалы из раскопок А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова о полевых исследованиях погребений иных типов, сосуществовавших с уйгурскими и принадлежавших иным этническим группам. Раскапывал такие могилы и сам Л. Р. Кызласов, поместив данные об этих работах в конце главы об уйгурах.

Следует сказать, что у читателя вызывает недоумение нумерация курганов и погребений, раскопанных автором и его предшественниками. Например, Уюк-Тарлык, к. 46; Коктон, к. 54; Булук, к. 6; Бай-Даг, к. 80–1; Кызыл-Булук, к. 141 и пр. Откуда взялись эти номера? Каков вообще порядок нумерации? Где материалы остальных курганов этих групп? Все это остается неясным. Думается, что разъяснить их можно было в сносках, а еще лучше в каталоге или указателе всех включенных в данную книгу памятников. Такой каталог в книге отсутствует. Его заменяет краткая посезонная характеристика состава экспедиции и ее маршрутов. А между тем в каталог могли бы войти самые разнообразные нужные сведения о публикуемых в книге памятниках. Кроме того, в книге должны быть карты (или схемы), приложенные к каждой из глав с линиями экспедиционных маршрутов. Номера на этих картах соответствовали бы номерам каталога. Это дало бы наглядное и яркое представление не только о работах экспедиции, о насыщенности Тувы археологическими памятниками разных эпох, но и сделало бы четче исторические выводы автора в рецензируемой книге. Отсутствие карт было недостатком и первой книги Л. Р. Кызласова, посвященной Туве. Будем надеяться, что следующие книги этого автора избегнут этого и «Археология Хакассии» будет сопровождаться большим набором карт и схем.

Все критические замечания не меняют общего положительного впечатления о книге – это, безусловно, публикация огромного количества археологических материалов и сведений о населении большого степного региона, обитавшего там на протяжении многих тысяч лет.

Археологи приветствуют монографию о Туве, вводящую в науку новые археологические источники.

С. А. Плетнева.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кызласов Л. Р.* Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении).– Вестн. МГУ, сер. истор.-филол., 1958, № 4.
2. *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время (уюкская культура). М.: Наука, 1970.
3. *Сунчугашев Я. И.* Горное дело и выплавка металлов в древней Туве. МИА, 1969, 149.
4. *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н. э.– первых веков н. э.– ТТКАЭ, 1966, т. 2.
5. *Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры. СЭ, 1966, 3.
6. *Амброз А. К.* Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель.– СА, 1973. № 4.

Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 260 стр. + 33 рис.

Книга Л. В. Алексеева посвящена истории одной из древнейших земель Руси – Смоленщине с ее центром культуры – Смоленском, стоявшим на важном торговом «Пути из варяг в греки». Автор впервые пытается свести воедино разнородные исторические источники: письменные, археологические, историко-географические. На их основе он раскрывает разные аспекты экономики, политической истории и истории культуры. Исследование касается только домонгольского времени. Необходимость такого исследования трудно переоценить, так как после монографии П. В. Голубовского [1] по Смоленской земле не было обобщающего труда. За последние десятилетия на территории Смоленщины разными исследователями производились раскопки древних городов и поселений, изучались разновременные курганные могильники, по разным маршрутам совершены археологические разведки. На древней Смоленщине работали в экспедициях не только археологи, но и историки культуры и этнографы [1]. Накопился богатый научный материал, позволивший по-иному оценить этот древнейший и обширнейший по территории край. Активно изучались и письменные источники, особенно грамоты смоленской епископии XII – начала XIII в. Все это послужило вполне обоснованным поводом для написания монографии по истории древней Смоленщины, в которой Л. В. Алексеев пользуется новейшей методикой по установлению заселенности территории по курганным группам, изучению исторической географии, выявлению древних путей сообщения и т. д.

Книга открывается историографическим обзором, в котором первое место уделяется краеведческим исследованиям. По-видимому, по издательским требованиям автор не мог этот раздел сделать полным, тем более что в серьезном научном труде работы краеведов не могут быть главными. Тем не менее обширная территория Смоленщины во многих ее пунктах обследовалась только краеведами. Наряду с устными и полулегендарными сведениями в краеведческой литературе бывают рассыпаны ценнейшие наблюдения источниковедческого характера, собрать которые и критически их оценить должен крупный ученый.

В первые краеведы Смоленщины попали иностранцы XVI в. Даниил фон Бухау и и Николай Варкоч. Их впечатления о Смоленской земле для историка интересны, но далеко не так важны, как детальнейшее описание северной части Смоленщины, сделанное в 1701 г. окольничим петровского времени Максимом Цызыревым, о котором здесь нет упоминания. Ссылка на М. Цызырева дается лишь на с. 38 в связи с установлением границ лесных массивов. А между тем Максим Цызырев детально описал и составил подробную карту («Чертеж») всех населенных мест от верховья р. Межи до среднего течения Западной Двины. Это описание важно для изучения путей сообщения и древней топонимики края [2].

Нельзя требовать от автора монографии знания всей краеведческой литературы, которой по Смоленской земле очень много, но хотелось бы видеть в историографической части книги Л. В. Алексеева упоминание серьезного труда М. Цебрикова, который подробно описал Смоленскую губернию, обратив внимание не только на географию края, но и на народные поверья и обряды [3].

Гораздо более полный обзор литературы, что вполне закономерно, дается по археологическим исследованиям в Смоленской земле. Наиболее критически автор относится к концепциям основного исследователя Смоленска Д. А. Авдусина, особенно по вопросу о том, где был древний Смоленск – в Гнёздове или на месте современного Смоленска. Л. В. Алексеев считает, что древний Смоленск был в районе Гнёздова. К сожалению, в этой полемике автор книги не может убедить читателя в своей правоте без анализа археологического материала как по самому Смоленску, так и по горо-

---

[1] Северную часть Смоленщины, входившую в бывшие уезды Бельский и Торопецкий, в 1959—1963 гг. обследовали автор этой рецензии вместе с нелидовским краеведом Л. В. Хлопковой и научным сотрудником Загорского музея Л. Э. Калмыковой с целью поисков народного искусства. Были собраны ценнейшие коллекции резьбы по дереву, а также образцы народной одежды, вышивки и ткачества. Эти находки показали глубокую архаику народного искусства Смоленщины. Собранные коллекции поступили в Загорский музей.

[2] Впервые «Чертеж» Цызырева был напечатан в Этнографическом сборнике под ред. Н. В. Калачева и В. И. Ламанского, вып. V, с. 65—71. Текст Цызырева приводится Л. Сапуновым [2. с. 501—510].

дищу и селищам около Гнёздова. Очевидно, последнее слово здесь будет за Д. А. Авдусиным, ведущим систематическое исследование Смоленска. Найти древнейшие слои на месте большого ныне живущего города не так легко, и отсутствие таковых на ничтожно малых по отношению к площади древнего города раскопанных участках еще ни о чем не говорит. Они могут быть найдены, судя по некоторым древним вещевым находкам. Очевидно, этот вопрос может быть разрешен только после полной публикации и анализа археологических материалов по Смоленску и Гнёздову.

Наиболее интересна в книге Л. В. Алексеева глава «Смоленское княжество; территория, заселенность, границы». Автор приводит две очень важные карты. Одна из них показывает распространение славянских племен на территории будущей Смоленской земли, другая дает схему скоплений поселений на этой же территории в X–XIII вв., выявленную по курганным группам. В первой карте использованы исследования В. В. Седова, дополненные автором книги. Вторая карта составлена на основе разных источников. Автор книги исходит из правильной посылки, что от интенсивности заселенности зависит экономическое развитие края и его культура. Составление такой карты без больших археологических раскопок он считает правомерным лишь для западнорусских земель, где курганы с круглыми насыпями имеют сравнительно узкую дату и свободны от этнических примесей. Более ранние курганы имеют другую форму, это прямоугольные в плане или длинные. Карта насчитывает свыше 800 памятников и показывает, что западнее Смоленской земли территория Полоцкой земли была заселена интенсивнее. Это, по-видимому, действительно так. Но на карте Л. В. Алексеева показаны не все курганные скопления. Не отмечены городища и большая курганная группа по р. Лучесе у деревень Шопотово и Заборье в бывшем Бельском уезде, хотя о них есть сведения в литературе [4, с. 436]. Не вся территория Смоленщины обследована археологами даже с целью простой разведки, а поэтому и на археологической карте есть еще немало белых пятен. Автору, по-видимому, неизвестны два городища около оз. Брязлово, в районе, называемом Зазе́рьем, образованном деревнями Кукуево, Борисово и Батурино (в 3–4 км влево от дер. Шумилы, стоящей на большаке Нелидово – Белый). Древние курганные насыпи здесь, как и в Подмосковье, называют «французскими могилками»[3] Плохо обследован и район у с. Бибирево, находящийся на дороге Нелидово – Торопец. Тем не менее карта, составленная Л. В. Алексеевым, дает убедительную картину скопления поселений вблизи Смоленска и в удалении от него с обозначением волоков по топонимическим названиям.

Для изучения формирования территории Смоленского княжества первостепенное значение имеет комплекс грамот смоленской епископии, которым автор уделяет большое внимание. Эти документы ценны для изучения экономики, политической истории и особенно для исторической географии. Мы не будем касаться тех последних специальных источниковедческих исследований, которые были сделаны при изучении этих документов А. А. Зиминым, Я. Н. Щаповым, А. Поппэ и самим Л. В. Алексеевым. Автор книги пользуется самыми новейшими данными. Больше интересно другое – что нового сделали археологи по уточнению и обнаружению тех населенных пунктов, о которых упоминается в этих письменных источниках. Мне представляется наиболее важным уточнение местоположения Вержавска и тех скоплений поселений, которые составляли «Вержавлян Великих». В отличие от И. М. Красноперова [4 с. 355], отождествлявшего Вержавск со Ржевом, археологи убедительно доказали, что древний Вержавск находился на оз. Ржавец, севернее Смоленска. Впервые это городище обследовал В. В. Седов, собравший подъемный материал. Вторично там побывала экспедиция Л. В. Алексеева, которая произвела шурфовку, разрезала оборонительный вал и сняла инструментальный план. Было также установлено местоположение упоминаемой в письменных источниках церкви пророка Ильи. Хуже обстоит дело с определением «Женни Великой». Здесь археологи ничего не добавили к обследованию И. М. Красноперова, сделанному еще в 1899 г. Это он указал на р. Исни Большую, впадающую в оз. Пено, называемую крестьянами Женей [5, с. 351]. У устья р. Жени имеется городище, отождествляемое им с г. Женя Великая, упоминаемом в Уставе Ростислава 1136 г. Археологически это предположение еще не проверено. И. М. Красноперов уточнил и местонахождение Жабачева и Хотшина. Первый находился на берегу оз. Селигер, у дер. Верхней Руды, называемой еще и Жабиной. Отсюда шел кратчай-

[3] Район Зазерья был обследован мною в 1962 г. в связи с поисками произведений народного искусства.

ший путь в Волгу, вплоть до с. Хотшина, где также было впоследствии размытое городище – возможный город Хотошин [5, с. 352, 353]. Он же указал и на погост Спас-Солодомля, который и был упомянут в грамоте Ростислава с. Солодовницами.

Важнейший район у оз. Селигер обследовался в наши дни лишь А. В. Успенской, доказавшей, что курганы новгородской стороны оз. Селигер разноэтничны и имеют раннюю дату – X в. [6, с. 66; 7, с. 76–78].

По-прежнему остался загадочным г. Лучин. Л. В. Алексеев предполагает, что древний Лучин был на Лучанском озере. Предполагал его местоположение здесь и П. В. Голубовский, не исключавший возможность его локализации около дер. Лучаны, у устья р. Ельши при ее впадении в р. Межу. Проверял эту гипотезу лишь В. В. Седов, который не обнаружил городища у устья Ельши. По сообщению местных краеведов, городища там действительно нет. Но есть городище юго-восточнее Лучан, между озерами Велистовским (Велисто) и Княжное, через которое проходит главный пешеходный путь в этом болотисто-озерном крае [4]. Так что локализация г. Лучина требует археологической проверки.

Не повезло и г. Белому (в древности г. Белая или Богородичен), находящемуся на р. Обше. К нему сходились важные сухопутные дороги из Смоленска, Вязьмы, Ржева, Торопца. Еще П. В. Голубовский указывал на то, что «его глубокую древность доказывают рассыпанные в окрестностях курганы» [1, с. 66]. Краткую справку о г. Белая дает В. Н. Татищев [8, с. 183]. Имеются о нем сведения и у географов России [4, с. 437, 438][5] в очерках Ф. Папковича [10], в книге М. Цебрикова [3, с. 87, 108, с. 352–355]. И уж совершенно невозможно обойти молчанием важный летописный источник, только что опубликованный, это – «Бельский летописец», подготовленный к печати В. И. Корецким [11, с. 238—271]. Начало летописца утрачено, и повествование в нем начинается с л. 309 («О преставлении царя Федора Ивановича»), но уже тот факт, что г. Белый был местом летописания, говорит о многом. Существовавший до Великой Отечественной войны Бельский краеведческий музей содержал интересный этнографический и подъемный археологический материал. Среди находок были и монетные клады. Археологически г. Белый не изучался, хотя для этого были большие возможности, так как во время войны город был полностью разрушен и превращен в археологический памятник с древним городищем в центре города, на котором хорошо сохранились валы (в настоящее время город отстроен заново).

Мало изучен и самый северный город древней Смоленской земли – Торопец, хотя там работали Я. В. Станкевич, Г. Ф. Корзухина, П. А. Раппопорт и М. А. Малевская. Л. В. Алексеев только суммирует результаты их археологических исследований. Этот замечательный древний город заслуживает планомерных раскопок. Необходимо более полно изучить и литературу о Торопце, хотя она и имеет в основном краеведческий характер [12, 13].

Бегло освещен и г. Ржев (Ржевка, Ржева Володимирова), по истории которого имеется краеведческая литература [14; 15]. Археологических раскопок в городе не было.

Все эти замечания по древним городам Смоленщины сводятся к основному – отсутствию археологического материала, что сильно обедняет монографию о Смоленщине, написанную археологом.

Гораздо лучше обстоит дело с городами Мстиславлем и Ростиславлем, где работал сам автор (с. 167–183). Раскопки в обоих городах дали ценнейший материал по истории материальной культуры и искусству. Выявлена стратиграфия городов, а частично и их древняя топография. Археологические исследования представляли особый интерес благодаря хорошей сохранности дерева.

Формирование территории Смоленского княжества в свое время было детально по письменным источникам изучено А. Н. Насоновым. Его выводы блестяще подтвердились Л. В. Алексеевым благодаря изучению списка даней в Уставной грамоте Ростислава смоленского 1136 г. Изучению Устава 1136 г. автор уделил особое внимание, это позволило ему сделать важное наблюдение о том, что северные земли (правобережье Днепра и левобережье Волги) платили главным образом княжескую дань, южные же (левобережье Днепра) почти ее не платили, но там земли были очень заселены. Это позволило автору сделать вывод, что уже в то отдаленное время было разделение до-

[4] Сообщено краеведами Н. В. Колотилиным и Н. В. Николаевым.

[5] Краткие исторические сведения об этом городе можно найти в смоленских изданиях (Смоленские губернские ведомости 1843 г. № 14, Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 г. [9, с. 61—101].

ходов князя на государственные (дань) и частные (с домена). На юге Смоленской земли княжескими городами были Ростиславль, Мстиславль, Изяславль (?). Домен князя у Смоленска был лоскутным, так как он вклинивался во владельческие земли смоленских феодалов, существовавшие здесь ранее. Это согласуется с исследованием Г. Ловмяньского, который доказывает, что «села племенной знати, по всей вероятности, гораздо древнее, чем села князей» [16, с. 95]. Л. В. Алексеев впервые ставит и решает вопрос о характере княжеского домена в одной из древнейших русских земель.

Убедительно автор книги ставит вопрос о территории «Вержавлян Великих». Он предполагает, что они занимали восемь скоплений (одно скопление было двойное) поселений вокруг Вержавска. Этим скоплениям возможно отвечают девять погостов вержавлян (с. 57). Девятый погост, по предположению Л. В. Алексеева,– самое удаленное скопление от Вержавска с центром на городище средневекового времени у топонима «Девятая». Упоминаемое в Уставе Ростислава Путтино не вервь, как полагал А. Поппэ, а погост с подчиненным ему с. Беницы. Термин «Дешняне» определен как диснинские кривичи, а «Мирятичи»– волость, известная по Уставу 1136 г., но подчиненная в 1165 г. смоленскому князю. Она вошла в его домен с центром в городе Красн.

Грамота «О погородьи», получившая благодаря исследованию Л. В. Алексеева точную датировку (1211–1218 гг), позволила автору изучить и периферийные центры этого времени. Он пришел к убедительному выводу о том, что Вержавск в 1211 г. захирел, его опередили другие города, среди которых на первое место вышел Торопец.

Методически правильно выясняются и пути сообщения, водные – по кладам, рекам и топонимам на волоках; сухопутные – по кладам, цепочкам курганных групп, относящимся к деревням на дорогах.

В книге Л. В. Алексеева затронуты и другие важные вопросы истории древней Смоленщины, такие как денежное обращение, торговые связи, социально-политическая структура. В последнем разделе интересна попытка определить организацию населения земли по топонимам Устава 1136 г.

В целом книга Л. В. Алексеева написана на современном научном уровне и содержит много методически правильных приемов для разрешения тех или иных вопросов древней истории Смоленщины. Правда, в структуре книги автор не избежал некоторых повторов и почему-то не поместил столь необходимые для археологов планы многих городищ древней Смоленщины, которые в свое время автором демонстрировались на заседаниях Сектора славяно-русской археологии. На мой взгляд, монография, написанная археологом, содержит слишком мало иллюстраций (всего 33 рисунка), что сильно обедняет представление о материальной культуре и искусстве древней Смоленщины. Нигде не приведены и произведения народного искусства, сохранившего именно здесь, в глухих заповедных местах Смоленщины, наиболее архаические черты.

Т. В. Николаева

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубовский П. В.* История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.
2. *Сапунов А.* Река Западная Двина. Витебск, 1893.
3. *Цебриков М.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Смоленская губерния. Спб., 1862.
4. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1905, т. IX.
5. *Красноперов И. М.* Некоторые данные по географии Смоленского и Тверского края в XII веке.– ЖМНП, седьмое десятилетие, ч. CCCXXXV, июнь, 1901. Спб., 1901.
6. *Успенская А. В.* Раскопки на оз. Селигер.– АО – 1969, М., 1970.
7. *Успенская А. В.* Раскопки на оз. Селигер.– АО – 1970. М., 1971.
8. *Татищев В. Н.* Избранные произведения. М.: Наука, 1979.
9. *Ельчанинов Н.* Старина города Белого Смоленской губернии.– Памятная книжка Смоленской губернии на 1858 год. Смоленск, 1858.
10. *Папкович Ф.* Изустные народные предания о городе Белом.– Соревнователь просвещения и благотворения. Спб., 1818.
11. ПСРЛ. М., 1978, т. 34.
12. Историко-статистический очерк города Торопца Псковской губернии священника В. Щукина. Псков, 1888.
13. *Щукин В.* Корсуно-Богородицкий собор в городе Торопце Псковской епархии. Спб., 1894.
14. *Квашнин-Самарин.* Исследование об истории княжеств Ржевского и Фоминского. Тверь, 1887.
15. *Вишняков Н. М.* Ржев. К истории города и района. М.: Московский рабочий, 1969.
16. *Ловмяньский Г.* О происхождении русского боярства.– В кн.: Восточная Европа в древности и в средневековьи. М.: Наука, 1978.

Trigger B. Time and Traditions. Essays in archaeological interpretation. Edinburgh. Edinburgh university press, 1978. 273 p., bibl., index.

Книга Брюса Триггера «Время и традиции. Очерки по археологической интерпретации», выпущенная в 1978 г. издательством Эдинбургского университета, представляет собой сборник статей автора по важнейшим вопросам археологической теории. Многие из них уже появлялись в печати начиная с конца 60-х годов, но некоторые были написаны специально для этой публикации. Сведенные воедино, эти статьи составили книгу, в которой последовательно изложены взгляды автора. Работа Б. Триггера особенно интересна потому, что он хорошо знаком с состоянием дела как в английской, так и в современной американской археологии, развитие которой шло в значительной степени независимо от европейской. Это позволяет ему провести ряд интересных сравнений и объяснить некоторые тенденции современной теоретической литературы (по крайней мере англоязычной).

Несколько слов об авторе. Канадский ученый, получивший специальное образование в университете Торонто, Б. Триггер плодотворно занимался археологией, этнографией и историей гуронов и ирокезов. В 1963—1964 гг. он в качестве ведущего археолога принимал участие в спасательных раскопках американской экспедиции в Нубии, в зоне строительства Ассуанской плотины. В 1964 г. в Йельском университете (США) им была защищена диссертация по археологии и древней истории Нижней Нубии, выполненная в русле «поселенческой археологии». Его перу принадлежит ряд важных публикаций и теоретических работ [1—6]. Б. Триггер всегда уделял много внимания вопросам теории и методики археологического исследования. Во «Времени и традициях» он подводит итоги своих изысканий в этой области.

Статьи в книге сгруппированы по трем разделам. Первый из них — «Археология: наука или история?» [1] — посвящен самым общим проблемам, касающимся основных задач археологии и ее места среди других общественных наук. Сюда вошли три статьи: «Современные тенденции в американской археологии» (написана в 1977 г. специально для рецензируемой книги), «Задачи доисторической археологии» (издана в 1970 г.) и «Будущее археологии — прошлое» (издана в 1973 г.).

Говоря о целях археологической науки, Б. Триггер совершенно закономерно обращается к тем тенденциям, которые получили сейчас широкое распространение в научных кругах Европы и Америки. Прежде всего это касается «новой археологии» — направления, возникшего на американской почве в 60-х годах и декларировавшего разрыв с традиционными теоретическими построениями. В качестве целей археологии сторонники этого направления провозгласили объяснение культурно-исторических процессов и выявление их закономерностей. Традиционная точка зрения, по их мнению, ведет лишь к описанию и констатации фактов прошлого.

Б. Триггер, разбирая основные постулаты «новой археологии» (с. 4—13), такие как признание закономерностей в развитии человечества и его культуры, применение дедуктивного метода в исследовании, интерес к изучению палеоэкономики и др., убедительно показывает, что все они не являются принципиальным новшеством, а зародились в недрах археологии «старой», традиционной, в том числе и американской. Резкость разрыва между «новой» и «старой» археологией в США автор логично объясняет конкретной ситуацией в американской науке, где археологические исследования были тесно связаны с этнографическими. История как наука здесь изучала лишь прошлое белого населения и начиналась с освоения Нового Света европейцами. Такой подход приводил к тому, что за американскими индейцами не признавалось права на историческое развитие. Практически это выливалось в формальное изучение культур аборигенов как статичного набора культурных черт.

Ярче всего описанный подход проявился в теоретических построениях «исторической» школы американской этнографии, которая в значительной степени определяла обстановку в археологии США до середины XX в. [7, с. 104—117]. Задачи археологического исследования при этом сводились прежде всего к выделению культурных комплексов и их хронологизации. Резкий протест против ограниченности такого подхода и широкое применение современных математических и технических методов исследования придали бунтарскую окраску «новой археологии». Но хотя основные идеи, на которых она базируется, и возникли, как хорошо показано Б. Триг-

[1] Этот заголовок отражает существующую на Западе тенденцию называть наукой только те области знания, которые связаны с возможностью экспериментальной проверки и формализации. История при этом рассматривается как описательная дисциплина.

гером, на предшествующем этапе развития науки, нельзя не признать, что это направление развивает их целенаправленно и в очень широких масштабах. Стремление привнести в археологию строгие, приближающиеся к естественнонаучным, методы доказательства, разработать ее общую теорию, попытки познать закономерности развития культуры, ответить не только на вопрос «как шло это развитие?», но и на вопрос «почему происходили те или иные изменения?» несомненно являются позитивным вкладом «новой археологии» в развитие науки. Следует заметить, что перед советскими археологами эти вопросы вставали еще в 20-х — начале 30-х годов и уже тогда были безоговорочно решены в пользу поисков материалистического объяснения причинных связей исторического процесса на основе марксистской теории общественного развития.

Б. Триггер совершенно справедливо подчеркивает, что доисторическая археология в Европе никогда не была так оторвана от истории, как американская. Она традиционно рассматривалась как «историческая дисциплина, задачей которой было исследовать человеческое прошлое тех периодов, для которых письменные источники отсутствуют или скудны»[2] (с. 19—20). В первом разделе книги автор пытается оградить археологию как часть исторической науки от упреков сторонников «новой археологии» в описательности и отсутствии строгой системы доказательств, исключающем проверку высказанных предположений. По мнению Б. Триггера, такое отношение порождено уже упоминавшейся ситуацией в американской науке. В европейской же археологии традиционно стремление не только к описанию, но и к интерпретации полученных данных, восходящее еще ко времени К. Ю. Томсена и И. Я. Ворсо.

Справедливости ради автор отмечает, что «за фасадом большой части традиционной археологии лежит значительный недостаток в ясных представлениях о важнейших теоретических проблемах» (с. 22). Во многом это, вероятно, происходит из-за практической связи европейской археологии с историей, приведшей к тому, что теоретически проблема соотношения описания фактов и их исторического объяснения никогда не стояла так остро, как в американской науке. И можно согласиться с Б. Триггером, когда он говорит о неправомерности противопоставления описательного и интерпретационного уровней исследования (с. 25, 26). Эти уровни, имея различные цели, неразрывно связаны друг с другом, поскольку как объяснение базируется на описании фактов, так и само описание ведется с учетом задач исторического объяснения. Упрек в невозможности проверки традиционных археологических построений автор тоже считает несправедливым. Ведь накопление и осмысление новых фактов всегда служит пробным камнем для выдвинутых прежде гипотез.

В определении познавательных границ археологии Б. Триггер настаивает на том, что археолог должен стремиться лишь к максимально полной реконструкции прошлого, оставляя выявление закономерностей исторического развития на ископаемом материале на долю других общественных наук. Он пишет: «Археологу, который заинтересован главным образом в формулировании законов социально-культурных процессов, лучше было бы стать социальным антропологом или этнографом и работать с народами живыми или хорошо документированными исторически, чем с более непокорным археологическим материалом» (с. 34). Подобное утверждение, на мой взгляд, более чем спорно. Оно неправомерно ограничивает познавательные возможности археологии и противоречит практике мировой науки, которая показывает, например, что именно археологические исследования привели к открытию такой общеисторической закономерности, как связь «неолитической революции» — появления экономики, дающей стабильный прибавочный продукт,— с формированием центров древнейших цивилизаций.

Скептицизм автора в отношении поисков закономерностей проявился на тех страницах, где он пишет о своем отношении к проблеме обусловленности исторического развития. Он полагает (хотя и высказывает это крайне завуалированно), что сложность социальных и культурных процессов практически исключает возможность их сопоставления и выработки единого объяснения. Ведь, по его мнению, различия в сопоставляемых исторических явлениях столь же весомы, сколь и то, что их сближает. Более того, он резко протестует против того, что некоторые исследователи уделяют большее внимание сходству, нежели различиям явлений.

Именно разнообразие явлений, наблюдаемых археологами, приводит Б. Триггера к мысли о невозможности решать на археологическом материале вопросы поиска за-

[2] Здесь и далее переводы автора рецензии.

кономерностей развития. Он пишет: «...одна из слабостей большей части современного теоретизирования в археологии может быть возведена к тенденции некоторых археологов рассматривать их науку как «прошедшее время этнологии» или род «палеоантропологии» (в характерном для западной науки понимании этого термина — *В. Б.*) вместо того, чтобы определять ее задачи в рамках тех возможностей, которыми обладают ее материалы, и ставить те вопросы, для ответа на которые археологические данные больше всего подходят» (с. 49, 50). Эти положения Б. Триггера вступают в явное противоречие с позицией историзма археологии, сформулированной им ранее, когда он крайне убедительно защищает историю от обвинений в описательности, говоря о ней как о науке, в задачи которой входит не только констатировать факты прошлого, но и формулировать общие законы, объясняющие повторяемость явлений (с. 27).

В конце этой части книги автор опять пишет о том, что «объяснение событий прошлого должно рассматриваться как самая важная задача археологического исследования» (с. 52). Но ведь такое объяснение требует сравнительного анализа, выделения в исторических явлениях не только специфического, но и общего, повторяющегося. И здесь невозможно обойтись без понимания диалектического единства этих категорий в историческом (а следовательно, и археологическом) явлении. Противоречивость позиции Б. Триггера в вопросе о познании общеисторических закономерностей на археологическом материале, в свою очередь, закономерна. Она прямо связана с тем, что буржуазная археология не опирается на последовательную теорию процесса исторического познания. Хотя в советской археологической науке и нет пока единого понятия конечных целей археологии [3], марксистская философия истории уже выработала представление о теоретическом уровне исторической науки — уровне, связанном с научным объяснением эмпирически выявленных фактов и изучением закономерностей исторических процессов [4]. Поскольку мы рассматриваем археологию как неотъемлемую часть исторической науки [10, 11], то и на нее должно распространяться методологическое положение о необходимости теоретического уровня исследования.

Второй раздел книги называется «Прогресс, культура и общество». Он носит историографический характер и посвящен истории развития археологии как науки и становлению ее важнейших понятий. Раздел включает пять статей, из которых две первые — «Археология и идея прогресса» и «Развитие понятия археологической культуры в Европе и Америке» — публикуются впервые.

История западной археологии в изложении Б. Триггера не носит оригинального характера. Здесь интересны не столько излагаемые факты, сколько те оценки, которые дает им автор. Хотя Б. Триггер и предпочитает не высказываться прямо, но наиболее плодотворным он считает то, преимущественно материалистическое, направление в западной археологии, которое представлено работами Г. Чайлда и Г. Кларка и к которому близок он сам. Уделяя большое внимание разбору взглядов Г. Чайлда (с. 67—70, 82—86), автор отмечает, что в ряде положений они восходят к марксизму (с. 69, 137). Особенно пристально он рассматривает положения, связанные с подходом Г. Чайлда к понятию археологической культуры.

Б. Триггер прослеживает историю этого важнейшего понятия археологии, становление которого проходило в тесной связи с идеологической борьбой в Европе конца XIX — начала XX в. Он откровенно не принимает расистские построения, базировавшиеся на трудах Г. Коссины (с. 82), хотя академический тон, в котором написана книга, не позволил ему высказать это отношение достаточно резко.

Археологическую культуру Б. Триггер определяет как «географически сопряженный набор типов артефактов, которые могут встречаться в различных комбинациях в разных функциональных контекстах и которые совместно образуют сохранившееся материальное выражение определенного образа жизни, достаточно содержательное, чтобы позволить ее носителям увековечить себя и системы своего поведения на протяжении последующих поколений» (с. 76). Это определение отражает вполне материалистический и исторический взгляд автора на природу археологической культуры, хотя трудно согласиться со сведением всего того, что она отражает, только к «системам поведения» (behavioural patterns).

---

[3] См. материалы дискуссии о предмете археологии, прошедшей во второй половине 70-х годов.

[4] Наиболее подробный и аргументированный разбор проблемы уровней исторического познания см. у Э. Н. Лооне [8, 9, с. 86—108].

Более подробно касаясь вопроса о том, какое историческое явление стоит за археологической культурой (с. 119, 120), Б. Триггер очень скептичен. Он говорит здесь только о группе общин с одинаковой материальной культурой, но тут же предупреждает о трудности определения характера их связи между собой и о ненадежности любых определений их языковой принадлежности. Ранее, разбирая взгляды Г. Чайлда (с. 83—86), автор отмечал, что и этот ученый не считал археологическую культуру обязательно соответствующей определенной этнической группе, а придавал большое значение функциональному моменту в ее определении — отражению в ней особенностей окружающей среды, экономики и т. п. Б. Триггер специально подчеркивает уверенность Г. Чайлда в возможности воссоздания по археологическим материалам некоторых сторон идеологии древних обществ.

Вопрос о конкретном историческом содержании понятия «археологическая культура» и в советской науке остается дискуссионным. В своей практической работе большинство советских археологов исходят из представления об общем соответствии культуры тем или иным этническим образованиям по крайней мере в эпоху первобытности. Предпринимались и попытки теоретического обоснования такой точки зрения [12, с. 69—77; 13, с. 20—24; 14, с. 26, 36, 39, 40; 15; 16, с. 36]. Однако высказывалось и другое, более скептическое мнение о возможности этнической интерпретации археологической культуры [17].

Б. Триггер подробно разбирает также, как развивались взгляды американской археологии на феномен археологической культуры (с. 87—95). Он отмечает, что, несмотря на большую оторванность от истории и формально хронологический подход, здесь тоже сложился ряд понятий, отражающих группировку археологических комплексов в пространстве и во времени. По своему общему значению они приближаются к европейскому понятию археологической культуры, в то время как сам термин «культура» в американской археологии связан с гораздо более широким и менее определенным кругом представлений.

Третий раздел книги Б. Триггера — «Вывод и интерпретация» посвящен проблеме тех заключений о древней истории, которые делаются на основании археологического материала. Названия помещенных здесь статей говорят сами за себя: «Археология и экология», «Археологическое изучение форм правления», «Факторы, определяющие способы расселения», «Неравенство и передача информации в ранних цивилизациях», «Передача социальных институтов от общества к обществу».

Остановимся в этой связи на том, как Б. Триггер рассматривает проблемы «поселенческой археологии» — широко распространенного сейчас в западной науке направления, одним из активных представителей которого является и он сам. Факторы, влияющие на расселение человеческих коллективов, рассматриваются автором по трем основным уровням: 1) отдельные постройки, 2) поселение в целом и 3) система поселений и их размещения в пределах одной культурно-исторической зоны. Последние два уровня широко представлены в трудах археологов, работающих в русле «поселенческой археологии», в то время как первый четко формулируется именно автором рецензируемой книги. По его справедливому мнению, постройки (жилища, храмовые сооружения и т. п.) могут отражать в своей конструкции и планировке как некоторые особенности приспособления данного коллектива к данной природной среде, так и ряд социальных характеристик, в первую очередь структуру семьи, а с усложнением общества — и имущественную, ритуальную и даже политическую стороны его жизни.

Подобный подход к изучению отдельных построек можно считать вполне перспективным. Необходимо только отметить, что, будучи относительно новым для «поселенческой археологии» Запада (разбираемая часть книги Б. Триггера была им впервые опубликована в 1968 г.), он не является таковым для советской археологии, на всем протяжении истории которой интерес к изучению этих объектов был чрезвычайно велик. Достаточно вспомнить о приоритете советских археологов в изучении палеолитических жилищ или о тщательнейших исследованиях усадеб древнего Новгорода и других средневековых городов.

Второй уровень, связанный с изучением поселения как целостного организма, тоже не новинка для советской науки, независимо от современных «системных» терминов, в которые подчас облекаются построения «поселенческой археологии». Возможно более полное исследование поселений, раскопки максимально широкой площадью и историческое осмысление результатов полевых работ — это те требова-

ния, которые предъявляются к нашим раскопщикам со времени становления советской археологической науки.

Пожалуй, менее всего представлен в нашей археологии третий уровень — изучение системы поселений определенной зоны. В основе этого уровня лежит сопоставление расположения функционально различных типов поселений с экологическими ресурсами данной зоны. Это особенно важно для памятников первобытной эпохи, где в ряде случаев таким способом удается, например, установить сезонные миграции определенных охотничье-собирательских коллективов. Существенно, что Б. Триггер, отдавая должное экологическим исследованиям, одновременно предостерегает от их переоценки (с. 184, 185), встречающейся в археологической литературе Запада, особенно американской. Он совершенно справедливо указывает, что на складывание системы поселений влиял и ряд других факторов, таких как обмен и торговля, политическая организация общества, военный и даже религиозный фактор. Нужно сказать, что и здесь и далее автор «Времени и традиций» четко разделяет свой подход к памятникам различных эпох, в первую очередь первобытности и классовых обществ, не употребляя, правда, этот термин и называя их сложными обществами или ранними цивилизациями.

Именно так он их рассматривает в третьем очерке последнего раздела книги, где пытается объяснить становление «сложных обществ» и ряд особенностей «ранних цивилизаций», исходя из способов передачи информации при управлении увеличивающимися и усложняющимися человеческими коллективами. Здесь Б. Триггер приходит к совершенно неприемлемым для нас выводам, связывая появление классовых обществ и государства, важнейшим критерием которого он считает принуждение (с. 201), лишь с демографическим ростом и усложнением структуры управления. Он пишет: «Помимо демографических факторов, кажется ясным, что на определенном этапе все социально-культурные системы становятся достаточно сложными, чтобы для их регулирования стало необходимым делегирование принятия решений, что в свою очередь требует определенной формы принуждения» (с. 200). Так объясняется возникновение правящей верхушки, которая впоследствии начинает использовать общественный продукт в своих собственных целях (с. 203). Автор полностью игнорирует социально-экономические процессы, приведшие к появлению древнейших государственных образований, роль имущественной дифференциации, процесса становления классов и возникновения эксплуатации, сводя все лишь к появлению иерархической структуры управления.

Точка зрения Б. Триггера лежит в русле достаточно обычной для западной науки тенденции ограничиваться исследованием одного, часто поверхностного слоя общественно-экономических процессов, упуская из виду как их сложность, так и глубинные, сущностные явления. А ведь именно против односторонности в изучении сложных процессов прошлого сам автор неоднократно высказывался на страницах рецензируемой книги там, где это касалось предшествующих уровней исследования. Подобная непоследовательность очень характерна даже для самых прогрессивных представителей западной археологии, когда их построения выходят на уровень изучения больших исторических закономерностей. Последовательно изучать эти проблемы можно лишь на базе всеобъемлющей теории исторического процесса. Такой теорией располагает только марксистская наука [5].

Оценивая книгу Б. Триггера в целом, нужно сказать, что она представляет собой очень содержательный анализ достижений западной археологии в области теории, причем не самых последних изысканий, а тех исследований, результаты которых уже вошли в практику американских и английских ученых. Написана она опытным археологом, принадлежащим к прогрессивному и в значительной степени материалистически мыслящему крылу западной археологии. Поэтому его оценки современных течений в решении теоретических проблем представляются очень интересными и во многих случаях вполне справедливыми. Но, оставаясь буржуазным ученым, Б. Триггер разделяет основные недостатки и ограниченность буржуазной науки. Чем дальше он отходит от рассмотрения конкретных методов исследования археологических материалов, тем менее приемлемы для нас его положения. Это особенно заметно, когда он доходит до интерпретационного уровня археологического исследования, где прямо сказывается отсутствие за его построениями сколько-нибудь прочной базы общеисторической теории.

В. А. Башилов

[5] Подробный разбор вклада марксизма в расширение поля исследования археологической науки см. у Э. Н. Лооне [9, с. 109—115].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Trigger B.* History and Settlement in Lower Nubia.— Yale Univer. Publ. in Anthropol. New Haven, 1965, № 69.
2. *Trigger B.* The Late Nubian Settlement at Armina West.— Publications of the Pennsylvania-Yale Expedition to Egypt, New Haven — Philadelphia, 1967, № 2.
3. *Trigger B.* Settlement Archaeology — its Goals and Promise.— American Antiquity, 1967, v. 32.
4. *Trigger B.* Beyond History: the Methods of Prehistory. N. Y., 1968.
5. *Trigger B.* The Huron: Farmers of the North. N. Y., 1969.
6. *Trigger B.* Nubia under the Pharaohs. London, 1976.
7. *Аверкиева Ю. П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М.: Наука, 1979.
8. *Лооне Э. Н.* Об уровнях исторического знания и познания.— Уч. зап. Тартуск. ун-та, вып. 301; Тр. по философии, Тарту, 1973, т. XVI.
9. *Лооне Э. Н.* Современная философия истории. Таллин, 1980.
10. Конференция «Историзм археологии: методологические проблемы». М., 1976.
11. *Рыбаков Б. А.* Историзм археологии.– КСИА АН СССР, 1978, № 152.
12. *Фосс М. Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР.— МИА, 1952, № 29.
13. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Изд-во АН СССР, 1952.
14. *Захарук Ю. М.* Проблеми археологічної культури.— Археологія, 1964, т. XVII.
15. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 4.
16. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура – ее определение и интерпретация.– СА, 1970, № 2.
17. *Монгайт А. Л.* Археологические культуры и этнические общности (к вопросу о методике историко-археологических исследований).— Народы Азии и Африки, 1967, № 1.

Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с. с илл. **Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв.** М.: Наука, 1981, 164 с. с илл.

Изучение раннесредневековых памятников Южного Урала долгое время значительно отставало от темпов накопления археологического материала в других районах Западного Приуралья. Этот пробел особенно чувствовался в связи с оживлением интереса к этнической проблематике. Южный Урал был колыбелью формирования башкирского народа, и естественно, что освещение ранних этапов этого процесса требовало привлечения археологических источников. Лишь с конца 50-х годов начались планомерные раскопки памятников [1], позволившие впервые поставить проблему изучения этногенеза башкирского народа на археологическом материале. При этом, однако, сразу же обнаружился различный подход к культурно-исторической периодизации и этнической интерпретации археологических памятников. Острые дискуссии не прекращаются и до настоящего времени. Наиболее значительные полевые исследования раннесредневековых памятников проводились Н. А. Мажитовым, около 20 лет возглавлявшим крупные экспедиции Башкирского филиала АН СССР. Им раскопано до полусотни памятников, главным образом могильников, но опубликованы лишь результаты раскопок двух могильников и двух поселений [2; 3; 4, с. 157–162; 5, с. 140–150].

Н. А. Мажитов постоянно выступал по многим проблемам со статьями и даже книгами, в которых, однако, фактический материал источниковедчески не освещался [6, 7]. Поэтому появление двух больших публикаций в центральной печати объемом более 30 п. л., посвященных, как пишет автор, введению в научный оборот всех раскопанных им памятников VIII–XII вв. и исследованию этнической истории и культуры населения Южного Урала эпохи раннего средневековья, несомненно, вызовет интерес, ибо в них, как и следовало ожидать, автор подвел итоги многолетних работ.

Книга 1977 г. содержит «Введение» и шесть глав. Определив задачи публикации, Н. А. Мажитов рассматривает в главе I вопросы хронологии средневековых памятников и в дальнейшем опирается на этот анализ при исторических построениях. Глава II посвящена описанию керамики, III – погребального обряда. Попутно в этих главах автор делает небольшие экскурсы в область этнической истории или религиозных верований. К этим главам логически примыкает заключительная глава VI– «К происхождению ранних башкир», в которой Н. А. Мажитов дает реферативный обзор состояния проблемы происхождения и формирования башкирского народа в различных науках: антропологии, этнографии, лингвистике и в таком же объеме – в археологии. Здесь автор в основном излагает свою точку зрения на развитие эт-

нической истории ранних башкир VII–XIV вв. В главе IV автор пытается реконструировать доисламские верования башкир, привлекая для этого не столько археологические источники, сколько этнографические и фольклорные. Вопросы характера хозяйственной деятельности рассмотрены в главе V. Последние главы мы не будем затрагивать в нашем обзоре, так как они связаны со спецификой совмещения различных видов источников при исследовании проблем истории древних народов.

Публикация 1981 г. также состоит из «Введения», в котором автор сообщает, что данный труд «является источниковой основой» книги 1977 г., и разъясняет вопрос об изменении своих взглядов на хронологию памятников. В основные разделы книги выделены описания памятников по четырем хронологическим группам. Каждый раздел, кроме отчетных данных о памятниках, содержит в заключении краткое обоснование их хронологии и иногда небольшие обобщения по погребальному обряду или замечания по вопросам этнической истории. В «Заключении» (с. 160–161) автор вновь дает некоторые комментарии по хронологии.

Публикации Н. А. Мажитова рассмотрим со стороны методов формирования научных фактов. Именно здесь начинает со всей силой проявляться зависимость между методом и целью исследования. Определение цели – исходный момент в выборе метода исследования, и в этом отношении цель уже детерминирована методом. Естественно, что такая зависимость заставляет обратить особое внимание на выбор автором метода и его реализацию, особенно в настоящее время, когда в археологии происходит поиск новых методов исследования.

В данном случае Н. А. Мажитов совершенно верно понимает, что и ввод в научный оборот материала, и систематизация его зависят прежде всего от подхода к нему исследователя. Поэтому в первую очередь при анализе работы должны рассматриваться вопросы методики исследования — в какой мере они соответствуют современному уровню развития науки и какие новые стороны в рассматриваемых явлениях они позволяют вскрыть. Особенно критически следует рассматривать методический подход при изучении таких эпох исторического развития, которые вызывают острые дискуссии, как, например, эпоха раннего средневековья Южного Урала. Дискуссионность изучения таких эпох обусловлена не только недостаточным количеством исследованных памятников, а зачастую и недостаточно оперативной публикацией их результатов, или, как думает Н. А. Мажитов, тем, что «научная мысль нередко опережала накопление фактов» (1977, с. 10). Дискуссии возникают там, где при анализе материала применяются принципиально различные исходные теоретические посылки и методы изучения источников. Поэтому едва ли оправдываются надежды Н. А. Мажитова на то, что ему «хотелось противопоставить максимально полную сводку фактов и предложить читателю те выводы, которые вытекают лишь из анализа первоисточников» (1977, с. 10), и тем самым снять остроту дискуссии.

В целом задачи работы сформулированы довольно расплывчато. С одной стороны, Н. А. Мажитов считает, что «в качестве одной из главных задач является не только ввод в научный оборот новых материалов по ранней средневековой археологии Южного Урала, но и систематизация накопленных до сих пор данных под единым углом зрения» (1977, с. 9). Говоря, однако, об использовании материала, он ограничивается общей фразой: «...сейчас возможно лишь дать анализ археологических источников, разработать периодизацию и наметить общие контуры этнической и социальной истории» (1977, с. 10).

В книге 1981 г. задачи публикации 1977 г. как будто бы определены более четко: «На основе проделанной систематизации источников предпринята попытка реконструкции религиозных представлений, хозяйственной деятельности населения и этнической истории края» (с. 3), но настораживает замечание Н. А. Мажитова: «В плане предварительного обобщения добытых материалов автором в 1977 г. выпущена книга „Южный Урал в VII—XIV вв.“ В ней вниманию читателей было предложено обоснование предварительной даты опорных памятников...» (с. 3). Так что же, все публикации автора сделаны в «предварительном плане»?

Рассмотрим, в какой мере Н. А. Мажитову удалось в рецензируемых книгах выполнить хотя бы эти задачи и какими методами это сделано.

Публикация источников. Введение в научный оборот археологических материалов осуществляется различными путями, но, по-видимому, при одном непременном условии – сохранении представления о целостности памятников как исходных первоисточников для любого последующего анализа.

В книге 1981 г. Н. А. Мажитов публикует отчетные данные о раскопках 17 курганных могильников, различных по объему материала и соответственно своей значимости.

Автор приводит описание курганов и погребений, дает схематические планы курганов и иногда погребений и рисунки почти всех вещей по отдельным погребениям. Подобная, достаточно обстоятельная форма публикации материала делает его ценным источником при археологических исследованиях, хотя следует заметить, что конструкции курганов почти не описаны, а схемы их чрезвычайно упрощены. Очень мало дано и планов погребений. Автор не приводит данных о количестве раскопанных им погребений и курганов. Лишь для памятников IX–X вв. дана суммарная таблица (1981, с. 121, табл. А), из которой видно, что здесь описано 104 кургана и 237 погребений. Всего же в книге, судя по объему, описано не менее 400 погребений из 160 курганов. Поэтому не совсем ясно, откуда происходит 1600 могил и 400 курганов VII—XIV вв., о которых пишет автор (1977, с. 78). Впрочем, статистические данные о количестве погребений и курганов у него весьма противоречивы (1977, с. 79–83).

Н. А. Мажитов ставит задачу систематизации «накопленных данных под единым углом зрения» (1977 г., с. 9). Каков же этот угол зрения? Наиболее удачно написана глава о керамике. Н. А. Мажитов попытался подробно рассмотреть типологию и описать многочисленные и разнообразные сосуды, встречающиеся в памятниках от середины I до первой половины II тысячелетия. Подобная работа в археологии Башкирии предпринята впервые, хотя по отдельным периодам керамика описывалась многими авторами. Н. А. Мажитов выделяет пять групп сосудов: турбаслинскую, бахмутинскую, кушнаренковскую, кара-якуповскую и со шнуровой орнаментацией. Все они, «за исключением кушнаренковской, связаны с самостоятельными группами памятников, которые имеют относительно четкую локализацию и различаются во времени. Отсюда нетрудно предположить независимость происхождения и этнической принадлежности каждой из них» (1977, с. 41). Это замечание вводит читателя в заблуждение, ибо неверно, так как абсолютное большинство типов керамики, включенных в отдельные группы, встречаются с типами других групп на одних и тех же памятниках, что отмечалось уже неоднократно как специфика памятников данной эпохи. Пишет об этом, кстати, и Н. А. Мажитов (1977, с. 6).

«Группы керамики» – какое вкладывается содержание в это понятие у Н. А. Мажитова? В главе I – группы металлических вещей: А, Б, В и т. д., относящиеся к одному хронологическому периоду. Здесь «группы керамики» – одной этнической принадлежности? В составе групп керамики выделено 37 типов. Иногда внутри типов писаны варианты, обозначенные А, Б и т. д.

Группы, по Н. А. Мажитову, отличаются «друг от друга формой сосудов и характером орнаментации» (1977, с. 41). Если это основной принцип разделения на группы, то каким образом в одну бахмутинскую группу попали низкие чашевидные сосуды с пояском резного или гребенчатого орнамента на плечиках (тип. 1, 2, 1977, табл. 11) и высокие чаши, вся наружная поверхность которых покрыта ямочными наколами? А к турбаслинской группе отнесены кувшины с ручкой (типы 4–7), высокогорлые горшки (тип 8), низкогорлые *плоскодонные* горшки с широким дном (тип 9), высокие горшки с узким *плоским* дном (тип 10), высокие *круглодонные* сосуды, несколько различающиеся между собой по форме шейки (типы 11, 13–15), и подобные же сосуды с пояском орнамента по плечикам (тип 12)! Выделение типов также проведено с точки зрения типологии далеко не безупречно, по разным критериям: в одних случаях по форме, в других – по размерам (ср. тип 9, вариант А и Б; типы 23, 24, 26 и др.) или различиям орнамента (ср. типы 11 и 12; 23 и 24, 26 и 27 и др.).

Систематизация металлических вещей, главным образом украшений, поясной гарнитуры и предметов вооружения в *типологическом плане полностью отсутствует*. Вещи разделены только на хронологические группы и перечислены (подробно см. ниже).

При классификации погребальных памятников независимо друг от друга и без указания на взаимовстречаемость выделены типы курганных насыпей и типы могильных ям (фактически форма ям). Отдельно приводится перечень ориентировок захороненных по сторонам света (1977, с. 78–83).

Затем автор рассматривает *наземные захоронения*, внутри которых выделяет группы А, Б, В (1977, с. 84–93). Группа Б в свою очередь делится на варианты

а, б, в. Но можно ли уловить специфику при таком описании: «Вариант является самым многочисленным»... и далее следует длинный перечень курганов и погребений, в которых встречается данный вариант. «Во времени эти погребения распределяются в пределах периодов Б-3 (табл. I). В конструктивном отношении они, очевидно, выглядели так же, как и описанные выше могильные сооружения» (1977, с. 88)! В чем же специфика такого варианта?

Отдельно описываются *погребения в ямах* (1977, с. 93–118), которые подразделяются на курганы турбаслинского типа, могильники бахмутинской культуры, курганы лагеревского, мрясимовского и башкир-беркутовского типов. Здесь уже нет ни групп, ни вариантов. А по какому принципу выделены перечисленные типы и культуры, не указано. Практически почти во всех типах, кроме бахмутинской культуры, в массе преобладают курганные насыпи типа I и могильные ямы типа I (наземные!) или II (простые ямы), лишь в турбаслинском типе указаны ямы сложной формы (1977, с. 94). В чем специфика группы «Курганы турбаслинского типа» (VII—VIII вв.), нигде прямо не сказано. Но, судя по изложению, Н. А. Мажитов связывает эту группу с выделенной им ранее турбаслинской культурой. Но почему тогда этот раздел так и не озаглавлен, как, например, следующий — «Могильники бахмутинской культуры» (1977, с. 100)?

Курганы лагеревского (VII—XII вв.), мрясимовского (XII–XIII вв.) и башкир-беркутовского (XIII–XIV вв.) типов практически не различаются по конструкциям насыпей и ям, о чем пишет и сам автор (1977, с. 100, 101, 113). Так, например, лагеревский тип «представляет сочетание невысоких круглых в плане насыпей и неглубоких могил. *Хотя такой тип* погребальных сооружений *в принципе не является характерным для какого-нибудь конкретного района и узкого времени*, в данном случае имеются в виду курганы, *отличающиеся сходством* вещевого материала и датирующиеся в пределах VII—XII вв. н. э.» (1977, с. 103, курсив наш.— *В. Г.*). Практически «вещевой материал» сведен только до керамики: кушнаренковская и караякуповская для курганов лагеревского типа и шнуровая для мрясимовского. Но тогда, естественно, встает вопрос, для чего нужны *новые термины*: «лагеревский» и «мрясимовский» или группа керамики с шнуровым орнаментом?

При описании могильников бахмутинской культуры Н. А. Мажитов искажает свои же собственные данные. Он пишет, что все бахмутинские могильники грунтовые и среди них преобладают могилы типа II. «По существу эти могилы мало различаются от встреченных почти в каждом могильнике могил I типа» (1977, с. 100). В таблице Г среди памятников бахмутинской культуры так и показано в Бирском могильнике могил типа I – шесть, а типа II – 169. Но несколькими строками ниже о Бирском могильнике сообщается, что «в нем достаточно полно представлены могилы типа IV, и в этом он очень схож с курганами турбаслинского типа» (1977, с. 101).

Статистические данные по этому могильнику вообще странны. В монографии Н. А. Мажитова «Бахмутинская культура», где опубликованы результаты его раскопок, описано 206 могил; в таблице Г, упомянутой выше, их уже 217. Могил типов III и IV 59, следовательно, остальных 148, а в таблице: 6+169=175.

Таким образом, богатейший археологический материал, несмотря на наличие большого количества иллюстраций, введен в научный оборот в самом первозданном виде – в виде описания содержания каждого кургана и погребения. Систематизация материала — его типология и классификация или вообще отсутствуют, или выполнены настолько путанно, что едва ли могут быть приняты как источниковедческие, которые хотел создать автор. Все комплексы: как вещи, так и погребальные конструкции из могильников – оказались произвольно разрозненными по различным хронологическим и керамическим группам, типам, культурам и «типам курганов», и воссоздать какую-либо целостную картину комплексов эпох или периодов совершенно невозможно. А ведь главным, исходным источником в любом исследовании является не только памятник, но и систематизированные комплексы, от чего зависит качество работы, ее историческая достоверность. Мы уже отмечали небрежность, с какой работает Н. А. Мажитов, допускающий массу ошибок и путаницы [8, с. 226, 227]. К сожалению, в данной публикации все пронизано субъективизмом и все нужно воспринимать «на веру», полагаясь на совесть автора.

О методах определения хронологии памятников. Вопросы хронологии занимают центральное место в изысканиях Н. А. Мажитова как при публикации источников, где каждый раздел завершается хронологическим обзором (1981 г.), так и в обобщающей работе 1977 г., где хронологии посвящена специальная глава. Данный ас-

пект приобретает особое значение не только потому, что определение хронологических рубежей – исходный этап почти в любом историческом построении, но и в силу того, что, во-первых, по мнению Н. А. Мажитова, у него «есть некоторое основание свою работу рассматривать как первую попытку создания единой хронологии для всего южноуральского региона в пределах данного периода» (1977, с. 15) и, во-вторых, Н. А. Мажитов фактически подвергает ревизии всю хронологию памятников I тысячелетия н. э. в Приуралье. Для того чтобы хотя бы как-то обосновать второй тезис, он обвиняет археологов в том, что они, некритически «восприняв выводы В. А. Городцова... начали вслед за ним пересматривать или устанавливать дату средневековых памятников... в сторону ее удревнения» (1977, с. 11), что абсолютно не соответствует действительности. По его мнению, эта тенденция оказала решающее влияние на удревнение всех комплексов в Прикамье и Западной Сибири. Известно, что первая подобная хронологическая классификация древностей Прикамья была проделана А. А. Спициным еще в 1901 г. В этой классификации, действительно, комплексы середины I тысячелетия не получили освещения, но выделение их было проведено не в работах В. А. Городцова о Подчеремском кладе, хотя и здесь были выделены ранние вещи, а исследованиями В. А. Шмидта на могильниках харинского типа (Качка, Харино, Пыштайн и др.). О том, что автор вообще плохо представляет историю вопроса, свидетельствует замечание по поводу того, что новые материалы заставили Генинга и Голдину пересмотреть вопрос о хронологии памятников, а до них «с аргументированной идеей об омоложении на несколько столетий даты этих памятников (Харино) выступил А. П. Смирнов» (1977, с. 13–14). Ссылка при этом на публикацию А. П. Смирнова по меньшей мере странна, потому что А. П. Смирнов писал не об омоложении, а о том, что на Харинском могильнике *встречаются* не только вещи III–V вв., но и более поздние, в частности шумящие украшения V—IX вв. Исследователям Прикамья хорошо известно, что в районе Харино расположены памятники различных эпох. Поэтому неоднократные упоминания о тенденции удревнения надуманны.

Оценку хронологических построений Н. А. Мажитова необходимо начать с рассмотрения методики их создания. Декларирует ее автор следующим образом: «Предлагаемая ниже хронология базируется на всех известных могильных комплексах, которые по признаку сходства находок были объединены в отдельные группы... Всего выделено девять таких групп, и они охватывают период от VII по XV в.» (1978, с. 15). Сразу настораживает: девять веков и девять групп! В основном этому автор и следует: группы А–Г, Е, И – каждая датируется одним веком, Д – рубежом X–XI вв., Ж – XII–XIII вв. (1977, с. 33), хотя ранее автор и писал, что эта группа «датируется по массовым аналогиям XII в.» (1977, с. 22), группа З – XIII–XIV вв. Завидная точность! Однако исследователи, работающие с материалом I тысячелетия н. э., знают, что типологически вещи этого периода отнюдь не поддаются такому четкому разграничению по векам.

Далее Н. А. Мажитов разъясняет: «Основные датирующие признаки каждой группы показаны в табл. 1. Последняя является синтезом проделанной классификации и сравнительных сопоставлений. Подробные данные о классификации первоисточника по типам будут даны далее, здесь же для краткого обоснования возраста выделенных хронологических групп названы только некоторые важные датирующие аналогии» (1977, с. 15). Здесь датирующими признаками каждой группы названы наборы различных вещей из разных памятников, изображенных на 11 страницах. Если эта группировка – результат «синтеза классификации», встает вопрос – какой? Ссылка на то, что «подробные данные о классификации первоисточника по типам будут даны далее», дезинформирует читателя, ибо в дальнейшем дается лишь типологическое описание различных групп керамики и погребального обряда и никакой увязки с вещевым (металлическим) инвентарем или хронологической классификацией нет. Так, Н. А. Мажитов при разработке хронологии ссылается на то, что это – «синтез классификации первоисточника», «о котором далее», а при дальнейшем изложении других материалов (керамика, погребальный обряд) будет ссылаться на изложенную ранее хронологическую классификацию! Круг замкнулся, а классификация где?

Внешне хронологические построения Н. А. Мажитова выглядят следующим образом. Весь материал, которым располагал автор, был разделен на девять групп. Вещи, характерные для каждой группы, нарисованы на 1—2 таблицах. Всего изображено 377 предметов (1977, табл. I), составляющих только небольшую часть материа-

ла, который имелся у Н. А. Мажитова. Описание каждой группы почти стандартно. Вначале следует простой перечень вещей, изображенных на таблицах (см., например: 1977, группы А – с. 15–16; Б – с. 17, 19; В – с. 22, 24 и т. д.), при полном отсутствии типологической характеристики их. Затем для нескольких вещей (без всякого обоснования, почему именно выбраны эти, а не другие) приводится несколько ссылок на аналогии в других районах, причем чаще всего датировки там шире, чем их использует Н. А. Мажитов. Так, для группы А, в которую автор включил 86 вещей, аналогии приведены для восьми (1977, с. 16), для группы Б – для четырех (1977, с. 27, 28), Г – шести (1977, с. 30), Д – двух (1977, с. 31) и т. д. А иногда это ссылки «оптом»: «Ближайшие аналогии почти всем перечисленным предметам в массовом порядке...» (1977, с. 17, для группы Б) – или просто дан перечень авторов (дата группы Ж, 1977, с. 35). Считая, что подобная аргументация вполне достаточна, Н. А. Мажитов дальше расширяет круг источников каждой группы, перечисляя вещи еще из нескольких новых памятников, в том числе и тех, которые он «передатирует», «попутно» (1977, с. 30), «по соображениям, изложенным выше» (1977, с. 28).

Таким же образом выделены хронологические группы памятников по векам в книге 1981 г. Не ясно, исходя из каких принципов памятники в целом или отдельные погребения отнесены к той или иной группе. Автор приводит отчетные сведения о погребениях, а затем в качестве заключения дается хронологический обзор точно в таком же стиле, как и в публикации 1977 г., причем нередко повторяются уже опубликованные сведения (1981, с. 24–27, 121–130, 144–146, хронологические обобщения по памятникам XI—XII вв. вообще отсутствуют).

Так, например, в разделе о памятниках VII—VIII вв. после описания погребений автор заключает: «Как видно из описания, материал всех вышеназванных памятников очень схож. Общими являются небольшие земляные насыпи с неглубокими могилами и керамика, представленная сосудами ранних типов кушнаренковской и кара-якуповской групп. Их объединяет почти повсеместно встречаемые остатки так называемых геральдических наборов поясов, которые состоят из сочетаний различных типов пряжек с литыми щитками, Т-образных, якоревидных, щитовидных и других накладок. Однороден также в основной массе прочий сопровождающий материал (стремена, серьги, предметы ломоватовских типов), что свидетельствует об относительной синхронности комплексов» (1981, с. 24). Достаточно ли подобной аргументации для выделения хронологической группы?

Отметим также, что хронология многих курганов и погребений различна в публикациях 1977 и 1981 гг.

Подобный метод» определения хронологии комплексов может быть был приемлем, и то с очень большими оговорками. Таким способом датировал случайно собранные вещи А. А. Спицын еще в самом начале XX в.! В настоящее время при разработке хронологии больших периодов с огромным количеством индивидуальных (из погребений) комплексов из многочисленных памятников (могильников, курганов) в современной археологии применяются иные методы. Едва ли здесь можно было обойтись *без полной типологической систематизации материала*, учета *взаимовстречаемости* типов в комплексах погребений и могильников, построения *эволюционных рядов,* корреляционных таблиц и т. п., т. е. без выяснения закономерностей смены различных форм вещей. Ничего этого у Н. А. Мажитова нет.

Какими же еще приемами пользуется Н. А. Мажитов для определения хронологии описываемых им предметов? По поводу даты вещей ряда А после перечисления различных точек зрения он пишет: «Подойдя сейчас к этому вопросу с несколько иных позиций, а именно из данных ретроспективного анализа материалов более поздних погребений, следует добавить, что они полностью подтверждают правомерность сужения хронологических рамок, проведенного А. К. Амброзом» (1978, с. 15). Итак, метод «ретроспективного анализа». Другой метод назван автором «методом исключения» (1977, с. 30, 33). Однако из того, что излагает автор при конкретном перечислении вещей, остается неясным, в чем суть этих методов? А суть состоит в том, что, прикрываясь ссылками на метод, передвигаются датировки в нужном направлении.

Для того чтобы понять, как сам Н. А. Мажитов подходил к вопросам датировки, приведем еще несколько его высказываний. Разбирая датировку хронологического ряда Б, представленного в основном Манякским могильником, автор говорит о ближайших аналогиях в Неволинском и Агафоновском могильниках. Первый из них

датируется А. К. Амброзом и В. Б. Ковалевской концом VII – первой половиной VIII в. Далее Н. А. Мажитов пишет: «Автор придерживался аналогичного же мнения, поэтому указанную дату сейчас можно было бы принять, если бы при этом не образовывался хронологический разрыв между группами Б и В примерно в 50 лет. Группа В (табл. I), как увидим дальше, надежно датируется на основании монет IX в. Отсюда возникает более осторожное предположение о датировке Манякского могильника и всего периода Б VIII в.» (1977, с. 19). В этом высказывании заключена вся система датировок Н. А. Мажитова – никакого разрыва быть не может! Поэтому не важно, как датировались комплексы их исследователями, привлекавшими немало сравнительных данных для анализа вопросов хронологии. Н. А. Мажитов теперь «более осторожно» «заполняет разрыв в хронологии» и в массе передатирует многие памятники, как исследованные им самим – Ново-Турбаслинские и Старо-Халиловские курганы (1977, с. 16, 20, 33), Бирский и Манякский могильники (1977, с. 19, 22), так и другими исследователями – Салиховские курганы, раскопанные К. В. Сальниковым и С. Васютиным, Больше-Тиганский могильник, раскопанный Е. А. Халиковой, Чишминский – Е. П. Казаковым, Синеглазовский – В. С. Стоколосом и др. Причем во всех случаях обоснования для изменения даты укладываются в два-три предложения: «Попутно отметим, что по выделенному признаку (примерно IX в.) следует датировать курган 26 Ново-Турбаслинского могильника, откуда происходят серебряные накладки с рельефным орнаментом, что сближает их с материалами салтовского круга» (1977, с. 30).

При датировке хронологической группы В IX в. Н. А. Мажитов использует «близкие параллели накладкам-лунницам с круглыми отростками по краю» и «стремена грушевидной формы» в материалах X в. (?) из Венгрии (1977, с. 27–29; 1981, с. 126). Но эти же вещи используются для датировки X в. группы Г (1977, с. 29).

Или еще один образец рассуждений автора. Вещи группы Д «представляют резкий контраст по отношению к группам В и Г... резко меняется состав накладок: почти полностью исчезают формы, характерные для IX–X вв.». И абзацем ниже пишется о накладках группы Д, у которых в комплексах В и Г «присутствуют их прототипы», или: «В составе пряжек особых изменений нет — продолжают встречаться типы, появившиеся в предшествующее время». А как же «резкий контраст... что непременно указывает на самостоятельный этап в развитии культуры» (1977, с. 31) ?

Столь же странны представления Н. А. Мажитова о салтовских древностях: «Дата многочисленных могил с салтовскими элементами на Южном Урале падает в целом на период IX–XI вв.» (1977, с. 22). Как известно, салтовская культура на юге датируется VII–IX вв., но это противоречие Н. А. Мажитов «снимает» просто: «На юге салтовская культура насильственно погибла в начале X в., в более северных районах ее элементы сохранились дольше, судя по тому, что во многих комплексах им сопутствуют там южные вещи X–XI вв.» (1977, с. 22). Так «решена» огромная проблема о наследии салтовских традиций у северного населения и все вещи IX–XI вв. отнесены к салтовским (см. также 1977, с. 31).

Конечно, при разделении на хронологические группы Н. А. Мажитов опирался на многочисленные разработки по хронологии, которые имеются в нашей литературе. Но дело в том, что все передатировки и размещение вещей по группам проделаны без какой бы то ни было системы и серьезной аргументации. Что же касается вопросов конкретной хронологии не только отдельных памятников, но и целых периодов в археологии Приуралья, то здесь концепции Н. А. Мажитова претерпели столь значительные изменения, которые, пожалуй, и сам автор уже не может объяснить. Так, в свое время он датировал II–V вв. погребения группы А и Б Бирского могильника [3]. Но теперь он находит возможность эти же могилы (№ 21, 23, 25, 27, 35, 39, 42, 57) считать опорными для VII в. (1977, с. 15). Подобных трансформаций в работе Н. А. Мажитова немало.

Но самая, пожалуй, «интересная ситуация» обнаружилась с выходом через 4 года второй книги в 1981 г., которая, по замечанию Н. А. Мажитова, являлась «источниковой основой» для первой публикации. Здесь автор сообщает, что «данная работа отражает некоторые изменения, происшедшие во взглядах автора по вопросам средневековой хронологии Южного Урала под влиянием новых фактов, после опубликования работы 1977 г.» (1981, с. 4). Кстати, каких фактов – остается неясным. Теперь уже нет девяти хронологических групп А – И, с точностью соотнесенных каждому веку. Теперь выделены четыре хронологические группы: 1) VII–VIII вв. (но почему же книга названа «...курганы VIII–XII вв.»?), 2) IX–X вв., 3) X–

XI вв., 4) XI–XII вв., в которых все века оказались переходящими! Так, например, самой многочисленной теперь оказалась группа IX–X вв., в которую включено большинство памятников, ранее отнесенных к группе В – IX в. целиком, затем Г – X в. (1977, с. 30) и большая часть группы Д – рубежа X–XI вв. (1977, с. 31), несмотря на то что в новой группировке выделены памятники X–XI вв. (1981, с. 133–146). Как соотносятся между собой приведенные классификации – автор не разъясняет или дает заведомо неверную информацию. Так, он пишет, что «объединены группы В и Г в одну хронологическую группу IX–X вв. Выделяя две группы по особенностям материала, сейчас трудно окончательно решить вопрос о том, являются ли эти группы разновременными или одновременными, в пределах IX—X вв.» (1981, с. 4). Но смотрим заключение к разделу IX—X вв.: «В плане обоснования датировок следует отметить, что по сходству материала памятники *подразделяются на группы*, что, на наш взгляд, свидетельствует о существовании между ними некоторых различий в возрасте» (1981, с. 123). Или это все тот же прием датировки Н. А. Мажитова, который он сам характеризует следующим образом: «...предложенная здесь хронология в целом построена на данных сравнительного сопоставления, поэтому она приблизительна...» (!) (1981, с. 160)? Так что же это за «сравнительные сопоставления», которые приводят автора через 4–5 лет к столь поразительно различающимся хронологическим построениям?

Отсутствие какой бы то ни было системы в выделении и определении хронологии комплексов, случайно подобранные для сравнений вещи и столь же случайно попавшие в поле зрения комплексы с других территорий, сдобренные рассуждениями о «ретроспективности», «исключении», сравнительных сопоставлениях и пр. и пр., естественно, позволяют автору менять свои взгляды с поразительной быстротой.

Вопросы периодизации. Н. А. Мажитов ставит задачу периодизации (1977, с. 10), не уточняя, какой именно. Если это относится к выделению основных этапов развития местной культуры, то периоды VII–IX вв., затем X–XII и XIII–XIV вв. (1977, с. 186) сами по себе в археологии Приуралья выделены давно. Н. А. Мажитов пытается лишь увязать их с определенными перемещениями, что, однако, не всегда удачно, ибо в угоду своей концепции он фактически без должного основания передатировал все памятники, в том числе и свои собственные, «омолодив» их на 3–4 столетия (1977, с. 177)! С другой стороны, начало каждого этапа автор связывает с новым мощным притоком тюркоязычных групп населения, что в большинстве случаев мало доказано.

Если же Н. А. Мажитов понимает под периодизацией выделение культурных групп или то, что принято понимать под археологической культурой, то этот вопрос, как и в ряде других работ, автор решает как-то походя, попутно (см., например, 1977, с. 39—40, 95), вводя какие-то категории «группы» при описании керамики и «курганы такого-то типа» для погребальных памятников. Проблема периодизации раннесредневековых археологических памятников Южного Урала поставлена уже давно, причем она достаточно сложна, ибо, как отмечает Н. А. Мажитов, материалы здесь встречаются чрезвычайно разнотипные и сильно смешанные.

Попытки выделить археологические культуры в обычном, традиционном стиле, как объединение групп однородных и однотипных по массовым категориям материала памятников, не дали в Южном Приуралье желаемых результатов. Поэтому и был предложен другой путь периодизации: выделение в материале специфических археолого-этнических типов, отражающих этнические традиции отдельных групп населения. Использование этого понятия нам представлялось перспективным при изучении памятников со смешанными материалами. Наш опыт именно на примере материалов Башкирии дал обнадеживающие результаты. Корреляция устойчивых традиций погребального обряда (а не только форм могильных ям!) с определенным типом керамики позволила выделить целый ряд четких археолого-этнических типов (АЭТ) и поставить вопрос об их происхождении и этнической принадлежности [8].

Н. А. Мажитов *согласился, что дифференцированный подход* к материалу необходим, но тут же сделал заключение, что археолого-этнический тип «В. Ф. Генинг в большинстве случаев употребляет в смысле, почти приравненном к понятию археологической культуры» (1977, с. 7), поэтому Н. А. Мажитов считает «наиболее приемлемым для общей классификации... широкое понятие «археологическая культура» в традиционном толковании, включающем в себя несколько археолого-этнических типов» (1977, с. 95). Но раздельный анализ керамики и погребального обряда, проведенный Н. А. Мажитовым, никаких АЭТ не позволил получить, а описываемые им культуры – бахмутинская и турбаслинская – представляют собой эфемерные образования, не об-

ладающие хотя бы теми основными источниковедческими признаками, которые должны иметь археологические культуры, выделяемые в «традиционном толковании». Каково историческое содержание таких понятий, как «курганы лагеревского типа» и других подобных, введенных Н. А. Мажитовым, остается неразъясненным, и тем более не обоснована правомерность употребления таких понятий.

Как конкретно представляет себе Н. А. Мажитов исторический процесс, можно определить по одному примеру: «Материалы памятников VII–VIII вв. отражают особый этап в историческом развитии населения Южного Урала. Центральным событием этого периода является массовый приход сюда около VII в. большой группы кочевых племен, вероятно, из южных и юго-восточных степей (Казахстан, Сибирь). Многочисленную группу в составе пришельцев составляли племена турбаслинской культуры, компактно расселившиеся по среднему течению р. Белой. Им принадлежат большие курганные могильники (Ново-Турбаслы, Дежнева) и тесно связанные с ними поселения в районе г. Уфы. Под активным влиянием пришельцев складывается поздний этап бахмутинской культуры в Северной Башкирии и на Средней Каме. Третью этническую группу в составе пришлого населения составляли носители керамики кушнаренковской и кара-якуповской групп. Территориально эти памятники перекрывают бахмутинскую и турбаслинскую культуры и распространены по обоим склонам Южного Урала, что говорит о сравнительной многочисленности племен, оставивших их» (1981, с. 28).

Попробуйте отыскать здесь вторую этническую группу пришельцев, поскольку названа первая и третья! Кем исследовано влияние турбаслинских племен на сложение культуры Северной Башкирии и особенно Средней Камы, где пока не выявлен ни один достаточно определенный комплекс VII–VIII вв.? Если турбаслинские племена – кочевники, то откуда появилась группа их поселений у г. Уфы? В составе «пришельцев около VII в.» были турбаслинские и кушнаренковские группы. Но каким образом, будучи синхронны, кушнаренковские памятники (не культура?) территориально перекрывали турбаслинскую культуру? Как это реально представить?

Определяя задачи исторического исследования, Н. А. Мажитов, естественно, говорит о том, что необходимо «дать анализ археологических источников» (1977, с. 10). Каким же образом выполнен этот анализ?

Проблема этнической интерпретации археологических источников. Касаясь данных вопросов, Н. А. Мажитов считает своим долгом с первых же страниц книги подвергнуть критике взгляды тех исследователей, которые, по его мнению, принципиально неверно подходят к трактовке археологических источников в этом плане. Так, Н. А. Мажитов пишет, что В. Ф. Генинг при «классификации раннесредневековых древностей Южного Урала... исходит из того, что различия в типах керамики в сочетании с особенностями в формах могил и составе погребального инвентаря непременно носят этнический характер». И далее на той же странице: «С В. Ф. Генингом трудно согласиться в том, что эти особенности всегда носят этнический характер. Одно и то же население могло изготовлять и пользоваться посудой различного типа, а различные формы погребения умерших обусловлены не только причинами этнического порядка, но и социального, т. е. общественное положение часто предопределяло особенности погребения (форму могил, вид; трупоположение, трупосожжение и т. п.)» (1977, с. 7). Последнее положение Н. А. Мажитов разъясняет еще раз: «Этнографическая наука допускает, что в зависимости от возраста и пола, общественного положения умершего, от характера смерти и разных других обстоятельств могут различаться способы обращения с умершими» (1977, с. 98). Свое негативное отношение к этническому истолкованию различий в керамике и формах могильных ям он высказывает и в других местах работы (1977, с. 62, 94, 95).

Но какова же позиция Н. А. Мажитова в вопросах этнической интерпретации археологических материалов, на которых базируется его работа, имеющая крупные разделы, специально посвященные этнической истории? Вот что пишет об этом сам Н. А. Мажитов: «Известно, что *керамика*, будучи массовым материалом,– начинает он главу о керамике,– *дает объективную информацию об этническом составе, территории расселения древнего населения, происхождении отдельных его компонентов* и т. п.» (1977, с. 39, курсив наш.– *В. Г.*). Далее, после перечисления различных форм погребальных сооружений Н. А. Мажитов заключает, что уже из этого «можно сделать один неопровержимый вывод: разнообразие их форм было *обусловлено расселением племенных групп, различавшихся между собой по происхождению* и культуре, в том числе и в погребальном обряде» (1977, с. 84, курсив наш.– *В. Г.*).

Что это? Случайные описки или небрежности в формулировках? Нет, в том же духе имеется еще немало высказываний как общего, так и частного порядка (1977, с. 41, 69, 74, 98, 180 и др.). Но как же тогда суровое осуждение тех, кто считает, «что *различия* в типах керамики *в сочетании* с особенностями в формах могил и составе погребального инвентаря непременно носят этнический характер» (1977, с. 7, курсив наш.– *В. Г.*)? Может быть, этому комплексному подходу к этнической интерпретации, рассмотрению в интегрированном единстве при классификации трех категорий – керамики, погребальных сооружений и инвентаря, что выражено в предлагаемом В. Ф. Генингом понятии «археолого-этнический тип», Н. А. Мажитов противопоставил какой-то иной подход, иное понятие? Автор не излагает нигде свои методологические позиции, но, судя по структуре работы и изложению материалов, его подход сводится к следующему. Совершенно независимо друг от друга Н. А. Мажитов рассматривает все перечисленные выше категории материала, каждая категория должны была послужить освещению отдельных вопросов: вещевой набор – хронологии памятников (гл. I), керамика – этнической интерпретации (гл. II) и погребальный обряд – реконструкции религиозных верований (гл. III). Впрочем, автор сам это подчеркивает в начале каждой главы. Таким образом, уже в целевой установке заложен метод исследования и пути его решения. Этническая проблематика замкнулась у Н. А. Мажитова *только на керамике*. Не удивительно поэтому, что названия типов сосудов переходят на название племенных групп и даже носителей определенного этноса, вроде «турбаслинцы», «бахмутинцы», «романовцы», «имендяшевцы», «кара-якуповцы» и т. д. (1977, с. 175). Такой взгляд обусловил и подход к подаче материала. В ряде случаев, причем бессистемно, Н. А. Мажитов пытался показать взаимовстречаемость определенных типов керамики с различными формами могил. Но этот простой перечень находится вне связи с изложением как материала, так и этнических концепций автора. Обогатил ли Н. А. Мажитов нашу науку подобным, заведомо суженным до одного вида источников, подходом к рассмотрению этнической проблематики, хотя в его распоряжении и было огромное количество комплексов? Думается, что нет. Подобный подход был правомочен 15–20 лет назад, когда делались первые шаги в накоплении археологических материалов по средневековой истории Южного Урала, а в настоящее время это пройденный этап, шаг назад, повторение старых, зачастую уже раскритикованных концепций, в том числе и Н. А. Мажитова, в чем он нередко вынужден и сам признаваться (с. 69, 175, 178, 183 и др.).

Объем журнальной рецензии не позволяет рассмотреть многие исторические концепции Н. А. Мажитова. Каждая из таких тем, как, например, бахмутинская или так называемая турбаслинская и многие другие культуры, как и вопросы конкретно-этнической интерпретации различных археологчиеских комплексов, требуют самостоятельного и достаточно обширного критического анализа с привлечением и других публикаций автора. Общей чертой всех исторических концепций Н. А. Мажитова является то, что по системе организации материала и аргументации выводов они не лучше, чем приведенные выше обзоры источниковедческой базы, классификации и типологии материала или его хронологического членения. Да это и вполне закономерно.

Исторические построения Н. А. Мажитова базируются на недоброкачественно обработанных источниках, не говоря уже об отсутствии в большинстве случаев вообще научной аргументации. Автор игнорирует многие методы анализа археологических источников, уже давно вошедшие в советской археологии в практику обработки массовых источников. Но если в исторических построениях Н. А. Мажитова методическая сторона не выдерживает никакой критики, то заслуживают ли такие построения доверия? Представляют ли они научную ценность? Ведь метод определяет не только конечный результат, но и качество исследования.

В. Ф. Генинг

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Башкирии./Ред. Бадер О. Н. М.: Наука, 1976.
2. *Мажитов Н. А.* Курганный могильник в деревне Ново-Турбалсы.– Башкирский археологический сборник. Уфа: Изд-во АН СССР, Башкирский филиал, 1959.
3. *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968.
4. *Мажитов Н. А.* Поселение Ново-Турбаслинское II.– АЭБ, 1962, т. 1.
5. *Ищериков П. Ф., Мажитов Н. А.* Городище Уфа II.– АЭБ, 1962, т. 1.
6. *Мажитов Н. А.* Башкортостан археологияоы.– Офе, 1968 (на башкир. яз.)
7. *Мажитов Н. А.* Тайны древнего Урала.– Уфа: Башкнигоиздат, 1973.
8. *Генинг В. Ф.* Южное Приуралье в III–VII вв. (Проблема этноса и его происхождение).– В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972.

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ»

С 19 по 22 ноября 1979 г. в Омске работала конференция на тему «Этногенез и этническая история тюркского населения Сибири и сопредельных территорий» Организованная Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, Омским университетом и Томским педагогическим институтом, она проводилась на базе Омского университета. В работе конференции приняли участие археологи, этнографы, антропологи и лингвисты из Москвы, Ленинграда, Минска, Фрунзе, Казани, Уфы, Улан-Удэ, Элисты, Абакана, Новосибирска, Тобольска, Томска, Омска, Кемерово, Ферганы, Караганды, Калинина, Таганрога, Владивостока.

За четыре дня работы было заслушано 60 докладов. Первые три заседания были посвящены проблемам этногенеза и этнической дифференциации, четвертое отводилось итоговой дискуссии. На аналогично построенной второй половине конференции обсуждались проблемы этапов тюркизации различных районов Сибири и сопредельных территорий, взаимоотношений тюркоязычного населения с самодийцами и уграми, кетами и долганами, народами Приамурья, разнообразные вопросы этнической истории средневековья, нового и новейшего времени. В прениях было заслушано 36 выступлений с критической оценкой докладов и аргументацией различных точек зрения. Тезисы докладов были опубликованы [1].

Проблема историографии, источников и методики этногенетических исследований заняла в работе конференции относительно небольшое место. Ей были посвящены доклады Е. И. Убрятовой «Данные языка как исторический источник», В. И. Матющенко «Этногенетические аспекты истории тюрков в археологических исследованиях в Сибири», Д. Г. Савинова «Об этническом аспекте образования раннеклассовых государств Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху раннего средневековья»; В. Б. Богомолова «Орнамент барабинских татар как исторический источник», Н. В. Кузнецовой и Н. А. Томилова «Генеалогии как историко-этнографический источник (по материалам тюркоязычного населения Барабинской степи)».

Е. И. Убрятова, отметив заслуги предшествующих исследователей (особенно А. П. Дульзона), указала, что лексика языка отражает прежние этнические контакты и местообитание его носителей. Так, по мнению автора, киргизский язык входит в группу кипчакских, и это дает основание полагать, что в прошлом киргизы долго жили в Минусинской котловине. Последнее положение встретило решительное возражение Л. Р. Кызласова, указавшего на то, что факты истории свидетельствуют об отсутствии этнической связи современных киргизов с древними хакасами. По происхождению киргизы связываются с центральноазиатскими кипчаками, проживавшими в XIII—XV вв. в Синьцзяне и Монголии, на реках Толе и Керулене. Центральноазиатские киргизы в XV—XVII вв. переселились из Монголии на Тянь-Шань (Ибн-Вали). В ответе Е. И. Убрятова сказала, что киргизы — очень активная этническая фигура и установить элементы, связанные или не связанные с ними, очень сложно.

В докладе В. И. Матющенко подведены итоги изучения происхождения тюркоязычных народов Сибири по археологическим источникам, отмечены заслуги А. П. Дульзона и других исследователей. Автор справедливо указывает на необходимость комплексного изучения процессов этногенеза с использованием данных смежных наук и привлечением письменных источников. В докладе, однако, содержался методически неверный тезис, согласно которому беспочвенно по анализу ритуала захоронения отдельных погребений судить об их этнической принадлежности. Это утверждение было подвергнуто правильной критике в выступлениях Л. А. Чиндиной и Т. Н. Троицкой. Нет сомнения, что при сохранении конкретно-исторического подхода к явлениям сибирского средневековья ритуал погребения является важным показателем этнической принадлежности погребенного.

В докладе Д. Г. Савинова сделана попытка обобщить этносоциальные процессы, происходившие в Центральной Азии и Южной Сибири во второй половине I тысячелетия. В них, по мнению автора, взаимодействовали три основных фактора: полиэтничность, элитарность (т. е. господствующее положение в государстве одного племени или группы родственных племен), хозяйственная многообразность (поскольку государства объединяли территории и население с многоотраслевым экономическим укладом). Хозяйственное многообразие и стремление к элитарности этносов периферии порождало центробежные тенденции и вело к появлению новых государств и переоформлению старых. Заметим, что все перечисленное отнюдь не является спецификой изучаемого региона. Подобные этносоциальные процессы вообще характерны для классовых обществ.

Проблематика происхождения и характеристика культур отдельных тюркоязычных народов раннего средневековья охватывали обширную территорию от Поволжья до Енисея.

С этногенезом и этнической историей древних хакасов были связаны доклады Л. Р. Кызласова «Тюхтятская культура древних хакасов», И. Л. Кызласова «Происхождение аскизской культуры Южной Сибири», Г. В. Длужневской «Памятники енисейских кыргызов за Саянами (IX—X вв.)». В докладе Л. Р. Кызласова дана обстоятельная, хорошо иллюстрированная характеристика тюхтятской культуры второй половины IX—X вв., культура древних хакасов периода максимального могущества их государства. Автор констатирует, что помимо основной территории Хакасско-Минусинской котловины тюхтятские памятники присутствуют в большом количестве в Туве, далее на юг — в Монголии, на Селенге, на восток — в Забайкалье до верховий Амура, на запад — в среднем и верхнем Прииртышье, а отсюда — к юго-западу вплоть до г. Текели в Семиречье. Отметим, что в последние годы выявлены новые погребения с трупосожжениями и инвентарем тюхтятских форм на Верхнем Алее, в северо-западных предгорьях Алтая (Гилево, Корболиха), которые могут быть отнесены к тюхтятской культуре и связаны с пришедшими на запад древними хакасами [2, с. 40]. Эти погребения расположены на одних кладбищах вместе с кимакскими погребениями, совершенными по обряду трупоположения с конем, что, очевидно, указывает на совместное проживание в этих местах кимаков и древних хакасов.

В докладе И. Л. Кызласова по анализу вещевого материала аскизской культуры (X—XVII в.) показана генетическая преемственность последней с тюхтятской культурой и принадлежность ее к древним хакасам. Г. В. Длужневской отмечены памятники древних хакасов («енисейских кыргызов») в Туве: вновь исследованные оросительные каналы, стелы с руническими надписями и тамгами, а также погребения с кремацией в могильниках Аймырлыг II, Хемчик-Бом, Сарыг-Хая и др.

С этнической историей населения бассейна Среднего Енисея был связан доклад Ю. С. Худякова «Появление тюрок в Минусинской котловине». Автор ограничивает время существования памятников тюрок в этом районе VIII—IX вв., а появление здесь тюрок относит к 711 г., прямо связывая это с походом армии Второго Восточно-Тюркского каганата. Поставленная проблематика представляет интерес, однако заключения автора не обоснованы археологическими материалами. Неверная датировка курганных комплексов привела к ошибочным историческим построениям.

С проблемами этногенеза хакасов был связан и доклад В. Я. Бутанаева «Об этнических связях хакасов с енисейскими кыргызами (по материалам хакасского исторического фольклора)». Автор предполагает, что этноним «хори» народных преданий является самоназванием древних хакасов. Положения В. Я. Бутанаева вызвали интерес у В. И. Васильева и Д. Г. Савинова, но встретили серьезные возражения Л. Р. Кызласова, который, в частности, отметил, что этноним «хори» в современном языке хакасов не существует, а в преданиях употребляется вместе с именами монгольских ханов и обозначает монголов. Л. Р. Кызласов призвал к корректному обращению с такими сложными для историко-культурного анализа материалами, как фольклорные. Э. Л. Львова также отметила, что этноним «хори» имеется у бурят, а у хакасов существует только в сказаниях и что для определения его этнической принадлежности необходим строгий историко-лингвистический анализ.

С этнической историей тюркоязычных народов Поволжья были связаны доклады Ш. Ф. Мухамедьярова «К истории ранних этнических контактов Среднего Поволжья и Западной Сибири в связи с проблемой тюркизации», Е. П. Казакова «Об этнической принадлежности памятников кушнаренковского типа (по материалам памятников Татарии)», П. Н. Старостина «Юго-восточные связи Нижнего Прикамья в середине I тысячелетия н. э.». Ш. Ф. Мухамедьяров исключает возможность ранней тюркизации народов Поволжья. Начало проникновения сюда тюркской речи, по мнению докладчика, возможно, связано с движением гуннов. Но всерьез связывать активную тюркизацию местного финно-угорского населения можно лишь с приходом болгарских племен с Кавказа в 70-е годы VII в. — 30-е годы VIII в. Формирование тюркоязычной народности волжских булгар сказалось на сложении чувашей, татар.

П. Н. Старостин отметил в своем докладе сасанидские параллели вещам из Тураевского могильника. Поиски истоков именьковской культуры привели автора к сопоставлению ее с культурой каунчи в Средней Азии. Последнее основывается на аналогиях отдельным формам керамики, чего для заключения о родстве культур недостаточно.

Е. П. Казаков дал дробную периодизацию памятников кушнаренковского типа, включающую четыре этапа: вторая половина VI—VII в. (кушнаренковский), VIII в. (манякский), IX в. (хусаиновский), конец IX—X в. (танкеевский). Происхождение изучаемых памятников Приуралья автор, как и многие исследователи, связывает со штампово-гребенчатой керамикой Западной Сибири. По нашему мнению, появление кушнаренковцев в Приуралье обусловлено событиями и переселениями периода Первого Тюркского каганата и наиболее ранние кушнаренковские памятники Приуралья относятся скорее всего к концу VI в. Собственно кушнаренковские памятники не могут быть непосредственно выведены из памятников типа Бобровского и Переймннского могильников. Последние относятся к более позднему времени (ко второй половине VIII — первой половине IX в.). Не могут они непо-

средственно происходить и из потчевашской культуры, значительно отличавшейся большей грубостью посуды и несколько иными ее формами и пропорциями. Памятники бобровского, потчевашского и кушнаренковского типов представляют три ветви, развившиеся от одного общего корня — саргатской культуры западносибирской лесостепи [3, с. 153—155].

Близким по проблематике был доклад Ф. Х. Арслановой «К вопросу о связях племен Казахстанского Прииртышья с населением Западной Сибири в IX—XI вв.». Автор усматривает параллели в формах и орнаментации части керамики Бобровского могильника с керамикой потчевашской культуры лесных районов Западной Сибири и приходит к заключению, что в сложении кимаков участвовали и угорские племена, а племена Павлодарского Прииртышья — один из составных элементов кушнаренковцев.

Для решения вопросов взаимосвязи средневекового населения степей Восточной Европы и Казахстана представлял интерес доклад В. А. Кригера «Средневековые погребения Новокумакского могильника Оренбургской области». Изложенный автором материал отразил связи оставившего могильник населения, с одной стороны, с половцами, а с другой — с культурой кимаков Восточного Казахстана, где можно усматривать его генетические истоки.

Значительное количество докладов было посвящено вопросам тюркизации угро-самодийских аборигенов Западной Сибири и происхождению сибирских татар. Большинство докладчиков придерживались мнения, что этническим субстратом сибирских татар явилось местное угро-самодийское население, постепенно тюркизированное пришельцами с юга, главным образом из районов Алтая и Восточного Казахстана, в меньшей мере из Хакасско-Минусинской котловины. Различные аспекты этой проблемы рассматривались в докладах языковедов Ф. Т. Валеева («О терминах родства и свойства у западносибирских татар») и С. М. Исхаковой («Codex cumanikus» и язык сибирских татар»), археологов Л. М. Плетневой («Археологические памятники татар в Томском Приобье»), Б. А. Коникова («О характере, роли и объеме угро-тюркских связей (на примере таежной части Омского Прииртышья V — начала XIII в.)»), В. И. Соболева и Е. И. Сидорова («Тюркский памятник Чулымкуль»), фольклориста И. А. Сыркиной («Фольклор тобольских татар как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей населения Северного Притоболья»).

Т. Н. Троицкая в докладе «К вопросу о тюркизации населения Новосибирского Приобья во второй половине I тысячелетия н. э.» говорила о нескольких волнах появления тюркоязычного населения в этом районе. Наибольшую из них, датируемую IX—X вв., докладчик увязывает с древними хакасами, которым и принадлежат отдельные погребения с трупосожжениями, изученные на могильниках Красный Яр I, Умна III и Каменный мыс.

В докладе В. Е. Медведева «Тунгусоязычное население Приамурья в конце VIII—XI веках и тюрки» был представлен новый материал из могильников, позволяющий уверенно говорить о тесном контакте представителей двух языковых семей в указанное время. Заметим, что ряд показанных В. Е. Медведевым предметов не только характерен для материальной культуры Южной Сибири VIII—IX вв., но был изготовлен на Енисее древнехакасскими мастерами. Проникновение этих изделий в Приамурье, вероятно, необходимо связывать с исторически известным походом древних хакасов на шивей в 847 г.

В докладе В. А. Могильникова «Тюркское население северо-западных предгорий Алтая конца I тысячелетия н. э. и его связи с западносибирской лесостепью» была показана специфика культуры кимаков и сросткинской культуры, рассмотрены этапы процесса тюркизации района. Автор считает носителем сросткинской культуры угро-самодийское население лесостепи и южной части тайги Западной Сибири, находившееся в орбите активного влияния тюркоязычных этносов (преимущественно кимаков) и постепенно подвергавшееся тюркизации. До известной степени сросткинская культура является синкретичной, сочетающей самобытные черты в деталях погребального обряда и керамике с изделиями из металла, свойственными культурам тюркоязычных народов горностепного пояса Южной Сибири и Центральной Азии. Это положение ярко иллюстрирует описанный В. И. Соболевым и Е. И. Сидоровым материал могильника Чулымкуль. В этом памятнике характерная для угро-самодийского населения лесных районов междуречья Иртыша и Оби керамика сочетается с металлическим инвентарем, имеющим аналогии главным образом в культуре кимаков Верхнего и Среднего Прииртышья и в меньшей мере в среде финно-угро-самодийских культур Урала и Западной Сибири. На могильнике представлены захоронения с головой и конечностями коня, также отражающие, очевидно, южные черты.

Аналогичный по характеру, но хронологически более ранний материал (вторая половина VIII — начало IX в.) демонстрирует могильник Преображенка III, представленный Д. Г. Савиновым и В. И. Молодиным в докладе «Тюркские погребения Барабинской лесостепи». По мнению авторов доклада, этот памятник демонстрирует культурную ассимиляцию местного населения тюрками.

Ценные данные по вопросу об этногенезе тюркоязычных народов Сибири и их соседей были изложены в докладах антропологов Н. Н. Мамоновой («Древнее неолитическое население Забайкалья») и М. М. Герасимовой («Черепа из сидячих погребений Прибайкалья»). В докладах отмечено, что антропологический материал из неолитических могильников Алтая (Усть-Иши и Ит-Куля) близок к ангарскому, но более европеоидный.

Богатые возможности нового источника, изучаемого дерматоглификой, были показаны Г. Л. Хить в докладе «Расогенетические связи населения Алтая-Саян по данным дерматоглифики». Анализируя наличие монголоидного компонента у различных групп, автор приходит к выводу, что по данным материалам современные хакасы выглядят удивительно единым народом, население Алтая — в два раза более разнородным, а Тувы — еще более разнородным, чем Алтая. Это в свою очередь позволяет считать, что население первого района — самое «устоявшееся» в этногенетическом аспекте, второго — менее, а третьего — наименее устоявшееся. Доклад вызвал живой интерес и обсуждение. Сравнить результаты решения тех же вопросов на краниологических материалах предложил А. Р. Ким. В докладе «краниологические данные к происхождению некоторых тюркоязычных народов Саяно-Алтайского нагорья» он показал, что по черепам современных хакасов можно разделить на две основные группы. К одной относятся койбалы и качинцы и примыкают сагайцы, а ко второй — кызыльцы, близки ей бельтиры и шорцы. Заметим, что выводы, полученные при анализе одного источника, конечно, могут частично или полностью расходиться с заключениями, полученными при анализе другого. Но это не значит, что значение какого-либо источника умаляется.

Сложный и длительный процесс складывания физического облика современных народов был хорошо показан в докладе В. И. Богдановой «О формировании современного антропологического типа тувинцев». Автор указала, что процесс смешения европеоидного и монголоидного населения, происходивший в Туве в скифское и гунно-сарматское время, продолжался в раннем средневековье. В формировании антропологических особенностей современного населения юго-западной и западной Тувы, с одной стороны, и центральной — с другой, принимали участие разные в расовом отношении компоненты. Раннесредневековое население вошло одной из составных частей в антропологический тип тувинцев. В последующие эпохи шло нарастание доли монголоидности вплоть до конца первой половины II тысячелетия н. э., когда, по всей вероятности, завершается процесс формирования современного антропологического типа тувинцев.

Большой интерес представлял доклад Б. И. Захарова и Н. П. Захаровой «Патологические изменения на костях таза людей эпохи средневековья, живших на территории СССР». Исследование палеопатологического материала имеет большую важность для клинической практики настоящего времени.

Интересные историко-культурные вопросы поднимались в докладе Б. З. Гамбурга «О единстве типа и форм пахотного орудия Центральной и Средней Азии». Новые материалы, полученные путем раскопок и позволяющие существенно дополнить имеющиеся представления о таком сложном явлении духовной жизни алтайских тюрок, как поминальный обряд, продемонстрировал в своем выступлении В. Д. Кубарев. Исследованные им памятники могут служить источником изучения и этнической истории Саяно-Алтая. Памятникам металлургического производства на Алтае в эпоху средневековья был посвящен доклад Н. М. Зинякова. Автором изучено около 30 объектов в юго-восточной части Горного Алтая, связанных с плавкой железа; исследовались шахтные печи большого объема с дутьем через несколько отверстий. Однако заметим, что отсутствие в этих памятниках вещей, позволяющих надежно их датировать, как и типологическое своеобразие металлургических комплексов не возволяют определить время их действия. Не исключено, что некоторые из этих сооружений оставлены уже русским населением края.

Большое число докладов было посвящено этнической истории нового и новейшего времени, с которой увязан ряд элементов, восходящих к глубокой древности. Эта проблематика поднята в докладах Н. А. Томилова «Этническая дифференциация тюркского населения западносибирской равнины», В. П. Дьяконовой «Данные этнографии к этногенезу теленгитов», Б. Х. Кармышевой «Элементы древних представлений и верований в поминальных обрядах узбеков Ферганы», М. Н. Серебряковой «К характеристике духа Албасты у турок и некоторые параллели в верованиях других народов (к проблеме этнической истории тюркских народов)», Э. Л. Львовой, Н. С. Усмановой «Представления о мировом дереве в традиционной обрядности народов Саяно-Алтая», Н. С. Усмановой «О категориях шаманов и шаманствующих лиц у хакасов», Ю. А. Евстигнеева «Кыпчакский компонент в этногенезе казахов», В. И. Васильева «Тюрко-самодийские этнические контакты на севере Сибири», Н. И. Новиковой «Некоторые южные черты в духовной культуре манси», А. В. Коновалова «Этнокультурные контакты кош-агачских казахов и теленгитов», А. В. Смоляк «Элементы культур тюркоязычных народов на Нижнем Амуре», И. В. Захаровой «Классификация и картографирование казахских головных уборов XIX — начала XX в.». М А. Членова «Основные черты систем родства тюркских народов Сибири». Д. Д. Шалхакова «К вопросу о форме и структуре семьи у тюрко-монгольских кочевых скотоводческих народов», С. С. Губаевой «Роль и место этнонимов в образовании географических названий (на материале топонимии Ферганской долины)», Г. О. Авляева «Этнонимы-тотемы в этническом составе приволжских калмыков и их параллели у тюркских народов», Т. И. Поротовой «Кетско-тюркские параллели в области образования множественного числа существительных», М. М. Исабекова «Функция словесного ударения в хакасском языке сравнительно с другими тюркскими языками», Р. З. Янгузина «Этническая карта Башкирии в конце XVIII — начале XIX в.», В. П. Кривоногова «К вопросу о современных этнических процессах у хакасов», Г. М. Патрушевой «О некоторых современных этнических процессах среди шорцев», Н. М. Щербакова «Этнокультурные связи уральского (яицкого) казачества с соседними тюрко- и монголоязычными

народами». В целом доклады этнографов и лингвистов показали сложность и многообразие этнических процессов нового и новейшего времени в среде тюркоязычных народов Сибири и их соседей.

Отметив большие достижения в изучении этногенеза и этнической истории тюркских народов, совещание вскрыло и ряд слабых сторон. Была подчеркнута необходимость разработки методики этногенетических и этнолингвистических исследований, создания координационного центра по исследованию проблем этногенеза и этнической истории тюркоязычных народов Сибири, целесообразность проведения периодических конференций (раз в 4—5 лет) по названной тематике. Участники конференции сочли особенно полезной практику проведения подобных тематических совещаний без секций. Совместные заседания специалистов разных отраслей науки позволяют всесторонне обсуждать поставленные вопросы. Признано целесообразным проведение аналогичных конференций по этногенезу и этнической истории самодийских, угорских и других народов Сибири.

В резолюции совещания особо отмечено неоправданное использование в ряде исторических сочинений термина «древнетюркское время» для периода VI—X вв. Этот термин признан методологически неправильным. Рекомендовано при хронологических стадиальных построениях пользоваться общеисторической терминологией. Конференция также обращает внимание исследователей на необходимость строго научного употребления и таких понятий, как племя, союз племен, народ и т. п.

В решение конференции был внесен отдельный пункт, заслуживающий особого внимания археологов. Совещание обратилось в Учебно-методический Совет Минвуза СССР с предложением организовать конференцию по методике преподавания археологии в вузах страны.

Большинство докладов конференции отличает высокий научный уровень; они были активно обсуждены. Следует отметить хорошую организацию совещания Омским университетом, что способствовало его успешному проведению. Вторую конференцию по проблемам этногенеза и этнической истории тюркоязычного населения Сибири и сопредельных территорий намечено провести в Омске в 1983 г.

И. Л. Кызласов, В. А. Могильников

ЛИТЕРАТУРА

1. Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тез. докл. областной конф. Омск, 1979.
2. *Могильников В. А.* Археологические исследования на Верхнем Алее.— В кн.: Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972.
3. *Могильников В. А.* К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н. э.— I тысячелетии н. э.— АЭБ, т. IV. Уфа, 1971.

ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ ДМИТРИЕВИЧА БЕЛОВА

Имя Григория Дмитриевича Белова неотделимо от Херсонеса. Как невозможно изучать сейчас Херсонес без раскопанного Г. Д. Беловым Северного берега, так же трудно представить себе руины Херсонеса без высокой, худощавой его фигуры. Г. Д. Белов был живой историей археологического изучения города.

Григорий Дмитриевич долгие годы работал бок о бок с помощниками К. К. Косцюшко-Валюжинича и Р. Х. Лепера, и в то же время сейчас нет ни одного исследователя Херсонеса, который бы не прошел школу Г. Д. Белова. Он обладал феноменальной памятью, мог безошибочно сказать, когда и при каких обстоятельствах, в каком контексте была найдена та или иная вещь, причем не только из своих раскопок, но и из раскопок своих предшественников. Все эти знания Г. Д. Белов с большой радостью передавал молодым сотрудникам.

Г. Д. Белов родился 25 марта 1898 г. (7 апреля по новому стилю) в Череповецком уезде Новгородской губернии в крестьянской семье. После окончания в 1912 г. училища поступил в Новгородскую учительскую семинарию. По окончании семинарии в 1917 г. был учителем в родных местах, работая одновременно секретарем отдела народного образования. В 1920 г. поступил на факультет общественных наук Ленинградского государственного университета. Одновременно с учебой Григорий Дмитриевич работал преподавателем в школе. Университет Г. Д. Белов окончил в 1924 г., а в следующем году стал научным сотрудником Херсонесского музея. В течение долгих лет Г. Д. Белов заведовал античным отделом и был заместителем директора музея по научной работе, а в 1931—1933 гг.— директором музея.

В 20—30-х годах по существу заново создавался музей, налаживалось хранение коллекций, строилась новая экспозиция: во всех этих делах Г. Д. Белов принимал самое активное участие. Хорошая школа и здравый ум помогли ему избежать того увлечения вульгарным материализмом и социологизмом, который были тогда в моде и которыми многие увлекались, в том числе и в Херсонесском музее. Г. Д. Белов в течение всей своей жизни придерживался строгих научных принципов, погоня за модой и сенсациями была ему чужда. Благодаря этим качествам работы, написанные им в 20-е годы, до сих пор не потеряли своего научного значения.

В 1927 г. конференция археологов в Херсонесе записала в своем решении рекомендации о дальнейших раскопках древнего города лишь в прибрежной полосе, которая быстрее всего разрушалась под воздействием природных сил. Раскопки были поручены Г. Д. Белову. Работы на Северном берегу были начаты в 1931 г. и продолжались до самой кончины исследователя, т. е. 48 лет, не считая военного времени. За этот период был выявлен обширный район древнего Херсонеса, несколько десятков кварталов, исследованных самым тщательным образом. И что самое главное, все вещи из раскопок хорошо привязаны к тем участкам, на которых они были обнаружены, и хранятся в хороших условиях — или в античном отделе Гос. Эрмитажа или в Херсонесском музее. Таким образом, Северный берег — единый архитектурно-археологический комплекс от IV в. до н. э. до XII—XIII вв. н. э. Это приходится отмечать потому, что, к сожалению, положение с материалом из предыдущих раскопок не столь благополучно. И в том, что материалы из раскопок Северного берега не постигла такая же плачевная участь, большая заслуга Г. Д. Белова.

Раскопки на Северном берегу позволили Григорию Дмитриевичу сделать по ряду проблем выводы, изменившие сложившиеся представления об истории Херсонеса. Это прежде всего связано с обнаруженным Г. Д. Беловым некрополем V—IV вв. до н. э. Открытие некрополя позволило определить границы застройки Херсонеса в начальный этап его существования, поставить вопрос об этническом составе населения города в V—IV вв. до н. э. Не меньшую роль сыграло открытие эллинистических кварталов. Тщательно проведенные раскопки позволили установить характер занятий их владельцев. Раскопки на Северном берегу обогатили музеи многими ценными находками, и прежде всего знаменитой мозаикой с купальщицами.

Для изучения римской эпохи большое значение имел открытый на Северном берегу большой комплекс рыбозасолочных цистерн и винодельни, что позволило определить основной характер занятий жителей этого района в первые века нашей эры. Для византийского периода — это две базилики. Особенно важна своими великолепными мозаиками и впервые обнаруженными в Херсонесе фресковыми росписями базилика, раскопанная в 1935 г. Это также система позднесредневековых кварталов с великолепным набором вещей, среди которых немало первоклассных произведений искусства, таких, например, как шиферные иконки и поливная керамика. Словом, Северный берег — это целая эпоха в изучении Херсонеса. И даже если когда-нибудь будет раскопан другой такой же большой район Херсонеса, без изучения Северного берега, без привлечения материалов, добытых раскопками Г. Д. Белова, история Херсонеса будет неполной.

Большой заслугой Григория Дмитриевича является и то, что добытые во время раскопок материалы быстро вводились в научный оборот, в основном в форме подробных тщательных отчетов.

Научные интересы Г. Д. Белова были необычайно широки. Нет ни одной эпохи в истории Херсонеса, ни одной крупной проблемы, по которой Г. Д. Белов не

сказал бы своего слова. Здесь и общеисторические проблемы, и вопросы экономической истории города, и исследования памятников искусства и отдельных групп материала — от ранней ионийской керамики до позднесредневековых иконок. Научные труды Г. Д. Белова всегда конкретны, лишены пустых фраз. Вот почему они еще долго не утратят своей научной значимости. Г. Д. Белову принадлежит единственное за последние 70 лет монографическое исследование о Херсонесе (*Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л.: Гос. Эрмитаж, 1948), которое в течение почти 35 лет служит основным пособием и отправной точкой для многих исследователей. Г. Д. Белов является автором более 100 научных работ.

В 1938 г. Григорий Дмитриевич перешел на работу в Государственный Эрмитаж, в отдел античного мира, где заведовал отделением Греции и Рима, был главным хранителем Отдела, а в 1951—1953 гг. главным хранителем всего музея. Г. Д. Белов принимал деятельное участие в спасении ценностей Эрмитажа в годы Великой Отечественной войны, в хранении их в трудных условиях эвакуации, в восстановлении Эрмитажа в послевоенное время. Много сил и энергии он приложил для сохранения исторических ценностей, спасенных Советской Армией в Германии. Во время хранения их в СССР он отвечал за сохранность и реставрацию знаменитого Пергамского алтаря и прославленных памятников греческой пластики. В том, что эти памятники были переданы ГДР в идеальном состоянии, большая заслуга Г. Д. Белова.

В годы работы в Эрмитаже проявилась любовь Г. Д. Белова к искусству мелкой скульптуры. Первая работа его на эту тему вышла в свет еще в 1930 г. В послевоенные годы выходят работы, посвященные Пергамскому алтарю, танагрским терракотам и другим памятникам. Часто в эти годы Г. Д. Белов обращается к более общим темам по искусству, в основном эпохи эллинизма, и к скульптуре.

В течение всей своей жизни Г. Д. Белов оставался скромным тружеником науки, доброжелательным, отзывчивым человеком, добрым учителем и наставником. Главным для него было дело науки, при любых жизненных ситуациях он сохранял спокойствие и уравновешенность, ко всем относился ровно и доброжелательно, не гнушался никакой работы. Нужно добавить, что раскопки Херсонеса производились Г. Д. Беловым на скромные средства. До самой последней минуты он находился на своем рабочем месте.

Лучшим памятником Г. Д. Белову является исследованный им Северный берег в Херсонесе и его труды, а светлая память о нем надолго сохранится в сердцах тех, кому довелось работать с ним и пользоваться его консультациями.

С. А. Беляев

ПАМЯТИ ВАНДЫ ИОСИФОВНЫ МОШИНСКОЙ

17 октября 1980 г. после тяжелой болезни в Москве скончалась Станислава-Ванда Иосифовна Мошинская, видный исследователь Западной Сибири, внесший значительный вклад в первобытную археологию СССР.

Ванда Иосифовна родилась 14 марта 1917 г. в г. Черкассы Киевской обл. в семье служащего. В 1939 г. окончила исторический факультет МГУ по специальности древняя история и была оставлена в аспирантуре МГУ. В 1943 г. успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Азиатский Боспор VI—IV вв. до н. э.». Вся трудовая деятельность Ванды Иосифовны связана с Институтом археологии АН СССР, где она начала работать с января 1944 г. и прошла путь от лаборанта до старшего научного сотрудника. Первоначально она работала в секторе античной археологии, главным образом по вопросам, связанным с синдской проблематикой. В 1946 г. перешла в сектор неолита и бронзы, где развернулась ее деятельность в качестве исследователя бронзового и раннего железного веков практически не изученных областей Заполярья и Обь-Иртышского бассейна. Важную роль в формировании научных интересов Ванды Иосифовны сыграл ее муж В. Н. Чернецов, крупнейший специалист в области археологии и этнографии Западной Сибири. Начиная с 1946 г. и до середины 60-х годов В. И. Мошинская систематически работала в труднейших условиях Сибирского Севера, участвуя более чем в 15 экспедициях ИА АН СССР — Мангазейской, Иртышской, Обь-Иртышской, Западно-Сибирской. Сама она руководила исследованиями ряда археологических памятников Западной Сибири.

В результате многолетних работ в Обь-Иртышье были не только открыты десятки ценных памятников, но и убедительно выделены целые археологические культуры эпохи бронзы и раннего железного века, прежде всего получившая широкое признание сузгунская культура, а также усть-полуйская и потчевашская. Выделение и дальнейшее изучение этих культур позволили впервые создать периодизацию памятников данного района, главным образом эпохи бронзы и раннего железного века. Результаты научных изысканий нашли отражение в печатных работах В. И. Мошинской, которых насчитывается более 40. Большинство из них — фундаментальные исследования, синтезирующие материалы полевых работ и неизменно дающие историческую их интерпретацию.

В 1957 г. была опубликована работа о Сузгуне II — важнейшем памятнике бронзового века лесной полосы Западной Сибири, изучение которого послужило основанием для выделения сузгунской культуры и позволило дать предварительное определение ее хронологических и территориальных рамок. Монография «Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири» (МИА 58) вошла в число общепризнанных и сейчас, спустя 25 лет после опубликования, не потеряла своего значения, особенно в связи с широко развернувшимися в 70-х годах в таежной полосе Западной Сибири археологическими исследованиями.

В ряде крупных статей («Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя», «Керамика Усть-Полуя», «Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Сале-Харде», МИА, 1953, № 35) определены и проанализированы характерные черты усть-полуйской культуры раннего железного века, ее ареал и хронология. Публикация материалов усть-полуйской культуры показала, что последняя характеризует особый период в истории Нижнего Приобья, когда здесь создавались высокохудожественные произведения искусства, не уступающие образцам скифо-сарматского искусства южной степной зоны. Потчевашская культура, введенная В. И. Мошинской в научный оборот в статье «Городище и курганы Потчеваш» (МИА, № 35), сложилась в первой половине I тысячелетия до н. э. и в дальнейшем явилась исходным пунктом для формирования усть-полуйской культуры V—III вв. до н. э.

К усть-полуйской культуре В. И. Мошинская снова возвращается в 60-е годы в связи с вопросом о причинах существования многочисленных черт общности культуры у народов Крайнего Севера, получившей название циркумполярной культуры. В САИ («Археологические памятники севера Западной Сибири». М., 1965) она наряду с публикацией материалов по усть-полуйской культуре устанавливает ее место в ряду других культур Евразии и пытается выявить роль последней в истории культур приполярной зоны. Работая над проблемой циркумполярной культуры, мало разработанной в отечественной археологии, В. И. Мошинская систематизирует и картографирует огромные материалы приполярной зоны, проводит критический разбор основных работ зарубежных ученых, работающих по циркумполярной культуре. С докладом на эту тему она выступила на VII Международном конгрессе антропологов (Москва, 1964 г.— «The Iron Age in the North of Western Siberia and its Relation to the development in circumpolar region»).

В отмеченных выше работах Ванда Иосифовна ставила своей задачей воссоздание исторических и этнических процессов в изучаемом районе. Поэтому к археологическому материалу она подходила не только с точки зрения формально-типологической классификации, поисков аналогий на смежных территориях, но широко использовала этнографические параллели и лингвистические данные, что позволило ей наряду с выделением новых археологических культур, определением их ареала и характерных особенностей, относительной и абсолютной хронологии ставить вопрос об этногенезе племен, устанавливать взаимосвязь с родственными культурами Прибайкалья, Казахстана, Крайнего Севера. Так, в формировании усть-полуйской культуры наряду с местным компонентом она выявила собственно угорский, пришлый с территории Среднего Прииртышья.

Большое значение имеют исследования В. И. Мошинской в области древнего искусства Западной Сибири, которые она подытожила в монографии «Древняя скульптура Урала и Западной Сибири» (М., 1976). Монография представляет собой первое обобщающее исследование по скульптуре обширного района и отличается широким хронологическим охватом – с конца III до первой половины I тысячелетия до н. э. Благодаря этой работе мы впервые получаем представление об очень ярком и своеобразном очаге древнего искусства. Умелое использование материалов по этнографии помогло по-новому интерпретировать смысл и назначение отдельных скульптур.

В последние годы В. И. Мошинская работала над вопросами, связанными с идеологическими представлениями древних народов севера Западной Сибири, в частности с представлениями о роли животных (коня, собаки), отраженных в фольклоре, мифологии и обрядах. Этому вопросу посвящена ее статья «Некоторые данные о роли лошади в культуре населения Крайнего Севера Западной Сибири» (в кн.: История, археология, этнография Сибири. Томск, 1973).

Работы В. И. Мошинской, отличающиеся строгостью анализа, широтой привлекаемого материала, убедительностью аргументации, получили признание не только в советской, но и в зарубежной археологической науке, публиковались в Венгрии, Голландии. В Канаде вышла фундаментальная монография «Prehistory of Western Siberia» (Monreal, 1974; 30 п. л.), написанная В. И. Мошинской совместно с В. И. Чернецовым, представляющая собой обобщающее исследование по древней истории Западной Сибири.

Ванда Иосифовна много внимания уделяла подготовке квалифицированных кадров для Сибирской археологии. Своими консультациями и советами она оказывала большую помощь молодым сибирским археологам, проявляя доброжелательный интерес к их нуждам и делам.

Как ученого и человека В. И. Мошинскую характеризовали целеустремленность, бескомпромиссность, широкий кругозор, отзывчивость. Такой Ванда Иосифовна останется в памяти ее друзей и коллег.

Т. М. Потемкина

ПАМЯТИ ИРАИДЫ БОРИСОВНЫ ЗЕЕСТ

30 января 1981 г. на 79-м году жизни скончалась Ираида Борисовна Зеест, видный археолог, крупный специалист в области экономики и торговли античных городов Боспора, внесшая большой вклад в античную археологию СССР.

И. Б. Зеест родилась 17 мая 1902 г. в Ленинграде. Вместе с матерью, участницей революционного движения в России, с 1908 по 1917 г. жила в эмиграции во Франции и Швейцарии. В 1926 г. И. Б. Зеест окончила Московский государственный университет и получила специальность искусствоведа. С 1931 г. она работала в Государственном музее изобразительных искусств, в 1934—1937 гг. прошла аспирантуру в Институте философии, литературы и истории (ИФЛИ).

В тяжелые годы Великой Отечественной войны, будучи вместе с детьми в эвакуации в Казани, И. Б. Зеест продолжает заниматься научной деятельностью. В 1943 г. после блестящей защиты диссертации на тему «Творчество Алкамена Младшего V в. до н. э.» ей присуждается ученая степень кандидата искусствоведения. После окончания докторантуры ИИМК (1943—1946 гг.) и до выхода на пенсию И. Б. Зеест трудилась в Институте археологии АН СССР.

И. Б. Зеест накопила громадный опыт полевой практики. С 1935 г. она участвовала в раскопках Харакса, Фанагории, Пантикапея, Горгиппии и Семибратнего городища. С 1947 г. руководила раскопками Киммерика, Феодосии и Гермонассы. В 1958—1960 гг. с группой советских археологов участвовала в Албанской экспедиции по раскопкам Аполлонии Иллирийской.

И. Б. Зеест — автор более 40 статей и двух монографий. Ее книга «Керамическая тара Боспора», в которой впервые был введен в научный обиход массовый керамический материал как источник по изучению производства и торговли с греческими городами и племенами Придонья, Прикубанья и Синдики, до сих пор остается настольной книгой археологов. В 1963 г. эта книга была защищена в качестве докторской диссертации.

Ряд проблем, разработанных И. Б. Зеест по данным керамической тары, имеет широкое значение для истории развития экономических связей. Это, например, вопросы о сфере экономического воздействия больших городов Средиземноморья: Милета, Коринфа, Афин, Родоса; об экономическом воздействии Пантикапея на рынки других городов Боспора; о появлении на Боспоре локальных, замкнутых рынков сбыта в первые века нашей эры и пр.

Правительство высоко оценило труд И. Б. Зеест, наградив ее медалью «За трудовую доблесть».

И. Б. Зеест, являясь крупным ученым-антиковедом, и в период своей работы в Институте археологии, и будучи на пенсии, не считаясь со здоровьем, отдавала много сил и все свои богатейшие знания способной и преданной своему делу молодежи.

Память об Ираиде Борисовне Зеест навсегда останется в сердцах ее коллег и учеников

Институт археологии АН СССР,
Сектор античной археологии

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДЖ – Античная декоративная живопись на юге России
АДСВ – Античная древность и средние века. Свердловск
АЕ – Археографический ежегодник
АО – Археологические открытия
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БИПР – Библиотека иностранных писателей о России
ВВ – Византийский временник
ВДИ – Вестник древней истории
Вестн. МГУ – Вестник Московского гос. ун-та
ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины
ВКФ – Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР
ВЯ – Вопросы языкознания
ДАЭ – Дагестанская археологическая экспедиция
ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения
ЗНОРАО – Записки Нумизматического отделения Русского археологического общества
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРГО – Записки Русского географического общества
ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии
ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИАН – Известия Академии наук СССР
ИГГО – Известия Государственного географического общества
ИОЛЕАЭ – Известия Общества любителей естествознания, археологии и этнографии при Московском университете
ИРАИК – Известия Русского археологического института в Константинополе
ИРАО – Известия Русского археологического общества
ИРГО – Известия Русского географического общества
ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии
КА УрГУ – Кабинет археологии Уральского гос. ун-та
КБН – Корпус боспорских надписей/Под. ред. Струве В. В. М.-Л., 1965
КГИАМ – Керченский Государственный историко-археологический музей
КД – Каракумские древности. Ашхабад
КСИА АН СССР – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. Москва
КСИА АН УССР – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАД – Материалы по археологии Дагестана
МАМЮ – Московский архив министерства юстиции
МАР – Материалы по археологии России
МИСО – Материалы по истории Смоленской области
МХЭ – Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
НО – Надписи Ольвии (1917–1965)./Под ред. Книпович Т. Н., Леви Е. И. Л., 1965
НС – Нумизматика и сфрагистика
НСб.– Нумизматический сборник
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
ОАК – Отчет Археологической комиссии
ОН ГИМ – Отдел нумизматики Государственного Исторического музея
ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
Працы, т. II – Працы археалагічнай камісіі, т. II. Менск, 1930
Працы, т. III – Працы секцыі археалогіі, т. III. Менск, 1932
ПСА – Проблемы скифской археологии
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
Сб. ГЭ – Сборник Гос. Эрмитажа
СГЭ – Сообщения Гос. Эрмитажа
ТМАО – Древности. Труды Московского Археологического общества
ТМНО – Труды Московского Нумизматического общества
ТНКРАИМК – Труды Нумизматической комиссии Российской академии истории материальной культуры
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М.-Л.
Тр... АС – Труды... Археологического съезда
Тр. ГИМ – Труды Государственного Исторического музея
Тр. ДВНЦ – Труды Дальневосточного научного центра
Тр. ПАО –Труды Псковского Археологического общества. Псков
Тр. ТКАЭ – Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.-Л.
ТОУАК – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ТХАЭЭ – Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.

ТЮТАКЭ – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
УЗ ТНИИЯЛИ – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
ХГАЗ – Херсонесский государственный археологический заповедник
AA – Archäologischer Anzeiger. Berlin
AAC – Acta archaeologica Carpathica. Kraków
AAH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AÉ – Archaeologiai Értesitõ
AJA — American Journal of Archaeology Institute of America
BaSOR – Bulletin of the American School of Oriental Research
BCH – Bulletin de correspondance hellénique
FD – Fouilles de Delphes. T. III. Epigraphie. Paris
Et. Thas. III (J. Pouilloux) – Pouilloux J. Recherches sur l'histoir et les cultes de Thasos (Etudes Thasienne, III), Paris, 1954
IPE² – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxine (2 ed.). Petropoli, 1916, vol. I. Ed. Latyschev B.
MCA – Materiale şi cercetări de archeologie
RA – Revue archéologique
SOIV – Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti
Syll.³ – Dittenberger W. Sylloge inscriptionum graecarum a Guilelmo Dittenbergero condita et aucta. 3 ed. Lipsiae. 1915-1924, vol. 1–4.

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 16.10.81. Подписано к печати 05.01.82 Т-03202 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 26,6 Усл. кр.-отт. 88,8 тыс. Уч.-изд. л. 31,3 Бум. л. 3,5
Тираж 3315 экз. Зак. 926

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10